

Р.Г. СКРЫННИКОВ

ЛИХОЛЕТЬЕ

МОСКВА В XVI-XVII ВЕКАХ

КРЕМЛЕНА ГРАДЪ.
KREMLENAGRAD,
CASTELLVM VBI MOSKVAE

MAGNO DOMINO CAESARI, ET MAGNO DVCI
ALEXIO MICHAELOVITS.
DEI GRATIA.

OMNIY RVSSORVM AVTOKRATORI, VLADIMERSKII, MOSKOFKII
NOVOGORODSKII: TZAR KAZANSKII, TZAR ASTOROHANSKII, TZAR
SIBERSKII: DOMINO PLESKOFKII: MAGNO DVCI SMOLENSKII, IVERSKII,
OYGORSKII, PERMSKII, VEATSKII, BOLGARSKII: ETIAM DOMINO, ET MAGNO
DVCI NOVOGORODI IN TERRIS IN FERIORIBVS, TZERNIKOFKII,
REZANSKII, POLOTZKII, ROSTOFKII, IAROSLAFKII, BELOZERSKII,
OVDORSKII, OBDORSKII, KONDINSKII ET TOTIVS SEPTENTRIONALIS
REGIONIS MANDATORI; ET DOMINO TERRARVM IVERSKYE,
KARTALINSKICH, ET GROZINSKICH CAESARYM ET
TERRARVM KABARDINSKIES, TZERKASKICH, IGORSKICH
DVCEVM; ET MVLTARVM DITIONVM DOMINO
ET MODERATORI

Castellum cum tribus contiguis Vrbibus Moskuæ, prout
sub florenti Imperio, pater memorie Magni Domini Cæsaris,
et Magni Ducis Borissi Fœderovits, omnium Russorum, &c.
fuit, et dimensum fuit; summam ac debitam observantiam,
offertur, dicitur, consecratur.

МОСКВА
ГРДЯ
МОСКВА
FLUVIUS.

1600

- In hoc Castellum Moskuæ, sicut hic, postquam, cum summo, octavo designante, et sic.
1. Palatium sive Regium
  2. Palatium sive Regium
  3. Palatium sive Regium
  4. Palatium sive Regium
  5. Palatium sive Regium
  6. Palatium sive Regium
  7. Palatium sive Regium
  8. Palatium sive Regium
  9. Palatium sive Regium
  10. Palatium sive Regium
  11. Palatium sive Regium
  12. Palatium sive Regium
  13. Palatium sive Regium
  14. Palatium sive Regium
  15. Palatium sive Regium
  16. Palatium sive Regium
  17. Palatium sive Regium
  18. Palatium sive Regium
  19. Palatium sive Regium
  20. Palatium sive Regium
  21. Palatium sive Regium
  22. Palatium sive Regium
  23. Palatium sive Regium
  24. Palatium sive Regium
  25. Palatium sive Regium
  26. Palatium sive Regium
  27. Palatium sive Regium
  28. Palatium sive Regium
  29. Palatium sive Regium
  30. Palatium sive Regium
  31. Palatium sive Regium
  32. Palatium sive Regium
  33. Palatium sive Regium
  34. Palatium sive Regium
  35. Palatium sive Regium
  36. Palatium sive Regium
  37. Palatium sive Regium
  38. Palatium sive Regium
  39. Palatium sive Regium
  40. Palatium sive Regium
  41. Palatium sive Regium
  42. Palatium sive Regium
  43. Palatium sive Regium
  44. Palatium sive Regium
  45. Palatium sive Regium
  46. Palatium sive Regium
  47. Palatium sive Regium
  48. Palatium sive Regium
  49. Palatium sive Regium
  50. Palatium sive Regium
  51. Palatium sive Regium
  52. Palatium sive Regium
  53. Palatium sive Regium
  54. Palatium sive Regium
  55. Palatium sive Regium
  56. Palatium sive Regium
  57. Palatium sive Regium
  58. Palatium sive Regium
  59. Palatium sive Regium
  60. Palatium sive Regium
  61. Palatium sive Regium
  62. Palatium sive Regium
  63. Palatium sive Regium
  64. Palatium sive Regium
  65. Palatium sive Regium
  66. Palatium sive Regium
  67. Palatium sive Regium
  68. Palatium sive Regium
  69. Palatium sive Regium
  70. Palatium sive Regium
  71. Palatium sive Regium
  72. Palatium sive Regium
  73. Palatium sive Regium
  74. Palatium sive Regium
  75. Palatium sive Regium
  76. Palatium sive Regium
  77. Palatium sive Regium
  78. Palatium sive Regium
  79. Palatium sive Regium
  80. Palatium sive Regium
  81. Palatium sive Regium
  82. Palatium sive Regium
  83. Palatium sive Regium
  84. Palatium sive Regium
  85. Palatium sive Regium
  86. Palatium sive Regium
  87. Palatium sive Regium
  88. Palatium sive Regium
  89. Palatium sive Regium
  90. Palatium sive Regium
  91. Palatium sive Regium
  92. Palatium sive Regium
  93. Palatium sive Regium
  94. Palatium sive Regium
  95. Palatium sive Regium
  96. Palatium sive Regium
  97. Palatium sive Regium
  98. Palatium sive Regium
  99. Palatium sive Regium
  100. Palatium sive Regium

Р.Г. СКРЫННИКОВ

ЛИХОЛЕТЬЕ

МОСКВА В XVI-XVII ВЕКАХ

Послы великого
князя московского
Василия Ивановича
к императору
Максимилиану
в г. Регенсбурге
(18 июля 1576 г.)

Р.Г. СКРЫННИКОВ

ЛИХОЛЕТЬЕ

МОСКВА
В XVI-XVII ВЕКАХ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1988

ББК 63.3(2)45
С45

Рецензенты:

академик

Д. С. ЛИХАЧЕВ,

доктор исторических наук

И. П. ШАСКАЛЬСКИЙ

Скрынников Р. Г.
С45 **Лихолетье: Москва в XVI — XVII веках. — М.: Моск.
рабочий, 1989. — 543 с.: ил.**

Книга Р. Г. Скрынникова «Лихолетье» посвящена драматическим событиям, происходившим в Русском государстве и Москве в период Смуты начала XVII в. В центре повествования одна из трагических фигур русского средневековья — Борис Годунов и другие главнейшие исторические деятели России того периода, включая самозванцев.

Книга построена на основе новых исследований автора, проясняющих многие загадки русской истории.

С $\frac{4702010201-018}{M172(03)-89}$ 174—89

ББК 63.3(2)45

ISBN 5—239—00185—5

© Издательство «Московский рабочий», 1989 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

В начале XVII в. в России произошла первая гражданская война. Современники назвали ее Смутой и лихолетьем. Семена Смуты были посеяны в стране еще при Грозном и Годунове. Погубив старшего сына и внука, Иван IV обрек династию на исчезновение, тем самым подготовив почву для самозванцев. Опричнина сыграла еще более важную роль, расколов феодальное сословие и породив в нем глубокие распри. Правление Бориса Годунова внешне мало походило на тираническое и сумбурное царствование Грозного. Но при нем окончательно сформировалось крепостное право, в стране углубился социальный кризис.

Среди героев Смуты Борис Годунов, Григорий Отрепьев и Лжедмитрий II были самыми примечательными фигурами.

Сирота из заурядной дворянской семьи, правитель государства при царе Федоре Ивановиче, наконец, властитель Российской державы — таким был необычный жизненный путь Бориса Годунова. В средневековой истории России не было другого исторического деятеля, судьба которого была бы столь блистательной и столь трагической, как судьба Годунова.

Жизни Бориса сопутствовало много драматических событий. В годы его правления в Угличе погиб царевич Дмитрий, последний отпрыск 300-летней московской династии. Через десять лет в Польше появился самозванец, принявший имя Дмитрия, младшего сына царя Ивана IV Грозного. Вся жизнь Лжедмитрия I — еще одного героя этой книги — явилась сплошной цепью загадок.

Таинственный двойник царевича Дмитрия стал для Годунова и его семьи источником непоправимых бед. Неокрепшая династия была согнана с трона самозванцем.

Писатель и историк Н. М. Карамзин утверждал некогда, что Годунов мог бы заслужить славу одного из лучших правителей мира, если бы он родился на троне. В глазах Н. М. Карамзина

лишь законные самодержцы были носителями государственного порядка. Борис узурпировал власть, убив последнего члена царской династии, и потому само провидение обрекло его на гибель.

Суждения старого историографа о Годунове не отличались глубиной. Современник Н. М. Карамзина поэт А. С. Пушкин понимал историческое прошлое несравненно лучше. Истоки трагедии Годунова он усматривал во взаимоотношениях народа и власти. Борис погиб потому, что от него отвернулся собственный народ.

Уже первый русский историк В. Н. Татищев называл Бориса Годунова творцом крепостного режима в России. Иного взгляда придерживался другой крупнейший исследователь — В. О. Ключевский. «Мнение об установлении крепостной неволи крестьян Борисом Годуновым, — писал он, — принадлежит к числу наших исторических сказок». Обвинения Годунова во многих кровавых преступлениях Ключевский отменил как клевету. Яркими красками нарисовал он портрет человека, наделенного умом и талантом, но всегда подозреваемого в двуличии, коварстве и бессердечии. Загадочная смесь добра и зла — таким виделся ему Борис.

Крупнейший знаток Смуты С. Ф. Платонов посвятил Годунову книгу, не утратившую значения до наших дней. Он также не считал Бориса инициатором закрепощения крестьян. В своей политике, утверждал Платонов, Годунов выступал как поборник общегосударственной пользы, связавший свою судьбу с интересами среднего класса. Многочисленные обвинения против Бориса никем не доказаны. Но они запятнали правителя в глазах потомков. Прямой долг историков, писал Платонов, морально реабилитировать его.

Кем же в действительности был Борис Годунов? Какое значение для истории России имела его деятельность? Ответить на все эти вопросы достаточно трудно.

Войны и пожары беспощадно уничтожили почти все русские феодальные архивы. Исследователь должен довольствоваться немногими уцелевшими крохами.

Написать сколько-нибудь полную биографию Годунова очень трудно. Еще труднее составить жизнеописание самозванцев. Можно установить, кто скрывался под маской Лжедмитрия I. Что касается двух других самозванцев — тушинского царька Лжедмитрия II и «псковского вора» Лжедмитрия III, то никто не знал даже их подлинных имен.

Смутное время явилось одним из самых трагических периодов истории средневековой России.

Движения в пользу самозванцев носили социальный характер с самого начала. После гибели Лжедмитрия I произошел подлинный социальный взрыв. Восстание атамана Болотникова составило особую главу в истории Смуты.

Многолетняя гражданская война подорвала силы Русского государства и сделала его легкой добычей для врагов. Россия пережила национальную катастрофу. В течение двух лет ее столицу Москву занимали иноземные солдаты. Пали главные пограничные крепости страны — Смоленск и Великий Новгород. Многие считали, что Россия сломлена и никогда не поднимется с колен. Но нашествие врагов вызвало массовое народное движение. Каждое сословие выдвинуло из своей среды героев борьбы против иноземных завоевателей: вольное казачество — атамана Ивана Заруцкого, дворянство — князя Михаила Скопина-Шуйского и боярина Михаила Шеина, Прокопия Ляпунова и князя Дмитрия Пожарского, духовенство — патриарха Гермогена, горожане — Кузьму Минина.

Народная война против иноземных завоевателей завершилась победой. На Земском соборе 1613 г. царем был избран Михаил Романов, положивший начало новой династии.

Эта книга повествует о царях, самозванцах и прочих героях времен первой гражданской войны в России. Для любой биографии неощенимое значение имеют записки и письма. Из дневников историк черпает сведения о побудительных мотивах тех или иных деяний. Личная переписка служит еще одним мостиком, ведущим в сокровенный мир человека. Воспоминания дополняют дневники и письма. Без этих источников исследователь не сможет раскрыть потаенных помыслов и чувств людей.

К сожалению, исторические деятели периода Смуты не оставили после себя ни дневников, ни воспоминаний, а немногие уцелевшие письма некоторых из них носят сугубо официальный или деловой характер. Поздние летописи, сказания и повести, составленные по общему правилу с большим запозданием, противоречивы и требуют критической проверки.

Время и герой — такова извечная проблема жанра исторической биографии. Там, где у историка мало фактов о личности героя, он обращается к изучению эпохи. Эпоха сформировала личность Бориса Годунова и трех самозванцев. В свою очередь, и эти люди оказали воздействие на свое время. Обратимся же к фактам и исследуем их терпеливо со всей возможной тщательностью.

Много крупных перемен принес европейским народам XVI век. На континенте еще господствовал феодализм, но в передовых странах Западной Европы уже подспудно складывались буржуазные отношения. Великие географические открытия положили начало мировой торговле и созданию колониальной системы, обогатившей буржуазию. Наступила эпоха ранних буржуазных революций. Первая такая революция победила в Нидерландах, освободившихся от испанского владычества. Реформация, направленная против феодальной реакции, совершила переворот в области идей.

Лицо Европы преобразилось. Франция и Англия превратились в централизованные абсолютистские монархии, тогда как Италия и Германия не смогли преодолеть феодальную раздробленность. На востоке Европы сложилась обширная держава — единое Российское государство.

Страны Восточной Европы добились экономических успехов в XVI в. Ремесла и торговля в этих странах процветали, выросла сеть городских центров. Но, несмотря на достигнутый прогресс, феодальные отношения тут законсервировались. К востоку от Эльбы немецкое дворянство закрепостило крестьян, разгромив крестьянскую войну. Вскоре же волны крепостничества захлестнули сначала Польшу-Литовское государство (Речь Посполитую), а затем Россию.

Россия отставала в своем развитии в силу неблагоприятных исторических условий. Вследствие губительного монголо-татарского нашествия страна на два с половиной века утратила национальную независимость и подпала под власть иноземных завоевателей. Лишь в конце XV в. Москва, добившись объединения великорусских земель, покончила с татарским игом. В XVI в. Русское государство, окончательно преодолевшее феодальную раздробленность, стало одним из самых крупных по территории государств Европы. На западе его границы проходили по линии Псков — Смоленск, на юге шли от Орла и Воронежа на Рязань, на востоке подходили к Уральским горам. При Иване Грозном русские войска сокрушили осколки монгольской империи (Золотой Орды) — Казанское и Астраханское ханства и вышли на Нижнюю Волгу.

При своей обширной территории Россия имела сравнительно малочисленное население, не превышавшее 6—8 миллионов человек. (Население Франции в то же самое время, по оценке историка Р. Мунье, составляло 18—19 миллионов человек.) Из русских городов лишь Москва и Новгород насчитывали по несколько десятков тысяч человек. Подавляющая часть русских людей

жила в крохотных (по одному-два двора) деревнях, разбросанных по бескрайней Восточно-Европейской равнине. Крестьяне и феодальные землевладельцы были главными сословиями тогдашнего общества.

В XVI в. на Руси стали утверждаться новые порядки, пришедшие на смену порядкам феодальной раздробленности. Главным явлением политической жизни явилось зарождение самодержавной формы правления, в сфере социальной жизни — формирование крепостного права. Утверждение в России самодержавно-крепостнического строя определило судьбы страны, по крайней мере, на два века.

Борис Годунов был одним из тех исторических лиц, деятельность которых способствовала утверждению новых порядков.

Глава 1

ИСТОКИ

а свою долгую жизнь Борис Годунов нажил много врагов. Самым изворотливым и опасным из них был «принц крови» боярин Василий Шуйский.

Шуйский стал одним из главных героев трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». Свое отношение к незнатному царю Борису родовитый Василий выразил убийственной фразой: «...вчерашний раб, татарин, зять Малюты...» В действительности эта фраза никогда не была произнесена. Но поэтический вымысел в этом случае воскресил дух эпохи точнее, чем любой ученый труд.

Предание о татарском происхождении Бориса получило отражение в русской живописи, художественной и исторической литературе. Можно ли доверять этому преданию? Не является ли оно обычной родословной легендой? О татарском происхождении Годуновых сообщает весьма поздний источник — «Сказание о Чете», известное по родословным записям начала XVII в. Согласно этому источнику, татарский царевич Чет-мурза из Золотой Орды стал родоначальником трех знатных фамилий: Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых. Чет якобы приехал из Орды на службу в Москву при великом князе Иване Калите. Достоверность этого «Сказания», как выяснил академик С. Б. Веселовский, невелика. Родословную сказку о царском происхождении Годуновых сочинили, скорее всего, монахи костромского Ипатьевского монастыря, служившего родовой усыпальницей Годуновых. Направляясь из Орды в Москву, татарский царевич якобы успел, остановившись в Костроме, основать там православный Ипатьевский монастырь. После воцарения Бориса «Сказание» приобрело особую актуальность. Оно исторически обосновывало царское происхождение династии Годуновых, а заодно подтверждало извечную связь новой династии с Ипатьевским монастырем в Костроме. «Сказание о Чете» полно несообразностей и не заслуживает ни малейшего доверия.

В официальном московском «Государевом родословце», составленном в середине XVI в., родоначальником Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых назван крупный костромской вотчинник Дмитрий Александрович Зерно, отец которого Александр был убит в Костроме в начале XIV в.

Предки Годунова, таким образом, не были татарами. Природные костромичи, они преуспели на службе у великого князя Дмитрия Донского и его сына Василия I. Двое потомков Дмитрия Зерна были душеприказчиками Василия I, а М. Ф. Сабуров стал боярином и дворецким у Василия II.

Дальнейшая судьба боярского рода Зерновых была тесно связана с общими переменами, происшедшими в стране после образования единого государства в конце XV в.

Великий князь Иван III вел длительную борьбу за подчинение Новгородской земли. Чтобы покончить с боярской республикой, существовавшей в Новгороде, он выселил оттуда всех местных бояр, а все их богатейшие вотчины забрал в казну. В конце концов экспроприированные боярские земли были переданы московским служилым людям в условное держание. Помещик владел землей, пока нес службу в пользу московского великого князя.

В течение XVI в. поместная система охватила обширные территории, включая Тверь, Рязань, Вязьму и пр. Постепенно поместье стало господствующей формой землевладения, основательно потеснив старое вотчинное боярское землевладение. Ядро поместного фонда составили земли, отобранные в казну на окраинных территориях государства, присоединенных после ожесточенной борьбы. Наиболее широкие конфискации боярских и прочих земель были проведены в пределах Новгорода и других соперничавших с Москвой земель. Князья и бояре, издавна служившие московским князьям и владевшие землями в Подмосковье, Владимире, Костроме, а также Суздале, Ярославле, Стародубе, сохранили свои вотчинные владения или их значительную часть. В связи с этим фонд вотчинных земель в центре значительно превосходил фонд боярщин, сохранившихся на недавно присоединенных окраинах.

В то время как на окраинах старинное боярство пострадало от политики объединения земель вокруг Москвы, процесс дробления феодального землевладения нанес не меньший ущерб благополучию московских бояр. Феодальное сословие столкнулось с кризисом, преодолеть который ему помогло изменение системы феодального землевладения.

Измельчавшие землевладельцы, которым грозила деградация, получили обширные фонды поместных земель. Произошло пере-

распределение землевладения внутри господствующего класса. Вместе с тем началась энергичная перестройка структуры феодального сословия. Старое боярство периода раздробленности уступило место служилому дворянскому сословию. Верхи феодального сословия, консолидировавшие в своих руках крупные земельные богатства, сохранили старое наименование боярства вместе с правом представительства в Боярской думе. Они составляли вершину пирамиды, массивное основание которой составляли дети боярские (так называли измельчавших вотчинников) и собственно дворяне, т. е. вольные и невольные слуги великого князя, служившие на великокняжеском дворе. Фонды конфискованных у бояр земель были столь значительны, что Иван III стал наделять поместьями не только детей боярских и слуг со своего двора, но и боярских боевых холопов из состава распущенных боярских свит. Так сформировалось благородное российское дворянство. Знать имела и вотчины и поместья, тогда как для многих дворян поместья стали единственным источником всех доходов.

Судьба боярского рода Зерновых была вполне обычна. За два века потомство Дмитрия Зернова разрослось и стало насчитывать несколько десятков человек. Большинство из них превратилось в мелких землевладельцев — детей боярских и покинуло пределы Костромы. Лишь немногие из Сабуровых, принадлежавших к старшей ветви рода, сохранили и приумножили вотчины благодаря успешной службе. В конце концов они даже породнились с московской династией. Девушка Соломонида Сабурова, став женой Василия III, двадцать лет распорядилась на женской половине кремлевского дворца. Когда у второй жены Василия III юной литовской княжны Елены Глинской родился сын Иван (будущий Иван Грозный), его мачеха Соломонида была еще жива и находилась в заточении в суздальском Покровском монастыре. Ее отправили в монастырь за «бесплодие».

Сабуровы вторично породнились с династией, когда дочь боярина Б. Ю. Сабурова Евдокия ненадолго стала женой наследника престола царевича Ивана Ивановича. Как и Соломонида, Евдокия кончила жизнь в суздальском монастыре, куда ее насильственно заточил Иван Грозный. Тем не менее Сабуровы заседали в Боярской думе — высшем органе Российского государства на протяжении всего XVI в.

В то время как старшая ветвь рода (Сабуровы) процветала, их младшая родня (Годуновы) захирела и пришла в упадок. Иван Годун, младший брат Федора Сабура, имел двух сыновей и десять внуков, а кроме того, многих дочерей и внучек, которых невозможно было выдать замуж без приданого. Потомки раста-

шили на части костромскую вотчину, доставшуюся на долю Ивана Годуна. Покинув Кострому, они получили поместья в Новгороде, Вязьме и других уездах, где и числились помещиками. Никто из Годуновых не был членом Боярской думы, и лишь немногие получили командные воеводские чины.

Дед Бориса Годунова имел четырех сыновей — Ивана Черного, Федора Кривого, Дмитрия и Василия. Старший брат, Иван Черный (красный, т. е. рыжий или же красивый), успешно начал службу, получив должность младшего воеводы в Смоленске в середине XVI в. Но Иван рано умер, а его младшие братья так и не получили от царя Ивана воеводских (командных) назначений в первые полтора десятилетия своей службы.

В семье Федора Ивановича Кривого было трое детей — Василий, будущий царь Борис и будущая царица Ирина. Точное время рождения Бориса неизвестно. Скорее всего, он родился на рубеже 40—50-х гг. XVI в. Благодаря прозвищу Кривой мы знаем о физическом недостатке Федора Годунова. Судить о личных качествах этого человека не представляется возможным. Служебная карьера Федору явно не удалась. Незадолго до появления на свет Бориса московские власти составили списки «Тысячи лучших слуг», включавшие весь цвет тогдашнего дворянства. Ни Федор, ни его брат Дмитрий Иванович Годунов не попали в число «лучших дворян».

Федор Кривой рано умер. Трое его детей превратились (по понятиям того времени) в сирот. Сиротство отняло у них надежду на быструю карьеру. Федор и Дмитрий Годуновы сообща владели небольшой вотчиной в Костроме. В жизни Бориса это обстоятельство сыграло особую роль. После смерти отца его взял в свою семью дядя. Не только родственные чувства и ранняя кончина собственных детей побудили Дмитрия Ивановича принять участие в судьбе племянника. Важно было не допустить раздела последнего родового имени.

Детство Бориса пришлось на время, когда Россия вступила в период реформ. Высшая знать ревниво оберегала старые порядки, обеспечивавшие ее политическое господство в период феодальной раздробленности. Зато быстро набиравшее силу дворянство домогалось власти и перемен. В 1549 г. царь Иван IV созвал в столице собор — Боярскую думу, высшее духовенство, избранных воевод и детей боярских — и произнес речь, обличая несправедливое правление бояр и вельмож. Собор положил начало периоду реформ. Настроения дворян взялся выразить сын боярский Иван Пересветов.

Пересветов боялся бросить открытый вызов боярам и в своих сочинениях прибегнул к аллегориям, изобразив идеальное царст-

во султана Махмута турецкого. Османская империя находилась в зените могущества и славы. Она сокрушила тысячелетнее Византийское царство и распространила свои владения на три континента. Пересветову турецкие порядки XVI в. казались столь же совершенными, как просвещенному русскому дворянину XVIII в. — порядки Франции. Пора ввести в стране правду, писал Пересветов в челобитной царю, а для того надо обрушить грозу на голову нерадивых правителей — «ленивых богатин». Царь силен своими воинниками. Ими он должен веселить сердце, их приближать за верную службу. Тогда православное царство укрепится и расширится. Тогда ему не будет грозить участь Византии, погубленной ее вельможами.

Объединение земель поначалу не изменило системы управления, сложившейся в период раздробленности. Однако управлять обширным государством с помощью старых методов оказалось невозможным. Поэтому в ходе реформ середины XVI в. в России была создана новая система управления в виде приказов, просуществовавшая до начала XVIII в. Аристократическая Боярская дума не утратила своего значения как высший орган монархии, но в ее составе появились думные дворяне и дьяки. Разветвленной канцелярией думы стали приказы. Вместе с приказами народилась дворянская бюрократия. Приказы и бюрократия обеспечили необходимый для единого государства уровень политической централизации.

Власти полностью реформировали военную службу. Все феодальные землевладельцы, включая помещиков и вотчинников, обязаны были нести службу в царской армии. Каждый дворянин являлся в поход лично в полном вооружении и приводил с собой боевых конных холопов в зависимости от размеров земельных владений. Уклонявшимся от службы грозила конфискация земель. Так класс феодалов окончательно превратился в служилое сословие.

Массовая конфискация боярщин в Новгороде и в других землях неслыханно усилила центральную власть. Конное дворянское поместье ополчение стало надежной военной опорой монархии. Образование стрелецкого войска, вооруженного огнестрельным оружием, стало еще одним средством к усилению царской власти. Православная церковь выступила с обоснованием тезиса о божественном происхождении власти русских самодержцев.

Реформы середины XVI в. отвечали интересам дворянства и потребностям развития государства. Они способствовали централизации системы управления и привели ее в соответствие с новыми историческими условиями, сложившимися после ликви-

дации раздробленности. В то же время реформы на всех этапах несли на себе печать половинчатости и компромисса. Устами своих идеологов дворяне требовали полной отмены местничества, но эта мера была осуществлена лишь сто лет спустя. Проекты радикального перераспределения земельных богатств в пользу дворянства также в значительной мере остались на бумаге.

Реформы непосредственно не затронули семью Годуновых. Годуновы выдвинулись в более позднее время. Но время исканий и перемен не прошло бесследно для людей того поколения, к которому принадлежал Борис Годунов. То были годы, когда сформировалась его личность.

Борис воспитывался в сельской дворянской усадьбе. Как и других дворянских детей-недорослей (так называли юношей до пятнадцати лет), его обучили начаткам грамоты, но Священное писание так и осталось для него книгой за семью печатями.

Борис Годунов был младшим современником Ивана Грозного. В их жизни было немало общего. Оба пережили сиротское детство. Придет время, и их судьбы окажутся повязаны в единый клубок. Первому русскому царю суждено было сыграть особую роль в жизни Годунова.

Для Ивана Грозного годы реформ были годами учения. Достигнув совершеннолетия, царь на первых порах оказался неподготовленным к роли правителя обширного государства и должен был на много лет подчиниться воле избранных им наставников. В юные годы Иван не получил систематического образования, зато в зрелом возрасте он поражал знавших его людей своими обширными познаниями. Более того, Грозный после тридцати четырех лет занялся литературным трудом и стал едва ли не самым плодовитым писателем своего времени. Писания Ивана свидетельствовали о его уме и начитанности. Однако ни одно царское сочинение не сохранилось в оригинале. Более того, никому еще не удалось обнаружить хотя бы одну строку, написанную его рукой, хотя бы один документ, скрепленный его подписью. Невольно возникает подозрение, был ли грамотен Иван. При решении этого вопроса надо учесть такой момент, как традиции Московского государства. Эти традиции, выросшие из безграмотности первых московских князей, безусловно, воспрепятствовали государю подписывать какие бы то ни было документы, включая собственное духовное завещание. Обычай этот свято чтили и в XVI в. Но с некоторых пор внешние влияния пробили брешь в спасительных устоях старины. Бабка Грозного — византийская царица Софья — воспитывалась в Италии, славив-

шейся своими успехами на ниве просвещения и искусств. Она явилась в Москву в сопровождении итальянских медиков, архитекторов и мастеров. Софья не могла не заботиться об образовании сына. При случае Василий III посылал жене Елене собственноручные записочки, так что сомнений в его грамотности не возникает. Но Василий III из уважения к обычаям предков не утруждал себя письмом. Даже Борис Годунов, скреплявший грамоты своей рукой смолоду, перестал подписывать бумаги, взойдя на трон. Лишь Ажедмитрий не скупился на автографы, но он жестоко поплатился за пренебрежение к московской старине.

Отсутствие автографов Грозного ни в коей мере не может служить свидетельством его неграмотности. Нельзя признать основательными попытки американского историка Э. Кинана объявить подлогом все сочинения Ивана IV. Современники не ставили под сомнение ученость и литературные таланты первого царя. Они называли его ритором «словесной мудрости» и утверждали, что он «в науке книжного поучения доволен и много-речив зело». Бывший друг царя, а потом злейший его враг князь Курбский, сражаясь с ним при посредстве библейских цитат, иногда обозначал лишь первые стихи Священного писания, полагаясь на знания своего корреспондента. «Последующие стихи священного писания искуснаго». Иван неплохо знал исторические сочинения. На них он не раз ссылался в речах к иностранным дипломатам и думе. Венецианского посла поразило близкое знакомство Грозного с римской историей. Допущенные в царское книгохранилище ливонские богословы увидели там редчайшие сочинения греков античной поры и византийских авторов.

С конца 40-х гг. Ивана захватили смелые проекты реформ, взлелеянные передовой общественной мыслью. Но он по-своему понимал их цели и предназначение. Грозный рано усвоил идею божественного происхождения царской власти. В проповедях пастырей и библейских текстах он искал величественные образы древних людей, в которых, «как в зеркале, старался разглядеть самого себя, свою собственную царственную фигуру, уловить в них отражение своего блеска и величия» (В. О. Ключевский). Сложившиеся в его голове идеальные представления о происхождении и неограниченном характере царской власти, однако, плохо увязывались с действительным порядком вещей, обеспечивавшим политическое господство могущественной боярской аристократии. Необходимость делить власть со знатью воспринималась Иваном IV как досадная несправедливость.

В проектах реформ царю импонировало прежде всего то,

что их авторы обещали искоренить последствия боярского правления. Не случайно резкая критика злоупотреблений бояр стала исходным пунктом всей программы преобразований. Грозный охотно выслушивал предложения об искоренении боярского «самовольства». Такие предложения поступали к нему со всех сторон. Чтобы ввести «правду» в государстве, поучал царя Пересветов, надо предавать «лютной смерти» тех еретиков, которые приблизились к трону «вельможеством», а не воинской выслугой или мудростью.

Советы править «с грозой» пали на подготовленную почву, но царь не мог следовать им, оставаясь на позициях традиционного политического порядка. В этом и заключалась конечная причина его охлаждения к преобразовательным затеям.

Дворянские публицисты и практичные дельцы все без исключения рисовали перед Грозным заманчивую перспективу укрепления единодержавия и могущества царской власти, искоренения остатков боярского правления. Но их обещания оказались невыполненными. На исходе десятилетия реформ Иван пришел к выводу, что царская власть из-за ограничений со стороны советников и бояр вовсе утратила самодержавный характер. Сильвестр и Адашев, жаловался Грозный, «сами государилися, как хотели, а с меня есте государство сняли: словом яз был государь, а делом ничего не владел».

В своих политических оценках Иван следовал несложным правилам. Только те начинания считались хорошими, которые укрепляли единодержавную власть. Конечные результаты политики Избранной рады не соответствовали этим критериям. Поп Сильвестр с Алексеем Адашевым, утверждал самодержец, мало-помалу «всех бояр начаша в самовольство приводит, нашу же красоту власти с вас (бояр) снимающие, и в супротисловие вас (бояр) приводяще и честию мало вас не с нами ровняюще, молодых же детей боярских с вами честию подобяще, и тако помалу сотвердися сия злоба...». Поддавшись чувству раздражения, Иван допускал очевидную несправедливость, осуждая своих советников за боярское «самовольство». Он забыл о том, что не временщики создали боярскую аристократию. Еще более поразительным представляется негодование царя по поводу политики возвышения «молодого» дворянства, которая, как оказалось, вредит «красоте» самодержавия не менее, чем боярское своеволие. В нескольких словах царь отрекся от продворянских реформ, над осуществлением которых он трудился вместе с Адашевым в течение многих лет.

Изменения в структуре феодального класса, формирование дворянства, перестройка системы управления — все это способ-

ствовало зарождению российского самодержавия. Иван IV был первым московским государем, домогавшимся неограниченной власти.

Реформы не оправдали надежд царя, и он порвал с вождями правительства Избранной рады (так на польский лад называли правительство реформ некоторые из современников). Главный инициатор реформ Алексей Адашев, пользовавшийся личной дружбой Грозного, кончил жизнь в тюрьме. Придворный проповедник Сильвестр, который был учителем жизни молодого Ивана IV, попал в один из глухих северных монастырей. «Великие» бояре, помогавшие реформаторам, оказались отстранены от власти.

Знать легко простила бы Грозному отставку его худородных советников Адашева и Сильвестра, но она не желала мириться с покушением на прерогативы Боярской думы. Попытки Ивана править единодержавно, без совета с великими боярами, с помощью нескольких своих родственников, вызвали повсеместное негодование.

Попытка отстранить от дел вождей аристократической думы углубила конфликт. Все участники конфликта прекрасно понимали, что могущество княжеско-боярской знати зиждется на их земельных богатствах. Ввиду этого Иван, вступив в борьбу с боярами, во всеуслышание заявил о том, что намерен ограничить княжеское землевладение по примеру деда и отца. В пылу полемики царь утверждал, что Избранная рада нарушила старые земельные законы и что Сильвестр не только не отбирал у бояр «великие вотчины», но, напротив, «те вотчины ветру подобно роздал неподобно, и то деда нашего уложение разрушил, и тех многих людей к себе примирил».

По указанию царя руководители приказов приступили к разработке уложения о княжеских вотчинах, получившего силу закона после утверждения в думе 15 января 1562 г. Новое уложение категорически воспрещало княжатам продавать и менять старинные родовые земли. Выморочные княжеские владения, которые доставались прежде монастырям, теперь объявлены были исключительной собственностью казны. Приговор четко очертил круг семей, на которые распространялось действие нового земельного закона. В этот круг входили некоторые удельные фамилии (например, Воротынские) и вся суздальская знать (князя суздальские и Шуйские, ярославские, ростовские и стародубские).

Княжеская аристократия отнеслась к новым земельным законам резко враждебно. Идеолог княжеской аристократии Курбский обвинил Грозного в истреблении суздальской знати и раз-

граблении ее богатств и недвижимых имуществ. Его гневные жалобы с очевидностью показали, сколь глубоко меры против княжеско-вотчинного землевладения задели интересы феодальной знати.

Вскоре после утверждения приговора о княжеских вотчинах царь велел арестовать главу Боярской думы удельного князя И. Д. Бельского, изобличенного в подготовке к бегству в Литву. За аналогичную вину был насильственно пострижен князь Курлятев, один из самых влиятельных покровителей Адашева. Из двух братьев бояр Шереметевых один был казнен, а другой брошен в тюрьму. Личный друг государя боярин князь Андрей Курбский бежал в Литву и оттуда прислал Ивану письмо, требуя прекращения кровопролития. Письмо Курбского побудило Грозного взяться за перо, чтобы вразумить непокорных подданных. Послание царя по объему составило (по тогдашним масштабам) целую книгу. По содержанию своему это был подлинный манифест самодержавия, в котором наряду со здоровыми идеями содержалось много ходульной риторики и хвастовства, а претензии выдавались за действительность. Главным вопросом, занимавшим царя, был вопрос о взаимоотношении монарха и знати. Царь жаждал полновластия. Безбожные «языцы», утверждал он, «те все царствами своими не владеют: како им повелят работные их, и тако и владеют. А Российское самодержьство изначяла сами владеют своим и государьство, а не боляре и не вельможи». Сам бог поручил московским государям «в работу» прародителей Курбского и прочих бояр. Даже высшая знать у царя не «братия» (так называл себя и прочих князей Курбский), но холопы. «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны».

Образ могучего повелителя, нарисованный в царском послании, не раз вводил в заблуждение историков. Но факты ставят под сомнение достоверность этого образа. Грозный жаждал всевластия, но отнюдь не располагал им.

Раздор царя со знатью разрастался со дня на день и в конце концов вылился в кровавую опричнину.

Глава 2

НАЧАЛО КАРЬЕРЫ

Известный русский историк В. О. Ключевский полагал, что Годуновы не запятнали себя службой в опрочине. Но он ошибался. Именно опрочная служба открыла перед заурядными вяземскими помещиками Годуновыми блестящие перспективы и позволила сделать быструю карьеру.

Введению опрочины предшествовали драматические события. С наступлением зимы 1564 г. царь Иван стал готовиться к отъезду из Москвы. Он посещал столичные церкви и монастыри и усердно молился в них. К величайшему неудовольствию церковных властей, он велел забрать и свезти в Кремль самые почитаемые иконы и прочую «святость». В воскресенье, 3 декабря, Грозный присутствовал на богослужении в кремлевском Успенском соборе. После окончания службы он трогательно простился с митрополитом, членами Боярской думы, дьяками, дворянами и столичными гостями. На площади перед Кремлем уже стояли вереницы нагруженных повозок под охраной нескольких сот вооруженных дворян. Царская семья покинула столицу, увозя с собой всю московскую «святость» и всю государственную казну. Церковные сокровища и казна стали своего рода залогом в руках Грозного.

Царский выезд был необычен. Ближние люди, сопровождавшие Грозного, получили приказ забрать с собой семьи. Оставшиеся в Москве бояре и духовенство находились в полном неведении о замыслах царя и «в недоумении и во унынии быша, такому государьскому великому необычному подъему, и путного его шествия не ведамо куды бяша».

Царский «поезд» скитался в окрестностях Москвы в течение нескольких недель, пока не достиг укрепленной Александровской слободы. Отсюда в начале января царь известил митрополита и думу о том, что «от великие жалости сердца» он оставил

свое государство и решил поселиться там, где «его, государя, бог наставит». Как можно предположить, в дни «скитаний» царь составил черновик нового завещания, в котором весьма откровенно объяснял причины отъезда из Москвы. А что по множеству беззаконий моих божий гнев на меня распростерся, писал Иван, «изгнан есмь от бояр, самовольства их ради, от своего достоинства и скитаюся по странам, а може бог когда не оставит». Царское завещание заключало в себе пространное «исповедание», полное горьких признаний. Иван каялся во всевозможных грехах и заканчивал свое покаяние поразительными словами: «Аще и жив, но богу скарედными своими делы паче мертвеца смраднейшии и гнуснейший... сего ради всеми ненавидим есмь...» Царь говорил о себе то, чего не смели произвести вслух его подданные.

В письме к Боярской думе Иван IV четко объяснил причины своего отречения. Он покинул трон из-за раздора со знатью, боярами. В то время как члены думы и епископы сошлись на митрополичьем дворе и выслушали известие о царской на них опале, дьяки собрали на площади большую толпу и объявили ей об отречении Грозного. В прокламации к горожанам царь просил, чтобы «они себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет». Объявляя об опале власти имущим, царь как бы апеллировал к народу в своем споре с боярами. Он не стесняясь говорил о притеснениях и обидах, причиненных народу изменниками-боярами.

Среди членов Боярской думы были противники Грозного, пользовавшиеся большим влиянием. Но из-за общего негодования на «изменников» никто из них не осмелился поднять голос. Толпа на дворцовой площади прибывала час от часу, а ее поведение становилось все более угрожающим. Допущенные в митрополичьи покои представители купцов и горожан заявили, что останутся верны старой присяге, будут просить у царя защиты «от рук сильных» и готовы сами «потребить» всех государевых изменников.

Под давлением обстоятельств Боярская дума не только не приняла отречение Грозного, но вынуждена была обратиться к нему с верноподданническим ходатайством. Представители митрополита и бояре, не теряя времени, выехали в слободу. Царь допустил к себе духовных лиц и в переговорах с ними заявил, что его решение окончательно. Но потом он «уступил» слезным молениям близкого приятеля чудовского архимандрита Левкия и новгородского архиепископа Пимена. Затем в слободу допущены были руководители думы. Слобода производила впечатление военного лагеря. Бояр привели во дворец под сильной

охраной как явных врагов. Вожди думы просили царя сложить с них гнев и править государством, как ему «годно».

В ответ Иван IV под предлогом якобы раскрытого им заговора потребовал от бояр предоставления ему неограниченной власти, на что они ответили согласием. На подготовку указа об опричнине ушло более месяца. В середине февраля царь вернулся в Москву и объявил думе и Священному собору текст приговора.

В речи к собору Иван сказал, что для «охранения» своей жизни намерен «учинить» на своем государстве «опришнину» с двором, армией и территорией. Далее он заявил о передаче Московского государства (земщины) в управление Боярской думы и присвоении себе неограниченных полномочий — права без совета с думой «опаляться» на «непослушных» бояр, казнить их и отбирать в казну «животы» и «статки» опальных. При этом царь особенно настаивал на необходимости покончить со злоупотреблениями властей и прочими несправедливостями. В этом «тезисе» заключался, как это ни парадоксально, один из главнейших аргументов в пользу опричнины.

Члены думы связали себя обещаниями в дни династического кризиса. Теперь им оставалось лишь верноподданнически поблагодарить царя за заботу о государстве.

Распри с боярами завершились тем, что Иван IV основал «государство в государстве» — опричнину. Он взял несколько городов и уездов в личное владение и сформировал там охранный корпус — опричное войско, образовал отдельное правительство и стал управлять страной без совета с высшим государственным органом — Боярской думой, — в котором заседала аристократия. Провинции, не попавшие в опричнину, получили наименование «земли» — «земщины». Они остались под управлением «земских» правителей — бояр.

Вскоре после издания указа об опричнине власти вызвали в Москву всех дворян из Вяземского, Можайского, Суздальского уездов и из нескольких мелких уездов. Опричная дума во главе с Басмановым придирчиво допрашивала каждого о его происхождении, о родословной жёны и дружеских связях. В опричнину отбирали худородных дворян, не знавшихся с боярами. Аристократия взирала на «новоделных» опричных господ с презрением. Их называли не иначе, как «нищими и косолапыми мужиками» и «скверными человеками». Сам царь, находившийся во власти аристократических предрассудков, горько сетовал на то, что вынужден приближать мужиков и холопов. Впавшему впоследствии в немилость опричнику Василию Грязному он писал: «...по грехом моим учинилось, и нам того как утаити, что отца

нашего князя и бояре нам учили изменяти, и мы и вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды». Укомплектованное из незнатных дворян опричное войско должно было стать, по замыслу Грозного, надежным орудием в борьбе с феодально-аристократической оппозицией. При зачислении в государев удел каждый опричник клятвенно обещал разоблачать опасные замыслы, грозившие царю, и не молчать обо всем дурном, что он узнает. Опричникам запрещалось общаться с земщиной. Удельные вассалы царя носили черную одежду, сшитую из грубых тканей. Они привязывали к поясу у колчана со стрелами некое подобие метлы. Этот их отличительный знак символизировал стремление «вымести» из страны измену.

Годуновы давно выбыли из среды знати и занимали невысокое служебное положение. Это очень помогло им в новой ситуации.

Царь стремился вырваться из старого окружения. Ему нужны были новые люди, и он распахнул перед ними двери дворца. Так скромный вяземский помещик Дмитрий Годунов стал придворным. Служебные успехи дяди пошли на пользу племяннику и племяннице. Борис оказался при дворе подростком, а его сестра Ирина воспитывалась в царских палатах с семи лет. Ирина Годунова была ровесницей царевича Федора, родившегося в 1557 г. Сироты водворились в кремлевском дворце с момента провозглашения опричнины.

ОПРИЧНАЯ ТРАГЕДИЯ

причина, определившая судьбу Годуновых, явилась первым в русской истории воплощением самодержавия как системы неограниченного царского правления. Однако суждения о ней затруднены из-за крайней скудости источников и гибели всех опричных архивов.

Известный русский историк С. Ф. Платонов предположил, будто через опричину царь Иван Грозный свел княжат с их родовых вотчин и тем самым разрушил гнезда княжеского землевладения на Руси. В опричной затее историк увидел крупную государственную реформу. Концепция С. Ф. Платонова отличалась логичностью и стройностью. Но это были самые общие соображения по поводу опричной географии. Им недоставало совсем немного — фактов. Тем не менее платоновская схема утвердилась в историографии на многие десятилетия. Ее безоговорочно приняли исследователи, идеализировавшие личность Грозного.

С. Б. Веселовский взялся проверить построение С. Ф. Платонова и пришел к заключению, что оно переполнено промахами и фактическими ошибками. С. Б. Веселовский установил, что С. Ф. Платонов недостаточно точно определил территориальные границы опричины, доказал, что в опричных уездах преобладали поместья, использованные царем для размещения своей худародной опричной гвардии. Что же касается основных гнезд удельно-княжеского землевладения на Руси, то они (вопреки мнению С. Ф. Платонова) располагались за пределами опричных владений царя, а следовательно, внутриопричные конфискации не могли их затронуть. Представление, будто опричные меры были направлены против князей и бояр, С. Б. Веселовский назвал старым предрассудком. Его наблюдения очистили историческую науку от ложных аксиом, но им недоставало последовательности. С. Ф. Платонов оценивал опричину сквозь призму политической географии. С. Б. Веселовский отверг его

оценки, но также искал ключ к опричнине в изучении ее территориального состава. Недостаточность такого подхода очевидна. Допустим, что получены твердые доказательства того, что княжеские земли остались за пределами опричных владений. Разве сам по себе этот факт может опровергнуть тезис об антикняжеской направленности опричнины? Разве уточнение опричной карты снимает с историка обязанность исследовать судьбу княжеских гнезд там, где они сохранились до времени опричнины?

В конечном счете С. Б. Веселовский пришел к выводу о бессмысленности опричнины.

Вслед за С. Б. Веселовским А. А. Зимин отбросил тезис об антикняжеской и антибоярской направленности опричной политики и попытался найти новое решение. Опричники прославились тем, что подвергли жестокому разгрому Великий Новгород и подвергли гонениям видных церковников. А. А. Зимин усмотрел в этих мерах глубокий политический смысл, поскольку и Новгород, и всероссийская церковь (по мнению А. А. Зимина) были последними форпостами удельной децентрализации.

Длительные споры о смысле и предназначении опричнины могут быть разрешены лишь с помощью новых фактов.

В летописном отчете об учреждении опричнины перечислено всего несколько бояр, подвергшихся преследованиям и казни. При чтении летописи невольно возник вопрос: почему Иван IV не мог расправиться с кучкой неугодных ему лиц, не прибегая к дорогостоящей опричной затее, ибо организация особых владений, особого опричного правительства и войска, размежевание земель потребовали огромных расходов?

В конце отчета официальный летописец кратко и невразумительно упомянул о том, что царь опалился (объявил гнев) неким своим дворянам, а «иных» (?) велел сослать «в вотчину свою Казань на житье с женами и детьми». Разрядные записи говорят об этом эпизоде значительно определеннее: в 1565 г. «послал государь в своей государеве опале князей Ярославских и Ростовских и иных многих князей и дворян и детей боярских в Казань на житье...». Разрядная запись подтвердила предположение, что официальный московский летописец (напомним, что летопись была взята из земщины в опричнину и, вероятно, подверглась там редактированию) крайне тенденциозно описал первые опричные деяния и что за мимоходом брошенным замечанием о казанской ссылке, возможно, скрыты важные и неизвестные ранее факты.

Чтобы определить характер и масштабы казанской ссылки, автор обратился к найденным в архиве писцовым книгам Казанского края. Эти книги помечены датой «7073 (1565) год». Дата

не оставляет сомнения в том, что писцы начали составлять писцовые книги Казани в самый момент учреждения опричнины. Значение архивной находки стало очевидным после того, как удалось доказать, что казанская опись была составлена в прямой связи с реализацией опричного указа о казанской ссылке.

До похода Ермака в Сибирь Казанский край был восточной окраиной Русского государства. Поэтому Иван Грозный и использовал Казань для ссылки. Первая ссылка носила патриархальный характер. Ссылемые дворяне, лишившиеся своих родовых земель, стали мелкими помещиками Казанского края. Тем самым царская казна избавила себя от лишних расходов на содержание ссылных. Как явствует из казанских документов, московские писцы прибыли на восточную окраину следом за опальными переселенцами, чтобы распределить между ними небольшой фонд тамошних поместных земель. Обнаруженные писцовые книги — это точные, юридически зафиксированные данные о передаче земли опальным. Все ссылные названы здесь по именам. Более половины из них носили княжеский титул. Крохотные казанские поместья не компенсировали им даже малой доли конфискованных у них земельных богатств.

Вновь найденный массовый источник впервые дает надежную почву для решения длительного спора об историческом значении опричнины.

При своем учреждении опричнина носила ярко выраженный антикняжеский характер. Исследование казанской ссылки впервые высветило истинное историческое значение суздальской титулованной знати. Одни земли и княжества были подчинены Москве после длительной борьбы, другие вошли в состав единого Русского государства сравнительно рано и без больших потрясений. Это обстоятельство сказалось на судьбах местной знати. Древнее новгородское боярство было начисто уничтожено конфискациями Ивана III. Значительные потери понесла тверская и рязанская знать.

Княжества Владимиро-Суздальской земли (Нижегородско-Суздальское, Ярославское, Ростовское и др.) давно тяготели к Москве, и их присоединение не сопровождалось продолжительной и кровавой войной. Поэтому местная титулованная знать избежала катастрофы, постигшей новгородскую аристократию. Князья суздальские, ярославские, ростовские, стародубские, связанные самым близким родством с правящей династией Калиты, перешли на московскую службу, сохранив значительную часть своих родовых вотчин.

В середине XVI в. 282 представителя названных княжеских фамилий заседали в Боярской думе или служили по особым

княжеским и дворовым спискам. Процесс дробления княжеских вотчин в XV—XVI вв. неизбежно привел к тому, что часть из них покинула пределы своих княжеств и перешла на поместья в другие уезды. Однако значительная часть потомков местных династий Северо-Восточной Руси продолжала сидеть крупными гнездами в районе Суздаля, Ярославля и Стародуба, удерживая в своих руках крупные земельные богатства. Суздальская знать была сильна не только своим количеством и вотчинами, но и тем, что в силу древней традиции она сохранила многообразные и прочные связи с массой местного дворянства, некогда вассального по отношению к местным династиям. Суздальская знать гордилась своим родством с правящей московской династией: все вместе они вели свое происхождение от владимирского великого князя Всеволода Большое Гнездо. По нынешним представлениям это родство было отдаленным, но по феодальным меркам оно имело весьма существенное значение. В переписке с грозным князем Андрей Курбский называл княжат братией царя и указывал на то, что князья суздальские своей знатностью даже превосходят царствующий дом.

Потомки местных династий Северо-Восточной Руси не забыли своего былого величия. В их среде сохранился наибольший запас политических настроений и традиций того времени, когда на Руси царили порядки феодальной раздробленности и им принадлежало безраздельное политическое господство.

До середины XVI в. в России сохранилось несколько небольших удельных княжеств. Самое большое из них принадлежало двоюродному брату Ивана IV князю Владимиру Старицкому. Прочие принадлежали преимущественно выходцам из Литвы (Бельским, Мстиславским и другим). Эти князья получили владения из рук московских государей и потому всецело от них зависели. В отличие от суздальской знати удельные князья литовского происхождения были чужаками среди русской аристократии и имели ограниченные связи с массой коренных русских дворян.

Титулованная знать занимала две высшие ступени московской иерархии. Нетитулованные старомосковские бояре (Челяднины, Захарьины, Морозовы и другие) стояли на более низкой ступени. Они служили Москве со времен Ивана Калиты и Дмитрия Донского и энергично поддерживали политику своих государей, направленную на собирание русских земель. Старомосковская знать длительное время первенствовала при московском дворе, но потом ее сильно потеснили суздальские князья.

Исторический парадокс состоял в том, что русская монархия, подчинив себе обширные земли и княжества, стала пленницей

перебравшейся в Москву аристократии. Иван III решал все государственные дела с согласия и совета Боярской думы, представительного органа правящего боярства. Русское «самодержавие» конца XV—XVI в. было на деле ограниченной монархией с Боярской думой и боярской аристократией.

Именно суздальская аристократия — потомки местных династий Северо-Восточной Руси — ограничивала власть московского самодержца в наибольшей мере. Задумав ввести свое неограниченное правление, Иван Грозный нанес удар суздальской знати.

Среди потомков Всеволода Большое Гнездо самыми знатными считались князья суздальские Шуйские. Ко времени опричнины старшие бояре Шуйские сошли со сцены. В живых остался один князь Александр Горбатый-Суздальский. Он обладал суровым и непреклонным характером и не боялся перечесть царю.

При введении опричнины Иван IV объявил своим главным изменником и государственным преступником князя А. В. Горбатого-Суздальского. Будучи покорителем Казани и крупнейшим из русских военачальников, Горбатый обладал исключительной популярностью в стране и пользовался большим авторитетом в Боярской думе. «Изменник» Горбатый владел крупными вотчинами в Суздале и, видимо, имел много сторонников среди суздальских дворян. Очевидно, поэтому царь велел выселить из Суздаля большое число местных дворян.

Из воевод один Алексей Басманов мог поспорить с Горбатым славой. Но он далеко уступал ему знатностью и в думе занимал одно из последних мест. Оба воеводы смертельно ненавидели друг друга. Благодаря опричнине Басманов получил возможность расправиться с одним из самых знатных и влиятельных вождей думы.

Опричники уготовили Горбатуму страшную судьбу. Его казнили вместе с пятнадцатилетним сыном. Род князей Горбатовых был искоренен раз и навсегда.

До опричнины влиятельное положение в Боярской думе занимали князья ростовские. Царь Иван подверг их преследованиям. Боярин князь Андрей Катырев-Ростовский отправился в ссылку в казанский край. Бывший боярин князь Семен Ростовский, служивший воеводой в Нижнем Новгороде, был убит.

На Москве стояла зима, когда опричники учинили охоту на опальную знать. Около сотни князей ярославских, ростовских и стародубских было схвачено на воеводстве, в полках, либо в сельских усадьбах и под конвоем отправлено в ссылку на казанскую окраину. Через несколько недель облава повторилась. На этот раз царь велел схватить жен и детей опальных, чтобы

спешно везти их к мужьям на поселение. Членам семей разрешили взять с собой очень немного, лишь то, что они могли унести в руках. Прочее имущество вместе с усадьбами и вотчинами перешло в собственность казны.

Некогда Иван III отнял земли у новгородских бояр и переселил их за Москву, где они стали мелкими землевладельцами. Иван Грозный следовал примеру деда. Он решил сохранить для службы опальных князей, для чего велел наделить их крохотными поместьями. В мгновение ока высокородные господа превратились в мелких казанских помещиков.

Намеревался ли Иван Грозный целиком уничтожить свою «братию» (родню) — суздальских князей и их землевладение? Такое заключение было бы неверным. Накануне опричнины службу при дворе несло более 280 князей из суздальской знати. Из них в казанскую ссылку отправилось менее 100 семей. Прочие остались на своих землях. Однако среди ссыльных было немало крупных землевладельцев. Казна конфисковала у всех ссыльных княжат их родовые княжеские вотчины, тем самым могуществу суздальской знати (несмотря на ограниченный характер опричных репрессий) был нанесен страшный удар.

Становится понятным, зачем понадобились Ивану IV опричная гвардия и «удел» — своего рода государство в государстве. Посягнув на землевладение своей могущественной знати, царь ждал отпора и готовился вооруженной рукой подавить сопротивление в ее среде.

Характерно, что при учреждении опричнины Иван IV не допустил в свою опричную думу титулованную знать. Первое опричное правительство возглавили лица из старомосковской знати (боярин А. Д. Басманов-Плещеев и другие). Руководство земщиной фактически также перешло в руки старомосковской знати, в лояльности которой царь в то время не сомневался. В конце 1565 г. конюший боярин Н. П. Федоров-Челяднин возглавил московскую семибоярщину, ведавшую Русским государством.

Казанские писцовые книги позволили прочесть в истории опричнины еще одну неведомую раньше страницу. Царь Иван IV держал опальных князей в ссылке всего год, а потом объявил об их прощении и возвращении им земель. Тем самым Иван Грозный сам признал крах своей опричной политики как антикняжеской меры крупных масштабов.

Отсутствие источников затрудняет решение вопроса, какие именно земли казна вернула прощенным казанским ссыльным. Согласно Разрядным записям, князей сослали на поселение в Казанский край как царских опальных, а следовательно, у них

отобрали все имущество — и землю и движимость. Такого рода меры разорили опальных княжат.

Почему опричнина как антикняжеская и антибоярская политика просуществовала всего один год и в конечном счете потерпела полный крах?

В XVI в. государство не располагало ни регулярной армией, ни развитыми карательными органами, отделенными от феодального сословия. А потому монарх не мог проводить сколько-нибудь длительное время политику, грубо попиравшую материальные интересы верхов правящей знати. Нарушились традиционные взаимоотношения между монархией и господствующим сословием. Авторитет самодержца катастрофически упал. Тогда-то перед лицом всеобщего недовольства Иван IV стал искать примирения со своими вассалами. Он вернул из ссылки удельного князя Воротынского, объявил о прощении опальных княжат.

Глава 4

ЗЕМСКИЙ СОБОР

емские соборы явились зачаточной формой сословного представительства в России. В этом смысле они отдаленно напоминали Генеральные штаты во Франции.

Соборная практика возникла задолго до опричнины, но по иронии судьбы первые русские представительные соборы были созваны через полтора года после учреждения опричнины. Желая возродить широкую политическую коалицию и восстановить доверие к своей власти, царь распорядился пригласить на государственное совещание (собор) помимо Боярской думы и высшего духовенства представителей дворян (205 человек), чиновников из приказов (43 человека), богатых московских купцов и торговых людей (75 человек).

Русское государство вело трудную войну с Речью Посполитой из-за Ливонии, и правительство испытывало большие финансовые затруднения. Созвав Земский собор в Москве, царь рассчитывал добиться от земщины согласия на введение новых налогов. С помощью собора царь надеялся переложить на плечи земщины все военные расходы, все бремя Ливонской войны. Соображения подобного рода заставили правительство пригласить на совещание купеческую верхушку — официальных представителей третьего сословия. На долю купцов приходилась пятая часть общего числа членов собора, но они составляли самую низшую курию.

Казалось бы, мрачные времена опричнины менее всего благоприятствовали расцвету хрупкого цветка — сословного представительства на русской почве. Но этот факт имеет объяснение. Развитие соборной практики связано было с поисками политического компромисса.

Весна 1566 г. принесла с собой долгожданные перемены. Опричные казни прекратились, власти объявили о «прощении» опальных.

Амнистия привела к радикальному изменению опричной земельной политики. Казна вынуждена была позаботиться о земельном обеспечении вернувшихся из ссылки княжат и взамен утраченных ими родовых вотчин стала отводить им новые земли. Но земель, хотя бы примерно равноценных княжеским вотчинам, оказалось недостаточно. И тогда сначала в отдельных случаях, а потом в более широких масштабах казна стала возвращать родовые земли, заметно запустевшие после изгнания их владельцев в Казань. По существу, опричным властям пришлось отказаться от курса, взятого при учреждении опричнины. Земельная политика опричнины быстро утрачивала свою первоначальную антикняжескую направленность. Объяснялось это тем, что конфискация княжеских вотчин вызвала противодействие знати, а монархия не обладала ни достаточной самостоятельностью, ни достаточным аппаратом насилия, чтобы длительное время проводить политику, идущую вразрез с интересами могущественной аристократии. К тому же, с точки зрения властей, казанское переселение достигло основной цели, подорвав могущество суздальских княжат.

Ослабление княжеской знати неизбежно выдвигало на политическую авансцену слой правящего боярства, стоявший ступенью ниже. К нему принадлежали старомосковские боярские семьи Челяднинных, Бутурлиных, Захарьинных, Морозовых, Плещеевых. Они издавна служили при московском дворе и владели крупными вотчинами в коренных московских уездах. Некогда они занимали первые места в думе, но затем вынуждены были уступить позиции титулованной знати. Затерявшись в толпе княжат, старые слуги московских государей тем не менее удержали в своих руках важнейшие отрасли управления — Конюшенный и Казенный приказы, Большой дворец и областные дворцы. После учреждения опричнины руководство земщиной практически перешло в их руки. Формально земскую думу возглавляли князь Бельский и Мстиславский, но практически делами земщины управляли конюший И. П. Челяднин-Федоров, дворецкий Н. Р. Юрьев и казначей. По случаю отъезда царя столица была передана в ведение семибоярщины, в которую входили И. П. Челяднин, В. Д. Данилов и другие лица.

Руководители земщины оказались в сложном положении. Роль, отведенная им опричными временщиками, явно не могла удовлетворить их. Грубая и мелочная опека со стороны опричной думы, установившийся в стране режим насилия и произвола с неизбежностью вели к новому конфликту между царем и боярством.

Опричные земельные перетасовки причинили ущерб тем

земским дворянам, которые имели поместья в Суздале и Вязьме, но не были приняты на опричную службу. Эти дворяне потеряли земли «не в опале, а с городом вместе». Они должны были получить равноценные поместья в земских уездах, но власти не обладали ни достаточным фондом населенных земель, ни гибким аппаратом, чтобы компенсировать выселенным дворянам утраченные ими владения. Земских дворян особенно тревожило то обстоятельство, что царь в соответствии с указом мог в любой момент забрать в опричину новые уезды, а это неизбежно привело бы к новым выселениям и конфискациям. Земщина негодовала на произвольные действия Грозного и его опричников. Учинив опричину, повествует летописец, царь «грады также раздели и многих выслаша из городов, кои взял в опричину, и из вотчин и ис поместий старинных... И бысть в людех ненависть на царя от всех людей...».

Старомосковское боярство и верхи дворянства составляли самую широкую политическую опору монархии. Когда эти слои втянулись в конфликт, стал неизбежным переход от ограниченных репрессий к массовому террору. Но весной 1566 г. подобная перспектива не казалась еще близкой. Прекращение казней и уступки со стороны опричных властей ободрили недовольных и породили повсеместно надежду на полную отмену опричнины. Оппозицию поддержало влиятельное духовенство. 19 мая 1566 г. митрополит Афанасий в отсутствие царя демонстративно сложил с себя сан и удалился в Чудов монастырь.

Грозный поспешил в столицу и после совета с земцами предложил занять митрополичью кафедру Герману Полеву, казанскому архиепископу. Рассказывают, что Полев переехал на митрополичий двор, но пробыл там всего два дня. Будучи противником опричнины, архиепископ пытался воздействовать на царя «тихими и кроткими словесы его наказующе». Когда содержание бесед стало известно членам опричной думы, те настояли на немедленном изгнании Полева с митрополичьего двора. Бояре и земщина были возмущены бесцеремонным вмешательством опричников в церковные дела. Распри с духовными властями, обладавшими большим авторитетом, поставили царя в трудное положение, и он должен был пойти на уступки в выборе нового кандидата в митрополиты. В Москву был спешно вызван игумен Соловецкого монастыря Филипп (в миру Федор Степанович Колычев). Филипп происходил из очень знатного старомосковского рода и обладал прочными связями в боярской среде. Его выдвинула, по-видимому, та группировка, которую возглавлял конюший И. П. Челяднин и которая пользовалась в то время наибольшим влиянием в земщине. Соловецкий игу-

мен состоял в отдаленном родстве с конюшим. Как бы то ни было, с момента избрания в митрополиты Филипп полностью связал свою судьбу с судьбой боярина Челяднина. Колычев был хорошо осведомлен о настроениях земщины и по прибытии в Москву быстро сориентировался в новой обстановке. В его лице земская оппозиция обрела одного из самых деятельных и энергичных вождей. Колычев изъявил согласие занять митрополичий престол, но при этом категорически потребовал распустить опричнину. Поведение соловецкого игумена привело Грозного в ярость. Царь мог бы поступить с Филиппом так же, как и с архиепископом Германом. Но он не сделал этого, понимая, что духовенство до крайности раздражено изгнанием Полева. На исход дела повлияло, возможно, и то обстоятельство, что в опричной думе заседал двоюродный брат Колычева. 20 июля 1566 г. Филипп вынужден был публично отречься от своих требований и обязался «не вступаться» в опричнину и в царский «домовой обиход» и не оставлять митрополию из-за опричнины.

Множество признаков указывало на то, что выступления Полева и Колычева не были единичным явлением и что за спиной церковной оппозиции стояли более могущественные политические силы. По крайней мере, два источника различного происхождения содержат одинаковые сведения о том, что в разгар опричнины земские служилые люди обратились к царю с требованием об отмене опричного режима. Согласно московской летописи, царь навлек на свою голову проклятие «земли» «и биша ему челом и даша ему челобитную за руками о опришнине, что не достоин сему быти». По словам переводчика царского лейб-медика Альберта Шлихтинга, земцы обратились к царю с протестом против произвола опричных телохранителей, причинявших земщине нестерпимые обиды. Указав на свою верную службу, дворяне потребовали немедленного упразднения опричных порядков. Выступление служилых людей носило внушительный характер: в нем участвовало более 300 знатных лиц земщины, в том числе некоторые бояре-придворные. По данным Шлихтинга, оппозиция заявила о себе в 1566 г.

Известный исследователь опричнины П. А. Садилов первым высказал предположение о том, что протест против насилий опричнины исходил от членов созданного в Москве Земского собора. Выступление земской оппозиции и собор состоялись в одном и том же году. Одинаковым было число участников оппозиции и членов собора. И те и другие составляли самую активную часть земского дворянства. Предположение П. А. Садилова вполне правдоподобно.

По свидетельству А. Шлихтинга, царь отклонил ходатайство земских дворян и использовал чрезвычайные полномочия, предоставленные ему указом об опричнине, чтобы покарать земщину. 300 челобитчиков попали в тюрьму. Правительство, однако, не могло держать в заключении цвет столичного дворянства, и уже на шестой день почти все узники получили свободу. 50 человек, признанных зачинщиками, подверглись торговой казни: их отколотили палками на рыночной площади. Нескольким урезали языки, а трех дворян обезглавили. Все трое казненных — князь В. Пронский, И. Карамышев и К. Бундов — незадолго до гибели участвовали в работе Земского собора.

Антиправительственное выступление дворян в Москве произвело столь внушительное впечатление, что царские дипломаты вынуждены были выступить со специальными разъяснениями за рубежом. По поводу казни членов Земского собора они заявили следующее: про тех лихих людей «государь сыскал, что они мыслили над государем и над государскою землею лихо, и государь, сыскав по их вине, потому и казнити их велел». Такова была официальная точка зрения. Требования земских служилых людей об отмене опричнины власти квалифицировали как покушение на безопасность царя и его «земли».

Опричные репрессии испугали высшее духовенство. Но Филипп, по-видимому, выхлопотал у царя помилование для подавляющего большинства тех, кто подписал челобитную грамоту. После недолгого тюремного заключения они были выпущены на свободу без всякого наказания. Сообщая обо всем этом, Шлихтинг сделал важную оговорку. По прошествии непродолжительного времени, замечает он, царь вспомнил о тех, кто был отпущен на свободу, и подверг их опале. Это указание позволяет уточнить состав земской оппозиции, выступившей на соборе, поскольку вскоре после роспуска собора многие из его членов действительно подверглись казням и гонениям. В числе их оказался конюший боярин И. П. Челяднин-Федоров. К началу опричнины конюший стал одним из главных руководителей земской думы. По свидетельству современников, царь признавал его самым благоразумным среди бояр и вверял ему управление Москвой в свое отсутствие. На первом году опричнины Челяднин возглавил московскую семибоярщину. Боярин был одним из самых богатых людей своего времени, отличался честностью и не брал взяток, благодаря чему его любили в народе. Можно проследить за службой Челяднина месяц за месяцем, неделю за неделей вплоть до роковых дней роспуска Земского собора, когда в его судьбе наступил решительный перелом.

Конюшего отстранили от руководства земщиной и отправили на воеводство в пограничную крепость Полоцк. Именно в этот момент польско-литовское правительство тайно предложило конюшему убежище, указывая на то, что царь желал над ним «кровапроливство вчинити». Очевидно, Челядний чуть было не последовал за Пронским, Карамышевым и Бундовым. Участие конюшего в выступлении земских дворян против опричнины едва не стоило ему головы.

Власти были поражены не только масштабами земской оппозиции, но и тем, что протест исходил от наиболее лояльной части думы и руководства церкви. На царя протест произвел ошеломляющее впечатление. Мало того что Грозный давно не выносил возражений, он должен был наконец отдать себе отчет в том, что все попытки стабилизировать положение путем уступок потерпели неудачу. Социальная база правительства продолжала неуклонно сужаться.

Попытки политического компромисса не удались. Надежды на трансформацию опричных порядков умерли, едва родившись. Но эпоха компромисса оставила глубокий след в политическом развитии России. Озабоченное финансовыми проблемами правительство пригласило на собор дворян, приказных и, наконец, купцов — подлинных представителей «земли». Собор впервые приобрел черты Земского собора. Члены собора пошли навстречу пожеланиям властей и утвердили введение чрезвычайных налогов для продолжения войны. Однако взамен они потребовали от царя политических уступок — отмены опричнины.

Челобитье земских дворян разрушило все расчеты правительства. Новые насилия опричнины положили конец дальнейшему развитию практики земских соборов.

После выступления членов собора власти не только не отменили опричнину, но постарались укрепить ее изнутри. Царь забрал в опричнину Костромской уезд и устроил здесь «перебор людишек», в результате которого примерно $\frac{2}{3}$ местных дворян попало на опричную службу. Численность опричного охранного корпуса сразу увеличилась с 1 до 1,5 тысячи человек.

Правительство не только расширяло границы опричнины, но и с лихорадочной поспешностью укрепляло важнейшие опричные центры, строило замки и крепости. Сначала царь Иван задумал выстроить «особный» опричный двор внутри Кремля, но затем счел благоразумным перенести свою резиденцию в опричную половину столицы, «за город», как тогда говорили. На расстоянии ружейного выстрела от кремлевской стены, за Неглинной, в течение полугода вырос мощный замок. Его

окружали каменные стены высотой в три сажени. Выходившие к Кремлю ворота, окованные железом, украшала фигура льва, раскрытая пасть которого была обращена в сторону земли. Шпили замка венчали черные двуглавые орлы. Днем и ночью несколько сот опричных стрелков несли караулы на его стенах.

Отъезд главы государства из Кремля вызвал нежелательные толки, ввиду чего Посольский приказ официально объявил, что царь выстроил себе резиденцию за городом для своего «государского прохладу». Если бы иноземцы вздумали говорить, что царь решил разделить с опальными боярами, дипломаты должны были опровергнуть их и категорически заявить, что делиться государю не с кем.

Замок на Неглинной недолго казался царю надежным убежищем. В Москве он чувствовал себя неудобно. В его голове родился план основания собственной опричной столицы в Вологде. Там он задумал выстроить мощную каменную крепость наподобие Московского Кремля. Опричные власти приступили к немедленному осуществлению этого плана. За несколько лет была возведена главная юго-восточная стена крепости с десятью каменными башнями. Внутри крепости вырос грандиозный Успенский собор. Около 300 пушек, отлитых на Московском пушечном дворе, доставлены были в Вологду и свалены там в кучу. 500 опричных стрельцов круглосуточно стерегли стены опричной столицы.

Наборы дворян в опричную армию, строительство замка у стен Кремля, сооружение грандиозной крепости в лесном вологодском краю, в значительном удалении от границ и прочие военные приготовления не имели цели укрепления обороны страны от внешних врагов. Все дело заключалось в том, что царь и опричники боялись внутренней смуты и готовились вооруженной рукой подавить мятеж могущественных земских бояр.

Будущее не внушало уверенности мнительному самодержцу. Призрак смуты породил в его душе тревогу за собственную безопасность. Перспектива вынужденного отречения казалась все более реальной, и царь должен был взвесить все шансы на спасение в случае неблагоприятного развития событий. В частности, Иван стал подумывать о монашеском клобуке. Будучи в Кириллове на богомолье, царь пригласил в уединенную келью нескольких старцев и в глубокой тайне поведал им о своих сокровенных помыслах. Через семь лет царь сам напомнил монахам об этом удивительном дне. Вы ведь помните, святые отцы, писал он, как некогда случилось мне прийти в вашу обитель и как я обрел среди темных и мрачных мыслей «малу зарю»

света божьего и повелел неким из вас, братии, тайно собраться в одной из келий, куда и сам я явился, уйдя от мятежа и смятенья мирского; и в долгой беседе «аз грешный» вам возвестил желание свое о пострижении: тут «возрадовася скверное мое сердце со окаянною моею душою, яко обретох узду помощи божия своему невоздержанию и пристанище спасения». Гордый самодержец пал в ноги игумену, и тот благословил его «намерения». «И мне мнится, окаянному, что наполовину я уже чернец» — так закончил царь Иван рассказ о своем посещении Кириллова.

Грозный постарался убедить монахов в серьезности своих слов и тотчас пожертвовал им крупную сумму, с тем чтобы ему отвели в стенах обители отдельную келью. Келья была приготовлена немедленно. Но царю это показалось недостаточным. Он решил готовиться к монашеской жизни, не откладывая дело на будущее. Так родилась затея, которую современники не могли объяснить и посчитали сумасбродной. «Начальные» люди опричнины облеклись в иноческую одежду. Монашеский орден стал функционировать в Александровской слободе в дни, свободные от дел. Возвращаясь из карательных походов, опричная «братия» усердно пародировала монашескую жизнь. Рано поутру царь с фонарем в руке лез на колокольню, где его ждал «пономарь» Малюта Скуратов. Они трезвоили в колокола, созывая прочих «иноков» в церковь. На «братьев», не явившихся на молебен к четырем часам утра, царь-игумен накладывал епитимью. Служба продолжалась с небольшим перерывом от четырех до десяти часов. Иван с сыновьями усердно молился и пел в церковном хоре. Из церкви все отправлялись в трапезную. Каждый имел при себе ложку и блюдо. Пока «братья» питались, игумен смиренно стоял подле них. Недоеденную пищу опричники подбирали со стола и раздавали нищим по выходе из трапезной. Так Иван монашествовал в течение нескольких дней, после чего возвращался к делам правления.

Несмотря на все старания сохранить в тайне содержание кирилловской беседы, слухи о намерениях царя дошли до земщины и произвели там сильное впечатление. Учреждение в слободе монашеского ордена подтвердило их серьезность. Влиятельным силам земщины пострижение Грозного казалось лучшим выходом из создавшегося положения. Они не питали более сомнений насчет того, что без удаления царя Ивана нечего думать об уничтожении опричнины.

Как бы то ни было, но в действиях опричного правительства намечались признаки неуверенности и слабости. Неосторожными и двусмысленными речами в Кириллове царь дал богатую пищу для всевозможных толков в земщине, ободривших оп-

позицию. Всем памятно было первое отречение Грозного, и потому главным предметом споров в земщине стал вопрос, кто займет трон в случае, если царь оденется в монашескую рясу. Противники царя не желали видеть на троне тринадцатилетнего наследника царевича Ивана, при котором отец мог в любой момент вновь взять бразды правления в свои руки. После наследника наибольшими правами на престол обладал Владимир Андреевич, внук Ивана III. Этот слабовольный и недалекий человек казался боярам приемлемым кандидатом. Они рассчитывали при нем вернуть себе прежнее влияние на дела государства.

Иван IV давно не доверял двоюродному брату и пытался надежно оградить себя от его интриг. Он заточил в монастырь его волевою и энергичною мать, назначил в удел бояр, не вызывавших подозрений, наконец, отобрал у брата родовое Старицкое княжество и дал ему взамен Дмитров и несколько других городов. Родственники княгини Евфросинии были изгнаны из Боярской думы. Один из них, боярин П. М. Щенятев, ушел в монастырь, но его забрали оттуда и заживо поджарили на большой железной сковороде.

Опричные гонения покончили с партией сторонников Старицкого в Боярской думе. Теперь князь Владимир еще меньше, чем прежде, мог рассчитывать добиться царского титула при поддержке одних только своих приверженцев. В значительно большей мере судьба короны зависела от влиятельного боярства, возглавлявшего земщину. В периоды междуцарствий управление осуществляла Боярская дума, представителями которой выступали старшие бояре думы — конюшие. По традиции конюшие становились местоблюстителями до вступления на трон нового государя. Немудрено, что раздор между царем и боярами и слухи о возможном пострижении государя не только вызвали призрак династического кризиса, но и поставили в центр борьбы фигуру конюшего Челяднина-Федорова. Благодаря многочисленным соглядатаям Грозный знал о настроениях земщины и нежелательных толках в думе. В свое время он сам велел включить в официальную летопись подробный рассказ о заговоре бояр в пользу князя Владимира, который завершался многозначительной фразой: «...и оттоле бысть вражда велия государю с князем Володимиром Ондреевича, а в боярех смута и мятеж, а царству почала быти во всем скудость». После Земского собора «смута и мятеж в боярех» приобрели более грозный, чем прежде, размах. Опасность смуты носила, видимо, реальный характер, поскольку опричная политика вызывала общее недовольство.

Слухи о заговоре в земщине не на шутку пугали царя Ивана, и он стал подумывать об отъезде с семьей за границу. Подобные мысли приходили ему на ум и прежде, но теперь он перенес дело на практическую почву. В первых числах сентября 1567 г. Грозный вызвал в опричный дворец английского посланника Дженкинсона. Свидание окружено было глубокой тайной. Посол явился переодетым в русское платье. Его проводили в царские покои потайным ходом. Из всех советников Грозного один только Афанасий Вяземский присутствовал на секретном совещании. Поручения царя к английской королеве были столь необычны, а их разглашение чревато такими осложнениями, что посланнику запретили делать хоть какие-нибудь записи. Царь приказал Дженкинсону устно передать королеве «великие дела тайные», но посланник ослушался и по возвращении в Лондон составил письменный отчет о беседе с царем. Как следует из отчета, царь просил королеву предоставить ему убежище в Англии «для сбережения себя и своей семьи... пока беда не минует, бог не устроит иначе». Грозный не желал ронять свое достоинство и настаивал на том, чтобы договор о предоставлении убежища носил обоюдный характер, но дипломатическая форма соглашения не могла никого обмануть. Несколько лет спустя царь напомнил англичанам о своем обращении к ним и сказал, что поводом к этому шагу было верное предвидение им изменчивого и опасного положения государей, которые наравне с самыми низшими людьми «подвержены переворотам».

Тайные переговоры с английским двором недолго оставались секретом. Благодаря частым поездкам английских купцов в Россию слухи о них проникли в столицу. Когда слухи достигли провинции, они приобрели вовсе фантастический характер. Псковский летописец записал, что некий злой волхв (английский еретик) подучил царя избить еще уцелевших бояр и бежать в «английскую землю». Малодушие Грозного вызвало замешательство опричников, понимавших, какая судьба им уготована в случае его бегства. Земские служилые люди, жаждавшие упразднения опричнины, охотно верили любым благоприятным слухам.

Между тем Грозный занят был своими военными планами. С наступлением осени он собрал все военные силы земщины и опричными для вторжения в Ливонию. Поход начался, как вдруг царь отменил его, спешно покинул армию и на перекладных помчался в Москву. Причиной внезапного отъезда было известие о заговоре в земщине.

Сведения о заговоре противоречивы и запутанны. Многие современники знали о нем понаслышке. Но только двое — Г. Штаден и А. Шлихтинг — были очевидцами.

Штаден несколько лет служил переводчиком в одном из земских приказов, лично знал главу заговора конюшего Челяднина и пользовался его расположением. Осведомленность его относительно настроений земщины не вызывает сомнений. По словам Г. Штадена, у земских лопнуло терпение, они решили избрать на трон князя Владимира Андреевича, а царя с его опричниками истребить и даже скрепили свой союз особой записью, но князь Владимир сам открыл царю заговор и все, что замышляли и готовили земские.

Шлихтинг, подобно Штадену, также служил переводчиком, но не в приказе, а в доме у личного медика царя. Вместе со своим господином он посещал опричный дворец и как переводчик участвовал в беседах доктора с Афанасием Вяземским, непосредственно руководившим расследованием заговора. Шлихтинг располагал самой обширной информацией, но он, дважды касаясь вопроса о земском заговоре, дал две противоположные и взаимоисключающие версии происшествия. В своей записке, озаглавленной «Новости», он изобразил Челяднина злонамеренным заговорщиком, а в более подробном «Сказании» назвал его жертвой тирана, неповинной даже в дурных помыслах.

Историки заимствовали из писаний Шлихтинга либо одну, либо другую версию в зависимости от своей оценки опричнины. Какой же из них следует отдать предпочтение? Ответить на этот вопрос можно лишь после исследования обстоятельств, побудивших Шлихтинга взяться за перо. Свои «Новости» беглец продиктовал сразу после перехода русско-литовской границы. Он кратко изложил наиболее важные из известных ему сведений фактического порядка. Все это придает источнику особую ценность. «Сказания» были написаны автором позже по прямому заданию польского правительства. Оценив осведомленность Шлихтинга насчет московских дел, королевские чиновники решили использовать его знания в дипломатических акциях против России. Папа римский направил к царю посла с целью склонить его к войне с турками. Король задержал папского посла в Варшаве и, чтобы отбить у него охоту к поездке в Москву, велел вручить ему «Сказания» Шлихтинга. Памфлет был переслан затем в Рим и произвел там сильное впечатление. Папа велел немедленно прервать дипломатические сношения с московским тираном. Оплаченное королевским золотом сочинение Шлихтинга попало в цель. В соответствии с полученным заданием Шлихтинг всячески чернил царя и не останавливался перед прямой клеветой. В «Сказаниях» он сознательно фальсифицировал известные ему факты о заговоре Челяднина. Но, не желая вовсе жертвовать истиной, Шлихтинг незаметно для

постороннего глаза попытался опровергнуть собственную ложь. При описании новгородского погрома он мимоходом бросил многозначительную фразу: «И если бы польский король не вернулся из Радошкович и не прекратил войны, то с жизнью и властью тирана все было бы покончено». Это замечание не имело никакого отношения к новгородскому походу, зато оно непосредственно касалось заговора Челяднина: ведь именно во время прерванного похода царя в Ливонию король выступил в Радошковичи в ожидании того, что заговорщики выддут ему царя, когда армии сойдутся. Слова Шлихтинга неопровержимо доказывают, что и в «Сказаниях» он не отступил от первоначальной версии о заговоре в земщине.

Историков давно занимал вопрос, мнимые или подлинные заговоры лежали у истоков опричного террора. Два современника, два непосредственных очевидца событий единодушно, как теперь выяснено, свидетельствовали в пользу подлинности заговора. Но можно ли доверять их словам? Не следует ли прежде выяснить, какими источниками информации пользовались эти очевидцы? Ответить на поставленный вопрос не так уж и трудно. И Шлихтинг и Штаден служили в опричнине и черпали сведения в опричных кругах, где взгляд на события подчинен был предвзятой и сугубо официальной точке зрения. Противоположную версию передавали неофициальные летописи земского происхождения. Их авторы в отличие от опричников утверждали, что форменного заговора в земщине не было, что вина земцев сводилась к неосторожным разговорам: недовольные земские люди «уклонялись» в сторону князя Владимира Андреевича, лихие люди выдали их речи царю, и недовольные «по грехом словесы своими, погибоша».

Выяснить, где кончались крамольные речи и начинался подлинный заговор, никогда не удастся. Историк в состоянии воссоздать ход событий лишь предположительно. Недовольство земщины носило вполне реальный характер. Недовольные исчерпали легальные возможности борьбы с опричниной. Преследования убедили их, что царь не намерен отменить опричный режим. Тогда они втайне стали обсуждать вопрос о замене Грозного на троне. Рано или поздно противники царя должны были посвятить в свои планы единственного претендента, обладавшего законными правами на трон, князя Владимира Андреевича. Последний, оказавшись в двусмысленном положении, попытался спасти себя доносом. Во время похода в Ливонию он передал царю разговоры, которые вели в его присутствии недовольные бояре. Царь увидел в его словах непосредственную для себя угрозу, начало боярской крамолы, которой он боялся

и давно ждал. Вероятно, показания князя Владимира не отличались большой определенностью и не могли служить достаточным основанием для обвинения Челяднина. Популярность конюшего в думе и столице была очень велика, и Иван решил отдать приказ о его казни только через год после «раскрытия» заговора.

Не располагая уликами против «заговорщиков», царь прибегнул к провокации. По его приказу князь Владимир посетил ничего не подозревавшего Челяднина и по-дружески попросил его составить списки лиц, на поддержку которых он может рассчитывать. В списки Челяднина записались 30 человек, старавшихся снискать расположение претендента на трон. Все происходило в строгой тайне, и никто не ждал беды.

Коварно «изобличив» недовольных, царь приступил к разгону «заговора». Опричники начали с того, что взыскали с конюшего огромную денежную контрибуцию и сослали его в Коломну. Многие его сообщники были тотчас же казнены. Начался трехлетний период кровавого опричного террора. Под тяжестью террора умолкли московские летописи. Грозный затребовал к себе в слободу текущие летописные записи и черновики и, по-видимому, больше не вернул их Посольскому приказу. Опричнина положила конец культурной традиции, имевшей многовековую историю. Следы русского летописания затерялись в опричной Александровской слободе.

Глава 5

ТЕРРОР

Начиная с 1567 г. Дмитрий Годунов и его племянник Борис сопровождали царя Ивана во всех его крупных походах. Годуновы не принадлежали к числу тех, кто казнил и лил кровь в опричнине. Но обстоятельства сложились так, что они добились первых крупных успехов после того, как опричники развязали в стране террор.

В истории России настала мрачная пора, от которой сохранилось совсем мало достоверных известий. В Москве перестали вести официальную летопись. Записки иностранцев с опричной документацией безвозвратно погибли. Все попытки найти новые документы и факты оказались безуспешными, и тогда пришлось сосредоточить все усилия на критической обработке давно известных источников с помощью новейших источниковедческих методов.

В конце жизни Иван IV объявил о прощении всех казненных им бояр и прочих лиц и пожертвовал на помин их души огромные суммы. Перечни казненных были разсланы в десятки монастырей в качестве поминальных списков, или синодиков. Со времен Н. М. Карамзина историки охотно обращались к синодикам. Но их использование затруднялось тем, что синодик в подлиннике не сохранился и судить о нем можно лишь по поздним, до неузнаваемости искаженным монастырским копиям. С. Б. Веселовский первым высказал предположение, что в основе синодика лежал приказной список казненных, составленный на основе приказных документов опричнины. Однако С. Б. Веселовский ограничился тем, что составил на основе поздних копий синодика алфавитный список казненных. Его окончательный вывод сводился к тому, что синодик включает в себе нехронологический и весьма неполный список опальных.

Лишь применение новейших методов текстологии позволило после нескольких лет труда реконструировать оригинал сино-

дика на основе множества поздних испорченных монастырских списков. Трудности реконструкции заключались в том, что поздние списки очень мало походили друг на друга. В разных монастырях были утеряны разные страницы синодика, а уцелевшие страницы перемешаны самым причудливым образом, монахи произвольно сокращали текст при переписках и пр.

Ключ к реконструкции синодика дало несложное текстуальное наблюдение. Опальные с необычным именем записаны в разных списках в окружении одних и тех же лиц. Возникло предположение, что эти тождественные куски текста являются осколками оригинала, уцелевшими при утрате и перестановке страниц. Понадобилось немало времени, чтобы выявить сходные отрывки текста в двадцати известных ранее и вновь выявленных списках синодика. Самым важным был вопрос — в каком порядке располагались выявленные «осколки» в оригинале? Решить его помог синодик нижегородского Печерского монастыря. Это единственный список, составленный еще при жизни Грозного. Но исследователи не придавали ему никакого значения по той простой причине, что в нем записаны одни имена (без фамилий), причем добрая половина из них — Иваны. Печерский синодик полностью подтвердил результаты предшествующей текстологической работы: выделенные по другим спискам тождественные отрывки строго соответствовали печерскому тексту. Таким образом, печерский список позволил завершить реконструкцию протографа синодика. По разным спискам удалось расшифровать фамилии всех опальных, кроме трех лиц, а также восстановить множество сведений о месте и обстоятельствах гибели многих из них. Проверка всех этих данных обнаружила поразительный факт. Синодик заключал в себе хронологический и полный перечень всех казненных царем за три года террора в 1567—1570 гг. Как объяснить этот факт? Список казненных составлен был явно не по памяти. Дьякам пришлось идти в архив, чтобы выполнить приказ Ивана IV. Опричный архив еще хранился в полном порядке, ничто не исчезло. Стержнем опричной политики в 1567—1570 гг. был грандиозный политический процесс об измене в пользу удельного князя Владимира Андреевича Старицкого: дьяки старательно законспектировали документацию этого процесса, сохранив во многих случаях язык и цифры опричных судебных отчетов.

Реконструкция оригинала синодика позволила решить сложную и важную источниковедческую задачу — воскресить опричный архив, безвозвратно погибший после смерти Грозного. Тем самым была создана основа для оценки самого темного периода в истории опричнины.

События, связанные с эпохой террора, развивались следующим образом. После возвращения из неудавшегося ливонского похода царь казнил нескольких видных дворян — родственников Владимира Андреевича, скомпрометированных его доносом.

Начавшиеся казни вызвали резкий протест со стороны высшего духовенства. Митрополит Филипп посетил царя и долго беседовал с ним наедине. Убедившись в тщетности увещаний, он выждал момент, когда царь со всей своей свитой явился на богослужение в кремлевский Успенский собор, и при большом стечении народа произнес проповедь о необходимости упразднить опричнину. Кремлевский диспут кратко и точно описан новгородским летописцем: 22 марта 1568 г. «учал митрополит Филипп с государем на Москве враждовати о опришнину». Диспут нарушил благочиние церковной службы и имел неблагоприятный для Грозного исход. Не получив от митрополита благословение, царь в ярости стукнул посохом оземь и пригрозил митрополиту, а заодно и всей «земле» суровыми карами. «Я был слишком мягок к вам, но теперь вы у меня вззоете!» — будто бы произнес он. На другой день о столкновении царя с митрополитом говорила вся столица. Церковь пользовалась большим авторитетом как среди власть имущих, так и в беспокорных низах. Через фанатичных монахов, через юродивых церковники ловко влияли на настроения народа, не остававшегося безучастным свидетелем происходившего.

Протест Филиппа был симптомом окончательного падения престижа царя в земщине. Приспешники Грозного настоятельно убеждали его пустить в ход насилие, поскольку в обстановке острого внутреннего кризиса всякое проявление слабости могло иметь катастрофические для властей последствия.

Филипп нарушил клятву «не вступаться в опричнину» и должен был понести наказание. Опричники схватили его бояр и забили их на смерть железными палицами, вода по улицам Москвы: Этот факт получил отражение в синодике, где записаны митрополичьи старцы Леонтий Русинов, Никита Опухтин и другие. Рядом с митрополичьими советниками на страницах синодика фигурируют ближние люди и слуги конюшего Челяднина. Очевидно, раздор с митрополитом побудил царя отдать давно подготовленный приказ о расправе с «заговорщиками».

В соответствии с официальной версией, конюший Челяднин готовился произвести переворот с помощью своих многочисленных слуг и подданных, будто бы посвященных в планы заговора. Немудрено, что опричники подвергли вооруженную свиту конюшего и его челядь беспощадному истреблению. Царские телохранители совершили несколько карательных походов во

владения Челяднина. Записи синодика позволяют восстановить картину первых опричных погромов во всех деталях. Ближние вотчины конюшего разгромил Малюта Скуратов. Заслуги палача были оценены должным образом, и с этого момента началось его быстрое возвышение в опричнине. После разгрома ближних вотчин настала очередь дальних владений. Челяднин был одним из богатейших людей своего времени. Ему принадлежали обширные земли в Бежецком Верху неподалеку от Твери. Туда царь явился собственной персоной со всей опричной силой. При разгроме боярского двора «кромешники» посекали боярских слуг саблями, а прочую челядь и домочадцев согнали в сарай и взорвали на воздух порохом. Об этих казнях повествует следующая документальная запись синодика: «В Бежецком Верху отделано Ивановых людей 65 человек да 12 человек скончавшихся ручным усечением».

Погром не прекращался в течение нескольких месяцев — с марта по июль. Летом опричники подвели своеобразный итог своей деятельности со времени раскрытия «заговора». «Отделано 369 человек и всего отделано июля по 6-е число» (1568), — читаем в синодике. Примерно 300 человек из указанных в «отчете» были боярскими слугами и холопами. Они погибли при разгроме вотчин.

Непрекращавшееся кровопролитие обострило конфликт между царем и церковью. Следуя примеру митрополита Афанасия, Филипп в знак протеста против действий царя покинул свою резиденцию в Кремле и демонстративно переселился в один из столичных монастырей. Однако, в отличие от своего безвольного предшественника, Колычев отказался сложить сан митрополита.

Открытый раздор с главой церкви ставил Грозного в исключительно трудное положение. Он вынужден был удалиться в слободу и заняться там подготовкой суда над Филиппом. Опричные власти поспешили вызвать из Новгорода преданного царю архиепископа Пимена. Специально подобранная из опричников и духовных лиц комиссия произвела розыск о жизни Филиппа в Соловецком монастыре и с помощью угроз и подкупа принудила нескольких монахов выступить с показаниями, порочившими их бывшего игумена. Состряпанное комиссией обвинение оказалось все же столь сомнительным, что самый авторитетный член комиссии епископ Пафнутий отказался подписать его. Противодействие епископа грозило сорвать суд над Филиппом. Исход дела должно было определить теперь обсуждение в Боярской думе, многие члены которой сочувствовали Колычеву.

Конфликт достиг критической фазы. В такой обстановке Грозный решил нанести думе упреждающий удар. 11 сентября 1568 г. Москва стала свидетелем казней, зафиксированных синодиком: «Отделано: Ивана Петровича Федорова; на Москве отделаны Михаил Колычев да три сына его; по городам — князя Андрея Катырева, князя Федора Троекурова, Михаила Лыкова с племянником». Отмеченные синодиком репрессии против членов Боярской думы по своему размаху немногим уступали первым опричным казням. На эшафот разом взошли старший боярин думы И. П. Челяднин-Федоров, окольные М. И. Колычев и М. М. Лыков, боярин князь А. И. Катырев-Ростовский.

При разгроме «заговора» Челяднина пролилось значительно больше крови, чем в первые месяцы опричнины. На основании записей синодика можно установить, что с конюшим погибло до 150 дворян и приказных людей и вдвое большее число их слуг и холопов. Репрессии носили в целом беспорядочный характер. Хватали без разбора друзей и знакомых Челяднина, уцелевших сторонников Адашева, родню находившихся в эмиграции дворян и т. д. «Побивали» всех, кто осмеливался протестовать против опричнины. Недовольных же было более чем достаточно, и они вовсе не хотели молчать. Записанный в синодик дворянин Митнев, будучи на пиру во дворце, бросил в лицо царю дерзкий упрек: «Царь, воистину яко сам пиешь, так и нас принуждаешь, окаянный, мед, с кровию смешанный братии наших... пити!» Тут же во дворце он был убит опричниками. Вяземский дворянин Митнев имел основания протестовать против произвола опричнины. Он был выслан из своего уезда в начале опричнины и лишился земельных владений.

Помимо дворян, пострадавших от опричных выселений, недовольство выражали казанские ссыльные, разоренные конфискацией родовых вотчин. Полоса амнистий безвозвратно миновала, и теперь некоторые из «прощенных» княжат были убиты. В числе их боярин А. И. Катырев, трое Хохолковых, Ф. И. Троекуров, Д. В. Ушатый и Д. Ю. Сицкий. Расправы с княжеской знатью были осуществлены как бы мимоходом: преобладающее большинство репрессированных принадлежало к нетитулованному дворянству.

Самыми видными подсудимыми на процессе о заговоре в земщине стали члены знатнейших старомосковских нетитулованных фамилий — И. П. Челяднин, Шеины-Морозовы, Сабуровы, Карповы, В. Д. Данилов, казначей Х. Ю. Тютин, несколько видных дьяков, а также бывшие старицкие вассалы В. Н. Борисов, И. Б. Колычев, Ф. Р. Образцов. Невозможно поверить тому, что все казненные были участниками единого заговора. Подлин-

ные сторонники Старицкого, названные в летописных приписках, уже покинули политическую сцену. Что же касается Челяднина, то он, согласно летописным рассказам, в 1553 г. выступал противником князя Владимира и более всех других способствовал его разоблачению. Окольничий М. И. Колычев также доказал свою лояльность в деле Старицких. Недаром он был послан в Горицкий монастырь для надзора за Евфросинией Старицкой тотчас после ее пострижения.

Обвинения насчет связей с «крамольным» князем Владимиром служили не более чем предлогом для расправы с влиятельными боярскими кругами, способными оказать реальное сопротивление опричной политике. пытки открыли перед властями путь к подтверждению вымышленных обвинений. Арестованных заставляли называть имена «сообщников». Оговоренных людей казнили без суда. Исключение было сделано только для конюшего И. П. Челяднина и М. И. Колычева. Но их судили ускоренным судом. Царь собрал в парадных покоях большого кремлевского дворца членов думы и столичное дворянство и велел привести осужденных. Конюшему он приказал облечься в царские одежды и сесть на трон. Преклонив колени, Грозный напутствовал несчастного иронической речью: «Ты хотел занять мое место, и вот ныне ты великий князь, наслаждайся владычеством, которого жаждал!» Затем по условному знаку опричники убили конюшего, выволокли его труп из дворца и бросили в навозную кучу. Фарс, устроенный в Кремле, и вымыслы по поводу того, что конюший домогался короны, показали, что опричному правительству не удалось доказать выдвинутые против него обвинения. Главные «сообщники» Челяднина — нарвский воевода М. М. Лыков, свияжский воевода А. И. Катырев и казанский воевода Ф. И. Троекуров — были казнены без судебной процедуры.

Как правило, следствие проводилось в строгой тайне, и смертные приговоры выносились заочно. Осужденных убивали дома или на улице, на трупе оставляли краткую записку. Таким способом преступления «заговорщиков» доводились до всеобщего сведения.

Гибель Челяднина решила судьбу Филиппа. Вернувшаяся с Соловков следственная комиссия представила боярам материалы о порочной жизни митрополита. Оппозиция в думе была обезглавлена, и никто не осмелился высказать вслух своих сомнений. Послушно следуя воле царя, земская Боярская дума вынесла решение о суде над главою церкви. Чтобы запугать Филиппа, царь послал ему в монастырь зашитую в кожаный мешок голову окольничего М. И. Колычева, его троюродного

брата. Филиппа судили в присутствии Боярской думы и высшего духовенства. На соборном суде главным свидетелем обвинения выступил соловецкий игумен Паисий, бывший ученик Филиппа, которому за предательство обещали епископский сан. Филипп отверг все обвинения и попытался прекратить судебное разбирательство, объявив о том, что слагает с себя сан по своей воле. Но царь отказался признать отречение Колычева. Он не забыл пережитого унижения и желал скомпрометировать опального главу церкви в глазах народа.

Филипп принужден был служить службу после того, как соборный суд вынес ему приговор. В середине службы в Успенский собор ворвались опричники. При общем замешательстве Басманов огласил соборный приговор, порочивший митрополита. С Колычева содрали клобук и мантию, бросили его в простые сани и увезли в Богоявленский монастырь. Признанный виновным в «скаредных делах», Колычев по церковным законам подлежал сожжению, но Грозный заменил казнь вечным заточением в монастырской тюрьме.

Смолкли голоса недовольных в земщине. На страну опустилась мгла. Не только мнимых заговорщиков, но и всех заподозренных в сочувствии им постигла суровая кара. Вожди опричнины торжествовали победу. Но ближайшие события показали, что их торжество было преждевременным. Прошел год, и усилившийся террор поглотил не только противников опричнины, но и тех, кто стоял у ее колыбели.

РАЗГРОМ НОВГОРОДА

ыстроенный подле Кремля опричный замок недолго был царской резиденцией. Из-за раздора с митрополитом Грозный покинул столицу и переселился в Александровскую слободу, затерянную среди густых лесов и болот. Там он жил затворником за прочными и высокими стенами вновь выстроенного «града». Подступы к слободе охраняла усиленная стража. Никто не мог проникнуть в царскую резиденцию без специального пропуска — «памяти». Вместе с Иваном IV в слободе обосновалась вся опричная дума. Там «кромешники» принимали иностранных послов и вершили важнейшие дела, а в свободное от службы время монашествовали.

Перемены в московском правлении были разительными, и царские дипломаты получили приказ объяснить иноземцам, что русский царь уехал в «село» по своей воле «для своего прохлады», что его резиденция в «селе» расположена вблизи Москвы, поэтому царь «государство свое правит (и) на Москве и в слободе». В действительности Грозный не «прохлаждался», а прятался в слободе, гонимый страхом перед боярской крамолой. Под влиянием страха царь велел сыновьям передать очень крупные суммы денег в Кириллов монастырь на устройство келий. Теперь в случае необходимости вся царская семья могла укрыться в стенах затерянного среди дремучих лесов монастыря. Во время очередного посещения Вологды Иван IV распорядился ускорить строительство опричной крепости, позже велел заложить верфи в ее окрестностях. Вологодские плотники с помощью английских мастеров приступили к строительству судов и барж, предназначенных для того, чтобы вывезти царскую сокровищницу в Соловки, откуда морской путь вел в Англию. Практические приготовления к отъезду за море были осуществлены после того, как царь успешно завершил переговоры с послом Рандольфом о предоставлении его семье убежища в Англии.

Тщательно наблюдая за положением дел в стране, Грозный и его приспешники повсюду видели признаки надвигающейся беды. Царь был уверен, то лишь случай помог ему избежать литовского плена. Между тем король с помощью эмигрантов продолжал вести тайную войну против России. В начале 1569 г. немногочисленный литовский отряд при загадочных обстоятельствах захватил важный опорный пункт обороны на северо-западе — неприступную Изборскую крепость. Глухой ночью изменник Т. Тетерин, переодевшись в опричную одежду, велел страже открыть ворота Изборска, «вопрошаясь опричниной». После освобождения этой крепости опричники объявили изборских подьячих сообщниками Тетерина и предали их казни, что засвидетельствовано синодиком. Одновременно они обезглавили дьяков в ближайших к Изборску крепостях русской Ливонии. Изборская измена бросила тень на всю приказную администрацию и жителей Пскова и Новгорода. Умножившиеся повсюду признаки недовольства вызвали подозрения насчет того, что Псков и Новгород при неблагоприятных обстоятельствах последуют примеру Изборска. Чтобы предотвратить возможную измену, опричные власти отдали приказ о выселении всех неблагонадежных лиц из Новгородско-Псковской земли. В результате было выселено 500 семей из Пскова и 150 семей из Новгорода. В изгнание отправилось примерно 2—3 тысячи горожан, считая женщин и детей. Затеянное Грозным переселение напоминало аналогичные меры его деда. Но если Иван III подверг гонениям привилегированные новгородские верхи, то Иван IV обрушился на низшие слои. Массовое выселение посадских людей из Пскова и Новгорода, двух городов, казавшихся правительству опасными очагами социального брожения, характеризовало социальную направленность опричной политики.

Незадолго до выселения горожан царь Иван получил от своих послов подробную информацию о перевороте в Швеции, в результате которого его союзник Эрик XIV был свергнут с престола. Шведские события усилили собственные страхи царя. Сходство ситуаций было разительным. Эрик XIV, по словам царских послов, казнил много знатных дворян, после чего стал бояться «от своих бояр убивства». Опасаясь мятежа, он тайно просил царских послов взять его на Русь. Произошло это в то самое время, когда царь Иван втайне готовился бежать в Англию. Полученная в Вологде информация, по-видимому, повлияла на исход изборского следствия. Псковские впечатления причудливо сплелись со шведскими в единое целое. Послы уведомили царя, что накануне мятежа Эрик XIV просил находившихся в Стокгольме русских послов «проведывати про

стеколских (стокгольмских) людей про посадских измену, что они хотят королю изменить, а город хотят здати королевичем», т. е. королевским братьям. В конце концов измена стокгольмского посада погубила шведского короля.

Руководители опричнины, напуганные изборской изменой, стали исходить из предположения, что посадские люди Пскова и Новгорода готовы последовать примеру Стокгольма и поддерживать любой антиправительственный мятеж. Роль мятежных шведских герцогов мог взять на себя князь Владимир Андреевич: и он и его отец держали в Новгороде двор-резиденцию, имели там вассалов и, будучи соседями новгородцев, пользовались их симпатиями. Новгородский летописец, хорошо знавший местные настроения, отметил, что после смерти Владимира многие люди (из числа местного населения) «восплакашася» по нем. Подозрения насчет возможного сговора Старицкого с Новгородом подкреплялись и тем, что новгородские помещики сыграли заметную роль в только что разгромленном «заговоре» конюшего И. П. Челяднина-Федорова.

Подозрения и страхи по поводу изборских событий и шведские известия предрешили судьбу Старицких. Царь вознамерился покончить раз и навсегда с опасностью мятежа со стороны брата. Такое решение выдвинуло перед Иваном некоторые проблемы морального порядка. В незапамятные времена церковь канонизовала Бориса и Глеба ради того, чтобы положить конец взаимному кровопролитию в княжеских семьях. Братоубийство считалось худшим преступлением, и царь не без колебаний решился на него. Прежние провинности князя Владимира казались, однако, недостаточными, чтобы оправдать осуждение его на смерть. Нужны были более веские улики. Вскоре они нашлись. Опричные судьи сфабриковали версию о покушении князя Владимира на жизнь царя. Версия нимало не соответствовала характерам действующих лиц и поражала своей нелепостью. Но современники, наблюдавшие процедуру собственными глазами, замечают, что к расследованию были привлечены в качестве свидетелей ближайшие льстецы, прихлебатели и палачи, что и обеспечило необходимый результат.

После гибели конюшего Челяднина князь Владимир был отослан с полками в Нижний Новгород. Опричники задались целью доказать, будто опальный князь замыслил отравить царя и всю его семью. Они арестовали дворцового повара, ездившего в Нижний Новгород за белорыбицей для царского стола, и обвинили его в преступном сговоре с братом царя. При поваре «найден» был порошок, объявленный ядом, и крупная сумма денег, якобы переданная ему Владимиром Андреевичем. Уже

после расправы со Старицкими власти официально заявили о том, что князь Владимир с матерью хотели «испортить» государя и государевых детей. Инсценированное опричниками покушение на жизнь царя послужило предлогом для неслыханно жестоких гонений и погромов.

Грозный считал тетку душой всех интриг, направленных против него. Неудивительно, что он первым делом распорядился забрать Евфросинию Старицкую из Горицкого монастыря. Многолетняя семейная ссора разрешилась кровавым финалом. По-видимому, из-за отсутствия доказательств причастности Евфросинии к новгородскому «заговору» или желая избежать последних объяснений, Иван IV велел отравить опальную угарным газом, в то время как ее везли на речных стругах по Шексне в слободу.

Князь Владимир в те же самые дни получил приказ покинуть Нижний Новгород и прибыть в слободу. На последней ямской станции перед слободой лагерь Владимира Андреевича был внезапно окружен опричными войсками. В шатер к удельному князю явились опричные судьи Малюта Скуратов и Василий Грязной и объявили, что царь считает его не братом, но врагом. После очной ставки с дворцовым поваром и короткого разбирательства «дела» Владимир Андреевич и его семья были осуждены на смерть. Из родственного лицемерия царь не пожелал прибегнуть к услугам палача и принудил брата к самоубийству. Безвольный Владимир, запуганный и сломленный морально, выпил кубок с отравленным вином. Вторым браком Владимир был женат на двоюродной сестре беглого боярина Курбского. Мстительный царь велел отравить ее вместе с девятилетней дочерью. Царь, однако, пощадил старших детей князя Владимира — наследника княжича Василия и двух дочерей от первого брака. Спустя некоторое время он вернул племяннику отцовский удел.

Записи синодика опальных помогают воссоздать картину гибели Старицких во всех подробностях. Синодик показывает, что главные свидетели обвинения повар Молява с сыновьями и рыболовы, якобы участвовавшие в нижегородском заговоре, были убиты до окончания суда над удельным князем. Источники, таким образом, опровергают версию опричников Таубе и Крузе, будто свидетели с самого начала вошли в тайный сговор с опричными судьями и их лишь для вида брали к пытке. Вместе со свидетелями палачи казнили новгородского подьячего А. Свизева, показания которого положили начало более широкому расследованию новгородской измены. В царском архиве хранилось «дело наугородское на подьячих на Онтоне Свизева со това-

рищи, прислано из Новгорода по Павлове скаске Петрова с Васильем Степановым». Как видно, Свиезева погубил донос из земщины. Донос был доставлен в опричнину земским дьяком В. Степановым, который пережил Свиезева всего на полгода.

Учиненный после казни Старицкого разгром Новгорода ошеломил современников. Мало кто знал правду о причинах трагедии: с самого начала новгородское дело окружено было глубокой тайной. Опричная дума приняла решение о походе на Новгород в декабре 1569 г. Царь созвал в Александровской слободе все опричное войнство и объявил ему весть о «великой измене» новгородцев. Не мешкая, войска двинулись к Новгороду. 8 января 1570 г. царь прибыл в древний город. На Волховском мосту его встречало духовенство с крестами и иконами. Но торжество было испорчено в первые же минуты. Царь назвал местного архиепископа Пимена изменником и отказался принять от него благословение. Однако, будучи человеком благочестивым, царь не пожелал пропустить службу. Церковники должны были служить обедню, невзирая на общее замешательство. После службы Пимен повел гостей в палаты «хлеба ясти». Коротким оказался этот невеселый пир. Возопив гласом великим «с яростью», царь велел страже схватить хозяина и ограбить его подворье. Опричники ограбили Софийский собор, забрали драгоценную церковную утварь и иконы, выломали из алтаря древние Корсунские врата. В городе прошли повальные аресты. Опричники увезли арестованных в царский лагерь на Городище.

Последующие расправы подробно описаны неизвестным новгородцем, автором «Повести о гибели Новгорода», сохранившейся в составе новгородской летописи. Некоторые подробности летописного рассказа вызывают невольные сомнения. Зима в 1570 г. выдалась необыкновенно суровая, между тем летописец говорит, что одни опричники бросали в Волхов связанных по рукам и ногам женщин и детей, а другие разъезжали по реке на лодке и топорами и рогатинами топили тех, кому удавалось всплыть. Однако сомнения оказываются напрасными. Вновь открытый немецкий источник о разгроме Новгорода, составленный на основании показаний очевидцев, бежавших за границу, и опубликованный уже в 1572 г. во Франкфурте-на-Майне, рисует картину опричных деяний, в деталях совпадающую с летописной. Поскольку эти источники различны по своему происхождению, совпадение показаний подтверждает их достоверность.

Опричные судьи вели дознание с помощью жесточайших пыток. Согласно новгородскому источнику, опальных жгли на огне «некоею составною мукою огненной». Немецкий источник до-

бавляет, что новгородцев «подвешивали за руки и поджигали у них на челе пламя». Оба источника утверждают, что замученных привязывали к саням длинной веревкой, волокни через весь город к Волхову и спускали под лед. Избивали не только подозреваемых в измене, но и членов их семей. С женами, как свидетельствует немецкий источник, расправлялись на Волховском мосту. Связанных женщин и детей бросали в воду и заталкивали под лед палками.

Летописец весьма точно определяет круг лиц, привлеченных к дознанию на Городище. Опричники допрашивали архиепископских бояр, многих новгородских служилых людей, детей боярских, а также гостей и купцов. Опричники педантично перебили сначала всех семейных подьячих с их женами и детьми, а затем холостых приказных Новгорода. Эти последние фигурируют в синодике под общим заголовком: «новгородские подьячие неженатые». На Городище погибли богатые новгородские купцы Сырковы и многие именитые горожане. Жертвами судилища стало примерно 200 дворян и более 100 домочадцев, 45 дьяков и приказных и столько же членов их семей.

Суд над главными новгородскими «заговорщиками» в царском лагере на Городище явился центральным эпизодом всего новгородского похода. Опричные следователи и судьи действовали ускоренными методами, но и при этом они не могли допросить, подвергнуть пыткам, провести очные ставки, записать показания и, наконец, казнить несколько сот людей за две-три недели. Всего вероятнее, суд на Городище продолжался три-четыре недели и завершился в конце января. С этого момента новгородское дело вступило во вторую фазу. Описав расправу на Городище, местный летописец замечает: «По окончании того государь со своими воинскими людьми начат ездити около Великого Новгорода по монастырям».

Считая вину черного духовенства доказанной, царь решил посетить главнейшие из монастырей в окрестностях города не ради богомолья, а для того, чтобы самолично присутствовать при изъятии казны, заблаговременно опечатанной опричниками. Сопровождавший царя Г. Штаден пишет: «Каждый день он поднимался и переезжал в другой монастырь, где давал простор своему озорству». Опричники забирали деньги, грабили кельи, снимали колокола, громили монастырское хозяйство, секли скотину. Настоятелей и соборных старцев били по пяткам палками с утра до вечера, требуя с них особую мзду. В итоге опричного разгрома черное духовенство было ограблено до нитки. В опричную казну перешли бесценные сокровища Софийского дома. По данным новгородских летописей, опричники конфис-

ковали казну также у 27 старейших монастырей. В некоторых из них Грозный побывал лично. Царский объезд занял самое малое несколько дней, может быть, неделю.

Участники опричного похода и новгородские авторы-очевидцы единодушно свидетельствуют о том, что новгородский посад жил своей обычной жизнью, пока царь занят был судом на Городище и монастырями. В это время нормально функционировали городские рынки, на которых опричники имели возможность продавать награбленное имущество. Положение изменилось после окончания суда и монастырского объезда.

Внимательное чтение источников опровергает традиционное представление, будто опричники пять-шесть недель непрерывно громили посад. На самом деле царь закончил суд над монахами за несколько дней до отъезда в Псков. В эти дни опричники и произвели форменное нападение на город. Они разграбили новгородский торг и поделили самое ценное из награбленного между собой. Простые товары, такие, как сало, воск, лен, они сваливали в большие кучи и сжигали. В дни погрома были уничтожены большие запасы товаров, предназначенные для торговли с Западом. Ограблению подверглись не только торги, но и дома посадских людей. Опричники ломали ворота, выставляли двери, били окна. Горожан, которые пытались противиться насилию, убивали на месте. С особой жестокостью царские слуги преследовали бедноту. Вследствие голода в Новгороде собралось множество нищих. В сильные морозы царь велел выгнать их всех за ворота города. Большая часть этих людей погибла от холода и голода.

Опричные санкции против посада преследовали две основные цели. Первая состояла в том, чтобы пополнить опричную казну, а вторая — в том, чтобы терроризировать низшие слои городского населения, подавить в нем все элементы недовольства, ослабить опасность народного возмущения. В истории кровавых «подвигов» опричины новгородский погром был самым отвратительным эпизодом. Бессмысленные и жестокие избиения ни в чем не повинного населения сделали самое понятие опричины синонимом произвола и беззакония.

Разделавшись с новгородцами, опричное войнство двинулось к Пскову. Жители этого города поспешили выразить полную покорность. Вдоль улиц, по которым должен был проследовать царский кортеж, стояли столы с хлебом-солью. Царь не пощадил Пскова, но всю ярость обрушил на местное духовенство. Печерскому игумену, вышедшему навстречу царю с крестами и иконами, отрубили голову. Псковские церкви были ограблены до нитки. Опричники сняли с соборов и увезли в слободу коло-

кола, забрали церковную утварь. Перед отъездом царь отдал город опричникам на разграбление. Но опричники не успели завершить начатое дело.

Во времена Грозного ходило немало легенд относительно внезапного прекращения псковского погрома. Участники опричного похода сообщали, будто на улицах Пскова Грозный встретил юродивого Николу и тот подал ему совет ехать прочь из города, чтобы избежать большого несчастья. Церковники снабдили легенду о царе и юродивом множеством вымышленных подробностей. Блаженный будто бы поучал царя «ужасными словесы еже престати от веляя кровопролития и не дерзнути еже грабити святыя божия церкви». Не слушая юродивого, Иван велел снять колокол с Троицкого собора. В тот же час под царем пал конь. Пророчества Николы стали сбываться. Царь в ужасе бежал.

Полоумный псковский юродивый оказался одним из немногих людей, осмелившихся открыто перечить Грозному. Его слова, возможно, ускорили отъезд опричников: царь Иван был подвержен всем суевериям своего времени. Но пророчества Николы нисколько не помешали антицерковным мероприятиям опричнины. Царь покинул Псков лишь после того, как ограбил до нитки псковское духовенство.

Псков избежал участи Новгорода по причинам, которые долгое время ускользали из поля зрения историков и открылись лишь после реконструкции текста синодика опальных царя Ивана Грозного. Незадолго до опричного похода власти выселили из Пскова несколько сот семей, заподозренных в измене. Этих переселенцев опричники застали под Тверью и в Торжке. По приказу царя опричники устроили псковичам кровавую баню, перебив 220 мужчин с женами и детьми. Царя вполне удовлетворила эта резня, и только потому он пощадил прочих жителей Пскова. Из Пскова Грозный уехал в Старицу, а оттуда в слободу. Карательный поход был окончен.

Кто был повинен в ужасной трагедии? Об этом даже многие очевидцы и участники событий имели смутное представление. Новгородцы, не смея винить благочестивого государя, сочинили легенду о зловредном бродяге Петре Волынце. Некто Петр Волынец задумал отомстить новгородцам и для того сочинил ложную грамоту об их измене. Получив от него донос, царь предал город разграблению. Новгородцы, которым предъявлена была грамота Петра, растерянно сказали: «От подписей рук наших отпереться не можем, но что мы королю польскому поддаться хотели или думали, того никогда не было». Так излагал события поздний летописец, который мало что знал и не мог

отличить вымысла от действительности. Но записанные им новгородские предания все же хранили в себе крупицу истины. Как раз в дни новгородского разгрома в Москву прибыл венецианец аббат Джерио, которому удалось собрать ценные сведения о происходивших тогда событиях. По словам аббата, царь разорил Новгород «вследствие поимки гонца с изменническим письмом». Нетрудно усмотреть аналогию между современным известием о поимке гонца и поздним преданием о бродяге Петре, литовском лазутчике из Волини. Можно указать еще на один источник, упоминающий об «изменной грамоте». Это подлинная опись царского архива 70-х гг. XVI в. Она упоминает о некоем загадочном документе — отписке «из Новагорода от дьяков Андрея Безсонова да от Кузьмы Румянцева о польской памяти». Итак, новгородские дьяки сами известили царя о присылке им из Польши письма — «памяти» и вскоре приняли смерть за мнимую измену в пользу поляков. Тотчас после расправы с новгородцами Посольский приказ составил подробный наказ для русских дипломатов в Польше. Если поляки спросят о казнях в Новгороде, значилось в наказе, то на их вопрос должно отвечать ехидным контрвопросом: «Али вам то ведомо?» и «Коли вам то ведомо, а нам что и сказывати? О котором есте лихом деле с государскими изменниками через лазутчиков ссылались и бог ту измену государю нашему объявил и потому над теми изменниками так и сталось». Как видно, лазутчики доставили в Новгород «изменническое» письмо (польскую «память»), дьяки поспешили донести об этом в Москву, но подозрительный царь увидел во всем этом доказательство неверности своих подданных. Посольские наказания обнаруживают всю степень его ослепления. Становится очевидным, что Грозный и его окружение стали жертвой беспримерной мистификации. Усилия литовской секретной службы, имевшие целью скомпрометировать новгородцев с помощью подложных материалов, увенчались полным успехом. Утратив доверие к подданным, царь использовал войска, предназначавшиеся для войны с Польшей, на то, чтобы громить свои собственные города. Чтобы окончательно развязать себе руки, он спешно заключил перемирие и через своих послов самонадеянно заявил полякам, что ему сам бог открыл их сговор с новгородцами.

По иронии судьбы имя главного из новгородских «заговорщиков» кануло в Лету. Из всех современников Грозного один Шлихтинг ненароком обмолвился о нем. Но рассказ его не слишком определен. Вкратце он сводится к следующему. У некоего Василия Дмитриевича (фамилии его Шлихтинг не знал) служили литовские пленники-пушкари. Они пытались бежать

на родину, но были пойманы и под пытками показали, будто бежали с ведома господина. Опричники вздернули на дыбу Василия Дмитриевича, и тот повинился в измене в пользу польского короля. Шлихтинг описал гибель безвестного Василия Дмитриевича как вполне заурядное происшествие. Однако русские документы позволяют установить, что автор «Сказаний» умолчал о самом важном. Первые указания на этот эпизод можно обнаружить в подлинной описи царского архива 70-х гг. XVI в. Среди прочих сыскных дел в архиве хранилась отписка «ко государю в Васильеве деле Дмитриева о пушкарях о беглых о Мишках». Архивная отписка вполне удостоверяет версию Шлихтинга. Из нее царь впервые узнал о поимке беглых пушкарей — слуг Василия Дмитриевича. Дорисовать картину помогает синодик опальных, в котором Василий Дмитриевич записан среди лиц, казненных опричниками во время суда на Городище под Новгородом. «Василия Дмитриевича Данилова, Андрея Безсонов дьяк, Васильевых людей два немчина: Максима литвин, Роп немчин, Кузьминых людей Румянцева» и пр. Приведенная запись синодика вводит нас в самую гущу грандиозного политического процесса, получившего наименование «новгородского изменного дела». Она позволяет установить, что главной фигурой этого процесса был Василий Дмитриевич Данилов, выдающийся земский боярин периода опричнины. В синодике его окружают главный новгородский дьяк А. Безсонов, слуги второго новгородского дьяка К. Румянцева и, наконец, люди боярина Данилова — беглый литовский пленник Максим, в русской транскрипции «пушкарь Мишка». Его донос погубил земского боярина, но и сам он разделил участь своей жертвы.

Внимательное сличение источников обнаруживает многие неизвестные ранее факты. Мифический бродяга Петр Волевец принужден уступить место знаменитому боярину Данилову. По существу, новгородское дело, как можно теперь установить, повторило в более широких масштабах дело о заговоре Челядина. В одном случае удар обрушился на головы митрополита и конюшего, в другом — на архиепископа новгородского и боярина В. Д. Данилова. Как и в деле Челядина, правительство искало заговорщиков преимущественно в среде нетитулованной старомосковской знати. В Новгороде погибли А. В. Бутурлин, Г. Волинский, несколько Плещеевых. Вопреки целям и стремлениям инициаторов опричнины опричная политика окончательно утратила первоначальную антикняжескую направленность. Новгородское дело завершило второй цикл замены боярского руководства земщины.

Участников «заговора» боярина Данилова обвинили в двух

преступлениях. Они будто бы хотели «Новгород и Псков отдать литовскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси хотели злым умышленьем извести, а на государство посадити князя Володимера Ондреевича». Нетрудно заметить, что официальная версия объединяла два взаимоисключающих обвинения. Если новгородцы надеялись посадить на трон угодное им лицо — двоюродного брата царя Владимира Андреевича, то, спрашивается, зачем надо было им «подаваться» в Литву под власть чужеземного государя? Подобный простой вопрос, видимо, не особенно затруднял тех, кто руководил розыском, — Малюту Скуратова и его друзей.

Современники утверждали, будто в новгородском погроме погибло то ли 20, то ли 60 тысяч человек. Лет сто назад историки попытались уточнить масштабы трагедии. Поскольку, рассуждали они, опричники избивали в день в среднем тысячу новгородцев (эту цифру сообщает летописец), а экзекуция длилась пять недель, значит, погибло около 40 тысяч человек. Приведенная цифра лишена какой бы то ни было достоверности. В основе расчета лежат ошибочные исходные данные. Сведения летописи о гибели тысячи человек в день, очевидно, являются плодом фантазии летописца. Неверным является и предположение о том, что разгром посада длился пять недель. Помимо всего прочего, опричники не могли истребить в Новгороде 40 тысяч человек, так как даже в пору расцвета его население не превышало 25—30 тысяч. Ко времени погрома из-за страшного голода множество горожан покинуло посад либо умерло голодной смертью.

Самые точные данные о новгородском разгроме сообщает синодик опальных царя Ивана Грозного. Составители синодика включили в его текст подлинный «отчет», или «сказку», Малюты Скуратова, главного руководителя всей карательной экспедиции. Запись сохранила даже грубый жаргон опричника: «По Малютине скаске в ноугороцкой посылке Малюта отдала 1490 человек (ручным усечением), ис пищали отделано 15 человек». В большинстве своем «отделанные» Малютой «православные христиане» принадлежали к посадским низам. Их имена опричников не интересовали. К дворянам отношение было более внимательным. В синодике значатся имена и прозвания нескольких сот убитых дворян и их домочадцев. Суммируя все эти данные, можно сделать вывод о том, что в Новгороде погибло примерно 2 или 3 тысячи человек.

Опричный разгром не затронул толщи сельского населения Новгорода. Разорение новгородской деревни началось задолго до нашествия опричников. Погром усугубил бедствие, но

сам по себе он не мог быть причиной упадка Новгородской земли.

Санкции против церкви и богатой торгово-промышленной верхушки Новгорода продиктованы были скорее всего корыстными интересами опричной казны. Непрерывавшаяся война и дорогостоящие опричные затеи требовали от правительства огромных средств. Государственная казна была между тем пуста. Испытывая финансовую нужду, власти все чаще обращали взоры в сторону обладателя самых крупных богатств — церкви. Но духовенство не желало поступаться своим имуществом. Суд над митрополитом Филиппом нанес сильнейший удар престижу церкви. Опричное правительство использовало это обстоятельство, чтобы наложить руку на богатства новгородской церкви. «Изменное дело» послужило удобным предлогом для ограбления новгородско-псковского архиепископства. Но опричина вовсе не ставила целью подорвать влияние церкви. Она не осмелилась наложить руку на главное богатство церкви — ее земли.

Государев разгром нанес большой ущерб посадскому населению Новгорода, Пскова, Твери, Ладоги. Торговля Новгорода с западноевропейскими странами была подорвана на многие годы. Но санкции опричины против посада носили скоротечный характер. Их целью было скорее устрашение, чем поголовное истребление населения.

Существует мнение, что погром Новгорода был связан с необходимостью для государства покончить с последними форпостами удельной децентрализации. Едва ли это справедливо.

В период ликвидации Новгородской республики, в конце XV в., московское правительство экспроприировало земли всех местных феодалов (бояр, купцов и «житьих людей») и водворило на них московских дворян-помещиков. Ни в одной другой земле мероприятия, призванные гарантировать объединение, не проводились с такой последовательностью, как в Новгороде. Ко времени опричины в Новгородской земле прочно утвердились московские порядки. Москва постоянно назначала и сменяла всю приказную и церковную администрацию Новгорода, распоряжалась всем фондом новгородских поместных земель. Влияние новгородской церкви и приказных людей на местное управление заметно усилилось после упразднения новгородского наместничества в начале 60-х гг. Местный приказный аппарат, целиком зависевший от центральной власти, служил верной опорой монархии. То же самое можно сказать и относительно новгородской церкви. В годы опричины новгородский архиепископ Пимен оказал много важных услуг царю и его приспешникам. Однако, несмотря на безусловную лояльность новгород-

ской администрации по отношению к опричнине, царь Иван и его сподвижники не очень доверяли новгородцам и недолго любили Новгород, что объяснялось различными причинами.

По мере того как углублялся раскол между опричниной и земщиной, опричная дума с растущим беспокойством следила за настроениями новгородской «кованой рати», по численности вдвое превосходившей всю опричную армию. Политическое влияние новгородского дворянства было столь значительным, что при любом кризисе боровшиеся за власть группировки старались добиться его поддержки.

В годы боярского правления новгородцы в массе не поддерживали Старицкого, и его мятеж был подавлен. Несколько лет спустя новгородцы «всем городом» выступили на стороне бояр Шуйских, которые смогли осуществить переворот и захватить в свои руки бразды правления. Опричнина умножила опасные симптомы недовольства в среде земских дворян Новгорода. Царь закрыл новгородцам доступ на опричную службу, и они испытали на себе произвол опричнины. Неудивительно, что уже в первых опричных процессах замелькали имена новгородцев.

Одной из причин антиновгородских мероприятий опричнины было давнее торговое и культурное соперничество между Москвой и Новгородом. Но несравненно более важное значение имело обострение социальных противоречий в Новгородской земле, связанное с экономическим упадком конца 60-х гг. В жизни некогда независимых феодальных республик Новгорода и Пскова социальные контрасты проявлялись в особенно резкой форме. Массовые выселения конца XV в. вовсе не затронули основной толщи местного посадского населения, «меньших» людей, оставшихся живыми носителями демократических традиций новгородской старины. В этой среде сохранился изрядный запас антимосковских настроений, питаемых и поддерживаемых злоупотреблениями власть имущих. С давних пор авторитет московской администрации в Новгороде стоял на весьма низком уровне, подтверждением чему может служить «Сказание о градех» — известный памятник новгородского происхождения. В Новгороде, читаем там, царят всевозможные непорядки, самый большой из них — непослушание и буйство «меньших» людей: бояре в Новгороде «меньшими людьми наряжати не могут, а меньшие их не слушают, а люди сквернословы, плохы, а пьют много и лихо, только их бог блюдет за их глупость». Приведенные строки из старинного «Сказания» не утратили актуальности ко времени опричнины. Пресловутый новгородский сепаратизм был лишь побочным продуктом глубоких со-

циальных противоречий. Голод, охвативший Новгородчину накануне опричного нашествия, усилил повсюду элементы недовольства. Опричные власти сознавали опасность положения и пытались бороться с ней, учиняя дикие погромы и усиливая террор против низов.

В дни новгородского разгрома Грозный уведомил митрополита Кирилла об «измене» новгородского архиепископа. Митрополит и епископы поспешили публично осудить жертву опричнины. Они отправили царю сообщение, что приговорили «на соборе новгородцкому архиепископу Пимену против государывы грамоты за его безчинье священная не действовать». Пимен был выдан опричнине головой. Но высшее духовенство пересердствовало, угождая светским властям. В новом послании Кириллу царь предложил не лишать Пимена архиепископского сана «до подлинного сыску и до соборного уложения».

Иван IV не ждал противодействия со стороны запуганного духовенства. Однако накануне суда он предпринял шаги, которые послужили новым предостережением для недовольных церковников. Опричники обезглавили рязанского архимандрита и взяли под стражу еще нескольких членов Священного собора. Всем памятно было, что Пимен председательствовал на соборе, осудившем Филиппа. Теперь он шел по его стопам. Покорно следуя воле царя, высшие иерархи церкви лишили новгородского архиепископа сана и приговорили к пожизненному заключению. Прибыв к месту заточения, в небольшой монастырь под Тулой, Пимен вскоре же умер там.

Арестованные в Новгороде «сообщники» Пимена в течение нескольких месяцев томились в Александровской слободе. Розыск шел полным ходом. Царь делил труды с Малютой Скуратовым, проводя дни и ночи в тюремных застенках. Опальные подвергались мучительным пыткам и признавались в любых преступлениях. Как значилось в следственных материалах, «в том деле с пыток (!) многие (опальные) про ту измену на новгородцкому архиепископа Пимена и на его советников и на себя говорили». Полученные на пыточном дворе материалы скомпрометировали многих высокопоставленных лиц в Москве.

Кровавый погром Новгорода усилил раздор между царем и верхами земщины. По возвращении из новгородского похода Грозный имел длительное объяснение с государственным печатником Иваном Висковатым. Выходец из низов, Висковатый сделал блестящую карьеру благодаря редкому уму и выдающимся способностям. С первых лет Казанской войны дьяк возглавлял Посольский приказ. Иван IV, как говорили в Москве, любил старого советника, как самого себя. Печатник отважился на

объяснение с Грозным после того, как опричники арестовали и после жестоких пыток казнили его родного брата. Он горячо убеждал царя прекратить кровопролитие, не уничтожать своих бояр. В ответ царь разразился угрозами по адресу боярства. «Я вас еще не стребил, а едва только начал, — заявил он, — но я постараюсь всех вас искоренить, чтобы и памяти вашей не осталось!»

Дьяк выразил вслух настроение земщины, и это встревожило Грозного. Оппозиция со стороны высших приказных чинов, входивших в Боярскую думу, явилась неприятным сюрпризом для царских приспешников. Чтобы пресечь недовольство в корне, они арестовали Висковатого и несколько других земских дьяков и объявили их «советниками» Пимена. Так новгородский процесс перерос в московское дело. Суд над московской верхушкой завершился в течение нескольких недель. 25 июля 1570 г. осужденные были выведены на рыночную площадь, прозывавшуюся в народе Поганой лужей. Царь Иван явился к месту казни в окружении 1,5 тысячи конных стрельцов. Приготовления к экзекуции и появление царя с опричниками вызвали панику среди столичного населения. Люди разбежались по домам. Такой оборот дела озадачил Грозного, и он принялся увещевать народ «подойти посмотреть поближе». Паника понемногу улеглась, и толпа заполнила рыночную площадь. Обращаясь к толпе, царь громко спросил: «Правильно ли я делаю, что хочу покарать своих изменников?» В ответ послышались громкие крики: «Живи, преблагой царь! Ты хорошо делаешь, что наказуешь изменников по делам их!» Всенародное одобрение опричной расправы было, конечно, фикцией.

Стража вывела на площадь примерно 300 опальных людей, разделенных на две группы. Около 180 человек были отведены в сторону и выданы на поруки земцам. Царь «великодушно» объявил народу об их помиловании. Вслед за тем дьяк стал громко «вычитывать вины» прочим осужденным, и начались казни. Печатника Висковатого привязали к бревнам, составленным надобие креста. Распятому дьяку предложили повиниться и просить царя о помиловании. Но гордый земец ответил отказом. «Будьте прокляты, кровопийцы, вместе с вашим царем!» — таковы были его последние слова. Печатника разрезали на части живьем. Государственный казначей Никита Фуников также отказался признать себя виновным и был заживо сварен в кипятке. Затем палачи казнили главных дьяков московских земских приказов, бояр архиепископа Пимена, новгородских дьяков и более 100 человек новгородских дворян и дворцовых слуг.

Казнь московских дьяков была лишь первым актом москов-

ского дела. За спиной приказных людей маячила боярская знать. Висковатый и Фуников получили свои чины от бояр Захарьиных, сосредоточивших в своих руках управление земщиной и распорядившихся при дворе наследника царевича Ивана, их родственника по материнской линии.

Опричники готовились учинить в Москве такой же погром, как и в Новгороде. В день казни Висковатого царь объявил народу с Лобного места, что «в мыслях у него было намерение погубить всех жителей города (Москвы), но он сложил уже с них гнев». Перспектива повторения в столице новгородских событий пугала руководителей земщины. Возможно, Захарьины пытались использовать свое влияние на наследника, чтобы образумить царя и положить предел чудовищному опричному террору.

Отношения между царем и наследником были натянутыми. Вспыльчивый и деспотичный отец нередко поколачивал сына. Меж тем царевичу исполнилось семнадцать лет, и он обладал нравом не менее крутым, чем отец. Грозный давно не доверял Захарьиным и боялся, как бы они не впутали его сына в придворные распри.

Подозрения царя насчет тайных интриг окружавшего царевича боярства зашли столь далеко, что за месяц до московских казней он публично объявил о намерении лишить сына прав на престол и сделать своим наследником «ливонского короля» Магнуса. Достаточно пронизательные современники отметили, что царь хотел лишь нагнать страху на земских бояр и припугнуть строптивного сына. Однако его опрометчивые заявления, сделанные в присутствии бояр и послов, вызвали сильное раздражение в ближайшем окружении наследника.

В памяти народа сохранилось предание о том, что грозный царь разгневался на сына. Из уст в уста передавали народные сказители древнюю историю о том, как царь Иван Васильевич вывел измену из Пскова и из Новгорода и призадумался над тем, как бы вывести измену из каменной Москвы! Малюта — злодей Скуратов сказал тогда царю, что не вывести ему изменушку до веку, пока сидит супротивник (сын) супротив него. Поверив Малюте, Грозный велел казнить наследника, но за него вступился боярин Никита Романович: «Ты, Малюта, Малюта Скурлатович! Не за свой ты кус примаешься, ты етим кусом подавишься!» Благодаря заступничеству дяди царский сын был спасен.

Издатели «Сказов» считали фабулу песни «О гневе Грозного» вымышленной. Но они были не правы. В основе фабулы лежали реальные факты. Бежавший в Польшу слуга царского

лейб-медика, осведомленный обо всех дворцовых тайнах, сообщил полякам, что после новгородского похода в царской семье начался глубокий раздор: «Между отцом и старшим сыном возникло величайшее разногласие и разрыв, и многие пользующиеся авторитетом знатные люди с благосклонностью относятся к отцу, а многие к сыну, и сила в оружии!» Так как сила была на стороне царя, он подверг сторонников сына жестоким гонениям. В новгородском судном списке значилось, что изменники-новгородцы «ссылались к Москве... с печатником с Иваном Михайловым Висковатого и с Семеном Васильевым сыном Яковля...». Боярин С. В. Яковлев-Захарьин состоял в родстве с наследником. Опричники убили его вместе с малолетним сыном Никитой. Московское дело скомпрометировало также земского боярина В. М. Юрьева-Захарьина. Сам Юрьев несколько лет как умер, но царь выместил гнев на членах его семьи. Он велел убить дочь Юрьева и его внука и не позволил похоронить их тела по христианскому обычаю. Для царевича Ивана казнь троюродной сестры должна была послужить грозным предостережением.

ПУТЬ НАВЕРХ

Первое опричное правительство возглавляли боярин Алексей Басманов и руководители главных опричных приказов — оружничий Афанасий Вяземский¹, постельничий Василий Наумов², ясельничий Петр Зайцев³. Творцы опричнины доказывали необходимость сокрушить своевольную аристократию методами неограниченного насилия. Они провели свою программу в жизнь.

Дмитрий Годунов не принадлежал к плеяде учредителей опричнины. Свой первый думный чин он получил благодаря случайному обстоятельству — внезапной смерти постельничего Наумова. Так Годунов занял вакантный пост главы Постельного приказа.

Как особое учреждение Постельный приказ сложился при Алексее Адашеве, реформировавшем весь аппарат государственного управления. В то время его главой был Игнатий Вешняков, ближайший друг и сподвижник Адашева. С давних пор постельничие ведали «царской постелью», т. е. царским гардеробом. Им подчинялись многочисленные дворцовые мастерские, в которых трудились портные, скорняки, колпачники, «чеботники» и другие искусные мастера. Постельный приказ пекся не только о бытовых, но и о духовных нуждах царской семьи. Его штаты включали несколько десятков голосистых певчих, составлявших придворную капеллу.

Ко времени введения опричнины Постельное ведомство чрезвычайно разрослось. За его высшими служителями числилось более 5 тыс. четвертей поместной земли. Через руки постельничего проходили крупные денежные суммы. На одно

¹ Оружничий хранил доспехи и оружие царя и членов его семьи, возглавляя Оружейные мастерские при кремлевском дворце.

² Постельничий ведал царским гардеробом.

³ Ясельничий ведал царскими конюшнями и многочисленным штатом дворцовых конюхов и других слуг.

лишь жалование служителям и мастерам приказ тратил до тысячи рублей в год.

Постельничим мог быть лишь расторопный и вездесущий человек, способный обставить жизнь царской семьи с неслыханной роскошью. Дмитрий Годунов вполне подходил для такой роли. Царь Иван дорожил домашними удобствами и не мог обойтись без его услуг. Постельный приказ заботился о быте и одновременно о повседневной безопасности первой семьи государства. В годы опричнины эта последняя функция приобрела особое значение. Согласно «штатному расписанию» 1573 г., постельничему подчинялись постельные, комнатные, столовые и водочные сторожа, дворцовые истопники и прочая прислуга. В дворцовую стражу принимали лишь самых надежных и проверенных людей. Постельный приказ отвечал за охрану царских покоев в ночное время. С вечера постельничий лично обходил внутренние дворцовые караулы, после чего укладывался с царем «в одном покою вместе».

В обычное время начальник внутренней дворцовой стражи был незаметной фигурой. В обстановке заговоров и казней он естественно вошел в круг близких советников царя. Можно ли удивляться тому, что Малюта Скуратов искал дружбы и покровительства влиятельного постельничего? Руководствуясь политическим расчетом, Скуратов выдал дочь за племянника Дмитрия Годунова. Так Борис оказался зятем всесильного шефа опричников.

Царь во всем полагался на советы своих новых любимцев. По их наущению он казнил бояр, по их подсказке устраивал свою семейную жизнь. В царской семье браки были делом не частного, а политического характера, они подчинялись династическим целям. Московская дипломатия затеяла большую политическую игру в связи с женитьбой Ивана IV до того, как он достиг брачного возраста. Бояре надеялись заполучить ему в невесты польскую принцессу. Но переговоры с польским королевским домом не увенчались успехом, и дума вынуждена была пожертвовать теми внешнеполитическими выгодами, которые сулил династический брак. Тогда-то шестнадцатилетнему великому князю были подсказаны веские доводы, изложенные им (по летописной версии) в речи к думе и духовенству: «...помышляя еси жениться в иных царствах, — заявил Иван (и это была сущая правда), — у короля у которого или у царя у которого, и яз... тое мысль отложил, в ыных государьствах не хочу жениться для того, что яз отца своего... и своей матери остался мал, привести мне за себя жену из ыного государьства, и у нас нечто норовы будут разные, ино между нами тщета будет; и яз... умыслил и хочу

жениться в своем государстве...» Соображения по поводу несходства характеров имели второстепенное значение по сравнению с соображениями религиозными. Окрестные владельческие дома придерживались еретической, в глазах московских ортодоксов, веры. Из-за подобного затруднения Василий III не мог жениться до двадцати пяти лет. В конце концов молодой Иван решил во всем следовать примеру отца. Боярская дума утвердила приговор о представлении ко двору лучших невест в государстве. Бояре и окольничие тотчас же разъехались во все концы страны, чтобы посмотреть невест. Впереди бояр ехали гонцы с грозными наказами. Всем дворянам, имевшим дочерей двенадцати лет и старше, повелевалось без промедления везти таковых к наместникам на смотрины. За утайку невесты дворянам сулили великую опалу и казнь. При русском бездорожье всероссийские смотрины грозили затянуться на много месяцев. Между тем бояре, не ожидая съезда провинциальных невест, привезли во дворец своих дочерей и племянниц. На боярских смотринах царю сосватали Анастасию, дочь окольничего Романа Юрьевича Захарьина. Отец царской невесты был ничем не примечательным человеком. Зато ее дядя подвизался при малолетнем Иване в качестве опекуна, так что великий князь знал семью невесты с детства. Родня царя Глинские не видели в Захарьиных опасных для себя соперников и не противились избранию Анастасии.

Первый брак Ивана длился тринадцать лет. В этом браке у царя было шестеро детей, но только двое остались живы. Два первых ребенка — царевны Анна и Мария — умерли, не достигнув года. Третьим ребенком был царевич Дмитрий. Когда ему минуло шесть месяцев, родители повезли его на богомолье в Кириллов монастырь. На обратном пути младенец погиб из-за нелепой случайности. Передвижения наследника сопряжены были со сложной церемонией. Няньку, несшую ребенка, непременно должны были поддерживать под руки двое знатнейших бояр. Во время путешествия из Кириллова царский струг пристал к берегу, и торжественная процессия вступила на сходни. Сходни перевернулись, и все оказались в реке. Ребенка, выпавшего из рук няньки, тотчас достали из воды, но он был мертв. Так погиб старший из сыновей Грозного, царевич Дмитрий I.

Второго сына, царевича Ивана, Анастасия родила 28 марта 1554 г. Еще через два года у нее родилась дочь Евдокия. Сын выжил, а дочь умерла на третьем году жизни. Третий сын родился в царской семье 31 мая 1557 г. Здоровье Анастасии было к тому времени расшатано, ее одолевали болезни. Последний ребенок, царевич Федор, оказался хилым и слабоумным.

Частые роды истощили организм царицы, она не дожидая тридцати лет. Анастасию похоронили в Вознесенском монастыре, в Кремле. На ее похороны собралось множество народу, «беше же о ней плач немал, — добавляет летописец, — бе бо милостива и беззлоблива ко всем». О характере Анастасии известно очень мало. Воспитанная в боярском тереме, она, по-видимому, ничем не напоминала Софью или правительницу Елену Глинскую. В дела мужа она почти не вмешивалась. Неблагожелатели Захарьиной любили сравнивать ее с нечестивой императрицей Евдокией, гонительницей Златоуста. В этом сравнении заключался намек на неприязнь царицы к Сильвестру. Анастасия опасалась неограниченного влияния на Ивана его наставника, но ничего поделать не могла. Ее собственное влияние на мужа не было столь значительным.

Отношения супругов нельзя назвать безоблачными, особенно к концу жизни царицы. Много лет спустя, когда Курбский упрекнул Ивана в безнравственности, тот ответил откровенно и просто: «Будет молвишь, что яз о том не терпел и чистоты не сохранил, ино вси есмь человецы». Молва о предосудительном поведении царя проникла в летописи: «Умершей убо царице Анастасии, — записал летописец, — нача царь яр быти и прелюбодействен зело». И все-таки царь был привязан к первой жене и всю жизнь вспоминал о ней с любовью и сожалением. На похоронах ее Иван рыдал и «от великого стенания и от жалости сердца» едва держался на ногах. Неделью спустя после смерти Анастасии Макарий и епископы обратились к царю с неожиданным ходатайством. Они просили, чтобы царь отложил скорбь и «для крестьянские надежи женился ранее, а себе бы нужи не наводил». За заботами о нравственности Ивана скрывался политический расчет. При дворе было много людей, недовольных засилием Захарьиных. Все они надеялись на то, что родня новой царицы вытеснит из дворца Захарьиных, родню умершей Анастасии.

Второй брак Грозного был скоропалительным. Не добившись успеха в Польше и Швеции, царские дипломаты привезли царю невесту из Кабарды. Невеста — княжна Кученей, дочь кабардинского князя Темир-Гуки — была очень молода. Иван «смотрел» черкешенку на своем дворе и, как сказано в официальной летописи, «полюбил ее». Кученей перешла в православие и приняла имя Мария. Три дня в Кремле продолжался брачный пир. Все это время жителям столицы и иностранцам под страхом наказания было запрещено покидать свои дворы. Власти боялись, как бы чернь не омрачила свадебного веселья.

Сначала Мария, не зная ни слова по-русски, не понимала

того, что говорил ей муж. Но потом она выучила язык и даже подавала царю кое-какие советы (об учреждении стражи наподобие той, которая была у горских князей, и пр.). В браке с Марией Черкасской у царя родился сын Василий, но он умер младенцем. Темные слухи об отравлении Марии Грозным легендарны. Перед кончиной Мария ездила с мужем в Вологду и там заболела. Известия о «заговоре» в Новгороде принудили Ивана поспешить в Москву. Больную жену он доверил везти за собой боярину Басманову. Путь был труден и долг. Больную Марию привезли «по наказу» в Александровскую слободу, там она вскоре и умерла.

После новгородского погрома царь объявил о том, что не намерен откладывать свадьбу, и велел вторично собирать невест по всему царству. Со всех концов страны во дворец свезли 1500 дворянских девок-невест. Сорокалетний царь Иван оказался перед трудным выбором. Здоровье и красота служили единственными критериями, но и того и другого было в избытке у доброй половины невест. В конце концов царь доверился совету верного приспешника Малюты Скуратова, указавшего на Марфу Собакину. Несмотря на то что царская невеста после обручения стала «сохнуть», царь «положился на бога» и сыграл свадьбу, когда невеста его была совсем плоха. Так и не став фактической женой Ивана (что засвидетельствовано приговором высшего духовенства), Марфа скоростижно умерла. Официально было объявлено, что царицу «извели» ядом злые люди, но нетрудно догадаться, из какого источника шел этот слух. Свадьба была сыграна, и хундородный Малюта отныне вошел в круг царской родни.

Несчастливая свадьба царя Ивана с Марфой Собакиной упрочила придворную карьеру Годуновых. Жена Бориса Мария Григорьевна Скуратова была свахой Марфы, сам Борис вместе с тестем Малютой гуляли на свадьбе в качестве «друзек» царской невесты.

Борис надел опричный кафтан, едва достигнув совершеннолетия. На службе в ведомстве дяди он вскоре же получил свой первый придворный чин. В качестве стряпчего Борис исполнял при дворе камергерские обязанности. В росписи придворных чинов об этих обязанностях говорилось следующее: «Как государь разбирается и убирается, повинны (стряпчие) с постельничим платьем у государя принимать и подавать». В ночное время стряпчие «дежурили» на Постельном крыльце кремлевского дворца.

Будучи на опричной службе, Борис Годунов стал свидетелем многих бурных событий. Судилища и казни на глазах юного

стряпчего перемежались разгульными пирами и монашескими бдениями.

Тревожное опричное время мало благоприятствовало образованию Бориса. Младшие современники считали его вовсе неграмотным. Знаменитый дьяк Иван Тимофеев писал, что Борис от рождения и до смерти не проходил по «стезе буквенного учения» и «первый такой царь не книгочий нам бысть». Иноземцы с полной категоричностью заявляли, что Борис не умел ни читать, ни писать.

Однако современники допустили ошибку. Борис воспитывался в семье, не чуждой просвещению. На склоне лет Дмитрий Иванович охотно дарил монастырям книги из собственной библиотеки. Благодетель-дядя своевременно позаботился о том, чтобы обучить грамоте не только племянника Бориса, но и племянницу Ирину. Примерно в двадцать лет Борис удостоверял подписью документ о пожертвовании родовой вотчины в костромской Ипатьевский монастырь. Молодой опричник писал аккуратным, почти каллиграфическим почерком. Взойдя на трон, Борис навсегда отложил перо. Не стоит думать, что он разучился писать. Новый государь не желал нарушать вековую традицию, воспрещавшую коронованным особам пользоваться пером и чернилами.

Как бы то ни было, но в юности Борис получил лишь начатки образования. Современники не могли простить ему плохого знания Священного писания. Церковные книги оставались неотъемлемой составной частью любой программы обучения на Руси. Так что по меркам XVI в. Годунов был малообразованным человеком.

ОТМЕНА ОПРИЧНИНЫ

о времени первых походов на Казань Российское государство вело войну на протяжении двадцати лет почти непрерывно. Мобилизации дворянского ополчения следовали одна за другой. Помещики должны были идти в походы «конно, людно и оружно». Служба требовала значительных денежных расходов, и дворяне вынуждены были перестраивать хозяйство. Они заводили барскую запашку и обрабатывали ее руками «страдных» холопов, увеличивали поборы с крестьян. Перемены в положении крестьян наглядно иллюстрируют новгородские «послушные грамоты». Составленные от имени царя, они обязывали крестьян повиноваться землевладельцам. Ранние грамоты предписывали крестьянам, чтобы они слушали помещика «во всем и доход ему денежный и хлебный и мелкой доход давали по старине, как есте давали прежним помещикам». Со временем послушные грамоты приобрели новый вид: «И вы бы все крестьяне... (помещика) слушали, пашню его пахали, где собе учинит, и оброк платили чем вам изоброчит». Некоторые исследователи связывали перемену формулы послушной грамоты с введением в Новгороде опричных порядков. В действительности новое положение вещей сложилось задолго до того, как возникла новая формула. Уже со времени казанских походов помещики повсеместно приступили к пересмотру и повышению оброков.

Начавшийся упадок деревни встревожил правительство. Его чиновники многократно проводили в новгородских пятинах «дозоры» и «обыски» и исправно записывали «сказки» населения. В «сказках» крестьяне в один голос жаловались на непосильность и разорительность государевых податей.

В годы боярского правления новгородские крестьяне платили небольшую денежную подать и исполняли всевозможные натуральные повинности в пользу государства. С началом Казан-

ской и особенно Ливонской войны государство многократно повышало денежные поборы с крестьян. Усиление податного гнета и помещичьей эксплуатации ставило мелкое крестьянское производство в крайне неблагоприятные условия. Но не только поборы были причиной той разрухи, которая наступила в стране в 70—80-х гг. XVI в. Катастрофа была вызвана грандиозными стихийными бедствиями, опустошавшими страну в течение трех лет подряд. Неблагоприятные погодные условия дважды, в 1568 и 1569 гг., губили урожай. В результате цены на хлеб поднялись к началу 1570 г. в 5—10 раз. Голодная смерть косила население городов и деревень. В дни опричного погрома Новгорода голодающие горожане в глухие зимние ночи крали тела убитых людей и питались ими, иногда солили человеческое мясо в бочках. По словам очевидцев, в Твери от голода погибло втрое больше людей, чем от погрома. То же было и в Новгороде.

Вслед за голодом в стране началась чума, занесенная с Запада. К осени 1570 г. мор был отмечен в 28 городах. В Москве эпидемия уносила ежедневно до 600—1000 человеческих жизней. С наступлением осени новгородцы «загребли» и похоронили в братских могилах 10 тыс. умерших. Эпидемия не пощадила отдаленные северные и восточные окраины, захватив Вологду и Устюг. «На Устюзе на посаде, — записал местный летописец, — померло, скажут, 12 тысяч, опроче прихожих, а попов осталось на посаде шесть». Мор продолжался целый год. Власти предпринимали жестокие меры, чтобы остановить эпидемию. На дорогах были выставлены воинские заставы. Всех, кто пытался выехать из мест, пораженных чумой, хватали и сжигали на больших кострах вместе со всем имуществом, лошадьми и повозками. В городах стража наглухо заколачивала чумные дворы с мертвецами и вполне здоровыми людьми. Все эти меры, однако, оказались малоэффективными.

Трехлетний голод и эпидемия принесли гибель сотням тысяч людей. В Шелонской пятине Новгородской земли площадь обрабатываемых земель сократилась более чем вдвое. Некоторые погосты запустели полностью. Явившиеся туда писцы писали: «Про земли распросити в том погосте не у кого, потому что попов и детей боярских и крестьян нет». Наступившая разруха положила начало массовому бегству крестьян на необжитые окраины государства.

Соседи использовали ослабление России. В 1571 г. крымский хан со всей ордой вторгся в русские пределы и сжег дотла Москву. В следующем году татары попытались захватить русскую столицу, но были наголову разгромлены объединенным

земским и опричным войском в многодневном сражении на подступах к Москве.

Стихийные бедствия и татарские набеги приносили неопи-сыемые бедствия. Но опричники были в глазах народа страшнее татар. Царь оправдывал введение опричнины необходимостью искоренить «неправду» бояр-правителей. На деле опричный режим привел к неслыханным злоупотреблениям. Как говорят очевидцы, земские суды получили от царя распоряжение, которое дало новое направление всему правосудию. Распоряжение гласило: «Судите праведно, наши виноваты не были бы». Следуя таким указаниям, судьи перестали преследовать грабителей и воров из числа опричников. В годы опричнины процветали, как никогда, политические доносы. Опричник мог подать жалобу на земца, будто тот позорит его и всю опричнину. Земца в этом случае ждала тюрьма. Его имущество доставалось доносчику. Бесчинства опричнины достигли апогея ко времени новгородского похода. В разоренной чумой и голодом стране, где по дорогам бродили нищие и бродяги, а в городах не успевали хоронить мертвых, опричники безнаказанно грабили и убивали людей. Они обшарили все государство, на что царь не давал им согласия, повествует опричник Штаден. Так начались многочисленные душегубства и убийства в земщине. Разумеется, царь Иван и его приспешники не поощряли прямой разбой. Но они создали опричные привилегии и подчинили им право и суд. Они возвели кровавые погромы в ранг государственной политики. Следовательно, на них лежала главная вина за беззакония опричнины. В конечном итоге погромы более всего деморализовали саму опричнину.

Новгородское дело вызвало страх и замешательство среди вождей опричнины, сохранивших способность сообразовать свои действия со здравым смыслом. Афанасий Вяземский тайно предупредил новгородского архиепископа Пимена о грозившей ему опасности. Открыто возражать против планов царя Вяземский не решился. Только поэтому он и смог сопровождать Грозного в новгородском походе. Но в опричном правительстве были люди, значительно более независимые в своих суждениях и поступках, чье влияние основывалось на подлинных заслугах. К их числу принадлежал выдающийся воевода боярин А. Д. Басманов. По-видимому, он не одобрял планов разгрома Новгорода, за что и не был допущен к участию в карательном походе. Когда царь дознался, что Вяземский поддерживал тайные сношения с Пименом, он окончательно убедился, что измена проникла в его ближайшее опричное окружение. Воображение рисовало Грозному картину грандиозного заговора, объединившего

против него всех руководителей земщины и опричнины. Согласно следственным материалам, Пимен, готовясь сдать литовцам Новгород и Псков, «ссылался» со своими московскими сообщниками — с боярином А. Басмановым, его сыном Федором, с оружничим А. Вяземским.

Падение старого опричного руководства, несомненно, было следствием интриг со стороны руководства сыскного ведомства опричнины — Малюта Скуратова-Бельского и Василия Грязного. Эти люди были типичными представителями низшего дворянства, выдвинувшегося в годы опричнины. В отличие от Басмановых и Вяземского они не играли никакой роли при учреждении опричнины. Лишь разоблачение новгородской «измены» позволило им получить низшие думные чины, а затем устранить старых и наиболее авторитетных вождей опричнины и захватить руководство опричным правительством.

Те, кто затеял опричный террор, сами стали его жертвами. Боярин А. Д. Басманов был умерщвлен собственным сыном, послушно выполнившим царский приказ. Оружничий Вяземский умер в тюрьме, ясельничий Зайцев был повешен на воротах собственного дома. Среди высших дворцовых чинов уцелел один постельничий Годунов. Его выручил свояк Малюта Скуратов.

Падение старого опричного руководства разрушило круговую поруку, связывавшую членов опричной думы. Состав думы пополнился земцами, многие из которых испытали злоупотребления опричнины. Члены новой опричной думы, по-видимому, стали сознавать опасность деморализации охранного корпуса. Опричники, повествует Штаден, творили в земщине такие беззакония, что сам великий князь объявил наконец: «Довольно!» Казнь Басманова ознаменовала конец целой полосы в истории опричнины. Подвергнув опале тех, кто создал опричнину, царь велел подобрать жалобы земских дворян и расследовать самые вопиющие преступления опричников.

Попытки положить конец злоупотреблениям на первых порах не затронули основ опричного режима, но проводились они с обычной для Грозного решительностью и беспощадностью и вызвали сильное недовольство в опричном корпусе. «Тогда, — свидетельствует Штаден, — великий князь приняляся расправляться с начальными людьми из опричнины».

Опричному двору нужен был новый блестящий фасад, и царь постарался украсить его самыми аристократическими фамилиями России. В первые дни опричнины он послал на эшафот боярина князя А. Б. Горбатого. В последние дни во главе опричной думы встал боярин князь И. А. Шуйский. Вместе с ним в опричной думе служила теперь знать самого высшего

разбора: удельные князья Ф. М. Трубецкой и Н. Р. Одоевский, бояре князья П. Д. и С. Д. Пронские. Почти все эти лица или их родственники подверглись преследованиям при Басманове. Подготавливая почву для окончательной расправы с опричной гвардией, царь Иван старался обеспечить себе поддержку тех сил, которые более всего пострадали от опричных порядков. Но все это не означало, что в опричнине в конечном итоге взяла верх высшая аристократия. Опричники Таубе и Крузе весьма метко характеризовали последнее опричное правительство, заметив, что при особе царя не осталось никого, кроме отъявленных палачей и молодых ротозеев. Представители высшей титулованной знати, появившиеся в опричнине, принадлежали ко второй категории: в большинстве своем это были люди сравнительно молодые. Их роль сводилась к внешнему представительству. Подлинными же руководителями опричной думы были палач Малюта Скуратов и его приспешники, возглавлявшие сыскное ведомство.

Царь, живший в постоянном страхе перед воображаемыми заговорами, слепо доверял своему главному сыщику Малюте и видел в нем всегдашнего спасителя. Скуратов помог Грозному расправиться со старой опричной гвардией. Знати имя Малюты Скуратова-Бельского было столь же ненавистно, как и имя основателя опричнины Басманова-Плещеева. Курбский желчно бранил царя за приближение «прескверных паразитов и маньяков», «прегнуснодейных и богомерзких Бельских с товарищи», «опришницов кровоядных». Даже среди незнатных опричников Скуратов выделялся своим худородством.

Характеристика опричного правительства оказалась бы неполной без упоминания о царе Иване. Современники преувеличивали влияние склонностей и прихотей Грозного на ход событий. Но историк впал бы в другую крайность, если бы вздумал отрицать значение деятельности Грозного для истории XVI в.

Многочисленные литературные сочинения царя служат, пожалуй, самым надежным материалом для суждения о его личности. В своих писаниях Грозный предстает человеком, от природы одаренным острым умом. Его достоинства — политический темперамент, талант публициста, образованность — были весьма необычны для людей его положения. Но причудливое сплетение противоположных свойств в натуре царя Ивана поражало уже его современников. Они не скрывали удивления, описывая безрассудную мнительность и «мудроумие» Ивана IV, его невероятную жестокость и заботу о воинстве, его гордыню и смирение.

Какое влияние оказали личные качества Грозного на события его времени? Ответить на этот вопрос не так-то легко. В пору реформ личное влияние Ивана умерялось авторитетом его советников. В пору опричнины Грозный окончательно избавился от старых советников и боярской опеки. Казалось бы, царь достиг наконец неограниченной власти, которой домогался. Но такое впечатление, по-видимому, страдает преувеличением. Опричнина явилась любимым детищем Грозного, но она не была плодом только его ума и энергии. В важнейшие периоды опричнины рядом с царем Иваном неизменно выступает целая плеяда деятелей практического склада: Басманов, Вяземский, Скуратов. На первый взгляд эти люди кажутся послушными исполнителями распоряжений Грозного. Но подлинное влияние их на опричную политику было велико.

Царь Иван не раз поучал сына-наследника, как ему «людей держати... и от них беречися и во всем их умети к себе присвоивати». Но сам он не умел «присвоить», надолго подчинить своим целям даже «ближних людей». В характере Ивана была одна удивительная черта: при всей своей подозрительности и жестокости он, как верно подметил В. О. Ключевский, обладал особой привязчивостью. Людям, умевшим доказать ему свою преданность, Грозный доверял безгранично, до излишества. Будучи человеком душевно неуравновешенным, легко поддающимся внушениям, царь постоянно подчинялся влиянию фаворитов. Без их совета он не мог обойтись, ни при решении важных политических дел, ни при выборе очередной невесты. Сильвестр был первым учителем жизни Ивана. Адашев увлек его замыслом обширных реформ. Алексей Басманов, один из лучших воевод XVI в., внушил ему мысль об опричнине — правлении, основанном на неограниченном насилии. Скуратов вдохновил его на кровавые погромы. Но сколь бы долго ни подчинялся Грозный влиянию временщиков, он в конце концов безжалостно уничтожал их. Рушились авторитеты — рушились привязанности. Адашев сгинул в опале, его программа дворянских реформ была предана забвению. Опричную затею постигла неудача, и по царскому повелению Басманов-сын зарезал Басманова-отца. Один Скуратов сумел избежать участи своих предшественников. Но никто не может сказать, как сложилась бы судьба царского любимца, если бы в зените славы шведская пуля не оборвала его жизнь.

В дни отречения от престола царь пережил сильное нервное потрясение, вызвавшее тяжелую болезнь. В последующие годы царь, до того обладавший несокрушимым здоровьем, начал настойчиво искать хороших врачей в заморских странах. После

новгородского разгрома в земщине много толковали о том, что бог покарал Ивана неизлечимой болезнью. Очевидцы передают, что царь был подвержен припадкам, во время которых он «приходил как бы в безумие», на губах выступала пена. Внезапные вспышки ярости и невероятная подозрительность царя, возможно, связаны были с какой-то нервной болезнью. Но все же влияние недуга на характер Грозного и события его времени не следует преувеличивать. Жестокость Грозного нельзя объяснить только патологическими причинами. Вся мрачная, затхлая атмосфера средневековья была проникнута культом насилия, пренебрежения к достоинству и жизни человека, пропитана всевозможными грубыми суевериями. Царь Иван Васильевич не был исключением в длинной веренице средневековых правителей-тиранов.

Кровавое правление царя Ивана оставило глубокий след в памяти современников. Народ наградил «великого государя» прозвищем Грозный. И это прозвище удивительно точно обрисовало облик первого московского царя. В годы правления царя Ивана погибло около 4 тыс. человек. Такими были масштабы опричного террора в XVI в., когда население страны не превышало 6—8 миллионов. По мере нарастания террора все большее значение в политической жизни государства приобретали всеобщий страх и подозрительность. Жертвою страха стал и сам Грозный. К концу жизни этот природный лицедей не мог более скрывать свои переживания от постороннего взора. Современники замечали странное несоответствие между царственной осанкой москвитя и выражением его глаз, которые постоянно бегали и наблюдали за всем с большим вниманием. Приведенные слова принадлежат австрийскому послу. При безмерном самомнении, которое поддерживалось постоянной лестью и славословием придворных, отметил папский посол, в царе заметна была подозрительность. Сквозит она и в литературных произведениях Грозного. На склоне лет царь Иван IV написал канон грозному ангелу, полный страха смерти, бреда преследования и чувства одиночества (Д. С. Лихачев).

Страх загнал царя Ивана в опричную слободу. На протяжении многих лет он жил там затворником под надежной охраной и никуда не выезжал иначе, как в сопровождении многих сотен вооруженных до зубов преторианцев. Постоянно опасаясь заговоров и покушений, царь перестал доверять даже ближайшей родне и друзьям. Новые сподвижники Ивана старательно культивировали его подозрения.

В пору кровавых оргий опричнины царь действовал как человек, ослепленный страхом. Однажды Ф. Энгельс заметил,

что эпоху террора нельзя отождествлять с господством людей, внушающих ужас. «Напротив того, это господство людей, которые сами напуганы. Террор — это большей частью бесполезные жестокости, совершенные для собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх». Кровавый террор наложил глубокую печать на все стороны политической жизни общества. Никогда еще не расцветали столь пышным цветом низкопоклонство и славословие. «Ласкатели» и сотрапезники, по словам Курбского, без всякой меры превозносили мудрость и непогрешимость правителя. Под влиянием страха и неумеренных славословий Грозный, несмотря на весь природный ум, все больше утрачивал перспективу, становился нетерпим к любому противоречию и упрямо громоздил ошибку на ошибку. В конце концов он окружил себя людьми самыми сомнительными, бессовестными карьеристами и палачами. Опричнина создала видимость всевластия московского самодержца. Но в царстве опричного террора правитель сам стал игрушкой в руках авантюристов типа Малюты Скуратова.

Современников поражали причуды и сумасбродства царя. Иногда его шутки носили вполне невинный характер. Царь весело отпраздновал свадьбу племянницы с датским принцем. Гости плясали под напев псалма святого Афанасия, сорокапятилетний государь отплясывал наравне с молодыми иноками и по головам их жезлом отбивал такт. На пирах Иван не прочь был потешиться и пошутить не только над иноками, но и над великими боярами. Однажды, повествует летописец, царь призвал бояр, и «жаловал (их) без числа своею царьскою чашою и (велел) чашником безпрестанно носить и поити; и как почали прохладатися и всяким глумлением глумитися: овии стихи пояше, а ови песни воспевати... и всякие срамные слова глаголати. И... царь... повеле их речи слушати и писати тайно и наутрея повеле к себе список принести речей их и удивишася о сем, что такие люди разумныя и смиренныя от его царьского синклита (совета) такие слова простые глаголюще; и показаше те речи им, и они сами удивишася сему чудеси». Писцы «застенографировали» болтовню пьяных бояр, на том дело и кончилось. Но не всегда царские шутки имели такой благополучный исход. Подданные пуще боялись царского юмора... Стрелецкий командир Никита Голохвастов, известный своей отчаянной храбростью, вынужден был надеть монашескую рясу, чтобы избежать гнева Грозного. Но монастырь не спас его. Царь велел привести его и сказал, что поможет бравому иноку поскорее взлететь на небо. Голохвастова посадили на бочку с порохом, а порох взорвали.

В юности Иван увлекся религией, в зрелые годы стал законченным фанатиком. Многие жестокие и непостижимые его действия имели в качестве побудительного мотива религиозный фанатизм. После разгрома Казани Грозный велел казнить увезенных в Новгород мусульман, отказавшихся принять христианство, в завоеванном Полоцке приказал утопить всех местных евреев, собственноручно душил своих незаконнорожденных детей, неугодных богу. От сумасбродств и жестокостей царь Иван легко переходил к покаянию. В обращении к инокам Кирилло-Белозерского монастыря он писал: «А мне, псу смердящему, кому учить и чему наказати, в чем просветити? Сам бо всегда в пианьстве, в блуде, в прелюбодействе, в скверне, во убийстве, в граблении, в хищении, в ненависти, во всяком злодействе». Монахи, немало претерпевшие от Грозного при его жизни, объявили его после смерти благочестивейшим государем. Церковников восхищали его приверженность религии и риторические самообличения. Никто из современников царя не ставил под сомнение искренность его покаяний. Эта проблема для них не существовала. Постановка ее открывает путь для более глубокой оценки поведения и литературного стиля Грозного. В них становятся заметны резко выраженные черты юродства и скоморошества (Д. С. Лихачев). С удивительной легкостью царь Иван переходил в своих писаниях от смирения к гордыне и гневу, унижавшему и уничтожавшему собеседника. Царь не прочь был затеять словесный поединок с жертвой в тот момент, когда палач уже приготовил топор.

Среди пороков, которые царь признавал за собой, фигурировали корыстолюбие, ненасытное «грабление» чужих имений. Иван, унаследовавший от предков богатую казну, не разбирался в средствах, добываясь ее пополнения. Накануне вторжения татар он приказал перевезти сокровищницу из Москвы в Новгород, для чего снаряжено было 450 возов. Судя по размерам обоза, в казне хранилось несколько тысяч пудов золота и серебра в слитках и звонкой монете. Грозный обладал коллекцией драгоценных камней, одной из лучших в Европе. Он умел ценить камни и скупал их по всему свету. Как заядлый собиратель, Иван любил показывать свою коллекцию. Не только необычная величина и блеск камней, но и мистические, туманные рассуждения Ивана поражали воображение тех, кто попадал в царскую сокровищницу. Рубины, по мнению царя, очищали его испорченную кровь. Сапфиры обладали таинственной силой охранять его. Бирюза, блекнущая в руке, предсказывала смерть. Алмаз, самый драгоценный из восточных камней, удерживал человека от ярости и сластолюбия. Этот камень царь, по его словам,

никогда не любил. В камнях Иван видел дар божий и тайну природы, открытую людям на пользу и созерцание.

Составить сколько-нибудь точный портрет Ивана IV трудно из-за недостатка достоверных данных. Среди немногих царских портретов наибольшими достоинствами отличается самый ранний, написанный неизвестным московским художником и вывезенный в Копенгаген. Черты лица изображенного на нем человека достаточно запоминающиеся: высокий лоб с большими залысинами, удлиненный, немного крючковатый нос, пышная борода. Ценность портрета снижается, однако, тем, что он написан в условной, почти иконописной манере.

К числу ранних изображений Грозного относится фреска на стенах Новоспасского монастыря в Москве. Но фреска выполнена в еще более условной манере, чем копенгагенский портрет. В благообразном царском лике индивидуальность вовсе утрачена. Недостоверны обличительные портреты Грозного в немецких летучих листах, показывающих хитрого, жестокого азиата в косматой шапке.

В поздних изображениях Ивана из титулярника XVII в. все схематично — и орлиный нос, и грозно сдвинутые брови. Живописное изображение может быть дополнено литературными портретами Грозного. Самый известный из них принадлежит перу писателя начала XVII в. князя С. И. Шаховского. «Царь Иван, — писал Шаховский, — образом нелепым, очи имея серы, нос протягновен и покляп, возрастом велик бяше, сухо тело имея, плещи имея высоки, груди широки, мышцы толсты». Некоторые детали этого портрета внушают сомнения. Например, Шаховский пишет, что у царя были серые глаза, это не согласуется с известным отзывом Ивана о людях с серыми глазами. «Где обретешь мужа правдива, иже серы (или «зекры» — голубые) очи имуща?» — спрашивал Грозный у Курбского. В приведенном описании имеются и другие несообразности, которые объясняются, вероятно, тем, что автор обрисовал внешность царя с чужих слов. Что же касается замечания по поводу «нелепого образа», оно носит слишком полемичный характер. Даже противники тирана, не пожалевшие красок для очернения, ни словом не обмолвились насчет его отталкивающей внешности. Менее пристрастные авторы, вроде итальянских и английских купцов, определенно писали, что Иван обладал привлекательной внешностью и даже был хорош собой. Как видно, Грозный отличался внешним благообразием, во всяком случае, его облик не отражал внутренней жестокости. В этом пункте портрет Грозного, реконструированный М. М. Герасимовым по его черепу, не вполне согласуется с показаниями

источников. Всего подробнее внешность царя описал австрийский посол. По его словам, в сорок пять лет Иван был полон сил и довольно толст. Царя отличал высокий рост, у него была длинная и густая борода рыжего цвета с черноватым оттенком, бритая голова и большие бегающие глаза. Более всего австрийца покорила царственная осанка Грозного.

Последним достойным завершением опричных деяний Ивана Грозного явился указ 1572 г. о запрещении употреблять самое название опричнины. Нарушителям указа грозило строгое наказание: «Виновного (болтавшего об опричнине) обнажали по пояс и били кнутом на торгу». Эта мера, казалось бы, свидетельствовала о полном искоренении опричных порядков и служила своеобразной оценкой опричнины со стороны Грозного и его «нового руководства». Но более верным представляется другое объяснение. Власти боялись нежелательных толков и старались предотвратить критику ненавистных опричных порядков, принуждая всех к молчанию.

При своем учреждении опричнина имела резко выраженную антикняжескую направленность. Опалы, казни и конфискации, обрушившиеся на суздальскую знать в первые месяцы опричнины, ослабили политическое влияние аристократии и способствовали укреплению самодержавной монархии. Объективные меры способствовали преодолению остатков феодальной раздробленности, глубочайшей основой которых было крупнейшее княжеско-боярское землевладение.

Однако опричная политика не была чем-то единым на протяжении семи лет ее существования, она не была подчинена ни субъективно, ни объективно единой цели, принципу или схеме. Следом за короткой полосой компромисса в 1566 г. пришло время массового террора в 1567—1570 гг. Ядром политической истории опричнины стал чудовищный процесс над сторонниками двоюродного брата царя князя Владимира Андреевича, завершившийся разгромом Новгорода. Причиной террора явился не столько пресловутый новгородский сепаратизм, сколько стремление правителей, утративших поддержку правящих группировок господствующего класса, любой ценой удержать власть в своих руках. В обстановке массового террора, всеобщего страха и доносов аппарат насилия, созданный в опричнине, приобрел совершенно непомерное влияние на политическую структуру руководства. В конце концов адская машина террора ускользнула из-под контроля ее творцов. Последними жертвами опричнины оказались они сами.

Традиционные представления о масштабах опричного террора нуждаются в пересмотре. Данные о гибели многих десятков

тысяч людей крайне преувеличены. По синодику опальных, отразившему подлинные опричные документы, в годы массового террора было уничтожено около 4 тысяч человек. Из них на долю дворянства приходилось не менее 600—700 человек, не считая членов их семей. Опричный террор ослабил влияние боярской аристократии, но он нанес также большой ущерб дворянству, церкви, высшей приказной бюрократии, т. е. тем социальным силам, которые служили наиболее прочной опорой монархии. С политической точки зрения террор против этих слоев и группировок был полной бессмыслицей.

ХАН НА ЦАРСКОМ ТРОНЕ

ридворная интрига вела Годуновых от успеха к успеху, но они не испытывали уверенности. Кругом летели головы, и дядя с племянником, которым суждено было прожить долгую жизнь, предусмотрительно проявили заботу об устроении души, пожертвовав деньги и землю в родовой монастырь. Постельничий Дмитрий Годунов проявил немалую ловкость, чтобы сосватать наследнику трона свою дальнюю родственницу Евдокию Сабурову. Но Евдокия прожила с царевичем Иваном менее года, после чего свекор отослал ее в монастырь. Нить, связывавшая Сабуровых и Годуновых с царской семьей, оборвалась. Несколько месяцев спустя шведская пуля настигла Малюту Скуратова под стенами небольшой крепости в Ливонии. Борис лишился тестя, чья поддержка могла бы обеспечить ему стремительную карьеру.

С отменой опричнины и смертью Малюты жизнь двора претерпела большие перемены. Годуновы готовились к худшему, но им и на этот раз удалось удержаться на поверхности. Они проявляли редкую настойчивость в достижении раз поставленной цели. Не сумев сохранить родства с царевичем Иваном, они решили утвердиться при дворе его младшего брата — царевича Федора. Вступая в пятый брак, царь Иван объявил, что намерен женить младшего сына. Дмитрий Годунов поспешил взять дело в свои руки и сосватал царевичу свою племянницу Ирину Годунову. В облике Федора явственно проглядывала печать вырождения. Его хилое тело венчала непропорционально маленькая голова. Это был умственно неполноценный человек, казавшийся на редкость нежизнеспособным. Но все эти пороки не имели большого значения в глазах постельничего и его племянницы Ирины.

Шло время, и память об опричнине потускнела. Подданные стали забывать о сумасбродной затее царя. Но в воздухе запахло новой опричниной, когда в 1575 г. Грозный вторично отрекся

от короны и посадил на трон служилого татарского хана Симеона Бекбулатовича. Татарин въехал в царские хоромы, а «великий государь» переселился на Арбат. Теперь он ездил по Москве «просто, что бояре», в кремлевском дворце устраивался поодаль от «великого князя», восседавшего на великолепном троне, и смиренно выслушивал его указы.

Отречению Грозного предшествовала длинная цепь событий. Самые драматические из них разыгрались за кулисами. Источники хранят по этому поводу молчание, и только синодик опальных приоткрывает краешек завесы. В синодике можно обнаружить следующую запись: «Помяни, господи, князя Бориса Тулупова, князя Володимера, князя Аньдрея, князя Никитой Тулуповы, Михайлоу Плещеев, Василиа Умной, Алексея, Федора Старово, Ориноу Мансурова... Якова Мансурова». Составитель синодика не случайно соединил этих людей на одной странице поминальной книги. Можно установить, что все они служили в опрочнине, а затем перешли во «двор» Грозного (после роспуска опрочнины так называемый двор заменил собой опрочный охранный корпус). На «дворовой» службе подвизались лишь особо доверенные лица. Число их не превышало нескольких сот. Названные выше люди занимали при новом «дворе» какое-то особое положение. За год до коронации Симеона царь отпраздновал свадьбу с Анной Васильчиковой. На ней было немного приглашенных: избранные из избранных. Но вот что интересно: на свадьбе весело пировали все те, кто вскоре оказался в числе опальных. Никто не подозревал, каким коротким окажется для них путь из-за свадебного стола на эшафот. Незадолго до свадьбы Грозный посетил Пыточный двор и задал вопрос боярским холопам, которых жгли на огне: «Хто из бояр наших нам изменяют?» И сам принялся подсказывать имена: «Василий Умной, князь Борис Тулупов, Мстиславский...» Царь начал с самых близких своих советников, стоявших подле него тут же на Пыточном дворе. Он шутил, но от его слов у бояр леденела кровь.

В синодике записаны не просто высокопоставленные чиновники двора. Знакомство с биографиями убеждает в том, что перед нами руководители первого послеопрочного правительствa. В его состав входил князь Борис Тулупов, который сделал головокружительную карьеру. Вначале — скромный оруженосец, возивший царский самопал, а через год-два — член ближнего царского совета, вершивший дела государственной важности. Рядом с Тулуповым в синодике записан Василий Умной. Этот был преемником Скуратова. Он с таким рвением продолжил начатый Малютой розыск о боярской измене, что

тотчас был пожалован в «дворовые» бояре. За Умным во «двор» потянулась вся его многочисленная родня — Колычевы.

Подвергая гонениям изменников-бояр, новое правительство пыталось умиротворить государство, потрясенное опричным террором. Но оно не успело выполнить свою задачу и распалось под влиянием внутренних разногласий. Бояре Колычевы оказались втянутыми в острый местнический конфликт с Годуновыми и Сабуровыми. Дмитрий Годунов, получивший чин окольничего (младшего боярина) после перехода на «дворовую» службу, затеял тяжбу с Василием Умным-Колычевым, а Богдан Сабуров добился того, что боярин Федор Умной-Колычев был выдан ему головой. Годуновы не успокоились, пока не уничтожили всех своих противников. Одержимый подозрениями, царь Иван приказал казнить своих самых доверенных советников — Василия Умного и Бориса Тулупова. Первое послеопричное правительство пало.

Переворот принес Борису Годунову прямые выгоды. За некое «бесчестие» он получил вотчину казненного Тулупова. Мы никогда не узнаем, какому оскорблению подвергся Годунов. Но его обидчик полностью оплатил счет, угодив на кол. Со временем Борис постарался избавиться от несправедливо назитого имени. Едва Грозный умер, как он, с благословения Федора, передал тулуповскую вотчину в монастырь. Годунов наказал монахам молиться за погубленных бояр братьев Колычевых, Бориса Тулупова и его мать (княгиня Анна Тулупова погибла вместе с сыном). Борис сделал благочестивое дело, но не было ли в его жесте признания своей вины? В характере Бориса не было ни жестокости, ни склонности к кровопролитию, но он уже начал свое восхождение к вершинам власти...

Царь Иван отправил руководителей первого послеопричного правительства на эшафот 2 августа 1575 г. Казни послужили толчком к расследованию второго новгородского «изменного» дела. Пущенная в ход машина террора не могла остановиться. Многие члены «двора» подверглись аресту. В числе их оказался личный медик Грозного Елисей Бомелей. «Лютый волхв» Елисей оставил по себе недобрую память в народе. Он оказывал царю услуги самого грязного свойства, приготавливая яды для впавших в немилость придворных, а некоторых из них, например Григория Грязного, отравил собственноручно. Бомелей стал первым царским астрологом. Он знакомил царя с неблагоприятным положением звезд и предсказывал ему всевозможные беды, а затем «открывал» пути спасения. Грозный полностью доверял своему советнику. В конце концов астролог запутался в сетях собственных интриг и решил бежать из России. Взяв на имя

своего слуги подорожную, Бомелей отправился на границу, предварительно зашив в подкладку платья все свое золото. Но в Пскове подозрительного иноземца схватили и в цепях привезли в Москву. Грозный был поражен изменой любимца и велел зажарить его на огромном вертеле. Под пытками Бомелей оговорил новгородского архиепископа Леонида и многих знатных лиц. Вопреки легенде «волхв» и «колдун» подучил царя убить бояр не по злой воле, а по слабости, из-за того, что не смог вынести пытку.

Англичанин Горсей, видевший, как полуживого доктора везли с Пыточного двора в тюрьму, рассказал любопытные подробности о последних днях авантюриста. По его словам, царь поручил допросить Бомелея своему сыну Ивану и приближенным, заподозренным в сговоре с лейб-медиком. С помощью этих придворных Бомелей надеялся выпутаться из беды. Когда же «колдун» увидел, что друзья предали его, он заговорил и показал многое сверх того, о чем желал узнать царь. Среди оклеветанных им людей оказался видный придворный П. М. Юрьев, троюродный брат наследника. Имя его записано в синодике. Как можно установить, новгородский архиепископ Леонид «преставился» в государевой опале 20 октября 1575 г., а четыре дня спустя палач обезглавил Захарьина-Юрьева. Все это не было случайным совпадением.

Новые кровавые казни на Москве связаны были с новгородским делом, главным героем которого явился архиепископ Леонид. Архиепископ принадлежал к тому кругу духовенства, который поддерживал тесную дружбу сначала с опричниной, а потом с «двором». Пользуясь полным доверием царя, он занял новгородский престол после опричного разгрома Новгорода. Местную церковь Леонид подчинил целям опричной администрации, которую в то время возглавлял Алексей Старой. (Вероятно, то, что Старой подвергся казни накануне суда над Леонидом, не простая случайность.) По словам современников, участь новгородского архиепископа разделили два других высокопоставленных духовных лица. Их имена записаны в кратком синодике государевых опальных в одном списке с Леонидом: «архиепископ Леонид, архимандрит Евфимий, архимандрит Иосиф Симоновский». Евфимий возглавлял кремлевский Чудов монастырь. Летописи упоминают о том, что он погиб вместе с Леонидом. Эти лица в самом деле были тесно связаны между собой. В годы опричнины в Чудове монастыре сидел Левкий, знаменитый приспешник царя, навлекший на себя проклятия Курбского. Левкий передал митру Леониду, а тот сделал своим преемником Евфимия. Весь этот кружок лиц запятнал себя

сотрудничеством с опричниной. К нему принадлежал также и архимандрит Симонова монастыря. Названный монастырь удостоился особой чести: он был зачислен в опричнину.

Покорное духовенство сквозь пальцы смотрело на многократные браки царя и другие прегрешения против церковных правил. Но сердечному согласию пришел конец, едва Грозный объявил о полном запрещении земельных пожертвований в пользу крупных монастырей. Царь не скрывал, что его раздражают вчерашние любимцы. Монахи Симонова и Чудова монастырей, писал царь за два года до казней, лишь по одежде иноки, а все по-мирскому делают, то все видят. Архимандриты подавали худой пример братии. Царю доносили, что симоновский архимандрит, «не хотя быти в архимандритех и умысля, причастился бес патрихели, а сказал, буттося беспамятством». Монахи могли рассчитывать на снисхождение, если бы речь шла об одном неблагочинии. Но против них выдвинуты были другие обвинения. Царь разгневался на своих богомольцев за то, что они «гонялись» за боярами, лукаво оправдываясь тем, что без боярских даяний их обители оскудеют. В старые времена, писал Грозный, «святии мнози не гонялися за бояры», а ныне монахи знают и водят дружбу с крамольными боярами. Не за дружбу ли с казенными дворовыми боярами пострадали Леонид и архимандриты?

Смерть Леонида породила множество легенд. Одни толковали, будто царь оборвал на владыке одежду («сан») и, «в медведно ошив (зашив в медвежью шкуру), собаками затравил». По другой версии, Леонид «удавлен» был на площади перед Успенским собором в Кремле. Но самый осведомленный из авторов — англичанин Горсей — утверждает, что суд приговорил Леонида к смертной казни, а царь помиловал его и заменил смертную казнь вечным заточением. Владыку посадили в погреб на хлеб и воду, и он вскоре умер. На суде, замечает Горсей, Леонида обвинили в том, что он занимался колдовством и содержал в Новгороде ведьм. После суда ведьм сожгли. Можно ли доверять рассказу Горсея? Нет ли тут вымысла? Небольшая деталь не оставляет сомнений на этот счет. Мы имеем в виду поминальную запись синодика: «Помяни, господи, в Новегороде 15 жен, а сказывают, ведуньи волхвы». Перед нами те самые колдуньи Леонида, о которых рассказывал Горсей.

Суд осудил Леонида как еретика и государственного преступника. Архиепископ якобы поддерживал изменнические связи с польским и шведским королями. Обвинения были столь нелепы, что им могли поверить лишь вконец запуганные люди. Царь опасался возражений влиятельных церковных кругов и

прибег к шантажу. В описи царского архива можно обнаружить указание на сыскное дело «про московского митрополита Антония да про крутицкого владыку Тарасия 7083 и 7084 году». Самое примечательное — это дата розыска. 7083 год истек 31 августа, а 7084 год начинался 1 сентября 1575 г. Следовательно, царь шантажировал митрополита в то самое время, когда полным ходом шла подготовка к суду над Леонидом.

Некоторые историки видели в отречении Грозного и передаче трона хану Симеону игру или причуду, смысл которой был неясен, а политическое значение ничтожно. Приведенные выше факты показывают, что отречение Грозного связано было с серьезным внутренним кризисом. Второе новгородское дело скомпрометировало многих высокопоставленных лиц из числа бояр и князей церкви. Страх перед всеобщей изменой преследовал царя как кошмар. Он жаждал расправы с заговорщиками, но не имел больше надежной военной силы. «Двор» не оправдал возложенных на него надежд. Главные руководители «двора» были обвинены в государственной измене и кончили жизнь на плахе.

Основная трудность, с которой столкнулись Грозный и его окружение, состояла, однако, в другом. Отмена опричнины аннулировала те неограниченные полномочия, которыми облек царя указ об опричнине. Никто не мог помешать Грозному казнить ближних людей из состава «двора». Он добился осуждения некоторых влиятельных церковных иерархов, не популярных в земщине из-за пособничества опричнине. Но царь не решился поднять руку на могущественных земских вассалов, не имея на то согласия Боярской думы и церковного руководства. Опричная гроза ослабила, но не сокрушила боярскую аристократию. Царь Иван по-прежнему должен был сообразовывать свои действия с мнением знати. Полностью игнорировать Боярскую думу было рискованно, особенно в тот момент, когда обнаружилось, что охранный корпус царя — его «двор» — недостаточно надежен. Видимо, царь и его окружение долго ломали голову над тем, как без согласия думы возродить опричный режим и в то же время сохранить видимость законности в Русском государстве, пока склонность к шутке и мистификации не подсказала царю нужное решение. На сцене появилось новое лицо — великий князь Симеон. Трагедия неожиданно обернулась фарсом.

О личности Саин Булата Бекбулатовича известно немного. Он сыграл роль, для которой больше всего подходил человек слабый и заурядный. Грозный делал с подручным ханом все,

что хотел. Сначала посадил его на «царство» в Касимов, потом свел с мусульманского удельного княжества, крестил, переименовал в Симеона и женил на овдовевшей дочери князя Мстиславского. Служилый татарский хан, вчерашний басурманин, не пользовался влиянием в боярской и церковной среде. Но Грозному импонировали царское происхождение Симеона, а еще больше его полная покорность, и он поставил его во главе земской думы. И все же подручный хан не обладал достаточным авторитетом для того, чтобы единолично решать дела от имени Боярской думы. Чтобы преодолеть это затруднение, Грозный объявил о своем отречении от трона в пользу Симеона и провозгласил главу Боярской думы «великим князем всея Руси». Затем без особых хлопот он получил от своего ставленника согласие на введение в стране чрезвычайного положения. С переходом в «удел» князю Ивану Московскому (так называл теперь себя Грозный) не надо было больше обращаться к думе. Свои указы он облекал в форму челобитных на имя великого князя.

Тотчас после гибели новгородского архиепископа Леониды Иван IV подал Симеону свою первую челобитную с просьбой, чтобы тот «милость показал, ослободил людишок перебрать бояр и дворян и детей боярских и дворовых людишок: иных бы еси ослободил отослать, а иных бы еси ослободил принять». Челобитная ставила «великого князя» в явно неравноправное положение с «удельным князем». Иванец Московский мог принять в «удел» любого из подданных «великого князя» Симеона, Симеону же категорически воспрещалось принимать служилых людей из «удела». Вновь организованная «удельная» армия как две капли воды походила на старую опричную гвардию. Взятые в «удел» дворяне теряли свои поместья в земщине и получали взамен земли на территории «удельного» княжества. Новоявленный «удельный» князь обошел молчанием вопрос о размежевании великокняжеских и «удельных» владений, оставив его целиком на свое усмотрение. Иванец Московский нарочно составил свою челобитную в таких выражениях, чтобы убедить подданных, будто речь идет не о новом разделе государства на земщину и опричнину, а всего лишь об очередной реорганизации «двора» и «переборе людишек».

Накануне первой опричнины царь покинул столицу, прежде чем объявить об отречении от престола. Накануне второй опричнины Грозный не захотел покинуть Москву и забрал в «удельную» казну царскую корону и другие регалии. Объясняя английскому посланнику свой необычный поступок, Иван сказал, между прочим: «Посмотри также: семь венцов еще в нашем владении со скипетром и с остальными царскими украшениями».

Можно установить, с какими регалиями предстал перед англичанином развенчанный великий государь. Указы из «удела» составлялись от имени «государя князя Ивана Васильевича Московского и Псковского и Ростовского». К этим трем древним княжеским коронам Иванец присоединил венцы двух удельных княжеств — Дмитровского и Старицкого, а также венцы Ржевы и Зубцова.

Московскому князю понадобился примерно месяц на то, чтобы выкроить «удельные» владения и сформировать в них новую опричную гвардию. В «удел» попали Псковская земля, разгромленная в годы опричнины, и Ростов с уездом. Эти территории никогда не входили в опричное ведомство, а отсюда можно заключить, что князь московский не желал пустить в «удел» служилую мелкоту, сидевшую в бывших опричных уездах и некогда составлявшую опричный корпус. Управление «уделом» осуществляла «удельная» дума, возглавленная Нагими, Годуновыми и Бельским. Старый постельничий царя Дмитрий Годунов подвизался на поприще политического сыска: Постельный приказ расследовал заговоры против особы царя. Заслуги Дмитрия Годунова были оценены, и он получил боярский чин, не полагавшийся ему по худородству. Его племянник Борис вошел в «удельную» думу с чином кравчего, а свояк Бориса Богдан Бельский стал оружничим. Афанасий Нагой оказал царю важные услуги, будучи послом в Крыму. Он разоблачил мнимую измену бояр в пользу крымского хана и тем обеспечил себе карьеру. Под влиянием Афанасия Нагого царь ввел в «удельную» думу его брата Федца, пожаловав ему чин окольного, а позже женился на его племяннице Марии Нагой. Образовавшийся триумvirат — Нагие, Бельский, Годуновы — сохранил влияние при дворе Грозного до последних дней его жизни.

Публичные казни, осуществленные через месяц после отречения Грозного, произвели тягостное впечатление на современников. Летописцы подробно описали их. Но даже беглое знакомство с летописными заметками позволяет обнаружить разногласию источников.

Чтобы установить достоверные факты, следует вновь обратиться к синодику опальных царя Ивана. В нем записаны следующие лица: «Князь Петра Куракина, Иона Бутурлина с сыном и з дочерью, Дмитрея Бутурлина, Никитоу Борисов, Василя Борисова, Дружиноу Володимеров, князя Данила Друцкой, Иосифа Ильина, протопоп, подьячих три человека, простых пять человекъ крестьян».

Кем же были эти люди, жертвы второй опричнины? Боярин князь Петр Куракин лишь по чистой случайности уцелел в годы

первой опричнины. Его брата, боярина Ивана, заточили тогда в монастырь. Он сам попал в ссылку в Казань и пробыл там десять лет. В Москву его вернули только затем, чтобы возвести на эшафот.

Боярин Иван Бутурлин, окольный Дмитрий Бутурлин и окольный Борисов были людьми другой судьбы. Они вошли в опричную думу, когда опричнина переживала закат. После ее полной ликвидации они сбросили черное опричное одеяние и перешли в земскую думу. Аналогичным был жизненный путь других опальных из синодика.

Источники позволяют установить, что царь казнил своих бывших опричников в конце ноября 1575 г. Приведенная дата служит последним звеном в длинной цепи фактов. Итак, в августе Грозный расправился с руководителями «двора», в сентябре — октябре расследовал новгородскую «измену», в конце октября отрекся от престола, в течение месяца создал новую опричнину — «удел», наконец, отдал приказ о казни виднейших земских бояр.

Современники глухо сообщают, что причиной новых опал был раздор в царской семье. Вычурным и замысловатым слогом московский летописец повествует о том, будто царь «мнети почал на сына своего царевича Ивана Ивановича о желании царства». Наследника, как видно, заподозрили в намерении свергнуть отца и занять трон. Чтобы поставить препону сыну, Грозный нарек на великое княжение Симеона. Тогда близкие к наследнику бояре будто бы заявили: «Не подобает, государь, тебе мимо своих чад иноплеменика на государство поставляти». В ярости царь велел казнить этих «супротивников».

После первой серьезной ссоры с сыном Иваном царь заявил в присутствии бояр, духовенства и иноземных послов, что намерен лишить сына прав на трон и сделать наследником принца датского Магнуса. Спустя пять лет он исполнил эту угрозу, но передал корону не Магнусу, а Симеону. Царскую семью раздирало родственное озлобление. Своими действиями самодур-отец как бы говорил взрослому сыну: «Казню твоих братьев и приближенных и трон отдам не тебе, а инородцу». Исторические песни сохранили смутное предание о том, что царевич Иван спасся от смерти благодаря заступничеству любимого дяди боярина Никиты Юрьева. Так ли это, сказать невозможно. Известно только, что во время расследования дела о заговоре в пользу наследника Грозный велел ограбить Никиту Юрьева. Не обделил вниманием царь и других руководителей земщины. Покатились по их дворам отрубленные боярские головы. Но как бы ни куражился Иван, сколько бы ни учил наследника палкой, он ни-

когда не помышлял о суде над ним. Более того, отрекшись от царского сана, он взял сына в «удел» и объявил его своим соправителем. Все распоряжения из «удела» шли от имени двух князей московских: Ивана Васильевича и Ивана Ивановича.

На третий день после публичной экзекуции в Кремле Иван IV вызвал английского посланника, информировал его о вокняжении Симеона и добавил, что «поводом к тому были преступные и злокозненные поступки наших подданных, которые ропщут и противятся нам за требование верноподданнического повиновения и устроят измены против особы нашей». Смысл разъяснений был предельно ясен. Иван Московский казнил бояр за отказ верноподданнически повиноваться ему. Опасаясь, как бы посол не принял всерьез его отречение, Иван IV заявил, что «передал сан в руки чужеродца, нисколько не родственного ни ему, ни его земле, ни его престолу». Объяснение с послом невольно вскрыло всю истину. Служилый татарин лишь потому признан был сыграть главную роль в затеянном маскараде, что не имел решительно никаких прав на русский престол. Грозный намеренно воскресил призрак ненавистной татарщины, при которой великокняжеской властью распоряжался хан, а подручный московский князь приносил ему челобитные. Как видно, Иван IV предусмотрительно старался сделать преемника пугалом в глазах подданных, чтобы не дать ему возможности утвердиться на троне. Церемония передачи власти Симеону носила двусмысленный характер. По замечанию летописи, царь посадил его на престол «своим произволением». То же обстоятельство отметили иностранные наблюдатели. Как писал Горсей, царь передал венец Симеону и короновал его без согласия Боярской думы. Отмена церемонии присяги новому государю в думе лишала акт коронации законной силы. Неопределенность положения Симеона усугублялась тем обстоятельством, что он занял царский трон, но получил вместо царского один только великокняжеский титул.

На третьем месяце правления Симеона царь сказал английскому послу, что сможет вновь принять сан, когда ему будет угодно, и поступит, как бог его наставит, потому что Симеон еще не утвержден обрядом венчания и назначен не по народному избранию, а лишь по его соизволению. Но и после этого заявления Грозный не спешил с окончанием маскарада. Татарский хан пробыл на московском троне около года. Царь полагал, что услуги покорного Симеона могут понадобиться ему в будущем, и потому вместо уничтожения соперника «отставил» его с почетом. Покинув Москву, Симеон перешел на «великое княжение» в Тверь.

Под видом «удела» царь воскресил в стране опричные порядки. Но гонения затронули на этот раз небольшое число лиц. Погромы не повторились. «Удельная политика» послужила своего рода послесловием к опричной политике. Царь довершил разгром того боярского круга, который управлял опричниной в конце ее существования. «Княжение» Симеона не оказало серьезного влияния на внутреннее состояние страны.

ПОСЛЕДНЯЯ ГРОЗА

од конец жизни царь Иван почти вовсе перестал пополнять думу боярами. Исключение было сделано для одних Годуновых. Бывший вяземский помещик Дмитрий Годунов удостоился боярского чина. Его многолетняя служба в составе опричнины, «двора» и «удела» получила высокую оценку. За тридцатилетним Борисом Годуновым не числилось никаких государственных заслуг, но и его царь возвел в боярское достоинство. Даже родня Бориса, Степан Годунов, стал окольным.

Успехи Годуновых выглядели исключительными, но будущее по-прежнему внушало им немало тревог. В годы опричнины царь Иван объявил наследником старшего сына Ивана и отказал ему по завещанию большую часть государства. Но он не желал обделить младшего сына Федора и распорядился дать ему удельное княжество, по размерам превосходившее многие европейские государства и включавшее древние города Суздаль, Ярославль и Кострому со многими волостями и селами. Удельные князья были крамольниками по самому своему положению. Московская история почти не знала случаев их ненасильственной смерти, особенно при смене лиц на троне. Царя тревожила мысль о возможном соперничестве сыновей, но он надеялся, что благоразумие и ловкость Годуновых помогут предотвратить распри в царской семье после образования удельного княжества Федора.

Царь постоянно возлагал на Годуновых заботу о младшем сыне. Отправляясь в военные походы, он оставлял Федора в безопасном месте под их присмотром. Положение Бориса было весьма почетным, но оно ограничивало поле его деятельности стенами дворца. Когда одни его сверстники служили в приказных и дипломатических ведомствах, а другие обороняли крепости от врагов, Борис усердно постигал тайны дворцовых интриг.

В конце Ливонской войны произошли события, круто изменившие судьбу Годуновых.

Многие годы в военных действиях против России участвовали войска Речи Посполитой. В конце двадцатипятилетней войны положение переменилось. В Польше к власти пришел энергичный король Стефан Баторий. Против России объединились все ее соседи — Речь Посполитая, Швеция, Крымское ханство. В итоге трех восточных походов Баторий занял Полоцк и Великие Луки. Его войска осадили Псков. Одновременно шведская армия изгнала русских из Нарвы и заняла другие владения царя Ивана в Ливонии.

В условиях военного поражения Грозный окончательно утратил доверие к своим боярам и воеводам. Разрядный приказ официально заявлял, будто причиной падения Полоцка была измена воевод. О том же царь писал в письмах к королю Стефану Баторию. Опасаясь боярской измены, Грозный стал приставлять к земским воеводам своих личных эмиссаров из числа доверенных «дворовых» людей. Но единственным результатом этой меры было пленение одних эмиссаров и гибель других.

Перед лицом тяжелых испытаний царь медлил, колебался и наконец возобновил тайные переговоры с английским двором о предоставлении ему убежища в Англии. Слухи об этих переговорах проникли в земщину и углубили раздор в верхах. Конфликт получил широкую огласку и стал предметом дипломатических объяснений за рубежом. Царский посол официально заявил английской королеве, что в московских людях была «шатость», но замеченные в «шатости» люди, «вины свои узнав, государю били челом и просили у государя милости, и государь им милость свою показал». В словах посла заключался прямой намек на события, происшедшие годом ранее, когда глава думы князь И. Ф. Мстиславский и двое его сыновей-бояр подверглись преследованию и публично покаялись, что перед царем «во многих винах проступили». Мстиславские просили милости у царя и заслужили прощение.

Сорока восьми лет от роду Грозный тяжело занемог. В слободу были спешно вызваны старшие бояре и духовенство. Потеряв надежду на выздоровление, Иван IV объявил, что «по себе на царство московское обрал сына своего старшего князя Ивана». Болезнь царя породила много толков в боярской среде. Все взоры обратились в сторону наследника. Современные наблюдатели отмечали популярность царевича Ивана, с именем которого связывались надежды на перемены к лучшему. Когда Грозный выздоровел, его доверие к двадцатисемилетнему сыну заколебалось. К недоверию прибавился страх. По словам англи-

чанина Горсея, «царь опасался за свою власть, полагая, что народ слишком хорошего мнения о его сыне»:

К концу жизни Грозный много болел, в нем появились признаки дряхлости, тогда как его сын достиг «мужественной крепости» и, как «инрог, злобно дышал огнем своей ярости на врагов» (дьяк Иван Тимофеев). В армии и в народе говорили о том, что царевич неоднократно и настойчиво требовал у отца войск, чтобы разгромить поляков под Псковом. Передавали, будто в запальчивости наследник заявил государю, что сам-то он предпочитает сокровищам доблесть: будь у него даже меньше, чем у отца, богатства, он мог бы опустошить мечом и огнем его владения и отнял бы у него большую часть царства. В Пскове долго ходили легенды о том, что храброго царевича отец «остнем поколол, что ему учал говорити о выручении града Пскова».

За полгода до кончины царевича в Польшу бежал родственник известного временщика Богдана Бельского, который рассказывал полякам, что московский царь не любит старшего сына и нередко бьет его палкой. Ссоры в царской семье случались беспрестанно по разным поводам. Деспотичный отец постоянно вмешивался в семейные дела взрослого сына. Он заточил в монастырь первых двух жен наследника — Евдокию Сабурову и Петрову-Соловую, которых сам же ему выбрал. Третью жену, Елену Шереметеву, царевич, возможно, выбрал сам: царю род Шереметевых был противен. Один из дядей царевны Елены был казнен по царскому указу, другой, которого царь называл «бесовым сыном», угодил в монастырь. Отца Елены Грозный всенародно обвинил в изменнических сношениях с крымским ханом. Единственный уцелевший дядя царевны попал в плен к полякам и, как доносили русские гонцы, не только присягнул на верность королю, но и подал ему изменнический совет нанести удар по Великим Лукам. Боярская «измена» снова в который уже раз вползла в царский дом.

Последняя ссора царя с сыном разыгралась в Александровской слободе, где семья по обыкновению проводила осень. Однажды Грозный застал сноху — царевну Елену — в одной рубашке на лавке в жарко натопленной комнате. (По тогдашним понятиям, женщина считалась вполне одетой только тогда, когда на ней было никак не меньше трех рубашек.) Елена была беременна, но царь не ведал жалости. Он прибил сноху. От страха и побоев у царевны случился выкидыш. Иван Иванович пытался защитить жену, он схватил отца за руки, тогда тот прибил и его. Эту сценку описал иезуит Поссевино, прибывший в Москву вскоре после похорон царевича. Ему стоило большого труда узнать подробности разыгравшейся трагедии. Один итальянец-

толмач, находившийся в слободе во время ссоры в царской семье, сообщил ему, что царевич был очень тяжело ранен посохом в голову у виска, от раны он и умер. Толмач слышал дворцовые пересуды, но насколько верными они были?

Англичанин Джером Горсей, имевший много друзей при дворе, описывает гибель наследника несколько иначе. По его словам, Грозный в ярости ударил сына жезлом в ухо, да так «нежно», что тот заболел горячкой и на третий день умер. Горсей знал определенно, что Иван Иванович умер от горячки, что он не был положен на месте смертельным ударом в висок. Горсею вторил осведомленный польский современник хронист Гейденштейн. Он слышал, что наследник от удара посохом или от сильной душевной боли впал в падучую болезнь, потом в лихорадку, от которой и умер. Примерно так же описал смерть царевича русский летописец: «Яко от отца своего ярости прияти ему болезнь, от болезни же и смерть...»

Какая из двух версий смерти царевича Ивана верна? Ответить на этот вопрос помогает подлинное царское письмо к земским боярам, покинувшим слободу после совещания с царем 9 ноября 1581 г. «...Которого вы дня от нас поехали, — писал боярам Грозный, — и того дни Иван сын разнемогся и нынече конечно болен... а нам, докудово бог помилует Ивана сына, ехати отсюды невозможно...»

Итак, роковая ссора произошла в день отъезда бояр. Минуло четыре дня, прежде чем царь написал письмо, исполненное тревоги по поводу того, что Иван-сын его совсем болен. Побой и страшное нервное потрясение свели царевича в могилу. Он впал в горячку и, поболевав одиннадцать дней, умер. Отец от горя едва не лишился рассудка. Он разом погубил сына и долгожданного внука. Его жестокость в конечном счете погубила трехсотлетнюю династию Калиты.

Смерть наследника открыла перед его братом царевичем Федором путь к трону. Окружению Федора эта смерть была исключительно выгодна. Случись все позже, молва непременно обвинила бы Бориса и в этой трагической случайности. Но Годунов не успел еще навлечь на себя ненависть бояр, и на первый раз клевета миновала его. Более того, поздние легенды выставили поведение Бориса в выгодном для него свете. Царский любимец будто бы пытался заступиться за наследника перед отцом, за что был жестоко избит и тяжело заболел.

Источник, сохранивший эту легенду, не отличается достоверностью. Однако факт остается фактом. Трагедия в царской семье испортила отношения между Грозным и его любимцем. На то были свои причины. Пока царевич Иван был жив, отца

не слишком волновали семейные дела Федора. В течение многих лет у Федора и его жены Ирины Годуновой не было детей. Бездетность будущего удельного князя отвечала высшим государственным интересам. Когда Федор стал наследником престола, положение изменилось. Сохранение его брака с Ириной Годуновой неизбежно обрекало династию на исчезновение. «Бесплодие» Ирины давало царю удобный предлог для развода сына. Борис Годунов всеми силами противился этому. Развод грозил разрушить всю его карьеру. Строптивость любимца вызвала гнев Ивана.

Надломленный горем, царь не осмелился поступить с младшим сыном так же круто, как со старшим. А уговоры не помогали. Царевич и слышать не желал о разлуке с женой. Годунова далеко превосходила мужа по уму и была гораздо практичнее его. За многие годы замужества она приобрела над Федором большую власть. Но Иван все же нашел способ выразить отрицательное отношение к браку Федора с Годуновой. Не питая иллюзий насчет способности Федора к управлению, Грозный поступил так, как поступали московские князья, оставляя трон малолетним наследникам. Он вверил сына и его семью попечению думных людей, имена которых назвал в своем завещании. Считаю обычно, что во главе опекунского совета царь поставил Бориса Годунова. Критический разбор источников обнаруживает ошибочность этого мнения.

Через несколько месяцев после кончины Грозного его лейб-медик послал в Польшу сообщение о том, что царь назначил четырех регентов (Никиту Романова-Юрьева, Ивана Мстиславского и других). Очевидец московских событий англичанин Горсей в одном случае упомянул о четырех боярах, в другом о пятерых. Горсей деятельно интриговал в пользу Бориса, и это нередко побуждало его фальсифицировать известные ему факты. По утверждению Горсея, главным правителем Иван IV сделал Бориса Годунова, а в помощники ему определил Ивана Мстиславского, Ивана Шуйского, Никиту Романова и Богдана Бельского. Но кто-то из названных лиц в действительности не фигурировал в царском завещании. Осведомленный московский писатель, автор «Иного сказания», упоминает в качестве правителей Шуйского, Мстиславского и Романова. Принадлежность их к регентскому совету в самом деле не вызывает сомнения. Следовательно, из списка регентов надо исключить либо Бельского, либо Годунова. Бельский оставался фаворитом и, можно сказать, правой рукой царя Ивана до последнего дня его жизни, тогда как Борис заслужил царскую немилость, на что имеются прямые указания в источниках. К числу таких источников при-

надлежит записка австрийского посла Николая Варкоча. Австрийский двор поручил ему любым способом ознакомиться с завещанием Грозного. Посол сумел получить требуемые сведения. «Покойный великий князь Иван Васильевич, — писал Варкоч, — перед своей кончиной составил духовное завещание, в котором он назначил некоторых господ своими душеприказчиками и исполнителями своей воли. Но в означенном завещании он ни словом не упомянул Бориса Федоровича Годунова, родного брата нынешней великой княгини, и не назначил ему никакой должности, что того очень задело в душе».

Обстоятельства властно принудили Грозного ввести в регентский совет представителей знати, с которой он тщетно боролся всю жизнь. Из четырех регентов двое — удельный князь Иван Мстиславский и боярин князь Иван Шуйский — принадлежали к самым аристократическим фамилиям России. Мстиславский был человеком бесцветным. Зато Шуйский был личностью незаурядной, а о его военных заслугах знала вся страна. Героическая оборона Пскова спасла Россию от вражеского нашествия и полного разгрома в конце Ливонской войны. Шуйский был героем псковской обороны. Регент Никита Романов-Юрьев доводился дядей царю Федору и также представлял верхи правящего боярства. И только один Бельский был хуdorодным деятелем опричной формации. Такие любимцы Грозного, как Нагой и Годуновы, остались не у дел. Первый казался опасным своими тайными помыслами о приобретении короны для внучатого племянника царевича Дмитрия. Годуновы, несомненно, воспрепятствовали бы разводу Федора с бездетной Ириной.

Завещание Грозного нанесло смертельный удар честолюбивым замыслам Годуновых. В качестве ближайших родственников Федора они готовились теперь забрать бразды правления в свои руки. Чтобы достичь власти, оставалось сделать один шаг. Именно в этот момент на их пути возникла непреодолимая преграда, воздвигнутая волей царя Ивана, — регентский совет.

ПОРА ИСПЫТАНИЙ

По случаю гибели наследника в стране был объявлен траур. Царь ездил на покаяние в Троицу. Там он втайне от архимандрита призвал к себе келаря и, встав перед ним на колени, «шесть поклонов в землю положил со слезами и рыданием». Царь просил, чтобы его сыну была оказана особая привилегия — поминание «по неделям». По монастырям и церквам распределены были богатые вклады на помин души царевича Ивана.

Будучи в состоянии глубокого душевного кризиса, царь совершил один из самых необычных в его жизни поступков. Он решил посмертно «простить» всех опальных бояр-«изменников», казненных по его приказу. Трудно сказать, тревожило ли его предчувствие близкой смерти, заботился ли он о спасении души, обремененной тяжкими грехами, или руководствовался трезвым расчетом и пытался разом примириться с духовенством и боярами, чтобы облегчить положение нового наследника, царевича Федора. Так или иначе, Грозный приказал дьякам составить подробные списки всех «избитых» опричниками лиц. Эти списки посланы были в крупнейшие монастыри страны вместе с большими денежными суммами. На голову духовенства пролился серебряный дождь. По примерным подсчетам, за год-два монахи получили десятки тысяч рублей. Посмертная реабилитация опальных, имена которых находились многие годы под запретом, явилась актом не только морального, но и политического характера. Фактически царь признал совершенную бесполезность своей длительной борьбы с боярской крамолой. Реабилитация стала в глазах думы своего рода гарантией того, что опалы и гонения больше не возобновятся. Новый курс получил подтверждение в указе, грозившем жестокими карами за ложные доносы. Указ предписывал казнить тех, кто неосновательно обвинит бояр в мятеже против царя. Наказанию подвергались также боярские холопы за ложный донос на своих господ.

Мелких ябедников били палками и определяли на службу в казаки в южные крепости.

С гибелью царевича Ивана наследником престола стал слабоумный Федор. Поскольку неспособность Федора к правлению была всем известна, повествует дьяк Иван Тимофеев, все, хромая на ту и другую ногу, заболели недоверием к нему. Бояре сомневались в том, что Федор сможет управлять страной в обстановке тяжелого поражения и разрухи. Царь проявил обычную для него изворотливость, чтобы спасти будущее династии. После торжественного погребения царевича Ивана он обратился к думе с речью и начал с того, что смерть старшего сына произошла из-за его грехов. И так как, продолжал он, есть основания сомневаться, перейдет ли власть к младшему его сыну, он просит бояр подумать, кто из наиболее знатных в царстве лиц подходил бы для царского трона.

За время длительного и бурного правления Грозный дважды объявлял об оставлении трона. Третье отречение, на этот раз от имени слабоумного сына, имело подлинной целью утвердить царевича в качестве наследника. Бояре прекрасно понимали, что ждало любого другого претендента и тех, кто осмелился бы высказаться в его пользу. Поэтому они усердно просили царя отказаться от мысли удалиться в монастырь на покой, пока дела в стране не наладятся, а также верноподданнически заявили, что не желают себе в государи никого, кроме его сына.

Царь не очень полагался на бояр и готовился вывезти семью в Англию в случае поражений и мятежа. Боясь огласки, он скрыл свои планы от самых близких людей и поручил переговоры в Лондоне безвестному английскому толмачу.

Кончина старшего сына надломил Грозного душевно и физически. Он пережил царевича всего на два года. Состояние его здоровья резко ухудшилось в конце февраля 1584 г. Вскоре же Иван послал в Кириллов наказ монахам молиться об избавлении его «от настоящие смертныи болезни». По словам очевидцев, тело больного страшно распухло. Ходили темные слухи, будто царя отравили ближние люди — Бельский и Годунов. Но эти слухи были неосновательны. Временщики, возвышенные милостью Грозного, со страхом ждали его гибели, с которой все неизбежно должно было перемениться.

Бельский оставался доверенным советником царя до последнего момента. Именно ему Грозный велел послать гонца в Карелию за колдунами (волхвами) и расспросить их, когда тех привезли в столицу. Колдуны по звездам предсказали день смерти царя Ивана. Царь пришел в ярость, узнав об их предсказании, и сказал, что велит сжечь чародеев в указанный ими день.

В последний день жизни, 18 марта, царь велел принести и прочесть завещание, днем долго мылся в ванне. Вспомнив о пророчестве карельских колдунов, он послал Богдана Бельского предупредить их, что их сожгут или заруют в землю без промедления в тот же день, потому что он (царь) здоров как никогда. В ответ на царские угрозы волхвы сказали, что солнце еще не село и день не кончился.

После ванны Грозный велел приготовить шахматную доску, однако за шахматами он вдруг повалился навзничь. В комнате поднялась суматоха. Послали за духовником и врачами. Тем временем царь задохнулся и окоченел. Опасаясь волнений, бояре-опекуны попытались скрыть правду от народа и приказали объявить, будто еще есть надежда на выздоровление государя. Тем временем все ворота Кремля были заперты и гарнизон был поднят на ноги.

Страх перед назревающим восстанием побудил бояр поспешить с решением вопроса о преемнике Грозного. Глубокой ночью они принесли присягу наследнику — царевичу Федору.

Известный исследователь Смуты С. Ф. Платонов полагал, что вспыхнувшая после смерти Ивана IV борьба свелась к придворным ссорам, к столкновениям между царской родней из-за дворцового влияния. Следуя фактам, можно заключить, что борьба сконцентрировалась вокруг значительно более важного вопроса, нежели дворцовое влияние. Таким вопросом был вопрос о политическом наследии Грозного.

Двойник опричнины — «двор», служивший опорой репрессивного режима, несмотря на многочисленные реорганизации, продолжал существовать. Земщина требовала немедленного его роспуска и возврата к доопричным методам управления, но, поскольку стражу в Кремле несла «дворовая» охрана, Богдану Бельскому удавалось до поры до времени контролировать положение. Однако он сразу же столкнулся с неповиновением знати, которая попыталась пустить в ход местнический таран, чтобы положить конец засилью «дворовых» людей.

Земский казначей Петр Головин попробовал «пересидеть» самого Бельского. Местническое положение любого дворянина определялось прежде всего знатностью его фамилии и служебным продвижением предков, а лишь затем личными способностями. Бельский происходил из «неродословной» семьи и не мог тягаться со знатным казначеем. На стороне Головина выступили опекуны Мстиславский, Романов и все земские бояре. За Бельского вступились лишь Годуновы да худородные дьяки Щелкаловы. Препирательства едва не привели к кровопролитию. Собравшиеся во дворце земские дворяне набросились на Бель-

ского с таким остервенением, что тот вынужден был укрыться в царских покоях.

Выступление земской оппозиции побудило Бельского прибегнуть к крайним мерам в отчаянной попытке силой подавить назревавшую в земщине крамолу. Вызвав в Кремль стрелецкие сотни из состава «двора», регент тайно обещал им «великое жалованье» и привилегии, какими они пользовались при Грозном, убеждал не бояться бояр и слушаться только его приказов. Склонив на свою сторону стрельцов, Бельский велел затворить Кремль и попытался уговорить Федора, чтобы тот сохранил «двор» и опричнину.

Между тем бояре-опекуны, разъехавшиеся на обед, узнали о происшедшем. Никита Романов и Иван Мстиславский поспешили в Кремль с большой толпой вооруженных дворян и холопов. Стрельцы отказались открыть ворота опекунам, но зато впустили их через калитку одних, без свиты. Боярская дворня попыталась проложить дорогу силой. На шум отовсюду стал сбегаться народ. Стрельцы схватились за оружие.

В случае успеха Бельский мог ликвидировать регентский совет и править от имени Федора единолично, опираясь на военную силу. Над Кремлем повеяло новой опричниной. Но Бельский и его приверженцы не учли одного важного фактора. Таким фактором был народ. Стычка у кремлевских ворот послужила толчком к восстанию. «Народ всколебался весь без числа со всяким оружием». Захватив пушки, стоявшие на Красной площади, восставшие повернули их в сторону Фроловских ворот. Стрельцы попытались рассеять толпу и дали несколько залпов. Во время перестрелки было убито около 20 и ранено почти 100 человек. События приобрели дурной оборот, и царь выслал на площадь бояр для переговоров. Народ столь решительно требовал выдачи на расправу Бельского, олицетворявшего ненавистный всем жесткий правительственный курс, что царю Федору и его окружению пришлось пожертвовать правителем. Земские бояре объявили народу о ссылке Бельского, после чего волнения в столице постепенно улеглись. Отставка временщика радикально изменила обстановку.

Народное выступление покончило с попыткой возврата к опричнине и привело к падению «дворового» руководства. Три недели спустя в Кремле открылся собор, и земщина впервые получила возможность высказать свое мнение по поводу происходящего. Участники собора знали, что Федор был фактически не способен к самостоятельному правлению. Тем не менее они одобрили его кандидатуру и, таким образом, заявили о поддержке боярского правительства, пришедшего к власти

после ссылки Бельского. Любопытно, что современники восприняли решение собора как избрание Федора на царство.

31 мая 1584 г. столица торжественно отпраздновала коронацию нового царя. После службы в семейном Благовещенском соборе Федор и его свита отправились в Архангельский собор, оттуда в Успенский. Дорогу от дворца к соборам устилали дорогие ткани. Вдоль пути следования процессии сплошной стеной стояли дворяне в «золотых платьях».

Федора короновали по чину венчания византийских императоров. Долгая церемония утомила его. Не дождавшись окончания коронации, он передал шапку Мономаха боярину князю Мстиславскому, а тяжелое золотое яблоко («державу») — Борису Годунову. Этот ничтожный эпизод потряс присутствовавших.

Федор Иванович мало чем походил на отца. По словам очевидцев, последний государь из династии Калиты отличался болезненностью, слабым телосложением, походка у него была нетвердая, на лице, поражавшем своей бледностью, постоянно бродила улыбка. Царь «прост и слабоумен... — отметил английский посол Флетчер, — мало способен к делам политическим и до крайности суверен». По отзыву папского нунция Поссевино, умственное ничтожество Федора граничило с идиотизмом, почти с безумием. Наследник Грозного был не способен управлять государством. Его никогда не готовили к этой роли. Даже исполнение внешних ритуалов и придворных церемоний казалось ему непосильным.

Дела тяготили Федора, и он искал спасения в религии, каждый день подолгу молился, нередко сам трезвонил на колокольне, раз в неделю отправлялся на богомолье в ближние монастыри. Русские писатели Смутного времени, идеализировавшие последнего законного самодержца, придавали Федору, по меткому замечанию В. О. Ключевского, привычный и любимый облик: в их глазах он был блаженным на престоле. Некоторые восторженные апологеты царя Федора приписывали ему пророческий дар, хотя и не очень заметный для плохо осведомленных людей.

Русские авторы, охотно отмечавшие удивительное благочестие царя, избегали говорить о его привастии к диким забавам и кровавым потехам. Федор упивался зрелищем кулачного, и в особенности медвежьего, боя. На его глазах вооруженный рогатиной охотник отбивался, как мог, от медведя в круге, обнесенном стеной, из которого некуда было бежать. Потеха редко обходилась без крови.

Среди знати Федор не пользовался популярностью. Его не боялись и не уважали. Русские на своем языке называют его дураком, говорил о Федоре шведский король.

События, происшедшие в Москве после смерти Грозного, показали, что опричнина лишь ослабила влияние боярской аристократии, но не сломала ее могущества. При безвольном и ничтожном преемнике Грозного знать вновь подняла голову. Как только с политического горизонта исчезла зловещая фигура Бельского, бояре окончательно перестали скрывать свои подлинные чувства по поводу смерти царя Ивана. Наблюдатель тонкий и вдумчивый, дьяк Иван Тимофеев очень точно передал атмосферу, воцарившуюся в Кремле в начале правления Федора. «Бояре, — писал он, — долго не могли поверить, что царя Ивана нет более в живых, когда же они поняли, что это не во сне, а действительно случилось, через малое время многие из первых благородных вельмож, чьи пути были сомнительны, помазав благоухающим миром свои седины, с гордостью оделись великолепно и, как молодые, начали поступать по своей воле; как орлы, они с этим обновлением и временной переменой вновь переживали свою юность и, пренебрегая оставшимся после царя сыном Федором, считали, как будто и нет его...»

К концу жизни Грозного в его думе осталось не слишком много бояр. Их основательно потеснили неродовитые любимцы царя. При Федоре знать ринулась туда толпой. Численность боярской курии почти сразу удвоилась. Зато курия думных дворян оказалась фактически разогнанной. Афанасий Нагой и Богдан Бельский отправились в ссылку, Михаил Безнин — в монастырь, Василий Зюзин и Баим Воейков лишились думных чинов.

Московские события едва не увлекли в пропасть и Годуновых. Восставший народ требовал их удаления из столицы. Борису пришлось познать унижение. Однако он не только уцелел, но и использовал новую ситуацию, чтобы преодолеть еще один крутой подъем на пути к власти. В дни коронации Федор возвел шурина в чин конюшего.

Некогда царь Иван упразднил этот чин, казнив последнего конюшего. Боярские правители восстановили должность, которую издавна занимали представители нескольких знатнейших фамилий. Вопрос о назначении нового конюшего вызвал острую борьбу в верхах. Борису недоставало знатности, чтобы занять высокий пост. Но в конечном счете чином конюшего распорядились те, кто реально возглавлял правительство. Назначение на пост конюшего, проведенное вопреки ясно выраженной воле Грозного, ввело Годунова в круг правителей государства.

Успех Бориса нельзя объяснить одним лишь родством с царской семьей. В неустойчивой обстановке первых дней царствования влияние Федора на дела управления было ничтожным.

Тридцатидвухлетнему Борису помогла прежде всего его политическая изворотливость. Годунов поспешил отвернуться от покровителя, сподвижника и свояка Бельского, как только понял, что дело того проиграно. Более важное значение имело для него покровительство земских бояр.

Ко времени коронации наибольшую силу обрел круг лиц, осуществлявших при Грозном управление земщиной. Во главе его стояли дядя царя, регент Никита Романов, и дьяк Андрей Щелкалов. Английский посол Иероним Боус называл их самыми влиятельными в Москве людьми. Однако власть боярского правительства казалась непрочной. Достигший преклонного возраста Романов тяжело болел, и никто не сомневался в его близкой кончине.

Писатели Смутного времени утверждали, будто Романов, пораженный недугом, сам искал дружбы Годунова и вверил ему своих совсем еще молодых сыновей. Очевидец тех событий троицкий монах Авраамий Палицын свидетельствовал, что Годунов обещал регенту «соблюсти» его семью. Автор «Сказания о Филарете Романове», использовавший семейные предания Романовых, авторитетно подтвердил его слова. Согласно сказанию, Борис проявлял любовь к детям Романа и дал страшную клятву, что всегда будет почитать их за братьев. Современники повествовали об этом эпизоде в излишне сентиментальных выражениях. В действительности союз Романовых и Годуновых был вызван к жизни трезвым политическим расчетом. Знатностью Романовы далеко превосходили Годуновых, но в глазах рюриковичей Шуйских и гедиминовичей Мстиславских они выглядели все же достаточно худородными. Аристократическая реакция грозила покончить с высоким положением этой семьи. Неудивительно, что Романову пришлось искать поддержку у «дворовых» бояр Годуновых. Родня Федора должна была объединиться перед лицом общей опасности. Капитан Жак Маржерет, служивший при Борисе телохранителем, определенно утверждал, что боярина Годунова избрали в правительство после того, как разнеслась молва о намерении низложить слабоумного Федора.

Заботы нового правительственного кружка сосредоточились на том, чтобы закрепить за Федором власть и привлечь на его сторону земскую знать. Одной из самых важных мер в этом направлении явилась общая амнистия по случаю коронации Федора. В результате многих князей и бояр знатного рода, находившихся в опале при прежнем царе, даже тех, которые просидели в тюрьмах двадцать лет, т. е. оказались за решеткой при учреждении опричнины, освободили и вернули им обратно поместья. Все заключенные получили прощение.

Земская боярская дума добилась известных гарантий по поводу произвольных опал и казней. Вновь изданные распоряжения воспрещали судьям подвергать дворян наказанию без достаточного доказательства вины даже при наличии самых тяжких преступлений, которые могли повлечь за собой смертную казнь.

По словам очевидцев, новые власти сместили администрацию, назначенную Грозным. «По всему государству, — писал Джером Горсей, — были сменены неправосудные чиновники, судьи, воеводы и наместники и на их должности назначены были более честные люди, которым повелено под страхом страшного наказания прекратить лихоимство и взяточничество, существовавшие при прежнем царе, и отправлять правосудие без лицепрятия, а дабы это могло быть исполнено, им увеличили их поместья и годовые оклады». Трудно сказать, насколько эффективными оказались правительственные прокламации относительно искоренения взяток приказных судей. Несомненно, однако, что бояре и судьи добились для себя немалых выгод. Чтобы они лучше исполняли должностные обязанности, им увеличили поместья и жалованье.

Джером Горсей описал нововведения по свежим следам. Но в его рассказах не все заслуживает доверия. Записка Горсея, посвященная коронации Федора, носит откровенно апологетический характер. Будучи доверенным лицом Бориса Годунова, Горсей пытался отнести новшества всецело за счет мудрости царицы Ирины и ее брата. Между тем многие признаки указывали на то, что влияние Годуновых на дела еще носило ограниченный характер. Осуществление же нового курса в значительной мере было связано с деятельностью земского боярского правительства. Повсеместно проведенная смена администрации имела отчетливую цель — оттеснение от руководства бывших опричников и «дворовых» чиновников.

Новое правительство с первых же шагов столкнулось с немалыми финансовыми затруднениями. По традиции царь, взойдя на престол, раздавал крупные суммы денег дворянству по случаю своей коронации. Немалый ущерб нанесло казне хозяйничанье опекунов. Но причины возникших трудностей коренились все же не в этом. Вместе с разоренной страной боярское правительство получило в наследство от Грозного полностью расстроенные финансы. Приступив к упорядочению финансовой системы, оно должно было считаться с реальным положением дел.

Важнейшим фактором формирования политики стали народные движения. Наряду с городскими низами и купечеством против правительства с оружием в руках выступали дворяне. Имен-

но они подали сигнал к восстанию, вспыхнувшему сразу после смерти Грозного. Молодой сын боярский, повествует летописец, проскакал тогда по столичным улицам, вопя во весь голос «в народе, что бояр Годуновы побивают». Когда сбегавшаяся отовсюду толпа осадила Кремль, рассказывает другой летописец, «дети боярские многие на конях из луков по городу стреляли». В мятеже участвовали «ратные московские люди», пришедшие «с великою силою и со оружием к городу». Среди мятежников оказались не только рядовые служилые люди, но и знатные земские дворяне из провинции. В ходе расследования выяснилось, что зачинщиками («заводчиками») мятежа были «большие» рязанские дворяне Ляпуновы (из этой семьи вышли знаменитые деятели Смуты) и Кикины, а также «иных» городов дети боярские.

После выступления посада и вооруженных дворян правительство издало закон об отмене податных привилегий светской и духовной знати. Покушение на боярские привилегии вызвало негодование знати. Борьба в думе приобрела драматический характер. Незадолго до обсуждения там вопроса о тарханах польский посол писал из Москвы, что разногласиям и постоянным междоусобиям у московитов нет конца: «...вот и сегодня я слышал, что между ними возникли большие споры, которые едва ли не вылились во взаимное убийство и пролитие крови». Власти ждали нового мятежа. Опасность усилилась с наступлением весны 1584 г., когда в Москве участились пожары. По словам очевидцев, царскую столицу наводнили разбойники, повинные в поджогах. Летом московские власти в страхе перед народом фактически перевели город на осадное положение.

Царь Иван не слишком удачно выбрал опекунов для сына. При жизни он умел добиться от них послушания. Устранение Бельского не погасило распрей внутри опекунского совета. Польские послы писали из Москвы, что московские правители очень часто препираются в присутствии Федора без всякого уважения к нему. Разногласия внутри боярского правительства вспыхнули с новой силой после того, как оно лишилось самого авторитетного из своих руководителей. Никиту Романова хватил удар, надолго приковавший его к постели. Партия Мстиславского и Шуйского смогла значительно усилить свои позиции. Объектом острого политического соперничества стало центральное финансовое ведомство — Казенный приказ.

Обычно царской казней ведали два лица, контролировавшие друг друга. Опираясь на поддержку бояр, главный казначей Петр Головин добился того, что вторым казначеем был назначен его родственник Владимир Головин. Более века Головины из

поколения в поколение служили главными финансистами при московских государях. Но никогда они не распоряжались государственной казной так бесконтрольно, как при Федоре. Казенный приказ оказался вотчиной сторонников Мстиславского и Шуйского.

Благодаря своим личным качествам Петр Головин стал одним из подлинных вождей Боярской думы. Человек большой храбрости, он не побоялся бросить вызов Богдану Бельскому и добился отставки могущественного временщика. Боярское руководство оценило его заслуги. При коронации Федора он нес перед царем шапку Мономаха. Располагая поддержкой регентов Мстиславского и Шуйского, главный казначей открыто добивался изгнания бывших опричников из правительства. С Годуновым он обращался дерзко и неуважительно. Семья Головиных обладала большими местническими преимуществами перед родом Годуновых. Выиграв местнический спор с Бельским, знатный казначей лишь ждал случая, чтобы посчитаться с его свояком. Интрига боярской партии встревожила Бориса, и он решил нанести упреждающий удар. По его настоянию дума постановила провести ревизию казны. Проверка наличности обнаружила столь большие хищения, что боярский суд вынужден был приговорить Головина к смерти.

Борис имел возможность физически уничтожить своего врага, но он понимал, что кровавая расправа не принесет ему популярности. В конце концов Годунов удовольствовался церемонией казни. Осужденного возвели на Лобное место и передали в руки палача, который сорвал с жертвы одежду и занес топор над головой. Казнь была отменена в самый последний момент. Головину объявили помилование и сослали в Казанский край.

Суд над Головиным ослабил боярскую партию, чем немедленно воспользовались сторонники партии Романова. Раздор между Никитой Романовым и Мстиславским привлек общее внимание. Став преемником заболевшего Романова, Годунов повел борьбу с Мстиславским с удвоенной энергией. Столкновение завершилось отставкой самого знатного из членов регентского совета.

В былые времена Грозный неоднократно принуждал главу земщины Мстиславского к публичным покаяниям. Мстиславский признал себя виновным в том, что татары сожгли дотла русскую столицу, а царские полки потерпели поражение в войне с Батыем. При Федоре на голову Мстиславского посыпались новые обвинения. В Москве был пущен слух, будто регент хотел заманить Годунова к себе в дом и убить во время пира. Борис получил

удобный повод затеять грандиозный процесс. Но он постарался избежать ненужного шума и убедил престарелого регента добровольно уйти на покой.

Сохранилась монастырская запись — красноречивое свидетельство пострижения старшего опекуна. «Июля в 23 день (1585 г. — Р. С.) приезжал в Соловецкий монастырь помолиться князь Иван Федорович Мстиславский и дал на корм на два стола 20 рублей». Из Соловков боярин уехал на Белоозеро, в Кириллов монастырь и там постригся под именем старца Ионы. Как видно, регента доставили к месту заточения совсем не так, как доставляли других опальных «изменников». Ему позволили по дороге совершить паломничество в Соловецкий монастырь. Согласие Мстиславского на добровольное изгнание избавило от опалы членов его семьи. Сын регента унаследовал от отца удельное княжество и пост главы Боярской думы.

Отставке Мстиславского предшествовала сложная закулисная борьба, в которой едва ли не решающую роль сыграл главный дьяк думы Андрей Щелкалов.

Современники характеризовали Щелкалова как человека исключительно умного и пронырливого. Дьяк обладал удивительной работоспособностью. Не зная покоя ни днем, ни ночью, он работал как мул. Щелкаловы были выходцами из посадской среды. Дед Андрея торговал скотом. Его называли конским барышником. Отец Щелкалова начал карьеру как поп, а закончил ее в должности дьяка. После двадцатилетней службы в приказах Андрей Щелкалов стал одним из ведущих деятелей государства. Борис искал его дружбы и в порыве благодарности даже называл безродного дьяка отцом.

В начале 1585 г. переводчик Посольского приказа Яков Заборовский, будучи в Польше, передал полякам исключительно важную информацию о положении в Москве. По его словам, русские окончательно «договорились между собой и из них только двое держат в руках управление всей страной и царством Московским: одного из них зовут Борисом Федоровичем Годуновым... а другой — временный правитель или нечто вроде этого — Андрей Щелкалов»; он (переводчик) думает, что «положение Щелкалова более прочное, чем у зятя князя».

Чем выше Годунов возносился, тем острее чувствовал непрочность своего положения. Многие считали Бориса не более чем временщиком. Между тем Федор обладал слабым здоровьем, и ему предрекали короткую жизнь. Он смертельно заболел и едва не умер в первый же год царствования. Борис прекрасно понимал, что кончина Федора привела бы к быстрому крушению его карьеры, и лихорадочно искал выхода.

В начале 1585 г. Годунов направил нескольких доверенных лиц в Вену. Переговоры с венским двором были окружены строжайшей тайной. Но поляки вскоре же проведали о них. Переводчик Заборовский, непосредственно участвовавший в переговорах, снабдил их точной информацией. Его разоблачения носили сенсационный характер.

Не рассчитывая на то, что Ирина Годунова сохранит трон после смерти мужа, Борис тайно предложил Вене обсудить вопрос о заключении брака между нею и австрийским принцем и о последующем возведении принца на московский трон. Правитель не видел иных способов удержать власть. Но затеянное им сватовство завершилось неслыханным скандалом. Царь Федор выздоровел, а переговоры получили огласку. Польский посол заявил Боярской думе решительный протест по поводу венских переговоров. Инициаторы интриги выступили с неловкими оправданиями. «И мы то ставим в великое удивление, што такие слова злодействие (о сватовстве к «цесареву брату». — *Р. С.*) нехто затеял злодей и изменник», — заявили они. Оправдания никого не смогли обмануть. Федор был оскорблен до глубины души. Безоблачные до того отношения между родственниками омрачились. В дальнейшем кроткий царь не раз прибегал к палке, чтобы проучить шурина.

Боярская партия использовала промах Годунова, чтобы добиться реванша. Положение Бориса казалось безнадежным. Сам он готовился к худшему. Борис не оставил записок, которые позволили бы судить о его внутренних переживаниях. Но, как и многие другие люди того времени, он поверял свои тревоги не дневнику, а монахам. Обращения к церкви подкреплялись внушительными денежными затратами. В росписях монастырских доходов людские переживания получали денежное выражение. Порою прозаические цифры оказывались ценнее красноречивых записей дневника. 30 ноября 1585 г. Троице-Сергиев монастырь получил от Годунова фантастическую сумму — тысячу рублей. Даже коронованные особы прибегали к таким жертвованиям лишь в редких и исключительных случаях. Вклад денег в монастырь служил верным способом обеспечить будущее семьи. Опала влекла за собой конфискацию имущества. Но это правило не распространялось на имущество и деньги, вложенные в монастырь. Как видно, Борис заботился о том, чтобы обеспечить своей семье приличное содержание в случае опалы.

За месяц до обращения в монастырь Годунов направил в Лондон своего агента Джерома Горсея с тайной миссией. Англичанин помчался к границе с такой поспешностью, будто за ним гнались, и в пути забил насмерть двух русских ямщиков. В Лон-

доне не поверили своим ушам, когда Горсей изложил королевскому совету просьбу Годунова. Борис просил в случае беды предоставить ему и его семье убежище в Англии. Разъяснения эмиссара рассеяли все сомнения в серьезности его намерений. Горсей уведомил королеву, что сокровища Годунова легко переправить в Лондон. Королева Елизавета не скрыла своего удивления и долго расспрашивала Горсея о причинах, по которым Годунов намеревался вывезти из России свои богатства.

В Лондоне Горсей должен был выполнить еще одно поручение деликатного свойства. Он обратился к лучшим английским медикам за рекомендациями относительно царицы Ирины, которая часто, но неудачно бывала беременна. С наступлением весенней навигации английский корабль доставил в Россию опытную акушерку. Но дело получило преждевременную огласку и принесло много неприятностей Борису. Ему пришлось прибегнуть к хитрости, чтобы не допустить обсуждения щекотливо-го вопроса в Боярской думе.

В своем письме Федору королева Елизавета сообщала, что посылает к русскому двору искусную, опытную повивальную бабку и доктора, который будет руководить действиями бабки и принесет пользу здоровью царицы. Однако в Москве был допущен один только доктор. Повивальную бабку задержали в Вологде, всякие упоминания о ней были тщательно удалены из королевской грамоты при переводе на русский язык. Представленный членам Боярской думы перевод гласил, что из Лондона прибыл доктор, который «своим разумом в дохторстве лучше и иных баб».

Годуновы надеялись, что рождение наследника разом упрочит будущее династии и, следовательно, их собственное положение при дворе. Но обращение к «иноверцам» и «еретикам» привело в неистовство противников Бориса, ревностно заботившихся о благочестии и не допускавших мысли о том, что «еретическая дохторица» (повивальная бабка) может облегчить появление на свет православного царевича.

В Москве назревали грозные события, и Борис вынужден был смириться. «Дохторица» жила в Вологде целый год, да так ни с чем и уехала на родину. Рождение наследника не входило в расчеты оппозиции. Царская семья оказалась игрушкой в руках могущественных бояр и духовенства, объединившихся в попытке уничтожить Годунова.

Борис познал могущество и бессилие. Ему не удалось сохранить в тайне обращение к лондонскому и венскому дворам. С весны 1586 г. по Москве поползли зловещие слухи, будто Годуновы хотят возвести на трон австрийского католика и при

живом муже сватают за него царицу Ирину, а в случае неудачи готовы бежать к английским протестантам. Все эти толки дали новую пищу для боярской агитации против Бориса. Положение в столице осложнилось после того, как в конце апреля умер Никита Романов-Юрьев. Последовавшее затем народное возмущение едва не погубило Годуновых.

Современники, пережившие Смуту, с восторгом вспоминали о тихом и безмятежном царствовании Федора. Но они многое забыли. Принято называть «бунташным» (мятежным) время царя Алексея Михайловича. На самом деле «бунташный» век начался сразу после смерти Грозного. При «тишайшем» Федоре народные волнения повторялись с поразительной периодичностью и силой.

В 1586 г. царские дипломаты выступили за рубежом с категорическим опровержением слухов о том, что московские правители «в Кремле-городе в осаде сидели». «Того не бывало, — заявили послы, — то некто сказывал негораздо, бездельник. От ково, от мужиков в осаде сидеть? А сторожи в городе и по воротам, то не ново, издавна так ведетца для всякого береженья». Дипломаты говорили неправду. Летописи и монастырские записи не оставляют сомнений на этот счет. Расходные книги Чудова монастыря засвидетельствовали факт осады Кремля с полной неопровержимостью. В середине мая 1586 г. монастырь закупал боеприпасы «для осадного времени». Как видно, монастырские слуги в дни осады охраняли кремлевские стены вместе со стрельцами.

Летописи позволяют заключить, что внезапно вспыхнувшее возмущение застало правителей врасплох. Народ — «московских людей множество» — ворвался в Кремль и запрудил площадь перед Грановитой палатой. Толпа требовала выдачи Бориса, олицетворявшего теперь в ее глазах гнет и несправедливость. Москвичи, повествует летописец, хотели побить камнями «без милости» всех Годуновых разом. Борис бессилен был защитить себя и своих ближних.

Но разбушевавшаяся народная стихия ошеломила власть имущих. Бояре старались любой ценой успокоить чернь и удалить ее из Кремля. Ради достижения этой цели им пришлось помириться между собой. Роль мирового посредника взял на себя митрополит Дионисий. Шуйские не смогли использовать благоприятный момент для расправы со своими противниками.

От имени всех бояр регент Иван Шуйский заверил народ в том, что «им на Бориса нет гнева», что они «помирились и впредь враждовать не хотят меж себя». Несколько «торговых мужиков» пытались перечить боярину, но момент был упущен,

и настроение толпы переменилось. Как только народ покинул Кремль, бояре немедленно затворили все ворота, расставили стрельцов на стенах и окружили многочисленной стражей государев двор. Началось известное по дипломатическим документам «сидение» в Кремле в осаде.

Судьба Годуновых, казалось, висела на волоске. Борис все больше утверждался в намерении искать спасения за рубежом. Лагерь его сторонников таял на глазах. Причина неудачи Бориса не была тайной. Под давлением земщины Борис распустил «дворовую» охрану и тем самым лишился важного инструмента по поддержанию порядка. Он не мог эффективно контролировать положение в столице.

Московские волнения принесли наибольшие политические выгоды боярам Шуйским. При любом безвластии эта семья неизменно оказывалась на поверхности. Так случилось после смерти Василия III и Ивана IV, а в дальнейшем после гибели Годунова и Лжедмитрия. Шуйские олицетворяли могущество русской аристократии. Они были сильны также своими связями в дворянской среде. Их традиционно поддерживало столичное население, и в особенности богатое московское купечество. Группировку Шуйских возглавлял Иван Петрович Шуйский, пользовавшийся большой популярностью. Помимо регента в Боярской думе сидели бояре Андрей, Василий и Дмитрий Ивановичи Шуйские, а также боярин Василий Федорович Скопин-Шуйский.

Мир между Шуйскими и Годуновыми оказался недолговечным. Знать спешила использовать ничем не прикрытое поражение Бориса, чтобы окончательно избавиться от него. Шуйские инспирировали новое выступление земщины против Годуновых. Как русские, так и иностранные источники совершенно различного происхождения одинаково свидетельствуют о том, что оппозиция пыталась навязать развод царю Федору и тем нанести смертельный удар влиянию Бориса. Земцы явились во дворец и подали Федору прошение, «чтобы он, государь, чадородия ради второй брак принял, а первую свою царицу отпустил во иноческий чин». Прощение равнозначно было соборному приговору: его подписали регент князь Иван Шуйский и другие члены Боярской думы, митрополит Дионисий, епископы и вожди посада — гости и торговые люди. Чины требовали пострижения Ирины Годуновой, а следовательно, и удаления Бориса. Выступление земщины носило внушительный характер.

В молодости Федора угнетал страх перед отцовскими побоями. Но даже своенравному деспоту отцу не удалось принудить безвольного сына к разводу. Еще меньше шансов

на успех имели бояре и митрополит, предпринявшие попытку вмешаться в его семейную жизнь.

18 октября 1586 г. митрополит Дионисий был лишен сана, пострижен в монахи и сослан в Хутынский монастырь в Новгороде. Его «собеседника» крутицкого архиепископа Варлаама Пушкина заточили в новгородский Антониев монастырь. Опальные церковники получили возможность продолжать свои «беседы» в тиши и уединении.

Семейные дела царя Федора не были единственным пунктом разногласий между сторонниками Годунова и боярской партией. Постоянные споры вызывали дела внешнеполитические. Знать выступала за более тесное сближение с Речью Посполитой. Литовский канцлер Сапега в письмах из Москвы писал, что знатные бояре — сторонники короля Батория. Переводчик Посольского приказа Заборовский в 1585 г. подтвердил эту информацию и дополнил ее важными подробностями. Он тайно уведомил Батория о том, что пропольскую партию в Москве возглавляют Шуйские, которые «очень преданны королю и все надежды возлагают на то, что своими владениями соседствуют с королевскими владениями». Осведомленность чиновника московского дипломатического ведомства не подлежит сомнению.

Об истоках польских симпатий Шуйских можно догадаться. Московской знати импонировали политические порядки Речи Посполитой, ограничивавшие королевскую власть в пользу магнатов. Бояре не прочь были распространить подобные порядки на Руси и таким путем ограничить самодержавную власть царя.

Король Стефан Баторий знал о раздорах между ведущими боярами и о народных возмущениях в Москве. В его переписке с иезуитом Поссевино можно встретить утверждения насчет того, что бояре и почти весь народ московский, не желая терпеть деспотизм Годунова, ждут лишь польской помощи. Знатные московские эмигранты советовали королю не терять времени. Один из них, Михаил Головин, заявил Баторию: «Где король не придет, тут все его будет; никто... против его руки не подымет» из-за розни великой в боярах: «Для розни и нестройности служити и битися никто не хочет».

В конце 1586 г. в Польше начал работу сейм, который должен был обсудить и конкретизировать планы вторжения в Россию.

На пороге войны с Речью Посполитой Борис Годунов бросил вождям боярской оппозиции прямое обвинение в изменнических связях с врагами. Как стало известно в Литве, глубокой осенью 1586 г. он заявил в думе о том, что Андрей Шуйский ездил под видом охоты на границу и встречался там с литовскими панями. По слухам, боярину удалось оправдаться. Но разбирательство в

думе будто бы закончилось тем, что Годунов и Шуйский подрались и ранили друг друга.

По свидетельству осведомленных современников, недовольные организовали заговор против Бориса. Австрийский посол Варкоч узнал о нем из уст самого Годунова. В отчете о беседе Варкоч писал: «Душеприказчики (царя Ивана. — Р. С.) приобрели себе много тайных сообщников, особенно из горожан и купцов, для того чтобы внезапно напасть на Бориса и всех тех, кто стоит им поперек дороги, убрать их, а в дальнейшем править по своей воле».

Много лет Годуновы подвизались на поприще политического сыска. У них повсюду были глаза и уши. Правитель своевременно узнал о планах заговорщиков. Но он не в состоянии был помешать их действиям и, по словам Горсея, довольствовался тем, что окружил себя многочисленной охраной.

В последних числах декабря 1586 г. в пограничную литовскую крепость Витебск поступили сведения о крупных беспорядках в русской столице. Местный воевода направил своему правительству два письма с информацией об этих событиях. В первом письме он писал, что зачинщиком беспорядков был Андрей Шуйский, которому удалось договориться со Щелкаловым. Во втором письме имя Щелкалова не фигурировало. Согласно последней версии, во время нападения Шуйского на двор Годунова погибли сам Борис и другой большой боярин, а вместе с ними полегло до 800 человек.

Литовцы сочувствовали Шуйским и давно ждали известий об их успехе. Потому они легко поверили тому, что Годунов погиб, а Щелкалов примкнул к мятежникам. Слухи такого рода оказались недостоверными. И все же донесения литовских разведчиков не были сплошным вымыслом. Одновременно с донесением из Витебска литовское правительство получило информацию о московских происшествиях из первых рук. Через своих представителей за рубежом Посольский приказ официально уведомил литовцев о ссылке боярина Андрея Шуйского в деревню и казни московских «торговых мужиков», которые «поворovali были, не в свойское дело вступилися». Как видно, в Москве произошел мятеж или была предпринята попытка мятежа с участием посадских людей. Разгромить двор Годуновых не удалось. Борис подготовился к отпору и противопоставил мятежникам внушительную силу.

Оправившись от пережитого страха, Годунов, чтобы запугать «чернь», приказал обезглавить у стен Кремля шестерых купцов. Многие посадские люди отправились в ссылку в Сибирь.

Санкции против Шуйских отличались удивительной мяг-

костью и резко контрастировали с мерами против вождей посада. Согласно официальным разъяснениям, князю Андрею не была объявлена опала, хотя он и принужден был покинуть столицу. Регента Ивана Шуйского отослали в его отдаленную вотчину город Кинешму.

В отсутствие Шуйских власти приступили к расследованию причин и обстоятельств заговора. Розыск велся с применением обычных в то время средств. Участников заговора брали на Пыточный двор и допрашивали с пристрастием. Некоторые из арестованных дворян, убедившись, что дело их проиграно, поспешили сменить знамена. Федор Милюков, служивший в свите Шуйских, подал донос. Следствие продолжалось много месяцев и дало в руки правительства важные улики, после чего за рубежом было сделано новое заявление по поводу дела Шуйских. «...Князь Ондрей Шуйский с братьею, — гласила официальная версия, — учали перед государем измену делать, неправду и на всякое лихо умышлять с торговыми мужиками на всякое лихо, а князь Иван Петрович, им потакаючи, к ним же пристал, и неправды многие показал перед государем». Русские дипломаты не стали разъяснять полякам, в чем именно состояла измена Шуйских и их приверженцев — «мужиков». Однако в Москве власти открыто объявили о том, что заговорщики поддерживали тесные связи с польским правительством. Австрийский посол Варкоч писал в своем донесении из Москвы в 1589 г.: «Душеприказчики (царя Ивана. — Р. С.) хотели (как ныне заявляет Борис) тайно сговориться с Польшей и включить Россию в ее состав; вообще имеются основательные подозрения, что все это вовсе не выдумки».

Московские беспорядки побудили Годунова к решительным действиям против боярской оппозиции. Страна оказалась на пороге новых политических потрясений. Весь горизонт от края до края затянули грозные тучи. Однако удар грома последовал с запозданием.

Глава 12

ГОНЕНИЯ НА БОЯР

Поражение России в Ливонской войне надолго подорвало ее внешнеполитические позиции. После смерти Ивана IV Батюрий отказался подтвердить Ям-Запольское перемирие. Экспансионистские круги Швеции также лелеяли планы новых завоеваний в России. Но раздор из-за ливонских земель мешал противникам Русского государства объединить свои усилия.

Военное ослабление России привело к тому, что крымцы возобновили набеги на Русь. В 1587 г. крымский хан послал в поход своих сыновей с 40 тыс. всадников. Царские войска своевременно выступили навстречу им и вынудили их повернуть вспять.

Кровавые междоусобицы в Бахчисарае дали русским повод к вмешательству в татарские дела. Сын свергнутого крымского хана Мурат-Гирей явился в Москву и был принят на царскую службу. Московское руководство упорно помышляло о водворении в Крыму московского вассала. Подготавливая почву для осуществления этих планов, русские препроводили Мурат-Гирея в Астрахань и сосредоточили там военные силы. По личному распоряжению Годунова в Астрахани была спешно сооружена мощная каменная крепость, одна из лучших в государстве. Русские воеводы выстроили острог на Тереке и крепость Царицын на перевоке между Доном и Волгой. Военные приготовления на Нижней Волге и Северном Кавказе не оставляли сомнений в том, что Москва ждала военного столкновения с Османской империей и готовилась отразить врага.

Конфликт между Россией и Крымом благоприятствовал завоевательным планам ее западных соседей. Батюрий приступил к практической подготовке новой восточной кампании. Однако в разгар затеянных военных приготовлений, в конце 1586 г., он умер.

В период польского бескоролья русская дипломатия пред-

ложила избрать на трон Речи Посполитой царя Федора и объединить усилия двух государств в целях разгрома турок и татар. В ходе избирательной кампании победу одержали шведский и австрийский кандидаты на престол. Борьба претендентов принесла успех наследнику шведского престола Сигизмунду III Вазе. Война с Россией стала одним из главных пунктов внешнеполитической программы нового польского короля. Коалиция двух ее сильнейших противников, выигравших Ливонскую войну, возродилась благодаря личной унии двух государств.

Московское правительство попыталось противопоставить польско-шведской коалиции союз с австрийскими Габсбургами. Годунов направил в Вену своего эмиссара Луку Паули. Вслед за тем в Москву прибыл австрийский посол Варкоч. Правитель пригласил его к себе в хоромы. Церемония как две капли воды походила на царскую аудиенцию. Во дворе от ворот до ворот стояла стража. Борисовы дворяне «в платье золотном и в чепях золотных» ждали посла в зале. Австриец поцеловал руку Годунову, после чего вручил личное послание императора.

Годунов попытался убедить Варкоча в необходимости русско-австрийского военного союза и предложил частично покрыть военные расходы империи. В методах личной дипломатии Бориса обнаружились характерные особенности. Предложенные венскому двору субсидии были столь велики, что напоминали поминки крымскому хану.

Переговоры с австрийцами дали внешней политике Русского государства новую ориентацию. В Западной Европе назревало решительное столкновение между протестантской Англией и католическими Габсбургами. Накануне испанского вторжения Лондон, искавший сближения с Москвой, направил в Россию посла Джильса Флетчера. Годунов придавал большое значение торговле с Англией и в 1587 г. подтвердил права англичан на беспошлинную торговлю в России, чем вызвал негодование московского купечества. Однако уже в 1588 г. он пересмотрел свою проанглийскую политику. Миссия Флетчера 1588—1589 гг. завершилась полным провалом. Московское правительство отклонило домогательства Англии.

Деятельность Годунова оказала заметное влияние на внешнеполитический курс страны. Боярская дума признала этот факт и в 1589 г. вынесла постановление, санкционировавшее личные сношения Бориса с австрийскими и испанскими Габсбургами, Англией и другими государствами Западной Европы. Борис недолго упивался своими дипломатическими успехами. В Москве с запозданием узнали о том, что Австрия уже в марте 1589 г. подписала мирный договор с Речью Посполитой и взяла на себя

обязательство не предоставлять никакой помощи России. Планы создания австро-русской коалиции оказались несостоятельными. Политика «личной дипломатии» потерпела неудачу. Россия лишилась потенциального союзника в лице Англии и не смогла преодолеть состояние международной изоляции.

Летом 1589 г. над страной нависла угроза вражеского нашествия. Шведский король Юхан III сосредоточил в Ревеле почти всю свою сухопутную армию, насчитывавшую до 10 тысяч солдат, и флот из 40 кораблей. Туда же прибыл польский король Сигизмунд III. Союзники намеревались продемонстрировать русским свое военное превосходство и вынудить их к территориальным уступкам. Предполагалось вызвать царя Федора за границу и во время свидания вырвать у него согласие на передачу Швеции и Речи Посполитой главных пограничных крепостей — Смоленска, Новгорода, Пскова и других русских земель. Фактически Юхан III и его сын готовились расчленить Русское государство.

Россия не располагала достаточными ресурсами, чтобы выдержать войну с вражеской коалицией. Финансы ее были подорваны, численность дворянского ополчения резко сократилась. В начале Ливонской войны командование могло отправить в поход более 18 тысяч дворян, в конце войны — не более 10 тысяч. Значительная часть земель, принадлежавших помещикам, оказалась заброшенной. Старопахотные земли зарастали лесом. Прошло пять лет со времени заключения мира, но лишь небольшая часть опустевшей пашни была возрождена к жизни. Губительные последствия аграрной катастрофы испытали на себе и крестьяне, и самые мелкие феодальные землевладельцы. Сократился фонд поместных земель. Процесс экономической стабилизации был приостановлен стихийными бедствиями, обрушившимися на страну в 1587—1588 гг. Неблагоприятные климатические условия погубили урожай. Цены на хлеб многократно повышались в Москве и Новгороде, Владимире и Холмогорах. Крестьяне искали спасения на плодородном юге. Правительственные чиновники доносили о многочисленных случаях дворянского «оскудения». Разорившиеся служилые люди и члены их семей бросали пустые поместья, шли в кабалу к боярам, изредка садились на крестьянскую пашню, чаще питались подаянием. Недовольство низшего дворянства стало источником политического кризиса.

В связи с голодом 1588 г. осложнилось положение в столице. Толпы нищих и бродяг заполнили городские улицы. Народ винил в своих бедах Бориса Годунова, по-прежнему олицетворявшего несправедную власть. Его бранили и втихомолку и от-

крыто. Английский посол Флетчер видел в 1588—1589 гг., как московская толпа жадно внимала пророчествам юродивого, поносившего Бориса. «В настоящее время, — писал Флетчер в своих записках, — есть один в Москве, который ходит голый по улицам и восстанавливает всех против правительства, особенно же Годуновых, которых почитают притеснителями всего государства». К 1589 г. голод в стране кончился, но положение в Москве оставалось тревожным. С наступлением весны правительство, опасаясь уличных беспорядков, отдало приказание о размещении в городе усиленных военных нарядов.

В 1588—1589 гг. Москву будоражили слухи, крайне неблагоприятные для Бориса Годунова. Эти слухи были подхвачены и раздуты за рубежом.

В конце 1588 г. ватиканский посол в Кракове направил в Рим две сенсационные депеши. Первая гласила, что «москаль» в споре велел наказывать шурина палками, но Борис выхватил нож и нанес царю две раны, отчего тот опасно занемог. Вторая депеша содержала вовсе недостоверный слух, будто Федор убит своими придворными. (Годуновыми?)

Московские новости получили отражение в официальной переписке литовского канцлера Сапеги. Источником информации для него послужил рассказ шляхтича, который нес пограничную службу и беседовал через границу с русской стражей. Московиты сообщили знакомому литвину следующее: «Княгиня московская родила дочку. Но Годуновы, будучи недовольны, тайком взяли новорожденного сына у жены стрельца и положили на место дочери царицы. Один со стороны Годуновых, знавший об этом, выдал их в том как младшему князю Дмитрию, брату нынешнего московского государя, так и другим боярам. Потом это сообщили самому государю. За эти провинности своей жены государь приказал постричь ее в монахини. Боясь, что и с ними поступят так же, Годуновы, вероятно, как говорит (русская) стража, покололи самого государя».

Прошло два месяца, и литовский подканцлер А. Бараковский направил польскому послу в Риме письмо с новыми захватывающими подробностями насчет московского скандала. Суть их сводилась к следующему. Когда царь Федор уехал из Москвы на богомолье в монастырь, царица забеременела от кого-то другого, за что Федор хотел постричь ее в монахини. Брат царицы Борис Годунов из-за сестры поссорился с Федором. В споре царь ударил шурина посохом, а тот несколько раз пырнул Федора ножом. Здоровье царя плохое. Некоторые утверждают, будто великая княгиня хотела отравить мужа, опасаясь, что ее постригут в черницы.

Источником литовской информации были, скорее всего, клеветнические слухи, обильно распространявшиеся в Москве. Боярам не удалось избавиться от царицы Ирины Годуновой с помощью петиций на имя Федора. Тогда они попытались скомпрометировать ее с помощью злостных слухов. Благочестивую царицу обвинили разом в супружеской неверности, попытке подменить царского ребенка и намерении отравить мужа.

Клеветнические слухи подрывали престиж Годуновых. И прежде не обладавший популярностью Борис стал мишенью всевозможных нападок. Даже доброжелатели правителя не питали иллюзий насчет его будущего. Австрийский посол Варкоч писал в 1589 г.: «Случись что с великим князем, против Бориса вновь поднимут голову его противники... а если он и тогда захочет строить из себя господина, то вряд ли ему это удастся».

Честолюбие Годунова восстановило против него ближайших союзников. Главный посольский дьяк Андрей Щелкалов был раздражен его бесцеремонным вмешательством в дела дипломатического ведомства. В 1587 г. королева Елизавета опростачиво адресовала свое письмо разом обоим правителям — Годунову и Щелкалову. Борис тотчас же выразил неудовольствие и велел передать в Лондон, что «непригоже» смешивать его с дьяком, ибо в том есть «немалая поруха его княжескому достоинству и чести». Андрей Щелкалов сохранял известную популярность в земщине и не желал признать превосходство Годунова. Беседуя с английским послом Флетчером в 1588 г., он заявил, что Борису «всякие дела государственные, о которых делах государство держитца, по... царскому приказу все приказаны». Щелкалов недвусмысленно намекал на то, что Борис является таким же приказным человеком, как и он сам.

Соперничество соправителей приобрело открытые формы и вылилось в кратковременную опалу Щелкалова в 1588 г. Спустя год австрийский посол Варкоч во время своего пребывания в Москве констатировал, что «Андрей Щелкалов больше не в чести, Борис Федорович совсем не благоволит к нему, за дьяком следят и не очень ему доверяют».

В обстановке внутреннего и внешнего кризиса боярская оппозиция вновь подняла голову. В доверительной беседе с Горсеем Борис жаловался на заговор Нагих и присоединившихся к ним Шуйских. Бывшие опричники Нагие и великородные князья Шуйские принадлежали к противоположным полюсам политической жизни. Но и тех и других переполняла вражда к правителю. Наметившаяся изоляция побудила Годунова прибегнуть к насильственному подавлению оппозиции. Репрессии были признаком крайней слабости правительства. По меткому

замечанию В. О. Ключевского, московские летописцы верно понимали затруднительное положение Бориса при царе Федоре: оно побуждало бить, чтобы не быть побитым.

Первой жертвой годуновских репрессий стал регент Иван Петрович Шуйский. Преданный правителю дворянин Иван Туренин захватил боярина в его вотчине и увез под сильной охраной в Белоозеро. В Кирилло-Белозерском монастыре боярина насильственно постригли в монахи. Монастырь стал местом одновременного заточения двух душеприказчиков Грозного.

Старец Иов Шуйский недолго жил в глухой северной обители. В конце 1588 г. по всей стране прошла молва о его смерти. Английский посол Джильс Флетчер, Джером Горсей, летописцы московские и псковские упомянули о том, что «великий боярин» был убит по приказу Бориса. Но кто может сказать, записали ли они достоверные сведения или клеветнические слухи? Рассеять сомнения помогают подлинные документы, найденные нами в фондах Кирилло-Белозерского монастыря.

На страницах монастырских вкладных книг кирилловские монахи записали, что 12 ноября 1588 г. в их обитель прибыл пристав князь Туренин, а 28 ноября этот пристав внес большое денежное пожертвование на помин души князя Ивана Шуйского. «А корм на преставление его (князя Шуйского), — отметили старцы, — ноября в 16 день». Очевидно, Туренин не мог пожертвовать деньги на опального без прямого царского повеления. Чтобы снестись с Москвой, ему нужен был самое малое месяц. Следовательно, распоряжение из столицы он не мог получить раньше середины декабря. Как же случилось, что Туренин «упокоил» душу опального в ноябре, на двенадцатый день после его кончины? Неизбежно предположение, что правитель поручил Туренину не только привезти Шуйского на Белоозеро, но и убить его.

Бывшего опекуна задушили дымом, иначе говоря, отравили угарным газом. Самый способ казни свидетельствовал о том, что Борис старался убрать соперника без лишнего шума и без огласки. В тех же целях он затеял маскарад пострижения. Казнь Шуйского можно назвать поистине «благочестивым» убийством. Московские государи перед кончиной всегда надевали иноческое платье. Не всем это удавалось. Грозный сподобился пострижения уже после того, как испустил дух. По понятиям людей того времени, «ангельский образ» облегчал потустороннюю жизнь.

Сколь бы критической ни казалась ситуация, убийство Шуйского было продиктовано не трезвым политическим расчетом, а чувством страха. Пострижение регента покончило с его светской карьерой, ибо в мир он мог вернуться лишь расстригой.

По словам Горсея, все оплакивали знаменитого воеводу. Репутация Годунова была загублена окончательно. Отныне любую смерть, любую беду молва мгновенно приписывала его злой воле.

Младшие Шуйские, разосланные по своим деревням, подвергались гонениям вслед за регентом. Их взяли под стражу и отправили в тюрьму. Андрея заточили в Буйгород, Василия — в Галич, двух братьев оставили в Шуче-селе. В дворцовых списках конца 1588 г. имеются пометы о посылке приставов (Замыцкого, Конфова, Вырубова) к арестованным Шуйским.

Признанный глава антигодуновского заговора Андрей Шуйский внушал правителю наибольшие опасения, что и решило в конце концов его судьбу. Согласно семейным преданиям Шуйских, князя Андрея умертвили в тюрьме в июне 1589 г.

Немало знатных дворян подверглись гонениям заодно с Шуйскими. В монастырь попал видный боярин Федор Шереметев, «что с князем Иваном Петровичем Шуйским государю царю Федору изменял». Шереметев побывал в польском плену и присягал там на верность Баторию. Известный воевода и ближайший сподвижник регента Иван Крюк-Колычев попал в нижегородскую каменную тюрьму. Пострадало также и немало дворян. По преданию, в связи с делом Шуйских попал в монастырь ростовский сын боярский Аверкий (Авраамий) Палицын, знаменитый впоследствии писатель Смутного времени.

Преследования Шуйских и их приверженцев не покончили с оппозицией. Центром антигодуновской агитации оставался Углич — резиденция младшего сына Грозного. Раздор между московским и удельным дворами нарастал с каждым днем. Одним из последствий его был небольшой, но многозначительный эпизод, связанный с завещанием Грозного.

Не опубликованные до сих пор документы венского архива приоткрывают краешек завесы, окутавшей историю царского завещания. Первый из этих документов — донесение из Москвы Луки Паули. Этот австрийский подданный, долго живший в Москве, был послан Борисом в Вену и заинтриговал имперских чиновников рассказами о царском завещании, якобы касавшемся австрийского дома. Габсбурги отправили в Россию посла Варкоча, поручив ему во что бы то ни стало ознакомиться с завещанием. Ценой больших усилий Варкочу удалось получить необходимую информацию. Борис Годунов, писал он из Москвы, подавил раскрытый им боярский заговор, строго наказал виновных в крамоле душеприказчиков Грозного, а царское завещание, как говорят, разорвал. Паули дополнил отчет посла драматическими подробностями. Он сообщил о скоропостижной смерти дьяка Саввы Фролова, переписчика завещания Грозного,

которого, как можно было подозревать, отравили, чтобы царское завещание не стало известным.

Трудно оценить достоверность австрийских данных. Налицо лишь внешнее совпадение фактов. Свидетель кончины Грозного Горсей подтверждает, что Грозный продиктовал духовную ближнему дьяку Савве Фролову. В апреле 1588 г. завещание, как слышал Паули, еще существовало в целости. Не позднее ноября следующего года австрийцы узнали о его уничтожении. Как раз в это время карьера дьяка Фролова оборвалась, и его имя навсегда исчезло из документов.

Уничтожение царского завещания, по тогдашним меркам, было делом неслыханным. Если это сделал Борис, то что толкнуло его на такой шаг? Может быть, опасность для него таила в себе те распоряжения Грозного, которые касались полномочий регентов и определили права Дмитрия, младшего брата Федора?

В случае смерти бездетного Федора царевич Дмитрий оставался единственным членом царствующего дома. Нагие понимали, что малолетний царевич может сесть на царство в любой момент, и по-своему готовились к этому, старательно поддерживая в нем неприязнь к советникам царя Федора. Угличский двор распространял повсюду слухи, будто родственники Федора, рассчитывавшие заполучить трон в случае его бездетной смерти, пытались «окормить» Дмитрия зельем. Слухи эти записал в 1588—1589 гг. английский посол Флетчер. Они оказались столь живучи, что попали на страницы поздних русских летописей XVII в.

Московский двор не остался в долгу. Ранее 1589 г. власти разослали по всем церквям приказ, воспрещавший упоминать на богослужениях имя Дмитрия на том основании, что он зачат в шестом браке, а следовательно, является незаконнорожденным. Такой приказ, утверждал английский посол, отдал священникам сам царь вследствие происков Бориса Годунова. Церковные правила строго воспрещали православным вступать в брак более трех раз. При жизни Грозного никто не смел усомниться в законности его последнего брака. После его кончины все изменилось. Родне Дмитрия оставалось надеяться на царское завещание. Отцовское благословение само по себе утверждало взгляд на царевича как на законного наследника престола. Уничтожение завещания лишило претензии угличского князя юридической базы.

Политика Годунова постоянно наталкивалась на глухое сопротивление в среде удельной и боярской знати. Неудивительно, что власти добивались ослабления политического могущества аристократии. В конце 80-х гг. казна конфисковала удель-

ные владения ливонской королевы Марии Старицкой, троюродной сестры царицы Марии Нагой. Королеву вынудили принять пострижение и удалиться с малолетней дочерью в монастырь. Царицу Марию Нагую ограничили в правах, а находившееся в ее владении Угличское удельное княжество подчинили контролю московской приказной администрации, направив туда дьяка Михаила Битяговского. У царя Симеона Бекбулатовича отняли титул великого князя тверского и отобрали тверской удел. Князья Воротынские сохранили свои владения, но им не разрешено было жить в Москве. Помимо удельной знати, гонениям подверглись князья Голицыны и Куракины, нетитулованная старомосковская знать Шереметевы и Бутурлины. «Великих» Морозовых, Яковлевых, Колычевых правитель многие годы не допускал в Боярскую думу.

Раздор Бориса с боярами, недовольство «скудеющих» дворян и городские восстания вызвали к жизни политику, некоторыми чертами напоминавшую опричнину. Современники живо почувствовали опасность. Один из них подробно описал опричные меры Ивана IV против знати и тут же отметил, что подобные средства употребляют ныне Годуновы ради того, чтобы истребить и унижить знатнейшее дворянство. Деятельность Бориса в самом деле приобрела отчетливый антибоярский характер. Но столкновение со знатью все же не привело к повторению опричнины. Воспитанник Грозного смог одолеть бояр без новой опричнины, потому что имел возможность воспользоваться ее плодами. Еще больше он обязан был своим торжеством успехам политической централизации, достигнутой к концу XVI столетия. Без поддержки окрепшего приказного аппарата управления Годунову едва ли удалось бы справиться с всплеском аристократической реакции.

Показания современников насчет возрождения опричных порядков при Борисе следует признать ошибочными. Своеобразие политического курса Годунова состояло в том, что он отказался от услуг преторианцев — привилегированного охранного корпуса (из рядов которого сам вышел) — и пытался найти более прочную опору во всей массе дворянства.

Автор обширного сочинения о России Джильс Флетчер писал, что русское правительство облагает невыносимыми налогами все сословия, а дворяне и духовенство мирятся с этим, перекладывая бремя податей на плечи простолюдинов. Английский правовед, как видно, глубоко проник в тайны налоговой системы Московии. Свой рассказ Флетчер завершал словами о том, что «купцы и мужики (так называется простой народ) с недавняго времени обременены большими и невыносимыми

налогами» и что притеснителями всего государства почитают в Москве Годуновых.

Слова Флетчера находятся в вопиющем противоречии с разъяснениями Посольского приказа насчет податной политики Годунова. В то самое время, когда Лондон опубликовал записки своего московского посла, русские дипломаты в Польше выступили с заявлением о том, что Борис не только даровал народу правосудие, но и освободил его от разорительных налогов и повинностей. По всей стране, «что ни есть земля всего государства, — заявляли послы за рубежом, — (Борис) все сохи в тарханех учинил во льготе, даней никаких не емлют, ни посох ни к какому делу».

В период с 1583 по 1588 г. податной оклад номинально вырос в 1,5 раза. Низшие сословия никаких особых льгот не получили. Очевидно, приказные руководители имели в виду мероприятия Годунова, затронувшие исключительно высшие сословия.

В отличие от крупных привилегированных землевладельцев мелкие помещики не пользовались финансовыми льготами и должны были платить в казну подати со всех принадлежавших им поместных земель. Такой порядок не был обременителен для дворянства, пока удельный вес барской запашки в поместье был ничтожен. «Великое разорение» привело к тому, что мелкое поместье обезлюдело и значительную часть дохода рядовой служилый человек стал получать с приусадебной пашни. Но барская пашня плохо кормила, пока ее облагали податями наравне с крестьянской. Взыскание налогов с усадебной пашни вконец разоряло служилую мелкоту. Дворяне роптали. И правительство осознало, что без серьезных уступок низшему дворянству оно не достигнет прочной стабилизации. Заявления Посольского приказа имели под собой фактическую основу. Служилые люди в самом деле получили от Годунова финансовые льготы. Казна стала «обелять» (освобождать) от податей усадебную запашку помещиков, несших военную службу. Неизвестно, когда эта мера приобрела общегосударственное значение, но то, что она широко практиковалась уже в начале 90-х гг., с очевидностью доказывают платежные книги Бежицкой пятины. (Бежицкая пятина примыкала к Новгороду с юго-востока.)

Налоговая политика Годунова носила отчетливый сословный характер. Мелкопоместные дворяне рассматривали предоставленные им льготы как очень значительные. Необлагаемая барская пашня гарантировала им пропитание и спасала от нищенской суммы при неблагоприятной ситуации. Но было бы неверно думать, что новая налоговая политика ориентировалась

исключительно на низшее дворянство. Казна освобождала от податей тем большие участки боярской пашни, чем большим поместьем владел дворянин. Таким образом, реформа податной системы принесла среднему дворянству еще большие выгоды, чем мелкому.

Некогда Пересветов поучал царя Ивана, что он должен относиться к «военникам», как отец к детям: «...что царская щедрость до воинников, то его и мудрость». При Федоре служилое сословие было уверено в этом так же, как и при Иване. Оно все настойчивее заявляло о своих нуждах. Правящие верхи не сразу откликнулись на их требования.

Боярское правительство начало с уничтожения тарханных привилегий крупных землевладельцев. На словах эта мера продиктована была заботой о «скудеющем» дворянстве. На деле она вела к обогащению главным образом казны. Выбившись наверх, Борис постарался забыть о своем скромном происхождении и не сразу пришел к продворянской ориентации. Поворот в его внутренней политике был ускорен раздорами с боярской аристократией и упадком дворянского ополчения. «Обеление» дворянских земель и подготовительные шаги к закреплению крестьян показали, что формирование нового курса в основных чертах завершилось. Податная реформа имела исключительно важные социальные последствия. Она впервые провела четкую грань между высшими, привилегированными сословиями феодальных землевладельцев и низшим, податным сословием зависимых крестьян.

Глава 13

УЧРЕЖДЕНИЕ ПАТРИАРШЕСТВА

нтифеодальные восстания, распри между боярами и полная недееспособность царя Федора ослабили самодержавную систему управления. Раздор между светской и духовной властями и низложение митрополита Дионисия усугубили кризис. Монастыри не желали мириться с наступлением на свои податные привилегии. Оказавшись в затруднительном положении, правительство стремилось сгладить противоречия и избежать новых столкновений с руководителями церкви. Борису Годунову удалось возвести на митрополичью кафедру своего ставленника Иова. Но новый митрополит не пользовался авторитетом и популярностью. Бояре и духовенство не простили ему опричного прошлого.

«История» святейшего патриарха рассказывает, что первый духовный чин Иов получил в Старице «благоразсмотрением» благочестивого царя Ивана. Можно установить, что произошло это в разгар казней, когда Иван сделал Старицу своей опричной резиденцией и произвел там «перебор людишек». Место игумена старицкого Успенского монастыря оказалось вакантным, и Иов занял его. Будучи человеком посредственных способностей, опричный игумен не мог сделать быструю карьеру, несмотря на то, что находился постоянно на виду у Грозного. Лишь в 1581 г. он получил коломенское епископство и, казалось бы, достиг предела своих возможностей. Однако с приходом к власти Годунова все переменялось. Иов стал архиепископом, а через несколько месяцев митрополитом. В отличие от «мудрого грамматика» Дионисия новый руководитель церкви не блистал образованием и умом. Заменой талантов ему служила преданность Борису. А кроме того, Иов мог выразительно и без запинки читать наизусть длинейшие молитвы, «аки труба дивная, всех веселя и услаждая».

Борис готов был употребить любые средства, чтобы упредить

престиж Иова. Без авторитетного руководства церковь не могла вернуть себе то влияние, которым она пользовалась в былые времена. Между тем обстановка острого социального кризиса требовала возрождения сильной церковной организации. В такой ситуации светская власть выступила с инициативой учреждения в России патриаршества.

Безвозвратно минуло время, когда вселенская православная церковь, возглавляемая царьградским патриархом, рассматривала русскую митрополию как второстепенную, периферийную епархию. Падение Византийской империи привело к перераспределению ролей. Некогда могущественная византийская церковь пришла под власть турок-завоевателей в полный упадок, в то время как русская церковь достигла высшего расцвета. В Московском царстве митрополиты располагали несравненно большими возможностями и богатствами, чем константинопольский патриарх под властью иноверцев. Положение младших патриархов в Александрии и Антиохии было вовсе бедственным. В XVI в. восточные патриархи все чаще обращались в Москву за вспомоществованием. Число просителей росло из года в год.

Новая реальность получила отражение в сочинениях русских книжников, сформулировавших доктрину «Москва — третий Рим». Гибель второго Рима (Византии), утверждали они, превратила Московское царство («третий Рим») в главный оплот православия. Со временем идеологи сильной церкви дополнили эту доктрину новыми рассуждениями: если Россия стала средоточием всемирного православия, ее церковь должно возглавлять лицо, имеющее высший духовный сан, подле православного самодержца должен стоять патриарх, как было в Константинополе.

Столпы православной церкви Востока нимало не сочувствовали русским проектам, но не хотели открыто отклонить их. Торг из-за патриаршего сана сулил большие выгоды. При царе Федоре в Москву приехал антиохийский патриарх Иоаким с обычной просьбой о субсидии. Его приняли с большим почетом, но, прежде чем вести разговоры о деньгах, предложили обсудить вопрос об учреждении в России патриаршей кафедры. Иоаким весьма неохотно обещал передать пожелания москвитов Вселенскому собору. После отъезда Иоакима в Москву прибыл гонец константинопольского патриарха Феолита. Греки явно не желали вести с москвитами письменные переговоры по делу о патриаршестве. В своей грамоте Феолит писал преимущественно о финансовых затруднениях. Но на словах его гонец передал, что вселенские патриархи собираются решить московское дело в ближайшее время.

Сношения с Константинополем вступили в новую фазу после того, как Феолит был низложен турками, а его место занял Иеремия. Новый глава Вселенской церкви отправился в Москву собственной персоной. В Москве не знали о смене церковного руководства и заподозрили было Иеремию в самозванстве. Греки без особого труда рассеяли подозрения и 21 июля 1588 г. были приняты в Кремле. Иеремию представили царю, затем отвели в особую палату для беседы с глазу на глаз с Борисом Годуновым и Андреем Щелкаловым. Беседа выявила крайне неблагоприятные факты. Русские ждали, что патриарх привез с собой постановление Вселенского собора. Оказалось же, что дело не сдвинулось с мертвой точки.

Московские переговоры затянулись более чем на полгода. Ход их получил в источниках неодинаковое освещение. Небольшие отступления от истины допустили московские церковные писатели. Они утверждали, будто патриарх привез в Россию благоприятное решение Вселенского собора. Официальный отчет, составленный Посольским приказом, излагал историю переговоров с большими купюрами. С византийской стороны в переговорах участвовали помощники патриарха — митрополит Иерофей и архиепископ Арсений. Они выдвинули свои версии московских переговоров, не совпадавшие между собой.

Архиепископ эласонский Арсений задался целью прославить патриарха Иеремию, а заодно воспеть щедрость царя. Московские впечатления он изложил в стихах, поскольку все виденное, по его словам, не поддавалось описанию в прозе. Каковы же были истоки его вдохновения? Об этом можно догадываться.

Когда патриарх Иеремия удостоился аудиенции в Кремле, царь щедро одарил всех его спутников, за исключением одного Арсения. Такая немилость объяснялась тем, что последний уже был однажды в Москве и получил большую сумму на помин души царя Ивана, но распорядился деньгами не так, как следует. Порядочные поминки архиепископ мог справить лишь в своей епархии, а между тем, покинув Русь, он остался в неприятельской Литовской земле. Неудивительно, что при втором появлении в Москве Арсения встретили холодно, даже враждебно. В ходе открывшихся переговоров византиец сумел вернуть себе расположение москвитов. На прощальной аудиенции царь сказал ему: «Твердо надейся, что я никогда не оставляю тебя без помощи: многие города с их областями я тебе поручу, и ты будешь управлять ими в качестве епископа». Неожиданная милость царя объяснялась, видимо, тем, что Арсений оказал ему важные услуги. Он помог русским довести до благополучного

конца переговоры об учреждении патриаршества, а затем выехал в Константинополь, где Иеремию предстояло не очень приятное объяснение со Вселенским собором. Сочинение Арсения помогло патриарху выйти из затруднительного положения.

Арсений выступил как апологет Иеремию, митрополит Иерофей — как критик. Иерофей включил отчет о московских переговорах в текст составленного им «Хронографа». Его краткая, лишенная литературных красок заметка отличалась большей достоверностью, нежели стихотворные сочинения Арсения.

По словам Иерофея, подлинной причиной путешествия патриарха Иеремию в Москву были долги константинопольского патриаршества. Переговоры по поводу субсидий сразу зашли в тупик, поскольку русские власти потребовали предварительно решить вопрос об учреждении у них патриаршества.

Появление Иеремию в Москве поставило московское правительство перед выбором. Оно могло либо отпустить патриарха без субсидий и тем самым утратить все возможности, связанные с первым посещением Руси главой Вселенской церкви; либо одарить патриарха богатой милостыней (но история Иоакима показала, что полагаться на словесные обещания византийцев нельзя); либо, наконец, задержать Иеремию и заставить его отступить. В Москве избрали последний путь. На то были особые причины.

Когда патриарх Иеремию и его спутники, митрополит Иерофей и архиепископ Арсений, по дороге в Москву проезжали через польские земли, канцлер Я. Замойский пригласил их к себе в Замостье и попытался прозондировать почву относительно перенесения патриаршего престола из Константинополя в Киев, находившийся тогда в пределах Речи Посполитой. После беседы с Иереимей канцлер записал: «Мне показалось, что он всему этому не чужд». Благодаря услужливости Арсения о беседе с канцлером узнали в Москве. Сообщение встревожило русское правительство и побудило его к энергичным действиям. Решив задержать византийцев на длительное время, московские власти первым делом постарались надежно изолировать их от внешнего мира. Приставы и стража никого не пускали к Иеремию. Да и самому ему запретили покидать двор. Даже на базар патриаршие люди ходили со стражниками.

Греков держали как пленников, но при этом обращались с ними самым почтительным образом и предоставили им все возможные блага. Патриарху отвели просторные хоромы, убранные по-царски и пригодные для постоянных богослужений. Из дворца ему доставляли изысканную еду и обильное питье — три кружки хмельного меда: боярского, вишневого и малино-

вого, ведро паточного меда и полведра квасу. Между тем власти Кремля более не вызывали к себе византийцев и словно окончательно забыли про них.

Сколь бы тяжким ни казалось московское гостеприимство, Иеремия по-своему ценил его. Испытав превратности судьбы, столкнувшись с предательством епископов, произволом иноверцев-завоевателей, изгнанный из собственной резиденции и ограбленный, престарелый патриарх не прочь был даже сменить Константинополь на Москву.

Однажды Иеремия, беседуя с ближайшими советниками, заявил, что не хочет учреждать в Москве патриаршество, «а если бы и хотел, то сам остаться (здесь) патриархом». Записавший его слова митрополит Иерофей замечает, что в окружении Иереми были «люди недобрые и нечестные, и все, что слышали, они передавали толмачам, а те доносили самому царю». Говоря о нечестных советниках, Иерофей имел в виду архиепископа Арсения, выступившего горячим сторонником московского проекта.

Как только властям стало известно о пожелании патриарха, они прибегли к хитрой уловке. Иеремии постарались внушить, что его ждет в Москве блестящее будущее. «Владыко, если бы ты захотел и остался здесь, мы бы имели тебя своим патриархом». Но подобные заявления исходили не от царя и бояр, а лишь от приставов, стороживших патриарха. Иеремия попал в расставленную ему ловушку и, не ожидая официального приглашения, сказал приставам: «Остаюсь!»

Тайная дипломатия Годунова, казалось, дала свои плоды, и вопрос немедленно был перенесен в Боярскую думу. Объявив о согласии Иеремии, царь Федор выдвинул ряд условий. «Буде похочет быть в нашем государстве цареградский патриарх Иеремия, — читал дьяк царскую речь, — и ему быти патриархом в начальном месте во Володимире, а на Москве бы митрополиту по-прежнему; а не похочет... быти во Володимире, ино на Москве учинити патриарха из московского собору».

Условия продумал, разумеется, не слабоумный Федор, а правитель Годунов. Смысл его проекта сводился к следующему. Иеремии дозволялось основать свою резиденцию в захолустном Владимире, с тем чтобы фактически главой московской церкви остался митрополит Иов. Очевидно, Борис не собирался жертвовать своим приятелем. Он сам известил Иеремию о решении Боярской думы. Архиепископ Арсений описал его посещение как очевидец.

У великого боярина, замечает грек, был смущенный вид, когда он «не без страха, но почтительно и в порядке» присту-

пил к изложению существа дела. Борис так ловко повел беседу, что патриарх, весьма тронутый приятными словами, почти согласился на все его предложения. Но члены свиты Иеремии обратили внимание патриарха на то, что ему придется жить во Владимире, а не в Москве. «А Владимир хуже Кукуза!» (Армянский городок Кукуз считался местом заточения Иоанна Златоуста.)

В конце концов патриарх заявил, что согласен основать свою резиденцию только в Москве, «занеже патриархи бывают при государе всегда, а то что за патриаршество, что жити не при государе, тому статья никак не возможно». Выслушав окончательное мнение Иеремии, Борис сказал, что в московские патриархи должен быть поставлен кто-нибудь из русских. Но константинопольский патриарх отклонил и эту просьбу, сославшись на то, что волен распоряжаться только своей кафедрой. «Не будет законным, — сказал он, — поставить другого, если мне самому не быть на двух кафедрах». По словам очевидцев, правитель покинул патриаршее подворье чрезвычайно опечаленным.

Проиграв дипломатическую игру, москвиты решили воздействовать на греков иными способами. Годунов предпочел на время покинуть сцену. «Черную работу» взялись исполнить братья Андрей и Василий Щелкаловы. Дьяки попытались купить согласие патриарха щедрыми посулами. Они обещали ему дорогие подарки, богатое содержание, города и области в управление (?). В то же время Иеремии дали понять, что его не отпустят из Москвы, пока он не уступит. Под конец с греками заговорили языком диктата. Когда митрополит Иерофей отказался подписать грамоту «о поставлении» Иова, Андрей Щелкалов пригрозил утопить его в реке. Борис не мог допустить срыва переговоров, получивших широкую огласку, и старался закончить их как можно скорее. Боярская дума вторично собралась в царских палатах и окончательно отклонила просьбу Иеремии о «поставлении его патриархом на Москве». Решено было еще раз «посоветовать» с Иеремией о возведении в сан патриарха Иова. Бояре распорядились взять у Иеремии «чин» поставления патриархов и учредить новые митрополичьи, архиепископские и епископские кафедры еще до того, как дума получила формальное согласие патриарха.

13 января 1589 г. Годунов и Щелкалов уведомили Иеремию обо всех предпринятых ими шагах. Беседа длилась долго. Как повествует официальный отчет, «патриарх Иеремия говорил о том и советовал много с боярином с Борисом Федоровичем». В результате патриарх уступил по всем пунктам, выставив

единственное условие: чтобы его самого «государь благочестивый царь пожаловал отпустил». Греки капитулировали ради того, чтобы вырваться из московского плена. «В конце концов, — повествует Иерофей, — хотя и не по доброй воле, Иеремия рукоположил патриарха России».

Архиепископ Арсений пишет, будто в переговорах с Иеремией с самого начала участвовало московское духовенство. Источники опровергают эту благочестивую легенду. Власти созвали Священный собор после завершения трудных переговоров. Борис Годунов не считал нужным советоваться с «государевыми богомольцами» по поводу выбора кандидата на патриарший престол.

Иеремия представил властям подробное описание церемониала поставления патриарха. В соответствии с обычаем царю и Священному собору предстояло выбрать «втай» трех кандидатов в патриархи. После этого царь должен был утвердить на высокий пост одного из них.

Такой порядок выбора главы церкви показался москвитам неудобным. По настоянию Иеремии они все же согласились провести «тайные» выборы, но на деле вся процедура свелась к чистой формальности. Власти расписали сценарий избирательного собора до мельчайших деталей, включая «тайну» выборов. В соответствии со сценарием Иеремии полагалось провести «тайное» совещание с московскими епископами, после чего «избрали трех... митрополита Иова всеа России, архиепископа Александра новгородского, архиепископа ростовского Варлаама». «Потом, — говорилось в наказе, — благочестивый царь Федор изберет из тех трех одного Иова митрополита... в патриархи». Иеремия беспрекословно выполнил все предписания Годунова относительно «тайны» выборов и 26 января 1589 г. возвел Иова на московский патриарший престол.

Греки надеялись, что теперь-то их отпустят на родину. Но им велели ехать на молитву в Троице-Сергиев монастырь. По возвращении они настоятельно просили отпустить их в Царьград. Правитель отклонил просьбу под тем предлогом, что ехать весною неудобно: плохи дороги. Новая задержка греков была вызвана тем, что в Москве взялись за составление «сборного» постановления об учреждении патриаршества. Собор, будто бы выработавший этот документ, в полном составе едва ли когда-нибудь заседал. В числе участников собора грамота называла Иеремию и Иерофея. Но, по свидетельству Иерофея, грекам на подворье принесли готовую грамоту, которую они не могли понять из-за отсутствия перевода. Угрозы заставили

Иерофея подписать грамоту, но он тут же посоветовал патриарху тайно наложить на грамоту заклятье.

Пробыв в Москве без малого год, патриарх 19 мая получил наконец разрешение выехать на родину. Правитель не пожалел казны, чтобы одарить освобожденных пленников. Не скрывая восхищения, Арсений писал, что великий царь и царица обогатили их всех. Что касается субсидий на строительство новой резиденции патриарха в Константинополе (за этим Иеремия и приехал на Русь), то выдачу ее откладывали до последнего момента. Только после отъезда Иеремии Годунов «помянул» царю о забытом ходатайстве, после чего вдогонку грекам послали тысячу рублей на новую патриаршую церковь.

По случаю учреждения патриаршества в Москве устроили грандиозный праздник. Во время крестного хода новопоставленный патриарх выехал верхом на осле из Фроловских ворот и объехал Кремль. Осла вел Борис Годунов. Процессию сопровождала толпа.

После восшествия Иова на патриарший стол власти составили так называемую утвержденную грамоту о его избрании. Она заключала в себе указания на историческую роль Русского государства как оплота Вселенской православной церкви. «Ветхий Рим, — значилось в грамоте, — падеся аполинариевой ересью... второй же Рим, иже есть Константинополь... от безбожных турок обладаем, твое же, о благочестивый царь, великое российское царствие — третий Рим — благочестием всех превзыде, и вся благочестивая царствие в твое едино собрана, и ты един под небесем, христианский царь, именуешься в всей вселенной, во всех христианах...»

В течение многих лет русские книжники излагали теорию Москва — третий Рим в сочинениях неофициального толка. Претендовавший на неограниченную власть Иван IV не принял ее из-за тенденций к возвеличиванию церковного авторитета. После Грозного успехи централизации окончательно определили подчиненное место церкви в системе Русского государства. Союз между митрополитом Дионисием и боярской оппозицией оказался кратковременным эпизодом, завершившимся низложением главного духовного пастыря. Иов окончательно подчинил церковь целям светской власти. При нем теория Москва — третий Рим впервые получила отражение в авторитетных правительственных документах и, таким образом, превратилась в официальную доктрину. Метаморфоза совершилась не без участия ближайшего окружения правителя. Дядя Бориса Дмитрий Годунов разослал монастырям церковные книги, снабженные записью об их изготовлении «в богохрани-

мом и преименитом и в царствующем граде Москве — в третьем Риме, благочестием цветущу».

Какое значение имела теория Москва — третий Рим в тот момент, когда она приобрела официальное признание?

Можно ли считать, будто Москва при Годунове выступила с претензиями на роль центра новой мировой империи, преемницы Древнего Рима и Византии? Такое толкование было бы совершенно неверным. В итоге Ливонской войны Россия пережила сокрушительное военное поражение. После войны ее правительство выдвинуло на первый план задачу обороны границ и возвращения русских территорий, утраченных после военной катастрофы.

Можно было бы предположить, что доктрина Москва — третий Рим выражала претензии русской церкви на руководство всемирной православной церковью. Но и такое предположение было бы неосновательным.

Доктрина Москва — третий Рим при всей ее претенциозности выражала преимущественно стремление ликвидировать неполноправное положение Москвы по отношению к другим центрам православия. Учреждение патриаршества укрепило престиж русской церкви и отразило новое соотношение сил внутри вселенской православной иерархии.

Современники расценивали реформу церкви как первый крупный успех Бориса Годунова. «...Устроение ее (церкви. — Р. С.), — писал дьяк Тимофеев, — бысть начало гордыни его». Учреждение патриаршества действительно стало важной вехой в карьере Бориса. Политика возвышения национальной церкви удовлетворила тщеславие подданных и доставила Годунову некоторую популярность. Раздача вновь учрежденных церковных постов склонила на его сторону высших иерархов церкви. Первый успех был особенно дорог Борису. Полоса тягостных тревог, унижительного бессилия и сокрушительных неудач, казалась, уходила в прошлое.

Глава 14

НА ГРАНИЦАХ ГОСУДАРСТВА

равительство Годунова продолжило внешнеполитический курс Грозного в балтийском вопросе. Но оно воздерживалось от активных действий в Прибалтике, пока существовала опасность союза Польши и Швеции. Как только эта опасность утратила реальный характер (из-за войны с татарами и турками Речь Посполитая уклонилась от участия в антирусской коалиции), Россия немедленно нанесла Швеции удар. Она намеревалась вернуть себе захваченные шведами русские земли, а главное, возродить «нарвское мореплавание». Русское командование использовало для наступления все имевшиеся в его распоряжении силы. Кроткий царь Федор самолично повел в поход свои рати. Руководившая мужем царица Ирина сопровождала его от Москвы до Новгорода.

В январе 1590 г. русские полки заняли Ям, блокировали Копорье и продвинулись к Нарве. Близ Нарвы воевода князь Дмитрий Хворостинин разгромил выступившие навстречу шведские отряды. Руководство осадой вражеской крепости взял в свои руки Борис Годунов. Недоброжелатели тотчас заподозрили его в предательстве. Царь, утверждали они, только потому не смог отнять Нарву у «немцев», что «Борис им норовил». На самом деле распоряжения Годунова под стенами Нарвы объяснялись не его симпатиями к неприятелю, а полным отсутствием боевого опыта. По словам очевидцев, Борис приказал сконцентрировать огонь на крепостных стенах, чтобы пробить в них бреши, «а по башням и по отводным боем бити не давал». Башенная артиллерия противника не была своевременно подавлена и нанесла штурмующим огромные потери. За неумелое руководство осадный корпус заплатил под стенами Нарвы дорогую цену.

19 февраля русские предприняли генеральный штурм. Распо-

лагая громадным численным перевесом, они атаковали крепость разом в семи пунктах. Колонна, устремившаяся в главный пролом, насчитывала более 5 тысяч воинов, включая тысячу казаков и почти 2 тысячи стрельцов. Но шведам удалось отразить их натиск. Обе стороны понесли большой урон. Русское командование готовилось ввести в бой свежие силы. Шведы же не могли восполнить свои потери. Крепостной гарнизон был обескровлен. Нарвское командование утратило веру в благополучный исход борьбы и, не дожидаясь повторного штурма, запросило мира.

Положение шведов было таково, что стремительный натиск мог решить судьбу крепости в считанные часы. Но Борис, оказавшись во власти военной стихии с ее неизменным спутником — риском, не чувствовал уверенности. Он предпочел путь переговоров, надеясь склонить шведов к капитуляции. Шведское командование пыталось затянуть переговоры. Если бы это удалось, русские оказались бы в трудном положении. Зима была на исходе. Лед на реке Нарове стал портиться: поверх льда появились талые воды. Река могла разъединить силы армии, располагавшейся по ее берегам. Борис вскоре убедился, что никакое красноречие не заставит шведов сдать крепость. В такой ситуации он велел своим представителям вновь «съехатца (со шведами.— *Р. С.*) и покачати их (уговаривать.— *Р. С.*) про Ругодив», после чего заключить перемирие на условиях противника. Осторожность, сделавшая Годунова неуязвимым на поприще политических интриг, не оправдала себя в дни войны. Победа ускользнула из неловких рук.

По условиям перемирия, заключенного под стенами Нарвы, шведы очистили захваченные ими ранее русские крепости Ивангород и Копорье. Россия вернула себе морское побережье между реками Наровой и Невой. Но ей не удалось овладеть портом Нарвой и восстановить «нарвское мореплавание». Таким образом, основная цель наступления не была достигнута.

Шведский король Юхан III не желал признать свое поражение в войне с Россией и готовился к реваншу. Не сумев заручиться поддержкой Речи Посполитой, он заключил союз с Крымским ханством. Швеция провела крупнейшую со времени Ливонской войны мобилизацию и к 1591 г. сосредоточила на русской границе до 18 тысяч солдат. Крымское ханство, располагавшее поддержкой Османской империи, бросило в наступление более крупные силы — до 100 тысяч всадников. Помимо крымцев и Малой Ногайской орды за ханом Казы-Гиреем следовали отряды из турецких крепостей Очаков и Белгород, янычары и турецкая артиллерия.

Целью вражеского вторжения стала Москва. В случае успеха Крым и Турция получили бы возможность значительно расширить сферу экспансии в Восточной Европе.

Русское командование, получив сведения о численности неприятельской армии, отказалось от намерения остановить ее на Оке и отвело полки с пограничных укреплений к столице. Ранним утром 4 июля 1591 г. татары по Серпуховской дороге вышли к Москве и заняли Котлы. Русские полки расположились под Даниловым монастырем в подвижном укреплении — «гуляй-городе». Днем произошел бой, а ночью татары отступили.

Причины поражения татар получили неодинаковое освещение в источниках. «Государев разряд 1598 года» передает официальную версию событий. Когда хан с ордой подступили к «гуляй-городу», русские воеводы, сойдясь с ним, «бились весь день с утра и до вечера». С наступлением ночи Борис Годунов якобы вывел из «гуляй-города» полки и артиллерию, подошел вплотную к стенам лагеря хана Казы-Гирея и внезапно обстрелял, чем и принудил татар к бегству.

Эта версия, однако, не совпадает с показаниями очевидцев. Знаменитый дьяк Иван Тимофеев, служивший в то время в Пушкарском приказе и, вероятно, участвовавший в отражении врага, утверждает, что никакой ночной атаки Годунова не было. Татар посреди ночи вспугнула сильная артиллерийская канонада. То же говорят и московские летописи.

Имеется и еще один источник, который позволяет воссоздать картину с наибольшей полнотой и достоверностью. Этот источник — ранние записи Разрядного приказа, не прошедшие редактирования в царской канцелярии. Из них следует, что дневной бой ничем не напоминал генерального сражения. Хан не спешил пустить в ход главные силы. Он направил к «государеву обозу» сыновей, сам же «на прямое дело не пошел и полков своих не объявил». Воеводы выслали из «гуляй-города» конные сотни, чтобы «травиться» с татарами. День минул в ожесточенных стычках. Вечером хан отступил к Коломенскому. Там крымцы разбили лагерь по обе стороны Москвы-реки. Царские же воеводы «стояли в обозе готовы, а из обозу в то время вон не выходили». Едва ли у них были основания покидать укрепления посреди ночи. Управлять полками и перевозить артиллерию в темноте трудно, практически невозможно.

Далеко за полночь в «гуляй-городе» внезапно поднялся «великий всполох». Спавшие подле орудий пушкарки по тревоге заняли свои места и открыли огонь. Вслед за легкими орудиями начали палить тяжелые пушки, установленные на стенах Москвы. Клубы дыма окутали город, ужасающий грохот сотрясал

землю, вспышки выстрелов осветили всю округу. Чтобы уточнить обстановку, воеводы поспешно выслали к Коломенскому дворянские сотни.

Грозная канонада и появление русских неподалеку от ханской ставки вызвали смятение в татарском лагере. Никто не мог определить численность приближающегося неприятеля. В памяти у крымцев еще не изгладились воспоминания о жуткой сечи под Москвой в 1572 г. Страх перед ночным нападением погнал их прочь из лагеря. Прекратить ночную панику хану не удалось. Татары в полном беспорядке бежали из Коломенского к Оке. Воеводы могли использовать их задержку на приокских бродах и организовать энергичное преследование, но ограничились лишь тем, что послали вдогонку несколько дворянских «голов» с сотнями. «Головы» разгромили татарские арьергарды и взяли в плен, по одним данным, 400, по другим (официальным) — тысячу человек. Немало крымцев утонуло в Оке при переправе. На дно ушел возок, в котором хан ускакал из своей ставки. Пути отступления орды были усеяны брошенной «рухлядью». Хан вернулся в Бахчисарай ночью в телеге с подвязанной рукой. Он не участвовал в стычках с русскими, а значит, получил рану то ли во время ночной суматохи, то ли во время поспешного бегства.

Как и при осаде Нарвы, Борис Годунов не проявил в войне с татарами ни решительности, ни энергии. Тем не менее вся слава после победы досталась ему. Столица и двор чествовали его как героя. На пиру в Кремле царь Федор снял с себя золотую гривну (цепь) и надел на шею шурина. Среди других наград Годунов получил золотой сосуд, захваченный в ставке Мамая после Куликовской битвы, шубу с царского плеча и земельные владения. Борис жаждал славы великого военачальника. Но шум похвал и награды никого не ввели в заблуждение. В обычных для того времени витиеватых выражениях современники писали о том, что Годунов «во бранех же неискусен бысть», «оруженосию же неискусен бысть».

Поражение татар под Москвой обрекло на неудачу шведское наступление на Новгород и Псков. Многочисленная армия фельдмаршала Флеминга подступила к стенам небольшой крепости Гдов в окрестностях Пскова, но так и не смогла овладеть ею. Отдельные шведские отряды вышли к Новгороду. Неприятель подверг страшному разорению порубежные районы. Этим и ограничились все успехи королевской рати.

Столкновения на русско-шведской границе продолжались еще в течение года, после чего военные действия уступили место мирным переговорам. В мае 1595 г. русские послы подписали

в Тязвине «вечный мир» со Швецией. Шведы обязались вернуть России крепость Корела, важнейший форпост обороны за Невой, и последнюю русскую территорию, удержанную ими после Ливонской войны. Владея устьями Невы и Наровы, русские располагали выходами к морю. Но они не могли основать здесь свои морские гавани. Шведский флот сохранял господство на Балтике. Шведские представители добились того, что мирный договор подтвердил принцип морской блокады русского побережья в районе Ивангорода. План превращения Ивангорода в морские ворота России потерпел неудачу.

Тязвинский мир нанес ущерб экономическим интересам страны, нуждавшейся в расширении торговли с Западной Европой. Московская дипломатия пошла на уступки Швеции из-за неверной оценки ситуации, сложившейся в Восточной Прибалтике. Уния между Швецией и Речью Посполитой оказалась менее прочной, чем полагали в Москве. Когда Борис убедился в этом, он отказался ратифицировать Тязвинский договор. Однако это ничего уже не меняло: балтийский вопрос остался нерешенным.

С. Ф. Платонов превозносил внешнеполитический курс Годунова. «Руководитель московской политики Борис, — писал он, — мог хвалиться тем, что заставил соседей признать возрождение политической силы Москвы после понесенных ею поражений». В самом деле, при Годунове Россия добилась частичного пересмотра итогов проигранной Ливонской войны. Исконно русские земли, утраченные при поражении, были возвращены России. Но страна не получала выхода на Балтийское море, жизненно важного для ее экономического развития.

Восточная политика Годунова ознаменовалась большими успехами. Россия отразила нападение татар и укрепила безопасность своих южных рубежей. В короткое время выстроены были новые пограничные крепости: Воронеж (1585), Ливны (1586), Елец (1592), Белгород, Оскол и Курск (1596). Оборонительная линия оказалась отодвинутой на юг в «дикое поле».

В правление Бориса Годунова государство впервые смогло выделить более крупные силы для систематического завоевания Сибири. Знаменитый поход Ермака 1582 г. послужил лишь начальным моментом великой сибирской эпопеи. Стрелецкие отряды, посланные за Урал в 1584—1585 гг., не сумели закрепиться там. Между тем сибирский хан Кучум потерпел поражение от одного из своих соперников Сеид-хана и уступил ему столицу ханства Кашлык (Искер). В 1587 г. русские выстроили неподалеку от Кашлыка город Тобольск. Сеид-хан попал в плен, старая татарская столица запустела. Чтобы окончательно утвер-

даться за Уралом, царские воеводы выстроили на Оби множество острожков. В глухих таежных местах поднялись укрепленные городки Березов, Обдорск, Сургут, Нарым, Тара. Хан Кучум бежал на юг. Подвластная ему территория стремительно сужалась. Раздор с ногайскими князьями и война с Калмыцкой ордой окончательно осложнили его положение. Вассалы стали покидать двор сибирского хана. Борис Годунов звал Кучума на царскую службу, обещая щедрое жалованье — города и волости. Но милости не прельщали хана. Сын степей, он слишком высоко ценил волю. В конце жизни хан не раз вспоминал Ермака, война с которым положила конец его счастливому царствованию. В последнем письме Кучум, соглашаясь на перемирие, вновь вспоминал Ермака: «А от Ермакова приходу, — писал он, — и по ся места пытался есмя встречно стояти, а Сибирь не яз отдал, сами естя взяли».

Победа над Кучумом открыла перед русскими пути в глубины неведомого материка. Присоединение Сибири имело важнейшее значение для исторических судеб России.

Глава 15

КОНЕЦ ДИНАСТИИ КАЛИТЫ

течение трехсот лет Московским государством правила династия Ивана Калиты, внука Александра Невского. Царь Иван был одним из последних представителей этой династии и, во всяком случае, одним из самых значительных московских государей.

В народной памяти Иван IV остался грозным, но справедливым государем. То, что царь пролил немало крови своих подданных, ничего не меняло. Обездоленные низы винили в своих бедах «лихих» (злых) бояр и приказных чиновников — своих притеснителей, но не православного государя, стоявшего на недоступной взору высоте. Царь сам казнил своих изменных бояр, всенародно объявлял их вины и даже обращался к народу за одобрением своих действий. Помимо того, Иван IV не раз жестоко наказывал приказных судей, обличенных во взятках и мошенничестве.

Бедствия, обрушившиеся на страну при Годунове в начале XVII в., придали особую устойчивость воспоминаниям о благоденствии России при «хорошем» царе Иване Васильевиче. Чем мрачнее становилось время, чем меньше оставалось места для надежд, тем пышнее расцветали всевозможные утопии.

Иван IV был последним потомком Калиты, имевшим многочисленную семью. Его первая жена Анастасия Романова родила трех сыновей — Дмитрия, Ивана и Федора — и несколько дочерей. Вторая царица Мария Тюмрюковна родила сына Василия, последняя жена Мария Нагая — сына Дмитрия. Все дочери Грозного, как и царевич Василий, умерли в младенческом возрасте. Первенец царя и его младший сын, носившие сходные имена, погибли из-за несчастной случайности. Царевич Иван Иванович, достигший двадцатисемилетнего возраста и объявленный наследником престола, умер от нервного потря-

сения, претерпев вместе с беременной женой жестокие побои от отца. Единственный внук Грозного появился на свет мертворожденным, и в этом случае виновником несчастья был царь, подверженный страшным припадкам ярости. Потомство Грозного оказалось обречено на исчезновение. Причиной был не только дурной характер царя и несчастные стечения обстоятельств, но и факторы природного характера. Браки внутри одного и того же круга знатных семей имели отрицательные биологические последствия. Уже в середине XVI в. стали явственно видны признаки вырождения царствующей династии. Брат Ивана IV Юрий Васильевич был глухонемым от рождения и умер без потомства. Сын Грозного царь Федор Иванович отличался слабоумием, болезненным телосложением и тоже не оставил детей. Младший сын Ивана Дмитрий страдал эпилепсией. Недуг был неизлечим, и шансы на то, что царевич доживет до зрелых лет и оставит наследника, были невелики. Но как первенцу Грозного Дмитрию Старшему, так и его младшему сыну Дмитрию Меньшему суждена была нечаянная и преждевременная смерть.

В честь первенца Иван IV назвал именем Дмитрия младшего сына. Умирая, царь передал трон любимому сыну Федору, а сыну Дмитрию выделил удельное княжество со столицей в Угличе.

Федор отпустил младшего брата на удел «с великой честью», «по царскому достоянию». В проводях участвовали бояре, 200 дворян и несколько стрелецких приказов. Царице было назначено содержание, приличествовавшее ее сану. Но никакие почести не смогли смягчить унижение вдовствующей царицы. Удаление Нагих из столицы за неделю до коронации Федора имело символическое значение. Власти не пожелали, чтобы вдова царица и ее сын присутствовали на коронации в качестве ближайших родственников царя.

Прошло несколько лет, и Борис Годунов, управлявший государством от имени недееспособного Федора, прислал в Углич дьяка Михаила Битяговского. Дьяк был наделен самыми широкими полномочиями. Фактически царевич Дмитрий и его мать царица Мария Нагая лишились почти всех прерогатив, которыми они обладали в качестве удельных князей. Битяговский контролировал все доходы, поступающие в удельную казну.

Жизнь царевича Дмитрия Угличского оборвалась в то время, когда Углич перешел под управление Битяговского.

Со времени Н. М. Карамзина обвинение Годунова в убийстве Дмитрия стало своего рода традицией. «Злодейское убийство» незримо присутствует в главных сценах пушкинской трагедии

о Борисе Годунове. Именно Карамзин натолкнул Пушкина на мысль изобразить в характере царя Бориса «дикую смесь: набожности и преступных страстей». Под влиянием этих слов А. С. Пушкин, по его собственному признанию, увидел в Борисе его поэтическую сторону. Разумного и твердого правителя не страшит бессмысленная и злобная клевета, но его гнетет раскаяние. Тринадцать лет кряду ему все снится убитое дитя. Муки совести невыносимы:

...Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...

В самом ли деле эпизод смерти Дмитрия сыграл в жизни Годунова ту роль, какую ему приписывали? Рассмотрим факты, чтобы ответить на этот вопрос.

Младший сын Грозного, царевич Дмитрий, погиб в Угличе в поддень 15 мая 1591 г. Повести и сказания Смутного времени заполнены живописными подробностями его убийства. Но среди их авторов не было ни одного очевидца углических событий. В лучшем случае они видели мощи царевича, выставленные в Москве через пятнадцать лет после его гибели.

В то время церковь объявила Дмитрия святым. Новому царю, Василию Шуйскому, руководившему заговором против Лжедмитрия, надо было во что бы то ни стало обличить его как самозванца и доказать, что истинный Дмитрий давно погиб в Угличе. Сразу после гибели Лжедмитрия бояре объявили народу, что «царевич Дмитрий умер подлинно и погребен на Угличе». Грамота написана была с ведома и по приказу Шуйского, который не считал еще необходимым пересматривать версию о гибели Дмитрия, составленную его собственной комиссией. Не прошло, однако, и двух недель, как власти начали писать об «убийстве» царевича Годуновым. Духовенство потратило массу усилий на то, чтобы изобразить Дмитрия неповинно убиенным мучеником. Толки о его самоубийстве официальная пропаганда стала рассматривать как еретические.

Святой не мог быть нечаянным самоубийцей, по этой причине творцы мифа утверждали, что в смертный час он играл не ножиком, а орешками. В материалах комиссии Шуйского не было ни слова об орешках. Но это не помешало Шуйскому-царю объявить народу следующее: «Сказывают, что коли он (царевич. — Р. С.) играл, тешился орехами и ел, и в ту пору его убили и орехи кровью полились, и того для тыя орехи в горсти положили и тые орехи целы».

Когда мощи Дмитрия перевезли в Москву и выставили на

обозрение в церкви, все могли видеть, что в гробу действительно лежали орешки. Нашлись свидетели, успевшие разглядеть на них кровь.

Можно ли доверять таким показаниям? Как поверить в сохранность орешков, пролежавших в земле на разлагающемся трупе в течение пятнадцати лет? Как поверить, что свидетель, на мгновение протиснувшийся к гробу, увидел следы крови на почерневших орехах, которые по всем законам природы давно должны были обратиться в прах? Одно из двух. Либо путал свидетель, писавший через пятнадцать лет после обозрения мощей, либо в гробу действительно лежали ярко размазанные орехи, и эта улика, грубо сфабрикованная теми, кто открыл мощи, ввела очевидца в заблуждение.

Первые жития нового святого сообщали, что на Дмитрия напали злочестивые юноши, один извлек нож и перерезал ему гортань. Эта краткая версия оказалась неудовлетворительной с точки зрения церковной пропаганды. Появился более эмоциональный рассказ, изобиловавший драматическими, но полностью вымышленными подробностями. По новой версии один из злочестивых юношей увидел на царевиче ожерельице, попросил показать его и, когда тот доверчиво подставил шею, кольнул ее ножом, но не захватил гортани. Тогда два других злодея «заклаше» ребенка, «аки агнца».

Творцов легенды коробили прозаические подробности происшествия, и они старались приукрасить дело. С неподходящего места — заднего двора они перенесли действие на Красное крыльцо, позже — на парадную дворцовую лестницу. Здесь и произошла душераздирающая сцена. Как ехидна злая, вскочил на лестницу дьяк Мишка Битяговский, ухватил царевича «сквозь лестницу за ногу», сын Мишки схватил «за честную его главу», Качалов перерезал горло.

Искать в житиях достоверные факты бесполезно. Несравненно большую ценность представляют следственные материалы, составленные через несколько дней после кончины царевича на месте происшествия. Однако давно возникли подозрения насчет того, что подлинник «углицкого дела» подвергся фальсификации. Даже при беглом осмотре бросаются в глаза следы его поспешной обработки. Кто-то разрезал и переклеил листы «обыска» (следственного дела), придав им неверный порядок. Куда-то исчезло начало.

Реконструировать источник взялся его издатель В. К. Клейн. Он обратил внимание на ржавые пятна, покрывавшие страницы документа. При различной величине пятна имели сходную конфигурацию. Клейн предположил, что дело подверглось воздей-

ствию влаги еще в то время, когда хранилось в архиве в виде свернутого в «столбец» свитка. Более всего пострадали наружные листы, ближе к центру размер пятен сокращался, а внутри они вовсе исчезали, так как вода туда не проникла. Следя за размерами пятен, В. К. Клейн уложил разрезанные листы в нужном порядке, и тогда перед ним предстал связный и полный текст, в котором отсутствовали лишь первые листы. Логично было предположить, что эти листы, служившие оберткой свитка, размокли и отвалились сами собой. Известно, что в старину рукопись скатывали, и потому последние листы оказывались наружными — к ним подклеивали новые. Однако в угличском свитке подмочен не конец, а начало рукописи. Почему? Дело в том, что после завершения работы свиток всегда перематывали: ведь раньше люди читали, как в наши дни, от начала к концу. В архиве документы хранились подготовленными для чтения. Сказанное и объясняет, отчего у угличского «столбца» отмокли не конечные, а начальные листы. При Петре I архивы перешли на новую систему хранения документов. Неудобные и громоздкие «столбцы» петровские архивариусы перекомпоновали в тетради. Им пришлось разрезать угличский свиток на отдельные листы, которые в дальнейшем оказались перепутанными. Так угличское дело приобрело нынешний вид.

Существует мнение, что сохранившиеся угличские материалы являются беловиком, составленным в Москве канцелярией Годунова, тогда как черновики допросов в Угличе не дошли до наших дней. Палеографическое исследование рукописи опровергает такое мнение. В угличском следственном деле можно обнаружить примерно шесть основных почерков писцов. А кроме того, в тексте документа имеется, по крайней мере, двадцать подписей свидетелей-угличан. Все подписи строго индивидуализированы и отражают разную степень грамотности писавших. Как могли свидетели, не покидавшие Углича, подписать беловик, составленный в Москве?

Существует мнение, что Годунов направил в Углич преданных людей, которые заботились не о выяснении истины, а о том, чтобы заглушить молву о насильственной смерти угличского князя. Такое мнение не учитывает ряда важных обстоятельств. Следствием в Угличе руководил князь Шуйский, едва ли не самый умный и изворотливый противник Бориса. Один его брат, как мы помним, был убит повелением Годунова, другой погиб в монастыре. Сам Василий Шуйский провел несколько лет в ссылке, из которой вернулся незадолго до событий в Угличе. Инициатива назначения Шуйского принадлежала скорее всего Боярской думе. Исследователей смущало то, что Шуйский несколько раз

менял свои показания. Сначала он клялся, будто смерть Дмитрия была случайной, затем стал говорить о его убийстве. Подобные изменения в показаниях заслуживали бы внимания, если бы Шуйский выступал свидетелем обвинения. Между тем Шуйский был следователем, притом он вел следствие не единолично. Церковное руководство направило для надзора за его деятельностью митрополита Гелвасия. В состав комиссии Шуйского входили также окольный Клешнин и думный дьяк Вылузгин. Клешнин поддерживал дружбу с Годуновым, но, кроме того, он был зятем «героя» угличской истории Михаила Нагого. Вылузгин руководил Поместным приказом и среди приказных чиновников занимал одно из первых мест. В Угличе он имел в своем распоряжении штат подьячих. На них и лежала вся практическая организация следствия. Члены комиссии придерживались различной политической ориентации. Каждый из них зорко следил за действиями «товарища» и готов был использовать любую его оплошность.

Следственные материалы свидетельствовали о непричастности Бориса к смерти царевича. Именно поэтому историки отказывались верить в их истинность. Гибель Дмитрия была актом большого политического значения. Вопрос «кому выгодно?» служит лучшей проверкой любой политической акции. Непокоримая уверенность в том, что устранение последнего отпрыска московской династии было выгодно одному Борису, начисто обесценивала угличский «обыск» (следственное дело).

Есть основания утверждать, что угличский источник стал жертвой ретроспективной оценки событий.

К моменту смерти царевича не исчезла полностью возможность рождения законного наследника в семье Федора. Никто не мог точно предсказать, кому достанется трон. Из ближних родственников царя наибольшими шансами обладал не Годунов, ими обладали Романовы.

Ситуация, сопутствовавшая угличским событиям, носила критический для правительства характер. Над страной нависла непосредственная угроза вторжения шведских войск и татар. Власти готовились к борьбе не только с внешними, но и с внутренними врагами. За одну-две недели до смерти Дмитрия они разместили на улицах столицы усиленные военные наряды и осуществили другие полицейские меры на случаи народных волнений. Достаточно было малейшего толчка, чтобы народ поднялся на восстание, которое для Годунова могло кончиться катастрофой.

В такой обстановке гибель Дмитрия явилась для Бориса событием нежелательным и, более того, крайне опасным. Факты

опровергают привычное представление, будто устранение младшего сына Грозного было для Годунова политической необходимостью. Вместе с тем рушится предвзятая оценка характера и эффективности угличского «обыска».

Следственные материалы сохранили, по крайней мере, две версии гибели Дмитрия.

Версия убийства исходила от Нагих, родни погибшего. Михаил Нагой на протяжении всего следствия решительно настаивал на том, что Дмитрия зарезали сын дьяка Битяговский, его же племянник Никита Качалов и муж его племянницы Осип Волохов. Братья Михаила выступили с более осторожными показаниями. Возле тела царевича, сказал Григорий Нагой, собралось много людей и «почали говорить, неведомо кто, что будто зарезали царевича». Михаил и Григорий Нагие прибыли к месту происшествия с большим запозданием. Тем не менее они утверждали, что «царевич еще жив был и при них преставился».

Они явно путали. Андрей Нагой обедал с царицей во дворце, когда под окнами закричали, что «царевича не стало». Поспешно сбежав во двор, Андрей убедился, что «царевич лежит у кормилицы на руках мертв, а сказывают, что его зарезали, а он того не видел, хто его зарезал». Причина ошибки, допущенной Михаилом и Григорием, достаточно проста. Несколько человек, видевшие их вблизи, не сговариваясь показали, что Михаил прибыл во дворец «мертв пьян», «прискочил на двор пьян на коне». Григорий был «у трапезы» вместе с братом.

Протоколы допросов позволяют установить, зачем понадобилась Нагим версия убийства Дмитрия. С помощью этой версии они пытались оправдать расправу с государевым дьяком Битяговским.

В полдень 15 мая царица Мария стала обедать, а сына отпустила погулять и потешиться игрой с четырьмя сверстниками. Дети играли на небольшом заднем дворике — в углу между дворцом и крепостной стеной. За ними приглядывала мамка Василиса Волохова и две другие няньки. Обед только начался, как вдруг на дворе громко закричали. Царица поспешно сбежала вниз и с ужасом увидела, что ее единственный сын мертв. Обезумев от горя, Нагая принялась избивать Волохову. Мамка не уберегла царского сына, и царица готова была подвергнуть ее самому страшному наказанию. Колотя Василису по голове поленом, Мария громко кричала, что царевича зарезал сын мамки Осип. Слова царицы равнозначны были смертному приговору.

Нагая велела бить в колокола и созвать народ. Немолчный гул набата поднял на ноги весь город. Возбужденная толпа запруди-

ла площадь перед дворцом. Главный дьяк Углича Михаил Битяговский, слышав звон, прискакал в кремль. Он помчался в верхние покои, «а чаял того, что царевич вверху», оттуда бросился в церковь и мимо тела царевича взбежал на колокольню. Дьяк ломился в звонницу и требовал, чтобы прекратили бить в колокола, но звонарь, по его словам, «ся запер и в колокольню его не пустил».

Появление Битяговского, по крайней мере в этот момент, спасло Волоховых. Как показали служители Дьячей избы, Никита Качалов заступился за Осипа Волохова, «учал говорить, чтоб его шурина не убили». Дерзость Качалова стоила ему головы. Но его поведение было вполне объяснимым. Он вступился за шурина в тот момент, когда на площади еще бегал и распоряжался Битяговский. По привычке юный Качалов уповал на помощь всесильного дяди. Осип Волохов воспользовался минутой и укрылся на подворье Битяговских. Это было единственное место, где он мог спастись от гнева царицы.

Отношения государева дьяка Битяговского с Нагими были испорчены едва ли не с момента его приезда в Углич. Удельная семья утратила право распоряжаться доходами своего княжества и стала получать деньги «на обиход» из царской казны. Назначенное правительством содержание казалось царице мизерным, а зависимость от дьяка — унижительной. Стряпчий царицы и другие лица сообщили комиссии, что Михаил Нагой постоянно «прашивал сверх государева указу денег ис казны», а Битяговский «ему отказывал», из чего проистекали ссоры и брань. Последняя стычка между ними произошла утром 15 мая.

На княжьем дворе сначала дьяк попытался прикрикнуть на толпу, а затем принялся увещевать Нагого, чтобы «он, Михайла, унел шум и дурна которого не зделал». С помощью Качалова Битяговские помешали расправе с Волоховыми, что окончательно взбесило царицу и ее братьев. Решено было натравить на Битяговских толпу. Избитая в кровь и брошенная на площади Василиса Волохова видела, как царица указала на Битяговских и молвила «миру: то-де душегубцы царевича». Пьяный Михаил Нагой взялся было руководить расправой с дьяком, но на помощь Битяговским пришли их родственники и холопы. Несколько позже Михаил Нагой хвастался перед своими сообщниками, что это он велел убить дьяка и его сына, а Качалова «да Данила Третьякова да и людей их велел побити я же для того, что они у меня отнимали Михайла Битяговского (с) сыном».

Спасаясь от Нагого, дьяк и его сторонники заперлись в Дьячей избе. Малодушие окончательно погубило их. Толпа высекла двери, разгромила избу и расправилась с укрывшимися там людь-

ми. Даже служивший царице дворянин должен был признать перед комиссией, что приказных побила всякая чернь «с Михайлова веленья Нагова».

С площади люди ринулись на подворье Битяговских, разграбили его и «питье из погребца в бочках выпив, и бочки кололи». Желю дьяка, «ободрав, нагу и простоволосу поволокли» с дещиками ко дворцу. Туда же привели Осипа Волохова, найденного в доме Битяговских.

В разгар общего смятения в кремль явились два высших духовных лица — архимандрит Феодорит и игумен Савватий. В тот день оба служили обедню в одном монастыре. Заслышав набат, они послали слуг в город, и те, вернувшись, доложили, что «слышали от посадцких людей и от посошных, что будто се царевича Дмитрея убили, а тово не ведомо, хто его убил». Вслед за слугами в монастырь прибежал кутейщик и именем царицы велел старцам ехать во дворец. По свидетельству игумена, он застал царицу в церкви Спаса возле сына: «...ажно царевич лежит во Спасе зарезан и царица сказала: зарезали-де царевича Микита Качалов да Михайлов сын Битяговского Данило да Осип Волохов».

Появление монахов на время остановило самосуд. Толпа хотела взяться за дьячиху, но старцы, по их словам, «ухватили» Битяговскую с дочерьми «и отняли их и убити не дали».

Монахи видели в церкви Осипа Волохова. Он стоял неподалеку от тела царевича «за столпом», весь израненный. Василиса отчаянно боролась за жизнь сына. Она заклинала царицу «дати ей сыск праведной». Но Нагая была неумолима. Едва старцы покинули церковь, она выдала Осипа на расправу толпе, объявив: «То деи убоица царевича».

Версия о злодейском убийстве Дмитрия возникла, таким образом, во время самосуда. Нагие выдвинули ее как предлог для расправы с Битяговскими. Но обвинения против государева дьяка не выдерживали критики. Семья Битяговских не могла принять участия в преступлении. Вдова дьяка рассказала на допросе, что члены ее семьи обедали на своем дворе, когда позвонили в колокол. Гостем Битяговских был в тот день священник Богдан. Будучи духовником Григория Нагого, Богдан изо всех сил выгораживал царицу и ее братьев. Но он простодушно подтвердил перед комиссией Шуйского, что сидел за одним столом с дьяком и его сыном, когда ударили в набат. Таким образом, Битяговские имели стопроцентное алиби.

В день кровавого самосуда погибли 15 человек. Их трупы были брошены в ров у крепостной стены. К вечеру на третий день в Углич прибыли правительственные войска. Похмелье прошло, и

Нагие поняли, что им придется держать ответ за убийство главного должностного лица, представлявшего в Угличе особу царя.

Накануне приезда комиссии Шуйского Михаил Нагой глубокой ночью собрал преданных людей и велел им раздобыть ножи. Городовой приказчик Раков пошел в Торговый ряд и взял два ножа у посадских людей. Григорий Нагой принес «ногайский» нож. На подворье Битяговского нашли «железную палицу». Когда оружие было собрано, подручные Нагого зарезали в чулане курицу, измазали «ножи и палицы кровью» и отнесли их в ров к обезображенным трупам. Непосредственный исполнитель этой акции Раков заявил комиссии: «Михайло мне Нагой приказал класти к Михайлу Битяговскому нож, сыну ево нож, Миките Качалову нож, Осипу Волохову палицу».

Нагие заготовили подложные улики, чтобы сбить с толку следователей. Но обмануть комиссию им не удалось. Раков повинился перед Шуйским и поведал ему о ночной проделке Нагих. Михаил Нагой пытался запереться, но немедленно же был изобличен. На очной ставке с Раковым слуга Нагого, резавший курицу в чулане, подтвердил показания приказчика. В отличие от Михаила Нагого его брат Григорий не стал лгать и признался, что достал «ногайский» нож у себя дома из-под замка и участвовал в изготовлении других «улик».

Допрос главных свидетелей привел к окончательному крушению версии о преднамеренном убийстве Дмитрия.

Царевич погиб при ярком полуденном солнце, на глазах у многих людей. Комиссия без труда установила имена непосредственных очевидцев происшествия. Перед Шуйским выступили мамка Волохова, кормилица Арина Тучкова, постельница Марья Колобова и четверо мальчиков, игравших с царевичем в тычку. Придавая исключительное значение показаниям мальчиков, следователи дважды сформулировали один и тот же вопрос, чтобы добиться точного и ясного ответа. Сначала они спросили: «Хто в те поры за царевичем были?» Мальчики ответили, что «были за царевичем в те поры только они четыре человека да кормилица да постельница». Выслушав ответ, комиссия спросила в лоб: Осип Волохов и Данило Битяговский «в те поры за царевичем были ли?». На этот вопрос «робятки» ответили отрицательно. Мальчики кратко, но точно и живо описали то, что случилось на их глазах: «Играл-де царевич в тычку ножиком с ними на заднем дворе и пришла на него болезнь — падучей недуг — и набросился на нож».

Может быть, мальчики солгали в глаза царице? Может быть, они сочинили историю о болезни царевича в угоду Шуйскому, не

убоявшись гнева своей государыни? И то и другое предположение начисто опровергается показаниями взрослых свидетелей.

Трое видных служителей царицына двора — подключники Ларионов, Иванов и Гнидин — показали следующее: когда царица села обедать, они стояли «вверху за поставцом, ажно деи бежит в верх жилец Петрушка Колобов, а говорит: тешился деи царевич с нами на дворе в тычку ножом и пришла деи на него немочь падучая... да в ту пору, как ево било, покололся ножом, сам и оттого и умер».

Петрушка Колобов был старшим из мальчиков, игравших с царевичем. Перед Шуйским он держал ответ за всех своих товарищей. Колобов лишь повторил перед следственной комиссией то, что сказал дворовым служителям через несколько минут после гибели Дмитрия.

Показания Петрушки Колобова и его товарищей подтвердили Марья Колобова, мамка Волохова и кормилица Тучкова. Слова кормилицы отличались удивительной искренностью. В присутствии царицы и Шуйского она назвала себя виновницей несчастья: «Она того не уберегла, как пришла на царевича болезнь черная... и он ножом покололся...» Кормилица пользовалась полным доверием царицы. Не ее, а Волохову «убивала» Нагая над мертвым сыном, хотя обе женщины были одинаково виноваты, что не уберегли ребенка.

Семь человек, стоявших подле царевича на дворе, видели своими глазами его гибель. Позже перед комиссией предстал восьмой очевидец. Но он нашелся не сразу.

Допрашивая приказного Протопопова, комиссия установила, что он впервые услышал о смерти Дмитрия во всех подробностях от ключника Тулубеева. Призванный к ответу Тулубеев сослался на стряпчего Юдина. Им устроили очную ставку, которая окончательно прояснила дело.

В полдень 15 мая Юдин стоял в верхних покоях «у поставца» и смотрел сквозь окно во внутренний дворик. Несчастье произошло у него на глазах. По словам Юдина, царевич играл во дворе в тычку и накололся на нож, «а он (Юдин.— Р. С.)... то видел».

Стряпчий поделился увиденным с приятелями. Но он знал, что царица толковала об убийстве, и счел благоразумным уклониться от дачи показаний перед следственной комиссией. В конце концов свидетеля обнаружили, правда, в силу случайных причин.

Показания главных угличских свидетелей совпадают по существу и достаточно индивидуальны по словесному выражению.

Это говорит в пользу их достоверности. Иное впечатление производят показания второстепенных свидетелей, число которых переваливает за сотню. Их показания назойливо стереотипны. Это давно смущает исследователей. Если несколько лиц пользуются одними и теми же оборотами, тотчас возникает подозрение в лжесвидетельстве. Однако появление штампов в следственном деле все же можно объяснить. Допрос основных свидетелей позволил нарисовать достаточно полную картину происшествия. Показания тех, кто знал о смерти Дмитрия с чужих слов, не прибавили ничего нового. Перед комиссией предстали в основном дворовые люди, в массе некультурные и косноязычные, как чеховский «злоумышленник». Чтобы получить от них толковые ответы, надо было потратить массу времени. Но временем следователи как раз и не располагали, и потому комиссия фиксировала ответы второстепенных свидетелей с помощью стереотипа, заключенного в самом вопросе. В тогдашней приказной практике такой прием часто использовался.

Версия нечаянной гибели царевича, опиравшаяся на показания главных свидетелей, заключала в себе два момента, каждый из которых может быть подвергнут всесторонней проверке.

Первый момент — болезнь Дмитрия, которую свидетели называли «черным недугом», «падучей», «немочью падучею». Судя по описаниям припадков и по их периодичности, царевич страдал эпилепсией. Как утверждали расслышки, «и прежде тово... на нем (царевиче. — *Р. С.*) была ж та болезнь по месяцем безпрестанно». Сильный припадок случился с Дмитрием примерно за месяц до его кончины. Перед «великим днем», показала мамка Волохова, царевич в той болезни «объел руки Ондрееве дочке Нагова, одва у него... отнели». Андрей Нагой подтвердил это, сказав, что Дмитрий «ныне в великое говенье у дочери его руки переел», а прежде «руки едал» и у него, и у жильцов, и у постельниц: царевича «как станут держать, и он в те поры ест в нецывенье, за что попадетца». О том же говорила и вдова Битяговского: «Многажды бывало, как ево (Дмитрия. — *Р. С.*) станет бити недуг и станут ево держати Ондрей Нагой и кормилица и боярони и он им руки кусал или за что ухватит зубом, то отьест».

Последний приступ эпилепсии у царевича длился несколько дней. Он начался во вторник, на третий день царевичу «маленко стало полехче», и мать взяла его к обедне, потом отпустила во двор погулять. В субботу Дмитрий во второй раз вышел на прогулку и тут-то у него внезапно возобновился приступ (показания мамки).

Буйство маленького эпилептика внушило такой страх его нянькам, что они не сразу подхватили его на руки, когда припа-

док случился в отсутствие царицы во дворе. Как иначе объяснить тот факт, что ребенка бросило оземь и «было его долго». Факт этот засвидетельствовали очевидцы. Мальчик корчился на земле, а возле него кружились няньки и мамки. Когда кормилица подняла его с земли, было слишком поздно.

Второй момент — царевич играл в ножички. Его забаву свидетели описали подробнейшим образом: царевич «играл через черту ножом», «тыкал ножом», «ходил по двору, тешился сваяю (остроконечным ножом. — Р. С.) в кольцо». Игра в тычку состояла в следующем: игравшие поочередно бросали нож в очерченный на земле круг, нож обычно брали с острия, метнуть его надо было так ловко, чтобы нож описал в воздухе круг и воткнулся в землю.

Жильцы, стоявшие подле мальчика, сказали, что он «набросился на нож». Василиса Волохова описала происшедшее еще точнее: «...бросило его о землю, и тут царевич сам себя ножом поколол в горло». Прочие очевидцы утверждали, что царевич покололся «бьючися» или «лётячи» на землю. Никто не знал, в какой именно момент царевич нанес себе рану — при падении или когда бился в конвульсиях на земле. Достоверно знали лишь одно: эпилептик ранил себя в горло.

Могла ли небольшая горловая рана привести к гибели ребенка? На такой вопрос медицина дает недвусмысленный ответ. Наше непосредственно под кожным покровом находятся сонная артерия и яремная вена. Если мальчик проколол один из этих сосудов, смертельный исход был не только возможен, но неизбежен.

Почему взрослые не бросились к ребенку и не остановили кровотечение? Такой вопрос вовсе не учитывает возможностей медицины XVI столетия. Даже если бы во дворе угличского дворца оказался лучший европейский медик, и он не спас бы мальчика.

Иногда высказывают мысль, что смерть царевича все же не была нечаянной, так как в подходящий момент кто-то коварно вложил нож в его руку. Такое предположение беспочвенно, ибо оно не учитывает привычек и нравов чванливой феодальной знати, никогда не расстававшейся с оружием. Сабля и нож на бедре служили знаком благородного происхождения. Сыновья знатных фамилий привыкали владеть оружием с самых ранних лет. Маленький Дмитрий бойко орудовал сабелькой, а с помощью маленькой железной палицы забивал насмерть кур и гусей. Ножичек не однажды оказывался в его руке при эпилептических припадках. Где-то в марте месяце, показала Битяговская, «царевича изымал в комнате тот же недуг и он... мать свою

царицу тогда сваею поколотил». Об этом припадке, во время которого Дмитрий «поколоти́л сваею матеръ свою царицу Марью», вспомнила и мамка Волохова.

Можно ли упрекнуть следственную комиссию за то, что она не смогла отыскать главную улику — злополучный ножичек, которым покололся Дмитрий? Вряд ли. Трудно усомниться в том, что Нагие, сфабриковав подложные улики, постарались уничтожить подлинную. Детская игрушка — ножичек царевича — очень мало напоминала орудие убийства, и Нагие подменили ее боевым оружием — «ногайским» ножом. Длинные окровавленные ножи, подброшенные в ров, окончательно должны были убедить следователей в том, что под окнами дворца орудовала шайка заправских убийц.

Следователи допрашивали главных свидетелей перед царицей, которая могла опротестовать любое ложное или путаное показание. Вместо того она обратилась к помощнику Шуйского митрополиту Гелвасию со смиренной просьбой заступиться перед царем за «бедных червей» Михаила «с братею». «Как Михаила Битяговского с сыном и жилцов побили, — сказала царица «с великим прошением», — и то дело учинилось грешное, виноватое». Мария Нагая больше не настаивала на том, что дьяк и жилицы были убийцами ее сына.

Помимо угличской «обьска» Шуйского, сведения о гибели Дмитрия содержатся в записках иностранцев. Правда, большинство иностранцев лишь повторили поздние слухи о кончине царевича. Но двое из них находились в России в дни угличской трагедии.

В венских архивах хранится донесение уже упоминавшегося Луки Паули венскому двору. Он писал: «Между тем случилось так, что брат великого князя Дмитрий... резиденция которого находилась в Угличе, погиб (лишился жизни)».

Осторожное свидетельство Паули может иметь двоякое толкование. Во всяком случае, австриец избежал прямого заявления об убийстве угличского князя.

Английскому посланнику Джерому Горсей было известно о гибели Дмитрия куда больше, чем Паули и прочим иностранцам. В мае 1591 г. он находился неподалеку от Углича, в Ярославле. Здесь узнали об угличском происшествии раньше, чем в Москве. Полученную информацию Горсей изложил в письме лорду Берли, датированном 10 июня 1591 г. Английский дипломат конфиденциально сообщил в Лондон о том, что царевич Дмитрий был жестоко и изменнически убит 19 (?) мая и что ему перерезали горло в присутствии матери.

Чтобы оценить достоверность английской информации, надо

установить ее источники. Сделать это помогают поздние записки Горсея, в которых ярославские впечатления автора получили более подробное отражение. На всю жизнь англичанин запомнил ночной эпизод, происшедший с ним в Ярославле в мае 1591 г. Глухой ночью кто-то громко постучал в его дом. Вооружившись пистолетами, Горсей выглянул на улицу и при свете луны узнал Афанасия Нагого. Давний его знакомый рассказал, что царевич Дмитрий скончался, в шестом часу дьяки перерезали ему горло, слуга одного из них сознался под пыткой, что они посланы Борисом, царица отравлена и при смерти... Очевидно, что письмо Горсея от 10 июня 1591 г. лишь воспроизвело версию Нагих об убийстве Дмитрия.

Полагают, что показания угличан о нечаянной смерти младшего сына Грозного были получены посредством угроз и насилий. Факт жестоких преследований жителей Углича засвидетельствован многими источниками. Но эти гонения, как удаётся установить, имели место не в дни работы следственной комиссии Шуйского, а несколько месяцев спустя. Комиссия не преследовала своих свидетелей. Исключение составил случай, точно зафиксированный в следственных материалах. «У распросу на дворе перед князем Васильем» слуга Битяговского «изымал» царицына конюха и обвинил его в краже вещей дьяка. Обвинения подтвердились, и конюха с его сыном взяли под стражу. Тем и кончились репрессии против угличан в дни следствия.

Нарисованная следствием картина гибели Дмитрия отличалась редкой полнотой и достоверностью. Расследование не оставило места для неясных вопросов. Но наступило Смутное время, имя «царственного младенца» принял дерзкий авантюрист, овладевший московским тронem, и смерть Дмитрия превратилась в загадку.

Гибель царевича толкнула Нагих на авантюру. Угличский двор намеревался использовать момент, чтобы нанести удар Годунову. Инициатива исходила от Афанасия Нагого. Гонцы царицы прибыли к нему в Ярославль в ночь на 16 мая. Горсей имел возможность наблюдать последующие события как очевидец. Глубокой ночью, рассказывает он, удары набата подняли на ноги население Ярославля. Нагие объявили народу, что младший сын Грозного предательски зарезан подосланными убийцами. Они рассчитывали спровоцировать восстание, но это им не удалось.

Потерпев неудачу в Ярославле, Нагие предприняли отчаянную попытку поднять против Годуновых столицу.

В последних числах мая в Москве произошли крупные пожары. Тысячи москвичей остались без крова. Бедствие в любой момент грозило вылиться в бунт. Нагие постарались обратить него-

дование народа против Бориса. Они повсюду распространяли слухи о том, что Годуновы повинны не только в убийстве царского сына, но и в злодейском поджоге Москвы. Эти слухи распространились по всей России и проникли за рубеж. Царские дипломаты, отправленные в Литву, принуждены были выступить с официальным опровержением известий о том, что Москву «зажгли Годуновых люди».

Правительство провело спешное расследование причин московских пожаров и уже в конце мая обвинило Нагих в намерении сжечь Москву и спровоцировать беспорядки. Боярский суд произвел допрос нескольких десятков поджигателей — преимущественно боярских холопов. Главными виновниками пожаров были объявлены некий московский банщик Левка с товарищами. На допросе они показали, что «прислал к ним Офонасей Нагой людей своих — Иванка Михайлова с товарищи, велел им закупать многих зажигальников, а зажигати им веле московский посад во многих местах... и по иным по многим городам Офонасей Нагой разослал людей своих, а велел им зажигальников закупать города и посады зажигать».

Годуновы использовали московские события, чтобы навсегда избавиться от Нагих. 2 июля в Кремле собрались высшие духовные чины государства, и дьяк Щелкалов прочел им полный текст угличского «обыска». Как и во всех делах, касавшихся царской семьи, в угличском деле высшим судьей стала церковь. Устами патриарха Иова церковь выразила полное согласие с выводами комиссии о нечаянной смерти царевича, мимоходом упомянув, что «царевичу Дмитрию смерть учинилась божьим судом». Значительно больше внимания патриарх уделил «измене» Нагих, которые вкупе с угличскими мужиками побили «напрасно» государевых приказных людей, стоявших «за правду». «Измена» Нагих уже заслонила собой факт гибели Дмитрия. На основании патриаршего приговора царь Федор приказал схватить Нагих и угличан, «которые в деле объявились», и доставить их в Москву.

Комиссия Шуйского представила собору отчет и прекратила свою деятельность. Следствие о поджоге Москвы и агитации Нагих вели другие люди, имена которых неизвестны. Составленные ими материалы не были присоединены к угличскому «обыску» и до наших дней не сохранились.

Дипломатическая переписка Посольского приказа позволяет установить, что розыск об измене Нагих достиг апогея в июле 1591 г., а завершился в еще более позднее время. В середине июля русские послы заявили за рубежом, что в московских пожарах повинны «мужики воры и Нагих Офонасия с братьями люди, то на Москве сыскано, да еще тому делу сыскному приговор не учи-

нен». В 1592 г. Посольский приказ дал знать, что виновным вынесен приговор: «Кто вор своровал, тех и казнили» (воровством в России называли политические преступления).

Таким образом, родственники царевича Дмитрия подверглись преследованиям через много месяцев после его смерти. По приказу Федора мать Дмитрия насильно постригли и отослали «в место пусто» на Белоозеро. Афанасия Нагого и его братьев заточили в тюрьму. Многих их холопов казнили. Сотни жителей Углича отправились в ссылку в Сибирь.

Правитель не простил угличанам страха, пережитого им в майские дни. Разве что этим можно объяснить такой символический жест, как «казнь» большого колокола в Угличе: колоколу урезали «ухо» и в таком виде отослали в ссылку в Сибирь.

В момент смерти Дмитрия никто из современников не подозревал о том, что десять лет спустя «убиенному младенцу» суждено будет стать героем народной утопии.

Выбор имени первого на Руси «добрého царя» — героя легенды — был во многих отношениях случайным. Даже среди столичного народа очень немногие видели в глаза младшего сына Грозного. Зато в небольшом городе Угличе многие знали, что царевич Дмитрий унаследовал от отца его жестокость. Его дикие забавы приводили в смущение современников. Восемилетний мальчик приказывал товарищам игр лепить снежные фигуры и называл их именами первых бояр в государстве, а затем рубил им головы или четвертовал. Дворянские писатели осуждали подобные «детские глумления». Однако в народе жестокость по отношению к лихим боярам воспринималась совсем иначе. Дмитрий обещал стать таким же хорошим царем, как и его отец.

Подверженные суевериям современники считали, что больные эпилепсией («черным недугом») одержимы нечистой силой. Царевич Дмитрий страдал жестокой эпилепсией. Но даже это обстоятельство не помешало развитию легенды о добром царевиче.

ПРАВИТЕЛЬ ГОСУДАРСТВА

позиция была разгромлена, удельное княжество в Угличе ликвидировано. Острый политический кризис остался позади. Годуновы использовали ситуацию, чтобы с помощью обдуманных мер упрочить свою власть.

Преданный своему многочисленному клану, Борис наводнил родней Боярскую думу. В руках членов его семьи оказались важнейшие приказные ведомства — Конюшенный приказ и Большой дворец. (В ведении дворца находились обширные владения царской фамилии.)

Годунову удалось упрочить свой престиж и умножить личное состояние. Многие земли достались ему от казны вместе с должностью конюшего. Несколько позже он получил в управление Важскую землю, по территории равную княжеству. Федор назначил шурина особую пенсию. Помимо оброков с вяземских вотчин и с многочисленных поместий в разных уездах государства Борис распоряжался всевозможными денежными поступлениями в столице (включая пошлины с московских бань), Рязани, Твери. Ни один удельный князь не располагал такими доходами, как Годунов. Сказочные богатства правителя ослепили современников.

Годунов присвоил себе множество пышных титулов. В феодальном обществе титулы служили выражением амбиций и точно определяли место титулованной особы в иерархической системе. Незнатные дворяне не смели претендовать на высшие ранги. Знать, естественно, противилась домогательствам Бориса. Столкнувшись с непреодолимыми препятствиями на родине, Годунов попытался добиться признания за рубежом. Жившие в Москве иноземцы помогли ему в этом. Горсей постарался внушить мысль о необыкновенном могуществе Годунова английскому двору. С этой целью он ознакомил королеву с грамотами Бориса, лично ему, Горсею, адресованными. В вольном переводе услужливого англичанина Годунов именовался «волею божьею правителем

знаменитой державы всея России» или же «наместником всея России и царств Казанского и Астраханского, главным советником (канцлером)». Накануне решительного столкновения с Испанией Елизавета стремилась к союзу с Россией, поэтому ее обращение к правителю способно было удовлетворить самое пылкое честолюбие. Королева называла Бориса «пресветлым княже и любимым кузеном».

В Вене тайная дипломатия Бориса увенчалась таким же успехом, как и в Лондоне. Доверенный эмиссар Годунова Лука Паули помог ему вступить в личную переписку с Габсбургами и подсказал австрийцам титул правителя. Братья императора адресовали свои письма «навышнему тайному думному всея Руские земли, навышнему маршалу тому светлейшему (!), нашему причетному любительному».

Как бы ни величали Бориса иноземные государи, Посольский приказ строго придерживался его официального титула без малейших отклонений. Изгнание из Боярской думы открытых противников Годунова и крупные внешнеполитические успехи изменили ситуацию. По случаю поражения татар под стенами Москвы Борис был возведен в ранг царского слуги. Разъясняя значение этого звания за рубежом, дипломаты заявляли, что «то имя честнее всех бояр, а дается то имя от государя за многие службы». В самом деле, титул слуги, связанный с традициями удельного времени, ценился выше, чем все прочие титулы. До Бориса его носили лишь очень немногие лица, принадлежавшие к высшей удельно-княжеской аристократии. Последними слугами в XVI в. были великородные Воротынские. Впервые со времени образования Русского государства один человек стал обладателем двух высших титулов — конюшего боярина и царского слуги. Но торжество Бориса не было полным, пока подле него оставался могущественный канцлер Андрей Щелкалов. Минуло время, когда канцлер имел более прочные позиции в правительстве, чем Годунов. И все же он по-прежнему направлял всю деятельность государственного приказного аппарата и руководил дипломатическим ведомством.

Через год после смерти Дмитрия у царя Федора родилась дочь Федосья. В качестве последней законной представительницы угасающей династии она располагала наибольшими правами на трон. Но обычаи страны были таковы, что женщина не имела права царствовать самостоятельно. Едва Федосье исполнился год, как московские власти принялись хлопотать об устройстве ее будущего брака, который помог бы царевне стать царицей.

В 1593 г. Щелкалов имел секретную беседу с австрийским послом Варкочем и через него передал австрийскому императору

ру необычную просьбу: прислать в Москву одного из австрийских принцев в возрасте не старше четырнадцати — восемнадцати лет. Московиты предполагали обучить австрийца русскому языку, познакомить с обычаями и нравами страны, чтобы со временем он женился на московской царевне и занял вместе с ней трон.

С. Ф. Платонов полагал, будто участие в прогабсбургской интриге скомпрометировало дьяка в глазах Бориса и стоило ему карьеры. На самом деле в тайных переговорах с австрийцами Щелкалов выступил не против Годунова, а заодно с ним. Беседа с послом, канцлер подчеркивал, что исполняет поручение Годунова, но старался создать впечатление, будто самым горячим сторонником австрийского претендента является не Борис, а он сам. Мимоходом Щелкалов заявил послу следующее: «Наши великие государи на благо христианского мира начали возделывать вместе пашню; Борис Федорович, ты и я — страдники и сеятели. Ежели мы усердно будем возделывать землю, бог нам поможет, чтобы взошло и произрастало то, что мы посеяли. А мы, работники, пожнем с божьей помощью вместе плоды здесь, на земле, и там, в другой жизни». Называя Бориса «страдником» и ровней себе и малознатному послу, Андрей Щелкалов выразил свое отношение к притязаниям соправителя.

Проект передачи московского трона царевне Федосье и одному из габсбургских принцев оказался одинаково приемлемым и для Годунова и для Щелкалова. Первый рассчитывал играть при дворе племянницы такую же роль, как и при дворе сестры. Второй полагал, что австрийский царь не сможет управлять незнакомой страной без его помощи.

Но Федосья умерла в двухлетнем возрасте. С ее кончиной проект династического компромисса рухнул, и Борис поспешил отделаться от слишком влиятельного дьяка. Не позднее июля 1594 г. глава приказной бюрократии покинул свои посты.

Падение канцлера окончательно сконцентрировало все нити управления в руках Годунова, поспешившего присвоить себе новые чины. К 1595 г. официальный титул Бориса приобрел следующий вид: «Царский шурин и правитель, слуга и конюший боярин и дворовой воевода и содержатель великих государств — царства Казанского и Астраханского». В традиционной московской иерархии чин правителя отсутствовал из-за несовместимости с официальной доктриной самодержавной власти московских государей. Даже знаменитый Алексей Адашев, пользовавшийся громадным влиянием при молодом Грозном, никогда не помышлял о нем. Годунов мог торжествовать неслыханную победу. Ни один московит никогда не носил до него такого множест-

ва громких и звучных титулов. Смысл их был понятен всем. Годунов объявил себя единоличным правителем государства. Сам царь находился у него в полном послушании.

Родня царя Федора, Годуновы и Романовы, объединившись вокруг трона, преодолели династический кризис, сопутствовавший утверждению у власти недееспособного сына Грозного. Союз Романовых и Годуновых продержался в течение десятилетия. Старший сын Никиты Романова Федор с помощью Бориса сделал выдающуюся карьеру. Несмотря на молодость, он выслужил чин главного дворового воеводы и считался одним из трех главных руководителей ближней царской думы.

Братья царя Федора — Романовы были наиболее вероятными претендентами на трон. Десятилетнее согласие между Романовыми и Годуновыми послужило лучшим доказательством того, что правитель до поры до времени не выступал с прямыми претензиями на корону. Раздор стал неизбежен, как только вопрос о престолонаследии приобрел практическое значение. Местнические дела, чутко реагируя на приближение любой политической бури, дают возможность установить время, когда борьба за трон сделала вчерашних союзников врагами.

Примерно за год до смерти царя Федора Федор Никитич Романов получил назначение в полк правой руки в качестве второго воеводы. Несмотря на то что он занял не слишком высокий пост, со всех сторон немедленно посыпались местнические жалобы. В России существовало местничество, т. е. такой порядок назначения на высокие служебные посты, когда решающее значение придавали знатности и служебным успехам предков (отца, деда, прадеда), а уж потом личным способностям и заслугам того, кто получал пост. На боярина Федора Романова (отца будущего царя Михаила Романова) подали жалобы его родственник Петр Шереметев, князь Федор Ноготков-Оболенский и другие. Царь Федор обиделся на Ноготкова, потому что Федор Романов доводился царю двоюродным братом.

Сокрушительное поражение Романова показало, что правитель отнял у «великого государя» даже тень власти.

Опекуны царя Федора, назначенные Грозным, исчезли с лица земли один за другим. В живых остался один Богдан Бельский, прозябавший в деревенской ссылке. Борис не спешил с его возвращением на государеву службу.

Богдан Бельский был близким родственником Годунова и его давним соратником по опричной службе. Борис мог бы пользоваться его дружбой. Но вышло иначе. Борьба вокруг трона разгоралась. Вчерашние покровители и друзья Годунова — Щелкалов, Романовы, Бельский — стали его врагами.

Глава 17

ЗАКРЕПОЩЕНИЕ КРЕСТЬЯН

ак и при каких обстоятельствах сформировался в России крепостнический режим, просуществовавший до отмены крепостного права в середине XIX в.? Кто стоял у колыбели крепостного права — Иван Грозный или Борис Годунов? С точки зрения биографии Бориса ответ на этот вопрос имеет исключительно важное значение.

Феодалные архивы сохранили важнейшие законы о крестьянах, изданные в правление Ивана Грозного, Бориса Годунова, Василия Шуйского и первых Романовых. По законам Ивана IV крестьяне имели волю — право покинуть своего помещика осенью в Юрьев день. Уложение царя Алексея Михайловича Романова утвердило принцип крепостной неволи крестьян. В длинной цепи законов недостает лишь одного, но зато самого важного звена — закона об отмене Юрьева дня. Этот закон закончил с крестьянской свободой.

Ученые ищут решения проблемы закрепощения более двухсот лет. Одни из них считают, что Борис Годунов издал указ о закрепощении русских крестьян, но со временем указ затерялся. Другие ученые (среди них В. О. Ключевский) считали, что крестьяне стали крепостными не из-за правительственного указа, а в силу реальных условий жизни, из-за долгов. Талант Ключевского доставил его концепции общее признание. Но его выводы были поколеблены, когда в архивах обнаружили документы о «заповедных летах».

Под «заповедью» в Древней Руси подразумевали всякого рода запреты. Власти воспрещали торговать заповедным товаром, охотиться в заповедном лесу. Несколько найденных в архиве помещичьих грамот свидетельствовали о том, что в «заповедные годы» (1581 — 1589) власти возвращали ушедших от них крестьян помещикам. Проанализировав эти грамоты, историки высказали предположение, что, возможно, именно указ о «заповеди» анну-

лировал Юрьев день. Такая догадка неизбежно привела к пересмотру всех возникших ранее концепций.

В исследованиях советского академика Б. Д. Грекова теория «заповедных лет» приобрела наиболее стройную и законченную форму. Прошло некоторое время после публикации фундаментального труда Б. Д. Грекова, и другой советский историк — В. И. Корецкий нашел в архивных документах прямое указание на закон, упразднивший Юрьев день. В правление царя Федора Ивановича монахи одного из новгородских монастырей обратились к нему с такими словами: «Ныне по твоему царскому указу крестьяном и бобылем выходу нет».

Итак, если искомый закон исходил от Федора, за которого фактически правил Годунов, как быть с гипотезой о «заповедном» указе Ивана IV?

Пока подлинный текст царского указа не разыскан, любые суждения о нем останутся не более чем гипотезами. Научное же значение каждой гипотезы будет зависеть от того, насколько она согласуется со всеми имеющимися фактами и источниками.

Известный французский источниковед Ш. Ланглуа заметил, что историкам по необходимости приходится пользоваться такими материалами, от которых с презрением отвернулся бы любой исследователь в области точных наук. Скудные источники, повествующие о «заповедных летах», служат, пожалуй, лучшей иллюстрацией этого замечания.

Когда источники противоречат друг другу, историк уподобляется терпеливому следователю. Следователь не должен верить на слово случайным свидетелям. При излишней доверчивости легко сбиться с пути, как, впрочем, и при чрезмерном скептицизме. Расследование не должно зайти в тупик.

Итак, попробуем заново выслушать речи немногих уцелевших свидетелей введения в России крепостного права. Эти речи невнятные и противоречивы, но иных данных у нас нет.

Через пять лет после смерти царя Ивана Грозного трое новгородских помещиков обратились в суд с требованием вернуть им беглых крестьян. Большая часть крестьян ушла от них при царе Федоре, несколько человек — еще в последние три года правления Ивана IV. Эти годы (1581—1583) названы в помещичьих исках «заповедными».

Что скрывалось за помещичьими претензиями, помимо алчности? На какие законы они ориентировались? В источнике нет материала для решения этих вопросов. Время пощадило лишь отдельные, наименее важные фрагменты из этих судных дел о крестьянах. Пропали и дворянские исковые заявления в суд (челобитные), и решения приказных судей. Остались одни «обыс-

ки» — свидетельские показания населения, затребованные судом для проверки исков. Добились ли помещики возврата крестьян? Какими нормами руководствовался суд в решении их дел? Об этом можно лишь догадываться.

Прежде чем принимать претензии трех помещиков за доказательство чего бы то ни было, их следовало подвергнуть всесторонней проверке. Поиски необходимого для проверки материала оказались длительными, но в конце концов они увенчались успехом. Архивы сохранили описания деревских поместий, составленные в те самые 80-е гг. XVI в., которые позже были названы «заповедными». Авторитетность этих описаний не подлежит сомнению. Писцовые книги (налоговые кадастры) XVI в. принадлежали к разряду основной юридической документации, подтверждавшей права помещиков на землю и крестьян.

Владельцем одного из трех поместий Деревской пятины был сын боярский Иван Непейцын. В 1588 г. он хлопотал о возвращении ему двух крестьян, братьев Гавриловых, сбжавших от него, по его словам, в «заповедные» 1581 — 1582 гг., когда он сам находился на государевой службе в деревне Лялицы. Бой со шведами у деревни Лялицы произошел в феврале 1582 г. Очевидно, именно в это время Гавриловы и покинули помещичью деревню Крутцы. Через несколько месяцев в поместье прибыли государевы чиновники — «большие» писцы. Они описали барскую усадьбу и пустые крестьянские дворы, но ни словом не обмолвились о беглых Гавриловых. Кажется, они сами не подозревали, что проводят описание в «заповедном» году. (Б. Д. Греков полагал, что царь Иван издал закон против выходов в ноябре 1581 г., т. е. до появления писцов в Новгороде.) Явившись в поместье Непейцына, писцы обязаны были записать имена, по крайней мере, тех крестьян, которые покинули помещика буквально у них под носом, грубо нарушив только что изданный государев указ. Если писцы не сделали этого, значит, у них не было инструкций насчет «заповедных лет» в деревских поместьях.

При царе Василии Шуйском в 1607 г. Поместный приказ издал пространное «Уложение» о крестьянах, в текст которого была включена своего рода историческая справка. «При царе Иоане Васильевиче, — утверждали дьяки, — крестьяне выход имели вольный, а царь Федор Иоанович по наговору Бориса Годунова, не слушая совета старейших бояр, выход крестьянам заказал, и у кого коликo тогда крестьян где было, книги учинил». Компетентность составителей «Уложения» не вызывает сомнения. «Уложение» вышло из стен того самого Поместного приказа, который издавал и хранил все законы о крестьянах. Этот источник имеет первостепенное значение. Он окончательно разруша-

ет представление о том, что крестьяне утратили волю при Грозном. Справку Поместного приказа 1607 г. можно проверить с помощью более ранних документов.

В 1595 г. старцы Пантелеймонова монастыря в Новгороде в своем прошении напомнили царю Федору, что ныне по его царскому указу «крестьянам выходу нет». Поместный приказ, принявший челобитную, не только не опротестовал это заявление монахов, но и процитировал его в своем судебном решении. И челобитная, и решение суда сохранились в оригинале, что придает им особую ценность. Подлинные документы 1595 г., таким образом, полностью подтверждают справку Поместного приказа 1607 г. и тем самым позволяют заново решить вопрос, кто стоял у истоков крепостного режима в России.

Тщательный и придирчивый анализ источников позволяет прояснить одну из самых темных страниц в биографии Бориса Годунова. Русские крестьяне стали крепостными не при жестоким царе Иване Грозном, прославившемся своим террором, а при мягком Борисе Годунове, известном своей благотворительной деятельностью в пользу голодающего народа.

Попытаемся исследовать более конкретно, как сложился ранний крепостной режим. Первые подробные сведения о «заповедных годах» можно почерпнуть из жалованной грамоты городу Торопцу, составленной Поместным приказом дьяка Андрея Щелкалова в 1590 г. Городские власти получили в то время разрешение вернуть в свой город тяглецов (людей, плативших государеву подать — тягло), которые ушли на земли помещиков и монастырей в «заповедные лета».

Торопецкая грамота вносит новую поправку в теорию «заповедных лет». Основной «заповедной» нормой считали формальное упразднение Юрьева дня. Однако торопецкий документ говорит не о крестьянах, а о горожанах — людях, никакого отношения к Юрьеву дню не имевших. Казна издавна получала львиную долю денежных доходов с городских налогоплательщиков. В период «великого разорения» горожане искали спасения в деревне. Города опустели. В рамках «заповедных лет» власти добивались возвращения посадских людей на их старые городские дворы в целях возрождения платежеспособной посадской общины. Введение «заповедных лет» в Торопце означало временное прикрепление разбежавшихся из города налогоплательщиков к тяглой городской общине.

Достоверные источники приказного происхождения 1590—1592 гг. позволяют обнаружить наиболее характерные черты «заповедного» режима, находившегося в то время в процессе формирования: «заповедь» имела в виду налогоплательщиков

города и деревни; механизм «заповедного» режима приводила в движение инициатива отдельных землевладельцев и феодальных городов; «заповедные лета» функционировали как система временных мер. Можно отметить и еще одну характерную особенность. В большинстве правительственных распоряжений о возвращении тяглых горожан и крестьян на старое место жительства нет термина «заповедные лета».

Источники рисуют картину достаточно неожиданную. В правление Годунова крепостной режим стал впервые приобретать четкие контуры. Но тогда приказные дельцы неохотно пользовались понятием «заповедные лета» и при решении дел часто обходились без всякой ссылки на «заповедь». Не свидетельствует ли это о том, что «заповедь» не превратилась еще в форму закона? Если так, то отсюда следует, что механизм «заповедных лет» возник не из законодательного акта, а из практических распоряжений властей. Финансы стали одной из главных пружин этого механизма.

К концу царствования Грозного податные поступления в казну резко сократились, финансовая система пришла в полный упадок. При Федоре власти проводили в отношении податных сословий такую политику, которая определялась в первую очередь необходимостью укрепления финансовой системы. Таким образом, возврат крестьян и посадских людей на тяглые участки был связан поначалу не с законодательной отменой Юрьева дня, а с упорядочением налоговой системы и временным прикреплением налогоплательщиков к государеву тяглу. «Заповедь» рассматривалась как частная, преходящая мера, призванная помочь возрождению расстроеной налоговой системы. Временные меры, преследовавшие узкофинансовые цели, очевидно, не нуждались в развернутом законодательстве. Поначалу едва ли кто-нибудь предвидел, к каким последствиям приведет новая налоговая политика.

Система закрепощения крестьян в рамках «заповедных лет» оказалась недостаточно гибкой. Из года в год число «заповедных лет» неуклонно росло. Вместе с тем множилось количество споров из-за крестьян. Помещики годами ждали решения суда по своим делам. Клубок тяжб запутывался. Разлад внутри феодального сословия усиливался. Государственный аппарат оказался перегруженным. Чтобы разом покончить с нараставшими трудностями, власти принуждены были наконец аннулировать долгие «заповедные» годы и ограничить давность исков о крестьянах.

3 мая 1594 г. Андрей Щелкалов решил спор между двумя новгородскими помещиками Зиновьевым и Молевановым. Зи-

новьев пытался вернуть крестьян, которых Молеванов увез из его поместья в самый последний год жизни Грозного. Щелкалов вынес решение в пользу нового владельца. Препровождая это решение в Новгород, дьяк предписал местным судьям руководствоваться пятилетним сроком давности, «а старее пяти лет суда и управы в крестьянском вывозе и во владенье челобитчиком не давати и им отказывати». Одним росчерком пера главный дьяк аннулировал старые «заповедные лета».

Многолетняя практика возвращения крестьян старым землевладельцам привела к тому, что временные и преходящие меры стали постепенно превращаться в постоянное узаконение. Сознание современников чутко уловило этот рубеж. В 1595 г. новгородские монахи смогли написать: «Ныне по государеву указу крестьяном и бобылем выходу нет». Чтобы верно интерпретировать источник, надо прежде всего уточнить понятия, употребленные в нем. В этой связи уместно будет напомнить, что для современников Годунова понятие «царский указ» не совпадало с понятием «закон». Любое частное решение власть выносила от имени царя посредством формулы «по государеву указу». Отсюда следует, что слова новгородских монахов об «указе» Федора не обязательно имели в виду развернутый законодательный акт против крестьянского выхода. Кстати, их слова очень мало напоминают точную цитату из текста закона.

Чем значительнее историческое явление, тем больше вероятность того, что оно отразится в источниках и в памяти современников. Утрата, быть может, самого значительного из указов Грозного удивительна сама по себе. Отсутствие каких бы то ни было ссылок на него в документах последних лет царствования Ивана совсем необъяснимо.

Нисколько не удивительно то, что историки двести лет разыскивали мифический указ Ивана IV о «заповедных» годах и не нашли его. Необъяснимо другое. В 1606 г. Лжедмитрий велел собрать законы своих предшественников и объединить их в «Свободный судебник». Его распоряжение выполняли дьяки, возглавлявшие суды при царях Федоре Ивановиче и Борисе Годунове. В их руках были нетронутые архивы. Тем не менее они не смогли найти и включить в свод законов указ, аннулирувавший Юрьев день. Эта странная неудача может иметь лишь одно объяснение: разыскиваемый указ, по-видимому, никогда не был издан.

Своими деяниями царь Иван Грозный снискал недобрую славу. Он обложил народ тяжелыми податями, каких Русь не знала прежде. Царские сборщики пускали крестьян по миру, выколачивая недоимки. В самые голодные годы Грозный не

пожелал открыть перед бедствующим народом царские житницы, полные хлеба. Но своим «Судебником» Иван IV подтвердил Юрьев день, и на его время пришлись последние десятилетия крестьянской «воли».

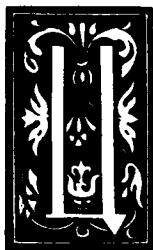
Сыграть зловещую роль крепостника суждено было Борису Годунову. Авторы исторической справки 1607 г. утверждали, будто благочестивый Федор закрепостил крестьян «по наговору» Бориса. В действительности все произошло несколько иначе. Основы крепостнического режима были заложены бюрократическим ведомством дьяка Андрея Щелкалова. Сместив фактического соправителя, Борис присвоил плоды его многолетних усилий. Через три года после отставки дьяка Годунов облек установления Щелкалова о пятилетнем сроке сыска крестьян в форму развернутого законодательного акта. Издание закона 1597 г. означало, что система мер по упорядочению финансов окончательно переродилась в систему прикрепления к земле. Таким был механизм закрепощения многомиллионного русского крестьянства.

Крепостной закон 1597 г. был издан от имени царя Федора. Но Федор доживал свои последние дни, и современники отлично знали, от кого исходил именной указ.

Издав первый в русской истории закон о прикреплении крестьян, Борис Годунов перешел рубикон. Вся его дальнейшая жизнь, вся его карьера были определены этим шагом. Отдав русское крестьянство во власть феодального сословия, Борис снискал широкую популярность в среде русского дворянства, что в конечном счете и доставило ему царскую корону. Зато многомиллионное крестьянство никогда не простило Годунову его крепостнических мер. Борис пережил величайшую трагедию, которая когда-нибудь выпадала на долю правителей. Его отверг собственный народ.

ЗЕМСКИЙ СОБОР 1598 г.

арь Федор умер 6 января 1598 г. Древнюю корону — шапку Мономаха — надел на себя Борис Годунов, одержавший победу в борьбе за власть. Среди современников и потомков многие сочли его узурпатором. Но такой взгляд был основательно поколеблен благодаря работам В. О. Ключевского. Известный русский историк утверждал, что Борис был избран правильным Земским собором.

Земскими соборами в России называли представительные учреждения, возникшие в России в период реформ — в середине XVI в. Правительство созывало земские соборы для решения важных политических и финансовых вопросов. На соборы приглашали помимо Боярской думы и высшего духовенства также представителей дворянства, духовенства и верхов посадского населения. Мнение Ключевского поддержал С. Ф. Платонов. Воцарение Годунова, писал он, не было следствием интриги, ибо Земский собор выбрал его вполне сознательно и лучше нас знал, за что выбирал.

Избирательная документация Годунова сохранилась. Авторы ее старательно описали историю восшествия Бориса на престол, но им не удалось избежать недомолвок и противоречий. Историки до сих пор не могут ответить на простой вопрос: «Сколько людей участвовало в соборном избрании Годунова?» Н. М. Карамзин насчитал 500 избирателей, С. М. Соловьев — 474, Н. И. Костомаров — 476, В. О. Ключевский — 512, а современная исследовательница С. П. Мордовина — более 600. Эти расхождения поистине удивительны. Они порождают сомнения насчет подлога (фальсификации) в избирательной документации Бориса Годунова. Попытаемся исследовать этот вопрос со всей возможной тщательностью.

Сохранилось не одно, а два соборных постановления об утверждении Бориса в царском чине. На первом имеется дата — «июль 1598 г.», на втором — «1 августа 1598 г.». Если верить этим

датам, неизбежным будет вывод, что обе «утвержденных грамоты» были составлены практически в одно и то же время. Однако тщательное сопоставление текстов двух соборных постановлений колеблет такой вывод. Во-первых, в грамотах не совпадают имена членов собора — «выборщиков», якобы утвердивших избрание Бориса Годунова на трон. Во-вторых, грамоты по-разному освещают ход избирательной борьбы.

Ранняя «утвержденная грамота» явно состоит из частей, составленных в разное время. Ее основная часть имеет традиционную концовку, включающую формулу о присяге членов собора на верность Годунову и формулу проклятия по адресу всех непослушных. Затем следует заключительная фраза: «А у сей утвержденной грамоты сидели...» (иначе говоря, эту грамоту обсуждали и утвердили в качестве соборного приговора). Ниже следовал список членов избирательного собора.

Со временем грамоту дополнили обширной припиской. Приписка имела совершенно такую же концовку, как и основной текст. Ее составители повторили формулу верности Борису и проклятия по адресу слушников. Они же датировали грамоту, пометив, что она «уложена и написана бысть лета 7106 июля в... день».

Можно предположить, что эта дата указывала на время составления приписки, а не основного текста.

К какому же времени относится основной текст приговора об избрании Бориса? В грамоте можно обнаружить самые точные данные на этот счет. Патриарх Иов, сказано в ней, 9 марта 1598 г. предложил собору составить грамоту об утверждении Бориса на царство: «...да будет впредь неколебимо, как во утвержденной грамоте, написано будет». 30 апреля Борис въехал в царский дворец, после чего «сию утвержденную грамоту, по мале времени написавши, принесоша к Иеву». Значит, утвержденная грамота была составлена в марте — начале мая 1598 г. В пользу этой даты говорит и то, что соборный приговор день за днем описывает избирательную кампанию с января до апреля, но полностью умалчивает о последующих событиях. Так обнаруживается первый подлог в избирательной документации Годунова. Вопреки точным указаниям начального текста редакторы произвольно передвинули время ее составления с весны на июль, выставив эту дату в приписке к тексту грамоты.

Второй приговор об избрании Бориса помечен 1 августа. В отличие от первого он скреплен подписями не только церковников, но и всех светских чиновников, участвовавших в выборах. В. О. Ключевский первым заметил несоответствие между списками и подписями избирателей Годунова и попытался объяснить

расхождение тем, что списки были составлены при созыве собора в феврале — марте, а подписи собраны при закрытии собора в августе. Гипотеза В. О. Ключевского кажется, однако, неудачной.

Тщательная проверка списков и подписей избирателей позволяет установить иную дату составления грамоты. После коронации, в первых числах сентября, Борис пожаловал чинами многих знатных дворян, участвовавших в выборах. Основной факт состоит в том, что избирательная грамота Годунова отразила состав Боярской думы не на 1 августа 1598 г., а на январь 1599 г. Новые бояре и окольные поименованы в грамоте с теми чинами, которые пожаловал им Годунов в конце 1598 г.

Новая датировка объясняет, почему далеко расходятся между собой списки церковного собора в двух утвержденных грамотах. Не две-три недели, а год разделял две редакции грамоты, и в этот период сменились настоятели ряда монастырей. Возникла даже новая епископская кафедра в Кореле, и она впервые названа в поздней редакции «утвержденной грамоты».

Факты позволяют обнаружить второй подлог в избирательных документах Годунова. Цели и мотивы этого подлога можно понять. Окружение нового царя ориентировалось на прецедент — избрание царя Федора. Земский собор «избрал» на трон слабоумного царского отпрыска ровно за месяц до его коронации. Годуновская канцелярия стремилась доказать, что и Борис короновался на царство через месяц после избрания на Земском соборе.

А теперь рассмотрим историю Земского собора 1598 г. по существу.

Царь Федор Иванович не оставил после себя завещания. Неясно, помешал ли ему правитель или по своему умственному убожеству он и сам настаивал на необходимости «совершить» духовную. В ходе избирательной борьбы возникли различные версии насчет его последней воли. Носились слухи, будто Федор назвал в качестве преемника Романова, одного из своих братьев. Официальная версия, исходившая от Годуновых, была иной. Как значилось в утвержденной грамоте ранней редакции, Федор «учинил» после себя на троне жену Ирину, а Борис «приказал» царство и свою душу в придачу. Окончательная редакция той же грамоты гласила, что царь оставил «на государствах» супругу, а патриарха Иова и Бориса Годунова назначил своими душеприказчиками. Наиболее достоверные источники повествуют, что патриарх тщетно напоминал Федору о необходимости назвать имя преемника. Царь по обыкновению отмалчивался и ссылался на волю божью. Будущее жены его тревожило больше,

чем будущее трона. По словам очевидцев, Федор наказал Ирине «принять иноческий образ» и закончить жизнь в монастыре. Как видно, «благоуродивый» (юродивый) Федор действовал в полном соответствии с церковными предписаниями и стариной.

Каждый из родственников царя имел свою причину негодовать на его поведение. В итоге Федор умер в полном небрежении. Вскрытие гробницы показало, что покойника обрядили в скромный мирской кафтан, перепоясанный ремнем, и даже сосуд для миро ему положили не по-царски простой. «Освященный» царь, проведший жизнь в постах и молитве, не сподобился обряда пострижения. А между тем в роду Калиты предсмертное пострижение стало своего рода традицией со времени Василия III и Ивана IV. Но с Федором начали обращаться, как с брошенной куклой, еще до того, как он испустил дух.

Борис отказался исполнить волю царя относительно пострижения вдовы-царицы и пытался закрепить за ней трон. Тотчас после кончины мужа Ирина издала закон о всеобщей и полной амнистии, повелев без промедления выпустить из тюрем всех опальных изменников, татей (воров), разбойников и прочих сидельцев.

Преданный Борису Иов разослал по всем епархиям приказ целовать крест царице. Обнародованный в церквах пространный текст присяги вызвал общее недоумение. Подданных заставляли принести клятву на верность патриарху Иову и православной вере, царице Ирине, правителю Борису и его детям. Под видом присяги церкви и царице правитель фактически потребовал присяги себе и своему наследнику. Он явно не рассчитал своих сил. По словам очевидцев, в столице «важнейшие не захотели признать Годунова великим князем», в провинции также не все целовали крест «новому великому князю» (!), а народ выражал недовольство «шайкой Годуновых».

При жизни Федора Ирину Годунову охотно именовали «великой государыней». Но такое звание не равнозначно было реальному царскому титулу. До Лжедмитрия и после него цариц не только не короновали, но и не допускали к участию в торжественной церемонии. Ирина наблюдала за венчанием Федора из окошка светлицы. Не будучи коронованной особой, связанной с подданными присягой, Годунова не могла ни сама обладать царской властью, ни передать ее своему брату.

Испокон веку в православных церквах пели «многие лета» царям и митрополитам. Патриарх Иов не постеснялся нарушить традицию и ввел богослужение в честь вдовы Федора. Летописцы сочли такое новшество неслыханным. «А первое богомолие (было) за нее, государыню,— записал один из них,— а преж

того ни за которых цариц и великих княгинь бога не молили ни в охтенях, ни в многолетье». Иов старался утвердить взгляд на Ирину как на законную носительницу самодержавной власти. Но ревнители благочестия, и среди них дьяк Иван Тимофеев, заклеили его старания как «бесстыдство» и «нападение на святую церковь».

Имеются сведения о том, что в обстановке междуцарствия руководство Боярской думы и столичные чины взяли на себя инициативу созыва избирательного Земского собора. После кончины Федора, записал московский летописец, «града Москвы бояре и все воинство и всего царства Московского всякие люди от всех градов и весей збираху людей и посылаху к Москве на избрание царское». Показания современников подтверждают достоверность этого известия. Некий немецкий агент сообщал, что уже в конце января именитые бояре и духовные чины Пскова, Новгорода и других городов получили приказ немедленно ехать в столицу для избрания царя. Но этот приказ не был выполнен из-за противодействия правителя.

На воеводских должностях в провинции сидели многие известные недоброжелатели Бориса, и он не желал допустить их к участию в соборе. По словам псковского очевидца, Годунов приказал перекрыть дороги в столицу и задержать всех лиц, ранее получивших приглашение прибыть в Москву.

Годунов имел основания для тревоги и беспокойства. События развивались совсем не так, как ему хотелось. Иностранцы наблюдали в один голос, что в России «из-за нового царствования возникли великая смута» и «великое замешательство».

Самостоятельное правление царицы Ирины не ладилось с первых дней. Через неделю после кончины мужа она объявила о решении уйти в монастырь. В день ее отречения в Кремле собралось множество народа. Официальные источники впоследствии изобразили дело так, будто толпа, переполненная верно-подданныческими чувствами, слезно просила вдову остаться на царстве. На самом деле настроения народа внушали власть имущим крайнюю тревогу. Голландский наблюдатель Исаак Масс подчеркивал, что отречение Годуновой носило вынужденный характер. «Простой народ, всегда в этой стране готовый к волнению, во множестве столпился около Кремля, шумел и вызывал царицу». «Дабы избежать великого несчастья и возмущения», Ирина вышла на Красное крыльцо и объявила о намерении постричься.

Годунова отказалась от власти в пользу Боярской думы. «У вас есть князья и бояре,— заявила она народу,— пусть они

начальствуют и правят вами». Слова царицы отвечали политическим видам бояр, и она произнесла их, вероятно, по настоянию именно бояр.

Вскоре вдова Федора «простым обычаем», без церемоний, уехала в Новодевичий монастырь и приняла там «тихое и безмолвное иноческое житие». Так гласила официальная легенда. В жизни было иначе.

После пострижения старица Александра Федоровна не только не простилась с мирской жизнью, но пыталась править страной из монастыря: подписывала именные указы, рассылала их по городам. За спиной царицы-иноки стоял ее брат Борис Годунов.

Правителю не удалось предотвратить пострижение Ирины. Но он не собирался сдавать позиции. В тот памятный день, когда народ вызвал на площадь царицу, Годунов вышел на Красное крыльцо вместе с ней и постарался убедить всех, что в Московском государстве все останется как было. Взяв слово после сестры, Борис заявил, что берет на себя управление государством, а князья и бояре будут ему помощниками. Так передал речь Годунова австрийский гонец Михаил Шиль. Достоверность известия засвидетельствована апрельской грамотой. Как следует из ее текста, Борис утверждал, что «с бояры радети и промысляти рад не токмо по-прежнему, но и свыше перваго». Совсем иначе передали речь Бориса составители окончательной редакции грамоты. Годунов будто бы сказал, что удаляется от дел, а править государством будет патриарх.

Правительственная канцелярия пыталась скрыть от посторонних глаз необъяснимое противоречие в поведении Годунова. Сначала он вознамерился править страной и постарался обязать всех присягой, а затем устранился от дел. Почему? По доброй воле, как утверждал поздний редактор, или под давлением обстоятельств?

При жизни Федора Годунов умел добиться повиновения от высшей знати. После смерти царя бояре перестали скрывать свою вражду к временщику. Аристократия и слышать не желала о передаче ему короны. Ее упрямство подкреплялось вековыми традициями. В феодальные головы плохо укладывалась мысль об избрании в цари не слишком знатного дворянина. Никто не сомневался в том, что на троне может сидеть лишь тот, кто происходит от «царского корени». Ближайшими родственниками московского дома были князья-рюриковичи, среди которых первенствовали «принцы крови» Шуйские. Калита вел род от Александра Невского, Шуйские — от его брата Андрея. Знать помнила это даже при Грозном. По некоторым известиям, князья

Шуйские надеялись завладеть опустевшим трон и настойчиво интриговали против Бориса. После смерти Федора, утверждал «Новый летописец», патриарх и власти, «со всей землею советовав», решили посадить на царство Бориса, «князи же Шуйские едины его не хотяху на царство». «Новый летописец» возник в окружении Филарета Романова, и, по меткому замечанию С. Ф. Платонова, имя Шуйского было вставлено в эту летопись лишь для отвода глаз. В действительности главными противниками Годунова выступали не Шуйские, а Романовы. Княжеская знать принуждена была склонить голову под тяжестью опричного террора. Гонения Годунова довершили дело. Шуйские не осмелились выступить с открытыми притязаниями на корону и предпочли выждать.

С января 1598 г. в Литву стали поступать сведения о том, что в Москве определились четыре самых вероятных претендента на трон. Первые места среди них отводились Федору и Александру Никитичам Романовым. Их шансы казались исключительно большими. В феврале за рубежом разнеслась весть, что бояре избрали старшего Романова, а Годунова убили. Литовская секретная служба вскоре же убедилась в неосновательности этих слухов, но литовские «шпиги» продолжали твердить, что бояре и воеводы согласны выбрать Романова за родство с прежним царем.

Последние места среди претендентов достались Мстиславскому и Борису Годунову. В жилах Мстиславского текла королевская кровь, он был праправнуком Ивана III и занимал пост главы Боярской думы. Но среди коренной русской знати литовские выходцы Мстиславские не пользовались авторитетом.

Литовцы совсем невысоко оценивали шансы Бориса. Он не имел никаких формальных прав на трон, так как не состоял в кровном родстве с царской фамилией. Передавали, что Федор перед смертью выразил отрицательное отношение к кандидатуре Бориса из-за его незнатного происхождения. На стороне Бориса, по сведениям лазутчиков, выступали меньшие бояре, стрельцы и почти вся «чернь». Но ни стрельцы, ни народ, по феодальным меркам, не могли иметь решающего голоса в таком деле, как избрание царя.

Борьба за власть расколола Боярскую думу. В феврале за рубеж поступила информация о том, что московские бояре «никак не могут помириться, между ними великое разногласие и озлобление». Романовы считали свои позиции столь прочными, что выступили с резкими нападками на правителя. Из-за их вражды Годунов перестал ездить в Боярскую думу и укрылся на своем подворье. На первых порах он не отказался от попыток

вершить дела, не выходя из стен дома. Но раздор в думе достиг такой остроты, что Борису пришлось покинуть свое кремлевское подворье и выехать за город. Он укрылся в хорошо укрепленном Новодевичьем монастыре.

Покидая Кремль, Годунов оставил там в качестве доверенного лица Иова. Хлопоты патриарха в пользу правителя имели важное значение, но они не могли предопределить исход выборов. Ставленник Бориса не обладал ни сильным характером, ни достаточным авторитетом. Бесцеремонное вмешательство в политическую борьбу навлекло на патриарха негодование знати.

Великородные бояре отвергали претензии патриарха на руководство делами. У них были свои виды на престолонаследие. Противоборствующие стороны всеми силами старались заручиться поддержкой столичного населения. Москва стала ареной яростной агитации против Бориса. Из уст в уста передавали слухи, будто правитель сам отравил благочестивого царя Федора, чтобы завладеть короной. Об этом страшном преступлении толковали и в первые недели междуцарствия, и много лет спустя. Невозможно было придумать обвинение более тяжкое, чем цареубийство. Невозможно было найти лучшее средство, чтобы поднять против Годунова посадские низы. Накопившееся в народе недовольство постоянно искало выхода, настроение толпы менялось мгновенно.

17 февраля истекло время траура по Федору, и Москва тотчас же приступила к выборам нового царя. Патриарх созвал на своем подворье совещание, принявшее решение об избрании на трон Бориса. Обе редакции утвержденной грамоты подчеркивают, что в совещании участвовали духовенство, бояре, дворяне, дети боярские, приказные люди и всех чинов люди из Москвы и всей Русской земли.

Нет возможности составить более точное представление о реальном составе раннего Земского собора. Без всякого сомнения, на нем присутствовали бояре Годуновы, их родня Сабуровы и Вельяминовы, а также некоторые младшие чины думы, предположительно боярин князь Хворостинин, окольный князь Гагин, думные дворяне князь Буйносов и Татищев. Никто из противников правителя на собор, естественно, не попал.

Как следует из утвержденной грамоты, «некие бояре», участвовавшие в соборе, выступили с письменным свидетельством в пользу Бориса. Эта подробность подтверждается показанием дьяка Ивана Тимофеева, непосредственного участника избрания Бориса. Тимофеев не принадлежал к числу безусловных приверженцев правителя, и его мемуары можно использовать для проверки официозных источников. Как писал осведомленный

дьяк, самые красноречивые почитатели Годунова не поленились встать на солнечном восходе и пришли к патриарху с писаной «хартией». Замечательно, что сторонники Бориса столь высоко оценивали значение «хартии», что включили ее, по-видимому, без всяких изменений в апрельскую утвержденную грамоту.

Созданный в разгар избирательной борьбы, этот документ может служить ярчайшим образцом предвыборной литературы. В нем биография кандидата расписана самыми яркими красками, не упущена ни одна деталь, которая могла бы подкрепить его претензии на трон. Авторы «свидетельства» подчеркивали, что Борис с детства был «питаем» от царского стола, что царь Иван посетил его больного на дому и на пальцах показал, что Федор, Ирина и Борис равны для него, как три перста, что Грозный «приказал» Годунову сына Федора и все царство, что такое же благословение Борис получил и от Федора.

Некоторые детали повествования выдают авторов приговора. Упомянув о посещении годуновского двора Грозным, составители документа добавляют: «А с ним (царем. — Р. С.) мы, холопи его, были». Визит носил неофициальный характер, и Ивана сопровождали лишь самые близкие ему люди. Большинство из этих людей к 1598 г. либо сошли со сцены, либо оказались в числе противников Бориса. Исключением были Дмитрий Годунов и Игнатий Татищев. Видимо, они и стали инициаторами выступления в пользу Бориса. Они не скупались на ложь, чтобы обосновать претензии Бориса на трон. Большинство их аргументов производило комическое впечатление. Но все это нисколько не смущало Иова и его окружение.

Патриарх благосклонно выслушал «болярскую премудрую речь» и вместе с другими участниками собора «приговорил» на другой день собраться в Успенском соборе, а затем организовать шествие в Новодевичий монастырь. Участники Земского собора приняли «крепкое уложение», определившее порядок шествия. В соответствии с разработанным сценарием дворянам следовало стать у кельи царицы Ирины, «всенародному множеству» — «на монастыре — за монастырем» в поле и «всем единогласно с великим воплем и неутешным плачем» просить Бориса на царство.

Официальные документы нарисовали идиллическую картину единодушного избрания Годунова. Жизнь же была весьма далека от идиллии. Описав то, что произошло на патриаршем дворе, составители утвержденной грамоты промолчали о более важных событиях, развернувшихся в кремлевском дворце — резиденции Боярской думы. Показания Михаила Шиля позволяют восполнить этот пробел в официозных источниках.

Едва истекло время траура, повествует Шиль, как бояре собрались во дворце и после длительных прений обратились к народу с особым воззванием: они дважды выходили на Красное крыльцо и увещевали народ принести присягу думе. Лучший оратор думы канцлер Василий Щелкалов настойчиво убеждал толпу в том, что присяга постриженной царице утратила силу и теперь единственный выход — целовать крест боярам.

Достоверность австрийской информации подтверждается письмом неизвестного лица из Польши, датированным июлем 1598 г. Ссылаясь на донесение польского гонца из Москвы, автор письма сообщал, что «супруга покойного великого князя (в Москве. — *Р. С.*) поставила на управление княжеством своего брата Бориса до тех пор, пока не будет поставлен настоящий князь. Канцлер, напротив того, перед сословиями провозгласил, что Борис еще не утвержден в качестве великого князя, и знатные московиты ему противятся и даже некоторые утверждают, что Бориса следует убить».

Самая большая трудность для думы состояла в том, что «великие» бояре, решительно отказавшиеся признать права Бориса на трон, никак не могли преодолеть собственные разногласия. Братья Романовы унаследовали от отца популярность имени. Но они не обладали достаточной изворотливостью и опытом, чтобы сплотить всех противников правителя. По знатности Романовы далеко превосходили Годуновых. Но и они были в родстве с царской семьей лишь по женской линии. «Принцы крови» и «великие» бояре не желали уступать им своих прав на трон.

Решение Боярской думы свидетельствовало о том, что ни Романовы, ни Мстиславские не собрали в думе большинства голосов. Отклонение популярных кандидатов и разногласия обессилили думу.

В ходе избирательной борьбы наступил критический момент. Решение Земского собора в пользу Бориса Годунова не могло считаться законным, поскольку высший государственный орган — Боярская дума — решительно отклонил его кандидатуру. Но и предложение думы присягнуть боярам и учредить в стране боярское правление также не прошло. Раскол в верхах привел к тому, что вопрос о престолонаследии был перенесен из думных и патриарших палат на площадь. Противоборствующие партии пускали в ход всевозможные средства — от агитации до подкупа.

Земский собор оказался более расторопным. 20 февраля ему удалось организовать шествие в Новодевичий монастырь. Борис благосклонно выслушал речи соборных чинов, но на все их

«моления» отвечал отказом. Выйдя к толпе, правитель со слезами на глазах клялся, что и не мыслил посягнуть на «превысочайший царский чин». Мотивы отказа Годунова от короны нетрудно понять. Как видно, его смущала малочисленность толпы. А кроме того, он хотел покончить с клеветой насчет цареубийства. Чтобы вернее достичь этой цели, Борис распустил слух о своем скором пострижении в монахи. Под влиянием умелой агитации настроение в столице стало меняться.

Патриарх и члены собора постарались использовать наметившийся успех и с удвоенной энергией взялись за подготовку новой манифестации. Церковь пустила в ход весь свой авторитет. По распоряжению патриарха столичные церкви открыли двери перед прихожанами с вечера 20 февраля до утра следующего дня. Расчет оказался правильным. Ночное богослужение привлекло множество народа. Наутро духовенство вынесло из храмов самые почитаемые иконы и со всей «святостью» двинулось крестным ходом в Новодевичий. Таким способом руководителям Земского собора удалось увлечь за собой внушительную толпу.

От имени народа переговоры с царицей Ириной и ее братом вели высшие чины собора. Убеждая Бориса принять корону, церковники пригрозили, что затворят церкви и положат свои посохи, если их ходатайство будет отклонено. За ними выступили бояре, сказавшие: «А мы называться боярами не станем» (не будут управлять государством, если Борис не примет корону). Последними, как и полагалось по чину, высказались дворяне.

Выступление дворянства, бесспорно, должно было оказать заметное влияние на исход избирательной борьбы в Москве. Многие признаки указывали на то, что дворяне занимали позицию, благоприятную для Бориса. Литовские разведчики уже в начале февраля дознались, что в Москве меньшие бояре стоят за Годунова. Согласно свидетельству летописей, в толпе на Новодевичьем поле находилось много служилых людей, выступивших с особым мнением. Они заявили, что в случае отказа Бориса от короны перестанут служить и биться с неприятелями, «и в земле будет кровопролитие».

После смерти Бориса его противники выступили с утверждениями, будто годуновская администрация согнала толпу на Новодевичье поле под угрозой штрафов, специально назначенные приставы следили за тем, чтобы народ исправно и с великим усердием вопил и слезы точил (лил), а уклонявшихся били по шее. Все эти меры, по словам позднего летописца, имели единственной целью поколебать праведную старицу Александру,

будто бы отказывавшую брату в благословении. Последнее замечание обнаруживает малую осведомленность и полное пренебрежение к истине автора злостного памфлета на Бориса.

Непосредственный очевидец событий дьяк Иван Тимофеев, отнюдь не принадлежавший к числу его почитателей, ни словом не упомянул о штрафах и приставах. Зато он видел, как Борис, выйдя на паперть, обернул шею тканым платком и показал, что, скорее, удавится, чем согласится принять корону. Этот жест, замечает дьяк, произвел большое впечатление на толпу. Тимофеев запомнил на всю жизнь оглушительные крики народа, приветствовавшего правителя. Дьяк отметил, что более всех старались «средние люди и все меньшие», кричавшие «нелепо, с воплем многим... не в чин, отчего лица их багровели, а животы (утробы) раздувались». Борис смог наконец пожать плоды многодневных усилий. Общий клич создал видимость всенародного избрания, и Годунов, расчетливо выждав минуту, великодушно объявил толпе о своем согласии принять корону. Не теряя времени, патриарх повел правителя в ближайший монастырский собор и нарек его на царство.

Манифестация 21 февраля сыграла важную роль в ходе избирательной борьбы. Опасность введения в стране боярского правления уменьшилась, тогда как позиции приверженцев Годунова окрепли. Чтобы сломить сопротивление знати, правитель должен был искать непосредственную поддержку у столичного посадского населения. Но вся структура тогдашней государственной власти была такова, что народное избрание Бориса на трон не могло иметь силу без санкции со стороны высшего органа государства — Боярской думы.

После избрания ничто не мешало правителю вернуться в столицу и надеть на себя корону. Но он медлил и в течение пяти дней продолжал жить в келье Новодевичьего монастыря. Причину его странной бездеятельности нетрудно угадать. Он ждал санкции Боярской думы. Но таковой, судя по всему, не последовало.

Только 26 февраля правитель покинул свое убежище и возвратился в Москву. Его сторонники не пожалели средств и сил на то, чтобы подготовить столицу к торжественному приему нового царя. Народ встречал Бориса на поле, за стенами города. Те, кто был победнее, несли хлеб и соль, бояре и купцы — золоченые кубки, соболя и другие дорогие подарки, подобающие «царскому величеству». Правитель отказался принять дары, кроме хлеба с солью, и милостиво позвал всех к царскому столу.

В Кремле патриарх проводил Годунова в Успенский собор и там благословил на царство во второй раз. Присутствовавшие

«здравствовали» правителя на «скипетроцарствия превзятии». По замыслу руководства Земского собора, богослужение в Успенском соборе, традиционном месте коронации государей, должно было окончательно утвердить Бориса на троне. Но к концу дня всем стало ясно, что торжественная церемония не достигла цели. Пробыв некоторое время в Кремле, Годунов долго совещался с патриархом с глазу на глаз, после чего объявил о намерении предаться посту и вернулся в Новодевичий под тем предлогом, что его сестра «бысть в велицей болезни».

Годунов не мог принять венец без присяги в Боярской думе. Однако старшие бояре не спешили с выражением верноподданнических чувств, что и вынудило правителя вторично удалиться из столицы «за город», в Новодевичий монастырь.

Неудача не смутила Годуновых. Ряды их сторонников росли день ото дня. В начале марта 1598 г. патриарх вновь вызвал к себе членов Земского собора.

Чтобы короновать Бориса, надо было предварительно провести общую присягу. Неудивительно, что деятельность мартовского собора сосредоточилась в значительной мере на вопросе о способе ее проведения. В своей речи патриарх просил присутствующих служить Борису верой и правдой, «как они крест целовали» и «как в целовальных записях написано».

После совещания провинциальные епископы получили от патриарха повеление созвать в главных соборах мирян и духовенство, прочесть им грамоту об избрании Годунова, а затем петь многолетие вдове-царице и ее брату в течение трех дней под колокольный звон. Позже в провинцию выехали эмиссары правителя: в Новгород Великий — думный дворянин князь Петр Буйносов, в Псков — окольничий князь Иван Гагин, в Смоленск — окольничий Семен Сабуров. Особое беспокойство у Годунова вызывал Казанский край, где засели его давние недоброжелатели — воевода Иван Воротынский и митрополит Гермоген. Чтобы преодолеть их сопротивление, Борис послал в Казань боярина князя Федора Хворостинина, который должен был «привести к кресту» тамошних дворян и население.

Все эмиссары Бориса занимали среди думных людей последние места. К тому же они не имели полномочий от Боярской думы. Но посланцы Годунова явились в провинцию не с пустыми руками. Раздача денежного жалованья дворянам стала немаловажным аргументом в избирательной борьбе.

Нет оснований сомневаться в самом факте присяги, проведенной весной 1598 г. Иной вопрос, удалось ли Годуновым придать ей всеобщий характер. На местах правительственная акция, по-видимому, не встретила больших препятствий. Про-

винция не привыкла противиться предписаниям центра. Но ее влияние на дело царского избрания было не слишком велико. Судьбу короны решала не провинция, а «царствующий град» Москва.

В течение марта правитель оставался в Новодевичьем монастыре и лишь изредка показывался в столице. Во время своих наездов он «с бояры своими о всяких земских делех и о ратных делех советоваше со всяцем великим прилежанием». 19 марта Борис впервые созвал Боярскую думу для решения накопившихся местнических тяжб, не терпевших отлагательств. Таким образом, Годунов приступил к исполнению функций самодержца. Но он не спешил расстаться с загородной резиденцией и долго откладывал переезд в государевы покои, опасаясь спровоцировать оппозицию на открытое выступление.

Чтобы облегчить Борису возвращение в Кремль, его приверженцы организовали третье по счету шествие в Новодевичий монастырь. Вместе с верными боярами Иов настойчиво просил Бориса не мешкая переехать в «царствующий град» и сесть «на своем государстве». В знак полной покорности просители стали перед правителем на колени и «лица на землю положиша». В ответ Годунов неожиданно объявил, что отказывается от трона («Царские власти паки отрицаешся со слезами и на престоле не хоташе сидети»).

Отказ Бориса побудил патриарха вновь обратиться к царице-иноке за указом. Старица Александра без промедления «повеле-ла» брату ехать в Кремль и короноваться. Свой указ бывшая царица облекла в самые недвусмысленные выражения. «Приспе время обещися тебе в порфиру царскую», — сказала она Борису. Новый ход годуновская партия хорошо рассчитала. Поскольку патриарх не мог короновать претендента без боярского приговора, а руководители думы продолжали упорствовать, необходимый боярский приговор был заменен указом постриженной царицы.

30 апреля Годунов во второй раз торжественно въехал в столицу. Церемония повторилась во всех подробностях. За Неглинной Бориса ждали духовенство и народ. Он выслушал службу в Успенском соборе, затем прошел в царские палаты и там, повествует официоз, «сяде на царском своем престоле». Некоторое время спустя патриарх велел прочитать перед Священным собором утвержденную грамоту об избрании Бориса, доказывавшую, что правитель сел на трон благодаря законному избранию и благословиению патриарха.

Грамота подробно описывала торжественную церемонию в Успенском соборе, и в особенности тот момент, когда патриарх

возложил на Бориса крест Петра-чудотворца, «еже есть начало царского государева венчания и скипетродержания». Очевидно, авторы документа пытались изобразить «поставление» Годунова в цари как свершившийся факт.

Переезд Годунова в царские апартаменты и попытки навязать думе утвержденную грамоту гальванизировали оппозицию. Ведущие бояре наконец осознали, что дальнейшее промедление отнимет у них последние шансы на учреждение в стране боярского правления. Длительное время думу парализовали внутренние разногласия. Щелкалову лишь ненадолго удалось преодолеть их. Когда канцлер вынужден был уйти в тень, его место заступил Богдан Бельский.

Знаменитый временщик Грозного обладал огромным опытом по части политических интриг и располагал исключительными финансовыми возможностями. Он вызвал в Москву множество вооруженных людей из всех вотчин и надеялся решающим образом повлиять на исход выборов. Последний законный душеприказчик царя Ивана считал, что его час пробил. И он в самом деле добился некоторого успеха. Известия об этом проникли в Литву.

Литовские разведчики донесли, что в апреле «некоторые князья и думные бояре, особенно же князь Бельский во главе их и Федор Никитич со своим братом и немало других, однако не все, стали советоваться между собой, не желая признать Годунова великим князем, а хотели выбрать некоего Симеона». Как видно, Бельскому удалось примирить претендентов на трон и уговорить их действовать сообща. Романовы временно отказались от трона в пользу Симеона, потому что их претензии не поддержала знать. Мстиславский высказался за Симеона, потому что тот доводился ему шурином.

Крещеный татарский хан Симеон по прихоти Грозного занимал некогда московский трон, а затем стал великим князем тверским. Годунов свел служилого «царя» с тверского княжения, и он жил в деревенской глуши в полном забвении. «Царская» кровь и благословение царя Ивана IV давали Симеону большие преимущества перед однородным Борисом. Симеон понадобился боярам, чтобы воспрепятствовать коронации Годунова. Знать рассчитывала сделать его послушной игрушкой в своих руках. Ее цель по-прежнему сводилась к тому, чтобы ввести боярское правление, на этот раз посредством подставного лица. Объединение антигодуновской оппозиции грозило начисто разрушить все старания правителя.

Борис не осмелился применить санкции против Боярской думы, но постарался помешать ее деятельности под предлогом

угрозы татарского вторжения. Москва располагала превосходной разведывательной сетью в Крыму и не могла не знать того, что хан готовит поход в Венгрию. Тем не менее военное ведомство с начала марта стало усиленно распространять сведения о близком вражеском нашествии. 1 апреля Разрядный приказ объявил, что крымская орда «часа того» движется на Русь. Нетрудно догадаться, кому понадобился ложный слух. В апреле Годунов готовился занять царский дворец. Опасаясь протеста со стороны боярской оппозиции, он старался привлечь общее внимание к вопросу о внешней опасности. В обстановке военной тревоги ему нетрудно было разыграть роль спасителя отечества и добиться послушания от бояр.

Попытки Бориса отрядить главных бояр на татарскую границу долго не удавались. После 20 апреля Годунов объявил, что лично возглавит поход на татар. К началу мая полки были собраны, а бояре поставлены перед выбором. Им предстояло либо занять высшие командные посты в армии, либо отказаться от участия в обороне границ и навлечь на себя обвинения в измене. В такой ситуации руководство Боярской думы предпочло на время подчиниться. Борис добился своей цели и мог торжествовать.

Отдав приказ о сборе под Москвой всего дворянского ополчения, Годунов в начале мая выехал к полкам на Оку. Прибыв в ставку, он удостоил воинство выдающейся чести — велел «спросить о здоровье» дворян, стрельцов, казаков, всяких ратных людей.

Правителю не пришлось отражать неприятельское нашествие, тем не менее он пробыл на Оке два месяца. При нем находились вызванные из Москвы архитекторы и строители. Они воздвигли на берегу Оки целый город из белоснежных шатров с невиданными башнями и воротами. В этом городе Борис устроил поистине царский пир по случаю благополучного окончания своего предприятия.

В Серпухове Годунов добился больших дипломатических успехов. Крымские послы, явившиеся с предложением о мире, признали за ним царский титул. Английская королева официально поздравила его с восшествием на престол.

Серпуховский поход стал решающим этапом избирательной кампании Бориса Годунова. Шум военных приготовлений помог заглушить голос оппозиции. Раз подчинившись правителю, бояре стали обращаться к нему за решением своих местнических тяжб и тем самым признали его высший авторитет. Со своей стороны Борис постарался удовлетворить самолюбие главных противников, вверив им командование армией.

Годунов не жалел усилий, чтобы завоевать на свою сторону симпатии всей массы уездных дворян и ратных людей. Он щедро потчевал их за «царским столом», а затем велел раздать денежное жалование. Борис добился признания со стороны дворянского ополчения, потому что его политика закрепощения крестьян и освобождения барской запашки от государевых податей отвечала чаяниям и нуждам феодального сословия в целом.

Энтузиазм провинциальной служилой мелкоты помог Борису преодолеть колебания в среде столичного дворянства. Как только провинция сыграла свою роль, ей пришлось отступить в тень. С окончанием серпуховского похода правитель немедленно распустил по домам «детей боярских всех московских городов» и ратных людей, а всем столичным чинам — «боярам, и окольничим, и приказным людем, и столникам, и стряпчим, и жилцам, и дворянам болшим, и дворянам из городов всем» — указал идти к Москве. Столичные чины, включая «городовой выбор» (власти периодически комплектовали «выбор» из «лучших» провинциальных дворян), несли службу в Москве, а потому их и вызвали в «царствующий град».

Возвращение высших дворянских чинов в столицу создало потенциальную возможность для возобновления работы представительного Земского собора. Однако трудно сказать, в какой мере власти использовали эту возможность. Предположение о том, что летом 1598 г. деятельность избирательного собора вступила в решающую фазу, опирается главным образом на дату — 1 августа — в тексте утвержденной грамоты последней редакции. Однако подложность этой даты выяснена выше.

Патриарх Иов ждал возвращения Годунова из серпуховского похода и тщательно готовился к этому торжественному моменту. К июлю канцелярия завершила сбор подписей под текстом майской утвержденной грамоты. В списках членов Священного собора, составленных в мае 1598 г., значилось 115 лиц. К лету документ скрепили своими подписями 126 иерархов, многие из которых не числились в начальном списке. Грамоту подписали сразу два игумена Снетогорского монастыря, два вяжецких игумена и т. д. Очевидно, ни списки, ни подписи утвержденной грамоты не отражали реального состава собора на какой-то один период времени.

Провинциальные церковники подписывали грамоту по мере их приезда в Москву. Со столичным духовенством дело обстояло иначе.

Согласно перечню, у «утвержденной грамоты» были 19 старцев из столичных соборов и монастырей. Ничто не мешало властям отобрать подписи у этих лиц, находившихся по большей

части в Кремле. Почему же шестеро из них не подписали грамоту? Почему на грамоте нет руки благовещенского протопопа, исполнявшего роль царского духовника? Может быть, протопоп отказался скрепить грамоту об избрании Бориса либо фактически не был приглашен на патриарший собор? Не является ли все это косвенным указанием на то, что патриарху не удалось добиться полного послушания даже от кремлевского духовенства?

Патриарх привлек для удостоверения майской грамоты не только князей церкви и настоятелей главных монастырей, но и несколько десятков монахов и священников, никогда прежде не участвовавших в деятельности Священного собора. На избирательном соборе присутствовало множество второстепенных лиц, но зато отсутствовали некоторые самые известные и влиятельные иерархи. В июле патриаршая канцелярия пыталась объяснить этот факт тем, что она составила списки не по степенным книгам (их не нашли в спешке), а по «памяти». Такому наивному объяснению никто не поверил. В самом деле, как могли власти запомнить о казанском митрополите Гермогене и его архимандритах? В официальной иерархии Гермоген считался третьим лицом после патриарха. Но его не пустили в Москву из-за нелояльного отношения к Борису. В июле Иов выступил с неопределенным обещанием насчет того, что Гермоген и его помощники получат возможность подписать «утвержденную грамоту», когда царь Борис сочтет нужным вызвать их к себе.

Вековой обычай предписывал приводить к присяге в зале заседания высшего государственного органа — Боярской думы. Церемонией могли руководить только старшие бояре. Дума цепко держалась за старину. Но Борис не посчитался с традицией и провел присягу не в думе, где у него было слишком много противников, а в церкви, где распорядился преданный Иов.

Москва целовала крест царю «в пору жатвы», т. е. в конце июля — августе. Участник церемонии Иван Тимофеев рассказывает, что собравшиеся в Успенском соборе москвичи громко выкрикивали слова присяги, так что от их воплей не слышно было молитв и приходилось затыкать уши. По словам того же автора, население собралось в соборе потому, что боялось послушаться грозного предписания.

Текст летней присяги разительно отличался от мартовского текста. Весною власти многословно убеждали подданных в законности избрания Бориса. Теперь они ограничились лишь пространством перечнем обязанностей подданных по отношению к

«богоизбранному» царю. Подданные обещали «ни думати, ни мыслити, ни семьитись (не родниться семьями), ни дружитись, ни ссылатись с царем Семионом» и немедленно выдать Борису всех, кто попробует «посадити Семиона на Московское государство». В этом пункте, отсутствовавшем в мартовском тексте, заключался основной политический смысл нового акта. Ловким ходом Годунов окончательно разрушил планы оппозиции, замышлявшей передать трон «царю» Семиону. Летняя присяга аннулировала постановление Боярской думы об избрании Семена.

Новые пункты присяги призваны были убедить всех, что Годунов намерен водворить в стране порядок и справедливость. Чиновники клялись, что будут судить без посулов, «в правду».

Вступая на трон, Борис испытывал крайний испуг перед тайными злоумышлениями бояр и прочих недоброжелателей. Всяк подданный должен был клятвенно обещать не учинять лиха царской фамилии. Годунов, казалось бы, предугадывал грядущие потрясения и старался оградить от них себя и свою семью. Присягавшие принимали обязательство «не соединяться на всякое лихо и скопом и заговором (на семью Годуновых.— Р. С.) не приходить».

Подготовляя почву для коронации, власти 1 сентября организовали четвертое по счету торжественное шествие в Новодевичий монастырь с участием духовенства, бояр, гостей, приказных людей и жителей столицы. В итоге нового «моления» Борис, заранее прибывший в Новодевичий, милостиво согласился венчаться царским венцом «по древнему обычаю».

Два дня спустя Годунов наконец короновался в Успенском соборе в Кремле. По случаю коронации царь пожаловал высшие боярские и думные чины многим знатным лицам. В числе удостоенных особых милостей были Романовы и Бельский. Бояре получили гарантии против возобновления казней. Государь дал тайный обет не проливать кровь в течение пяти лет. При этом он постарался, чтобы его обет ни для кого не остался секретом.

После коронации положение Годунова, однако, оставалось довольно шатким. Не случайно в начале января 1599 г. в Польшу и Ливонию стали циркулировать упорные слухи о том, что царь Борис убит своими подданными. Король Сигизмунд получил известие об этом сразу из трех источников. Из Орши ему сообщали, будто Годунова убил «некий царек». Из Вильны ему писали, что во время аудиенции в кремлевском дворце Борис ударил посохом одного из Романовых, за что тот поколол его ножом. Вести оказались недостоверными, но в них слышался отзвук продолжавшихся раздоров между Годуновым и знатью.

Политическая ситуация в Москве лишена была стабильности, и в Кремле вновь вспомнили об «утвержденной грамоте». После коронации апрельский текст, служивший предвыборным памфлетом, окончательно устарел. Царской канцелярии пришлось немало потрудиться, чтобы составить новый текст, радикально отличавшийся от старого. Борис приказал переписать грамоту о своем избрании в двух парадных экземплярах. Первый был запечатан золотыми и серебряными печатями и сдан на хранение в казну, второй попал в патриаршую ризницу в Успенском соборе. Из усердия Иов велел вскрыть гроб чудотворца Петра в Успенском соборе и вложил в него свой экземпляр.

В самом конце 1598 г.— начале 1599 г. власти создали в Москве Земский собор и представили ему на рассмотрение новую утвержденную грамоту. Законность нового собора не вызывала ни малейшего сомнения. В полном соответствии с соборной практикой XVI в. его члены были назначены самим правительством. На соборе присутствовали как сторонники, так и бывшие противники Годунова. Таким образом, новый собор обладал достаточной представительностью.

Помимо членов думы правительство привлекло для участия в новом соборе значительную часть столичного дворянства, высшие дворцовые чины, стольников, стряпчих, жильцов, приказную бюрократию, стрельцких голов. Цвет столичной знати и служилые верхи были представлены на соборе с исключительной полнотой. Что касается провинциального дворянства, то его представлял на соборе «выбор из городов». На собор попали, однако, не все находившиеся в Москве «выборные» дворяне, а лишь половина из них. Грамоту подписали также несколько детей боярских из Новгорода Великого, Ржева и Белой. По своему положению эти люди стояли столь невысоко, что их подписи затерялись среди подписей купцов и посадских старост. Участие новгородцев в соборе не планировалось заранее: их имена не значатся в соборных списках. Но в отличие от прочих дворян провинциальные дети боярские расписались не только за себя, но за все уезды, которые они представляли. Подписи двух новгородских помещиков удостоверили участие в царском избрании служилого Новгорода.

После коронации власти не искали поддержки у «всенародного множества». Тем не менее они пригласили на Земский собор многих богатых купцов и посадскую администрацию столицы. В списках собора значились 22 гостя и два гостиных старосты, а также 14 сотских, возглавлявших тяглые «черные» сотни Москвы. Купцы скрепили грамоту своими руками, за некоторых сотских расписались горожане. Присутствие «чер-

ных» тяглых людей придавало собору подлинно земский характер.

Члены последнего Земского собора подписали утвержденную грамоту уже после того, как Борис прочно сел на царство. Следовательно, они не обсуждали вопрос, кого избрать на трон. У них попросту не оставалось выбора. По-видимому, все функции собора свелись к тому, что его участники выслушали текст «утвержденной грамоты» и поставили подпись на документе, заведомо ложно излагавшем историю воцарения Годунова. Подписание грамоты заняло продолжительное время, но властям так и не удалось добиться соответствия между перечнями и подписями членов собора. В конце концов невозможно решить, кто из них присутствовал на соборе в самом деле, а кто расписался на соборном приговоре задним числом. «Утвержденная грамота» 1599 г. имела значение своего рода поручной записи. Ее списки четко очертили тот круг лиц, от которых Борис требовал особых доказательств лояльности. К нему принадлежали бояре, столичные чины и вся столичная знать, высшие церковные иерархи и верхушка посада.

Критический разбор источников позволяет заключить, что избирательный собор Годунова в ходе политической борьбы многократно менял свои формы и состав. Ранние соборные совещания, опиравшиеся на городское население, уступили место традиционному Земскому собору, возглавленному Боярской думой и знатью. Собор 1598—1599 гг. сыграл важную роль в истории сословно-представительных учреждений в России.

Многовековое господство боярской аристократии определило политическую структуру Русского государства. Традиции воздвигли на пути Бориса к высшей власти непреодолимые преграды. Междоусобица грозила в любой момент разрешиться смутой. Но Годунову удалось избежать потрясений, ни разу не прибегнув к насилию. В искусстве политических комбинаций он не знал себе равных. Найдя опору в дворянской массе и среди столичного населения, Борис без кровопролития сломил сопротивление знати и стал первым «выборным» царем.

КРИЗИС ВЛАСТИ

редметный урок, полученный Борисом в дни избирательной кампании, не пропал даром. Годунов четко уяснил, что будущее основанной им новой династии зависит от знати. По этой причине он старался заручиться поддержкой бояр. Свидетельством тому служили щедрые пожалования им чинов и денежного жалования. Княжеская аристократия, казалось, вновь обрела то влияние, которым пользовалась в былые времена.

Борис сохранил пост главы думы за удельным князем Федором Мстиславским. Самое высокое положение в его думе занимали бояре князя Василий, Дмитрий, Александр и Иван Шуйские.

После опричнины князя Ростовские на тридцать лет лишились боярских чинов. Борис пожаловал высшие думные чины Михаилу Катыреву-Ростовскому и Петру Буйносову-Ростовскому. После многолетних унижений Ростовские попытались «пересидеть» Мстиславских и Шуйских и вернуть себе первенство в думе. Стародубские князья, изгнанные в свое время из думы, снова появились там. Василий Хилков получил чин окольничего.

Опричина сломала могущество князей Оболенских. Борис произвел в бояре Федора Ноготкова-Оболенского и использовал его блестящую родословную, чтобы подорвать местнические претензии Романовых.

Князь Андрей Куракин немало повредил Годунову в первые годы его правления, за что поплатился долгой ссылкой. После коронации Бориса он стал заседать в думе в боярском чине. Годунов не доверял князьям Голицыным, тем не менее произвел в бояре Василия Голицына.

Скупее Борис жаловал чинами старомосковскую нетитулованную знать — Морозовых, Салтыковых, Шеиных, Романовых, Шереметевых, Бутурлиных. (В XVIII в. некоторые из них

получили графский титул от Петра I и его преемников.) Исключение Борис сделал лишь для своей многочисленной родни. За Годуновыми в думу, как помним, потянулись Сабуровы и Вельяминовы. Несмотря на родство с царем, младшие из его «братии» заняли в думе сравнительно скромные посты. Годунов старался доказать свое уважение к привилегиям аристократии.

Получив высшую власть, Борис не вернул думным дворянам того влияния, которым они пользовались при Грозном. Число думных дворян при нем было невелико, а их роль незначительна. Бывшие сподвижники Годунова по опричнине рассчитывали на то, что его воцарение перевернет вверх дном устоявшуюся систему местнических отношений, но их надежды развеялись вмиг. Когда Полевы и Пушкины дерзко «заместничали» с «великими» Салтыковыми, их сразу одернули и примерно наказали.

После пятнадцати лет правления Годунов не страшился открытых выступлений и готов был подавить их силой. Но, подверженный суевериям, он чувствовал себя беззащитным перед тайными кознями. Чтобы спастись от «порчи», Борис обязал подданных клятвой на кресте «царя, царицу и детей их на следу никаким ведовским мечтанием не испортить, ведовством по ветру никакого лиха не посылать», «людей своих с ведовством, со всяким лихим зельем и кореньем не посылать, ведунов и ведуней не добывать на государское лихо».

Уже в первые годы царствования Бориса в Москве произошло несколько «колдовских» процессов. Первым заподозрен был в нарушении клятвы боярин Шуйский. В государственном архиве хранилось «дело доводное — извещали княж Ивановы Ивановича Шуйского люди Янко Иванов сын Марков и брат его Полуехтко на князя Ивана Ивановича Шуйского в коренье и в ведовском деле». Дворяне Марковы занимали видное положение в свите Шуйских, и власти дали делу ход. Борис получил повод к расправе со всем родом Шуйских. Но он предпочел проявить снисхождение. Иван Шуйский избежал опалы и даже не был отставлен от службы. Боярина спасло то, что он принадлежал к верхам титулованной знати и не выступал против Бориса в дни междоусобия.

При коронации Борис обещал править милостиво и никого не казнить. Его добрые намерения не осуществились. Героем первого политического процесса стал близкий родственник нового царя Богдан Бельский.

Летом 1599 г. Бельский возглавил военную экспедицию на Северский Донец. Власти поручили ему основать близ Азова

новую крепость, получившую претенциозное название Царев-Борисов.

Воевода отправился в поход в сопровождении многочисленного «двора» и с огромным обозом продовольствия, собранного в собственных вотчинах. В подчинении Бельского находилось 3 тыс. дворян, стрельцов и казаков. Всю эту армию воевода щедро жаловал деньгами и платьем, поил и кормил из своих запасов. Он добивался популярности и достиг цели: слухи о его щедрости распространились по Москве, и ратные люди повсюду хвалили его.

Забыв об осторожности, Богдан Бельский без всякого уважения отзывался о Борисе, при этом он заявлял: «Пусть Борис Федорович царствует на Москве, а я теперь царь в Цареве-Борисове». Служилые иноземцы поспешили донести о его крамольных речах. Правительство переполошилось, отозвало Бельского из армии и отдало его под суд. После допроса свидетелей суд признал воеводу виновным. Бельский избежал тюремного заключения и казни, но для него изобрели наказание особого рода. «Мятежника» выставили к позорному столбу и лишили чести, выщипав волос за волосом всю его длинную бороду. Богдан Бельский потерял думный чин и отправился в ссылку в Нижний Новгород. Знать со злорадством наблюдала за унижением бывшего опричного временщика.

Жертвой гонений стал не один только Бельский. На протяжении двух-трех лет все, кто активно противился избранию Бориса, либо подверглись прямой опале, либо были понижены в чинах.

Наибольшим преследованиям подверглась семья бояр Романовых. Их дело началось совершенно так же, как и дело Ивана Шуйского. Дворянин Второй Бартенев, служивший в казначеях у Александра Романова, подал царю извет на своего боярина. Он сообщил, будто Романов хранит у себя в казне волшебные коренья и хочет «испортить» царскую семью. Подлинные документы о ссылке Романовых подтверждают, что они стали жертвами «колдовского» процесса. В них процитирована такая речь пристава, обращенная к закованному в железо Романову: «Вы, злодеи-изменники, хотели царство достать ведовством и кореньем». Телохранитель Бориса Конрад Буссов также отметил, что опальных Романовых обвинили в намерении известить царскую семью.

Русские источники дают лишь приблизительные сведения о времени падения Романовых. Заполнить этот пробел помогает вновь найденный источник — дневник польского посольства в Москве.

Полный текст дневника, по-видимому, утерян, однако в Рукописном отделе Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится фрагмент его немецкой копии. Наибольший интерес представляет дневниковая запись, датированная 26 октября (2 ноября) 1600 г.

«Этой ночью, — записал один из членов посольства, — его сиятельство канцлер сам слышал, а мы из нашего двора видели, как несколько сот стрельцов вышли ночью из замка (Кремля. — *Р. С.*) с горящими факелами, и слышали, как они открыли пальбу, что нас испугало». Польские послы наблюдали за нападением правительственных войск на подворье Романовых. «Дом, в котором жили Романовы, — продолжал автор дневника, — был подожжен; некоторых (опальных. — *Р. С.*) он (Борис. — *Р. С.*) убил, некоторых арестовал и забрал с собой...»

Польские послы получили не вполне точную информацию относительно судьбы Александра Романова, будто бы казненного десять дней спустя. В действительности этот боярин стал главным обвиняемым в затеянном властями «колдовском» процессе.

По царскому приказу особая боярская комиссия во главе с Михаилом Салтыковым произвела обыск на захваченном подворье и обнаружила в казне Александра волшебные корешки. Найденные улики были доставлены на патриарший двор, где собрались Боярская дума и высшее духовенство. В присутствии их царь велел Салтыкову раскрыть принесенные мешки и «корение из мешков выкласти на стол».

В Боярской думе у Романовых нашлось много противников. Окольничий Салтыков непосредственно участвовал в следствии об их измене. Боярин князь Петр Буйносов-Ростовский распорядился на опальном дворе Федора Романова после его ареста. Во время разбора дела в думе бояре, по словам близких к Романовым людей, «аки зверие пыхаху и кричаху». Будучи в ссылке, Федор Романов с горечью говорил: «Бояре-де мне великие недруги, искали-де голов наших, а я-де сам видел то не однажды». Романовы имели все основания жаловаться на знать, заседавшую в Боярской думе. Княжеская аристократия давно выражала недовольство чрезмерным возвышением Романовых и теперь помогла Борису избавиться от них.

Братьев Романовых обвинили в тягчайшем государственном преступлении — покушении на жизнь царя. Наказанием за такое преступление могла быть только смертная казнь. Борис долго колебался, не зная, как ему поступить с Никитичами. Опальные оставались в столице в течение нескольких месяцев. Наконец их судьба решилась. Федора Романова постригли в монахи и

заточили в отдаленный северный монастырь. Его младших братьев отправили в ссылку.

Александр, Михаил, Василий Романовы умерли в изгнании. Их смерть поспешили приписать тайному указу царя. На самом деле удивительна была не погибель ссыльных, а то, что некоторые из них уцелели. Осужденных кормили скудной пищей и везли за тысячи верст в Сибирь либо на берег Студеного моря при совершенном бездорожье, в тяжких цепях, нередко в лютые морозы.

Судьба Федора Романова служит веским доводом против предположения, будто Борис намеренно использовал ссылку, чтобы без шума уничтожить своих противников. Старший из Никитичей был главным претендентом на трон, но его Годунов отправил не в ссылку, а в монастырь. Вышло так, что монашеский куколь спас жизнь Федору Никитичу, но отнял у него шансы на обладание тронном. Надеть на себя корону расстрига не мог. Борису этого было достаточно.

Царь подверг подлинному разгрому романовскую партию в Боярской думе. Первым пострадал боярин князь Федор Шестунов, чей слуга донес властям на его злоумышления. Царь щедро наградил доносчика, но не стал наказывать престарелого боярина. Шестунов умер под домашним арестом своею смертью до опалы Романовых. Если бы он кончил жизнь в тюрьме или изгнании, Борису непременно приписали бы еще одно убийство.

Зять Федора Никитича, боярин князь Борис Черкасский, попал в тюрьму на Белоозеро. Он давно болел и умер в тюрьме довольно скоро. Другой зять Романовых, князь Иван Сицкий, угодил в монастырь. Опале подверглись князь Александр Репнин и дворяне Карповы.

После воцарения Романовых летописцы не пожалели красок, чтобы расписать злодеяния Годунова и представить членов опальной семьи в ореоле мученичества. Из летописей драматические эпизоды перекочевали и на страницы исторических и литературных произведений. Один из героев трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» осудил весь режим и образ правления Годунова словами:

...Он правит нами,
Как царь Иван (не к ночи будь помянут).
Что пользы в том, что явных казней нет...
Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы,
А там — в глуши голодна смерть иль петля.

В действительности методы управления Годунова мало напоминали методы управления царя Ивана. Даже в самые критические моменты Борис избегал кровопролития, а его опалы отличались кратковременностью. Судьба Романовых может служить тому примером. Через несколько месяцев после суда Борис распорядился смягчить режим заключения опальных, вернул из ссылки Ивана Романова и нарядил следствие по поводу жестокого обращения приставов с больным Василием Романовым. Детям Федора Никитича и вдове Александра Никитича разрешили покинуть белозерскую ссылку и уехать в одну из родовых вотчин. Князя Иван Черкасский и Сицкие получили полное прощение и вернулись на службу. Филарета Романова царь велел содержать в Антониев-Сийском монастыре так, чтобы ему «не было нужи».

Бориса всегда подозревали в коварстве. Вступив на трон, он осыпал милостями своих наиболее опасных соперников. Александр Романов получил боярский чин, Михаил Романов и Богдан Бельский стали окольными. Не хотел ли он усыпить подозрения врагов, чтобы затем обрушить на их головы неожиданную царскую месть? Сколь бы правдоподобными ни казались такие предположения, они все же не согласуются с фактами. До сих пор от внимания исследователей ускользало обстоятельство, оказавшее заметное влияние на ход политической борьбы в годы царствования Годунова. Это обстоятельство — физическое состояние Бориса. Еще до коронации Бориса за рубеж стали поступать сведения о его тяжелой болезни. Один современник Годунова заметил, что тот царствовал шесть лет, «не царствуя, но всегда болезнуя». Врачи оказались бессильны исцелить его недуг, и царь искал спасения в молитвах и богомольях. В конце 1599 г. он не смог своевременно выехать на богомолье в Троицу, и его сын собственноручным письмом известил монахов, что причина задержки та, что батюшка его «недомогает». К осени 1600 г. здоровье Бориса резко ухудшилось. Один из членов польского посольства, составивший рифмованное повествование о путешествии в Москву, замечает, что властям не удалось утаить от всех болезнь царя и в городе по этому поводу поднялась большая тревога. После обсуждения дела в Боярской думе Бориса по его собственному распоряжению отнесли на носилках из дворца в церковь и показали народу, что он еще жив.

Слухи о близкой кончине Годунова искусственно возродили обстановку династического кризиса. Подготавливая почву для переворота, оппозиция распространяла в России и за рубежом слухи о болезненности и слабости наследника престола

царевича Федора. Находившиеся в Москве польские послы утверждали, будто у Годунова очень много недоброжелателей среди подданных, число строгостей против них растет день ото дня, но строгости не спасают положения. «Не приходится сомневаться, — писали поляки, — что в любой день там должен быть мятеж».

Становится понятным, почему в такой обстановке правительство выказало крайнюю тревогу по поводу действий Бельского и Романовых. Первый открыто добивался популярности в армии, вторые собрали в столице многочисленную вооруженную свиту. Польские послы потратили немало усилий на то, чтобы установить причины опалы Романовых. Собранная ими информация особенно интересна потому, что она исходила от москвитов, симпатизировавших родне царя Федора. «Нам удалось узнать, — читаем в польском дневнике, — что нынешний великий князь (Борис. — Р. С.) насильно вторгся в царство и отнял его от кровных родственников умершего великого князя Никитичей-Романовичей. Названные Никитичи-Романовичи усилились и, возможно, снова предполагали заполучить правление в свои руки, что и было справедливо, и при них было достаточно людей, но той ночью великий князь (Борис) на них напал».

Дневниковая запись раскрывает подлинные причины гонений на братьев царя Федора. Тяжелая и продолжительная болезнь Годунова подала Романовым надежду на то, что они вскоре смогут вновь вступить в борьбу за обладание короной. Малолетний наследник Бориса имел совсем мало шансов удержать трон после смерти отца. Новая династия не укоренилась, и у больного царя оставалось единственное средство ее спасения. Он постарался избавиться от претендентов на корону и отдал приказ о штурме романовского подворья.

Борису удалось потушить мгновенно вспыхнувший конфликт и стабилизировать политическую обстановку в стране.

Во внешних делах Годунов стремился достичь длительной мирной передышки и раздвинуть восточные пределы государства. Сибирский хан Кучум понес несколько поражений от царских воевод, после чего откопчал с Иртыша в Барабинские степи. В 1598 г. воеводы вновь построенного Тарского городка отправились по следам Кучума в глубь степи и подвергли разгрому его становища. Семья хана и множество его слуг попали в плен и были отосланы в Москву. Сибирское ханство перестало существовать. Ничто не препятствовало быстрому продвижению воевод на восток. С Иртыша и Оби русские сделали решительный шаг к устью Енисея.

Царь Борис старался поддерживать мирные отношения с Крымом и Турцией и искал мирного урегулирования дел с Речью Посполитой. Спор из-за Ливонии обострил противоречия между поляками и шведами и окончательно устранил возможность восстановления мощной антирусской коалиции. В 1601 г. Россия заключила двадцатилетнее перемирие с Речью Посполитой.

Сознавая, сколь необходимы России тесные хозяйственные и культурные связи с Западной Европой, Годунов деятельно хлопотал о расширении западной торговли. С помощью ганзейского города Любека он надеялся наладить морские сообщения через Ивангород — русский город на реке Нарове. Однако Швеция, располагавшая первоклассным флотом, разрушила эти замыслы. Ссылаясь на условия Тязинского договора, шведы блокировали Ивангород с моря.

Ради поощрения торговли с Западом Борис осыпал щедрыми милостями немецких купцов, некогда переселенных на Русь из завоеванных ливонских городов. Они получили от казны большие ссуды и разрешение свободно передвигаться как внутри страны, так и за ее пределами. Ливонцы должны были принести присягу на верность царю, и в дальнейшем их использовали не только в торговых, но и в политических целях. Для жителей Немецкой слободы снова открылась кирха в Кукуе.

Борис проявлял живой интерес к просвещению и культуре, к успехам западной цивилизации. При нем иноземцев в Москве было больше, чем когда-нибудь прежде. Борис любил общество иноземных медиков, обосновавшихся при дворе, и подолгу расспрашивал их о европейских порядках и обычаях. Новый царь зашел столь далеко в нарушении традиций, что сформировал из наемников-немцев отряд телохранителей.

Годунов сознавал необходимость развития просвещения в России. По свидетельству современников, он лелеял планы учреждения в Москве университета и школ, в которых преподавание вели бы ученые, приглашенные из-за рубежа. По словам К. Буссова, Годунов предполагал выписать знающих людей из всех главнейших европейских стран — Англии, Франции, Германии, Испании, Италии, с тем чтобы с их помощью наладить преподавание в Москве и обучить русских людей всем основным европейским языкам. Отпуская за рубеж разного рода иноземцев, царь нередко поручал им приискывать за рубежом ученых людей, которые согласились бы ехать в Москву.

Итальянец М. Бритий получил от Бориса «опасную грамоту» на проезд в Россию венецианских ученых — докторов, знающих

разные науки и согласных выехать в Россию, дабы «облагодетельствовать ее своими познаниями».

Некий Ганс Крамер, подданный императора австрийского, в 1600 г. ездил с аналогичным поручением в Прагу. Посетив ученого правоведа Тобиаса Лонциуса, Крамер сообщил ему о поручении царя привезти из немецких земель ученых людей и художников и в подтверждение показал ему несколько паспортов — «опасных грамот». Крамер настойчиво просил Лонциуса принять предложение царя, намеревавшегося «учредить в своем государстве школы и университеты». Когда Лонциус убедился в том, что намерения московского царя вполне серьезны, он направил в Москву обширное письмо, своего рода проект развития в России наук и художеств. Лонциус с полным основанием писал, что для развития наук в России надо не только отыскать и пригласить ученых, но и оказать им почет и помощь, «не опасаясь при том расходов».

Переговоры с Лонциусом не были доведены до конца. Им помешали бедствия, обрушившиеся на страну в период трехлетнего голода.

Борис предпринимал настойчивые попытки вызова в Россию западных специалистов. Завязав переговоры с Любеком, царь немедленно направил туда своего агента Р. Бекмана. В наказе Бекману значилось: «Посланы с ним опасные грамоты суконным мастерам, рудознатцам, которые умеют находить руду золотую и серебряную, часовникам: так ему промышлять накрепко, чтоб мастеровые люди ехали к царскому величеству своим ремеслом послужить».

Приглашая иностранных специалистов в Россию, Борис использовал методы личной дипломатии. Он прибегал к посредничеству частных лиц, реже вел переговоры с западными властями. Дело в том, что власти пограничных с Россией государств, опасаясь усиления ее военного могущества, слишком часто чинили помехи мастерам, пытавшимся пробраться в Москву. Даже медики, следовавшие в Россию, принуждены были выдавать себя за купцов, оставляли на родине всякого рода медицинские книги, опасаясь разоблачения на границе.

Лишь Англия, ценившая торговые привилегии, предоставленные ее купцам в России, неизменно оказывала помощь Москве в отношении специалистов. В 1600 г. из Англии в Москву прибыли трое ювелиров, в 1603 г. — опытные архитекторы и каменщики. Тогда же в Россию вторично приехал Френшэм, основавший одну из первых московских аптек во времена Ивана Грозного. Аптекарь привез с собой всевозможные лечебные травы

и другие препараты, включая шесть видов сахара, неизвестного тогда в России, семь видов «спиритуса», девять видов масел, всякого рода травы и кору.

Внутри России проекты учреждения университета и приглашения западных ученых неизменно наталкивались на сопротивление духовенства. Руководство православной церкви упорно не желало допустить в Москву иноверных ученых людей и доверить им дело образования и воспитания русской молодежи. По словам современников, монахи говорили, что земля Русская велика и обширна и ныне едина в вере, в обычаях и в речи: если же и иные языки, кроме родного, появятся среди русских, то в стране возникнут распри и раздоры.

Не имея возможности пригласить с Запада видных ученых, московские власти в ряде случаев довольствовались приглашением студентов из различных западных университетов.

С первых лет царствования Бориса в правительственных кругах обсуждались проекты посылки на Запад русских студентов. В 1600 г. при обсуждении проекта унии России и Речи Посполитой польские дипломаты предложили включить в договор следующий пункт: «Свободно посылать в обе стороны для обучения юношей, как москвитов к нам, так и наших в Москву». В ходе переговоров русские выразили согласие на то, чтобы после заключения договора разрешить русским посылать детей в Речь Посполитую «в службу и в науку».

В связи с развитием русско-английских торговых и дипломатических отношений возник замысел обмена учащимися в целях подготовки знающих переводчиков. План был осуществлен благодаря усилиям Д. Мерика, агента торговой компании. В 1600 г. в Лондон с Мериком выехали двое иностранных студентов, обучавшихся русскому языку в Москве. Через два года русские власти направили в Англию четырех русских студентов «для науки розных языков и грамотам».

Царь Борис сам представил Мерику русских учащихся и просил королеву, чтобы им позволено было получить образование и при этом сохранить свою веру. Мерик согласился взять на себя «заботу о их воспитании».

Для посылки за рубеж были отобраны Никифор Алферьев сын Григорьев, Софон Михайлов сын Кожухов, Казарин Давыдов, Федор Семенов Костомаров. По-видимому, эти молодые люди были отобраны из семей дьяков и приказных. Московские приказные люди принадлежали к наиболее образованной части русского общества. По своему положению они принадлежали к детям боярским.

Личное обращение царя к королеве возымело действие.

В Лондоне студентам из Москвы оказан был наилучший прием. 4 ноября 1602 г. Д. Чемберлен сообщил, что прибывшие юноши будут обучаться английскому языку и латыни и с этой целью их предполагается определить в различные школы, как-то: Винчестер, Итон, Кэмбридж, Оксфорд. Перед русскими «робятами» открылись двери лучших учебных заведений Англии.

Год спустя московское правительство решило направить за рубеж вторую группу учащихся. На этот раз местом обучения была избрана Германия. После успешных переговоров с царем послы города Любека в июне 1603 г. выехали на родину. В пути к ним присоединились пять студентов, имевших при себе грамоту от Бориса Годунова. Царь просил послов представить русских учащихся городскому совету в Любеке и поместить в школу для обучения немецкому и латинскому языкам. Царь выразил пожелание, чтобы русские юноши оставались в православной вере и не забывали русских обычаев, и сообщал, что берет на себя все расходы на их содержание.

В ответном письме царю послы обещали, что московских учащихся поместят в учебные заведения в Любеке и они будут там под присмотром добрых и почтенных людей.

Учителя немецкой школы в Москве располагали достоверными сведениями о начинаниях Годунова в области просвещения. С их слов К. Буссов записал сведения о том, что русские студенты были посланы не только в Англию и Любек, но и во Францию. Один студент Игнатий Андреев сын Кучкин был направлен «из Москвы ис Посольского приказу в Цесарскую землю (владения австрийских Габсбургов.— Р. С.) для науки цесарскому языку и грамоте».

Судьба русских студентов за рубежом сложилась неудачно. В России наступила Смута, Борис Годунов умер, и царская казна перестала отпускать средства на содержание русских учащихся за рубежом. Зброшенные на чужбину молодые люди принуждены были искать свои пути в жизни. Лишь немногим после долгих странствий и мытарств удалось вернуться на родину. Прошло пятнадцать лет, прежде чем упомянутый выше И. А. Кучкин вышел на Русь из шведского плена. При расспросе в Посольском приказе он показал, что «в ученье он был в Цесарской земле и в Любках восемь лет, и в прошлом же во 119 (1610—1611) году поехал из Цесарской земли, научась языку и грамоте, опять к Москве, и на море, де, ево переняли ис Колывани свейские люди». После долгих мытарств в Стокгольме Кучкину в конце концов удалось вернуться на родину.

При Годунове власти проявили исключительную заботу о

распространении книгопечатания, вследствие чего в нескольких русских городах были открыты новые типографии. Борис вынашивал планы учреждения в России школ и даже университета по европейским образцам.

Годунов проявлял исключительную заботу о благоустройстве столицы, строительстве и укреплении пограничных городов. При нем в жизнь Москвы вошли неслыханные ранее технические новшества. Русские мастера соорудили в Кремле водопровод с мощным насосом, благодаря которому вода из Москвы-реки поднималась «великой мудростью» по подземелью на Конюшенный двор. Заимствовав псковский опыт, Борис устроил первые в столице богадельни. В Кремле, подле Архангельского собора, он приказал выстроить обширные палаты для военных приказных ведомств, в Китай-городе, на месте сгоревших торговых рядов, — каменные лавки. Мастера заменили старый, обветшавший мост через Неглинную новым, широким, по краям которого располагались торговые помещения. На Красной площади выросло каменное Лобное место с резными украшениями и решетчатой дверью.

Строительство превратилось в подлинную страсть Годунова. По его приказу мастера надстроили столп колокольни Ивана Великого и приступили к возведению грандиозного собора «Святая святых», призванного украсить центральную площадь Кремля. Модель собора была готова, и строительные материалы свезены на площадь. Смерть Бориса, однако, помешала осуществлению его замысла.

Благодаря покровительству Годунова развернулся талант замечательного русского архитектора Федора Коня. Под руководством Коня русские строители опоясали Китай-город мощными укреплениями. На Красной площади, подле старой кремлевской стены, вдоль рва, поднялась вторая, зубчатая стена. Федор Конь руководил возведением каменного города в Астрахани и грандиозных крепостных сооружений в Смоленске. Борис сам заложил смоленскую крепость, в сооружении которой участвовали «все города Московского государства». Крепость, снабженная 38 башнями, стала самым мощным оборонительным форпостом на западных рубежах страны.

Как истинный сын своего времени, Годунов сочетал интерес к просвещению с верой в чудеса. Впрочем, в те времена этому была подвержена не только Россия, но и Западная Европа. Усомнившись в искусстве врачей, Борис искал помощи у колдунов и знахарей. Еще чаще он прибегал к средству, на которое всегда уповали благочестивые люди Древней Руси: усердно молился и ездил на богомолье в святые места. Благочестие

сослужило правителю плохую службу. Однажды, отчаявшись, он велел напоить больного сына «святой» водой и в сильную стужу отнес его в храм Василия Блаженного. Так умер первенец Бориса, который со временем мог наследовать трон.

Несколько любопытных штрихов к биографии Годунова прибавляет история с женихом царевны Ксении герцогом Гансом Датским. Призванный в Москву в 1602 г. герцог опасно занемог. Обеспокоенный Борис прислал к датчанину всех своих докторов, но четыре дня спустя неожиданно запретил им посещать больного и отменил все назначенные ими процедуры.

На основании этого эпизода летописцы возложили на Бориса ответственность за смерть герцога. Но их версия страдает многими несообразностями. Борис будто бы замыслил злое, узнав, что московские люди «всею землею зело» полюбили Ганса. На самом деле молодой лютеранин, всего месяц пробывший в Москве, не знавший языка и не общавшийся с населением, не пользовался среди москвичей и тенью популярности. Более того, дружбой с иноверцем царь немало повредил своей репутации. Распоряжения Годунова насчет лечения Ганса объяснялись достаточно просто. Видя бессилие медиков, столкнувшихся с неизвестной им желудочной инфекцией, царь положился на православного бога и велел раздать нищим богатую милостыню. Вслед за тем Борис лично посетил нареченного зятя и у его постели промолвил: «Да, немного понимают мои доктора в этой болезни». Тут же он пригрозил докторам, что им будет плохо, а толмач угодит на кол, если герцог умрет. Каждый раз при царском посещении у постели больного разыгрывалась одна и та же сцена. Борис рыдал, вместе с ним выли и кричали все бояре. В комнате стоял невообразимый шум. Один из членов датской свиты услышал и записал в дневник причитания царя. «Заплакала бы и трещина в камне, что умирает такой человек, от которого я ожидал себе величайшего утешения, — восклицал Борис. — В груди моей от скорби разрывается сердце».

Современники считали Бориса удивительным оратором. Люди, знавшие Годунова, восхищались его речами. От природы он наделен звучным голосом и даром красноречия, писал о правителе Горсей. Младший современник Бориса, Семен Шаховской, называл его человеком «вельми сладкоречивым».

Тем же писателям принадлежат лучшие словесные портреты Годунова. Англичанин отметил величественные манеры Бориса, красоту его лица и неизменную приветливость в обращении. По словам Шаховского, Борис «цвел благолепием» и «образом

своим множеством людей превзошел». Обладая несокрушимой волей, Годунов производил впечатление мягкого человека. В минуту душевного волнения на его глаза навертывались слезы. Годунов поражал современников своим постоянством в семейной жизни и привязанностью к детям. Перечисляя добродетели царя, русские писатели подчеркивали его отвращение к богомерзкому винопитию.

Даже враги, отдавая должное Годунову, писали, что он мог бы совершить много великих дел, если бы не помешали ему неблагоприятные обстоятельства. Такое мнение высказывали и иностранцы, и русские писатели. Конечно, чтобы вполне оценить ту или иную похвалу, надо представить, от кого она исходит. Почитатели Бориса были дворянами, которых особенно восхищала его щедрость к служилым людям.

В полной мере русские писатели оценили достоинства Бориса уже после Смуты, когда трон заняли его ничтожные преемники. Хотя и явились после Годунова другие умные цари, дипломатично замечал И. Тимофеев, но их разум был лишь тенью его разума.

Овладев короной, Борис навлек на свою голову негодование знати. Однако благодаря гибкой политике ему удалось сплотить верхи вокруг трона. Роковой для династии Годунова оказалась ненависть низов. Борис воздвиг трон на вулкане.

Глава 20

ГОЛОД

После смерти бездетного государя Федора Ивановича на трон был избран Борис Годунов. Его царствование началось благополучно. Но это было лишь видимостью. На страну легло бремя крепостничества. Крестьяне, холопы, горожане покидали обжитые места в центре и бежали на окраины, за пределы пограничных оборонительных линий — засек. В глубинах «дикого поля» — необжитых южных степях образовались казацкие общины, которые успешно вели борьбу с кочевниками. Отражая частые нападения со стороны татар, донские казаки продвинулись к устью Северского Донца и основали там свою столицу Раздоры. Успехи казацкой вольницы вызвали глубокую тревогу в московских верхах. Пока тихий Дон служил прибежищем для беглых, крепостной режим в центре не мог восторжествовать окончательно. Борис прекрасно понимал это, и его политика в отношении окраины отличалась решительностью и беспощадностью.

Шаг за шагом правительственные войска, продвигаясь вслед за казаками, строили среди «дикого поля» новые городки и укрепления. Степные воеводы верстали колонистов на службу и обязывали их пахать государеву пашню. На следующий год после коронации Борис послал в глубь казачьих земель крупные военные силы для основания города Царева-Борисова. Новая крепость отстояла уже на сотни верст от старых русских рубежей. Зато из нее открывались кратчайшие пути к Раздорам. Противостояние крепости с царским именем и казачьей столицы имело некий символический смысл. Название крепости показывало, что взаимоотношения с казачеством стали для Бориса не только предметом постоянного беспокойства, но и вопросом престижа.

Казачье войско не могло существовать без подвоза боеприпасов и продовольствия из России. Стремясь подчинить казачью вольницу, Годунов запретил продажу пороха и про-

довольствия на Дон и стал преследовать тех, кто нарушал строгий указ. Царь Борис сознавал, какую опасность таит в себе бурлящая окраина. Но предпринятые им попытки стеснить казачью вольность обернулись против него самого. Донские казаки поддержали восстание в пользу самозванца.

При вступлении на престол Борис торжественно обещал покончить с нищетой народа в своем царстве. После коронации он не раз повторял, что готов разделить с подданными последнюю рубашку. Иноземные послы считали, что Годунов помышляет об облегчении участи крестьян. Но какими бы ни были помыслы Бориса, они не получили осуществления на практике. Отмена Юрьева дня и проведение в жизнь указа о сыске беглых крестьян безмерно расширили власть феодальных землевладельцев над сельским населением. Дворяне все чаще вводили в своих поместьях барщину, повышали оброки. Крестьяне с трудом приспособлялись к новому порядку. Они мирились с временной отменой Юрьева дня, пока им сулили близкие «государевы выходные лета». Но шли годы, и население все больше убеждалось в обмане.

В начале XVII в. на Россию обрушились неслыханные стихийные бедствия, вызвавшие массовое разорение деревни. В дни холодного лета 1601 г. длительные дожди помешали созреванию хлебов. Ранние морозы довершили беду. Крестьяне использовали незрелые, «заблые», семена, чтобы засеять озимь. В итоге на озимых полях хлеб либо вовсе не пророс, либо дал плохие всходы. Посевы, на которые земледельцы возлагали все свои надежды, были погублены морозами в 1602 г. В 1603 г. деревне нечем было засеять поля. Наступил страшный голод.

По обыкновению цены поднимались к весне. Нечего удивляться, что уже весной 1601 г. хлеб стал дорожать. Через год цены на рожь — основной продукт питания русских людей — поднялись в 6 раз, а затем еще втрое. Не только малоимущие, но и средние слои населения не могли покупать такой хлеб.

Исчерпав запасы продовольствия, голодающие стали ловить и поедать кошек и собак, есть траву и липовую кору. Голодная смерть косила население по всей стране. Трупы умерших валялись по дорогам. В городах их едва успевали вывозить в поле, где закапывали в большие ямы. Только в Москве городские власти за время голода погребли на трех больших братских кладбищах 120 тысяч мертвецов. Эту цифру приводят такие осведомленные современники, как француз Жак Маржерет и русский писатель и монах Авраамий Палицын.

Правительство Бориса Годунова не жалело средств на борь-

бу с голодом. В Москве нуждающимся были розданы огромные суммы денег. Но деньги теряли цену день ото дня. Казенная копейка не могла более пропитать семью и даже одного человека. Между тем слухи о царской милостыне распространились по стране, и народ толпами хлынул в столицу, отчего голод там усилился. Борис провел розыск хлебных запасов по всему государству и приказал продавать народу зерно из царских житниц. Но запасы истощились довольно быстро. Немало хлеба, проданного по твердым ценам, все-таки попало в руки хлебных скупщиков. Новый царь, пытавшийся бороться с хлебной спекуляцией, даже велел казнить нескольких столичных пекарей, мошенничавших на выпечке хлеба. Но все это не очень помогло.

Меры правительства, может быть, и имели бы успех при кратковременном голоде. Повторный неурожай свел на нет все его усилия.

Городское население было малочисленным. Но при наличных запасах казна не могла прокормить даже горожан. Меры благотворительности не распространялись на деревню. Крестьянское население было предоставлено своей судьбе. Многие годы закрепощенные крестьяне жили надеждами на «государевы выходные лета». Своим указом о сыске беглых Борис нанес смертельный удар этим надеждам. Но три года спустя он выказал большую гибкость, временно отступив от принятого курса. 28 ноября 1601 г. страна узнала о восстановлении сроком на год крестьянского выхода в Юрьев день.

Не следует думать, что голод сам по себе мог привести к столь крутому социальному повороту. К осени 1601 г. последствия первого неурожая не обнаружили себя в полной мере. Население еще не исчерпало старых запасов. Трехлетний голод был впереди, и никто не мог предвидеть его масштабов. Годунов боялся не голода, а социальных потрясений, давно предсказанных трезвыми наблюдателями. Крестьянство оставалось немым свидетелем смены династии. Никто не думал спрашивать его мнение в деле царского избрания. Каким бы ничтожным ни выглядел царь Федор, народ верил ему. Администрация всех рангов сверху донизу правила его именем. Все ее распоряжения исходили от законного государя. Борис же не был прирожденным царем. Как мог он при этом претендовать на место «земного бога»? Неторопливый крестьянский ум не сразу сумел найти ответ на столь трудный вопрос. Борис постарался одним ударом завоевать привязанность сельского населения. Его указ как нельзя лучше отвечал такой цели. Именем Федора у крестьян отняли волю. Теперь Борис восстановил Юрьев день и взял на

себя роль освободителя. Его указ понятными словами объяснял крестьянам, сколь милостив к ним «великий государь», который «пожаловал во всем своем государстве от налога и от продаж (штрафов), велел крестьяном давати выход».

Боясь вызвать гнев знати, Борис сопровождал закон о восстановлении Юрьева дня множеством оговорок. Действие закона не распространялось на земли бояр, столичных дворян, князей, церкви. Жившие на этих землях крестьяне оставались крепостными. Право выхода получили лишь жители мелких провинциальных имений. Впрочем, речь шла не столько о выходе, сколько о свозе крестьян уездными дворянами. Можно было ожидать, что с восстановлением Юрьева дня крестьяне хлынут на земли привилегированных землевладельцев, имевших возможность предоставлять крестьянам большие ссуды и льготы. Правительство отвело эту угрозу, запретив богатым землевладельцам звать к себе крестьян. Что касается провинциальных дворян, то они получали право вывозить разом не более одного-двух крестьян из одного поместья. Такое распоряжение заключало в себе определенный экономический смысл.

При Борисе Годунове Россия впервые пережила общий голод в условиях закрепощения крестьян, что создало особые трудности для мелкокрестьянского производства. На протяжении века Юрьев день играл роль своего рода экономического регулятора. При неурожае крестьяне немедленно покидали помещиков, отказывавшихся помочь им, и уходили к землевладельцам, готовым ссудить их семенами и продовольствием. В условиях закрепощения небогатые поместья превращались в своего рода западню: крестьянин ни подмоги не получал, ни уйти прочь не имел права. Законы Годунова открыли перед крестьянами двери ловушки. В то же время они мешали предприимчивым дворянам свезти к себе из соседнего поместья многих крестьян, на подмогу которым у них не было средств.

Дворяне противились любым уступкам в пользу крепостных. Их бесчинства достигли таких масштабов, что при повторном издании закона о восстановлении Юрьева дня в 1602 г. власти внесли в него пункт против помещичьего самоуправства: «Сильно бы дети боярские крестьян за собой не держали, — гласил закон, — и продаж им некоторых не делали, а кто учнет крестьян грабити и из-за себя не выпускати, и тем от нас быти в великой опале». Словесные угрозы опалы не могли испугать дворян, коль скоро дело касалось доходов. Без крестьян мелкого помещика ждала нищенская сума. Со своей стороны, крепостническое государство не помышляло ни о каких серьезных санкциях против дворянской массы, составлявшей его социальную

опору. Попытки облегчить положение голодающей деревни, как видно, не удалась.

В 1603 г. закон о Юрьевом дне не был подтвержден. Борис Годунов признал неудачу своей крестьянской политики. Знать оценила меры царя, всецело отвечавшие ее интересам. Зато в среде мелкого дворянства популярность династии Годуновых стала быстро падать. Это обстоятельство немало способствовало успеху самозванца, вторжение которого развязало в стране гражданскую войну.

А. С. Пушкин вложил в уста Бориса Годунова горькие жалобы на неблагоприятность народа:

...Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать —
Но отложил пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,
Она любить умеет только мертвых...

В жизни Борису действительно не удалось завоевать народные симпатии, невзирая на всю его благотворительность.

Голод ожесточил население до крайних пределов. В разных концах страны появились вооруженные шайки. На больших дорогах от них не было ни проходу, ни проезду.

Самый крупный вооруженный отряд, возглавленный неким Хлопком, действовал почти у самых стен Москвы. А. А. Зимин предположил, что выступления низов в 1602—1603 гг. знаменовали начало крестьянской войны, которая сразу охватила многие уезды государства.

Документы Разрядного приказа — главного военного ведомства России — на первый взгляд подтверждали его предположение. На протяжении года — с сентября 1602 г. до сентября 1603 г. — власти направили, по крайней мере, два десятка дворян в такие города, как Владимир, Рязань, Вязьма, Можайск, Волоколамск, Коломна, Ржев, поручив им борьбу с действовавшими там разбойниками. Возникла мысль о том, что выступления «разбоев» в разных уездах были частью общего движения, апогеем которого стали действия Хлопка в окрестностях столицы. По имени предводителя движение получило название восстания Хлопка.

Критический анализ источников начисто разрушает эту картину. Истину удалось обнаружить благодаря несложному приему — проверке служебных назначений дворян, боровшихся с разбойниками. Оказалось, что дворяне выезжали в разные города на короткое время и тотчас возвращались в Москву. Их

поездки начались в сентябре 1602 г. и не имели никакого отношения к «восстанию Хлопка» осенью 1603 г.

Как раз в этот период страна переживала голод. К 1602—1603 гг. бедствие достигло неслыханных масштабов. Надеясь на помощь казны, множество голодающих крестьян из Подмосковья и десятка других уездов хлынули в Москву, но там их ждала голодная смерть. Правительство предпринимало отчаянные усилия, чтобы наладить снабжение столицы. Направленные в провинцию чиновники старались собрать хлеб по крохам, где можно. Но их усилия не привели к нужным результатам. Запасы хлеба по стране были почти полностью исчерпаны, а то, что удавалось заготовить в уездах, не удавалось доставить в Москву. На дорогах появились многочисленные шайки «разбоев», которые отбивали и грабили обозы с продовольствием, направлявшиеся в столицу. Действия «разбоев» усугубляли народные бедствия, обрекали на гибель тысячи крестьян-беженцев.

Критическая ситуация определила характер правительственных мер. Чтобы обеспечить беспрепятственную доставку грузов в Москву, власти направили дворян на главнейшие дороги — Владимирскую, Смоленскую, Рязанскую, связывавшие город с различными уездами. «Разбой» действовали не только в провинции, но и в столице. 14 мая 1603 г. Борис Годунов поручил охранять порядок в Москве виднейшим членом Боярской думы. Москва была разделена на 11 округов. Кремль стал центральным округом, два округа были образованы в Китай-городе, восемь округов в Белом и Деревянном городах. Округа возглавили бояре князь Н. Р. Трубецкой, князь В. В. Голицын, М. Г. Салтыков, окольник П. Н. Шереметов, В. П. Морозов, М. М. Салтыков, И. Ф. Басманов и трое Годуновых. Бояре вместе со своими помощниками — дворянскими головами — регулярно совершали объезды в отведенных им кварталах.

Описанные меры носили чрезвычайный характер. Они явились прямым следствием той критической ситуации, которая сложилась в Москве к 1603 г. Возможности помощи голодающим были исчерпаны, и раздача денег бедноте полностью прекращена. В наихудшем положении оказались беженцы, которых было едва ли не больше коренных жителей Москвы. Беженцы забили площади и пустыри — «полые места», пожарища, овраги и лужки. Они вынуждены были жить под открытым небом либо в наспех сколоченных будках и шалашах. Лишенные помощи, они были обречены на мучительную смерть. Каждое утро по московским улицам проезжали повозки, в которых увозили трупы умерших за ночь людей.

Угроза голодной смерти толкала отчаявшихся людей на раз-

бой и грабеж. Летописцы очень точно охарактеризовали положение, сложившееся в разгар голода, когда «бысть великое насилие, многие богатые дома пограбили, и разбивали, и зажигали, и повсюду был страх великий и умножишаяся неправды». Беднота нападала на хоромы богачей, устраивала поджоги, чтобы легче было грабить, набрасывалась на обозы, едва те появлялись на столичных улицах. Перестали функционировать рынки. Стоило торговцу показаться на улице, как его мгновенно окружала толпа, и ему приходилось думать лишь об одном — как спастись от давки. Голодающие отбирали хлеб и тут же поедали его.

Грабежи и разбои в Москве по своим масштабам, по-видимому, превосходили все, что творилось в уездных городах и на дорогах. Именно это и побудило Бориса возложить ответственность за поддержание порядка в столице на высший государственный орган — Боярскую думу. Бояре получили наказ использовать любые военные и полицейские меры, чтобы «на Москве по всем улицам, и по переулкам, и по полым местам и подле городов боев, и грабежов, и убийства, и татьбы, и пожаров, и всяково воровства не было никоторыми делы». Пока в окрестностях столицы действовали малочисленные шайки «разбоев», правительство гораздо больше опасалось восстания в городе, нежели нападения шаек извне. Но положение переменялось, когда «разбойи» объединились в крупный отряд. Его предводителем был Хлопка. По словам современников, среди «разбоев» преобладали беглые боярские холопы. Прозвище атамана указывает на то, что он также был холопом. В сентябре 1603 г. Хлопка действовал на Смоленской и Тверской дорогах. В то время в Москве порядок в западных кварталах «по тверскую улицу» охранял воевода Иван Басманов. Понадеявшись на свои силы, он вышел из городских ворот и попытался захватить Хлопка. Пятисот повстанцев приняли бой. Басманов был убит. Лишь получив подкрепления из Москвы, правительственные войска разгромили восставших. Хлопка и других пленных привезли в столицу и там повесили.

В выступлениях 1602—1603 гг. трудно провести разграничительную черту между разбойными грабежами и голодными бунтами неимущих. Социальный характер движения проявлялся прежде всего в том, что порожденное голодом насилие было обращено против богатых. В разгар восстания Хлопка царь Борис издал указ о немедленном освобождении всех холопов, незаконно лишенных пропитания их господами. Царский указ подтверждает слова современников о том, что на разбой шли прежде всего боярские холопы.

Среди зависимого населения боевые холопы были единственной группой, располагавшей оружием и боевым опытом. События 1603 г. показали, что при определенных условиях боевые холопы могут стать ядром повстанческого движения. Это обстоятельство и вынудило власти пойти на уступки холопам в ущерб интересам дворян.

После разгрома Хлопка многие повстанцы бежали на окраины — в Северскую землю и в Нижнее Поволжье. Прямым продолжением выступления «разбоев» в центре стали разбойные действия казаков на Нижней Волге в 1604 г. Все эти события явились предвестниками надвигающейся гражданской войны.

РОЗЫСК О САМОЗВАНЦЕ

период короткого междуцарствия после смерти Федора литовские лазутчики подслушали в Смоленске и записали молву, в которой можно было угадать последующие события Смутного времени. Толки были на редкость противоречивыми. Одни говорили, будто в Смоленске подобраны были письма от Дмитрия, известившие жителей, что «он уже сделался великим князем» на Москве. Другие толковали, что появился не царевич, а самозванец, «во всем очень похожий на покойного князя Дмитрия». Борис будто бы хотел выдать самозванца за истинного царевича, чтобы добиться его избрания на трон, если не захотят избрать его самого. Разговоры, подслушанные в Смоленске, носили недостовверный характер. Боярин Нагой, говоря о смерти Дмитрия, будто бы сослался на мнение своего соседа «астраханского тиуна» (слугу) Михаила Битяговского. «Тиуна» вызвали в Москву и четвертовали после того, как он под пыткой признался, будто сам убил Дмитрия. Лазутчики записали, скорее всего, толки простонародья, имевшего самые смутные представления о том, что происходило в столичных верхах. Как бы то ни было, слухи о царевиче порочили правителя Бориса Годунова и были проникнуты живым сочувствием к Романовым. Можно ли предположить, что их распускали сами Романовы или близкие к ним люди? Ответить на этот вопрос трудно. Народные толки о младшем сыне Грозного имели одну важную особенность. В них невозможно уловить никаких похвал по его адресу. О том, что царевич жив, говорили как бы мимоходом, без упоминаний о его достоинствах, законных правах и др. Куда подробнее обсуждали вторую версию, согласно которой «Дмитрий» был самозванцем и пешкой в политической игре правителя.

Итак, борьба за обладание тронем и вызванные ею политические страсти, а не крестьянская утопическая идея о «добром царе» оживили имя Дмитрия. После избрания Бориса на трон

молва о самозваном царевиче лишилась почвы и умолкла сама собой, зато версия о чудесном спасении сына Грозного получила самое широкое распространение в народе. Служильный француз Ж. Маржерет, прибывший в Москву в 1600 г., отметил в своих записках: «Прослышав в тысяча шестисотом году молву, что некоторые считают Дмитрия Ивановича живым, он (Борис. — Р. С.) с тех пор целые дни только и делал, что пытал и мучил по этому поводу».

Оживление толков о Дмитрии едва ли следует связывать с заговором Романовых. Эти бояре пытались заполучить корону в качестве ближайших родственников последнего законного царя Федора. К сыну Грозного от седьмого брака они относились резко отрицательно. Появление «законного» наследника Дмитрия могло помешать осуществлению их планов. Совершенно очевидно, что в 1600 г. у Романовых было не больше оснований готовить самозванца Дмитрия, чем у Бориса Годунова в 1598 г. Если бы слухи о царевиче распространял тот или иной боярский круг, покончить с ними для Годунова было бы нетрудно. Трагизм положения заключался в том, что молва о спасении младшего сына Грозного проникла в народную массу, и потому никакие гонения не могли искоренить ее. Народные толки и ожидания создали почву для появления самозванца. В свою очередь, деятельность самозванца оказала огромное воздействие на дальнейшее развитие народных утопий.

Самозванец объявился в пределах Речи Посполитой в 1602—1603 гг. Им немедленно заинтересовался Посольский приказ. Не позднее августа 1603 г. Борис обратился к первому покровителю самозванца князю Острожскому с требованием выдать «вора». Но «вор» уже переселился в имение Адама Вишневецкого.

Неверно мнение, будто Годунов назвал самозванца первым попавшимся именем. Разоблачению предшествовало самое тщательное расследование, после которого в Москве объявили, что имя царевича принял беглый чернец Чудова монастыря Гришка, в миру носивший имя Юрия Отрепьева.

Московским властям нетрудно было установить историю беглого чудовского монаха. В Галиче жила вдова Варвара Отрепьева, мать Григория, а родной дядя Смирной Отрепьев служил в Москве как выборный дворянин. Смирной преуспел при новой династии и выслужил чин стрелецкого головы. Накануне бегства племянника он был «на Низу голова у стрельцов». Как только в ходе следствия всплыло имя Отрепьева, царь Борис вызвал Смирного в Москву. Власти использовали показания Смирного и прочей родни Отрепьева как при тайном расследовании,

так и при публичных обличениях «вора». Как значилось в Разрядных книгах, Борис посылал в Литву «в гонцах на обличенье тому вору Ростриге дядю ево родного галеченина Смирного Отрепьева». Современник Отрепьева троицкий монах Авраамий Палицын определенно знал, что Гришку обличали его мать, родные брат и дядя и, наконец, «род его галичане вси».

Московские власти сконцентрировали внимание на двух моментах биографии Отрепьева: его насильственном пострижении и соборном осуждении «вора» в московский период его жизни. Но в их объяснениях по этим пунктам были серьезные неувязки. Одна версия излагалась в дипломатических наказах, адресованных польскому двору. В них значилось буквально следующее: Юшка Отрепьев «як был в миру, и он по своему злодейству отца своего не слушал, впал в ересь, и воровал, крал, играл в зерню, и бражничал, и бегал от отца многожда и, заворовався, постригсе у черницы...». Нетрудно установить, с чьих слов составлен был этот убийственный отзыв о Юрии Отрепьеве. Незадолго до отправки наказа в Польшу в Москву вернулся Смирной Отрепьев, ездивший за рубеж по заданию Посольского приказа для свидания с Юрием (в монашестве Григорием). С его слов, видно, и была составлена назидательная новелла о беспутном дворянском сынке. Юшка отверг сначала родительский авторитет, а потом авторитет самого бога. После пострижения он «отступил от бога, впал в ересь и в чернокнижье и призыване духов нечистых и отъреченья от бога у него выняли». Узнав об этих преступлениях, патриарх со всем Вселенским собором, по правилам святых отцов и по соборному уложению, приговорил сослать Гришку на Белоозеро в заточенье на смерть с товарищами, бывшими с ним в совете.

Посольский приказ фальсифицировал биографию Отрепьева в двух самых важных пунктах. Цели фальсификации предельно ясны. Посольскому приказу важно было представить Отрепьева как одиночку, за спиной которого не было никаких серьезных сил, а заодно изобразить его осужденным преступником, чтобы иметь основание потребовать от поляков выдачи «вора».

С дружеским венским двором царь поддерживал куда более доверительные отношения, чем с польским. Поэтому в письме к императору Борис позволил себе некоторую откровенность по поводу Отрепьева. Русский оригинал послания Бориса австрийскому императору 1604 г. хранится в венском архиве и до сих пор не опубликован. Приведем здесь полностью разъяснения Бориса по поводу личности Отрепьева. До своего пострижения, утверждал Борис, Юшка «был в холопех у дворянина нашего у

Михаила Романова и, будучи у него, учал воровати, и Михайло за его воровство велел его збити з двора, и тот страдник учал пуще прежнего воровать, и за то его воровство хотели его повесить, и он от тое смертныя казни сбежал, постригся в дальних монастырех, а назвали его в чернецах Григорием».

Почему царь Борис решил связать имя Отрепьева с именем Романовых? Быть может, он желал скомпрометировать своих противников? Но почему он не назвал имен старших братьев знаменитых бояр Федора и Александра Никитичей Романовых, а указал на младшего брата Михаила, которого мало кто знал даже в России и который двумя годами ранее умер в царской тюрьме? В венском наказе видно то же настойчивое стремление, что и в польском. Царские дипломаты решительно устраняли возможность заговора и старались рассеять самые подозрения насчет того, будто за спиной самозванца могли стоять влиятельные боярские круги. От поляков вовсе скрыли, что Отрепьев служил Романову. Австрийцев убеждали в том, что Романов не был пособником «вора», а, напротив, изгнал его за воровские проделки.

Внутри страны появление самозванца долго замалчивалось. Толки о нем пресекались беспощадным образом. Наконец Лжедмитрий вторгся в пределы страны, и молчать стало невозможно. Тогда с обличением Отрепьева выступила церковь.

Жизнеописание Отрепьева, составленное в патриаршей канцелярии, разительно отличалось от заявлений Посольского приказа. Враг оказался гораздо опаснее, чем думали в Москве. Он терпел поражение в открытом бою, но посланная против него многочисленная армия не могла изгнать его из пределов страны. Попытки представить Отрепьева юным негодяем, которого пьянство и воровство довели до монастыря, никого больше не могли убедить. Дипломатическая ложь рушилась сама собой. Патриаршие дьяки принуждены были более строго следовать фактам. Патриарх Иов известил паству о том, что Отрепьев «жил у Романовых во дворе и заворовался, потом же, спасаясь от смертной казни, постригся в чернецы и был по многим монастырям», позже побыл во дворе у него, патриарха, «а после того сбежал в Литву с товарищами своими с чудовскими чернецы».

Власти не настаивали на первоначальной версии, будто Отрепьева постригли из-за его безобразного поведения и восстания против родительской власти. Юшка заворовался, живя на дворе у Романовых. Как видно, патриарх умышленно не называл имени окольного Михаила: он хотел бросить тень разом и на старших Романовых! Но подобные

побуждения имели все же второстепенное значение. Царские опалы, казалось бы, навсегда покончили с могуществом Романовых: старший из братьев принял монашество и сидел под стражей в глухом монастыре, трое его братьев погибли в ссылке. Никто не предвидел, что один из уцелевших сыновей Никитичей взойдет со временем на трон.

Посольский приказ старался скрыть перед границей определенную связь между пострижением Отрепьева и службой его опальным Романовым. Но уже в разъяснениях патриарха можно уловить намек на такую связь. После смерти Годунова и гибели Лжедмитрия I царь Василий Шуйский произвел новое дознание по поводу самозванца. Его следователи имели одно важное преимущество перед Борисовыми. Они видели самозванца наяву. Новый царь опубликовал результаты расследования с большими подробностями, чем Борис. Его разъяснения при польском дворе отличались сдержанностью. Любые неточности в разъяснениях Москвы могли быть легко опровергнуты в Кракове. Между тем самый вопрос о самозванце приобрел теперь государственное значение.

В инструкциях дипломатам Посольский приказ больше не скрывал факта службы Отрепьева у Романовых. На этот раз царские дьяки сообщали полякам даже больше того, что писала патриаршая канцелярия. Юшка, писали они, «был в холопех у бояр у Микитиных детей Романовича и у князя Бориса Черкаскова и, зоворовался, постригся в чернцы...». Заявление носило явно полемический характер. Точности ради дьяки должны были указать, что Отрепьев служил окольному Михаилу и не имел отношения к другим Никитичам, которые в то время вернулись в Москву. Выпад имел политическую подоплеку. Едва приверженцы Шуйского выкрикнули на площади имя нового царя, как в боярской среде возник заговор. К нему примкнули Никитичи, не оставившие надежду занять трон. Тогда на их голову посыпались удары. Филарет Романов, которого прочили в патриархи, лишился царской милости. Подозрение пало на ближайших родственников Филарета князей Черкасских.

Все это объясняет нам, почему Шуйский решил сбросить тень не на одних Никитичей, но и на их шурина боярина Черкасского. Наказы Шуйского называют Отрепьева боярским холопом. Можно ли верить этому полемическому выпадку против лжецаря? Юрий Отрепьев поступил на службу к Михаилу Романову как добровольный слуга. Однако царское уложение о холопах 1597 г. предписало всем господам в принудительном порядке составить кабадные грамоты на всех добровольных «холопов», прослуживших у них не менее полугода. Боярин Чер-

касский стоял в боярской иерархии значительно выше молодого окольного Михаила Романова. Поэтому Юрий Отрепьев имел причины для перехода во двор к Черкасскому. Там он, возможно, и дал на себя кабальную запись.

Поздние летописи предпочитали умалчивать о службе Отрепьева у Романовых и их родни. В царствование Романовых было небезопасно или, во всяком случае, неприлично вспоминать этот факт из биографии вора и богоотступника. Вследствие того история пострижения Юрия Отрепьева получила совершенно превратное истолкование в летописных сочинениях. Автор «Иного сказания» сочинил романтическую сказку о том, как четырнадцатилетний Юшка случайно повстречал в Москве безвестного игумена с Вятки Трифона и под влиянием душеспасительной беседы с ним принял схиму. На самом деле все было не так. Пострижение Отрепьева имело вынужденный характер.

После ареста Романовых и Черкасского их слуга Юрий Отрепьев ушел в монахи, не желая разделить участь своих господ. За пострижением последовали скитания по монастырям. Этот эпизод из жизни чернеца Григория Отрепьева стал предметом всевозможных легенд. Поздние летописи противоречат друг другу, едва только начинают перечислять обители, в которых побывал новоиспеченный монах. Несколько больше современники знали о столичном периоде жизни монаха Григория. Тут его жизнь протекала у всех на глазах. Имея под рукой множество свидетелей, власти смогли установить срок пребывания чернеца в кремлевском Чудове монастыре. Отрепьев, значилось в посольской справке, был «в Чюдове монастыре в дияконех 3 год». Это известие следует признать единственной достоверной хронологической вехой в ранней биографии Отрепьева.

Пребывание в провинциальных монастырях явилось кратким эпизодом в жизни Григория Отрепьева. Посольская справка, составленная при Василии Шуйском, сообщала без особых подробностей о том, что «был он, Гришка, в чернецах в Суздале в Спаском в Ефимьеве монастыре и в Галиче у Иоанна Предтечи и по иным монастырем...». Посольская справка не сообщает, сколько времени провел Отрепьев в провинциальных монастырях. Заполнить этот пробел помогает осведомленный современник, автор так называемой «Повести 1626 года». Он категорически утверждает, что до водворения в столичном монастыре Григорий носил рясу очень недолго.

Приведенные факты позволяют установить главнейшие хронологические даты в жизни Отрепьева. Чудовский монах отправился в Литву в феврале 1602 г., после того как пробыл год в Чу-

дове монастыре. Значит, он обосновался в Чудове в начале 1601 г. Если верно, что Отрепьев прибыл в Москву «по мале времени» (вскоре) после своего пострижения, значит, он постригся в конце 1600 г. Но именно в конце 1600 г. Борис Годунов разгромил заговор бояр Романовых и Черкасских. Приведенные факты полностью подтверждают версию, согласно которой Отрепьев принужден был уйти в монастырь в связи с гонениями на Романовых в ноябре 1600 г. В то время Отрепьеву было примерно двадцать лет. По понятиям XVI в., молодые люди достигали совершеннолетия и поступали на службу в пятнадцать лет. Это значит, что до своего пострижения Григорий успел прослужить на боярских подворьях около пяти лет. Установив все эти факты, попробуем заполнить самые первые страницы биографии Отрепьева.

Юрий Богданович Отрепьев родился в небогатой дворянской семье. Предки Отрепьевых выехали на Русь из Литвы. Отец Юрия Богдан Отрепьев числился «новиком неслужимым». Как только он достиг совершеннолетия, т. е. пятнадцати-шестнадцати лет, его наделили поместьем вместе со старшим братом Никитой Смирным. Произошло это в феврале 1577 г. Дворянские недоросли начинали служить и, по общему правилу, вскоре же заводили семью. Так поступил и Богдан Отрепьев. На рубеже 70—80-х гг. XVI в. в его семье родился сын Юрий. Это значит, что он был примерно одного возраста с царевичем Дмитрием. Юшка достиг совершеннолетия в самые последние годы царствования Федора.

Богдан служил в стрелецких войсках, но выслужил только чин стрелецкого сотника. Он рано умер. Согласно Посольской справке, Богдана зарезал литвин на Москве в Немецкой слободе. Там, где иноземцы свободно торговали вином, нередко случались уличные драки. Московские летописцы помнили, что Юшка «остался после отца своего млад зело» и воспитанием его занималась мать. От нее мальчик научился читать божественное писание, «часовник и псалмы Давидовы». Как видно, возможности домашнего образования были быстро исчерпаны, и Юшку послали «к Москве на учение грамоте». Семья Отрепьевых имела прочные связи в столице. Там обретался дед Юшки, там служили его родной дядя Смирной и «свояк» семьи дьяк Семейка Ефимьев. Как видно, кто-то из приказных и выучил Юшку писать. В приказах ценили хороший почерк, и при них существовали школы, готовившие писцов-каллиграфов. Отрепьев усвоил изящный почерк, что позволило ему позже стать переписчиком книг на патриаршем дворе.

Только ранние посольские наказы изображали юного От-

репьева беспутным негодяем. При Шуйском такие отзывы оказались забыты, а поздние писатели не скрывали удивления по поводу способностей Отрепьева. Правда, при этом они выражали благочестивые подозрения: не вступал ли Юшка в союз с нечистой силой, будучи еще подростком? Учение в самом деле давалось Отрепьеву очень легко. В непродолжительное время Юшка стал «зело грамоте горазд». Бедность и сиротство отнимали у способного ученика надежды на выдающуюся карьеру. На царской службе он едва ли мог надеяться выслужить воеводский чин. Честолюбивый провинциал искал более легких путей и поступил на службу к двоюродному брату царя Михаилу Никитичу.

В то время, когда многие считали Никитичей единственными законными претендентами на царский трон, служба при их дворе сулила массу выгод.

Выбор Юшки кажется случайным. Но так ли было на самом деле? Отрепьевы издавна сидели целым гнездом на берегах реки Монзы, притоке Костромы. Там же располагалась знаменитая костромская вотчина боярина Федора Никитича село Домнино. Родители Отрепьева жили неподалеку от монастыря на Железном Борку. Менее чем в 10 верстах от монастыря стоял романовский починок Кисели. Все, что мы знаем о личности Отрепьева, заставляет предполагать, что за несколько лет службы у Никитичей он занял при их дворе достаточно высокое положение.

После ареста Романовых Отрепьев бежал в родные места и там укрылся в монастыре. Жизнь под надзором монастырских властей казалась Юшке Отрепьеву невыносимой. Переход от жизни в боярских теремах к прозябанию в монашеских кельях был разительным. Очень скоро чернец Григорий решил вернуться в столицу.

Как мог опальный инок попасть в аристократический кремлевский монастырь? Поступление в такую обитель обычно сопровождалось крупными денежными вкладами. Дьяки Шуйского дознались, что при поступлении в Чудов монастырь Гришка Отрепьев воспользовался протекцией: «Бил челом об нем в Чудове монастыре архимандриту Пафнотию» (что ныне крутицкий митрополит, добавили от себя дьяки) «богородицкой протопоп Еуфимий, чтоб его велел взяти в монастырь и велел бы ему жити в келье у деда у своего у Замятни». Неизвестно, в каких отношениях находился Замятня с протопопом кремлевского Успенского собора Евфимием, но именно помощь Евфимия помогла Замятне определить внука Григория в Чудов. Как свидетельствует Посольская справка 1606 г., «архимандрит Пафно-

тий для бедности и сиротства взял его (Григория. — Р. С.) в Чюдов монастырь».

Отрепьев недолго прожил под надзором деда. Архимандрит вскоре отличил его и перевел в свою келью. Там чернец, по его собственным словам, занялся литературным трудом. «Живучи де в Чюдове монастыре у архимандрита Пафнотия в келии, — рассказывал он знакомым монахам, — да сложил похвалу московским чудотворцам Петру, и Алексею, и Ионе». Пафнотий поспешил отличить инока, не достигшего двадцати лет, и дал ему чин дьякона.

История последующего взлета Отрепьева описана одинаково самыми различными источниками. Патриарх Иов в своих грамотах писал, будто взял Отрепьева на патриарший двор «для книжного письма». На самом деле Иов отличил способного инока не только из-за его отличного почерка. Чернец вовсе не был простым переписчиком книг. Его ум и литературное дарование доставили ему более высокое положение при патриаршем дворе. У патриарха Григорий продолжал «сотворяти каноны святым».

Прошло совсем немного времени с тех пор, как Отрепьев являлся во дворец в свите окольного Михаила Никитича. Теперь перед ним вновь открылись двери кремлевских палат. В царскую думу патриарх являлся с целым штатом писцов и помощников. Отрепьев оказался в их числе. Патриарх в письмах утверждал, что чернеца Отрепьева знают и он сам, святейший патриарх, и епископы, и весь собор. По-видимому, так оно и было. Сам Отрепьев, беседуя с приятелями, говорил им, что патриарх, видя его способности, стал брать его в верхние покои дворца, где была царская дума, и он (чернец) приобрел «славу великую». Фраза Отрепьева насчет «славы» не была простым хвастовством. Карьера его на поприще монашеской жизни казалась феерической. Сначала он был служкой у монаха Змятни, затем келейником архимандрита и дьяконом и, наконец, стал придворным патриарха. Надо было обладать незаурядными способностями, чтобы проделать такую карьеру в течение одного только года. Способности чернеца были необычны для монашеской среды, в которую он попал нечаянно. Не подвиги аскетизма помогли выдвинуться юному честолюбцу, а его необыкновенная восприимчивость к учению. В несколько месяцев он усваивал то, на что у других уходила вся жизнь. Примерно в двадцать лет Отрепьев стал заниматься литературными трудами, которые доверяли обычно убеленным сединой подвижникам.

Патриарх писал в Польшу, будто Отрепьев был обличен русским духовенством как еретик еще до бегства его за рубеж. Но

отец церкви грешил против истины. Русское духовенство созвало церковный собор для суда над беглым чернецом после того, как в Польше объявился самозванец. На этом соборе епископы допросили нескольких странствующих монахов, провожавших Отрепьева за рубеж и общавшихся с ним в Польше.

Власти выступили с разоблачением самозванца как Гришки Отрепьева на основании показаний двух беглых монахов. Но бродяги, неизвестными путями попавшие из-за рубежа в руки властей, были ненадежными свидетелями. Если они и знали кремлевского дьякона, то знали плохо, в течение совсем недолгого времени. Монахи не внушали доверия никому, включая правительство, которое, не церемонясь, звало бродяг «ворами».

Нужны были более авторитетные свидетели, но они объявились в Москве только через два года, когда в Москве произошел переворот, покончивший с властью и жизнью Лжедмитрия I.

ПОХОЖДЕНИЯ ОТРЕПЬЕВА В ЛИТВЕ

анявшему трон Василию Шуйскому нужны были материалы, неопровержимо доказывавшие самозванство свергнутого «Дмитрия». В этот момент в Москве появился чернец Варлаам, подавший царю Василию «Извет» с обличением зловредного еретика Гришки. Продолжительное время историки считали сочинение Варлаама литературной мистификацией, предпринятой в угоду власти предрешающим. Но под влиянием новых находок эти сомнения в значительной мере рассеялись. Прежде всего в старинных описях архива Посольского приказа обнаружилось прямое указание на подлинное следствие по делу Варлаама: «Роспрос — 113 году старца Варлаама Ятцкого про Гришку ростригу, как он пошел с ним с Москвы и как был в Литве». Очевидно, Варлаам Яцкий именно в ходе «роспроса», или следствия, и подал властям знаменитую челобитную, которая получила не вполне точное наименование «Извета».

Со временем текст челобитной был включен в состав летописи, автор которой подверг его литературной обработке и снабдил обширными цитатами из грамот Лжедмитрия. Именно эти дополнения и побуждали исследователей считать «Извет» скорее любопытной сказкой, чем показанием достоверного свидетеля. Отношение к «Извету» решительно переменялось после того, как историки доказали, что «Извет» — это подлинная челобитная Варлаама, и обнаружили текст челобитной в списке ранней редакции.

Варлаам оказался сущим кладом для московских судей, расследовавших историю самозванца. Выгораживая себя, он старался возможно более точно передать внешние факты.

После перехода границы Отрепьев и его товарищи, по словам Варлаама, жили три недели в Печерском монастыре в Кие-

ве, а затем «летовали» во владениях князя Константина Острожского в Остроге.

В этом пункте показания Варлаама подтверждаются неоспоримыми доказательствами. В свое время А. Добротворский обнаружил в книгохранилище Загоровского монастыря на Волыни книгу, отпечатанную в типографии князя в Остроге в 1594 г., со следующей надписью: «Лета от сотворения миру 7110-го месяца августа в 14-й день, сию книгу Великого Василия дал нам Григорию с братьями с Варлаамом да Мисаилом, Константин Кон-стантинович, нареченный во святом крещении Василий, Божию милостию пресветлый князь Острожский, воевода Киевский».

Примечательно, что дарственная надпись на книге была сделана не Острожским, не его людьми, а самими монахами. Со временем неизвестная рука дополнила «дарственную» надпись на книге Василия Великого. Над словом «Григорию» появилась помета «царевичу Московскому».

Поправка к надписи чрезвычайно интересна, но сама по себе она не может помочь установлению тождества самозванца и Отрепьева. Скорее всего, надпись по поводу «царевича» сделал один из трех бродячих монахов. Надпись на книге замечательна как подтверждение достоверности «Извета» Варлаама о литовских скитаниях Отрепьева.

Рассказ Варлаама находит поразительную аналогию в «Исповеди» Лжедмитрия, записанной его покровителем Адамом Вишневецким в 1603 г. В «Исповеди» самозванца причудливо соединялись наивные вымыслы и реальные сведения биографического характера.

«Царевич» знал очень многое из того, что касалось угличской трагедии и дворцовых дел в целом. Но едва он начинал излагать обстоятельства своего чудесного спасения, как его рассказ на глазах превращался в неискusstную сказку. По словам «царевича», его спас некий воспитатель, имя которого он не называет. Проведав о планах жестокого убийства, воспитатель подменил царевича другим мальчиком того же возраста. Несчастный мальчик и был зарезан в постельке царевича. Когда мать-царица прибежала в спальню, она, обливаясь слезами, смотрела на убитого, окутанного свинцово-серой бледностью, и не могла распознать подмены.

В момент, когда решилась судьба интриги, «царевич» должен был собрать воедино все доказательства своего царского происхождения, какие у него только были. Однако оказалось, что доказательствами он не располагает. «Дмитрий» не мог назвать ни одного свидетеля. Он имел возможность сослаться на мнение

бояр, убитых или заточенных Борисом, которые не могли опровергнуть его вымысел, но он не сделал и этого. В его рассказе фигурируют двое безымянных воспитателей, заблаговременно умерших до его побега в Польшу, да такой же безымянный монах, который «узнал» в нем царевича по царственной осанке!

Самозванный «царевич» избегал называть какие бы то ни было точные факты и имена, которые могли быть опровергнуты в результате проверки. Он признавал, что его чудесное спасение осталось тайной для всех, включая его собственную мать, томившуюся в монастыре в России.

Знакомство с «Исповедью» самозванца обнаруживает тот поразительный факт, что он явился в Литву, не имея хорошо обдуманной и достаточно правдоподобной легенды. Как видно, на русской почве интрига не получила достаточного развития, а самозванец — достаточной подготовки. Его рассказы кажутся неловкой импровизацией. На родине ему успели подсказать одну только мысль о царственном происхождении.

В речах «царевича» были, конечно, и достоверные моменты. Он не мог скрыть некоторых фактов, не рискуя прослыть явным обманщиком. В частности, в Литве знали, что он явился туда в монашеской одежде, служил в киевских монастырях службу и, наконец, сбросил рясу. Расстрижение ставило претендента в очень щекотливое положение. Не имея возможности скрыть этот факт, он должен был как-то объяснить возвращение в мир. Прежде всего он сочинил сказку, будто Годунов убедил царя Федора сложить с себя государственные заботы и вести монашескую жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре и будто Федор сделал это тайно, без ведома опекунов. Младший «брат», таким образом, лишь шел по стопам старшего «брата». О своем пострижении «царевич» рассказал в самых неопределенных выражениях. Суть его рассказа сводилась к следующему. Перед смертью воспитатель вверил спасенного им мальчика попечению некоей дворянской семьи. «Верный друг» держал воспитанника в своем доме, но перед кончиной посоветовал ему, чтобы избежать опасности, войти в обитель и вести жизнь монашескую. Следуя благому совету, юноша усвоил монашеский образ жизни, и так им пройдена была почти вся Московия. Наконец, один монах опознал в нем царевича, и тогда юноша решил бежать в Польшу.

Можно констатировать совпадение биографических сведений, относящихся к Отрепьеву и самозванцу, почти по всем пунктам. Оба воспитывались в дворянской семье, оба приняли вынужденное пострижение, оба исходили Московию в монашеском платье.

Описывая свои литовские скитания, «царевич» упомянул о пребывании в Остроге, переходе сначала к пану Габриэлю Хойскому в Гошу, а затем к Адаму Вишневецкому в Брачин. Так в имени Вишневецкого в 1603 г. и был записан его рассказ.

Замечательно, что спутник Отрепьева Варлаам, описывая странствия с ним в Литве, называл те же самые места и даты. П. Пирлинг, впервые обнаруживший это знаменательное совпадение, увидел в нем бесспорное доказательство тождества личности Отрепьева и Лжедмитрия.

В самом деле, имеется полная возможность проследить за историей реального лица — Григория Отрепьева вплоть до того момента, как он пересек границу. С другой стороны, хорошо известен путь Лжедмитрия от Брачина до Московского Кремля. Превращение бродячего монаха в царя произошло на отрезке пути от границы до Брачина. По словам Варлаама, Григорий Отрепьев прошел через Киев, Острог, Гошу и Брачин, после чего объявил себя царевичем. Лжедмитрий подтвердил, что он после пересечения границы прошел те же самые пункты, в той же последовательности и в то же время. Возможность случайного совпадения исключается, как и возможность сговора между автором «Извета» и Лжедмитрием. Варлаам не мог знать содержания секретного доклада Вишневецкого королю, а самозванец не мог предвидеть того, что напишет Варлаам после его смерти.

Загадка самозванца... В истории русского средневековья можно назвать совсем немного сюжетов, которые вызвали бы столь глубокий интерес у читателя и столько споров среди ученых. И все же загадку Лжедмитрия I едва ли следует считать неразрешимой. Если обратиться к самым ранним источникам и следовать строго установленным фактам, личность самозванца на глазах начинает утрачивать ореол таинственности. Современники многократно называли Лжедмитрия беглым монахом Григорием Отрепьевым, и в этом случае они не ошиблись.

ПРИЗНАНИЕ «ЦАРЕВИЧА»

о образному выражению В. О. Ключевского, Лжедмитрий «был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве».

Царь Борис нимало не сомневался в том, что самозванца подготовили крамольные бояре. Один из царских телохранителей К. Буссов передает, что Годунов при первых же известиях об успехах самозванца сказал в лицо своим боярам, что это их рук дело и задумано оно, чтобы свергнуть его, в чем он и не ошибся, добавил от себя Буссов.

Известный исследователь Смуты С. Ф. Платонов возлагал ответственность за самозванческую интригу на бояр Романовых и Черкасских. «...Подготовку Самозванца, — писал он, — можно приписывать тем боярским домам, во дворах которых служивал Григорий Отрепьев». Мнение С. Ф. Платонова остается не более чем гипотезой. Отсутствуют какие бы то ни было данные насчет того, что Романовы непосредственно участвовали в подготовке Лжедмитрия. Однако следует иметь в виду, что именно на службе у Романовых и Черкасских Отрепьев получил весь запас политических взглядов и настроений. Именно от Никитичей и их родни он усвоил взгляд на Бориса как на узурпатора и проникся ненавистью к «незаконной» династии Годуновых. Но этим исчерпывается роль бояр Романовых. Никитичи были своими людьми в семье царя Ивана Грозного и при дворе царя Федора Ивановича. Мало кто из придворных был так же осведомлен насчет жизни царской семьи, гибели царевича Дмитрия в Угличе, как Романовы. Если бы они взялись за подготовку самозванца, тот бы явился в Литву с продуманной и правдоподобной легендой. У Отрепьева такой легенды не было, а все его объяснения напоминали беспомощный лепет. В этом обстоятельстве заключено доказательство непричастности Романовых к подготовке Отрепьева.

Множество признаков указывает на то, что самозванческая

интрига родилась не на подворье Романовых, а в стенах Чудова монастыря. В то время Отрепьев уже лишился покровительства могущественных бояр и мог рассчитывать только на свои силы.

Авторы сказаний и повестей о Смутном времени прямо указывали на то, что, будучи в Чудове, инок Григорий «начал в сердце своем помышляти, како бы ему достигнути царскаго престола», и сам сатана «обещал ему царствующий град (Москву) поручити». Составитель «Нового летописца» имел возможность беседовать с монахами Чудова монастыря, хорошо знавшими черного дьякона Отрепьева. С их слов летописец записал следующее: «От многих же чудовских старцев слушал, как (чернец Григорий. — Р. С.) в смехотворие глаголаше старцем, яко «царь буду на Москве».

Кремлевский Чудов монастырь был примечательным местом. Расположенный под окнами царских теремов и правительственных учреждений, он давно оказался в водовороте политических страстей. Благочестивый царь Иван IV желчно бранил чудовских старцев за то, что они только по одежде иноки, а творят все, как миряне. Близость к высшим властям наложила особый отпечаток на жизнь чудовской братии. Как и в верхах, здесь царил раскол. В обители можно было встретить и знать, и мелких дворян. Были среди них добровольные иноки. Но большинство надело монашеский клобук поневоле, потерпев катастрофу на житейском поприще. Вступив на порог Чудова монастыря, чернец Григорий вскоре же попал в компанию Варлаама Яцкого и Мисаила Повадына, которые в недавнем прошлом владели мелкими поместьями и несли службу как дети боярские. Как и Отрепьев, они принадлежали к числу противников выборной династии Годуновых.

Со слов монахов, знавших Отрепьева, летописец записал любопытный рассказ о том, что в Чудове «окаянный» Гришка многих людей расспрашивал об «убиении царевича Дмитрия». Однако можно догадаться, что Отрепьев знал об угличских событиях не только из рассказов чудовских монахов. В Угличе жили близкие родственники Григория Отрепьева.

При традиционной системе мышления, господствовавшей в средние века, трудно представить, чтобы чернец, принятый в столичный монастырь «ради бедности и сиротства», дерзнул сам по себе выступить с претензиями на царскую корону. Скорее всего, он действовал по подсказке людей, остававшихся в тени.

В Польше Отрепьев наивно рассказал, как некий брат из монашеского чина узнал в нем царского сына по осанке и «героическому нраву». Безыскусность рассказа служит известной порукой его достоверности. Современники записали слухи о

том, что монах, подучивший Отрепьева, бежал с ним в Литву и оставался там при нем.

Московские власти уже при Борисе объявили, что у «вора» Гришки Отрепьева «в совете» с самого начала были двое сообщников — Варлаам и Мисаил Повадьин. Из двух названных монахов Мисаил был, кажется, ближе к Отрепьеву. Оба жительствова­ли в Чудовом монастыре, там вместе решили отправиться за рубеж. Варлаам, по его собственным словам, лишь присоеди­нился к ним.

Наибольшую осведомленность по поводу Мисаила проявил автор «Сказания и повести, еже содеялся в царствующем граде Москве и расстриге Гришке Отрепьеве». «Сказание» — это единственный источник, назвавший полное мирское имя Мисаила — Михаила Трофимовича Повадьина, сына боярского из Серпейска. Автор «Сказания» несколькими штрихами рисует портрет Мисаила. Когда Отрепьев позвал его в Северщину, тот обрадовался, так как был «прост в разуме», т. е. не очень умен. Сказанное рассеивает миф, будто интригу мог затеять Мисаил. Чудовский чернец был первым простаком, поверившим в Отрепьева и испытавшим на себе его гипнотическое влияние.

Варлаам был человеком совсем иного склада, чем Мисаил. Его искусно составленный «Извет» обличает в нем изощренный ум. Варлаам, по его собственным словам, постригся «в немощи». Отсюда можно заключить, что он был много старше двадца­тилетнего Отрепьева.

Обстоятельства пострижения Варлаама неизвестны. Как и другие монахи, он немало исходил дорог, прежде чем осел в столице. Бродячие монахи были повсюду желанными гостями, поскольку через них люди узнавали всякого рода новости, слухи и проч. Будучи человеком острого ума, Варлаам, по­видимому, первым оценил значение толков о чудесном спасе­нии законного наследника Дмитрия.

Сам Григорий Отрепьев тоже был бродячим монахом. Он обошел половину России, прежде чем решился бежать в Литву. Отрепьев видел голодающий и недовольный народ, видел гибель неимущих в Москве. Он чутьем уловил, какие огромные возмож­ности открывает перед ним сложившаяся историческая ситуа­ция. Страна стояла на пороге гражданской войны, и авантюрист использовал все средства, чтобы ускорить ее начало.

Бродячее духовенство не случайно стало средой, в которой окончательно сформировалась самозванческая интрига. Это духовенство знало о настроениях и толках народа. С другой стороны, монахи были вхожи в боярские дома. В своей чело­битной Варлаам рассказывает, что познакомился с Мисаилом

в доме князя Ивана Ивановича Шуйского. В «Извете» царю Василию Шуйскому Варлаам по понятным причинам назвал лишь имя опального князя Ивана Шуйского. Кем были другие покровители Варлаама? Кто из них инспирировал интригу? Ответить на все эти вопросы невозможно. Ясно, что враждебная Борису знать готова была использовать любые средства, чтобы покончить с выборной династией. Монахи оказались подходящим орудием в ее руках. Борис Годунов был опытным и прозорливым политиком, и его догадки насчет подлинных инициаторов интриги имели под собой достаточно оснований.

Кремлевские монахи и недовольные царем бояре не предвидели последствий дела, которое они сами же и затеяли. Когда появление «Дмитрия» вызвало повсеместные восстания «черни», они отшатнулись от него и постарались доказать свою преданность Борису.

Рассказ Варлаама о том, что он впервые увидел Отрепьева на улице накануне отъезда в Литву и что последний назвался царевичем только в Брачине у Вишневецкого, выглядит как неловкая ложь. «Извет» буквально проникнут страхом за свою жизнь. Ожидание суровой расправы как нельзя лучше подтверждает предположение, что именно Варлаам подсказал Отрепьеву его роль. Толки о чудесно спасшемся сыне Грозного захлестнули страну, и Варлаам рассчитывал использовать их в затейной игре. Но инициаторы авантюры были столь далеки от народной почвы, породившей утопию, что их планы потерпели полное крушение при первых же попытках практического осуществления. Когда Отрепьев пытался «открыть» свое царское имя сотоварищам по монастырю, те отвечали откровенными издевательствами — на него плевали и на смех поднимали. В Москве претендент на царство не нашел ни сторонников, ни сильных покровителей. Отъезд его из столицы носил, по-видимому, вынужденный характер. Григория гнал из Москвы наступивший там голод, и особенно страх разоблачения.

В книгах московского Разрядного приказа можно найти сведения о том, что в Киево-Печерском монастыре Отрепьев пытался «открыть» монахам свое царское имя, но потерпел такую же неудачу, как и в московском Чудовом монастыре. Чернец будто бы прикинулся больным (разболелся «до умертвия») и на духу признался печерскому игумену, что он — царский сын, «не пострижен... укрываясь от царя Бориса...». Печерский игумен указал Отрепьеву и его спутникам на дверь.

В Киеве Отрепьев провел три недели в начале 1602 г. Будучи изгнанными из Печерского монастыря, бродячие монахи весной 1602 г. отправились в Острог «до князя Василия Острож-

ского». Князь Острожский, подобно властям православного Печерского монастыря, не преследовал самозванца, но велел выгнать его за ворота.

С момента бегства Отрепьева из Чудова монастыря его жизнь представляла собой цепь унижительных неудач. Самозванец далеко не сразу приноровился к избранной им роли. Оказавшись в непривычном для него кругу польской аристократии, он часто терялся, казался слишком неповоротливым, при любом его движении «обнаруживалась тотчас вся его неловкость». Будучи прогнан из Острога, самозванец нашел прибежище в Гоще. Лжедмитрий не любил вспоминать о времени, проведенном в Остроге и Гоще. В беседе с Адамом Вишневецким он упомянул кратко и неопределенно, будто он бежал к Острожскому и Хойскому и «молча там находился». Совсем иначе излагали дело иезуиты, заинтересовавшиеся делом «царевича». По их словам, «царевич» обращался за помощью к Острожскому-отцу, но тот якобы велел гайдукам вытолкать самозванца за ворота замка.

После того как самозванческая интрига вышла наружу, Острожский пытался уверить Годунова, а заодно и собственное правительство в том, что он ничего не знает о претенденте. Сын Острожского Януш был более откровенным в объяснениях с королем. В своем письме от 2 марта 1604 г. он писал, что несколько лет знал москвитянина, который называет себя наследственным владельцем Московской земли: сначала он жил в монастыре отца в Дермане, затем у ариан. Письмо Януша Острожского не оставляет сомнения в том, что уже в Остроге и Дермане Отрепьев называл себя московским царевичем. Самозванцу надо было порвать нити с прошлым, и поэтому он решил расстаться с двумя своими сообщниками, выступившими главными свидетелями в пользу его «царского» происхождения. Побег в Гощу к арианам объясняется также тем, что Отрепьев изверился в возможности получить помощь от православных магнатов и православного духовенства Украины.

Покинув сотоварищей, Отрепьев, по словам Варлаама, скинул с себя иноческое платье и «учинился» мирянином. То был опрометчивый шаг. Монах-расстрига тотчас лишился куска хлеба. Иезуиты, интересовавшиеся первыми шагами самозванца в Литве, утверждали, что расстриженный дьякон, оказавшись в Гоще, принужден был на первых порах прислуживать на кухне у пана Габриэля Хойского.

Гоща была центром одной из христианских сект — ариан, и претендент, по словам Януша Острожского, со временем пристал к ним, стал отправлять их обряды, чем и снискал их

благосклонность. В Гоще Отрепьев получил возможность брать уроки в арианской школе. По словам Варлаама, расстриженного дьякона учили «по-латынски и по-польски». Одним из учителей Отрепьева был русский монах Матвей Твердохлеб, известный проповедник арианства.

Происки секты вызвали негодование у католиков. По словам иезуитов, ариане старались снискать расположение «царевича» и даже «хотели совершенно обратить его в свою ересь, а потом, смотря по успеху, распространить ее и во всем Московском государстве». Те же иезуиты, не раз беседовавшие с Отрепьевым на богословские темы, признали, что арианам удалось отчасти заразить его ядом неверия. Отрепьев жил у еретиков в Гоще до марта — апреля 1603 г., а «после Велика дни (из) Гощи пропал». Судя по всему, самозванец нашел прибежище у запорожских казаков. По некоторым данным, Гришка бежал к запорожским казакам в роту старшины их Герасима Евангелика и был там с честью принят. Если приведенные сведения достоверны, то на основании их можно заключить, что связи с гощинскими арианами помогли Отрепьеву наладить связи с их запорожскими единомышленниками. Когда начался московский поход, в авангарде армии Лжедмитрия I шел небольшой отряд казаков во главе с арианином Яном Бучинским. Этот последний стал ближайшим другом и советником самозванца до его последних дней.

Помощь ариан помогла Отрепьеву преодолеть последствия его разрыва с православным духовенством, но в то же время нанесла его репутации огромный ущерб. Примкнув к арианам, самозванец явно не предвидел последствий своего шага. В глазах русских людей «хороший» царь не мог исповедовать никакой иной религии, кроме православия. Московские власти, заслышав о переходе Отрепьева в арианскую веру, навеки заклеямили его как еретика.

После посещения Запорожской сечи ничто не мешало Отрепьеву вернуться в Гощу и продолжать обучение в арианских школах. Однако самозванец должен был уразуметь, что он не имеет никаких шансов занять царский трон, будучи еретиком. Столкнувшись в первый раз с необходимостью уладить свои отношения с православным духовенством, «царевич» решил искать покровительства у Адама Вишневецкого, ревностного сторонника православия. «Новый летописец» подробно рассказывает, как Отрепьев прикинулся тяжелобольным в имении Вишневецкого и на исповеди открыл священнику свое «царское» происхождение. История о «болезни» самозванца, однако, слишком легендарна. В отчете Вишневецкого королю никаких намеков на этот эпизод нет.

Вишневецкий признал «царевича» не потому, что поверил его бессвязным и наивным басням. В затейной игре у князя Адама были свои цели. Вишневецкие враждовали с московским царем из-за земель. Приняв самозванца, князь Адам получил сильное средство нажима на русское правительство.

В конце XVI в. отец Адама князь Александр завладел обширными украинскими землями по реке Суле в Заднепровье. Сейм утвердил за ними его приобретения на правах собственности. Занятие порубежных мест, издавна тяготевших к Черниговщине, привело к пограничным столкновениям. Вишневецкие отстроили городок Лубны, а затем поставили слободу на Прилуцком городище. Адам Вишневецкий унаследовал от отца вместе с новопостроенными городками вражду с царем. Дело закончилось тем, что Борис в 1603 г. велел сжечь спорные укрепления Прилуки и Снетино. Люди Вишневецкого оказали сопротивление. С обеих сторон были убитые и раненые.

Вооруженные стычки во владениях Вишневецкого могли привести к более широкому военному столкновению. Надежда на это и привела Отрепьева в Брачин. Самозванец рассчитывал, что Вишневецкий поможет ему втянуть в военные действия против России татар и запорожских казаков. Борис Годунов обещал князю Адаму щедрую награду за выдачу «вора». Получив отказ, царь готов был прибегнуть к силе. Опасаясь этого, Вишневецкий увез Отрепьева подальше от границы в Вишневец, где тот «летовал и зимовал». Первыми домогательства самозванца признали ариане. Но их признание не принесло выгоды Отрепьеву, а, напротив, поставило его в затруднительное положение. В имении Адама Вишневецкого Отрепьев добился более прочного успеха. Магнат велел прислуге оказать московскому «царевичу» полагававшиеся ему по чину почести. По свидетельству Варлаама, он «учинил его (Гришку) на колесницах и на конех и людно». Князь Адам имел репутацию авантюриста, пьяницы и безумца, но он был известен также и как защитник православия. Семья Вишневецких состояла в дальнем родстве с Иваном Грозным. Признание со стороны Адама Вишневецкого имело для Отрепьева неоценимое значение. Оно устраняло сомнения в приверженности «царевича» православию и доставляло ему очевидную политическую выгоду. Вишневецкий признал безродного проходимца «своим» по родству с угасшей царской династией. Самозванческая интрига вступила в новую фазу своего развития.

ВЕРООТСТУПНИК

конце XVI в. Речь Посполитая переживала острый внутренний кризис. Магнаты и шляхта столкнулись с открытым сопротивлением угнетенного крестьянства на Украине и в Белоруссии. По стране прокатилась волна казацко-крестьянских восстаний, запылали феодальные усадьбы. В 1603 г. брожение вновь охватило украинские земли. В любой момент можно было ждать нового взрыва. Наибольшее беспокойство властей вызывала Запорожская сечь, средоточие казацкой вольницы. Самозванец пытался склонить казаков на свою сторону и с этой целью ездил в Сечь. Имеются сведения о том, что Отрепьев просил запорожцев «посадить его в Путивле», самом крупном городе Северской земли, после чего обещал их щедро пожаловать.

В 1603 г. Запорожская сечь бурлила. Казаки закупали оружие, вербовали охотников, заготавливали продовольствие. Их приготовления вызвали тревогу польских властей, опасавшихся, как бы выступление запорожцев и донцов не стало сигналом к новым массовым восстаниям на Украине. 12 декабря 1603 г. король Сигизмунд III издал грозный универсал, под страхом казни запрещающий продавать казакам оружие и порох. Но запорожцы не обратили на универсал никакого внимания.

Агитация в пользу «царевича» все же не принесла желаемых результатов. Самозванцу не удалось вовлечь Сечь в свою авантюру. Начав борьбу за национальное освобождение, украинский народ все чаще связывал свои надежды с помощью со стороны братского русского народа. Идея воссоединения носилась в воздухе. Московские послы не раз приезжали в Сечь, чтобы договориться о совместной борьбе с Крымской ордой. В 1600 г. Борис принял в Москве запорожских послов. Четыре года спустя он направил в Запорожье посланца Ивана Солонину с оружием и денежным жалованьем. Борис призвал казаков выступить против басурман — турок и татар. Отрепьев убеж-

дал запорожцев объединиться с крымцами и напасть на православную Русь. Его доводы не достигли цели. Отрепьев не скупился на обещания, но у него не было денег на организацию экспедиции. В первом столкновении с Борисом самозванец потерпел поражение.

Запорожцы помогли Отрепьеву установить связи с донскими казаками. Осенью 1603 г. послы «царевича» посетили Раздоры на Дону. «Законный государь» обещал донцам волю, и те немедленно отозвались на его обращение. «Писал ты до нас... — значилось в казацкой отписке, — святой памяти отца своего и нашего прирожденного царя... Ивана Васильевича... относительно полных вольных лет». Донцы были первыми в России, кто решительно заявил о поддержке «законного царевича». «Мы, холопы твои, подданные государя прирожденного, все радуемся такому долгожданному утешению...» Слухи о чудесном спасении Дмитрия подготовили почву для признания самозванца. Казаки поверили тому, чего давно ждали. Их ответ «государю» был проникнут удивительной наивностью. В заголовке казацкой грамоты читаем: «По воле и благословлению бога дарованному государю царевичу, воскресшему, как Лазарь, из мертвых».

Борис стеснил донских казаков. На Дону все чаще появлялись его воеводы. Царские крепости были воздвигнуты на казацких землях на Осколе и Северском Донце. Казаки понимали, что их вольностям приходит конец. По этой причине обещания насчет «полных вольных лет» при всей их неопределенности произвели на донцов почти магическое действие. Зерно самозванства упало на народную почву, и тотчас молва о чудесно спасшемся царевиче начала трансформироваться в утопию о добром царе.

Круг постановил признать «прирожденного государя», и атаманы Корела и Межаков взялись доставить приговорную грамоту «Дмитрию». Миссия завершилась провалом. Донцы были взяты под стражу, а находившийся в их руках пакет попал к князю Янушу Острожскому. Князья Острожские знали беглого московского инока и считали его обманщиком. Они не желали войны с Россией, но более всего боялись нового взрыва казацких восстаний на Украине. Допросив Корелу, князь Януш дознался, что на помощь «царевичу» скоро придут 2 тысячи донцов и других злодеев. Встревожившись, воевода обратился с письмом к королю. Он предлагал с помощью военных мер пресечь назревавшее «воровство», в результате которого казаки «соединившись, или вторгнутся в Московскую землю или получат возможность произвести великие беспо-

рядки на Украине». В последующих письмах Острожский выражал опасения, что казаки, поддерживающие «царевича», того и гляди затеют бунт, наподобие бунта Наливайки.

В 1600 г. Россия и Польша подписали договор о двадцатилетнем перемирии. Мир был настоятельной необходимостью как для русских, так и для поляков. Самые дальновидные политики Речи Посполитой выступали за сближение с восточным соседом. Коронный гетман Ян Замойский предлагал скрепить мир с Россией браком короля с Ксенией Годуновой. Против войны высказалась большая часть сенаторов Речи Посполитой.

Но князь Адам Вишневецкий вел свою особую войну с царем Борисом из-за спорных городков на Левобережье Днепра. В пылу борьбы он стал собирать войско для самозванца в пределах своей вотчины на Суле. Самозванец и его покровитель рассчитывали на вербовать несколько тысяч казаков и вторгнуться в пределы России в тот момент, когда русские полки будут связаны борьбой с крымцами. Весной 1604 г. вторжения орды в пределы России ждали со дня на день. Но Крым так и не решился на войну с царем, а вольница не собралась под знаменами самозванца. Военные планы Отрепьева потерпели полное крушение. Силы, собранные в имении Вишневецкого, были слишком невелики, чтобы начинать войну. Донские казаки обещали помощь, но их письмо не попало в руки к «царевичу», и он ничего не знал о планах Войска Донского. Князь Адам Вишневецкий должен был считаться с позицией коронного гетмана и большинства других сенаторов. Его воинственный задор все больше охладевал. В этот момент Отрепьев вновь обнаружил свою поразительную способность приспосабливаться к обстоятельствам. Польские порядки значительно отличались от русских. Король обладал ограниченной властью. Оппозицию его власти возглавлял не кто иной, как коронный гетман Замойский. В окружении гетмана планы войны с Россией не встретили сочувствия. Зато Сигизмунд давно лелеял планы похода на восток. Его воинственные планы разделяли сенатор Юрий Мнишек, связанный с влиятельными католическими кругами. Родней сенатора был примас Польши кардинал Мациевский.

Отрепьев недолго пробыл в Литве, но успел многое узнать. Не получив поддержки в Сечи и не имея вестей с Дона, авантюрист решил порвать со своим православным покровителем и искать помощи в тех католических кругах, которые известны были своей крайней враждебностью к России. Из имения Вишневецкого Отрепьев перебрался к Юрию Мнишку в Самбор. Еще недавно беглый монах рассчитывал водвориться в Москве

с помощью казаков и татар. Новый покровитель самозванца отверг эти планы. Он надеялся на помощь короля и обещал посадить претендента на царский трон с помощью коронной армии. Мнишек не принадлежал к числу влиятельных государственных деятелей. Но он знал, что король Сигизмунд III давно ищет повода к войне с Россией, и твердо рассчитывал на его покровительство. Гетман С. Жолкевский, наблюдавший за интригами сторонников войны, писал, что Мнишек действовал посредством лести и лжи, но особенно важна была для него помощь его родственника кардинала Б. Мациевского, имевшего в то время большой вес при дворе короля. Мнишек помог самозванцу заручиться поддержкой литовского канцлера Льва Сапеги. Канцлер во всеуслышание заявил, что «Дмитрий» очень похож на покойного царя Федора, и пообещал снарядить и прислать в помощь «царевичу» 2 тысячи всадников. Готовясь представить самозванца королевскому двору, покровители Отрепьева организовали неловкую инсценировку. На службе у Сапеги в течение двух лет подвизался некий холоп Петрушка, московский беглец, по происхождению лифляндец, попавший пленником в Москву в детском возрасте. Тайно потворствуя интриге, Сапега объявил, что его слуга, которого теперь стали величать Юрием Петровским, хорошо знал царевича Дмитрия по Угличу. Петрушка — Петровский был спешно отправлен к Вишневецкому, чтобы удостоверить личность претендента. Встреча произошла в Жаложницах, куда самозванца доставил зять Мнишка Константин Вишневецкий. По словам Мнишка, Петровский сразу признал москвитя за истинного царского сына, указав на знаки, «которые он на его теле видел».

На самом деле встреча в Жаложницах едва не кончилась скандалом. Пан «Петровский» при виде самозванца не нашелся, что сказать. Тогда Отрепьев, спасая дело, громогласно заявил, что узнает бывшего слугу, и с большой уверенностью стал продолжать с ним беседу. Холоп тут же «вызнал» царевича. В имении Вишневецкого Отрепьева видели убогим расстригой. Там он оставался ряженой куклой. Князь Адам снабдил его богатой одеждой и велел возить в кolyмаге. Он мог отнять и то и другое в любой момент. В Самбор Отрепьев явился как царевич. Там проведены были новые «смотрины», о которых Мнишек рассказывал следующее: «В Самборе некоторый слуга господина воеводы (Юрия Мнишка. — *Р. С.*), который под Псковом пойман был и, несколько лет находясь в Москве в неволе, знал его (царевича Дмитрия. — *Р. С.*) еще в детстве и признал его (самозванца. — *Р. С.*) за того же».

При Шуйском произошло любопытное объяснение между

царскими послами и поляками. Объяснив причины, побудившие короля поверить самозванцу, польские дипломаты писали: «И для таковых всех мер, а не за свидетельством Петровского и двух чернцов (!) и хлопца пана воеводиного (Мнишка. — Р. С.), яко есте написали, склонившись веру дать тому» (Дмитрию). Несколько иначе очертил круг свидетелей старец Варлаам. Князя Угличского, по его словам, узнали «пять братьев Хрипуновых, да Истомин человек (холоп) Михнева Петрушка (Петровский. — Р. С.), да Ивашко, что вож (проводник), да мужики посадские киевляне». По понятным причинам Варлаам не назвал в числе свидетелей себя и второго чернеца Мисаила.

Князь Адам Вишневецкий еще в ноябре 1603 г. известил короля, что к «царевичу» прибежали двадцать «москалей», приветствовавших его как законного государя. Все они были из простонародья. Если бы среди беглецов нашелся хотя бы один дворянин, Вишневецкий упомянул бы об этом. Иезуиты назвали имя первого же предводителя, прибывшего на помощь к Лжедмитрию. То был Иван Порошин, происходивший, скорее всего, из мелких провинциальных служилых людей. В отличие от Порошина братья Дубенские-Хрипуновы принадлежали к числу видных уездных дворян. Но их измена не имела никакого отношения к самозванцу. Хрипуновы были подкуплены Львом Сапегой и успели передать ему немало московских секретов. Они бежали за рубеж, спасаясь от разоблачения. Там они поступили на службу к Сапеге и в угоду ему «вызнали» в Отрепьеве «законного царевича». Такими же подставными свидетелями были «пан» Петровский и холоп Мнишка.

Что касается приверженцев «царевича», всех их объединяло нечто общее. И посадские мужики-киевляне, и донские казаки — все принадлежали к низам общества. Именно низшие социальные слои стали питательной средой, в которой окончательно сформировалась идея «добротого царя».

Что побудило Мнишка оказать покровительство сомнительному проходимцу, бежавшему из России? Его мотивы не имели никакого отношения к русским утопиям. Престарелый Юрий Мнишек пользовался дурной репутацией. Он снискал расположение слабого короля Сигизмунда II Августа, оказывая ему самые разные, подчас сомнительные услуги. После смерти короля из дворца исчезли все его драгоценности. Ораторы сейма открыто обвинили в грабеже Юрия Мнишка. Последнему с трудом удалось избежать судебного разбирательства.

Благодаря связям при дворе Мнишек добился должности воеводы Сандомирского и старосты Львовского и Самборского. Под его управление поступили доходные королевские имения

в Червонной Руси. Однако Мнишек распоряжался королевскими доходами столь плохо, а его страсть к роскоши и расточительству была столь велика, что к концу жизни он совершенно запутался в своих финансовых делах и оказался на грани полного разорения. Постоянные задержки с уплатой сборов в казну привели к тому, что в 1603 г. королевские чиновники явились в Самбор, угрожая наложить арест на имущество Мнишка. Воеводе пришлось спешно продать одно из своих имений, чтобы уплатить неотложные долги. Но поправить дела ему не удалось, и осенью 1603 г. Мнишек обратился со слезным прошением к Сигизмунду III, прося позволить ему на год задержать выплату королевских доходов с Самбора.

Современники утверждали, что разорившийся магнат оказал покровительство самозванцу из самых корыстных побуждений, «ослепленный корыстолюбием и гордостью». Зная замыслы короля, Мнишек надеялся вернуть себе его милость и тем самым разрешить вопрос о недоимках и долгах. Его расчеты вполне оправдались. Сигизмунд III давно потерял надежду получить недоимки с самборской экономии и потому охотно согласился предоставить «царевичу» помощь в 4 тысячи флоринов в счет доходов с Самбора. Таким образом, вопрос о выплате очередных годовичных сборов в королевскую казну и недоимок разрешался сам собой.

Мнишек спешил взять в свои руки интригу. Он не только принял Отрепьева с царскими почестями, но и решил породниться с ним. Поощряемый Мнишком самозванец сделал предложение его дочери Марине. Отец встретил новость благосклонно, но объявил, что даст ответ после того, как «царевич» будет принят королем в Кракове.

Сватовство дало Мнишку благовидный повод для обращения Отрепьева в истинную веру. Находившиеся в Самборе бернардинцы пришли ему на помощь. Отрепьеву волей-неволей пришлось участвовать в ученых диспутах с ними. Отрепьев защищал православие без всякого воодушевления и, более того, дал понять собеседникам, что за ним дело не станет и вопросы веры могут быть решены к общему удовольствию. В своей рискованной игре Мнишек добился бесспорного успеха. Воспитанник иезуитов, Сигизмунд III был ревностным поборником католической контрреформации. Обещания Мнишка относительно перехода московского «царевича» в католичество усилили его интерес к интриге. Сигизмунд III вел дело к войне, не имея на то согласия сенаторов и сейма и грубо попирая интересы страны. 5 (15) марта он велел арестовать московского «канцлера» дьяка А. Власьева, возвращавшегося из Дании в Россию

через польские владения. Расчет состоял в том, чтобы осложнить русско-польские отношения. В тот же день Отрепьев получил частную аудиенцию в королевском замке на Вавеле.

Претендент поцеловал руку короля, после чего «дрожа всем телом, рассказал ему в кратких словах, за кого себя считает...». Выслушав сбивчивый рассказ, Сигизмунд выслал самозванца и стал совещаться с глазу на глаз с папским нунцием Рангони. Затем Отрепьева повторно ввели в зал, и король обратился к нему с милостивым словом, обещая свое покровительство. Претендент не смог вымолвить ни слова в ответ и лишь угодливо кланялся.

Сигизмунд III согласился предоставить самозванцу помощь на определенных условиях, зафиксированных в письменных «кондициях». Этот документ обнаруживал всю лживость рассуждений короля о «русской угрозе», все лицемерие мирных заверений, адресованных Борису Годунову. С помощью самозванца Сигизмунд III рассчитывал перекроить русские границы и добиться от России значительных территориальных уступок, а кроме того, получить от Москвы военную помощь для овладения шведской короной.

Перспективы победы католической контрреформации в Швеции и насаждения католичества в Московии встретили понимание в католических кругах Кракова и Рима. В марте 1604 г. папский нунций Рангони имел длительную беседу с Отрепьевым. Воспользовавшись поддержкой Рангони и иезуитов, Ю. Мнишек быстро завершил дело обращения самозванца в католическую веру. Смена веры не принесла самозванцу существенных материальных выгод. Горсть золотых, полученных от иезуитов, была истрачена очень быстро. Но в политическом отношении Отрепьев добился очень многого. Перейдя в католичество, «царевич» предал своих недавних союзников — православную украинскую «чернь», киевских мужиков, донских казаков, признавших «православного государя». Предательство должно было убедить покровителей самозванца в том, что он никогда не станет вторым Наливайко — вождем мятежных запорожцев и украинских мужиков.

Заклучив «кондиции» с королем, Отрепьев обязался уступить Речи Посполитой Чернигово-Северскую землю. Обязательство было затем подтверждено особым договором о передаче короне и Речи Посполитой шести городов (очевидно, Чернигова, Новгорода-Северского, Путивля и др.) в княжестве Северском, «со всем, что к оным принадлежит».

Однако еще раньше, как можно догадаться, Отрепьев обещал передать Северскую землю Юрию Мнишку. Оказавшись в труд-

ном положении, Отрепьев решил любой ценой удовлетворить обоих своих покровителей. Было выработано соглашение о разделе Северной земли между королем и Мнишком. Беглый монах согласился передать Мнишку в виде компенсации за северские города Смоленскую землю. Тогда Сигизмунд III в нарушение «кондиций» потребовал себе половину Смоленской земли.

Поскольку Мнишек находился ближе к самозванцу, чем король, он мог удовлетворить свою алчность в полной мере и должен был получить большую добычу при грядущем разделе России. «Царевич» подписал грамоту о передаче Мнишку и его наследникам на вечные времена Северной земли (без шести городов), Смоленской земли (включая «самый замок с городом Смоленском и со всеми, что к половине онаго принадлежит»), а также смежных земель «из другога государства, близь Смоленской земли, еще много городов, городков, замков». На какие именно города претендовал еще Мнишек, неясно. Как видно, он старался компенсировать себе «уступленную» королю половину Смоленщины.

Одним из пунктов «кондиций» Сигизмунда III был брак самозванца. Речь шла не столько о позволении, сколько об обязанности «Дмитрия» жениться на подданной короля. «Позволяем ему жениться в наших государствах, чтобы с королевой (так Сигизмунд III в привычных для него словах назвал будущую московскую царицу.— *Р. С.*) на то дал присягу». Имя Марины Мнишек не было названо в «кондициях». Но именно королевское повеление определило всю дальнейшую судьбу Марины. По возвращении в Самбор Мнишек без помех довел дело до конца. Под страхом проклятия Отрепьев обещал жениться на панне Марине: «А не женюсь,— значилось в его записи,— яз проклятво на себя даю».

Условия брачного контракта сводились к следующему. Самозванец обязался выплатить Мнишку миллион польских злотых из московской казны на уплату долгов и переезд в Москву. Марина в качестве царицы должна была получить на правах удельного княжества Новгородскую и Псковскую земли с думными людьми, дворянами, духовенством, с пригородами и селами, со всеми доходами.

Самозванец торжественно обещал Мнишкам, что Новгород и Псков фактически будут выведены из-под управления Москвы. «А мне (царю.— *Р. С.*),— значилось в документе,— в тех обоих государствах, в Новгороде и во Пскове, ничем не владети и в них ни во что не вступаться». Удел закреплялся за Мариной «в веки». Царица получила право «приказати наместником

своим (читай — родне. — *Р. С.*) владети ими (Новгородом и Псковом. — *Р. С.*) и судити», давать поместья и вотчины своим служилым людям с правом купли и продажи земли, строить римские монастыри и костелы, самой без помех исповедовать католическую веру.

В смысле религии набожные Мнишки поставили беглому монаху самые строгие условия. Он должен был привести все православное царство Московское в католическую веру за год. В случае несоблюдения срока Мнишек и его дочь получали право «развестися» с «царем», разумеется сохранив при этом все земельные пожалования. Воевода милостиво соглашался, если ему будет угодно, подождать обращения Московии в истинную веру «до другого году», но никак не позже.

Таким было содержание удивительного брачного контракта, подписанного самозванцем в Самборе 25 мая 1604 г.

Осуществленные на практике самборские обязательства Лжедмитрия I привели бы к расчленению России. Однако интересы собственного народа и государства мало заботили авантюриста. Подобно азартному игроку, он думал лишь о ближайшей выгоде.

После свидания с королем самозванец через своих покровителей заказал парадный портрет. Надпись к портрету была продиктована, по-видимому, им самим. Она гласила: «Дмитрий Иванович, великий князь Московии 1604 г. В возрасте своем 23». Надпись доказывает, что Отрепьев не знал точного времени рождения Дмитрия Угличского, которому летом 1604 г. было бы менее двадцати двух лет. Не указал ли самозванец в надписи к портрету собственный возраст? На портрете изображен молодой человек с темными волосами и волевым лицом. Облик претендента несколько идеализирован по сравнению с гравированным портретом. Судя по сохранившимся словесным описаниям и гравюрам, Отрепьев обладал малопривлекательной, но характерной внешностью. Приземистый, гораздо ниже среднего роста, он был непропорционально широк в плечах, почти без талии, с короткой шеей. Руки его отличались редкой силой и имели неодинаковую длину. В чертах лица сквозили грубость и сила. Признаком мужества русские почитали бороду. На круглом лице Отрепьева не росли ни усы, ни борода. Волосы на голове были светлые с рыжиной, нос напоминал башмак, подле носа росли две большие бородавки. Тяжелый взгляд маленьких глаз дополнял гнетущее впечатление.

Не считаясь с мнением сената и всей страны, Сигизмунд III вел дело к решительному разрыву с Россией. 13 марта 1604 г. он предложил Яну Замоискому возглавить поход коронной

армии в Россию. Однако гетман категорически отверг планы войны и подчеркнул, что авантюра, кроме ущерба, ничего не принесет Речи Посполитой.

Сторонники мира с Москвой одержали бесспорный успех. Сигизмунд отказался от сумасбродной идеи посылки польской армии в пределы России. Потерпев неудачу, король велел Мнишку нанять для претендента «частную» наемную армию.

Самборская казна была постоянно пуста, и Мнишек не мог выделит Отрепьеву даже тех 4 тысяч злотых, которые король пожаловал «царевичу» на содержание. Тем не менее ему удалось получить кое-какие ссуды, и он приступил к сбору наемников.

К середине августа 1604 г. покровители самозванца собрали в окрестностях Львова некоторое количество конницы и пехоты. Под знамена самозванца слетались наемники, оставшиеся без дела после прекращения боевых действий в Ливонии. Среди тех, кто готов был запродать оружие московскому царевичу, можно было встретить и ветеранов Батория, и всякий сброд — мародеров и висельников.

Ставки на наемных солдат стояли в Европе на очень высоком уровне, и Мнишку трудно было оплачивать услуги наемного войства. Не получая денег, «рыцарство» принялось грабить львовских мещан. Дело дошло до убийств.

Несмотря на заверения канцлера Льва Сапегы, самозванец не получил никакой помощи из Литвы. Не желая войны с Россией, литовские магнаты решительно отказались поддержать авантюру.

В противовес знати мелкая шляхта с энтузиазмом поддержала планы войны с Россией. Обедневшие дворяне, находившиеся на грани разорения, надеялись поправить свои дела с помощью военной добычи и не желали слышать о том, чтобы отложить поход.

Политика Сигизмунда III была двуличной и лицемерной. На словах глава государства выступал за соблюдение существующих мирных соглашений, а на деле готовил войну. Пока наемное войско оставалось во Львове, король оставлял без ответа жалобы местного населения на грабежи и насилия. Прошло полторы недели после того, как Мнишек покинул Львов и выступил в поход, и лишь тогда Сигизмунд III издал запоздалое распоряжение о роспуске собранной им армии.

Папский нунций Рангони получил при дворе достоверную информацию о том, что королевский гонец имел инструкцию не спешить с доставкой указа во Львов.

Тем временем армия самозванца медленно приближалась к

русским границам. Иногда отряды делали в день по 2—3 мили, иногда останавливались в одном месте на несколько дней.

Самозванец щедро одаривал своих кредиторов долговыми записками. Погасить их предполагалось за счет богатой московской казны. Пока же все тяготы по содержанию наемного сброда должны были нести украинские крестьяне из тех имений, где останавливались солдаты.

К концу первых двух недель похода самозванец оставался в пределах Львовщины. Во время остановки в Глинянах в начале сентября был проведен смотр. Рыцарство собралось в «коло» и произвело выборы командиров. В полном соответствии с волей Мнишка сам он был избран главнокомандующим, а Адам Жулицкий и Адам Дворжецкий — полковниками, сын Мнишка Станислав стал командиром гусарской роты. Таким образом, Мнишек, его ближайшие друзья и родственники сосредоточили в своих руках все командование армией самозванца.

К началу сентября армия Мнишка насчитывала около 2500 человек. В нее входило 580 гусар, 500 человек пехоты, 1420 казаков и пятигорцев. К моменту перехода границы численность казаков увеличилась до 3 тысяч. Самозванческую авантюру поддержали главным образом реестровые казаки, находившиеся на службе у короля. Запорожцы отклонили сомнительную честь участия в войне с Россией. Летом 1604 г. запорожский старшина Семен Скалозуб, получив казну от Бориса, собрал 3700 казаков и ушел в поход на Черное море, к турецким берегам.

По настоянию короля Острожский освободил атамана Корелу. Чтобы ободрить своих сторонников, Юрий Мнишек распустил слух о найме царевичем 10 тыс. донцов.

Православная церковь третировала католиков как худших врагов истинной веры. Поэтому православные люди, оказавшиеся в лагере царевича, с тревогой наблюдали за появлением в его окружении иезуитов и прочих латинян. Неблагоприятные толки дошли до Юрия Мнишка, и он решил прибегнуть к строгостям, чтобы поставить московитов на место. Воспользовавшись доносом одного из русских, Мнишек велел схватить сына боярского Якова Пыхачева и без суда казнил его. Мнишек сам сообщил об этой казни папскому нунцию. Согласно версии Мнишка, Пыхачев был будто бы подослан в Самбор Борисом Годуновым для убийства «царевича». Однако верить его утверждению трудно. Сандомирский воевода не упускал случая очернить тиранию Бориса, чтобы оправдать войну с ним. По словам Варлаама, Пыхачев пострадал из-за того, что называл «царевича» Гришкой Отрепьевым, иначе говоря, усомнился в его царственном происхождении.

Пособник самозванца Варлаам Яцкий поспешил в Самбор, привлеченный слухами о его успехе. Он рассчитывал пожать плоды затеянной интриги, но жестоко просчитался. Варлаам знал слишком много об Отрепьеве и его истинном происхождении, и тот решил отделаться от своего наставника. Уезжая из Самбора, самозванец приказал бросить Варлаама в тюрьму.

Не позднее июля 1604 г. из Самбора на Дон выехал литвин Счастливый Свирский с запорожцами. Он отвез казакам «царское» знамя — красное полотнище с черным двуглавым орлом посредине.

Донцы снарядили в Польшу новых послов. Они явились в лагерь самозванца 25 августа 1604 г. Казаки вновь подтвердили свою готовность выступить на помощь своему «прирожденному государю».

Московские власти своевременно узнали о появлении гонцов от самозванца на Дону и попытались предотвратить восстание казаков. С этой целью они направили к ним дворянина Петра Хрущева. Последний был хорошо известен казакам. Прошло десять лет с тех пор, как правитель Борис Годунов предлагал донцам принять Хрущева в столице их войска Раздорах в качестве головы. В то время вольные казаки категорически отвергли домогательства Москвы. В 1604 г. миссия Хрущева также завершилась провалом. Казаки связали царского посланца и увезли в Польшу, где выдали Отрепьеву. Как выяснилось на допросах, Хрущев должен был склонить донцов к участию в войне с «царевичем».

Канцелярия Мнишка подвергла допросные речи Хрущева тенденциозной обработке, превратив их в памфлет. Памфлет был немедленно использован, чтобы воздействовать на общественное мнение в Польше. Авторы памфлета приписали Хрущеву басню о том, что вдова Федора царица Ирина признала «царевича» «природным государем», за что, по слухам, была убита своим братом Борисом Годуновым. В Москве тот же тиран приказал умертвить «двух главных господ» — Смирнова Васильева и Меньшого Булгакова — только за то, что те пили у себя дома за здоровье царевича Дмитрия. «Главные господа» были в действительности царскими дьяками. Васильев служил в Приказе Большого дворца, а Булгаков — в Казенном приказе. Оба благополучно пережили и Годунова и самозванца. Примечательно, что Булгаков пользовался полным доверием царя Бориса до самой смерти последнего. 19 марта 1605 г. «подказначей», как его именовали англичане, Меньшой Булгаков привез английским послам царские подарки. Приведенный факт обна-

руживает лживость «допросных речей» Хрущева, составленных людьми Мнишка.

Ни малейшего доверия не внушает воспроизведенная в памфлете запись разговора между Хрущевым и знатным воеводой Петром Шереметевым. «Трудно против прирожденного государя воевать», — будто бы заявил Шереметев.

Небылицы насчет жестоких казней в Москве понадобились Мнишку для того, чтобы изобразить Бориса тираном и оправдать вторжение в Россию, якобы предпринятое в защиту справедливости, в интересах «законного» государя московского.

Противники войны с Россией — Ян Замойский и другие — не только протестовали против действий Мнишка, но и предпринимали практические меры, чтобы не допустить нарушения мирного договора с Москвой. Еще в мае 1604 г. Януш Острожский известил короля, что он употребит насилие, чтобы задержать продвижение отрядов самозванца к русской границе. У краковского кастеляна были собственные войска, и его поддерживали другие магнаты с Украины. Не позднее июня Острожский обратился к «царевичу» с предупреждением, что он не допустит его к Днепру. Острожский подкрепил свою угрозу тем, что собрал южнее Киева значительные воинские силы. Он действовал, как видно, в полном согласии с Замойским. Один из участников московского похода, служивший в «царской роте», записал в своем дневнике: «Идя к Киеву, мы боялись войска краковского кастеляна князя Острожского, которого (войска) было несколько тысяч и которое стерегло нас до самого Днепра, поэтому мы были очень осторожны, не спали по целым ночам и имели наготове лошадей».

Киевский воевода Василий Острожский и черкасский староста Януш Острожский опасались, как бы соединение воинства самозванца с казаками не вызвало нового взрыва казацко-крестьянского восстания по всей Украине. Расположив свои войска к югу от Киева, князь Януш перерезал пути, которые вели через Запорожье на Дон. Военные меры Острожских преследовали и другие цели. Зная о насилиях наемников во Львове, они пытались предотвратить грабежи и бесчинства в Киеве и его округе.

В посланиях королю Острожский подробно изложил план санкций против «своевольников», нарушивших мир и спокойствие на Украине. Опасения вызвать гнев Сигизмунда III и присутствие сенатора в армии самозванца помешали ему осуществить этот план. Угроза не допустить Отрепьева к московской границе была осуществлена лишь частично. Януш велел угнать все суда и паромы с днепровских переправ под Киевом.

В течение нескольких дней войска Лжедмитрия I оставались на берегу Днепра, не имея средств для переправы. Самозванца выручили те самые киевские «мужики» — православные жители Киева, которые первыми признали в нем «истинного царевича». В грамоте, подписанной после переправы через Днепр, значилось, что «для перевозу войска нашего через реку Днепр тые ж мещане киевские коштом и накладом своим перевоз зготовавши».

Продлав за два месяца путь от Львова до Днепра, армия Мнишка собралась на берегах Десны, изготовившись к вторжению в пределы России.

ВТОРЖЕНИЕ

Москве знали о том, что Ян Замойский и другие ведущие политики Речи Посполитой решительно отвергли планы войны с Россией. Мнишек не успел собрать войско к лету, и самое удобное время для вторжения было упущено. Никто не думал, что «вор» начнет войну в разгар осенней распутицы. Борис Годунов был уверен, что ему удастся избежать войны с помощью дипломатических средств. В 1604 г. в Краков выехал стрелецкий голова Смирной Отрепьев, дядя самозванца. Он должен был собрать сведения о своем беглом племяннике, а затем публично изобличить его, добившись личной с ним встречи. Осенью 1604 г. московское командование не предприняло никаких мер к усилению западных пограничных гарнизонов и не собрало полевую армию. Все это подтверждает вывод о том, что вторжение застало страну врасплох.

Самозванец был прекрасно осведомлен насчет положения дел в России. Он решил наступать на Москву не по Старой Смоленской дороге, а кружным путем через Чернигов. В Северной земле царскому правительству не удалось насадить поместную систему и создать себе прочную опору в лице уездных дворян. Северские дети боярские были плохо обеспечены землей и крепостными, и число их было невелико. Со времен Грозного власти ссылали в Севск и Курск опальных холопов с предписанием «писать их в казаки». После разгрома отряда Хлопка в Северскую землю бежало немало «злодейственных гадов» (так называли повстанцев дворянские писатели) и всякого рода «черни», искавших на юге спасения от голодной смерти.

Черниговская земля была населена украинцами, поддерживавшими тесные связи с украинским населением в пределах Речи Посполитой. Именно поэтому слухи о появлении «добротого царя» на Киевщине мгновенно распространились по Северной Украине. В течение многих месяцев сторонники самозванца

употребляли всевозможные средства, чтобы привлечь на сторону «доброе царя» жителей Черниговщины. Они засылали в Чернигов лазутчиков, разбрасывали «прелестные грамоты». Агитация в пользу «доброе царя» принесла свои результаты. Обрушившиеся на страну беды приучили население винить во всех своих несчастьях царя Бориса. Уповая на «доброе Дмитрия», низы с нетерпением ждали «исхода» «истинного царя» из-за рубежа.

13 октября 1604 г. войско самозванца, перейдя границу, стало медленно продвигаться к ближайшей русской крепости — Монастыревскому острогу. Предпринимая нападение на соседнее дружественное государство, Мнишек сознавал, что не сможет в случае неудачи и пленения воспользоваться защитой Речи Посполитой. По этой причине он предпринимал всевозможные меры предосторожности.

Приказав атаману Белешко с казаками двигаться по дороге прямо к Монастыревскому острогу, Мнишек углубился в лес, раскинувшийся кругом на много верст. При нем находились самозванец, шляхта, отряды наемных солдат, экипажи и обозы. Сопровождавшие армию Мнишка иезуиты подтвердили в своих письмах, что шли к Монастыревскому острогу не по дороге, а «через леса и болота». Ротмистру С. Борше начало похода запомнилось тем, что его солдаты нашли в лесу множество вкусных ягод.

Атаман Белешко беспрепятственно подошел к Монастыревскому острогу и выслал гонца для переговоров. Казак подъехал к стене крепости и на конце сабли передал жителям письмо «царевича». На словах он сообщил, что следом идет сам «Дмитрий» с огромными силами.

Застигнутый врасплох воевода Б. Лодыгин пытался организовать сопротивление. Но в городке началось восстание. Жители связали Б. Лодыгина и его помощника М. Толочанова и выдали их казакам. При всем своем усердии восставшие смогли передать себя в руки «Дмитрию» лишь с большим запозданием. Мнишек так углубился в леса и болота, что ему понадобилось несколько дней, чтобы выбраться из чащи и прибыть к стенам сдавшейся крепости. Посланец Белешка привез весть о победе 18 октября 1604 г. На другой день восставшие жители доставили самозванцу захваченных воевод, и лишь 21 октября в 7 часов вечера Лжедмитрий вместе со своим главнокомандующим принял острог из рук восставших.

Захлестнувшие Северщину слухи о скором появлении избавителя — «хорошего царя» расчистили путь самозванцу. Мнимый сын Грозного был встречен ликующими возгласами: «Встает

наше красное солнышко, ворочается к нам Дмитрий Иванович!»

Известия о сдаче Монастыревского острога и приближении «царевича» вызвали волнения в Чернигове. Простой народ требовал признать власть «законного государя». Среди местных служилых людей царили разброд и шатания. Воевода князь И. А. Татев заперся со стрельцами в замке и приготовился к отражению неприятеля. Но он оставил посад в руках восставшего народа, что решило исход дела. Чтобы справиться с воеводой, черниговцы призвали на помощь прибывший в окрестности города казачий отряд атамана Белешко.

Русское командование использовало задержку самозванца на границе и проявило исключительную расторопность. На выручку к черниговским воеводам стремительно двигался окольный П. Ф. Басманов с отрядом стрельцов. Он находился в 15 верстах от города, когда там произошел мятеж. Казаки атамана Белешко, впущенные в город черниговцами, пытались штурмовать замок, но были отбиты залпами стрельцов. Раздосадованные потерями казаки и прибывшие следом наемные солдаты самозванца бросились громить посад. Все воинские заслуги армии Мнишка при взятии Чернигова свелись к грабежу города. События в замке развивались своим чередом. Князь Татев не смог удержать в повиновении находившихся при нем казаков, стрельцов и служилых людей.

Русские и иностранные источники одинаково описывают обстоятельства падения Чернигова. По свидетельству «Нового летописца», Татев пытался оборонять крепость, но среди гарнизона открылась измена «и приидоша ж вси ратные люди и ево поимаше и сами здалися к Ростриге...». Черниговцы захватили и выдали самозванцу воевод князя И. А. Татева, князя П. М. Шаховского и Н. С. Воронцова-Вельяминова.

Смуту учинили «черные люди» (чернь, престоноародье) Чернигова: «...смутишася черные люди и перевязаша воевод...» Иезуиты, вступившие в Чернигов вместе с самозванцем, отметили, что восставшие черниговцы с ожесточением напали на воевод, одних ранили, других повлекли в тюрьму.

Отрепьев вступил в Чернигов на другой день после его сдачи. Он выразил гнев по поводу разграбления города, но не смог или не захотел заставить солдат и казаков вернуть награбленное.

Уже в Чернигове обнаружилось, сколь различным было отношение к самозванцу со стороны верхов и низов русского общества. Народ приветствовал вновь обретенного «царевича», невзирая на свои несчастья. Знатный дворянин Н. С. Воронцов-Вельяминов наотрез отказался признать расстригу своим государем. Отрепьев приказал убить его. Казнь устрасила дворян,

взятых в плен. Воеводы Татев, Шаховский и другие поспешили принести присягу Лжедмитрию. На пути от Львова до Киева немало крестьян «показались» и вступили в войско царька. Киевские «мужики» помогли ему переправиться за Днепр. Совершенно так же встречало его войско украинское население Северины.

Заняв Чернигов, Мнишек с самозванцем оставался там некоторое время, явно боясь углубляться на территорию России. Находившиеся при нем иезуиты писали 1 ноября 1604 г.: «Два или три дня спустя войско двинется отсюда в глубь Московии, где, как говорят, путь будет идти миль на 30 лесами к Белгороду». Верный себе Мнишек вновь решил углубиться в леса и, обходя крепости, двигаться вдоль кромки русских земель к Белгороду, где можно было ждать помощь с Дона. Однако под влиянием благоприятных вестей Мнишек вскоре изменил свои планы и выступил к Новгороду-Северскому. В авангарде его армии шли две сотни казаков во главе с Я. Бучинским. Казаки пытались завязать переговоры с жителями Новгорода-Северского, грозили воеводам жестокой расправой в случае неповиновения. Но в Новгороде-Северском они не добились успеха. Оборону города возглавил энергичный воевода П. Ф. Басманов. Не успев оказать помощь Чернигову, он отступил в Новгород-Северский и в течение недели подготовил крепость к обороне. Гарнизон города был невелик, не более 300 ратных людей. Небольшой отряд воевода привел с собой. Кроме того, он успел вызвать пополнения из соседних крепостей. Теперь гарнизон Новгорода-Северского включал полторы сотни дворян, более 450 стрельцов, почти 350 казаков, а кроме этого, до 500 даточных людей, набранных из крестьян соседней Комарицкой волости.

Когда авангарды Лжедмитрия подступили к крепости, Басманов приказал стрелять по ним и отогнал от стен крепости.

Узнав о неудаче, Мнишек два дня не решался идти вперед. Его армия стояла обозом в поле. Наконец самозванец и его покровитель преодолели замешательство и 11 ноября приступили к осаде Новгорода-Северского. При первой попытке взять крепость приступом солдаты потеряли 50 человек и отступили. В ночь с 17 на 18 ноября последовал генеральный штурм. Басманов имел лазутчиков во вражеском лагере и успел хорошо подготовиться к отражению нападения. Солдаты использовали «примет», чтобы поджечь деревянные стены замка. Но приступ и на этот раз не удался. Понеся большие потери, наемники отступили.

Никогда прежде Отрепьев не нюхал пороха, и первая же неудача повергла его в уныние. Он был близок к обмороку,

проклинал наемных солдат. Поражение посеяло в его лагере страх и неуверенность. В войске назревал мятеж. После недолгих совещаний наемники решили немедленно отступить от города и вернуться на родину. Однако они не успели осуществить свое решение, поскольку в этот самый момент в лагере стало известно о сдаче Путивля.

Путивль был ключевым пунктом обороны Черниговской земли и единственным из северских городов, располагавшим каменной крепостью. Лишь заняв Путивль, самозванец мог добиться подчинения всей округи. Кто владел Путивлем, тот владел Северщиной. Отрепьев понимал это и уже при составлении военных планов в 1603 г. наметил занятие Путивля как первоочередную задачу. Однако собранные силы были столь ничтожны, что воеводы Ажедмитрия не посмели напасть на главную крепость Северщины. Сдача города воочию показала, что фактор интервенции имел небольшое значение даже в первые недели войны. Иноземные наемные войска не сыграли никакой роли в борьбе за Путивль. А между тем это событие круто изменило весь ход военных действий.

Будучи крупным торговым центром, Путивль имел многочисленное городское население. Дворянская прослойка в путивльском гарнизоне была невелика. Основу гарнизона составлял отряд (приказ) конных стрельцов (самопальников), сформированный тут за десять лет до вторжения самозванца. Власти предполагали укомплектовать отряд за счет мелкопоместных детей боярских. Но им удалось набрать лишь одну дворянскую сотню. Прочие конные самопальники состояли из путивльских казаков (севрюков), стрельцов, пушкарей и некоторого числа посадских людей. Положение путивльских стрельцов было незавидным. Они должны были распахивать целину, обрабатывать надел и одновременно нести службу. Неудивительно, что вести о появлении «добротого царя» вызвали в их среде брожение.

В Путивле произошло то же самое, что ранее случилось в Чернигове. Народ поднял восстание, а служилые люди поддержали «чернь». Выдающуюся роль в путивльских событиях сыграл сын боярский Ю. Беззубцев и его сотня конных самопальников, укомплектованная за счет путивльских казаков и стрельцов. Не случайно Ю. Беззубцев стал одним из главных сподвижников Отрепьева.

Современники подозревали, что сдаче Путивля способствовала измена воевод. Шведский агент Петр Петрей сообщает, будто царь Борис поручил князю В. М. Масальскому отвезти в Путивль казну, а тот доставил деньги в лагерь самозванца, где был встречен с барабанным боем. Однако Исаак Масса утверж-

дал, что с казной к Лжедмитрию бежал дьяк Б. Сутупов, посланный Годуновым к войску. По-видимому, И. Масса располагал более надежной информацией. В Разряде, датированном весной 1604 (7112) г., против имени Сутупова сделана помета: «Богдан послан з государевым денежным жалованьем в северские города». Авторы русских сказаний давали неодинаковые оценки поведению путивльских воевод. По словам «Нового летописца», «в Путивле окаянный князь Василей Рубец Масальской да дьяк Богдан Сутупов здумаша также (как черниговцы. — Р. С.)... послаша с повинною». В «Сказании о Гришке Отрепьеве» можно прочесть, что Масальский примкнул к изменникам «черным людям» вместе с Сутуповым. Автор «Повести 1662 года», напротив, считал, что Масальский, как и главный воевода Салтыков, противился мятежу и убеждал народ, что «Дмитрий» — это Гришка Отрепьев.

Письмо, написанное неизвестным поляком из-под Новгорода-Северского в дни мятежа в Путивле, не оставляет сомнения в достоверности второй версии. Поляк писал, что двое путивльских воевод (один из них сенатор и любимец Бориса) пытались противодействовать мятежу, но их связали и увезли в лагерь самозванца. Из приведенного письма следует, что только один воевода из трех примкнул к «черни» и добровольно встал на сторону Лжедмитрия. Этим воеводой был, очевидно, дьяк Сутупов, человек незнатного происхождения. Член Боярской думы М. М. Салтыков решительно отказался присягнуть самозванцу, чем навлек на себя гнев народа. Путивляне поволокли воеводу к «царевичу» на веревке, которую привязали к его бороде.

Самозванец узнал об аресте путивльских воевод 18 ноября 1604 г. День спустя жители города дали знать о «поимании 200 стрельцов московских». 21 ноября повстанцы выдали «царевичу» голову стрелецкого с сотниками. Как видно, посланные в Путивль московские стрельцы оказывали сопротивление восставшим в течение одного-двух дней.

В Путивле в воеводской казне хранились крупные суммы, предназначенные на жалованье служилым людям и на крепостное строительство. Во время восстания дьяк Б. Сутупов уберек казну, а затем доставил ее самозванцу в лагерь.

В наемной армии под Новгородом-Северским назревал мятеж, ее распад казался неизбежным. Восстание в Путивле спасло положение, самозванец получил казну. Последовав примеру черниговских воевод, В. М. Масальский присягнул «царевичу». Довольно скоро Масальский и Сутупов стали самыми деятельными помощниками Лжедмитрия.

Пять недель шла борьба за северские города, прежде чем восстание перебросилось из Северной Украины на смежные русские уезды.

Русские города, расположенные поодаль от границы, были затронуты агитацией в пользу самозванца значительно меньше, чем северские города. Тем не менее в них было много горючего материала. Из Путивля восстание распространилось в Рыльск, Курск и далее на северо-восток. В самом начале кампании московское командование перебросило в Рыльск 300 московских стрельцов. Однако рыльский воевода А. Загряжский не сумел подавить восстание населения. Весть о мятеже в Рыльске была получена в лагере под Новгородом-Северским 25 ноября, а 1 декабря там стало известно о восстании в Курске.

Летом 1604 г. Разрядный приказ назначил воеводой Курска князя Г. Б. Рошу-Долгорукова. Его помощником был голова Я. Змеев. Куряне связали воевод и доставили их к Лжедмитрию. Воеводам пришлось выбирать между милостями нового «государя» и тюрьмой, и они поспешили присоединиться к тем, кто согласился служить «вору». Прошло совсем немного времени, и Лжедмитрий назначил Г. Б. Долгорукова и Я. Змеева своими воеводами в Рыльск. Восставший народ нападал на воевод, московских стрельцов и других лиц, выступавших против «доброго царя», но принимал их в свою среду и даже подчинялся их авторитету, коль скоро те переходили на сторону Лжедмитрия.

Ход гражданской войны в известной мере зависел от того, поддержат ли самозванца крестьянские массы. Настроения крестьян определялись тем, что осенью 1604 г. деревня еще не преодолела последствий трехлетнего неурожая и голода. Плодородные земли на юго-западе были затронуты неурожаем и голодом в меньшей мере. Но именно поэтому казна отказывала местным крестьянам в каких бы то ни было податных льготах, стремясь компенсировать огромные недоимки в других уездах. Из-за осенней распутицы власти не имели возможности своевременно набрать даточных и посошных людей в отдельных уездах государства, и поэтому тяжесть этой повинности испытали на себе прежде всего крестьяне юго-западных районов, ближе всего расположенных к театру военных действий.

Первой крестьянской волостью, примкнувшей к восстанию в пользу Лжедмитрия, явилась обширная Комарицкая волость на Брянщине. 25 ноября автор польского дневника записал: «Из Комарицкой волости люди приехали с объявлением о подданстве и двух воевод привели». Борьба в волости продолжалась, по крайней мере, пять дней. 1 декабря в дневнике появилась

запись о том, что комаричи привели еще двух воевод «из Комарицкой волости». Объясняя причины этого восстания, историки высказали предположение, что еще при царе Федоре эта волость была передана во владение Борису Годунову и этот последний олицетворял собой и боярина-феодала, и главу крепостнического государства. Недавно обнаруженные данные не оставляют сомнения в том, что при царе Борисе Комарицкая волость была собственностью царской фамилии и находилась в ведении Дворцового приказа. Дворцовые крестьяне находились в лучшем положении, нежели закрепощенные частновладельческие крестьяне. По словам И. Массы, Комарицкая волость была населена богатыми мужиками. Русские источники подтверждают эти известия. Трехлетний неурожай сказался на положении богатой волости. И все же комаричи не испытали тех бедствий, которые испытало население многих других районов, массами умиравшее от голода.

Невзирая на неурожай, комаричи должны были выплатить казне и дворцу подати и оброки. Еще более тяжелыми оказались натуральные повинности. Когда воеводы обязали волостных людей выставить для войны с «Дмитрием» 500 человек даточных людей, негодование крестьян достигло предела. Как следует из польского дневника, комаричи захватили и выдали самозванцу воеводу и трех других волостных чиновников.

3 декабря 1604 г. в лагере Лжедмитрия стало известно, что «волость Кромы сдалась». Службу в Кромах несли в 1603—1604 гг. осадный голова Иван Матов и городовые приказчики Осип Виденьев и Иван Грудинов. Власти не ждали нападения на Кромы и ослабили их и без того малочисленный гарнизон. Дело дошло до того, что Матову пришлось отослать в действующую армию четырех своих конных боевых слуг. Согласно польскому дневнику, на сторону «Дмитрия» перешла «волость Кромы». Иначе говоря, восстание в небольшой крепости было поддержано населением сельской округи.

Уцелевший фрагмент разрядных документов, посвященный военным действиям в районе Кром и Орла, показывает, какую роль играло крестьянское население в распространении восстания от уезда к уезду. В конце 1604 г. власти города Орла донесли в Москву, что пришли «на орловские места войною Околенские волости мужики и кромчане». Кромы располагались к югу от Орла, на дороге Курск — Орел. Околенки — центр Околенской волости — находились к западу от Орла, на расстоянии 42 верст от Карачева. Через село Околенки проходила прямая дорога из Орла на Карачев. Восставшие «мужики» из Околенской волости действовали очень энергично. Они объеди-

нились с отрядами из Кромской волости и попытались поднять против царя Бориса население Орла. Если бы кромчанам удалось «смутить» Орел, это открыло бы восставшим прямой путь на Тулу и Москву. Оценив опасность, командование перебросило в Орел голов Г. Микулина и И. Михнева с дворянскими сотнями. Из-за недостатка сил в Орел были вызваны дворяне и дети боярские из Козельска, Белева и Мещовска, несшие годовую службу в Белгороде. Царь Борис доверял Г. Микулину и в 1600 г. послал его послом в Лондон. Микулин не допустил восстания в Орле, поскольку имел возможность опереться на сильные дворянские отряды. Высланная из города дворянская сотня наголову разгромила «мужиков» и отбросила их от Орла.

Несмотря на неудачу повстанцев под Орлом, восстание на Брянщине и Орловщине существенно изменило ситуацию на театре военных действий. Теперь самозванец имел обеспеченный тыл и возможность пополнить свои ресурсы.

Вести об успехах «истинного царя» проникли в осажденный Новгород-Северский и посеяли там семена смуты. Воеводе П. Ф. Басманову с трудом удалось справиться с кризисом. После отступления Лжедмитрия власти щедро наградили всех участников обороны крепости. Не были забыты ни стрелецкие дети, ни бортники, ни монахи, ни слепой старец, ходивший лязучиком в «воровской» стан, однако среди награжденных не было посадских людей и комаричей. С. Ф. Платонов склонен был объяснить этот факт отсутствием сколько-нибудь значительного посада в Новгороде-Северском. Однако с таким объяснением трудно согласиться. Современники отмечали, что Басманов, прибыв в город, приказал сжечь примыкавший к крепости посад, а жителей загнал в острог. Польский дневник дает ключ к отмеченному С. Ф. Платоновым парадоксу. 28 ноября, записал автор поденной записки, «передалось москвы из замка 80». Как видно, среди населения Новгорода-Северского произошли волнения. Сторонники «царевича» пытались поднять мятеж, но потерпели неудачу и бежали из крепости.

Начиная с 1 декабря 1604 г. осаждавшие стали обстреливать Новгород-Северский из тяжелых орудий, привезенных из Путивля. Канонада не прекращалась ни днем, ни ночью. Гарнизон нес большие потери. После недельного обстрела враги сровняли стены с землей — «разбиша град до обвалу земляного». Чтобы выиграть время, Басманов начал переговоры с Лжедмитрием и просил о предоставлении ему двухнедельного перемирия, будто бы необходимого для принятия решения о сдаче крепости. Мнишек и Отрепьев согласились на просьбу воеводы. Басманов использовал перемирие, чтобы укрепить гарнизон. 14 декабря

«москвы (русских) 100 (человек) вошло в замок». Не располагая крупными силами, московское командование вынуждено было посылать против Лжедмитрия разрозненные отряды. Вслед за П. Ф. Басмановым «в Северу» выступил воевода М. Б. Шеин. В Орел на помощь тамошним головам прибыл Ф. И. Шереметев. А. Р. Плещеев, собиравший дворян в Туле, был послан в Карачев, откуда его направили для подавления восстания в Комарицкую волость. Малочисленные отряды правительственных войск были бессильны справиться с народом.

Когда в Москве узнали о вторжении самозванца, Борис призвал под знамена все воинские силы. То была первая всеобщая мобилизация, объявленная в стране после тринадцатилетней мирной передышки. Разрядный приказ получил распоряжение собрать полки в течение двух недель. Царское повеление было повторено трижды, но выполнить его не удалось. Потребовалось не менее двух месяцев, чтобы вызвать дворян из их сельских усадеб к месту сбора. Осенняя распутица затрудняла мобилизацию.

В октябре Разрядный приказ составил две росписи. Согласно первой, князь Д. И. Шуйский с тремя полками должен был выступить к Чернигову, согласно второй — к Брянску. Однако даже армию из трех полков удалось укомплектовать лишь в ноябре. Д. И. Шуйский покинул Москву и начал поход «на Северу» только 12 ноября «на Дмитриев день». Участник похода К. Буссов писал, что Борис сурово наказал тех, кто уклонялся от службы: некоторые были доставлены под стражей, у других отписали поместья, третьих наказали батогами.

В Брянске армия сделала длительную остановку, ожидая пополнений. Туда прибыл главнокомандующий князь Ф. И. Мстиславский. Собранная в Брянске армия была разделена на пять полков.

Анализируя первые распоряжения Бориса Годунова, С. Ф. Платонов сделал вывод, что его ошибки весьма способствовали успеху самозванца. Опасаясь вторжения королевской армии со стороны Орши, царь назначил сборным пунктом для главной армии Брянск, однаково близкий к Смоленску и к Орше, вследствие чего воеводы потеряли много времени. По-видимому, это не совсем верно. Брянск был выбран местом сосредоточения по той простой причине, что через этот город проходила большая дорога, издавна связывавшая Москву с Северной землей.

Несмотря на все старания Разрядного приказа, главные силы русской армии смогли войти в соприкосновение с войском Мнишка лишь через два месяца после начала вторжения.

Царские воеводы действовали вяло и нерешительно. Они прибыли в окрестности осажденного Новгорода-Северского 18 декабря 1604 г. и провели три дня в полном бездействии. 20 декабря войска выстроились друг против друга на поле, но дело ограничилось мелкими стычками. Самозванец старался оттянуть битву переговорами, и это ему отчасти удалось. Мстиславский ждал подкреплений и не спешил с битвой.

Боевой состав царской армии составлял 25 336 человек, а вместе с боевыми холопами до 40—60 тысяч человек. Без сомнения, войско Мнишка далеко уступало армии Мстиславского. Самозванец оказался в трудном положении, имея в тылу осажденную крепость, а перед фронтом — превосходящие силы неприятеля. Накануне битвы Басманов велел палить из всех пушек и делал частые вылазки, вследствие чего Мнишку пришлось отрядить против крепости часть казацкого войска. Однако Мстиславский не сумел использовать всех выгод своего положения. Мнишек перехватил инициативу. 21 декабря польские гусарские роты стремительно атаковали правый фланг армии Мстиславского. Полк правой руки, не получив помощи от других полков, в беспорядке отступил, увлекая за собой соседние отряды.

Среди общего смятения одна из гусарских рот, следуя за отступавшими русскими, повернула вправо и неожиданно оказалась позади расположения большого полка подле ставки Мстиславского. Там стоял большой золотой стяг, укрепленный на нескольких повозках. Гусары подрубили древко и захватили стяг. Они сбили с коня Мстиславского и нанесли ему несколько ударов в голову. Безрассудно храбрый налет не мог дать больших результатов. Подоспели стрельцы. Кто из гусар успел вовремя поворотить коня, спасся. Прочие же вместе с их капитаном Домарацким попали в плен.

Царские воеводы имели возможность использовать огромное численное превосходство, но они так и не ввели в дело свои главные силы. Ранение главного воеводы вызвало растерянность воевод, которые поспешили отвести свои полки и полностью очистили поле боя.

Самозванец мог праздновать победу. По утверждению его соратников, поляки потеряли убитыми около 120 человек, тогда как русских полегло до 4 тысяч человек. Данные о русских потерях были сильно преувеличены. Кроме того, надо иметь в виду, что поляки считали всех убитых русских вместе — и государевых ратников и «воровских» людей. Хоронили их без разбора в трех больших могилах. Опытный солдат Ж. Маржерет, участвовавший в битве, отметил, что обе армии после двух-трехчасовой стычки разошлись без особых потерь.

Успех Мнишка носил частный, преходящий характер. Общее положение на театре военных действий не изменилось. Следовало продолжать утомительную и бесплодную осаду Новгорода-Северского и ждать нового натиска многочисленной царской рати. Самым неотложным для самозванца вопросом было безденежье. Одержав верх над Мстиславским, наемники немедленно потребовали у царевича плату. Казна, привезенная из Путивля, была почти вся истрачена. Но «рыцарство» не желало слышать ни о каких отсрочках. Чтобы успокоить недовольных, «царевич» тайно раздал деньги роте, заслужившей его особую милость. Об этом немедленно узнали другие роты. 1 января 1605 г. в лагере вспыхнул открытый мятеж. Наемники бросились грабить обозы. Они хватали все, что попадало им под руки: запасы продовольствия, снаряжение, всякого рода скарб. Мнишек пытался прекратить грабеж, но добился немногого. Следующей ночью мятеж возобновился с новой силой. Тщетно самозванец ездил меж солдатских палаток, падал на колени перед «рыцарством» и умолял не оставлять его. Наемники вырвали у него знамя, а под конец сорвали с него соболью ферязь. Отрепьева осыпали площадной бранью. Кто-то крикнул ему вдогонку: «Ей, ей, ты будешь на колу!» Наемная армия стала распадаться. Большая часть солдат, по словам очевидцев, покинула лагерь и 2 января 1605 г. отправилась к границе. В этот же день Отрепьев сжег лагерь и отступил из-под Новгорода-Северского по направлению к Путивлю. Мнишек, еще недавно призывавший солдат остаться на «царской» службе, внезапно сам объявил об отъезде из армии. 4 января главнокомандующий и его люди «разъехали с его милостию царевичем». Престарелый магнат не желал более испытывать судьбу. Бегство Мнишка в Польшу дало новое направление самозванческой интриге. До поры до времени Отрепьев оставался не более чем куклой в руках польских покровителей. Теперь же интрига стала ускользать из-под контроля тех, кто стоял за его спиной.

Мятеж в польском войске, по-видимому, был ускорен прибытием в район Новгорода-Северского сильного войска из Запорожской сечи. Польским шляхтичам и вольным казакам было трудно ужиться в одном лагере. Распад наемного войска и прибытие запорожцев были главными причинами отъезда Мнишка. Сенатора пугало то, что «царевича» поддерживала преимущественно «чернь». Надежды на поддержку бояр не оправдались. Главные московские бояре прислали в лагерь под Новгород-Северский грамоты, адресованные лично Мнишку и полные угроз. Королевский сенатор чувствовал себя неуютно среди восставшей русской «черни». Он утратил надежду склонить

на сторону «царевича» начальных бояр. При отъезде Мнишек уверял нареченного зятя, что на сейме, собравшемся в Польше, он будет защищать дело «царевича», пришлет ему подкрепления и проч. Лжедмитрию удалось удержать при себе пана Тышкевича, Михаила Ратомского и некоторых ротмистров. Немалую помощь ему оказали иезуиты, находившиеся в войске. На развилке дорог они последовали не за Мнишком, а за «царевичем». Их пример подействовал на многих колеблющихся солдат. Благодаря помощи ротмистров и капелланов Отрепьев удержал при себе от 1500 до 2000 солдат.

С отъездом Мнишка в окружении Лжедмитрия возобладали сторонники решительных действий. Покинув лагерь под Новгородом-Северским, Лжедмитрий мог затвориться в каменной крепости Путивля или уйти в Чернигов, поближе к польской границе. Вместо этого он двинулся в глубь России. В начале января 1605 г. самозванец беспрепятственно занял Севск, располагавшийся в центре Комарицкой волости. Восставшая волость предоставила его войску не только теплые квартиры, продовольствие и фураж, но и воинские контингенты. По словам Ж. Маржерета, под Севском самозванец «набрал доброе число крестьян, которые приучались к оружию». Данные о потерях в битве под Добрыничами показывают, что повстанческая армия достигла наибольшей численности как раз во время пребывания Лжедмитрия в Комарицкой волости. В ее составе было 4 тыс. запорожцев, несколько сот донских казаков и несколько тысяч вооруженных чем попало комарицких мужиков, путивлян и черниговцев. Армия Лжедмитрия была вновь готова к бою. По своему обличью она значительно отличалась от армии Мнишка. Войну за «добротого царя» вела теперь сермяжная рать, престонородье.

После неудачной битвы под Новгородом-Северским царь Борис не только не объявил опалу Мстиславскому, но, напротив, пожаловал его — «велел о здравии спросить» — и прислал придворного врача для его излечения. В особом послании Годунов поблагодарил боярина за то, что тот, помня бога и присягу, пролил свою кровь. Борис оказал честь всем ратным людям, участвовавшим в битве, повелев здравствовать их. Прошел месяц, прежде чем Мстиславский оправился от ран. Разрядный приказ использовал затянувшуюся паузу для того, чтобы пополнить таявшую армию свежими силами. В январе 1605 г. на помощь Мстиславскому прибыл князь Василий Шуйский с царскими стольниками, стряпчими и большими московскими дворянами. Первостатейная столичная знать должна была разделить с уездным дворянством тяготы зимней походной службы. 20 января

Мстиславский разбил свой лагерь в большом комарицком селе Добрыничах неподалеку от Чемлыжского острожка, где находилась ставка Лжедмитрия.

Узнав о появлении царской рати, самозванец созвал военный совет. Наемные командиры предлагали не спешить с битвой, а начать переговоры с боярами. Но в повстанческой армии их голос уже не имел решающего значения. Ротмистр С. Борша записал, что царевич перед битвой долго советовался с окружающими, в особенности же с казаками, «потому что в них полагал всю надежду». Атаманы высказывались за то, чтобы немедленно атаковать воевод, не вступая с ними ни в какие переговоры.

Повстанцы вели войну по-своему. С наступлением ночи комарицкие мужики только им известными тропами провели ратников Лжедмитрия к селу Добрыничи. Восставшие намеревались поджечь село с разных сторон и вызвать панику в царских полках накануне решающей битвы. Однако стража обнаружила их на подступах к селу.

Рано утром 21 января 1605 г. армии сблизилась и завязали бой. Гетман Дворжецкий решил в точности повторить маневр, который обеспечил успех самозванцу под Новгородом-Северским. Гусары должны были опрокинуть правый фланг русских, а пехота, оставленная в тылу, довершить победу. Запорожская конница имела задачу сковывать силы русских в центре. Пешие казаки прикрывали пушки, стоявшие позади фронта.

Следуя за передвижениями противника, Мстиславский выдвинул полк правой руки под командой Шуйского, а также отряды Маржерета и Розена, составленные из служилых иноземцев. Гетман Дворжецкий немедленно атаковал Шуйского, собрав воедино свою немногочисленную польскую конницу. В атаке участвовало около 10 конных отрядов: 200 гусар, семь рот конных копейщиков, отряд шляхты из Белоруссии и отряд русских всадников. Не выдержав яростной атаки, воевода Шуйский дрогнул и стал отступать. Расчистив себе путь, конница Дворжецкого повернула к селу, на окраине которого стояла русская пехота с пушками. Тут она была встречена мощным орудийным и ружейным залпами и повернула назад. Отступление завершилось паническим бегством.

Взаимная ненависть и недоверие шляхты и вольных запорожцев подтачивали армию самозванца изнутри. Ротмистры утверждали, будто виновниками катастрофы были запорожцы. Когда ветер принес со стороны русского лагеря клубы дыма, писал С. Борша, запорожцы будто бы испугались и бросились бежать, а гусары бросились вслед, убеждая их вернуться. На самом

деле в поражении повинны были не казаки. Свидетельство участника боя Маржерета позволяет точно определить, кто побегал с поля битвы первым. Залп из 10—12 тысяч ружейных стволов, писал Маржерет, поверг атакующую конницу в ужас, и она в полном смятении обратилась в бегство. Участники атаки единодушно утверждали, что пальба сама по себе причинила немного вреда нападавшим: было убито менее десятка всадников. Однако поляки хорошо помнили, чем кончилась безрассудно лихая атака капитана Домарацкого под Новгородом-Северским. На поддержку запорожцев они не рассчитывали, не доверяя им. Оставшаяся у самозванца конница и пехота пытались поддержать атаку гусар и с редким проворством двинулись им на помощь, думая, что дело выиграно. Однако, столкнувшись со своей конницей, отступавшей в полном беспорядке, казаки повернули вспять. Вопреки утверждению самозванца именно казаки предотвратили полное истребление его войска. Преследуя гусар, русские натолкнулись на батарею, которую прикрывала пехота. По признанию Борши, казаки, оставленные при орудиях, хорошо держались против русских. Брошенные на произвол судьбы, они почти все полегли на поле боя, самозванец потерял всю свою пехоту. Конница понесла меньшие потери, чем отряды казаков и комарицких «мужиков». Поляки исчисляли свои потери в 3 тысячи человек. Маржерет считал, что у противника было 5—6 тысяч убитых. В официальных отчетах воевод фигурировала еще бо́льшая цифра. Согласно разрядной записи, на поле боя было найдено и предано земле 11,5 тысячи трупов. Большинство из них составляли будто бы «черкасы» (украинцы). В руки победителей попали 15 знамен и штандартов и вся артиллерия — 50 пушек.

Отрепьев возглавил атаку гусар вместе со своим гетманом Дворжецким. Первая и последняя в его жизни атака закончилась позорным бегством. Во время отступления под ним была ранена лошадь, и он чудом избежал плена. Самозванец сначала укрылся на Чемлыже, а затем скрытно от всех покинул лагерь и ускакал в Рыльск. Запорожцы, узнав о его бегстве, пустились по его следам, «но под стенами Рыльска их встретили ружейной пальбой и поносными словами как предателей государя Дмитрия Ивановича». Некоторые русские источники подтверждают польскую версию о том, что запорожцы хотели расправиться с самозванцем и отомстить за своих погибших товарищей.

Дворянские полки устроили повстанцам кровавую баню на поле боя. Но этим дело не ограничилось. В руки воевод попало множество пленных. Все они были разделены на две неравные части. Полякам была дарована жизнь, и их вскоре увезли в

Москву. Всех прочих пленных — стрельцов, казаков, комари-чей — повесили посреди лагеря. Воеводы не удовлетвоались казнью «воров», захваченных с оружием в руках. Как поведал Буссов, царские дворяне, заняв Комарицкую волость, «стали чинить над бедными крестьянами, присягнувшими Дмитрию, ужасающую беспощадную расправу». По словам того же автора, экзекуции подверглось несколько тысяч крестьян, их жен и детей. Несчастных вешали за ноги на ветвях деревьев, а затем «стреляли в них из луков и пищалей, так что на это было прискорбно и жалостно смотреть». Согласно Разрядной росписи, в полку Мстиславского находилось «татар касимовских, царева двора Исеитова полку старых и новиков 450 чел.». После разгрома Лжедмитрия воеводы отдали им на поток и разграбление мятежную крестьянскую волость. Слухи о погроме в Комарицкой волости распространились по всей земле. Автор «Иного сказания» записал, что царь приказал опустошить Комарицкую волость и в ярости убивал «не токмо мужей, но и жен и безлобивых младенцев, ссущих млека, и поби от человек до скота». Террор против населения Комарицкой волости имел ярко выраженную социальную окраску. То был первый случай в истории Смуты, когда мужики подняли оружие против власти, пренебрегли присягой московскому царю, взяли под стражу его воевод и приказных людей. Власти проявили неслыханную жестокость при подавлении мужицкого бунта. Восстание на Брянщине можно считать первым массовым восстанием крестьян в Смутное время. Оно охватило не одну, а несколько волостей. Разгром армии самозванца позволил правительственным войскам погасить самый крупный очаг крестьянского движения.

Не следует считать, что московский поход самозванца был формой внешнего вмешательства. Интервенция, затеянная польскими магнатами при прямой поддержке короля Сигизмунда III, послужила толчком к гражданской войне внутри России. Однако даже на первом этапе силы вторжения играли ограниченную роль. После отъезда Мнишка из-под Новгорода-Северского интервенция резко пошла на убыль. Вслед за поражением под Севском остатки иноземных наемных отрядов бежали из пределов России. Фактор интервенции в основном исчерпал себя.

Подавление очагов крестьянского восстания и фактическое прекращение внешнего вмешательства неизбежно отразились на дальнейшем ходе гражданской войны. Факторы, консолидировавшие феодальное дворянство в первые месяцы иноземного вторжения и Смуты, стали ослабевать.

Глава 26

ВОССТАНИЕ В ЮЖНЫХ ГОРОДАХ

Воеводы Мстиславский и Шуйский одержали победу над самозванцем, но не осмелились преследовать его армию и довершить ее уничтожение. Иезуиты Чижовский и Лавицкий, находившиеся в лагере Лжедмитрия под Севском, записали в своем дневнике: «Враг мог гнаться за нами, догнать, перебить и сжечь лагерь, но он остановился от нас, не дойдя мили, и не решился воспользоваться своей удачей». Причиной медлительности явилось не предательство, а, скорее, бездарность бояр. Князь Мстиславский, князь Василий и Дмитрий Шуйские были представителями самых родовитых семей, но они не обладали никакими воинскими доблестями.

Воеводы могли двинуться к границе, чтобы изгнать самозванца из пределов страны. Но, оставаясь под впечатлением одержанной победы, бояре считали, что самозванцу никогда более не удастся собрать новое войско и что война практически уже закончена.

Мстиславский прибыл в окрестности Рыльска на другой день после бегства оттуда Отрепьева. Лишившись армии, Лжедмитрий не мог укрепить гарнизон Рыльска сколько-нибудь значительными силами. Покидая город, он поручил его оборону местному воеводе князю Г. Б. Долгорукому. В распоряжении Долгорукого было несколько казачьих и стрелецких сотен. Имея несколько десятков тысяч человек, бояре рассчитывали быстро закончить с сопротивлением Рыльска. Но они ошиблись. В обороне города участвовало все население Рыльска. Горожане знали, что им нечего ждать помощи, и сражались с исключительной стойкостью. На все предложения о сдаче они отвечали, что стоят «за прирожденного государя». В течение двух недель царские воеводы бомбардировали город, пытаясь поджечь деревянные стены крепости. Однако выстрелы пушек с городских стен не позволили им придвинуться вплотную к городу. Общий штурм

крепости не удался, и на другой день после приступа Мстиславский снялся с лагеря и отступил к Севску.

Выждав, когда воеводы покинули окрестности Рыльска, жители города произвели вылазку и разгромили русский арьергард, который должен был оставить лагерь в последнюю очередь. В их руки попало немало имущества, которое воеводы не успели вывезти.

Дворянское ополчение не привыкло вести войну в зимних условиях, среди заснеженных лесов и полей. После трехмесячной трудной кампании царские полки стали таять. Не спрашивая «отпуска» у воевод, дворяне толпами разъезжались по своим поместьям. Трудности усугублялись тем, что армии приходилось действовать в местности, охваченной восстанием, среди враждебного населения. Повстанцы отбивали обозы с продовольствием, чинили помехи заготовке провианта и фуража.

Находясь в окрестностях Рыльска, армия не имела надежных коммуникаций. Она оказалась в полукольце крепостей, занятых неприятелем. Сторонники Лжедмитрия удерживали в своих руках на севере Кромы, на юге Путивль, на западе Чернигов. В таких условиях главные воеводы Мстиславский, Шуйские и Голицын приняли решение вывести армию из восставшей местности и распустить ратных людей на отдых до новой летней кампании.

Отступление воевод от Рыльска вызвало гнев царя Бориса. Не теряя времени, царь направил в полки окольного П. Н. Шереметева и главного дьяка А. Власьева с наказом сделать выговор воеводам: «...пенять и спрашивать, для чего от Рыльска отошли». Годунов строжайше запретил боярам распускать ратных людей, что вызвало ропот в армии.

Царские воеводы разгромили плохо вооруженную армию Лжедмитрия в полевом сражении. Но все их попытки занять восставшие крепости неизменно терпели неудачу. То, что произошло под Рыльском, повторилось под Кромами.

В Кромах засел изменник Григорий Акинфиев. Подобно рыльскому воеводе Долгорукому, он успел доказать преданность самозванцу. Силы кромского гарнизона были невелики до того времени, пока на помощь ему не прибыли донские казаки. Если верить Буссову, атаман Корела с 400—500 донскими казаками отступил под Кромы после битвы под Добрыничами. Приведенное известие вызывает сомнение. После поражения Лжедмитрий намеревался бежать в Польшу, считая свое дело проигранным. В такой ситуации Корела едва ли стал бы искать убежище в крепости, расположенной вдали от границы. Кромы могли легко превратиться для него в мышеловку.

Возникает вопрос, не послал ли Лжедмитрий казаков в Кромы перед битвой, когда он находился в Севске, и не рассматривал ли Кромы как форпост повстанческих сил?

Готовя поход Шереметева к Кромам, Разрядный приказ уже в январе распорядился придать ему осадную артиллерию. В его лагерь были доставлены две мортиры — «верховные пищали» и пушка «Лев Слободской». В феврале Мстиславский направил под Кромы стольника В. И. Бутурлина с сотнями из всех полков. Подкрепления оказались недостаточными. Отряд Шереметева в ходе четырехнедельной осады понес большие потери, и его положение стало критическим. В таких условиях русское командование направило к Кромам армию Мстиславского.

Поражение Шереметева под Кромами оказало определенное влияние на настроения служилых людей в южных крепостях. Однако значение неудач отдельных воевод и просчетов командования не следует преувеличивать. Решающее влияние на ход гражданской войны все больше оказывали не столько военные, сколько социальные факторы. Это объясняет, почему после битвы под Добрыничами, сопровождавшейся почти полным истреблением повстанческой армии, восстание не только не прекратилось, но, напротив, охватило новые обширные районы. С Украины движение перебросилось в южные степные уезды, которые по составу населения значительно отличались от северских. Из степных городов лишь Воронеж имел более или менее значительное посадское население. Небольшие посады были в Ельце и Белгороде. Прочие южные крепости были типичными военными городками с крупным гарнизоном и с малочисленным городским населением.

С момента основания Ельца и Ливен в 80-х гг. XVI в. началось заселение окрестных земель крестьянами. Крестьянское население в районе старых засечных линий (Елец, Ливны, Воронеж) было малочисленным, к югу же от Воронежа в районе Оскола, Белгорода, Валук и Царева-Борисова крестьяне практически отсутствовали, а их место занимали редкие заимки вольных казаков. После основания Царева-Борисова царские писцы провели первую перепись казацких «юртов» на Осколе и Северском Донце и вменили в обязанность станичникам несение сторожевой службы.

Малочисленность дворян в степных крепостях, ненадежность казачьих и стрелецких сотен, набранных в массе из крестьян и вольных казаков, брожение в среде вольного казачьего населения на Осколе и Северском Донце — все эти факты объясняют, почему южные крепости были потеряны для правительства без какой бы то ни было серьезной борьбы.

Самые ранние и достоверные сведения о восстании на юге заключены в письмах иезуитов Чижовского и Лавицкого, написанных в феврале — марте 1605 г. Названные лица, принадлежавшие к ближайшему окружению самозванца, сообщили в письме от 27 февраля (8 марта), что в Путивль приведены пленные из пяти крепостей, сдавшихся «царевичу»: из Оскола, Валук, Воронежа, Борисовграда и Белгорода. Города Воронеж, Царев-Борисов, Белгород отстояли друг от друга на огромном расстоянии, и невозможно представить, чтобы восстание произошло в них в течение одного-двух дней. Шла война, и доставка пленников из отдаленных крепостей в Путивль через местности, занятые правительственными войсками, также требовала немалого времени. Сказанное позволяет заключить, что восстание охватило южную окраину не в конце февраля, а раньше (не позднее января — начала февраля 1605 г.).

Русские источники сообщают о мятеже в южных гарнизонах кратко и без всяких подробностей. В Разрядных книгах можно найти запись о том, что «польские» города «смутились» и целовали крест «вору» и «воевод к нему в Путивль отвели: из Белгорода князя Бориса Михайловича Лыкова да голов, из Царева Нового города князя Бориса Петровича Татеева да князя Дмитрия Васильевича Туренина».

Царев-Борисов служил форпостом московской обороны на юге, и командование постоянно держало там крупные военные силы. Падение крепости поразило Бориса как гром среди ясного неба. Годунов возлагал особые надежды на Приказ дворовых стрельцов, находившийся в Цареве-Борисове. Но стрельцы сами приняли участие в мятеже и после ареста воевод немедленно покинули Царев-Борисов. По свидетельству очевидцев, дворовые стрельцы, носившие красные кафтаны, явились в Путивль и присягнули там на верность Лжедмитрию.

При Борисе Годунове южные пограничные города были связаны между собой единой системой обороны. Переход в руки повстанцев Курска поставил под угрозу Воронеж и Оскол. Мятеж в Кромах создал опасность для Ливен и Ельца. Командование значительно ослабило гарнизоны названных крепостей. Оно отозвало в полки к Мстиславскому 400 конных казаков с пищальями и 100 пеших стрельцов из Ельца и 200 конных казаков из Ливен. Несмотря на это, гарнизоны Ельца и Ливен держались дольше, чем гарнизоны Оскола, Белгорода и других степных городов.

Поражение отряда Шереметева под Кромами, видно, ускорило мятеж в Ельце и Ливнах.

7 (17) марта 1605 г. Чижовский и Лавицкий сообщили своим

корреспондентам свежую новость о том, что власть Дмитрия признали крепости Елец и Ливны. От себя иезуиты добавили, что Ливны не уступают по размерам Путивлю и что значение этого города в военное время исключительно велико.

То, что произошло в степных крепостях, как две капли воды напоминало события, разыгравшиеся ранее в Северной земле. Служилые люди вязали воевод и заставляли их присягать на верность «доброму царю Дмитрию». Мятеж в гарнизонах, по-видимому, не сопровождался большими кровопролитиями. Жертв народного гнева было немного.

Восстание в южных крепостях ухудшило военную ситуацию, смешав планы московского командования. Именно ввиду распространения Смуты на южную окраину воеводы так и не смогли окружить столицу Лжедмитрия Путивль и подвергнуть ее осаде.

Шереметев недаром слал в Москву отчаянные призывы о помощи. Русское командование вовремя оценило опасность. В случае окончательного поражения Шереметева и снятия осады с Кром возникла бы угроза слияния двух очагов восстания — в Северщине и в южных крепостях «на поле».

4 марта 1605 г. армия Мстиславского разбила лагерь в районе Кром. Воевода князь И. М. Бярятинский, находившийся в Карачеве, получил приказ вести всю осадную артиллерию к Кромам, чтобы соединиться с главными воеводами, «не доходя Кром версты за три или четыре, где пригоже». Позиция под Кромами имела большие преимущества. Путь через Орел и Тулу надежно связывал главную армию с Москвой, откуда можно было беспрепятственно получать подкрепления и провиант. Армия Мстиславского имела возможность прикрыть подступы к Москве в том случае, если бы восстание перебросилось из района Ливен и Ельца еще дальше на север.

Кромы были небольшой крепостью. Ее стены были выстроены из дуба за десять лет до осады. Главное преимущество городка состояло в его исключительно выгодном положении на местности. Крепость стояла на вершине холма подле реки, и ее со всех сторон окружали болота и камыши. Наверх вела единственная узкая тропа. С наступлением весны топи вокруг Кром становились непроходимыми.

Следуя приказу из Москвы, воеводы Мстиславский и Шуйские предприняли попытку штурма Кром еще до того, как была введена в дело вся тяжелая артиллерия. По свидетельству летописи, деревянные стены Кром были подожжены не огнем артиллерии, а пехотой. Посреди ночи боярские холопы, казаки и стрельцы подобрались к стенам города и «зажгоша град».

Атаман Корела с донскими казаками принуждены были покинуть горящий город и отступили в острог. Ратные люди заняли вал с обрушившейся стеной. Но закрепиться на пожарище им не удалось. Вал и посад простреливались с цитадели. Штурмующие несли огромные потери.

Боярин М. Г. Салтыков, руководивший штурмом, не стал дожидаться приказа главных воевод и подал сигнал к отступлению, чтобы спасти отряд от полного истребления. Летописец подозревал, что Салтыков «норовил» окаянному «вору» Гришке Отрепьеву. Однако подлинные причины неудачи были другими.

Кромы занимали столь выгодное положение, что Мстиславский и Шуйские лишены были возможности использовать все находившиеся в их распоряжении громадные силы. В армии Мстиславского М. Г. Салтыков был вторым воеводой передового полка. А это значит, что в штурме участвовали лишь отряды из состава передового полка.

Неудача повлияла на весь ход осады. Воеводы устроили батареи, придвинули пушки к городу и стали бомбардировать Кромы изо дня в день, не жалея пороха. Никто не спешил повторить опыт Салтыкова и предпринять новый кровопролитный штурм.

В Кромах сгорело все, что могло гореть. Цитадель была разрушена до самого основания. На месте, где проходил пояс укреплений, осталась одна земляная осыпь. Но казаки решили не даваться живыми в руки воевод и сражались с яростью обреченных. Они углубили рвы и вырыли лабиринт глубоких окопов. С помощью глубоких лазов они могли теперь незаметно покидать крепость и возвращаться внутрь. Свои жилища — «норы земные» — казаки устроили под внутренним обводом вала. Во время обстрела они отсиживались в лазах, а затем проворно бежали в окопы и встречали атакующих градом пуль. В ходе боев не только осаждавшие, но и осажденные понесли большие потери. Атаман Корела предупредил Ажедмитрия, что ему придется сдать крепость, если он не получит подкреплений. Руководители повстанческих сил в Путивле уяснили значение Кром и не побоялись пойти на риск. Собрав сколько можно ратных людей, они отправили их на помощь Кромам. Главный центр восстания — Путивль — остался почти без воинских сил, необходимых для его собственной обороны. Ажедмитрий назначил командовать отрядом путивльского сотника Юрия Беззубцева.

В лагерь Мстиславского, занимавший огромное пространство, постоянно прибывали подкрепления. Караулы приняли казаков Беззубцева за своих, и отряд беспрепятственно про-

скользнул в крепость, проведя обозы с продовольствием. Бой под Кромами продолжались несколько недель, но затем атаман Корела был ранен, и осажденные прекратили вылазки. Со своей стороны, воеводы отказались от попыток возобновить штурм. В военных действиях наступило затишье.

Приказ царя Бориса, воспретивший Мстиславскомупустить дворян на отдых, вызвал в полках возмущение. Весной в лагере вспыхнула эпидемия дизентерии («мыта»). Борис послал в армию лекарей со многим зельем и питием. Невзирая на грозные приказы, приходившие из Москвы, дворяне покидали полки и разъезжались по домам. Чтобы пополнить убыль в людях, Разрядный приказ провел новые наборы ратных людей по всей стране и прислал подкрепления Мстиславскому.

Отрепьев сокрушительное поражение в битве под Добрыничами, Отрепьев намеревался бежать из России вслед за своим наемным воинством. Однако жители Путивля помешали осуществлению его планов. Они «со слезами» просили «царевича» остаться, говорили, что не желают разделить участь «комаричей», претерпевших «лютые и горькие муки» за поддержку, оказанную ими «царевичу». Лжедмитрий не слушал их советов. Тогда повстанцы пригрозили, что силой задержат его в Путивле, чтобы Борису «добити челом, а тобою заплатити вину свою». Самозванец подчинился, опасаясь, что путивляне выполнят свою угрозу и выдадут его правительству.

Восставший народ заявил о своей готовности продолжать борьбу. Путивляне говорили, что готовы служить «доброму царевичу» с оружием в руках: «Пойдем мы с тобой все своими головами». Торговые люди откликнулись на призыв о добровольном пожертвовании средств.

Можно установить имена главных руководителей повстанческих сил в Путивле. Ими были мелкопоместные дети боярские Сулеш Булгаков и Юрий Беззубцев, несшие службу в местном гарнизоне. В критической для него ситуации Лжедмитрий поручил первому ехать за помощью в Польшу, а второму идти на выручку гарнизону Кром.

Отрепьев был далек от понимания того, что только народное восстание может помочь ему одолеть Бориса Годунова. В Путивле самозванец вернулся к своим старым планам, суть которых сводилась к тому, чтобы поднять против России всех ее соседей. Столкновение России с Турцией на Северном Кавказе подало Лжедмитрию надежду на то, что ему удастся подтолкнуть Крым к нападению на Русское государство. В конце апреля его гонцы повезли дары крымскому хану. Еще раньше посланцы Отрепьева выехали к хану Иштереку в Большую Ногайскую орду.

Будучи в Путивле, Отрепьев предпринимал отчаянные усилия, чтобы добиться вмешательства Речи Посполитой в русские дела. Он послал к королю Сигизмунду Булгакова в качестве представителя восставшей Северской земли. Позже польские власти напомнили московским дипломатам, что при царе Дмитрие к королю приезжал посол «ото городов и мест, яко от Путивля и инших от духовных и свецких людей московских Шулеш Булгаков з грамотою».

Текст письма от имени северских городов сохранился в копии. В конце письма имеется помета: «Из Путивля лета 7113 месяца января 21 дня». Публикуя грамоту, историк А. Гиршберг вполне основательно выразил сомнение насчет подлинности указанной в тексте даты. По его предположению, дата на письме была искажена при копировании русского оригинала: переписчик прочел 27 января как 21 января из-за сходства в написании единицы и семерки. Однако Гиршберг не учел, что русские употребляли буквенную систему цифр, в которой единица нисколько не напоминает семерку.

Представляется, что самозванец сознательно обозначил в письме неверную дату. Подлог был связан с ложной версией, согласно которой битва под Добрыничами 21 января 1605 г. была проиграна людьми самозванца в его отсутствие. Очевидно одно: письмо было составлено в момент наибольших неудач Отрепьева, когда он прибыл в Путивль, потеряв всю свою армию. Грамота заканчивалась отчаянным призывом, чтобы король «соизволил как можно быстрее дать помощь нам (городам Северской земли. — *Р. С.*) и государю нашему».

Текст письма был составлен от имени «жителей земли Северской и иных замков, которые ему (царевичу. — *Р. С.*) поклонились». Поскольку Путивль и прочие восставшие города ничего не знали о тайном договоре Лжедмитрия с Сигизмундом III, для них смысл обращения был совсем иным, чем для расстриги.

В грамоте к королю «убогие сироты и природные холопы государя Дмитрия Ивановича» просили с плачем, покорностью и уничижением, чтобы король смиловался над ними и взял их, убогих, «под крыло и защиту свою королевскую». Свое письмо жители заключали словами: «При том сами себя и убогие службы наши под ноги Вашего королевского величества отдаем». Отрепьев был связан с королем обязательством о передаче под власть короны главных северских городов. Теперь он дал понять королю, что готов выполнить свое обязательство. Авантюрист сознательно старался разжечь конфликт между Россией и Польшей. В том случае, если бы Сигизмунд III принял под свое покровительство отвоеванные Лжедмитрием города, конфликт

между Речью Посполитой и Русским государством стал бы неизбежен.

Вторжение самозванца, поддержанное королем, закончилось полным крахом. Это смешало все планы и расчеты военной партии при королевском дворе. Не только Мнишек, но и Сигизмунд III оказался в двусмысленном положении. Опозоренный Мнишек подвергался нападкам с разных сторон. Доверившиеся его обещаниям кредиторы жалели о деньгах, потраченных на самозванца. Ведущие политические деятели спешили напомнить о своих предостережениях против участия в аванюре, повлекшей за собой нарушение мирного договора с Россией.

В таких условиях Сигизмунд III не осмелился использовать благоприятную ситуацию и на основании тайного договора присоединить к коронным владениям северские города.

Лжедмитрий направил в Варшаву для переговоров с Сигизмундом и членами сейма князя Ивана Татеева. Однако посла демонстративно задержали на границе впредь до окончания сейма. Гонец с письмом от города Путивля был принят при дворе, но его миссия закончилась безрезультатно.

Польский сейм, открывшийся 10 января 1605 г., решительно высказался за сохранение мира с Россией. Канцлер Замойский резко осудил авантюру Отрепьева. Этот враждебный набег на Московию, говорил он, губителен для блага Речи Посполитой. Самого самозванца канцлер осыпал язвительными насмешками: «Тот, кто выдает себя за сына царя Ивана, говорит, что вместо него погубили кого-то другого. Помилуй бог, это комедия Плавта или Теренция, что ли? Вероятно ли дело велеть кого-то убить, а потом не посмотреть, тот ли убит... Если так, то можно было подготовить для этого козла или барана».

Литовский канцлер Лев Сапега поддержал Замойского. Он осудил затею Мнишка и заявил, что не верит в царское происхождение «Дмитрия», ибо законный наследник царя Ивана нашел бы иные средства для восстановления своих прав. Воевода Януш Острожский требовал, чтобы сейм наказал виновных.

Из-за противодействия сейма Сигизмунд III не мог принять предложения самозванца и оказать ему прямую военную поддержку. Однако эмиссары Лжедмитрия имели возможность свободно действовать в пределах Речи Посполитой. Тем временем гражданская война в России вступила в новую фазу. Восставшие жители Путивля, Курска и других городов помогли самозванцу развернуть агитацию по всей стране. Гонцы с письмами Лжедмитрия появлялись в казачьих станицах, пограничных городах и даже в столице. В «прелестных» письмах Лжедмитрия

трудно уловить какие-то социальные мотивы. Всех подданных без различия чина и состояния «Дмитрий» обещал пожаловать «по своему царскому милосердному обычаю, и наипаче свыше, и в чести держати и все православное христианство в тишине, и в покое, и во благоденственном житии учинить».

Тяжесть царских податей и натуральных повинностей, трехлетний голод и полное разорение породили в народе глубокое недовольство, а потому люди воспринимали обличения самозванца против «злодея царя», сидевшего в Москве, как откровение. Вчерашний боярин Борис Годунов был, как утверждал «царевич», изменником и убийцей, желавшим предать «злой смерти» их законного, «прирожденного государя». Уставшие от бедствий и гнета низы охотно верили обличениям Лжедмитрия I и связывали с именем законного царя надежды на перемену к лучшему.

Участие в восстании принесло определенные материальные выгоды податному населению. Сбор тяжелых государевых податей был сорван по всей Северной земле. С наступлением весны казаки северских и южных степных городов перестали пахать государеву десятинную пашню. Иначе говоря, признание власти Лжедмитрия I привело на первых порах к освобождению восставшего населения от тяжелого налогового бремени и наиболее ненавистных натуральных повинностей. Но временное уничтожение гнета не могло превратиться в длительное и постоянное, не будучи подкреплено необходимым политическим переустройством. Материальные интересы масс по-своему преломлялись в социально-утопические идеи, получившие в народе самое широкое распространение. Не надеясь на собственные силы, низы ждали спасения от царя-избавителя.

Отрепьев обладал редкими способностями, но не получил образования. В период своего недолгого монашества он успел заучить несколько текстов из Нового завета и еще из двух-трех священных книг. Его познания в области истории и географии были отрывочными и путанными. Пользуясь досугом в Путивле, «царевич» решил заняться своим образованием. 10 (20) апреля 1605 г. он вызвал в избу своих тайных духовников-иезуитов и объявил им, что намерен брать у них уроки. С утра час отводился изучению философии, вечером наступала очередь грамматики и литературы. Во время занятий Отрепьев стоял с непокрытой головой, прилежно повторяя урок, слово в слово, за своими учителями. Самозванцу хватило терпения и прилежания на три дня, после чего он распростился со школой раз и навсегда.

После трапезы Отрепьев охотно проводил время в обществе польских «товарищей» и капелланов. Чаще всего он обсуждал с

ними две темы. Первой было невежество, праздность и беспутная жизнь русских монахов, о которых он не мог говорить без отвращения. Второй темой явилась необходимость просвещения для России. Самозванец старался выставить себя рьяным поборником просвещения. В России, говорил он, следует насадить школы и академии, для чего он выпишет в Москву множество учителей, а заодно и учеников. Русских молодых людей он отправит для обучения за границу.

Отрепьев вел двойную жизнь, рассчитывая обмануть всех разом. При русских он прилежно играл роль ревнителя православия, при поляках столь же усердно поклонялся католическим святыням, пил за здоровье генерала ордена иезуитов. Еще будучи в Севске, самозванец в письмах к своим покровителям в Польшу сетовал на то, что среди русских распространился слух о его отречении от православия. Чтобы прекратить неблагоприятные для него толки, Ажедмитрий стал выказывать в Путивле особое почтение православным святыням. Когда из Курска в Путивль привезли икону божьей матери, он вышел навстречу к ней и велел устроить крестный ход. Затем он поместил эту икону в своих покоях.

Между тем московскому правительству удалось заслать в путивльский лагерь лазутчиков. Сведения об этом эпизоде можно обнаружить в письмах иезуитов из Путивля и записках Г. Паэрле.

В письмах от 7 (17) марта 1605 г. иезуиты Чижовский и Лавицкий сообщали о том, что неделю назад, т. е. 1 марта, в Путивль явились три монаха, подсланные Годуновым. Они доставили грамоты от царя и патриарха. Иов грозил путивлянам проклятием за поддержку беглого расстриги. Борис Годунов обещал им полное прощение и милость, если они убьют вора вместе с окружавшими его ляхами или выдадут его в цепях законным властям. Однако монахи были арестованы еще до того, как они успели обнародовать привезенные грамоты. Ажедмитрий велел пытать их, и они во всем сознались.

Г. Паэрле, использовавший рассказы находившихся в Путивле поляков, воспроизвел более подробную версию происшедшего. По его словам, Борис прислал в Путивль трех монахов кремлевского Чудова монастыря, хорошо знавших Отрепьева. Монахи должны были обличить перед населением беглого дьякона. После ареста два монаха были подвергнуты пытке, но ни в чем не признались. Третий лазутчик, чтобы избежать пытки, донес, что его сотоварищи имели поручение отравить царевича ядом. Монахи якобы успели втянуть в свой заговор двух придворных самозванца. Последний велел выдать изобли-

ченных изменников — «бояр» — на расправу народу. Их привязали к столбу посредине рыночной площади, и путивляне расстреляли их из луков и пищалей.

О казнях в Путивле упоминают как иностранные, так и русские источники. По данным А. Поссевино, царевич передал на суд народу одного из находившихся при нем москвитов, который в секретном письме к Борису просил дать ему войско и обещал живьем захватить самозванца. Путивляне расстреляли москвита. В русских источниках можно обнаружить данные о том, что в 1605 г. в Путивле был казнен тульский дворянин Петр Хрущев. Он попал в плен к самозванцу еще в сентябре 1604 г. и тогда же признал его царевичем. Таким путем он попал в число придворных Лжедмитрия. Подлинные обстоятельства его гибели, однако, неизвестны.

В Самборе Мнишек велел обезглавить сына боярского Пыхачева, обвинив его в покушении на жизнь «царевича». В Путивле Отрепьев действовал с одинаковой жестокостью и вероломством. Он велел казнить своего «придворного», чтобы терроризировать тех, кто знал правду о его происхождении и тайном обращении в католичество.

Отрепьев понимал, что одни жестокости и преследования не помогут рассеять неблагоприятные для него толки. Поэтому он прибегнул к новой мистификации. Будучи в Путивле, Отрепьев попытался отделаться от своего подлинного имени с помощью двойника. 27 февраля (8 марта) 1605 г. иезуиты, бывшие с Лжедмитрием в Путивле, записали: «Сюда привели Гришку Отрепьева, известного по всей Московии чародея и распутника... и ясно стало для русских людей, что Дмитрий Иванович совсем не то, что Гришка Отрепьев». Факт появления Лжеотрепьева был широко известен современникам. Польские дипломаты в переговорах с Шуйским не раз ссылались на то, что подлинного Отрепьева ставили в Путивле «перед всеми, явно обличаючи в том неправду Борисову». Появление «Отрепьева» в лагере самозванца было еще одной загадкой в истории Лжедмитрия. Французский историк де Ту отметил, что знаменитого чародея Гришку Отрепьева захватили в Лихвине и оттуда привели в Путивль. Но француз писал с чужих слов. А очевидцы происшествия иезуиты, близкие к особе самозванца, предпочли выразиться неопределенно: Отрепьева привели невесть откуда.

Появление Лжеотрепьева при особе самозванца на время прекратило нежелательные для самозванца толки. Капитан Маржерет, служивший позже телохранителем при «царе Дмитрие», писал: «...дознано и доказано, что Разстриге было от 35 до

38 лет; Дмитрий же вступил в Россию юношей и привел с собою Разстригу, которого всяк мог видеть...» Как видно, инициаторы фарса не позаботились о том, чтобы придать инсценировке хотя бы внешнее правдоподобие. Отец истинного Отрепьева был всего лишь на восемь лет старше Лжеотрепьева.

В конце концов истинный Отрепьев решил, чтобы лучше скрыть обман, упрятать своего двойника в путивльскую тюрьму. Со временем московские власти дознались, что под личиной Лжеотрепьева скрывался некий старец бродяга Леонид.

Самозванец позаботился о том, чтобы сведения о появлении «истинного» Отрепьева стали известны в Москве. Наконец он нанес последний удар властителю Кремля. Прощенные им монахи написали письмо Борису и патриарху Иову о том, что «Дмитрий есть настоящий наследник и московский князь и поэтому Борис пусть перестанет восставать против правды и справедливости».

Мистификация с Лжеотрепьевым произвела огромное впечатление на простой народ. Но она привела в замешательство также и Годуновых. Официальная пропаганда с ее неизменно повторявшимися обличениями против расстриги оказалась парализованной. В борьбе за умы самозванец одержал новую победу над земской династией.

Отрепьев овладел северскими городами исключительно благодаря восстанию низов и мелких служилых людей. Однако его нисколько не привлекала роль народного вождя. При первой же возможности он стал формировать свою «Боярскую думу» и «двор» из захваченных в плен дворян.

Нельзя представлять себе дело так, будто народ бил и вязал воевод, тащил их к самозванцу, а последний тут же возвращал им воеводские должности, жаловал в бояре и проч. Не все пленные дворяне сделали карьеру при дворе Лжедмитрия, а некоторые из них были казнены за отказ присягнуть «истинному государю». Среди пленников Отрепьева только один М. М. Салтыков имел думный чин окольного. Он рано попал в руки «воровских» людей, но не оказал самозванцу никаких услуг и не удостоился его милостей.

В Путивле Лжедмитрий пытался опереться на людей, которые были всецело обязаны ему своей карьерой. Самой видной фигурой при его дворе стал князь Мосальский. В отличие от высокородного Салтыкова Мосальские, несмотря на свой княжеский титул, не принадлежали к первостатейной знати. Про Мосальского говорили, будто он спас самозванца, отдав ему своего коня во время бегства из-под Севска. Скорее всего, этот

рассказ является легендой. Так или иначе, Мосальский не покинул Ажедмитрия после разгрома. Ажедмитрий оценил это, тем более что при нем осталось совсем немного старых советников. Мосальский едва ли не первым получил от «вора» чин ближнего боярина.

Дьяк Богдан Сутупов, занимавший самое скромное положение в московской приказной иерархии, добровольно перешел в «воровской» лагерь, за что был удостоен неслыханной чести. Отрепьев сделал его своим «канцлером» — главным дьяком и хранителем «царской» печати.

Благодаря подобным пожалованиям дворяне, различными путями попавшие в Путивль, вполне оценили возможности, которые открывала перед ними служба у новоявленного «царя».

Воевода князь Г. Б. Роща Долгорукий был арестован народом в Курске. После присяги самозванцу его направили на воеводство в Рыльск. По приказу царя Бориса бояре вешали всех изменников, поступивших на службу к «вору». Страхась опалы и казни, Долгорукий упорно оборонял Рыльск. За это самозванец пожаловал его в окольные чины.

Козельский дворянин князь Г. П. Шаховской в начале войны собирал детей боярских в Курске. Вероятно, там он и попал к повстанцам. К моменту восстания в Белгороде Шаховской успел прослужить Ажедмитрию несколько месяцев. Самозванец пожаловал Шаховскому чин воеводы и послал управлять Белгородом. Знатный дворянин князь Б. М. Лыков и головы А. Измайлов и Г. Микулин, захваченные в Белгороде, после присяги были оставлены Ажедмитрием в Путивле. Со временем они также получили от самозванца думные или воеводские чины.

Под Новгородом-Северским к «вору» перебежали дети боярские алексинцы А. Арцыбашев и М. Челюсткин. Были и другие случаи измены. Но они, по-видимому, носили единичный характер. Пока Борис Годунов занимал трон и положение династии было достаточно прочным, дворянские полки оставались надежной опорой правительства.

Если в первые месяцы войны Отрепьев именовал себя царевичем и великим князем всея Руси, то в Путивле он присвоил себе титул царя. Первые разряды «Дмитрия», содержащие сведения о пожаловании думных чинов, датируются концом мая — июнем 1605 г. Пленные воеводы из южных крепостей были привезены в Путивль не ранее второй половины марта 1605 г. Если большинство из этих пленников (князья Б. М. Лыков, Б. П. Татев и Д. В. Туренин, голова А. Измайлов) получили от

самозванца думные чины два месяца спустя, то на это были свои причины.

Весной 1605 г. политическое положение в государстве претерпело разительные перемены. Борис Годунов умер, и знать подняла голову. Многие бояре, прежде поневоле терпевшие худородного царя, стали искать пути, чтобы избавиться от выборной земской династии. Ажедмитрий сумел использовать наметившийся поворот. Спешно формируя свою думу из знатных московских дворян, он старался расчистить себе путь к соглашению с правящим московским боярством.

СМЕРТЬ БОРИСА

ходе гражданской войны, к весне 1605 г. обозначился критический момент. Правительству Годунова пришлось вести боевые действия не только в пределах России, но и за ее рубежами.

В начале XVII в. Османская империя захватила Азербайджан. Народам Кавказа пришлось вести тяжелую борьбу с турецкими завоевателями. После того как кахетинский царь обратился в Москву за помощью и объявил о принятии русского подданства, Россия активизировала свою политику на Кавказе. В 1603 г. война между Турцией и Ираном возобновилась, и вскоре же Москва приступила к осуществлению давно задуманных планов. Воевода И. М. Бутурлин с семитысячным войском прибыл в 1604 г. на Терек и вскоре же занял городище Тарки. В 1605 г. в Дагестане произошли крупные военные столкновения между русскими и турецкими войсками. Три дня турецкий паша с крупными силами осаждал русскую рать в Тарках. По договору с пашой русские получили право беспрепятственно уйти на родину. Однако условия договора не были выполнены. При отступлении русская рать была окружена в степях и подверглась почти поголовному истреблению. Весть о новой неудаче Годунова распространилась по всей России.

В течение двадцати лет Годунов управлял Россией, сначала как правитель, а затем как самодержец. В последние годы его жизни все большую роль в делах управления играла ближняя дума («Тайный совет»). Среди ее членов трое лиц из числа родственников Бориса занимали высшие должности в России: глава Конюшенного приказа боярин Д. И. Годунов, глава Аптекарского приказа боярин С. Н. Годунов, глава Дворцового приказа боярин С. В. Годунов. После смерти престарелого конюшего С. Н. Годунов стал фактически главой ближней думы. Современники записали прозвище Семена Никитича — «правое ухо цареву». В Москве он слыл крайне жестоким челове-

ком. Семен Годунов постарался расширить систему сыска в стране. Польские послы, побывавшие в Москве в дни суда над Романовыми, писали, что у Бориса среди подданных много недоброжелателей, строгости в их отношении растут с каждым днем, так что москвитянин шага не сделает, чтобы за ним не следовали два-три соглядатая. Послы получили информацию от недоброжелателей Бориса, а потому и допустили большое преувеличение.

Взойдя на трон, Годунов обещал, что покончит с нищетой в России. Но обстоятельства оказались неблагоприятными для него. Народ пережил страшный голод, затмивший беды времен Ивана Грозного. Когда при Грозном случился большой неурожай, тот не сделал ничего, чтобы спасти умиравший от голода народ. Борис действовал совсем иначе. Он не жалел казны, помогая голодающим. Он раскрыл перед народом царские житницы. И все же не Борис, а Иван оставил по себе добрую память в народе. Годунов имел все основания сетовать на тех, кто «любить умеет только мертвых». Но жалобы такого рода могли свидетельствовать лишь о полной неспособности самого вождя. Обладая мудростью государственного человека, Борис должен был сознавать свою несостоятельность.

Некогда Борис снял поддержку страны, распустив «двор» — наследие опричнины и тем самым покончив с политическим наследием Грозного. Но в конце жизни Годунов отчасти вернулся к методам управления царя Ивана. Тысячи казаков и комарицких мужиков, попавших в плен после битвы под Севском, были повешены царскими воеводами. Множество мирных крестьян, их жен и детей в Комарицкой волости были перебиты без всякой вины с их стороны. Эти избиения унесли больше жизней, чем все опричные казни Грозного.

Не только война определяла широкий размах гонений. И Северская Украина, и города, отстоявшие на сотни верст от театра военных действий, испытывали на себе их действие. По словам проживавшего в Москве Исаака Массы, стоило человеку произнести имя Дмитрия, как царские слуги хватали его и предавали жалкой смерти вместе с женой и детьми: «...и вот день и ночь не делали ничего иного, как только пытали, жгли и прижигали каленым железом и спускали людей в воду, под лед». Француз Жак Маржерет обвинял Годунова в том, что после появления «Дмитрия» Борис «только и делал, что пытал и мучил по этому поводу», «тайно множество людей были подвергнуты пытке, отправлены в ссылку, отравлены в дороге и бесконечное число утоплены». Чем больше людей подвергалось гонениям, тем больше ожесточался народ. Вдумчивый наблюдатель дьяк Иван Ти-

мофеев писал, что к концу жизни Бориса всем надоело его притеснительное, с лестью, кровожадное царство, и не из-за податных тягот, а из-за пролития крови многих неповинных.

Репрессии, развернувшиеся в последние месяцы жизни Бориса в обстановке гражданской войны, отличались многими чертами от опричного террора. Царь Иван казнил изменных бояр, их подданных или сообщников за участие в мнимых заговорах. Гонения Бориса носили совсем иной характер. Своими успехами Лжедмитрий был обязан более всего поддержке «черни» — низов общества. Династия созначала, с какой стороны ей грозит смертельная опасность, и стремилась подавить выступления низов с помощью жестокости. В конце концов правительство Бориса утратило популярность и лишилось поддержки большинства народа.

Меры в отношении дворян носили совсем иной характер по сравнению с мерами в отношении к «черни». Борис щадил дворянскую кровь совершенно так же, как и самозванец. Крайние меры применялись лишь к немногим дворянам-перебежчикам, к лицам, захваченным на поле боя с оружием в руках, посланцам «вора», подстрекавшим народ к мятежу. Последних вешали без суда на первом попавшемся дереве.

Сыскное ведомство постоянно расширяло свою деятельность. И все же ему не удавалось искоренить социальную утопию, все шире распространявшуюся в народе. Ждали пришествия «доброго царя», и с этим ничего нельзя было поделать.

Нарастание репрессий вело к тому, что ведомство Семена Годунова приобрело широкие политические функции. Сохранились сообщения о том, что Семен Годунов настаивал на казни заподозренных в измене членов Боярской думы. Между тем дума была высшим органом государства, а сыскное ведомство — лишь одной из ее многочисленных комиссий.

Прежде деятельный и энергичный, Борис в конце жизни все чаще устранился от дел. Он почти не покидал дворец, и никто не мог его видеть. Прошло время, когда Годунов охотно благодетельствовал сирым и убогим, помогал им найти справедливость, давал управу на сильных. Теперь он лишь по великим праздникам показывался на народе, а когда челобитчики пытались вручить ему свои жалобы, их разгоняли палками.

Фатальные неудачи порождали подозрительность, столь чуждую Борису в лучшие времена. Царь перестал доверять своим боярам, подозревал в интригах и кознях своих придворных и все чаще обращался за советами к прорицателям, астрологам, юристам. Еще Горсей отмечал склонность Бориса к «черно-книжью». Один из членов польского посольства в Москве в

1600 г. писал: «Годунов полон чар и без чародеек ничего не предпринимает, даже самого малого, живет их советами и наукой, их слушает...» Однажды Борис пригласил в Москву некоего немца-астролога из Ливонии. Когда в небе над Москвой появилась яркая комета, царь просил составить ему гороскоп. Астролог посоветовал Борису «хорошенько открыть глаза и поглядеть, кому же он оказывает доверие, крепко стеречь рубежи». Годунов обращался к знаменитой в Москве юродивой Олене. Юродивая предсказала ему близкую кончину. Другая «ведунья» — Дарьница — давала официальные показания о ворожбе во дворце у Бориса уже после его смерти.

Члены английского посольства, видевшие Годунова в последние месяцы его жизни, отметили многие странности в его характере. Будучи обладателем несметных сокровищ, царь стал выказывать скупость и даже скардность в мелочах. Живя отшельником в кремлевском дворце, Борис по временам покидал хоромы, чтобы лично осмотреть, заперты ли и запечатаны входы в дворцовые погреба и в кладовые для съестных припасов. Скупость, по замечанию англичан, будто бы стала одной, притом не самой последней причиной его падения.

Многие признаки в поведении Годунова указывали на его преждевременно наступившее одряхление. Принимая посла английского короля Якова I, царь впал в слезливый тон, говоря об умершей королеве Елизавете. В конце жизни Годунов, тревожась за будущее сына, держал его при себе безотступно, «при каждом случае хотел иметь его у себя перед глазами и крайне неохотно отказывался от его присутствия». Однажды один из ученых иноземцев попытался убедить Годунова, что ради долголетия царевича и просвещения его ума ему надо предоставлять некоторую самостоятельность в занятиях. Однако Борис неизменно отклонял такие советы, говоря, что «один сын — все равно что ни одного сына» и он не может и на миг расстаться с ним.

В последние дни Годунова более всего мучили два вопроса. Твердо зная, что младший сын Грозного мертв, царь по временам впадал в сомнение, «почти лишался рассудка и не знал, верить ли ему, что Дмитрий жив или что он умер». Другой вопрос заключался в том, сподобится ли он вечного блаженства на том свете. По этому поводу он советовался не только со своим духовником, но и с учеными-немцами. Невзирая на различие вер, царь просил их, чтобы «они за него молились, да сподобится он вечного блаженства». После таких бесед Борис нередко приходил к мысли, что для него «в будущей жизни нет блаженства».

Под влиянием неудач и тяжелой болезни Годунов все чаще

погружался в состояние апатии и уныния. Физические и умственные силы его быстро угасали.

Недруги распространяли всякого рода небылицы по поводу смерти Бориса, последовавшей 13 апреля 1605 г. Согласно одной версии, Годунов будто бы принял яд ввиду безвыходности своего положения; по другой версии, он упал с трона во время посольского приема и проч. Осведомленные современники описывают кончину Годунова совсем иначе: «Царю Борису, вставши из-за стола после кушанья, и внезапно прииде на него болезнь люта и едва успе поновиться и постричи в два часа в той же болезни и скончась». Как записал автор «Хронографа», Годунов скончался после обеда «по отшествии стола того, мало времени минувшу: царь же в постельной хранине сидящу, и внезапно случися ему смерть». Борис умер скоропостижно, и монахи лишь «успели запасными дары причастити» умирающего.

Члены английского посольства описали последние часы Годунова со слов лечивших его медиков. По обыкновению, врачи находились при царской особе в течение всего обеда. Борис любил плотно покушать и допускал излишества в еде. Доктора, видевшие его хороший аппетит за обедом, убедились в его добром здравии и разъехались по домам. Через два часа после обеда Борис почувствовал дурноту, перешел в спальню хоромы и сам лег в постель, велел вызвать врачей. Но до того, как те вернулись во дворец, у Бориса отнялся язык и он умер. Перед кончиной Бориса стоявшие подле его постели бояре спросили, не желает ли он, чтобы дума в его присутствии присягнула наследнику. Умирающий, дрожа всем телом, успел промолвить: «Как богу угодно и всему народу». Вслед за тем духовные особы поспешно совершили над ним обряд пострижения в иноки.

Близкий к царскому двору Ж. Маржерет передает, что Борис скончался от апоплексического удара.

Смерть Бориса дала новый толчок развитию Смуты в Русском государстве.

МЯТЕЖ ПОД КРОМАМИ

После избрания на трон Борис Годунов сделал сына соправителем и приказал именовать его государем царевичем «всеа Руси». Поэтому передача власти Федору Годунову не вызвала осложнений. Бояре и духовенство нарекли царевича Федора на царство через три дня после кончины Бориса. После этого бояре, дворяне, купцы и простой народ были вызваны в Кремль и приведены к присяге.

Вслед за тем царица Мария и царь Федор Борисович разослали в города наказ, повелев созвать в церковь дворян, служилых людей, посадских людей, пашенных крестьян и всяких «черных людей» и привести их к присяге по специальной записи. Приказные люди записывали имена присягнувших в специальные книги, которые надлежало затем отправить в Москву.

В главных городах — Новгороде и Пскове, Казани, Астрахани, городах Замосковья, Поморья и Сибири — присяга прошла без затруднений. Составленные там книги были спешно присланы в столицу. В царском архиве хранилась «свяска, а в ней записи целовальные... после царя Бориса царице Марьи и царевичу Федору всяким людем по чином, и записи шертовальные по чином иноземцом». Православные целовали крест, иноверцев приводили к шерти.

Текст подкрестной записи царя Федора полностью повторял текст, составленный при воцарении Бориса Годунова. Он содержал непомерно длинный перечень обязательств, ограждавших безопасность царской семьи. Подданные обещали над царицей и ее детьми «в еде и питье, ни в платье, ни в ином чем лиха никакого не учинить и (их) не испортить и зелья лихого и коренья не давать», «и людей своих с ведовством, и со всяким лихим зельем, и с кореньем не посылать и ведунов не добывать на (царское) лихо», когда государь куда пойдет, «на следу (его) всяким ведовским мечтанием не испортить и ведовством по ветру никакого лиха не насылать».

Проекты возведения на трон Симеона Бекбулатовича давно утратили актуальность. Тем не менее советники Федора упомянули его имя в тексте присяги, запретив подданным всякие сношения с ним. Реальная угроза династии исходила от самозванца. Но в «целовальной записи» пояснения насчет самозванца были краткими и маловразумительными. Подданные клятвенно обязывались «к вору, который называется князем Дмитрием Углицким, не приставать, и с ним и с его советники ни с кем не ссылатись ни на какое лихо и не изменити и не отъехати...».

Текст присяги отразил замешательство, царившее среди властителей Кремля. Длительное время церковь предавала анафеме зловредного еретика Гришку Отрепьева. Затем все узнали, что в Путивле «царевич» выставил на всеобщее обозрение колдуна Гришку Отрепьева. Чудовские монахи, посланные для обличения расстриги перед жителями Путивля, прислали царю Борису письмо, подтверждавшее истинность «сына Грозного». В Москве не могли сразу разобраться в новых мистификациях самозванца и не знали, что думать. Вместо того чтобы следовать раз принятой линии обличения «вора», царица и ее советники решили вовсе не упоминать в «записи» имени Отрепьева. Составители присяги сделали худшее, что могли. Они свели на нет все достижения официальной пропаганды.

Присяга не внесла успокоения в умы, а усилила брожение. Династия Годуновых имела мало шансов на то, чтобы уцелеть в обстановке кризиса и гражданской войны. Федор получил превосходное для своего времени образование. Но в шестнадцать лет ему не доставало политической опытности и самостоятельности. Царица Мария Григорьевна была фигурой крайне непопулярной. Знать и население столицы не забыли массовых избиений и казней, в свое время организованных ее отцом опричным палачом Малютой Скуратовым. По Москве ходила молва о крайней жестокости царицы.

Борис наводнил Боярскую думу своими родственниками. Но к началу 1605 г. все наиболее значительные деятели из рода Годуновых сошли со сцены. Оставшиеся не пользовались никаким авторитетом, несмотря на свои блистательные титулы. В трудный час подле Федора не оказалось никого, кто мог бы твердой рукой поддержать пошатнувшуюся власть.

Прошло несколько дней после присяги, и бессилие правительства перед лицом глубокого кризиса обнаружилось с полной очевидностью. Крушению власти немало способствовало то, что в решающий момент у царя в столице не оказалось достаточных военных сил. В течение многих месяцев царь Борис отправлял всех способных носить оружие в действующую армию, включая

стольников, жильцов (дворцовую охрану), конюхов и псарей.

Еще при жизни царь Борис стал жертвой политической клеветы. Его обвиняли в убийстве последних членов законной династии, включая царя Ивана, царя Федора и царевича Дмитрия. Клевета подготовила почву для торжества сторонников Лжедмитрия. По Москве распространялись самые невероятные слухи. Упорно толковали, будто Борис сам наложил на себя руки в страхе перед сыном Грозного.

Волнения в Москве нарастали с каждым днем. Следуя традиции, новый царь объявил о прощении всех преступников и опальных. Однако амнистия не распространялась на политических противников Годунова. Столица не желала мириться с такой несправедливостью. Как записал очевидец, «народ становился все бесчинней, большими толпами сбегался ко дворцу, крича о знатных боярах, бывших при Борисе в немилости и ссылке, другие кричали о матери Дмитрия, старой царице, что ее надобно посадить у городских ворот, дабы каждый мог услышать от нее, жив ли еще ее сын или нет». Власти принуждены были уступить требованиям народа. Они вернули в столицу Б. Я. Бельского, находившегося в ссылке в деревне, удельного князя И. М. Воротынского, бывшего в опале и изгнании, и других лиц. В лице Бельского династия приобрела опаснейшего противника, великого мастера политических интриг, озлобленного преследованиями со стороны царя Бориса. Правительство могло бы использовать Марфу Угличскую для обличения самозванца. Но царица Мария Годунова и слышать не желала о ее возвращении в Москву.

Воеводы расставили заставы на всех дорогах и отдали приказ вешать гонцов Лжедмитрия без промедления. Тем не менее лазутчики продолжали проникать в столицу и доставлять «преlestные» листы. Царь Федор предпринимал отчаянные усилия, чтобы удержать контроль за положением в столице. Казна раздала населению огромные суммы за помин души Бориса, на самом же деле, чтобы успокоить население. Но щедрая милостыня не достигла цели. Не видя иного выхода, царица Мария и ее сын срочно вызвали из армии в Москву руководителей Боярской думы Мстиславского и братьев Шуйских, чтобы прекратить беспорядки в столице. Подобная мера казалась вполне оправданной. Страх перед назревавшим выступлением низов побуждал бояр заботиться о порядке и действовать в интересах династии, невзирая на собственные политические симпатии.

Когда толпа в очередной раз заполнила площадь перед кремлевским дворцом, князь В. И. Шуйский вышел на крыльцо и долго увещевал народ одуматься и не требовать перемен, кото-

рые приведут к распаду царства и ниспровержению православия. Боярин поклялся самыми страшными клятвами, что царевича Дмитрия давно нет на свете, что он сам своими руками положил его в гроб в Угличе, а «путивльский вор» — это беглый монах и расстрига Отрепьев, подученный дьяволом и посланный в наказание за грехи. Возвращение главных бояр в Москву и речи Шуйского внесли успокоение в умы. Волнения в столице на время утихли.

Почти сразу после смерти Бориса правительство осуществило смену высшего командования в армии под Кромами. Среди Годуновых и их родни не оказалось никого, кто мог бы взять на себя руководство военными действиями, и царь Федор поневоле должен был вверить свою судьбу людям, ничем не связанным с династией, кроме милостей умершего царя. Новым главнокомандующим в армию был назначен князь Михаил Петрович Катырев-Ростовский, его помощником — боярин Петр Федорович Басманов.

Наибольшие надежды Годуновы возлагали на П. Ф. Басманова. В столице Басманова знали как первого щеголя среди дворян и человека, популярного среди населения. По словам английских современников, простой народ «считал его единственным своим защитником». Карьеру Басманов сделал в считанные месяцы благодаря успешной обороне Новгорода-Северского. Услуги, оказанные Басмановым династии, имели особый характер. Общее военное руководство обороной крепости осуществлял старший воевода. Роль же Басманова состояла в том, что он своевременно обнаружил измену в гарнизоне Новгорода-Северского и железной рукой раздавил мятеж. Отправляя Басманова в действующую армию весной 1605 г., власти руководствовались несложным расчетом. Они имели много согладатаев в лагере и своевременно получили сведения о «шатости» в людях. Басманову отводилась та же роль, которую он уже сыграл однажды при обороне Новгорода-Северского.

Явившись в лагерь под Кромы, Катырев и Басманов привели полки к присяге. Патриарх Иов по немощи не мог покинуть Москву, и поэтому церемонией присяги руководил новгородский митрополит Исидор — второе в церковной иерархии лицо. Никто не оказал воеводам открытого неповиновения. Но, по свидетельству русских летописей, некоторые ратные люди в общей сутолоке уклонились от церемонии крестоцелования.

После смерти Бориса вопрос о единстве в думе и высшем военном командовании приобрел первостепенное политическое значение. Новому правительству надо было любой ценой не допустить раздора среди бояр. Но правительство не имело авто-

ритетного вождя, и разлад оказался неизбежным. Катырев и Басманов привезли в лагерь под Кромь роспись воевод. Но тотчас после отъезда их из Москвы глава сыскного ведомства Семен Годунов объявил о новых назначениях, не согласовав дело с боярами. Своей властью Семен назначил главным воеводой сторожевого полка князя Андрея Телятевского. Князь Андрей был зятем Семена и бывшим опричником.

Пока положение династии казалось прочным, знать не выступала против нее. Преданность Годуновым более всего поддерживал страх перед восстаниями низов в пользу самозванца. Однако смерть Бориса и появление знатных дворян в Путивле изменили всю ситуацию.

Родовитая знать не смирилась со своим поражением в период династического кризиса, и ей не всегда удавалось скрыть свое истинное отношение к выборному царю Борису. За два-три года до вторжения самозванца власти получили донос о том, что князь Борис Михайлович Лыков, «сходясь с Голицыными, да с князем Борисом Татевым, про него, царя Бориса, разсуждает и умышляет всякое зло». Названный круг лиц был связан тесной дружбой, а отчасти и родственными связями.

В силу превратностей гражданской войны одни члены этого кружка оказывались заброшенными в путивльский лагерь, где их обласкал самозванец, другие же остались в царских полках. В былые времена злые речи Голицыных и их друзей против царя Бориса не были подкреплены никакими практическими шагами, а потому Годунов не придавал доносу никакого значения. После смерти Бориса ничто не мешало им претворить помыслы в действие. Свой род князья Голицыны вели от литовской великокняжеской династии. По знатности они превосходили главу Боярской думы Мстиславского, потомка младшей линии литовской династии. Но к концу XVI в. местническое положение Голицыных пошатнулось. Попытки тягаться с Трубецкими и Шуйскими закончились для них полной неудачей. После смерти царя Федора Ивановича Голицыны не попали в число претендентов на трон. Кончина Бориса Годунова пробудила в них честолюбивые надежды. Положение династии стало непрочным, и Голицыны первыми из бояр покинули ряды ее сторонников.

В течение долгого времени Голицын командовал передовым полком, в составе которого числилось не менее тысячи рязанских дворян. Рязанцы не скрывали своего негодования, когда Борис запретил им зимовать в своих поместьях. Заговорщики рассчитывали на их помощь. Не случайно одним из главных инициаторов мятежа под Кромами стал видный рязанский дворянин Прокопий Ляпунов.

Заговорщики поспешили установить связи со своими давними друзьями и единомышленниками в Путивле. Князь Борис Петрович Татев и князь Борис Михайлович Лыков, как видно, оказали Ажедмитрию исключительные услуги, поскольку первый вскоре же получил боярство, а второй стал кравчим самозванца. Вероятно, Лыков поддерживал наиболее тесные связи с заговорщиками, поскольку именно ему Ажедмитрий вскоре же поручил организовать присягу в сдавшихся царских полках.

В числе других лиц в южных городах был захвачен Артемий Измайлов. За считанные недели этот дворянин из пленника превратился в дворецкого, думного дворянина и ближнего советника «царевича». Измайлов был рязанским дворянином и приятелем Ляпунова. Многие его родственники служили в армии Мстиславского. Скорее всего, именно Измайлов помог организовать заговор среди рязанских дворян, за что и был удостоен исключительных милостей.

Переговоры между «советниками» самозванца и заговорщиками под Кромами были окружены глубочайшей тайной. Но некоторые подробности о них все же стали известны в Польше. Некто Петр Арсудий, подвизавшийся в Польше в качестве доверенного лица Ватикана по делам восточной церкви, получил от виленского епископа Войны подробные сведения о секретных переговорах «царевича» с боярами. Покровители самозванца попытались заручиться поддержкой Войны в начальный момент организации самозванческой интриги. С тех пор епископ имел возможность получать доверительную информацию от лиц, окружавших «царька».

По словам епископа, заговорщики обещали «истинному Дмитрию» престол на следующих условиях: православная вера остается нерушимой, самодержавная власть сохраняется, и «Дмитрий» будет пользоваться теми же правами, что и его «отец» Иван IV; царь не будет жаловать боярского чина иноземцам и не назначит их в Боярскую думу, но волен принимать их на службу ко двору и даст им право приобретать земли и другую собственность в Русском государстве; принятые на службу иноземцы могут строить себе костелы на русской земле.

Приведенные сведения, если они достоверны, позволяют сделать интересные выводы. По-видимому, соглашение о будущем устройстве Русского государства было в основных чертах выработано в результате переговоров между членами «воровской» Боярской думы и польскими советниками самозванца. Вместе с Мнишком лагерь Отрепьева покинула почти вся польская знать, принимавшая участие в аванюре. Это обстоятельство должно было облегчить стговор. Московская знать, оказавшаяся

в Путивле, заботилась о сохранении своих привилегий. Немногие польские советники (Бучинский, Дворжецкий, Иваницкий), оставшиеся при особе «царевича» в Путивле, выговорили себе право служить при царском дворе, владеть вотчинами и поместьями, наконец, устроить себе церкви по своему вероисповеданию.

Самозванец постоянно совещался с находившимися при нем иезуитами. Они также могли быть довольны секретным соглашением. Москва впервые раскрыла свои двери католицизму. Иезуиты, скорее всего, и передавали информацию в Польшу, где она стала известна виленскому епископу.

В последних числах апреля 1605 г. к самозванцу в Путивль из-под Кром прискакал сын боярский арзамасец Абрам Бахметов и сообщил, что царь Борис умер, что Петр Басманов прибыл под Кромы и 19 апреля привел полки к присяге. Отрепьев получил аналогичное известие из Кром. Казаки сообщили, что они сделали вылазку из крепости и захватили языков, от которых узнали, что «Бориса не стало и что в войске их великое смятение: одни держатся стороны Борисова сына, а другие нашей».

Положение в царском лагере стало критическим к началу мая. Когда Басманов прибыл под Кромы, он горячо убеждал войско верно служить Федору Годунову. Одновременно он начал охоту за тайными приверженцами Лжедмитрия. Что ни день воевода рассылал «по всему лагерю людей, которые подслушивали, что там говорили, и доносили обо всем ему». Басманову предстояло железной рукой покарать сторонников Лжедмитрия в интересах Годуновых. Но положение династии было шатким.

Сохранив верность Годуновым, Басманов должен был пролить потоки крови. В числе первых ему пришлось бы арестовать воевод князей Голицыных, истинных вдохновителей заговора. Однако по матери Голицыны доводились братьями Басманову, и он издавна привык считаться с авторитетом старшей по знатности родни. Все это не могло не повлиять на исход дела.

Голицыны понимали, что рискуют головой, и не жалели сил, чтобы втянуть Басманова в заговор. Кроме милостей Бориса, ничто не привязывало Басманова к правящей династии. Переход власти к царице Марии Скуратовой и Семену Годунову не мог не поколебать его верности трону. Между родом Бельских и родом Басмановых существовала кровная вражда. Именно отец царицы Малюта Скуратов положил конец блестящей карьере Басмановых в опричнине. По его навету инициатор опричнины А. Д. Басманов был казнен, а его сын Федор умерщвлен в тюрьме. Петр Федорович Басманов не имел оснований щадить дочь Малюты и его внука царевича Федора Борисовича.

Получив предложение примкнуть к заговору, Басманов не-

долго колебался. Сын знаменитого опричника Басманов был всецело поглощен собственной карьерой и плохо помнил благодеяния. После взлета в опричнине Плещеевы-Басмановы надолго сошли со сцены, и воеводе предстояла жестокая борьба, чтобы возродить былую «честь» фамилии.

Разрядная роспись, присланная в полки после присяги, нанесла удар честолюбивым надеждам П. Ф. Басманова. Когда дьяк огласил роспись в присутствии бояр и воевод, Басманов, «патчи на стол, плакал с час, лежа на столе, а встав с стола, евяля и бил челом боярам и воеводам всем: «Отец, государи мои, Федор Алексеевич точма был дважды больши деда князя Ондреева... а ныне Семен Годунов выдает меня зятю своему в холопи князю Ондрею Телятевскому: и я не хочу жив быти, смерть прииму лутче тово позору». Басманов не мог смириться с «потерькой» фамильной чести. Но вернее будет предположить, что он искал благовидный предлог для предательства.

Примкнув к заговорщикам, Басманов быстро привел дело к решительной развязке. Гражданская война расколола русское общество. Низы (горожане, крестьяне, холопы, стрельцы) были главной силой, выступившей в пользу «добрého царя Дмитрия». Затем заколебалось дворянство. Этому способствовали существенные перемены в структуре и составе дворянского ополчения, наметившиеся к концу правления Бориса Годунова.

В связи с развитием поместной системы на южных окраинах государства возникла категория детей боярских, владевших мельчайшими поместьями и несших службу не в конном дворянском ополчении, а «с пищалями» в пехоте. Такие помещики получали нераспаханные земли без крестьян и должны были сами обрабатывать пашню. Власти принимали на службу не только мелких безземельных детей боярских, но и казаков, крестьян и их детей. По своему положению степные помещики резко отличались от старого дворянства, владевшего большими земельными богатствами в центральных и западных уездах государства. Не случайно в мятеже под Кромами наиболее активно участвовали помещики южных уездов, тогда как московские, новгородские, суздальские дворяне сохранили верность династии.

Запустение фонда поместных земель и измельчение поместий побудило правительство вдвое увеличить нормы службы. При Иване IV каждый феодальный землевладелец был обязан снарядить в поход одного боевого холопа со 100 четвертей пашни, при Борисе Годунове — по два холопа с той же пашни. Традиционное соотношение численности дворян и воинов-холопов в армии было нарушено.

Дисциплина в царских полках держалась, пока дворяне громили «воров»-казаков и комарицких мужиков. Неудача под Кромами и бездеятельность деморализовали армию. Дворяне осуждали приказ Бориса, воспретившего воеводам распустить ратных людей на отдых. Они не понимали, зачем царю понадобилось держать 50-тысячную армию под стенами крохотной крепости, для осады которой достаточно было небольшого отряда.

Мелкие помещики не могли оправиться от последствий трехлетнего голода. Многие опасались, что из-за длительного отсутствия дела в их поместьях придут в полное расстройство. С наступлением весны бегство землевладельцев из армии усилилось. Немало столичных дворян использовали смерть Бориса в качестве предлога к тому, чтобы выехать в Москву «на царское погребенье».

Дворянское ополчение таяло, тогда как число даточных людей и посошных мужиков в лагере росло. Под Кромы были доставлены огромный артиллерийский парк, большие запасы пороха и ядер. Лагерь оказался наводнен посошными людьми, занятыми перевозкой пушек, подвозом боеприпасов. При военном лагере возникло торжище. Каждый день окрестные и дальние крестьяне везли на продажу продукты питания и разные товары. Вместе с ними на торг беспрепятственно проникали лазутчики из Путивля с «воровскими» листами. Чем больше ратники в сермягах заполняли лагерь, тем успешнее шла агитация в пользу «истинного царя Дмитрия».

Отрепьев не имел ни сил, ни решимости, чтобы отважиться на новое сражение с воеводами. Но когда Корела сообщил ему о заговоре в царских полках, он тотчас отдал приказ о выступлении в поход. Сил в Путивле было совсем немного, и капитан Ян Запорский, возглавивший поход, получил в свое распоряжение всего 200—300 наемных солдат и 800 донских казаков. С такими силами нечего было и думать о битве с царскими полками. Тогда Запорский прибегнул к хитрости. Он послал трех лазутчиков с письмами к Кореле с тем расчетом, что кто-нибудь из них попадет в руки бояр. Так оно и случилось. Из захваченных писем воеводы узнали, что «царевич» послал на помощь Кромам 40 тысяч войска при 300 орудиях. Весть о приближении «войска Дмитрия» укрепила решимость заговорщиков. Они вошли в тайный сговор с атаманом Корелой в Кромах и подали сигнал к мятежу, не дожидаясь подхода поляков.

Басманов, Голицын и Ляпунов вовлекли в заговор дворян из Рязани, Тулы, Алексина, Каширы. Подавляющая часть дворянского ополчения вместе с главнокомандующим М. П. Катыре-

вым, боярами А. А. Телятевским, И. И. Годуновым, М. Г. Салтыковым осталась верна присяге. Князь Василий Голицын был настолько неуверен в успехе предприятия, что в первые же минуты мятежа велел слугам связать себя, чтобы иметь возможность оправдаться в случае провала. Мятеж в расположении многотысячной армии казался безрассудной авантюрой. Верные воеводы без труда раздавили бы его, если бы армия не вышла у них из повиновения. События в лагере развивались с той же неумолимой последовательностью, что и события в северных городах. Дворянские конные сотни разгромили бы мятежников, если бы на стороне тех не выступила бы лагерная «чернь» — многочисленные посошные мужики, холопы, казаки и проч. Дворянские отряды оказались разобщены и дезорганизованы в обстановке хаоса, воцарившегося в лагере в момент восстания.

Лагерь был внезапно разбужен на рассвете 7 мая 1605 г. Заговорщики сделали все, чтобы посеять в полках панику. Их люди подожгли лагерные постройки в нескольких местах. Ратные люди выбегали из палаток и землянок, не успев как следует одеться. Поднялась страшная суматоха. Как говорили очевидцы, никто «не мог уразуметь, как и каким образом это случилось, и не знали, кто враг и кто друг, и метались, подобно пыли, ветром вздымаемой». Одни кричали: «Боже, храни Дмитрия!», другие: «Боже, храни нашего Федора Борисовича!» Очень многие старались как можно скорее покинуть лагерь. Они бросали оружие, оставляли повозки и телеги, выпрягали лошадей, чтобы бежать скорее.

Ляпуновы позаботились о том, чтобы захватить наплавной мост через реку и соединиться с войском, выступавшим из Кром. Вскоре на мосту собралось так много народа, что мост стал тонуть. Много людей оказалось в воде. Конные пытались переправиться за реку вплавь.

Среди общего хаоса одни немцы-наемники сохраняли некоторый порядок. В большом полку с начала кампании числилось до тысячи иноземцев. Они выстроились под знаменем и приготовились к отпору. Басманов послал свой шпак со значками капитану иноземцев Вальтеру фон Розену и потребовал, чтобы он присягнул законному государю. Немцы колебались и выжидали. Верные воеводы не использовали их колебаний. Басманов оказался расторопнее их.

Главный воевода сторожевого полка князь А. Телятевский пытался воодушевить сторонников Федора Годунова. Он «до последней возможности оставался у пушек, крича: «Стойте твердо и не изменяйте своему государю!» Главный воевода «у наряда» (артиллерии) был заодно с Телятевским. Воеводы

могли пустить в ход пушки, разбить наплавной мост, рассеять собравшуюся на нем толпу и помешать соединению мятежников с гарнизоном Кром. Однако Телятевский не решился начать кровопролитие. По молчаливому согласию обе стороны, по-видимому, так и не пустили в ход оружия. Переворот был бескровным. Мятежники беспрепятственно переправились за реку Крому и соединились с кромчанами, которые «даша им путь скрозь войско свое».

Пропустив нестройную толпу ратников, Корела с донскими и путивльскими казаками и «с кромляны» ворвался в лагерь и «на остальную силу московскую ударили». Даже после соединения восставших отрядов с кромским гарнизоном численное превосходство оставалось на стороне верных правительству войск. По словам современников, мятежников было полторы сотни на тысячу. Однако нападение казаков усугубило панику в полках и помешало Катыреву, Телятевскому и другим воеводам организовать сопротивление и удержать лагерь за собой. Характерно, что Корела отдал приказ не применять оружия. Деморализованные изменой ратники «побегоша», донцы же гнали их и секли, щадя: «не секли и не убивали», а «плетми бьуще их и, гоняще, глаголюще: «Да потом на бой не ходите противу нас!» Так казаки выбили воевод из лагеря, воспользовавшись возникшей там смутой и суматохой.

Верные бояре и воеводы бежали в Москву. Вместе с ними лагерь покинуло много тысяч дворян, детей боярских и прочих ратных людей. В течение трех дней беглецы шли через Москву расстроенными толпами, возвращаясь в замосковные и северные города. Когда бояре спрашивали их, почему они так поспешно бежали из-под Кром, они «не умели ничего ответить».

Руководители мятежа предпринимали энергичные усилия к тому, чтобы удержать инициативу в своих руках. Без армии династия Годуновых была обречена на гибель. Голицын и Басманов сделали все, чтобы ускорить ход событий в Москве. Они отправили с тайной миссией к столичным боярам — противникам Годуновых — нескольких знатных лиц, чтобы привлечь думу и население Москвы на свою сторону. Мятеж под Кромами обнаружил, что процесс разложения в рядах армии резко усилился. Восстание южных помещиков фактически привело к распаду дворянского ополчения, что оказало огромное влияние на весь ход гражданской войны в России.

МОСКОВСКИЙ ПОХОД

Главные вожди переворота не спешили на поклон к самозванцу. Располагая многотысячной армией, они имели все основания считать себя господами положения. Самозванец сознавал это и сделал все, чтобы не попасть в западню. По свидетельству поляков, в походе на Москву «царевич», не доверяя «тому войску» (бояр Голицыных и Басманова. — Р. С.), приказывал ставить его «в полумиле от себя, а иногда в расстоянии мили, а около царевича при остановках и в пути до самой столицы были мы — поляки; ночью мы ставили караул по 100 человек».

Настроения в лагере под Кромами были неопределенными и изменчивыми. Среди ратников внезапно распространился слух, что «Дмитрий» бежал в Польшу, что он «не истинный (Дмитрий), а злой дух, смутивший всю землю». После пира наступило похмелье. Трудно сказать, от кого исходили неблагоприятные для самозванца слухи. Голицыны и прочие бояре, унимая ратников, были, во всяком случае, весьма немногословны. «Дождитесь конца, — будто бы говорили они, — а до тех пор молчите».

На пятый день после переворота в Путивль явился брат В. В. Голицына князь Иван. С ним прибыло несколько сот дворян, стольников и «всяких чинов людей», представлявших дворян разных «поветов» — уездов и городов. Князь Иван проявил крайнюю угодливость перед самозванцем, стремясь завоевать его доверие. Оправдывая свое предательство, он ссылался на двусмысленность присяги, данной им и другими воеводами царевичу Федору Годунову. Прежде и патриарх, и царь Борис неизменно называли «царевича» Отрепьевым. В присяге это имя вовсе не было названо. Если «царевич» — не Гришка, то почему он не может быть настоящим сыном царя Ивана Васильевича?

Голицын клеймил Бориса Годунова самыми бранными словами, клялся в вечной верности прирожденному государю и умолял

немедленно идти в Москву и занять престол. Отрепьев, как видно, не слишком доверял словам Голицына и не спешил в Кромы. Через несколько дней после переворота он прислал туда князя Б. М. Лыкова, который привел к присяге полки.

Отрепьев сделал то, что ждали от него уставшие ратники. Он приказал немедленно распустить на отдых (на три-четыре недели) всех дворян и детей боярских, у которых были земли «по эту сторону от Москвы». Иначе говоря, роспуску подлежали прежде всего дворяне из заокских городов — Рязани, Тулы, Алексина, Каширы и проч. Самозванец велел отпустить со службы также многих стрельцов и казаков. Это имело самые губительные последствия для Годуновых: «А стрельцов и казаков, приветчи х крестному целованью, отпустили по городом, и от того в городех учинилась большая смута». Половина армии была распущена по домам, а оставшаяся отправлена из лагеря на Орел и далее на Тулу. Названные города были заняты без всякого сопротивления, и их воеводы присягнули на верность Лжедмитрию.

Отрепьев покинул Путивль 16 мая, на девятый день после мятежа. 19 мая он прибыл в лагерь под Кромами, где уже не было никаких войск. Сопровождавший самозванца капитан С. Борша утверждал, будто в войске у «царевича» было 2 тысячи поляков-копейщиков и могло быть около 10 тысяч русских. В своих записках Борша желал доказать, что именно поляки сыграли решающую роль в московском походе, и потому преувеличил цифры. На самом деле силы Отрепьева были весьма невелики. Уже после мятежа под Кромами пан Ратомский привел в Путивль 500 конных шляхтичей. Никакого участия в военных действиях они не принимали. Кроме 700—800 поляков при особе самозванца находилось 800 донских казаков и некоторое количество других ратных людей. Ж. Маржерет утверждал, что «царь Дмитрий» держал при себе поляков и казаков и лишь «немного» русских, так что общая численность его войска не превышала 2 тысяч человек.

Самозванца окружали его «думные» люди, которые, однако, не занимали никаких постов в его польско-казацком войске. Согласно «воровским» разрядам, при нем были «бояре» князь Б. Татев, князь В. Мосальский, князь Б. Лыков, окольный князь Д. Туренин, думные дворяне А. Измайлов и Г. Микулин.

Что касается бояр-заговорщиков, они присоединились к свите Лжедмитрия где-то на пути между Путивлем и Орлом.

В Кромах самозванец оставался несколько дней. Его спутники с удивлением разглядывали лагерные укрепления, множество палаток и брошенные русскими пушки. Лжедмитрию досталось

70 больших орудий, крупные запасы пороха и ядер, войсковая казна, много лошадей и прочее имущество.

Будучи под Орлом, Отрепьев устроил судилище над теми из воевод, которые, попав в плен, отказались ему присягать: «...приидоша ж под Орел и, кои стояху за правду, не хотяху на дьявольскую прелесть прельститься, оне же ему оклеветаны быша, тех же повеле переимати и разослати по темницам». Среди других в тюрьму был отправлен боярин И. И. Годунов. На всем пути до Орла бесчисленное множество народа из всех сословий и званий собиралось большими толпами, чтобы увидеть новообращенного «государя». Имеются сведения о том, что первая делегация от москвичей явилась к Отрепьеву уже во время его остановки в Орле. Посланцы из Москвы заявили, что столица готова признать своего «прирожденного государя». Вскоре после этого Лжедмитрий решил послать в Москву своих гонцов с обращением к московской думе и чинам. За опасное поручение взялся дворянин Гаврила Григорьевич Пушкин.

Лжедмитрий поручил Пушкину доставить в Москву грамоту, в которой он требовал от москвичей покорности и старался убедить их, что провинция уже прекратила всякое сопротивление. Чтобы подтвердить эту ложь, Лжедмитрий I послал вместе с Пушкиным захваченного царицынского воеводу Наума Плещеева, велел ему «на Москве объявить, что ему (Дмитрию.— *Р. С.*) низовые города (в Нижнем Поволжье.— *Р. С.*) добились челом».

Самозванец приказал своим войскам войти в Москву. Но сделать это оказалось не так-то просто. В распоряжении правительства оставалось несколько тысяч дворовых стрельцов. Царь Федор отпустил их на Оку и приказал им занять все переправы под Серпуховом. 28 мая стрельцы дали бой отрядам Лжедмитрия и отбили все их попытки перейти Оку. По словам очевидцев, московские стрельцы, «пребывая верными до конца, сражались за Москву».

Приведенные из-под Кром войска обнаружили свою полную небоеспособность. Войска самозванца, выступившим на завоевание Москвы, пришлось выдержать один бой, но и его они проиграли.

ПЕРЕВОРОТ В СТОЛИЦЕ

ишившись армии, династия Годуновых оказалась в критическом положении. Но окончательный удар ей нанесло восстание в Москве. Народ волновался и оказывал неповиновение властям. В конце мая 1605 г. по Москве распространился слух о приближении войск «царя Дмитрия». В городе тотчас же вспыхнула паника. Толпа горожан, собравшихся на площади подле Серпуховских ворот, внезапно бросилась бежать, увлекая за собой встречных: «...всяк бежал своим путем, полагая, что враг гонится за ним по пятам, и Москва загудела, как пчелиный улей». Царь Федор Годунов и его мать долго не могли узнать толком, что происходит в городе. Наконец, они выслали ближних бояр к народу на Красную площадь. После долгих увещеваний толпа нехотя разошлась по домам.

Последующие события развивались стремительно и неудержимо. С некоторой наивностью голландец И. Масса повествует о том, что 1 июня около 9 часов утра в Москву смело въехали два гонца «Дмитрия», что «поистине было дерзким предприятием»; на площади гонцы огласили грамоту «Дмитрия», после чего толпа пала ниц и проч. Совершенно так же описывают события русские летописцы, назвавшие по именам гонцов Лжедмитрия. Зачитав «прелестные» грамоты «вора» на Красной площади, дворяне Г. Пушкин и Н. Плещеев «смутили» население столицы.

Приведенные рассказы были некритически восприняты историками, несмотря на их очевидную легендарность. В самом деле, как могли двое дворян проникнуть через тройное кольцо крепостных укреплений? Как могли распоряжаться в городе, в котором функционировало правительство, опиравшееся на преданный стрелецкий гарнизон?

Лжедмитрий не раз посылал своих гонцов в Москву, но все

они неизменно оказывались в тюрьме или на виселице. Что же позволило Пушкину и Плещееву добиться успеха? Чтобы ответить на этот вопрос, надо установить последовательность и связь событий.

Очевидцы засвидетельствовали, что донской атаман Андрей Корела с отрядом, обойдя заслоны правительственных войск на Оке, 31 мая разбил лагерь в 6 милях от Москвы. Сопоставление дат позволяет сделать важные выводы. Корела появился в окрестностях столицы 31 мая, а Пушкин и Плещеев вошли в город на другой день рано утром. По-видимому, эти события находились в неразрывной связи между собой. Трудно предположить, чтобы Корела и Пушкин, присланные под Москву одним и тем же лицом, в одно и то же время, с одной и той же целью, действовали при этом независимо друг от друга. Как видно, именно казаки доставили посланцев Отрепьева в окрестности столицы.

Если бы у стен Москвы появились полки П. Ф. Басманова и братьев Голицыных, они не произвели бы такого переполоха, какой вызвали казаки. Само имя Корелы было ненавистно начальным боярам и столичному дворянству, пережившим много трудных месяцев в лагере под Кромами. Власть имущие имели все основания опасаться того, что вступление казаков в город послужит толчком к общему восстанию.

Как только богатые («лучшие») люди узнали о появлении Корелы, они тотчас начали прятать имущество, зарывать в погребах деньги и драгоценности. Правительство удвоило усилия, чтобы как следует подготовить столицу к обороне. Весь день 31 мая по городу возили пушки и устанавливали их на крепостных стенах. Военные меры по поддержанию порядка в столице и предотвращению народных волнений отрабатывались в течение многих лет, в особенности же после восстания Хлопка. Тем не менее эти меры не помешали Пушкину и Плещееву «бесстрашно» войти в Москву.

Гонцы самозванца прибыли в Подмосковье из района Орла и Тулы. Но в столицу они вошли не по Серпуховской или Рязанской дороге, а по Ярославской дороге из района Красного села. Это село располагалось за рекой Яузой, к северо-востоку от Москвы. Отмеченный факт можно поставить в прямую связь с действиями отряда Корелы. По свидетельству Ж. Маржерета, «Дмитрий» послал войско к столице, чтобы «отрезать съестные припасы от города Москвы». Заокские города были охвачены Смутой, и Москва не могла рассчитывать на подвоз хлеба с юга. Зато замосковные города сохраняли верность династии, так что обозы шли оттуда непрерывным потоком. Особенно оживленной была дорога из Ярославля, проходившая через Красное село.

Чтобы выполнить приказ Лжедмитрия, Корела должен был перерезать прежде всего эту дорогу. По-видимому, он так и сделал.

По некоторым сведениям, Лжедмитрий обратился к жителям Красного села с особым посланием. Самозванец писал, что не раз посылал своих гонцов к ним в село и в Москву, но все они были убиты. Наконец, он требовал, чтобы красносельцы явились к нему «с повинной», и грозил в случае сопротивления истребить их всех, включая детей во чреве матери.

Присутствие казаков Корелы спасло Пушкина и Плещеева от участи предыдущих гонцов. Красносельцы, как повествует К. Буссов, с уважением выслушали послание «Дмитрия» и решили собрать народ, чтобы проводить его гонцов в столицу. Как значится в Разрядных записях, Пушкин и Плещеев приехали «с прелестными грамотами сперва в Красное село и, собравшись с мужиками, пошли в город...». По русским летописям, гонцы Лжедмитрия «стали в Красном селе и почали грамоты Ростригины читать... что он прямой (настоящий) царевич, и иные многие воровские (преступные) статьи». Обращение «прирожденного государя» привело к тому, что красносельцы подняли мятеж и привели гонцов «к Москве на Лобное место с теми воровскими грамотами».

Правительство заблаговременно подготовилось к отражению казаков. Более того, Годуновых своевременно известили о том, что красносельские «мужики изменили и хотят быть в городе» (Москве.— Р. С.). Однако посланные в Красное село ратники не дошли до села, «испугались, назад воротились». Невероятно, чтобы воевод испугала горстка красносельских мужиков, вооруженных чем попало. Остается предположить, что они столкнулись с организованным войском, каковым был, по-видимому, отряд Корелы.

На столичных улицах к красносельцам «пристал народ многой», массовое восстание москвичей началось уже после оглашения письма Лжедмитрия на Красной площади. До того посланцам «вора» надо было прорваться через усиленно охраняемые городские укрепления. Без казаков Корелы они бы, безусловно, не добились успеха. После переворота под Кромами повстанцы установили прямые связи со сторонниками Лжедмитрия в Москве. Корела имел возможность использовать их помощь.

В окружении казаков и красносельцев Пушкин и Плещеев проникли в Китай-город. Все это произошло около 9 часов утра. Взойдя на Лобное место, посланцы Лжедмитрия огласили текст его письма к столичному населению. Послание было адресовано Мстиславскому, Шуйским и прочим боярам, дворянам московским и городовым дьякам, гостям и торговым лучшим людям,

а также и всему народу — «средним и всяким черным людям». Самозванец клеймил как изменника Бориса, Марию Григорьевну — жену Бориса и сына ее Федьку, напоминал, какое «притеснение» претерпели от Бориса бояре, какое «разорение, и ссылки, и муки нестерпимые» были от него дворянам и детям боярским, каким поборам подвергал он купцов, лишая их «вольности» в торговле и забирая в счет пошлин «треть животов (имущества) ваших, а мало не все (добро) забирал в казну». Лжедмитрий I старательно перечислил обиды, причиненные Годуновым имущим слоям, и не скупился на обещания. Самозванец обещал боярам сохранить за ними их прежние вотчины, а также учинить им «честь и повышение». Дворянам и приказным была обещана царская милость, торговым людям — льготы и облегчение в поборах и податях. Что касается народа, то ему Лжедмитрий I обещал кратко и неопределенно «тишину, покой и благоденственное житье». Всем непокорным самозванец грозил тем, что им наказания от бога и «от нашей царские руки нигде не спаслись». Царицу Марию Григорьевну и ее сына Отрепьев обвинял в том, что они «о нашей земле не жалеют, да и жалети было им нечево, потому что чужим владели». Северские города оказались разорены войной, развязанной самозванцем. Но он возлагал всю вину на Федора Борисовича. Что касается главных бояр, громивших Северщину, Лжедмитрий I громко и оправдывал их ссылкой на то, что делали они это по неволе, боясь казни от Годуновых. Теми же словами Отрепьев оправдывал бояр, разгромивших его армию. Им обещано было полное прощение. Лжедмитрий I лицемерно сожалел о происшедшем «кровапролитии» и требовал, чтобы его признали царем, что приведет к прекращению братоубийственной войны.

Весть о появлении гонца на Красной площади распространилась по всему городу. Вскоре толпа заполнила всю Красную площадь. Ближайшие советники царя и Боярская дума собрались в Кремле с раннего утра. Источники сохранили несколько версий относительно позиции Боярской думы в день переворота. По одной версии, народ ворвался в Кремль («миром же приидоша во град») и, захватив бояр, привел их на Лобное место.

Разрядные записи содержат известие, согласно которому сигнал к мятежу подал окольный Богдан Бельский. Он будто бы поднялся на Лобное место и «учал говорить в мир»: «Яз за царя Иванову милость ублюю царевича Дмитрия, за то я и терпел от царя Бориса».

Записки К. Буссова позволяют установить происхождение ошибки в русских Разрядных записях. Окольный Богдан Бельский в самом деле выходил к народу на Лобное место и,

поцеловав крест, поклялся, что государь — «прирожденный сын царя Ивана Васильевича: он (Бельский) сам укрывал его на своей груди до сего дня». Но эта сцена имела место, однако, не в момент появления в Москве Гаврилы Пушкина, а три недели спустя, когда Лжедмитрий I прибыл в Кремль. Запись в Разрядках, таким образом, перепутала последовательность событий.

Тот же очевидец К. Буссов, находившийся в Москве, писал, что царица Мария Григорьевна сама выслала на площадь бояр, сохранивших верность ее сыну. Чтобы пресечь агитацию посланцев «Дмитрия», бояре пригласили их в Кремль. Однако толпа помешала попытке убрать Пушкина и Плещеева с площади.

Ни русские летописи, ни иностранные авторы (К. Буссов, Ж. Маржерет, И. Масса) ничего не упоминают о переходе на сторону восставшего народа кого-нибудь из бояр. По словам Ж. Маржерета, «Мстиславский, Шуйский, Бельский и другие были посланы (на площадь к народу. — Р. С.), чтобы усмирить волнение».

По свидетельству английских источников, речь от имени думы произнес популярный в столице дьяк Афанасий Власьев. Он спросил у народа о причине необычного собрания, грозившего обратиться в мятеж. Главные бояре просили толпу разойтись, указывали на то, что в государстве объявлен траур, и обещали разобрать любые просьбы и ходатайства народа после коронации царевича Федора.

Англичане отметили, что речи бояр были двуличными. Сановники говорили таким безразличным тоном, что «видно было, что при этом участвует один язык». На самом деле бояре, и так не обладавшие красноречием, лишились дара речи при виде разбушевавшегося народа.

Очевидцы упомянули об инциденте, послужившем последним толчком к восстанию. Гаврила Пушкин не успел прочесть грамоту Лжедмитрия и до половины, когда москвичи доставили на площадь двух прежних «воровских» гонцов, вызволенных ими из тюрьмы.

Свидетельство англичан позволяет объяснить непонятное известие Конрада Буссова. По словам Буссова, в письме к москвичам «Дмитрий» требовал прежде всего ответить ему, куда они дели его предыдущих посланцев, убили ли их сами или это тайком сделали господа Годуновы и проч. Парадокс состоит в том, что в подлинной грамоте Лжедмитрия I не упоминалось ни словом ни о каких гонцах. Очевидно, в памяти Буссова события сместились, и он стал приписывать освобождение гонцов воле Лжедмитрия I.

Дополнительные сведения насчет роли тюремных сидельцев в восстании можно обнаружить в польских источниках. Иезуит А. Лавицкий, прибывший в Москву в свите самозванца, сообщает, что в день восстания народ открыл тюрьмы, благодаря чему «наши поляки, взятые в плен во время боя под Новгородом-Северским и заключенные в оковы Борисом, избавились от темничных оков и даже оказали содействие народу против изменников».

Приведенные факты имеют решающее значение для реконструкции событий, послуживших сигналом к выступлению народа в столице. Согласно английскому источнику, тюремных сидельцев стали освобождать еще до того, как Пушкин дочитал грамоту Ажедмитрия и собравшийся на площади народ взялся за оружие. Отсюда следует, что восстание в Москве началось с разгрома тюрем. Кому принадлежал почин в этом деле? На этот вопрос источники не дают прямого ответа. Можно предположить, что нападение на тюрьмы осуществили те же люди, которые опрокинули охрану в городских воротах и провели Пушкина и Плещеева на Красную площадь, т. е. атаман Андрей Корела с донскими казаками. Разгром тюрем позволил им достичь разом двух целей. В московских тюрьмах к лету 1605 г. собралось огромное число «воров» из простонародья, а также пленных поляков и других лиц, захваченных на поле боя. Освобожденные от оков, они немедленно присоединились к казакам. Еще большее значение имел моральный эффект. «Воры», подвергавшиеся избиению и пыткам в царских застенках, стали живым обличением годуновской тирании. Недаром англичане писали, что появление узников на площади явилось как бы искрой, брошенной в порох. Толпа вооружилась чем попало и бросилась громить дворы Годуновых.

Пушкин, Плещеев, другие дворяне, перешедшие на сторону самозванца, сыграли немалую роль в московских событиях. Но подлинными героями восстания были все же не они, а «черные люди» — низы столицы и вольные донские казаки во главе с атаманом Андреем Корелой.

По словам московского летописца, на Годунова ополчилась «чернь вся, и дворяня, и дети боярские и всякие люди москвичи». Современники единодушно свидетельствуют, что московское население поднялось на Годуновых «миром». Собравшаяся на Красной площади толпа разделилась надвое: «...одни начали Годуновых дворы грабить, а другие воры с миром (все вместе. — *Р.С.*) пошли в город (Кремль. — *Р.С.*) и из дворян с ними были, и государевы хоромы и царицыны пограбили».

Согласно летописи, восставшие захватили во дворце царя

Федора и его мать царицу Марию, отвели их на старый двор Бориса Годунова и приставили к ним стражу. Однако более достоверным следует признать свидетельство англичан. По их словам, царица Мария воспользовалась суматохой и в самом начале мятежа укрылась в безопасном месте. По пути с нее сорвали жемчужное ожерелье. Этим и ограничились ее злоключения в день восстания. Федору Борисовичу, совещавшемуся с думой, помогли укрыться его рабы, т. е. дворцовые служители. Низложенный царь и его семья подверглись аресту, по-видимому, не в самый день восстания, а позже.

Дворцовая стража разбежалась, не оказав нападавшим никакого сопротивления. Толпа ворвалась в опустевший дворец и принялась яростно крушить «храмины» и уничтожать все, что попадалось под руку. Народ разгромил не только дворец, но и старое подворье Бориса Годунова. Не обнаружив нигде царскую семью, восставшие бросились в вотчины Годуновых, находившиеся в окрестностях столицы. Там они «не только животы (добро, имущество) пограбили, но и хоромы (дома) разломали и в селех их, и в поместьях, и в вотчинах также (все) разграбили».

Одновременно толпа напала на дворы, принадлежавшие боярам Годуновым. Тесно связанные с династией, бояре Годуновы олицетворяли в глазах народа феодальную власть и богатство. Труднее объяснить нападение москвичей на Сабуровых и Вельяминовых. К моменту восстания никто из них не входил в Боярскую думу и не принадлежал к высшему правительственному кругу. В грамоте к московскому населению Лжедмитрий обличал одних Годуновых и не называл по именам ни Сабуровых, ни Вельяминовых. Вся вина их заключалась в отдаленном родстве с низложенной династией.

Погрому подверглись не только подворья Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых, но и многие другие богатые дворы, вовсе не принадлежавшие родне Годуновых. Как записали дьяки Разрядного приказа, люди «миром, все народом грабили на Москве многие дворы боярские, и дворянские, и дьячьи, а Сабуровых и Вельяминовых всех грабили».

Сколь бы разнородными ни были силы, выступившие против Годуновых, движение сразу приобрело социальную окраску. В отчетах англичан этот момент получил наиболее яркое отражение. «...Весь город, — писали англичане, — был объят бунтом; и дома, погреба и канцелярии думных бояр, начиная с Годуновых, были преданы разгрому»; «Московская чернь без сомнения сделала все возможное»; «Толпа сделала что только могла и хотела: особенно досталось наиболее сильным мира, которые, правда, и были наиболее недостойными»; «Более зажиточные под-

вергались истязанию, жалкая голь и нищета торжествовала»; «С богатых срывали даже одежду».

Во время других восстаний народ, доведенный до отчаяния притеснениями, требовал выдачи ненавистных ему чиновников и расправлялся с ними. переворот 1605 г. имел свои отличительные черты. Несмотря на все обличения самозванца, народ имел собственное представление о правлении Годуновых. В массе столичного населения их не считали ни жестокими угнетателями, ни кровопийцами. По этой причине в день восстания никого не убивали и не казнили. Правительство со своей стороны не сделало никаких попыток к вооруженному подавлению мятежа. И все же в день переворота не обошлось без жертв.

Добравшись до винных погребов, люди разбивали бочки и черпали вино кто шапкой, кто башмаком, кто ладонью. «На дворах в погребах, — записал летописец, — вина опилися многие люди и померли...» Исаак Масса, любивший всякого рода подсчеты, записал, что после мятежа в подвалах и на улицах нашли около пятидесяти человек, упившихся до смерти. Англичане утверждали, что после бунта в Москве было не менее сотни умерших и помешавшихся от пьянства в уме людей.

Внезапно вспыхнув, восстание так же внезапно улеглось после полудня того же дня. На улицах появились бояре, старавшиеся навести порядок.

С падением Годуновых закончилась целая полоса в политическом развитии Русского государства. Прошло всего семь лет с того дня, когда столичный народ — «всенародное множество» помогло Борису утвердиться на троне. Придя к власти, выборный царь обещал, что будет править по справедливости, с пользой для всего народа, чтобы все его подданные пользовались изобилием и покоем «у всех равно». Годунов обещал благоденствие для всех, но трехлетний голод развеял в прах иллюзии, порожденные его обещаниями. Вслед за тяжким экономическим потрясением страна испытала ужасы гражданской войны, в ходе которой земская династия окончательно утратила поддержку народа.

БОЯРЕ И САМОЗВАНЕЦ

осстание в Москве покончило с выборной династией. Наступило короткое междуцарствие. Летописцы утверждали, будто Боярская дума принесла присягу Лжедмитрию в день переворота. В действительности дело обстояло куда сложнее. Дума не сразу приняла решение направить своих представителей к «царевичу». Никто из старших и наиболее влиятельных бояр не согласился ехать на поклон к нему.

Со времен избрания Бориса Годунова Боярская дума во второй раз должна была согласиться на передачу трона неугодному и, более того, неприемлемому для нее кандидату. Как и в 1598 г., вопрос о престолонаследии был перенесен из дворца на площадь. Но в 1605 г. передача власти из рук в руки была осложнена кровопролитной гражданской войной.

Борису Годунову помогли шестивия «всего народа» на Новодевичье поле. Лжедмитрия подняли к власти восстания на южных границах и в столице. Годунов не смог добиться присяги от бояр после наречения на царство в Новодевичьем монастыре. Отрепьев пересилил бояр и заставил их явиться к нему в лагерь.

Английские известия довольно точно очертили круг лиц, добившихся от думы признания самозванца. Соответствующее решение, по словам англичан, было принято внезапно «благодаря тому, что члену Боярской думы Богдану Бельскому с некоторыми другими частным образом стало известно об отъезде Дмитрия из лагеря».

Как видно, именно Бельский поддерживал тайные связи с боярами, перешедшими на сторону Лжедмитрия. У Бельского было немного приверженцев в годуновской думе. Тем не менее ему удалось запугать членов думы известием о наступлении армии Лжедмитрия на Москву.

С военной точки зрения, наступление «вора» не представляло большой опасности. Поражение на переправах под Серпухо-

вом убедило Отрепьева, что сдавшиеся под Кромами войска деморализованы и неспособны вести боевые действия в обстановке гражданской войны. Поэтому, оставаясь в Туле, Лжедмитрий повторно «распустил по домам много войска». Оставшиеся силы он подчинил П. Ф. Басманову.

Внук главного опричного боярина Петр Басманов вел войска к Москве, тогда как Бельский, племянник Малюты Скуратова, подготовлял почву для торжества самозванца в самой столице.

Будучи в Туле, Отрепьев потребовал, чтобы Мстиславский и прочие бояре немедленно ехали к нему в лагерь. Дума постановила послать в Тулу князя И. М. Воротынского, двадцать лет бывшего не у дел, и некоторых других бояр и окольных князя Н. Р. Трубецкого, князя А. А. Телятевского, Н. П. Шереметева, думного дьяка А. Власьева и представителей других чинов — дворян, приказных и гостей.

3 июня делегация Москвы выехала в Серпухов. Вместе с представителями столичных чинов туда же отправились все Сабуровы и Вельяминовы, чтобы вымолить себе прощение Лжедмитрия. Но П. Ф. Басманов успел занять Серпухов и не пропустил родню Годуновых в Тулу. Басманов заслужил милость у самозванца тем же способом, что и у Годунова. Он повсюду искал изменников и беспощадно карал их. По его навету все Сабуровы и Вельяминовы были ограблены донага и брошены в тюрьму.

Лжедмитрий был взбешен тем, что главные бояре отказались подчиниться его приказу и прислали в Тулу второстепенных лиц. На поклон к Отрепьеву в начале июня приехал атаман вольных казаков Смага Чертенский с Дона. Чтобы унижить посланцев Боярской думы, самозванец допустил к руке донцов раньше, чем бояр. Проходя мимо бояр, казаки ругали и позорили их. «Царь» обратился к Чертенскому с милостивым словом. Допущенных же следом Воротынского с товарищами он бранил последними словами «яко же прямой царский сын». Боярина Телятевского выдали казакам с головой. Казаки били его смертным боем, а затем едва живого отвезли в тюрьму. Сцена, разыгравшаяся в Туле, была последним отголоском того периода самозванщины, когда поддержка восставшего народа и донцов имела для «вора» решающее значение.

Из Тулы Лжедмитрий выступил в Серпухов, где к нему явились глава думы удельный князь Ф. И. Мстиславский, князь Д. И. Шуйский, стольники, стряпчие, дворяне, дьяки и столичные купцы — гости. Московские власти сделали все, чтобы облегчить соглашение с путивльским «вором», которого они в течение семи

месяцев безуспешно пытались уничтожить. Они велели извлечь на свет божий огромные шатры, в которых Борис потчевал дворян в дни серпуховского похода накануне своей коронации. Шатры имели вид крепости с башнями и были весьма вместительными. Изнутри стены главного шатра были расшиты золотом.

В Серпухов заблаговременно прибыли служители Сытенного и Кормового дворов, многочисленные повара и прислуга с запасами. Бояре и московские чины дали пир Ажедмитрию. По словам очевидцев, на пиру присутствовало разом 500 человек. Пир и приемы были не более чем декорацией, скрывавшей от посторонних глаз переговоры между самозванцем и московскими чинами. Прибытие в Тулу главного дьяка А. Власьева и других приказных людей привело к тому, что управление текущими государственными делами начало переходить в руки самозванца.

Находясь в Туле, Ажедмитрий I известил страну о своем восшествии на престол. Рассчитывая на неосведомленность дальних городов, Отрепьев утверждал, будто его «узнали» как «прирожденного государя» Иов, патриарх московский, весь Священный собор, дума и прочие чины. 11 июня Ажедмитрий I был еще в Туле, но на своей грамоте пометил: «Писана на Москве». Вместе с окружной грамотой самозванец разослал по городам текст присяги. Она представляла собой сокращенный вариант присяги, составленной при воцарении Бориса Годунова и Федора Борисовича.

Самозванец повторил прием, к которому прибегли Борис Годунов, а затем его сын. Добиваясь трона, Борис велел сразу после смерти Федора Ивановича принести присягу на имя вдовы царицы Ирины и на свое имя. Федор Борисович поставил на первое место имя вдовы царицы Марии Годуновой, когда потребовал присяги от думы и народа.

Ни в Самборе, ни в Путивле самозванец не ссылался на возможное свидетельство матери, заточенной в глухом северном монастыре. После переворота в Москве он решил использовать авторитет вдовы Грозного, чтобы навязать свою власть стране. Присяга на имя вдовы Грозного была еще одной попыткой самозванца мистифицировать страну. Готовясь к неизбежной встрече с мнимой матерью, самозванец приблизил первого же ее родственника, попавшего к нему в руки. В Туле он пожаловал чин постельничего дворянину Семену Ивановичу Шапкину, потому что «он Нагим племя».

Дьяки Отрепьева исключили из нового текста присяги запреты напускать колдунов на государя, а пункт «о воре», называв-

шемся Дмитрием Углицким, заменили пунктом о «Федьке Годунове». Подданные обещали не подыскивать царство под государями «и с изменники их, с Федькою Борисовым сыном Годуновым, и с его матерью, и с их родством, и с советники не ссылаться письмом никакими мерами». Членам низложенной царской семьи удалось спастись в день восстания. Но вскоре их убежище было открыто, и тогда Боярская дума распорядилась заключить их под домашний арест. Московская знать, презиравшая художного Бориса, пожелала посмертно лишить его царских почестей. Свежая могила Годунова в Архангельском соборе была раскопана, труп умершего удален из церкви. Очевидец событий Ж. Маржерет засвидетельствовал, что все это сделано было «по просьбе вельмож». Своими действиями руководители думы надеялись заслужить милость самозванца. Фактически же их инициатива развязала руки Отрепьеву.

По словам К. Буссова, в Серпухове «царь Дмитрий» объявил, что он не приедет в Москву, «прежде чем не будут уничтожены те, кто его предал, все до единого, и раз уж большинство из них уничтожено, то пусть уберут с дороги даже и молодого Федора Борисовича с матерью, только тогда он приедет и будет им милостивым государем». Известие Буссова находит неожиданное подтверждение в английском сочинении 1605 г. По словам англичан, «царь Дмитрий» отправил к москвичам князя Ф. И. Мстиславского и князя Д. И. Шуйского с поручением «лишить его врагов занимаемых ими мест, заключить в неволю Годуновых и иных, пока он не объявит дальнейшей своей воли, с тем чтобы истребить этих чудовищ, кровопийц и изменников...». Ф. И. Мстиславский и Д. И. Шуйский были как раз теми боярами, которые ездили в Серпухов. Взявшись выполнить поручение Лжедмитрия, руководители думы фактически санкционировали расправу с царской семьей.

Завершив переговоры с Мстиславским, Лжедмитрий отправил в столицу особую боярскую комиссию. Формально ее возглавлял князь В. В. Голицын, обладавший необходимым чином. Фактически же главными доверенными лицами самозванца в московской комиссии стали члены путивльской «воровской» думы В. М. Масальский-Рубец и дьяк Б. Ступов. Вместе с комиссией в Москву был направлен П. Ф. Басманов с отрядом служилых людей и казаков.

Прибыв в Москву, боярская комиссия тотчас выполнила приказ самозванца о казни царской семьи. Экзекуцией непосредственно руководили дворяне М. Молчанов и А. Шерефединов. (Последний имел за спиной опыт опричной службы.) Они явились на старое подворье Бориса Годунова в сопровождении

отряда стрельцов. захватили царицу и ее детей и развели «по храминам порознь». Царица Марья Скуратова обмерла от страха и не оказала палачам никакого сопротивления. Федор Годунов, несмотря на молодость, отчаянно сопротивлялся, так что стрельцы долго не могли с ним справиться.

После казни боярин В. В. Голицын велел созвать перед домом народ и, выйдя на крыльцо, объявил «миру», что царица и царевич со страху «испиша зелья и помроша», «царевна же едва живе». Новые власти сделали все, чтобы утвердить официальную версию смерти царя Федора и его матери. Но столичное население не поверило им.

Когда два простых гроба с убитыми были выставлены на общее обозрение, народ нескончаемой толпой двинулся на подворье Годуновых. Как записал шведский агент, он видел собственными глазами вместе с тысячами москвичей следы от веревок, которыми были задушены царица Мария и царь Федор. Следуя версии о самоубийстве, бояре запретили традиционный погребальный обряд. Труп вдовы царицы Марии Годуновой отвезли в женский Варсонофьев монастырь на Сретенке и там зарыли вне стен церкви, внутри монастырской ограды. В одну яму с ней были брошены тела Бориса и Федора Годуновых.

Распоряжавшийся в Кремле Б. Я. Бельский не принимал непосредственного участия в расправе с царицей Марией, которая была ему двоюродной сестрой. Басманов также оставался в стороне. Но именно эти лица довершили разгром Годуновых, их родни и приверженцев в Москве. Имущество Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых было отобрано в казну. Бояр Годуновых отправили в ссылку в Сибирь и в Нижнее Поволжье. Исключение было сделано лишь для недавнего правителя С. М. Годунова. Его отправили в Переславль-Залесский. Везти боярина в дальние города не имело смысла. Пристав имел приказ умертвить его в тюрьме, что он и выполнил.

Самозванец не мог занять трон, не добившись покорности от Боярской думы и церковного руководства. Между тем патриарх Иов не желал идти ни на какие соглашения со сторонниками Лжедмитрия.

Неразборчивый в средствах Отрепьев пытался вести двойную игру. Провинцию он желал убедить в том, что Иов уже «узнал» в нем «прирожденного государя». В столице Лжедмитрий готовил почву для расправы с непокорным патриархом. Иов сохранил верность Годуновым до последнего момента и потому должен был разделить их участь. В прощальной грамоте 1606 г. Иов живо описал свои злоключения в день переворота 1 июня. «...Множество народа царствующего града Москвы, — писал он, — внидоша

во святую соборную и апостольскую церковь (Успенский собор. — *Р.С.*) с оружием и дреколием, во время святого и божественного пения... и внидоша во святыи алтарь и меня, Иева патриарха, из алтаря взяша и во церкви и по площади таская, позориша многими позоры...»

Судьба патриарха решалась, когда Лжедмитрий был в 10 милях от столицы. Самозванец поручил дело Иова той самой боярской комиссии, которая должна была произвести казнь Федора Годунова. Церемония низложения Иова как две капли воды походила на церемонию низложения митрополита Филиппа Колычева опричниками. Боярин П. Ф. Басманов препроводил Иова в Успенский собор и там проклял его перед всем народом, назвав Иудой и виновником «предательства» Бориса по отношению к «прирожденному государю Дмитрию». Вслед за тем стражники содрали с патриарха святительское платье и «положили» на него «черное платье». Престарелый Иов долго плакал, прежде чем позволил снять с себя панагию. Местом заточения Иова был избран Успенский монастырь в Старице, где некогда он начал свою карьеру в качестве игумена опричной обители.

Казнь низложенного царя и изгнание из Москвы патриарха расчистили самозванцу путь в столицу. По дороге из Тулы в Москву путивльский «вор» окончательно преобразился в великого государя. В Серпухове его ждали царские экипажи и 200 лошадей с Конюшенного двора. На пути к Коломенскому бояре привезли Отрепьеву «весь царский чин»: кое-какие регалии и пышные одеяния, сшитые по мерке в кремлевских мастерских.

В окрестностях Москвы Лжедмитрий пробыл три дня. Он постарался сделать все, чтобы обеспечить себе безопасность в столице и выработать окончательное соглашение с думой. В московском манифесте Лжедмитрий обязался пожаловать бояр и окольных их «прежними отчинами». Это обязательство составило основу соглашения между самозванцем и думой. Другие пункты соглашения касались состава думы. Самозванцу пришлось удовлетвориться изгнанием Годуновых. Зато он получил возможность пополнить думу своими ближними людьми.

Гражданская война принесла с собой чрезвычайные потрясения. Возникла особая атмосфера, способствовавшая распространению всевозможных слухов. Невзирая на двукратные похороны Бориса, страну захлестнули слухи о его чудесном спасении. Толковали, будто Годунов жив, а вместо него в могилу положили его двойника. На улицах люди под клятвою утверждали, будто своими глазами видели старого царя в подвале на подворье у Годуновых; будто Годунов бежал то ли в Англию, то ли в Швецию,

то ли к татарам. Толки о спасении Бориса достигли Тулы. Самозванцу они едва ли внушили тревогу. Подлинную опасность для него представляли иные слухи. Обличения по адресу зловерного расстриги, утратившие влияние на умы в форме правительственных обращений, неожиданно возродились после падения Годуновых.

Будучи в юности в Москве, Отрепьев успел обратить на себя внимание не только своими редкими способностями, но также и своей запоминающейся внешностью. Московские летописцы утверждали, будто уже в Путивле многие люди догадывались, с кем имеют дело. Когда же «вор» вступил в Москву, некоторые из москвичей «его узнали, что он не царский сын, а прямой вор Гришка Отрепьев рострига...». Однако, оценивая известия летописцев об опознании самозванца, надо иметь в виду, что все они были составлены задним числом, уже после гибели Лжедмитрия.

Опасность разоблачения в наибольшей мере угрожала Отрепьеву в Путивле. Там он жил в черте небольшого городка, у всех на глазах, не имел возможности отгородиться от людей дворцовыми стенами. Там его преследовали поражения и неудачи. Можно установить, что уже в Путивле самозванец столкнулся лицом к лицу с некоторыми дворянами, хорошо его знавшими. Но это не имело и не могло иметь никаких последствий.

В росписи армии Мстиславского против имени дворянина И. Р. Безобразова имеется помета: «В полон взят». Плененный под Новгородом-Северским, Безобразов неожиданно для себя столкнулся лицом к лицу с бывшим товарищем детских игр. Со слов Безобразова поляк Я. Собеский записал в своем дневнике следующее: «Дом отца и деда Отрепьева был в Москве рядом с домом Безобразова: об этом говорил сам Безобразов. Ежедневно Гришка ходил в дом Безобразова, и всегда они вместе играли в детские годы, и так они вместе росли». Если бы Безобразов попытался обличить своего давнего приятеля, его мгновенно бы уничтожили. Но он не помышлял о раскрытии обмана и сделал превосходную карьеру при дворе Лжедмитрия.

Утверждение летописцев, будто москвичи, опознав Отрепьева после его водворения в Кремле, горько плакали о своем преступлении, не соответствует истине. Напротив, в столице после переворота преобладала атмосфера общей экзальтации по поводу обретения истинного государя и наступления счастливого царства. Впрочем, даже среди общего ликования ничто не могло заглушить убийственную для Лжедмитрия молву. Эта молва возродилась не потому, что кто-то «вызнал» в «царе» беглого чудо-

вского дьякона. Причина заключалась совсем в другом. В борьбу включились могущественные силы, стремившиеся помешать Лжедмитрию занять трон. Бояре не для того избавились от худордных Годуновых, чтобы передать власть темному проходимцу. Отрепьев понимал, что в думе и среди столичных дворян у него больше врагов, чем сторонников. Опасаясь попасть в западню, он три дня стоял у ворот Москвы.

Наконец 20 июня самозванец вступил в Москву. Во время движения стража внимательно осматривала путь, чтобы предотвратить возможность покушения. Гонцы поминутно обгоняли «царский» кортеж, а затем возвращались с донесениями. Самым знатным боярам Отрепьев велел быть подле себя. Впереди и позади «царского поезда» следовали польские роты в боевом порядке. Очевидцы утверждали, будто кругом царя ехало несколько тысяч поляков и казаков. Боярам не дозволено было иметь при себе вооруженную свиту. Дворяне и войска растянулись на большом пространстве в хвосте колонны. По приказу самозванца строй московских дворян и ратников был распущен, едва кортеж стал приближаться к Кремлю. Узкие городские улицы были забиты жителями. Чтобы лучше разглядеть процессию, люди забирались на заборы, крыши домов и даже на колокольни. При появлении самозванца толпа потрясала воздух криками: «Дай господи, государь, тебе здоровья!» Колокольный звон и приветствия москвичей катились за царской каретой, подобно волне. Как писал один из участников процессии, люди оглохли от колокольного звона и воплей.

На Красной площади подле Лобного места Лжедмитрия встретило московское духовенство. Архиереи отслужили молебен посреди площади и благословили самозванца иконой. По словам И. Массы, «царь» приложился к иконе будто бы не по православному обычаю, что вызвало среди русских явное замешательство. Приведенное свидетельство сомнительно. Будучи протестантом, Масса не слишком разбирался в тонкостях православной службы и не понял того, что произошло на его глазах. Архиепископ Арсений, лично участвовавший во встрече, удостоверил, что все совершилось без каких бы то ни было отступлений от православного обряда. Возмущение москвичей вызвали бесчинства, но не государя, а поляков. Едва православные священнослужители запели псалмы, музыканты из польского отряда заиграли на трубах и ударили в литавры. Под аккомпанемент веселой польской музыки самозванец прошел с Красной площади в Успенский собор. Русские священники, писал иезуит А. Лавицкий, подвели царя к их главному собору, но «в это время происходила столь сильная игра на литаврах, что я, присутствуя

здесь, едва не оглох». Музыканты старались произвести как можно больше шума, радуясь замешательству москвичей.

Вопреки легендам никаких речей при встрече Лжедмитрия сказано не было. Лишь в Архангельском соборе Отрепьев собрался с духом и произнес несколько слов, которых от него все ждали. Приблизившись к гробу Ивана Грозного, он сказал, что «отец его — царь Иоанн, а брат его — царь Федор!». Православных немало смутило то, что новый царь привел «во церковь многих ляхов» и те «во церкви божии сташи с ним». Отрепьев опасался расставаться с телохранителями даже в соборах. Из церкви самозванец отправился в тронный зал дворца и торжественно уселся на царский престол. Польские роты стояли в строю с развернутыми знаменами под окнами дворца.

На Красной площади собралось все столичное население. Толпа не желала расходиться. Самозванец был обеспокоен этим и выслал на площадь Б. Я. Бельского с несколькими другими членами думы. Бельский напомнил, что именно его царь Иван назначил опекуном при своих детях, и тут же поклялся, что укрывал «царевича Дмитрия» «на своей груди». Бельский призвал народ служить верой и правдой своему «прирожденному государю». Москвичи встретили его слова криками одобрения. Опасаясь за свою безопасность, самозванец немедленно сменил всю кремлевскую стражу. Как записал Масса, «казаки и ратники были расставлены в Кремле с заряженными пищалями, и они даже вельможам отвечали грубо, так как были дерзки и ничего не страшались».

В истории гражданской войны в России наступил, быть может, самый знаменательный момент. Повстанческие силы, сформированные в ходе восстания в Северной земле и состоявшие из вольных казаков, ратных людей Путивля и других мятежных гарнизонов, холопов, посадских людей, мужиков и проч., заняли Кремль и взяли под контроль другие ключевые пункты столицы. Они привели в Москву своего царя, а потому чувствовали себя полными хозяевами положения.

Тем временем Отрепьев приступил к исполнению своих обязанностей в качестве властителя Кремля. Зная, какую власть над умами имеет духовенство, он поспешил сменить высшее церковное руководство. Не доверяя русским иерархам, самозванец решил поставить во главе церкви грека Игнатия. Игнатий прибыл на Русь с Кипра и по милости Бориса стал архиепископом в Рязани. После мятежа под Кромами П. Ляпунов с прочими рязанскими дворянами вернулись домой и «смутили» Рязань. Игнатий не противился им. Он первым из церковных иерархов предал

Годуновых и признал «Путивльского вора». В награду за это Лжедмитрий сделал его патриархом.

На другой день после переезда во дворец самозванец велел собрать Священный собор, чтобы объявить о переменах в церковном руководстве. Собравшись в Успенском соборе, сподвижники и ученики Иова постановили: «Пусть будет снова патриархом святейший патриарх господин Иов». Восстановление Иова в сане патриарха понадобилось собору, чтобы придать процедуре вид законности. Следуя воле Отрепьева, отцы церкви постановили далее отставить от патриаршества Иова, потому что он великий старец и слепец и не в силах пасти многочисленную паству, а на его место избрать Игнатия. Участник собора грек Арсений подчеркивал, что Игнатий был избран законно и единогласно. Никто из иерархов не осмелился протестовать против произвола нового царя.

Поставив во главе церкви своего клеветника («угодника»), Лжедмитрий занялся Боярской думой. Наибольшим влиянием в думе пользовались князь Василий Шуйский и его братья. На их головы и обрушился удар. Поводов для расправы с Василием Шуйским было более чем достаточно. Доносы поступили к самозванцу через П. Ф. Басманова, через польских секретарей и телохранителей. По словам поляков, один московский купец нечаянно подслушал слова, сказанные Шуйским про нового государя: «Черт это, а не настоящий царевич! Не царевич это, а расстрига и изменник!» Купец поспешил донести о крамоле князя во дворец. По русским источникам, Шуйский будто бы сознательно распускал слух о самозванстве нового государя через верных людей — известнейшего московского зодчего и купца Федора Коня, столичного знахаря Костю Лекаря и других лиц. Когда виновные попали в руки Петра Басманова, тот быстро произвел розыск и выяснил вину Шуйских.

Получив донос от П. Ф. Басманова, Лжедмитрий приказал без промедления арестовать трех братьев Шуйских. «Приставами», или тюремщиками, Шуйских стали бояре П. Ф. Басманов и М. Г. Салтыков. При Борисе Годунове М. Г. Салтыков руководил розыском о заговоре Романовых, при самозванце расследовал заговор Шуйских. Боярин усердствовал, чтобы доказать свою преданность новому государю. Но главным инициатором розыска был все же не он, а боярин П. Ф. Басманов.

Шуйским было предъявлено обвинение в государственной измене. Однако официальная версия их дела заключала в себе слишком много неясного. Даже близкие к особе Лжедмитрия люди по-разному излагали вину знатного боярина. Шуйского обвиняли то ли в распространении слухов, порочивших «госуда-

ря», то ли в организации форменного заговора с участием многих тысяч лиц.

В письме из Москвы от 4 июля 1605 г. иезуит А. Лавицкий писал, что Шуйского судили за то, что он называл «Дмитрия» врагом и разрушителем истинной православной веры, орудием в руках поляков. Жак Маржерет, ставший вскоре одним из главных телохранителей Лжедмитрия, утверждал, что Шуйского обвиняли в «преступлении оскорбления величества». Другую версию изложили командиры польского наемного войска С. Борша и Я. Вислоух. По словам Вислоуха, Шуйские вовлекли в заговор 10 тысяч детей боярских и условились перебить и сжечь поляков вместе с занятыми ими дворами, но поляки своевременно известили обо всем «Дмитрия». По словам Борши, заговорщики намеревались ночью поджечь город и напасть на царя и поляков. В этой версии сквозит желание подчеркнуть роль наемного войска в московских событиях, а потому она не заслуживает доверия.

Опираясь на казачьи и польские отряды, П. Ф. Басманов арестовал множество лиц, которых подозревали в заговоре с Шуйским. Розыск проводился с применением изощренных пыток. Однако в конце концов власти отказались от намерения организовать крупный политический процесс. Лжедмитрий распорядился привлечь к суду вместе с Шуйским лишь несколько второстепенных лиц. В числе их был Петр Тургенев, Федор Калачник и некоторые другие купцы. Чтобы утратить столичное население, Отрепьев велел предать названных лиц публичной казни.

Автор «Иного сказания» утверждал, что князь Василий Шуйский и его братья были арестованы на третий день после вступления Лжедмитрия в Москву, а 25 июня их передали в руки палача. Приведенная дата ошибочна. Достоверно известно, что казнь Шуйских была назначена на воскресенье 30 июня. Как бы то ни было, очевидцы единодушно утверждают, что суд над Шуйскими занял несколько дней. Установив хронологию заговора Шуйских, историк С. Ф. Платонов писал: «Трудно понять причины той торопливости, с какою они постарались отделаться от нового царя»; «...Шуйские необыкновенно спешили и... все их «дело» заняло не более десяти дней. Очевидно, они мечтали не допустить «расстриги» до Москвы, не дать ему сесть на царство». С. Ф. Платонов принял на веру официальную версию заговора Шуйских. Между тем эта версия включает в себе слишком много неясного и едва ли заслуживает доверия.

В массе своей московское население приветствовало нового царя. На его стороне была военная сила. Лжедмитрий был на

вершине успеха. Планировать в таких условиях переворот было безумием. Шуйские же всегда были трезвыми и осторожными политиками. Спешили не столько Шуйские, сколько Лжедмитрий. Даже если заговора не было и в помине, ему надо было выдумать таковой.

В Польше коронный гетман Я. Замойский, выступая перед сеймом в начале 1605 г., резко высмеял расскази самозванца и заявил, что если уж поляки хлопочут о возведении на московский трон старой династии, то им надо иметь в виду, что законным наследником Московского княжества «был род Владимирских князей, по прекращении которого права наследства переходят на род князей Шуйских». О речи гетмана говорили по всей Польше, и самозванец не мог не знать о ней.

Из всех начальных бояр один Василий Шуйский отказался подчиниться приказу Лжедмитрия и не явился в Серпухов. Это усилило подозрения самозванца, который имел все основания беспокоиться, что князь Василий предъявит претензии на трон при первом же подходящем случае. Отрепьев мог расправиться с Шуйским тем же способом, что и с царем Федором Годуновым. Но с некоторых пор он был связан договором с Боярской думой. Следуя традициям, Лжедмитрий объявил о созыве собора для суда над великим боярином. Находившийся в те дни в Кремле поляк Лавицкий писал, что Шуйских судили на большом (многочисленном) соборе, состоявшем из сенаторов, духовенства и других сословий. Жак Маржерет, перешедший на службу к Лжедмитрию, утверждал, что Шуйские подверглись суду «в присутствии лиц, избранных от всех сословий». Следуя рассказам поляков из окружения самозванца, Паэрле записал, что в суде участвовали как сенат (дума), так и народ. Свидетельства иностранцев полностью совпадают с данными русских источников. Как подчеркнул «Новый летописец», Лжедмитрий «повеле собрати собор» с приглашением духовных властей, бояр и лиц «из простых людей».

Самозванец пришел к власти на волне народных восстаний. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в первые дни своего пребывания в Москве он продолжал видеть в восставшем народе союзника. Представители столичного населения были приглашены на соборный суд, чтобы нейтрализовать возможные выступления сторонников Шуйских. В высшем государственном органе — Боярской думе — Шуйские имели много сторонников, и самозванец опасался их происков.

С обвинениями против Шуйских на соборе выступил сам Лжедмитрий. Род князей Шуйских, утверждал самозванец, всегда был изменническим по отношению к московской дина-

стии, блаженной памяти отец Иван семь раз приказывал казнить своих изменников Шуйских, а брат Федор за то же казнил дядю Василия Шуйского. Фактически Лжедмитрий отказывался от версии о наличии разветвленного заговора. Трое братьев Шуйских, заключил он, намеревались осуществить переворот своими силами: «...подстерегали, как бы нас, заставши врасплох, в покое убить, на что имеются несомненные доводы». Царь утверждал, что имеет несомненные доказательства заговора Шуйских, а потому никакого разбирательства с допросом свидетелей и другими формальностями на соборном суде не было. Василия Шуйского осудили тотчас после публичной казни Петра Тургенева и Федора Калачника. В таких условиях даже близкие к Шуйским члены думы и Священного собора не посмели выступить в их защиту. Инициатива полностью перешла в руки «угодников» Лжедмитрия — патриарха Игнатия, бояр Б. Я. Бельского, П. Ф. Басманова, М. Г. Салтыкова, новоиспеченных думных людей из путивльской «думы». Как с горечью отметил летописец, «на том же соборе ни власти, ни из бояр, ни из простых людей никто же им (Шуйским. — *Р.С.*) не пособствующе (не помогли), все на них кричаху».

Опытному царедворцу Василию Шуйскому удалось пережить грозу при Годунове, которая едва не стоила ему головы. Он знал, чем можно заслужить снисхождение, и повинился во всех преступлениях, которые ему приписывали. «Виноват я тебе... царь государь: все это (о расстриге и проч. — *Р.С.*) я говорил, но смилуйся надо мной, прости глупость мою!» — будто бы сказал Шуйский. В заключение князь Василий смиренно просил патриарха и бояр сжалиться над ним, страдником, и просить за него царя.

Собор осудил Василия Шуйского на смерть, а его братьев на заключение в тюрьму. Лжедмитрий спешил с казнью и назначил экзекуцию на следующий день. Все было готово для казни. По существу самозванец ввел в столице осадное положение. Несколько тысяч стрельцов оцепили всю площадь полукругом. Преданные самозванцу казаки и поляки с копьями и саблями заняли Кремль и все ключевые пункты города. Были приняты все меры безопасности против возможных волнений.

Выехав на середину площади, Басманов прочел приговор думы и собора о винах Шуйского. Вслед за тем палач сорвал с осужденного одежду и подвел его к плахе, в которую был воткнут топор. Стоя подле плахи, князь Василий с плачем молил о пощаде. «...От глупости выступил против пресветлейшего великого князя, истинного наследника и прирожденного государя своего, просите за меня — помилует меня от казни, которую за-

служил...» — взывал князь Василий к народу. Шуйские пользовались популярностью в народе, и их осуждение вызвало среди москвичей разные толки. По свидетельству поляков, даже их сторонники боялись обнаружить свои чувства, чтобы не попасть под подозрение. По словам же Массы, народ выражал явное недовольство. С казнью медлили. Отмена казни не входила в расчеты П. Ф. Басманова, и он проявлял видимое нетерпение. Дело кончилось тем, что из Кремля на площадь прискакал один из телохранителей царя, остановивший казнь, а следом за ним дьяк, огласивший указ о помиловании.

Сподвижник Лжедмитрия С. Борша точнее всех других объяснил причины помилования Василия Шуйского. «Царь даровал ему жизнь, — писал он, — по ходатайству некоторых сенаторов». Бояре не посмели открыто перечить царю на соборе. Но после собора они сделали все, чтобы не допустить казни князя Василия. Отмена казни Шуйского явилась первым успехом думы.

При царе Борисе наибольшим влиянием в думе пользовались Годуновы и Шуйские. Обе эти группировки были разгромлены и удалены из столицы. Думу пополнили «воровские» бояре, получившие чин в Путивле, а также опальные бояре и дворяне. Обновив состав Боярской думы, Лжедмитрий добился послушания бояр и стал готовиться к коронации.

Самозванец пожелал дожидаться возвращения в Москву Марфы Нагой. Его расчет был безошибочным. Признание со стороны мнимой матери должно было покончить с колебаниями тех, кто все еще сомневался в его царском происхождении.

Сохранилось предание, что из Москвы Лжедмитрий «наперед» послал на Белоозеро в монастырь к Нагой «постельничего своего Семена Шапкина, чтобы его назвала сыном своим царевичем Дмитрием... да и грозить ей велел: не скажет, и быть ей убитой». Сомнительно, чтобы Шапкину надо было прибегать к угрозам. Обещания неслыханных милостей должны были подействовать на вдову сильнее любых угроз.

В середине июля Марфу Нагую привезли в село Тайнинское. Отрепьев отправил навстречу к ней племянника опальных Шуйских князя Михаила Скопина, чтобы отвести подозрения насчет сговора. 17 июля Лжедмитрий выехал в Тайнинское под охраной отряда польских наемников. Его сопровождали бояре. Местом встречи стало поле у села Тайнинского. Устроители комедии позаботились о том, чтобы заблаговременно собрать многочисленную толпу народа. Обливаясь слезами, вдова Грозного и беглый монах обняли друг друга.

Простой народ, наблюдавший сцену издали, был тронут зрелищем и выражал свое сочувствие криками и рыданиями. После пятнадцатиминутной беседы Нагая села в экипаж и не спеша двинулась в путь. Карету окружала огромная свита. Сам царь некоторое время шел подле повозки пешком с непокрытой головой. Дело было в сумерках, и всей компании пришлось остановиться на ночлег в предместьях столицы. 18 июля Марфа Нагая прибыла в Москву. Отрепьев ехал верхом подле кареты. Праздничная толпа заполнила Красную площадь. По всему городу звонили колокола. Отслужив службу в Успенском соборе, мать с «сыном» роздали нищим милостыню и скрылись во дворце. Коронация Отрепьева состоялась через три дня после возвращения в Москву вдовы Грозного. Царский дворец был разукрашен, а путь через площадь в Успенский собор устлан золототканым бархатом. Оказавшись в соборе подле алтаря, Отрепьев допустил отступление от ритуала. Он повторил затверженную речь о своем чудесном спасении. Патриарх Игнатий надел на голову самозванца венец Ивана Грозного, бояре поднесли скипетр и державу.

Отрепьев старался внушить всем мысль, что его венчание означает возрождение законной династии. Поэтому он приказал короновать себя дважды: один раз в Успенском соборе, а другой — у гробов «предков» в Архангельском соборе. Обложив надгробия всех великих князей, самозванец вышел в придел, где находились могилы Ивана IV и Федора. Там его ждал архиепископ Архангельского собора Арсений. Он возложил на голову Лжедмитрия шапку Мономаха. По выходе из собора бояре осыпали нового государя золотыми монетами.

Коронация Лжедмитрия не могла быть осуществлена без согласия Боярской думы. Это согласие, по-видимому, было связано с рядом условий. Бояре стремились к тому, чтобы как можно скорее вернуться к традиционным методам управления страной. Главной помехой на пути к этому были повстанческие отряды и наемные роты, приведенные самозванцем в Москву. Пока чужеземные солдаты охраняли царскую особу и несли караулы в Кремле, бояре не чувствовали себя в безопасности. Отрепьев долго не решался расстаться со своей наемной гвардией. Но обстоятельства оказались сильнее его. Ставки на наемных солдат стояли в Западной Европе на весьма высоком уровне. Гусарам и жолнерам надо было платить полновесной монетой. Однако золота в царской казне было немного.

Принимая на службу иноземцев, русское правительство спешило наделить их поместьями. Этот традиционный для России способ обеспечения служилых людей оказался неприем-

лемым для наемных отрядов, вступивших в Москву с самозванцем. Ветераны московского похода считали себя хозяевами положения и желали сами диктовать условия.

Иноземные наемные войска не раз проявляли свою ненадежность в критической обстановке. Солдаты грозили «царьку» расправой, когда он не мог заплатить им заслуженные деньги. В Москве Лжедмитрий имел возможность сформировать из польских рот придворную гвардию. Но дело в том, что набранный в Польше сброд не подходил к роли преторианцев.

Ветеран похода Ян Бучинский, которого трудно заподозрить в предвзятости, живо описал времяпровождение своих товарищей в Москве. Наемники пропивали и проигрывали полученные деньги. У кого прежде не было и двух челядинцев, набрали себе больше десятка, раздели их в камчатное платье.

Будучи во Львове, «рыцари» Лжедмитрия не щадили подданных своего короля, чинили грабежи и насилия. Вступив в Москву в качестве победителей, они обращались с москвичами совершенно так же. Но то, что терпели львовские мещане, не оставалось безнаказанным в русской столице.

Прошло два месяца с тех пор, как москвичи с оружием в руках поднялись против правительства Годунова. В ходе восстания народ осознал свою силу. Дух возмущения продолжал витать над столицей. Поводов для столкновений между наемниками и москвичами было более чем достаточно. Негодование населения достигло критической точки и в любой момент могло привести к новым волнениям. Вскоре после коронации Лжедмитрия произошел инцидент, который вызвал настоящий взрыв.

Московские власти арестовали нарушившего закон шляхтича Липского. В глазах других наемников его преступление было «маловажным». Но суд следовал действующим в государстве законам и вынес решение подвергнуть шляхтича торговой казни. Виновного вывели на улицу и стали бить батогами. Наемники бросились на выручку к своему товарищу и пустили в ход оружие. Толпа москвичей устремилась на помощь приставам. Началась драка, которая скоро переросла в побоище. «В этой свалке,— писал участник драки С. Борша,— многие легли на месте и очень многие были ранены». Хорошо вооруженные наемники поначалу без труда потеснили толпу, но затем им пришлось укрыться в своих казармах на Посольском дворе.

Весть о кровопролитиях подняла на ноги всю Москву. Борша утверждал, что на прилегающих улицах собралось несколько десятков тысяч москвичей, угрожавших полякам

расправой. Лжедмитрий знал, как трудно справиться с разбушевавшейся народной стихией. К тому же дело происходило тотчас после коронации, и царь избегал всего, что наносило ущерб его популярности. Москвичи считали «Дмитрия» своим «добрым царем», и ему нельзя было не считаться с народными настроениями.

По всей Москве был оглашен царский указ о наказании шляхтичей, виновных в избиении народа. Государь объявил, что придет к Посольскому двору пушки и снесет двор со всеми наемниками, если те окажут сопротивление. Обращение царя носило демагогический характер, но столичное население ликовало. Отрепьеву надо было удержать москвичей от штурма Посольского двора и предотвратить восстание в столице. И он достиг своей цели.

Как всегда, самозванец вел двойную игру. Успокоив народ, он тут же заверил наемников, что им не будет сделано ничего дурного, хотя они и совершили кровавое преступление. «Рыцарство» было удовлетворено обещаниями царя и выдало трех шляхтичей, отличившихся в расправе с толпой. В течение суток их держали под стражей в тюремной башне, а затем освободили втайне от народа.

Волнения в Москве помогли боярам добиться роспуска иностранных наемных рот. В письме от января 1606 г. Ян Бучинский упомянул о том, что жолнеры жили «на Москве без службы полгода». Отсюда следует, что Лжедмитрий рассчитал наемное войско в июле 1605 г.

Самозванец щедро оплатил наемных солдат, и в большинстве те вскоре же покинули страну.

Большие затруднения у казны возникли при оплате многочисленных долговых расписок Лжедмитрия, в особенности тех, которые были выданы им в Польше. Московское правительство отказалось удовлетворить претензии вельмож, покровительствовавших «царевичу» во время его зарубежных скитаний. Адам Вишневецкий явился в Москву собственной персоной и объявил, что он издержал на «царевича» несколько тысяч из собственных денег. Однако ему не удалось получить от бояр ничего.

Одновременно с иноземцами Отрепьев велел расчитать находившиеся в Москве отряды вольных казаков. Многие московские дворяне участвовали в осаде Кром. Казацьи сотни, отразившие многотысячную царскую рать, внушали им страх и ненависть. По этой причине казакам Корелы недолго пришлось нести караулы в Кремле. Боярская дума использовала коронацию Лжедмитрия I, чтобы добиться роспуска всех прибывших в Москву казачьих войск. По словам очевидцев, все казаки

были щедро одарены и распущены, но даже награды не могли заглушить их ропот. Отрепьев не захотел расстаться с верным Корелой. Он пожаловал донскому атаману чины и деньги. Вместе с ним остались в Москве казаки его станицы, вынесшие все тяготы обороны Кром. Андрей Корела был выдающимся предводителем повстанцев. Во главе восставшего столичного населения в осажденной крепости он чувствовал себя на своем месте. Зато в толпе царедворцев он оказался чужаком. Тут у него было слишком много врагов, и они делали все, чтобы изгнать донского атамана из Кремля. Корела невысоко ценил доставшиеся на его долю почести. В московских кабаках, среди «черни» он находил себе больше друзей, чем в парадных залах дворца. Вольные атаманы сделали свое дело, и их карьера должна была оборваться рано или поздно. Корела без счета тратил в кабаках полученные от казны деньги и в конце концов спился. Другой вождь казацкого войска Постник Лунев покинул дворец по иным причинам. Он принял пострижение и удалился на покой в Соловецкий монастырь.

С роспуском казачьих отрядов вооруженные силы, возникшие в ходе массовых антиправительственных восстаний на юго-западных и южных окраинах Русского государства, были окончательно расформированы.

Глава 33

ПРАВЛЕНИЕ ЛЖЕДМИТРИЯ I

Отрепьев не решался внести какие бы то ни было перемены в сложный и громоздкий механизм управления государством. По-прежнему высшим органом в государстве оставалась Боярская дума. Иногда советники именовали думу на польский манер «сенатом». Но вся реформа «сената» сводилась к учреждению в нем новой должности — «мечника», учрежденной также по польским образцам. Желая привлечь на свою сторону знать, самозванец пожаловал чин мечника двадцатилетнему князю Михаилу Скопину-Шуйскому. Будучи человеком проницательным, он сразу оценил его незаурядные способности.

Вместе с Лжедмитрием в Кремле водворилась путивльская «воровская» дума, которая постепенно растеряла прежние функции и слилась с московской Боярской думой. Связанный соглашением с боярами, Отрепьев не осмелился дать думные чины своим ближайшим советникам — двум братьям Бучинским, Слободскому и другим. В глазах московитов они были иноверцами и еретиками, что отнимало у них всякую надежду на карьеру при московском дворе. Поляки не получили никаких официальных должностей, оставшись на положении личных секретарей государя. Ян Бучинский числился главным секретарем царя, находясь «во всякое время при нем» во внутренних покоях.

«Воровской» боярин князь Василий Масальский-Рубец занял в московской думе высокое положение, возглавив в чине дворецкого Дворцовый приказ. Лжедмитрий оценил услуги П. Ф. Басманова и назначил его главой Стрелецкого приказа, вверив ему таким образом командование столичным гарнизонам.

Переворот в Москве выдвинул на авансцену Богдана Бельского, оказавшего самозванцу не меньшие услуги, чем Басманов.

Среди молодежи, окружавшей Лжедмитрия, Бельский выделялся как своими годами, так и огромным политическим опытом. Соратник Ивана Грозного и законный опекун его детей, Бельский рассчитывал стать правителем при «Дмитрии». Самозванец навязал свою власть высокородной знати. Он должен был обрушить на ее голову «грозу», чтобы укрепить самодержавную власть. Бельский как нельзя лучше подходил к роли правителя при ненавистном для бояр «воре». Он начал службу в ведомстве своего дяди Малюты Скуратова и имел огромный опыт борьбы с боярской крамолой. Невзирая на худородство Бельского, новый царь пожаловал ему боярский чин. И все же Бельский не сделал карьеры при дворе самозванца. Политические взгляды Бельского были известны в Москве слишком хорошо. При воцарении Федора Ивановича он пытался возродить в государстве опричные порядки и потерпел полную неудачу. Казнь Василия Шуйского должна была расчистить Бельскому путь к власти. Но кровавой расправе воспротивились и польские советники царя, и путивльские бояре, и московская дума. Немалую роль сыграло соперничество в ближайшем окружении царя. Притензии Бельского на первенство не встретили сочувствия прочих ближних людей. Помилование Шуйского было для него политической катастрофой. Отрепьев выслал Богдана Бельского из Москвы, назначив его вторым воеводой в Новгород Великий. Единственный человек, способный обуздать «боярское своеволие», навсегда покинул двор Лжедмитрия. Подобно Бельскому, Басманов также настаивал на казни Шуйского, но ему пришлось отступить в тень.

После коронации Лжедмитрия Боярская дума окончательно вступила в свои права. Ни при Федоре Ивановиче, ни при Борисе дума не была столь многочисленной, как при Лжедмитрии. Старые бояре, служившие двум царям, вынуждены были терпеть подле себя путивльских сидельцев, худородных дворян и любимцев Отрепьева.

Некогда Федор Мстиславский наголову разгромил самозванца, но тот простил его и сохранил за ним пост главы «сената». Царь Борис запретил Мстиславскому жениться, чтобы после смерти князя забрать его обширный удел в казну. Лжедмитрий не жалел усилий на то, чтобы снискать дружбу первого из бояр. Он подарил вельможе старый двор Бориса Годунова в Кремле, пожаловал ему огромную вотчину в Венева, наконец, женил на своей мнимой тетке из рода Нагих. Прощенный Шуйский получил из рук Отрепьева волость Чаронду, ранее принадлежавшую Д. И. Годунову. Самозванец решил породниться с Шуйским, а для этого сосватал ему свойственницу Нагих и назначил

свадьбу через месяц после своей. Дядя вдовы-царицы М. Ф. Нагой получил громадные подмосковные вотчины Годуновых. Князю И. М. Воротынскому вернули отцовские вотчины в Нижнем Новгороде. Б. Я. Бельский также заполучил в свои руки все свои старые вотчины.

По замыслам Отрепьева, Нагие должны были помочь новой династии породниться со знатью. Однако государь явно переусердствовал в стремлении утвердить свое родство с Нагими. Он посадил их в думе выше Голицыных, Шереметевых, Куракиных, Татевых, Лыковых. Никчемный человек, пьяница Михаил Нагой вознесся совсем высоко, получив чин конюшего.

Безмерное возвышение Нагих пришлось не по нраву князьям, в жилах которых текла кровь рюриковичей и гедиминовичей. Природная знать не забыла того, что свой седьмой брак царь Иван заключил в опричнине и что невесту ему сосватал опричный любимец Афанасий Нагой. Нагие не блистали знатностью. Боярам имя Афанасия Нагого было столь же ненавистно, как и имя Малюты Скуратова.

Назвавшись сыном Грозного, Отрепьев невольно воскресил тень опричнины. Ближние люди царя принадлежали в основном к хорошо известным опричным фамилиям (Басманов, Нагие, Хворостинин, Молчанов и другие). Но время опричных кровопролитий навсегда миновало, и Отрепьев достаточно четко улавливал настроения народа, уставшего от гражданской войны. В Москве много говорили, что Шуйский был обязан помилованием ходатайству Бучинских и царицы Марфы Нагой. На самом деле Марфа вернулась в Москву через много дней после отмены казни. Что касается польских советников, то они, как люди просвещенные, не одобряли кровопролития. Но одновременно они выступали за твердую политику в отношении боярства. Курс на общее примирение подвергся подлинному испытанию через несколько месяцев после коронации, когда Боярская дума, вдова-царица и духовенство обратились к самодержцу с ходатайством о прощении Шуйских. Обращение вызвало бурные дебаты в «верхних комнатах», где царь совещался обычно с близкими советниками. На этот раз не только бывшие опричники, но и польские секретари возражали против новых послаблений в пользу изменных бояр. В собственноручном письме Лжедмитрию Ян Бучинский напомнил: «Коли яз бил челом Вашей милости о Шуйских, чтоб их не выпускал и не высвобождал, потому как их выпустить, и от них будет страх ...и вы мне то отказали». Мнение личных советников, не занимавших никаких ключевых постов в государстве, уже мало что значило.

Пожалуй, главной чертой Отрепьева как политического деятеля была его приспособляемость. Царствовать на Москве ему пришлось недолго, и главная задача, поглощавшая все его силы и способности, заключалась в том, чтобы усидеть на незаконно приобретенном царстве. Отрепьев инстинктивно понял, что у него нет шансов удержать корону на голове при тираническом образе правления. Поэтому он выработал своего рода политическую доктрину, которой охотно делился с ближними людьми и придворными. «Два способа у меня к удержанию царства, — говорил он, — один способ быть тираном, а другой — не жалеть кошту (средств), всех жаловать; лучше тот образец, чтобы жаловать, а не тиранить». Как видно, самозванец забыл о недавних жестоких казнях, совершенных по его приказу. На троне Отрепьев, однако, должен был вести себя иначе, чем в повстанческом лагере.

Возвращение Шуйских в Москву явилось символом окончательного примирения между «законным государем» и знатью. Боярская дума торжествовала. Знатнейшая в государстве фамилия, князья Шуйские получили назад все конфискованные вотчины и имущество. Более того, они вновь заняли самое высокое положение в думе.

Отрепьев с усердием исполнял роль государя кроткого и милосердного. Его амнистии должны были покончить с воспоминаниями об убийстве членов семьи Бориса Годунова и жестоких преследованиях его родни. Михаил Сабуров храбро защищал от «вора» Астрахань. Государь не только простил его, но и пожаловал в бояре. Сабуровы и Вельяминовы, отправленные с семьями в изгнание, были все возвращены на службу. Государь милостиво объявил о прощении Годуновых и назначил их воеводами в Тюмень, Устюг и Свияжск. Самые ревностные сторонники царя Бориса один за другим получали назад думные чины и служебные назначения. Боярин А. А. Телятевский был освобожден из тюрьмы и послан воеводой в Чернигов. Боярин М. П. Катырев стал управлять Новгородом Великим. Б. Я. Бельский оказался в подчинении у него.

Ажедмитрий старался снискать в народе славу строгого и справедливого государя. Он объявил о том, что намерен водворить в своем государстве правопорядок и справедливость, запретил взятки в приказах. Приказных, избалованных в мошенничестве и злоупотреблениях, публично били палками.

Составить сколько-нибудь точное представление о правлении Ажедмитрия весьма трудно. После его смерти, как уже говорилось, власти приказали сжечь все его грамоты и прочие документы. Тем большую ценность представляют те немногие

экземпляры, которые случайно сохранились в сибирских архивах. В далеком Томске затерялась грамота «царя Дмитрия Ивановича» от 31 января 1606 г. «Великий государь» оказал милость населению сибирского города, велел объявить «жалованное слово» «служилым и всяким людям, что царское величество их пожаловал, велел их беречи и нужи их рассматривати, чтоб им ни в чем нужи не было и они б служивые и всякие люди царским осмотрением и жалованием по его царскому милосердию жили безо всякие нужи».

Манифесты Лжедмитрия способствовали формированию в народе образа «добротого царя». По всей столице, записал служивый немец К. Буссов, было объявлено, что великий государь и самодержец будет два раза в неделю — по средам и субботам — принимать жалобы у населения на Красном крыльце в Кремле, чтобы все обиженные могли без всякой волокиты добиться справедливости. Даже непримиримый противник расстриги И. Масса признавал, что установленные законы в государстве были безупречны и хороши.

Пробыв на троне несколько месяцев, Лжедмитрий вполне уразумел, что его власть лишь тогда будет прочной, когда он заручится поддержкой всего дворянства. Выходец из мелкопоместной семьи, Отрепьев хорошо понимал нужды российского дворянского сословия. Даже обличители мерзкого еретика изумлялись его любви к «воинству». На приемах во дворце Лжедмитрий не раз громогласно заявлял, что по примеру отца он рад жаловать «воинский чин», ибо «все государи славны воинами и рыцарями (дворянами.— Р. С.): ими они держатся, ими государство расширяется, они — врагам гроза».

За рубежом советники Лжедмитрия уверяли короля Сигизмунда, будто за шесть месяцев правления тот роздал из казны 7,5 миллиона злотых, или 2,5 миллиона рублей. Они явно переусердствовали, восхваляя щедрость своего господина. Московская казна была опустошена трехлетним неурожаем и голодом, а равно изнурительной и кровавой гражданской войной. На заседании Боярской думы И. М. Татищев объявил в присутствии польских послов, что после смерти Бориса в казне осталось всего 200 тысяч рублей. Отрепьев не мог израсходовать больше того, что было в казне. Текущие поступления должны были дать еще 150 тысяч рублей. Несколько десятков тысяч Лжедмитрий заимствовал у богатых монастырей. Следовательно, в распоряжение Отрепьева поступило около полутора миллиона рублей, которые и были им полностью истрачены. После переворота русские приставы заявляли арестованным полякам: «В казне было 500 тысяч рублей, и все это, черт

его знает, куда рострига раскидал за один год». Большие суммы Отрепьев обещал своей невесте Марине и ее отцу, но послал едва пятую часть обещанного. Львиная доля наличных денег ушла на уплату жалованья русским дворянам и знати.

В самое последнее время некоторые историки высказали мнение, что Лжедмитрий, пришедший к власти на гребне народных восстаний, помышлял об уничтожении крепостнических порядков и даровании русским крестьянам права выхода в Юрьев день. Еще при Грозном крестьяне могли покинуть землевладельца в последнюю неделю осени и, уплатив рубль пожилого, отправиться в поисках счастливой доли на другие земли. В правление Федора Ивановича под давлением дворян власти отменили Юрьев день. Именно в то время родилась полная горечи присказка: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» В годы голода Борис Годунов пытался на время возродить право выхода крестьян в Юрьев день, но это навлекло на его голову страшное негодование дворянства. Годунов отказался от уступок в пользу крестьян и вернулся к крепостническому курсу. Отрепьев понимал, что будущее его трона всецело зависит от позиции дворян, и стремился во что бы то ни стало заручиться поддержкой всего дворянства. Если бы он попытался освободить крестьян, он не процарствовал бы и нескольких дней. Примечательно, что даже в самые трудные для него периоды гражданской войны Отрепьев ни разу не обещал крепостным воли. Закон о крестьянах, разработанный при Лжедмитрии, заключал в себе лишь самые ничтожные уступки. Те из них, кто бежал от своих помещиков в годы великого голода, спасаясь от смерти, получили разрешение оставаться на новых местах, за своими новыми господами. Новый закон был выгоден прежде всего помещикам южных уездов, поскольку толпы беженцев хлынули из центра на плодородные южные земли, где прокормиться было легче. Южные помещики первыми поддержали дело самозванца и теперь были им вознаграждены.

Экономическое положение страны при Лжедмитрии улучшилось. Воспоминания о голоде ушли в прошлое вместе с царствованием «несчастливого» царя Бориса. На рынках вновь появился дешевый хлеб. Но финансовая система по-прежнему отличалась неустойчивостью. На тяглых людях скопились большие недоимки. К маю 1606 г., когда сбор налогов в казну завершился, наблюдательные современники отметили, что «Дмитрий стал тяжел подданным в податях».

7 января 1606 г. дума утвердила приговор о холопах. Со временем дьяки вымарали из текста имя «царя Дмитрия» Расстриги. Но едва ли можно усомниться в причастности Лжедмит-

рия к составлению указа. Отрепьев сам служил в холопах и поэтому проявлял о них заботу, стараясь оградить от наиболее вопиющих злоупотреблений.

В период борьбы с Годуновым «воровские» бояре в Путивле и бояре-заговорщики под Кромами согласились принять «Дмитрия» на трон как самодержца. Фактически самозванец получил власть из рук восставшего народа. Переворот в столице и суд над боярским руководством в лице Шуйских вырвали нити правления у Боярской думы и необычайно усилили власть нового царя. Стремясь закрепить успех, Лжедмитрий принял императорский титул. Отныне в официальных обращениях Отрепьев именовал себя так: «Мы, наияснейший и непобедимый самодержец, великий государь Цесарь», или «Мы, непобедимейший монарх божьей милостью император и великий князь всея России и многих земель государь и царь самодержец и прочая, и прочая, и прочая».

Так мелкий галицкий дворянин Юрий Отрепьев, бывший холоп, а затем монах Григорий, принявший имя Дмитрия, стал первым в русской истории императором. Объясняя смысл своего титула, самозванец объявил иностранным послам, что он обладает такой огромной властью, что нет ему равного в полных краях.

По свидетельству царского телохранителя К. Буссова, «Дмитрий» ежедневно заседал со своими сенаторами в думе. Отрепьев обладал незаурядными способностями, а также и склонностью ко всякого рода лицедейству. Надо думать, он тщательно готовился к экспромтам, которые поражали двор. Но сколь бы успешно ни исполнял свою роль Лжедмитрий, его отношения с думой неизбежно стали меняться с тех пор, как он распустил повстанческие отряды и стал управлять страной, следуя традиционным порядкам.

Некогда Иван IV похвалялся, что российские самодержцы вольны казнить, вольны миловать своих холопов-подданных. Но даже в устах Грозного подобные заявления были всего лишь фразой. Оказавшись на троне, Отрепьев столкнулся с теми же трудностями, что и его мнимый отец. В «воровском» лагере самозванец повелевал жизнью и смертью своих «бояр», попавших к его двору пленниками. В Москве ситуация претерпела разительные перемены. Подготавливая опричнину, царь Иван упрекнул думу и духовенство, что те «покрывают» изменников-бояр. Такой же упрек Лжедмитрий мог адресовать своей думе. Под давлением бояр он отменил казнь Шуйского, а затем вернул опальных в Москву, несмотря на то, что те изобличены были в государственной измене.

Иностранных наблюдателей поражали московские порядки, при которых царская власть не могла функционировать без боярского совета. Бояре не только решали с царем государственные дела, но и сопровождали его на каждом шагу. Государь не мог перейти из одного дворцового помещения в другое без бояр, поддерживавших его под руки. Младшие члены думы оставались в постельных хоробах царя до утра. Несмотря на все усилия, Отрепьеву не удалось разрушить традиции, которые связывали его с боярским кругом.

На первых порах самозванец пытался упразднить наиболее неудобные для него дворцовые порядки. Он запретил непрестанно кропить себя святой водой при каждом выходе из дворца, слишком запросто беседовал с боярами, заходил без жильцов и батожников в ювелирные лавки, в аптеки и другие места.

Польские секретари видели, что их влияние падает вместе с влиянием их государя, и горько сетовали на московские порядки, вынуждавшие самодержца большую часть времени проводить в кругу бояр. Стремясь положить конец общению самодержца со знатью, поляки обсуждали всевозможные пути, включая и перенесение столицы из Москвы в какое-нибудь другое место. Эти проекты показывали, сколь плохо иностранные советники понимали природу русского государственного механизма. Ивану Грозному понадобилась опричнина, чтобы вырваться из-под опеки Боярской думы и ослабить влияние знати на дела управления. Не церемониал сам по себе, а могущество знати определяло политические порядки в Русском государстве. Что касается Лжедмитрия, то он нередко нарушал дворцовый церемониал. В думе двадцатичетырехлетний царь то и дело укорял бояр как людей несведущих и необразованных, предлагал им ехать в чужие земли, чтобы кое-чему там научиться.

Поначалу бояре не смели открыто перечить самодержцу. Но со временем они пригляделись к самозванцу, изучили его слабости и страстишки и перестали церемониться с ним. Отрепьев привык лгать на каждом шагу. Эта привычка стала его второй натурой. Но ложь слишком часто выходила наружу, и это приводило к неприятным эксцессам в думе. Красочное описание их можно найти в дневнике поляка С. Немоевского, свидетельства которого отличаются высокой степенью достоверности. Бояре, повествует С. Немоевский, не раз обличали «Дмитрия» в мелкой лжи, говоря ему: «Великий князь, царь, государь всяя Руси, ты солгал». Ожидая прибытия в Москву семейства Мнишков, царь, «стыдясь наших» (прибавляет от себя

автор дневника), воспретил боярам такое обращение. Тогда сановники с завидной простотой задали ему вопрос: «Ну как же говорить тебе, государь, царь и великий князь всея Руси, когда ты солжешь?» Поставленный в тупик самозванец обещал думе, что больше «лгать не будет». «Но мне кажется, — завершает свой отчет С. Немоевский, — что слова своего перед ними (он) не додержал...»

Дворцовый ритуал, заимствованный из Византии, раболепное поведение придворных на официальных приемах внушали иностранцам представление о неслыханном могуществе московских государей. Внешние проявления власти, казалось бы, исключали какую бы то ни было возможность открытой оппозиции самодержцу. Однако все это было не более чем видимостью. Боярская дума удерживала в своих руках все нити управления государством и сплошь и рядом навязывала свою волю царю.

В апреле 1606 г. на званом пиру во дворце Отрепьев потчевал бояр изысканными блюдами. Среди других яств на стол подали жареную телятину. Василий Шуйский стал потихоньку пенять царю на нарушение правил. Государь оборвал его. Но тут в спор вмешался Михаил Татищев и в грубой, оскорбительной форме публично выбранил царя. В наказание за дерзость Отрепьев велел сослать Татищева в Вятку, но по настоянию бояр вскоре же вернул крамольника в Москву. Инцидент с Татищевым обнаружил полную зависимость самозванца от бояр.

Будучи в Польше, Отрепьев усвоил привычку жить в долг. Оказавшись в Кремле, он вел денежные дела с прежним легкомыслием. Познав нужду в юности, Отрепьев заразился болезнью многих выскочек — страстью к стяжательству. Царь был такой охотник до покупок, что не желал упускать драгоценности, раз попавшие ему в руки. Казна была опустошена, и Отрепьев оказался лицом к лицу с угрозой банкротства. Боярская дума использовала все его промахи, легкомысленные денежные операции и неоправданные траты. Ажедмитрию пришлось смириться с тем, что дума через Казенный приказ ввела ограничения на оплату его векселей и тем самым установила контроль за его расходами.

Отрепьев шел к власти напролом, не останавливаясь перед убийствами и казнями. Он показал себя человеком жестоким и вероломным. Если в Москве самозванец надел маску милостивого монарха, решительно чуждавшегося кровопролития, то причина была одна: он не имел сил и средств для сокрушения своевольного боярства.

В свое время Иван Грозный в страхе перед боярской крамолой приказал перевезти сокровищницу в Вологду и вступил в переговоры с Лондоном о предоставлении ему и его семье убежища в Англии. Аналогичным образом поступил правитель Борис Годунов в период острого раздора с Шуйскими и прочей знатью. Отрепьев шел по их стопам. Начальник личной стражи самозванца Жак Маржерет, посвященный в его тайные планы, писал с полной определенностью: «Он (царь) решился и отдал уже своему секретарю приказание готовиться к тому, чтобы в августе минувшего 1606 года отплыть с английскими кораблями» из России. Лжедмитрий утверждал, что хочет посмотреть Францию. В действительности ему приходилось думать о спасении собственной жизни.

С тех пор как Отрепьев водворился в Кремле, он давал волю своим прожектерским замыслам лишь в тайных и сугубо доверительных беседах с немногими советниками. Во время секретного свидания с иезуитом Савицким в Кремле Лжедмитрий согласился с тем, что в Москве надо учредить иезуитский коллегиум, а также собрать на казенный кошт из разных мест подготовленных ребят для определения их в школы. Самозванец не раз выражал намерение послать русских людей в страны Западной Европы для получения образования. При царе Борисе первые русские студенты были отправлены в Англию, Францию, Германию. Самозванец не осмелился последовать примеру Годунова и не выполнил своих намерений.

Получив власть благодаря народному восстанию, Лжедмитрий оставил в неприкосновенности порядки, служившие оплотом власти знати и воинствующей церкви. При таком образе действий он не мог найти в русском обществе сил, которые поддержали бы нововведения. Проникшись недоверием к подданным, самозванец мечтал о том, чтобы сместить с высших государственных постов бояр и передать эти посты иностранцам, на верность которых он наивно рассчитывал.

БОЯРСКИЙ ЗАГОВОР

Отрепьев не принадлежал к числу авантюристов, унесших в могилу тайну своего происхождения. Его истинное имя было названо почти сразу после того, как он принял имя Дмитрия. Минутная неуверенность властей, вызванная его фантастическими успехами, рассеялась, едва лишь столичный двор увидел Отрепьева вблизи. Самозванец велел доставить в Москву старца Леонида, которого он с успехом выдал за «истинного» Отрепьева в бытность свою в Путивле. Но в столице комедия с переодеванием провалилась. Тут было слишком много людей, знавших семью Отрепьева. Бродягу старца Леонида спешно убрали с глаз долой. Некоторое время его держали в Ярославле, затем он исчез.

Ажедмитрий постарался удалить из столицы свою подлинную родню, чтобы рассеять всякие подозрения насчет родства с Отрепьевыми. По этой причине воцарение Отрепьева обернулось большой бедой для всех его родных и близких. Для его родного дяди была уготована сибирская ссылка. Царь осыпал ласками мнимую мать, а родная жила в нужде в Галиче.

Самозванец тщетно пытался порвать нити, связывавшие его с прошлым. Слишком многим в Москве известна была его характерная внешность. Слишком могущественные силы заинтересованы были в его разоблачении. Отрепьеву приходилось придумывать всевозможные уловки, чтобы вновь и вновь доказывать свое «истинное» царское происхождение. Одна из таких уловок и погубила его.

Благословение мнимой матери царицы Марфы помогло Ажедмитрию овладеть умами. Но «семейное» согласие оказалось не слишком длительным. Когда толки о самозванстве возобновились, царь задумал устроить новую инсценировку, чтобы воочию доказать народу, будто в Угличе погиб некий поповский сын, а вовсе не царевич. Отрепьев распорядился разорить

могилу царевича Дмитрия в Угличе, а труп ребенка удалить из церкви. Расстрига оказался плохим психологом. Его намерения оскорбили Марфу Нагую до глубины души. Она не захотела допустить надругательства над прахом единственного сына. Отрепьев стоял на своем. Тогда Марфа обратилась за помощью к боярам. Те поспешили отговорить Лжедмитрия от задуманного им дела. Но они оказали услугу Марфе отнюдь не бескорыстно. Бояре сдернули с ее лица маску любящей матери и сделали ее орудием своих интриг. Вдова Грозного помогла заговорщикам установить контакт с польским двором.

Польский гетман Жолкевский сообщил в записках, что Марфа Нагая через некоего шведа подала королю весть о самозванстве царя. Можно установить имя шведа, исполнявшего поручение Марфы и ее единомышленников. Это был Петр Петрей. Бояре выбрали его потому, что Петрей был лично известен Сигизмунду III и к тому же находился на царской службе в Москве. При свидании с Сигизмундом III Петрей заявил, что Лжедмитрий — «не тот, за кого себя выдает», и привел факты, доказывавшие самозванство царя. Швед рассказал королю о признании царицы Марфы, а также сослался на мнение посла Гонсевского, только что вернувшегося из Москвы и «имевшего такие же правдивые и достоверные сведения о Гришке, как и сам Петрей».

Петрей встретился с королем в первых числах декабря 1605 г., когда король праздновал свадьбу с Констанцией. Сам Сигизмунд подтвердил, что именно в дни свадьбы московские бояре вступили с ним в переговоры о свержении Отрепьева.

Вскоре после Петрея в Краков прибыл царский гонец Иван Безобразов. Он должен был вручить Сигизмунду III грамоты московского царя. Кроме официального поручения ему предстояло выполнить секретное задание. Это задание он получил от бояр, тайных врагов Лжедмитрия. Любая огласка могла привести на эшафот и гонца, и его покровителей.

Безобразов был принят в королевском дворце и от имени своего государя испросил у Сигизмунда III «опасную» грамоту на проезд в Польшу московских великих послов. Грамота была вскоре изготовлена, но гонец, следуя инструкции, отказался ее принять из-за того, что в ней пропущен был императорский титул «Дмитрия». Перед отъездом москвит, уловив момент, дал знать королю, что имеет особое поручение к нему от бояр Шуйских и Голицыных. Король доверил дело пану Гонсевскому. Его свидание с Безобразовым было окружено глубокой тайной. Но ближайшие советники Сигизмунда получили своевременную информацию о переговорах. Гетман Станислав Жолкев-

ский поведал о них миру в своих мемуарах. Устами Безобразова московские вельможи извещали короля о намерении избавиться от обманщика и предлагали царский трон сыну Сигизмунда Владиславу. Гонец говорил о царе в таких выражениях, которые поразили Гонсевского. Он пенял на то, что король дал Москве в цари человека низкого и легкомысленного, жаловался на жестокость Лжедмитрия, его распутство и пристрастие к роскоши и под конец заключил, что обманщик недостойн Московского царства. Иван Безобразов не имел нужды прибегать к околичностям и дипломатии по той простой причине, что бояре-заговорщики еще раньше установили прямой контакт с королем и успели оказать ему некоторые услуги. В конце XVI — начале XVII в. в Москве и Кракове широко обсуждались проекты династической унии. В 1606 г. возникла реальная перспектива низложения Сигизмунда III. Недовольные магнаты и шляхта готовились открыто выступить против его власти. Польская оппозиция королю рассчитывала на помощь московского царя. В Польше распространилась весть о том, что «Дмитрий» готов поддержать оппозицию крупными денежными суммами и послать в Польшу войско с одним из бояр Шуйских во главе! Если сведения насчет Шуйских заключают достоверное зерно, то тогда неизбежен вывод, что бояре знали о планах Лжедмитрия и разжигали его честолюбивые мечты. Одновременно они предупредили обо всем Сигизмунда III и постарались убедить его в том, что Лжедмитрий намерен отобрать у него польскую корону. Если бояре старались лишить самозванца польской помощи, они вполне добились своей цели.

Сигизмунд III требовал от самозванца выполнения секретного договора о территориальных уступках, подписанного в Польше. Об этом вскоре узнали в Москве. Клубок интриг запутался окончательно. Отрепьев не мог отдать королю русские земли, но не мог и отказаться от выполнения секретного договора с ним. Авантюрист увидел себя загнанным в угол. Низложение Сигизмунда III разом разрешило бы все его затруднения. В кругу польских советников Лжедмитрий охотно обсуждал новые блестящие перспективы.

Польские мятежники рассчитывали использовать помощь царя, чтобы лишиться трона Сигизмунда III, а московские бояре-заговорщики искали соглашения с королем, чтобы свергнуть самозванца. Душою заговора были князья Василий, Дмитрий и Иван Шуйские, бояре братья Голицыны, Михаил Татищев, а также, по-видимому, князь Михаил Скопин, князь Борис Татев, окобничий Иван Крюк Колычев, дети боярские Валуев и Воейков, московские гости Мыльниковы и другие лица.

Побывав однажды в руках палача, Василий Шуйский вел дело с величайшей осторожностью. Попытки развернуть агитацию против царя в народе могли привести к разоблачению заговорщиков. Поэтому они пытались избавиться от самозванца с помощью убийц.

В январе 1606 г. посреди ночи неизвестным лицам удалось пройти через караулы и подобраться к царской спальне. Во дворце поднялась суматоха. Не успев как следует одеться, самозванец схватил оружие и в сопровождении стрелецких голов Федора Брянцева и Ратмана Дурова бросился искать злоумышленников. Удалось схватить трех человек, но они ни в чем не признались, и их поспешили казнить. Боярская дума была высшей инстанцией, рассматривавшей дела об измене. Поскольку некоторые главные руководители думы сами участвовали в заговоре, они не давали хода «изменным делам». Нити следствия, тянувшиеся вверх, мгновенно обрывались.

Опасаясь за свою жизнь, Лжедмитрий вверил охрану царского дворца страже, составленной из наемных иноземных солдат. Когда события приобрели опасный поворот, он вспомнил о нареченной невесте Марине Мнишек и ее отце Юрии Мнишке. Отрепьев просил будущего тестя нанять и привести в Москву отряд наемных солдат, который должен был подкрепить его иноземную дворцовую гвардию.

Отрепьев выстроил себе новый просторный дворец, возвышавшийся над тройной кремлевской стеной. Из окон он мог обозревать столицу. Внутренние стены постройки были обиты бархатом и парчой, печи выложены изразцовыми плитками, в хоромах устроено множество потайных дверей.

«Царь Дмитрий» не прочь был поохотиться в поле на лисиц и волков. Еще чаще он тешился медвежьими травлями. В огороженном загоне на лесного исполина спускали свору лучших охотничьих псов, либо искусный охотник, вооруженный рогатиной, в единоборстве побеждал свирепого зверя. Дневные потехи сменялись ночными. Казалось, бывший чернец и расстрига стремился наверстать упущенное. В компании с Басмановым и М. Молчановым он предавался безудержному разврату. Царь не щадил ни замужних женщин, ни пригожих девиц и монахинь, приглянувшихся ему. Его клеветы не жалели денег. Когда же деньги не помогали, они пускали в ход угрозы и насилие. Женщин приводили под покровом ночи, и они исчезали в неведомых лабиринтах дворца. Описывая тайную жизнь дворца, голландец Исаак Масса утверждал, будто Лжедмитрий оставил после себя несколько десятков внебрачных детей, якобы появившихся на свет после его смерти. Доверять его подсчетам, впрочем, не при-

ходится. Никто не считал девиц, совращенных самозванцем. Конечно, он вел весьма распутную жизнь. Но ему едва ли удалось превзойти в этом мнимого отца. Лжедмитрий бесповоротно загубил свою репутацию, надругавшись (как писали современники) над несчастной Ксенией Годуновой. Лишившись отца, а затем матери, Ксения оказалась на девичьей половине дома князя Масальского. Вместе с другими трофеями царица стала добычей самозванца.

Среди утех Отрепьев должен был рано или поздно вспомнить о многообразных обязательствах, данных покровителям и кредиторам в Польше. Наряду с Мнишком король был главным кредитором самозванца. Однако королевские гонцы, посланные к царю, вернулись в Краков с неутешительными вестями. Сигизмунд велел принести шкатулку с «кондициями», подписанными «царевичем», после чего королевский писарь сделал пометы к каждому пункту документа. Итоги были неутешительны. Последний пункт «кондиций» заключал обязательство «царевича» жениться на подданной короля. Ответ Отрепьева на напоминания об этом пункте гласил: «Хочет взять дочь воеводы Сандомирского». Чем более шатким становилось положение Отрепьева на троне, тем больше нетерпения проявлял он в переговорах с Мнишками.

Марина Мнишек не обладала ни красотой, ни женским обаянием. Живописцы, щедро оплаченные самборскими владельцами, немало постарались над тем, чтобы приукрасить ее внешность. Но и на парадном портрете лицо будущей царицы выглядело не слишком привлекательным. Тонкие губы, обличавшие гордость и мстительность, вытянутое лицо, слишком длинный нос, не очень густые черные волосы, тщедушное тело и крошечный рост очень мало отвечали тогдашним представлениям о красоте. Подобно отцу, Мнишек обладала склонностью к авантюре, а в своей страсти к роскоши и мотовству она даже превзошла отца. Никто не может судить о подлинных чувствах невесты. Она умела писать, но за всю долгую разлуку с суженым ни разу не взяла в руки пера, чтобы излить ему свою душу.

Боярская дума и православное духовенство и слышать не желали о браке их царя с католической «девкой». Мнишек была во всех отношениях незавидной партией. Ее семье недоставало знатности. К тому же эта семья погрязла в долгах и давно стояла на пороге разорения.

Отрепьев полностью отстранил бояр и князей церкви от брачных переговоров. Он сделал своим сватом дьяка Афанасия Власьева, худородство которого не соответствовало характеру его миссии. Московское посольство, насчитывавшее 300 человек,

доставило в Польшу поистине царские подарки. Посол одарил Юрия Мнишка шубой с царского плеча, передал ему вороного коня в золотой сбруе, драгоценное оружие, ковры и меха. Между тем Мнишек докучал будущему зятю просьбами насчет денег и погашения всевозможных долгов. В декабре 1605 г. он узнал о связи царя с Ксенией Годуновой и немедленно обратился к нему с выговором. «Поелику, — писал он, — известная царевна Борисова дочь близко вас находится, благоволите, вняв совету благо-разумных людей, от себя ее отдалить». Самозванец не стал перечить тестю и пожертвовал красавицей Ксенией. Царевну постригли в монашки и спрятали от света в глухом монастыре на Белоозере.

Владелец Самбора получил наказ вновь собрать для названного «Дмитрия» наемное войско и спешить с ним в Москву. Наемники требовали больших денег. Мнишек разрывался на части. В Самборе спешно шили новые платья и собирали приданое, достойное царской невесты. Одновременно люди Мнишков закупали большими партиями оружие.

2 мая 1606 г. царская невеста со свитой прибыла в Москву. Жители не могли отделаться от впечатления, что в их город вступила армия, а не свадебная процессия. Впереди следовала пехота с ружьями. За ней ехали всадники с копьями и мечами, с ног до головы закованные в железные панцири. По улицам Москвы горделиво гарцевали те самые гусары, которые сопровождали самозванца в самом начале его московского похода. За каретой Марины следовали шляхтичи в нарядных платьях. Их сопровождали толпы вооруженных слуг. За войском следовал обоз. Гостям услужливо показали дворы, где им предстояло остановиться. Повозки одна за другой исчезали в боковых переулочках и за воротами дворов. Москвичи были окончательно сбиты с толку, когда гайдуки стали выносить из фур ружья.

Глава 35

ГИБЕЛЬ САМОЗВАНЦА

равославные священники не забыли, как предавали анафеме злого расстригу и еретика. Увидев самозванца вблизи, они не избавились от прежних подозрений. До поры до времени церковники прощали самозванцу его связи с католиками и протестантами. Но они окончательно прониклись недоверием к царю, когда тот решил поправить за счет церкви свои финансовые дела и заимствовал у монахов десятки тысяч рублей.

Помолвка царя с Мариной Мнишек подлила масла в огонь. Фанатики честили царскую невесту как еретичку и язычницу. Казанский архиепископ Гермоген требовал вторичного крещения польской «девки». Но патриарх Игнатий не поддержал его. В угоду царю патриарх соглашался ограничиться церемонией миропомазания, которая должна была сойти за отречение от католичества. Лжедмитрию удалось сломить сопротивление духовенства. 10 января 1606 г. близкие к нему иезуиты сообщили, что противники царского брака подверглись наказанию, но никто из них не предан казни. Лжедмитрий сам поведал об этом вернувшемуся из Польши Бучинскому в таких выражениях: «Кто из архиепископов начали было выговаривать мне, упрямитесь, отказывать в благословении брака, и я их поразослал и ныне никаков человек не смеет слова молвить и во всем волю мою творят». Первым наказанию подвергся неугомонный Гермоген. Его отослали в его епархию в Казань и там заключили в монастырь. Церковная оппозиция приумолкла, но ненадолго. Агитация против самозванца не прекращалась. Ее исподволь разжигали бояре-заговорщики, князья церкви и монахи. Дело дошло до того, что юродивая старица Елена стала предсказывать царю смерть на брачном пиру. Лжедмитрию тотчас сообщили об ее пророчестве. Но он посмеялся над ним. Опасность положения Отрепьева заключалась в том, что его самозванство перестало быть тайной как для его противников бояр, так и для ближайших приверженцев и друзей царя.

Изменники братья Хрипуновы, сбежавшие в Литву в 1603 г., первыми «вызнали» в беглом монахе «Дмитрия». После воцарения Отрепьева Хрипунов вернулся в Россию. На границе он встретил давнего знакомого капитана С. Боршу, проделавшего с «царевичем» путь от Путивля до Москвы. Взяв с Борши клятву насчет молчания, Хрипунов сообщил ему, что в Москве уже дознались, что царь — не истинный Дмитрий, и скоро с ним поступят как с самозванцем.

Подобные разговоры велись не только в дорожных трактирах, на улицах, но и во дворце, в покоях ближайших сподвижников царя. Однажды после дружеской попойки царский телохранитель Конрад Буссов задержался в доме у Петра Басманова. Гости разошлись, и, оставшись наедине с хозяином, немец спросил его, действительно ли царского происхождения их государь. Басманов ответил: «Молись за него, хотя он и не сын царя Ивана Васильевича, все же теперь он государь...»

Самозванец еще сидел на троне, а его знатные противники готовы были перессориться из-за того, кто наследует его корону. Из дипломатических соображений бояре подумывали о том, чтобы преподнести шапку Мономаха королевичу Владиславу, сыну Сигизмунда III. Кандидатура принца могла предотвратить раскол, который неизбежно привел бы к крушению заговора. Но католический принц удовлетворял далеко не всех москвитов. Противники Владислава вспомнили о царе Симеоне Бекбулатовиче, некогда посаженном на московский трон по воле самого Грозного. Толки насчет Симеона достигли дворца, и Отрепьев счел за благоразумие покончить с мирской карьерой Симеона. 25 марта 1606 г. его постригли в монахи и увезли под стражей в Кириллов монастырь на Белоозеро.

В московском гарнизоне числилось несколько тысяч стрельцов. Пока эти стрельцы, охранявшие Кремль, были преданы царю, заговорщики не могли рассчитывать на успех. Однако к началу марта 1606 г. среди кремлевских стрельцов замечена была «шатость». Многие открыто толковали, что царь — не истинный Дмитрий. Когда разговоры дошли до слуха Басманова, тот тайно учинил большой розыск. Семеро стрельцов были взяты под стражу. Обычно власти избавлялись от «изменников» без лишней огласки. На этот раз царь решил устроить показательный суд. В назначенный день стрельцы получили приказ собраться в Кремле без оружия. Государь появился перед ними в окружении немецкой стражи. Он вновь, в который раз, повторил затверженную речь о своем чудесном спасении и спросил, есть ли у них доказательства, что он не истинный царь. Много раз слышанные слова не производили прежнего впечатления. Однако все насто-

рожились, когда самодержец предложил присутствовавшим открыто высказать причины недоверия к нему.

Наказание всех причастных к тайной агитации привело бы к массовым казням стрельцов. Самозванец не решился на такую меру, опасаясь лишиться военной опоры, и ограничился тем, что выдал семерых смутьянов на расправу их товарищам. Думный дворянин Григорий Микулин подал знак верным стрельцам, и осужденные были вмиг растерзаны.

Трупы казненных повезли в открытой телеге по всему городу для устрашения заговорщиков. Столичное население по-разному реагировало на страшную казнь. Простой народ негодовал на «изменников», предавших «доброе царя». Противники самозванца на время притихли.

Весной 1606 г. терские казаки собрались на «круг» и решили выдвинуть из своей среды собственного казачьего «царевича». Их выбор пал на молодого казака Илейку Коровина, бывшего холопа дворянина Елагина. Илейка принял имя царевича Петра, сына царя Федора Ивановича и внука Грозного. (В действительности у царя Федора и его жены Ирины Годуновой не было детей.) За «царевича Петра» все дела в его отряде решали атаман Федор Бодырин и беглые холопы князя Черкасского и князя Трубецкого. Вольные казаки посадили на трон Лжедмитрия, многие явились вместе с ним в Москву и получили за службу неслыханное жалованье. Однако по настоянию лихих бояр «добрый царь» рассчитал служившие ему казачьи отряды и отослал из Москвы по домам. Вопреки надеждам казаки лишились из-за бояр и царского жалованья, и царской службы. Ветераны похода говорили об этом открыто и на Дону, и на Волге, и на Тереке.

Снарядив струги, атаман Бодырин с новоявленным «царевичем» пришел с Терека в устье Волги и двинулся к Царицыну. «Черный народ» стекался к ним со всех сторон. Повстанцы отправили гонцов в Москву. «Петрушка» якобы «писал ростриге, претя ему нашествием своим ратию, да не медля снидет с царского престола».

Отрепьев длительное время сам возглавлял повстанческое движение вольных казаков. И на этот раз он рассчитывал использовать выступление терских и волжских казаков в своих политических целях. В конце апреля 1606 г. Лжедмитрий послал к Лжепетру доверенного дворянина Третьяка Юрлова, который (по словам казаков) «велел им идти к Москве наспех».

Неверно было бы заключить, что даже вольные казаки и приставшая к ним «чернь» изверились в Лжедмитрии к концу его недолгого правления. Повстанцы рассчитывали найти общий

язык с московским «государем» даже после того, как выдвинули из своей среды нового самозванца. Но восставшие готовы были посчитаться с «лихими» боярами. Последнее обстоятельство дало повод московским властям обвинить расстригу (после его смерти) в том, что тот «сам вызвал человека («Петрушку». — Р. С.), который в крайней нужде мог оказать ему помощь», после того, как «со множеством казаков явился на Волге».

Восстание на Волге показало, сколь изменчивыми были настроения низов. Идея «добротого царя» не утратила власти над умами, но ее персонификация могла измениться в любой момент.

Тем временем отношения между Россией и Речью Посполитой все больше осложнялись. Сигизмунд III направил в Москву с посольством Александра Гонсевского. Будучи в Кракове, Гонсевский вел строго секретные переговоры с посланцем Шуйских и Голицыных. Когда Гонсевский прибыл в русскую столицу, ничто не мешало ему установить прямой контакт с руководителями заговора. На приеме в Кремле польские послы подвергли царя неслыханному унижению. Сигизмунд приказал именовать «Дмитрия» «великим князем», отказав недавнему протезе не только в императорском, но и в царском титуле. Королевский демарш ободрил заговорщиков и побудил их поспешить с исполнением своих планов. (Захватив трон, Отрепьев не упускал случая указать боярам на свои особые отношения с повелителем могущественного соседнего государства.) На приеме в Кремле послы нанесли Ажедмитрию хорошо рассчитанный удар. Шаткий трон лишился еще одной подпорки. Знать, теснившаяся в дворцовых палатах, едва скрывала свои подлинные чувства. Заговорщики не сомневались более в том, что в случае переворота Сигизмунд не окажет «Дмитрию» никакой поддержки.

Самозванец принужден был проглотить оскорбление. Через несколько дней он пригласил на частную аудиенцию одного из своих друзей иезуитов и заявил ему, что под царскими знаменами в Ельце стоит сто тысяч человек и достаточно его знака, чтобы армия обрушилась на неприятеля; он сам еще не решил, направить ли эту армию против турок или против кого-нибудь другого. Без всякой паузы Ажедмитрий тут же стал жаловаться на обиду, нанесенные ему польским королем. Он не сомневался, что его слова немедленно будут переданы по назначению.

Прибытие Мнишка с воинством ободрило Ажедмитрия. Но успех связан был с такими политическими издержками, которые далеко перекрыли все ожидавшиеся выгоды. Брак Отрепьева с Мариной, заключенный вопреки воле Боярской думы и духовенства, окончательно осложнил положение. Втайне жених просил у папы римского разрешение на миропомазание и причащение

Марины по православному обряду. Без подобного акта она не могла стать московской царицей. Ватикан отвечал царю решительным отказом. Опасаясь скандала в церкви, Отрепьев решил соединить церемонии свадьбы и коронации воедино. Православное духовенство и дума согласились исполнить его волю лишь после долгих препирательств и споров.

Свадьбу отпраздновали 8 мая во дворце. Поутру молодых привели в столовую избу, где придворный протопоп Федор торжественно обручил их. В Грановитой палате князь Шуйский кратко приветствовал невесту, и обрученных проводили в Успенский собор. Патриарх торжественно короновал Марину царской короной, ограничившись миропомазанием. К великому смущению русских, царица не взяла причастия, как того требовала утвержденная думой процедура. Отказ Марины принять причастие возмутил православных. Зато послы и польские гости были удовлетворены. Едва коронация кончилась, как дьяки под разными предлогами выставили послов и иноземцев из церкви, после чего патриарх обвенчал царя с Мнишек по православному обряду. И тут Марина показала себя достойной ученицей иезуитов. Невзирая на запрет Ватикана, она приняла православное причастие без тени смущения или колебания. Вероотступничество не слишком тревожило Мнишек. Куда больше ее занимал тщеславный вопрос: хороша ли она в русском платье, в которое обрядили ее по настоянию бояр?

Вельможи давно уже знали, что за птица был их государь. Но они все еще усердно разыгрывали свои роли. Стоило Гришке кивком подать знак Василию Шуйскому, и тот раболепно склонялся к трону, чтобы удобнее устроить на скамеечке его ноги, не достававшие до пола. Могущество «непобедимого» монарха было, однако, призрачно. Историческая драма давно превратилась в фарс. Бояре свысока взирали на низкорослую пару, не имевшую и тени законных прав на престол и тщившуюся изобразить величие. Хотя образа висели невысоко, молодые не могли приложиться к ним, и слугам пришлось расставить скамеечки для них под иконами.

Юрий Мнишек привел с собой несколько отрядов гусар, с которыми самозванец начинал свою военную кампанию. Отрепьев разместил войнство Мнишка на постой во дворах богатых купцов, епископов и дворян. Солдаты не церемонились с хозяевами, уповая на покровительство посаженного ими царя. Свадебные пиршества сопровождалось множеством уличных инцидентов. Подвыпившие наемники затевали уличные драки, бесчестили женщин, пускали в ход оружие, если встречали сопротивление. Об этих безобразиях пишут одинаково и русские и польские

очевидцы. Насилия вызывали крайнее возмущение среди столичных жителей. Восстание против чужеземцев могло вспыхнуть в любой момент.

Начиная с 12 мая положение в столице стало критическим. По словам К. Буссова, начиная с этого дня в народе открыто стали говорить, что царь — поганый, что он — некрещеный иноземец, не праздновал святого Николая, не усерден в посещении церкви, ест нечистую пищу, оскверняет московские святыни. Как утверждал И. Масса, в ночь на 15 мая несколько тысяч стояло под оружием, чтобы привести в исполнение свой замысел, но, заметив, что их замыслы раскрыты, они уstraшились, притихли и спрятали оружие.

Приведенные свидетельства не заслуживают доверия. Заговор, организованный боярским руководством, носил строго конспиративный характер, и число его участников было невелико. Не могло быть и речи о тысячах вооруженных людей, якобы собранных заговорщиками под свои знамена за несколько дней до переворота. Иезуиты, наблюдавшие положение дел в Москве в те дни, с полным основанием утверждали, что Шуйские привлекли на свою сторону бояр, но «между народом имели очень мало соучастников». Назревавшее в столице народное восстание не угрожало непосредственно власти Лжедмитрия, поскольку возмущение и гнев москвичей вызвал не сам царь, а его иноземное наемное войнство. Цели народа и высшего боярского руководства, планировавшего убийство самозванца, явно не совпадали. Тем не менее бояре рассчитывали в нужный момент использовать выступление посадских людей.

Вскоре после свадьбы царь задумал развлечься военными играми. С этой целью его потешная крепостица была заблаговременно отправлена в Котлы под Коломенское. Для проведения стрельб он велел наряд «волоčiti за город», после чего «весь наряд большой и середней и городово́й и полково́й» сняли со стен и «выволокли» в поле. За потехами угадывались более серьезные цели. Лжедмитрий намерен был идти на Елец, а оттуда к Азову, забрав с собой всю артиллерию и «гуляй-город». Заговорщики попытались обратить военные приготовления Лжедмитрия против него самого. Повсюду распустили слух, будто на играх «литва» намерена перебить бояр.

Первые крупные волнения в Москве произошли 14 мая. В тот день вечером гайдук (слуга) Вишневецкого избил посадского человека и скрылся за воротами. Народ осадил двор и потребовал от Вишневецкого выдачи виновного. К ночи подле двора собралось до 4 тысяч человек. Посадские грозили разнести хоромы в щепы. Всю ночь возбужденные толпы москвичей заполняли площади и улицы столицы.

Лжедмитрий столкнулся с аналогичной ситуацией в дни после своей коронации, и тогда ему сравнительно легко удалось справиться с народными волнениями. Не сомневаясь в расположении народа, самозванец тем не менее принял все необходимые военные меры. Он удвоил караулы в Кремле и поднял по тревоге несколько тысяч стрельцов. Польские роты бодрствовали всю ночь, не выпуская из рук оружия. Время от времени они палили в воздух, надеясь удержать москвичей от выступления.

На другой день в Москве воцарилась зловещая тишина. Торговцы отказывались продавать иноземцам порох и свинец. Вечером несколько гайдуков остановили колымагу и вытащили оттуда боярыню. Народ немедленно бросился отбивать женщину. В городе ударили в набат. Насилия против простонародья сходили наемникам с рук. Лишь когда дело касалось дворян и знати, о нем докладывали царю. Во время встречи войска Мнишка на границе шляхтич в драке убил дворянина, который, как оказалось, был братом царского любимца дворецкого Масальского. Даже в этом случае убийца остался безнаказанным. 16 мая царю вручили жалобу на лиц, повинных в бесчестье боярыни. Дело не было решено.

В сочинениях современников можно прочесть, что Лжедмитрий проявил редкую беспечность и легкомыслие, запретив принимать от народа доносы и пригрозив доносчикам наказанием. В действительности все обстояло иначе. Бесчинства шляхты привели к тому, что царская канцелярия оказалась завалена жалобами москвичей на «рыцарство» и встречными жалобами солдат. Запрет принимать челобитные имел в виду прежде всего эти жалобы. Что касается дел об оскорблении царя, их разбирали без всякого промедления. Лжедмитрий получил власть из рук восставших москвичей менее чем за год до описываемых событий. Неудивительно, что он не допускал и мысли о выступлении столичного населения против его собственной власти. Все внимание самозванца сосредоточилось на том, чтобы удержать народ от выступления против наемного войска.

Можно заметить, что прямая открытая агитация против царя имела не слишком большой успех в народе, тогда как насилия со стороны солдат Мнишка вызывали мгновенный отпор населения. Описывая арест агитаторов на рыночной площади, телохранитель К. Буссов ни словом не обмолвился о попытках народа отбить арестованных у немцев из личной охраны царя. Когда Лжедмитрию донесли о случившемся, он приказал пытать одного из смутьянов. Но бояре, руководившие допросом, донесли ему, что арестованный болтал, будучи пьян и скудоумен, теперь же, протрезвев, он ничего сказать не может.

Бояре вели хитрую игру. Они били в набат, чтобы отвлечь внимание самозванца от подлинной опасности, грозившей ему со стороны заговорщиков. В конце концов П. Басманов и сыскное ведомство сосредоточили все усилия на охране поляков и предотвращении столкновений между москвичами и наемниками. В течение четырех дней Лжедмитрий получил несколько предостережений от капитанов, командовавших придворной стражей. 16 мая один служилый немец, оказавшись подле государя, когда тот осматривал лошадей на Конюшенном дворе, подал ему записку с предупреждением о том, что изменники выступят на следующий день, 17 мая. Вскоре во дворец явились братья Стадницкие с аналогичным предупреждением. Поскольку Стадницкие заявили, что Москва «собирается напасть на великого князя и поляков», секретари отклонили их представление и объявили, что народ предан государю. Вслед за Стадницкими ко двору явился Мнишек. Среди московских жителей у Лжедмитрия было много доброхотов. Не имея доступа к царю, они пытались действовать через царского тестя. Оставшись наедине с зятем, Мнишек передал ему донос, поступивший от его солдат, а перед уходом вручил около сотни челобитных от москвичей. Самозванец был убежден, что главная опасность грозит не ему, а полякам. Он стал укорять Мнишка в малодушии, а затем дал волю своей привычке к мистификациям. Отрепьев заявил, что среди его народа никто не имеет что сказать против государя, а если бы он, царь, что заметил, то в его власти «всех в один день лишить жизни». Отрепьев привык к риску. И на этот раз он надеялся перехитрить судьбу. Однако бравада не могла скрыть от окружающих его подлинных чувств. В дни свадебных пиршеств самозванец был угрюм и подавлен, по временам его страх прорывался наружу припадками беспричинного раздражения и гнева. Постаравшись убедить Мнишка в отсутствии поводов к беспокойству, Лжедмитрий тут же отдал приказ о чрезвычайных военных мерах. Басманов поднял на ноги стрельцов и расставил усиленные караулы в тех местах города, где можно было ожидать нападения народа на солдат Мнишка. В Кремле было введено чрезвычайное положение. Стража получила приказ убивать на месте подозрительных лиц, которые попытались бы проникнуть внутрь Кремля. В ночь на 16 мая люди Басманова захватили шестерых «шпионов». Трое были убиты на месте, трое замучены пытками. Басманов действовал с исключительной жестокостью, потому что власти получили точные доказательства существования заговора. К несчастью для себя, Отрепьев не мог даже подозревать, что в заговоре участвовали его названная мать, которую он вернул к жизни из монастырского заточения и осыпал неслыханными

милостями, а также другие любимцы, вроде Василия Голицына. Готовясь нанести царю смертельный удар, бояре бессовестно пресмыкались у его ног и старались усыпить все его подозрения.

Опасаясь выдать себя неосторожными действиями, заговорщики не решались развернуть в народе широкую агитацию против Лжедмитрия. Они несколько раз откладывали сроки переворота, поскольку не были уверены в том, как поведет себя население. В конце концов решено было выступить под маской сторонников царя, чтобы подтолкнуть народ к восстанию против иноземного наемного войска. Планы Шуйских отличались вероломством. Бросив в толпу клич «Поляки бьют государя!», заговорщики намеревались спровоцировать уличные беспорядки, нейтрализовать силы, поддерживавшие Лжедмитрия, а тем временем проникнуть во дворец и убить самозванца.

Готовясь к войне за Азов, Лжедмитрий выслал на южную границу воеводу Шереметева с войском. Одновременно в Москву были вызваны новгородские дворяне, расположившиеся лагерем в миле от города. Их численность, по польским данным, превышала 18 тысяч человек. В действительности их было не более 1—2 тысяч. Но и в этом случае они представляли серьезную силу. Бояре не могли осуществить своих замыслов, не имея в своем распоряжении хотя бы нескольких сот вооруженных бойцов. И польские и русские источники одинаково свидетельствуют о том, что Шуйским удалось втянуть в заговор новгородцев. В дни мятежа под Кромами новгородцы отказались перейти на сторону Лжедмитрия. Шуйские учли это обстоятельство. Надо заметить, что подготовленный боярами переворот мало походил на мятеж под Кромами. Столичный гарнизон и дворянское ополчение, как организованное целое, остались в стороне от заговора. Под покровом ночи бояре впустили в город через крепостные ворота некоторое число новгородских дворян. В решающий момент при штурме царского дворца в распоряжении заговорщиков оказалось около 200—300 дворян. Они и осуществили дворцовый переворот.

На рассвете Шуйские, собрав у себя на подворье прочих участников заговора и присоединив к себе дворянские сотни, двинулись через Красную площадь к Кремлю. Бояре приурочили свои действия к моменту, когда во дворце происходила смена ночного караула. По слухам, Жак Маржерет был посвящен в планы заговора и сам отвел от царских покоев внешнюю стражу. Поводом к таким слухам было то, что командир первой роты копейщиков по болезни не явился во дворец. Во внутренних покоях оставалось не более 30 человек стражи. К тому вре-

мени стрельцы, стоявшие на карауле у польских казарм, кончили ночное дежурство и были распущены по домам.

По обыкновению, Отрепьев встал на заре. Басманов, ночевавший во внутренних покоях, доложил, что ночь прошла спокойно. На Красном крыльце государя поджидал дьяк Власьев. Поговорив с ним, Лжедмитрий ушел в покои, не заметив ничего подозрительного. Стрелецкие караулы несли стражу по всему Кремлю. Они не выказали никакой тревоги, когда в Фроловских воротах появились главные бояре братья Шуйские и Голицыны, хорошо известные им в лицо. За боярами в ворота ворвались вооруженные заговорщики. Их нападение застало стрельцов врасплох. Стража бежала, не оказав сопротивления. Завладев воротами, Шуйский и Голицын велели бить в колокола и поднять на ноги посад. Не полагаясь на сообщников, Василий Шуйский во весь опор поскакал через Красную площадь к торговым рядам. Горожане спозаранку спешили за покупками, и на рынке собралась уже немалая толпа. По приказу Шуйского ударили в колокола в Ильинской церкви, потом зазвонили по всей Ильинской улице и в торговых рядах. Заслышав набат, Лжедмитрий послал Басманова спросить — отчего поднялся шум? Дмитрий Шуйский и другие бояре, с утра не спускавшие глаз с самозванца, отвечали ему, что в городе, верно, начался пожар.

Между тем звон нарастал. По всему городу забили в «набаты градские», затем ударили в колокола в Успенском соборе. Повсюду слышались крики: «Горит Кремль! В Кремль, в Кремль!» Горожане со всех сторон спешили на Красную площадь. Шум поднял на ноги не одних только противников самозванца. Схватив оружие, ко дворцу бросилась «литва». Роты, стоявшие поблизости от Кремля, выступили в боевом порядке с развернутыми знаменами. Лихая атака еще могла выручить самозванца из беды. Но бояре успели предупредить опасность. Они обратились к народу, призывая его побить поганых «латинян» и постоять за православную веру. С площади во все стороны поскакали глашатаи, кричавшие во всю глотку: «Братья, поляки хотят убить царя и бояр, не пускайте их в Кремль!» Призывы пали на подготовленную почву. Толпа бросилась на шляхтичей и их челядь. Улицы, ведущие к Кремлю, были завалены бревнами и рогатками. Разбушевавшаяся стихия парализовала попытки «литвы» оказать помощь гибнущему Лжедмитрию. Наемные роты свернули знамена и отступили в свои казармы.

Во дворце события развивались своим чередом. На рассвете, повествуют русские сказания, в царские хоромы явился дьяк Тимофей Осипов, перед тем причастившийся как человек, идущий на явную смерть. Защитник православия совершил подвиг, обли-

чив царя как расстригу Гришку Отрепьева, еретика и чародея. Эту легенду, призванную освятить мятеж авторитетом человека почти что святой жизни, сочинили сами заговорщики. С их слов ее записал также и Исаак Масса. Но в этой легенде слишком много несообразностей.

Глава заговора Василий Шуйский был человеком трезвым и практичным. Он меньше всего заботился о театральных эффектах в деле, из-за которого мог лишиться головы. Совершенно очевидно, что известный столичному населению дьяк принес бы гораздо больше пользы, обличая самозванца перед народом на площади, чем в спальнях хоромов, оказавшись с глазу на глаз с царем. Из всего этого можно сделать лишь один вывод. Осипов проник в спальню царя с более серьезными целями, нежели словесные обличения. Как видно, заговорщики, располагая небольшими силами, не были уверены, что им сразу удастся сломить сопротивление дворцовой стражи. Поэтому они и разработали запасной план действий, выполнить который взялся Осипов. Дьяк должен был потихоньку пробраться в царскую спальню и убить там Лжедмитрия еще до того, как начнется общий штурм дворца. Осипову удалось выполнить только первую часть плана. Как повествует один из царских телохранителей, злоумышленник проник через все караулы (а всего во дворце было пять дверей с караулами) и добрался до спальни, но тут был убит Басмановым. Судя по разным источникам, Осипов успел выбрать царя, назвав его недоноском. По русским источникам, он произнес целую речь против еретика и расстриги. На самом деле у него попросту не было времени для такой речи.

Прикончив Осипова, Басманов тут же велел выбросить его труп из окна на площадь. Дьяк вел праведную жизнь, и в народе о нем шла добрая молва. Кровавая расправа во дворце не оставила безучастной толпу, собравшуюся на площади.

Шум на площади усилился, и Лжедмитрий вновь послал Басманова узнать, что происходит. Вернувшись, тот сообщил, что народ требует к себе царя. Самозванец не отважился выйти на крыльцо, но с бердышом в руках высунулся в окно и, потрясая оружием, крикнул: «Я вам не Борис!» Из толпы раздалось несколько выстрелов, и Лжедмитрий поспешно отошел от окна.

Басманов пытался спасти положение. Выйдя на Красное крыльцо, где собрались все бояре, он принялся именем царя утешать народ успокоиться и разойтись. Наступил критический момент. Многие люди прибежали ко дворцу, ничего не ведая о заговоре. Тут же находилось немало стрельцов, готовых послушать своего командира. Заговорщики заметили в толпе неуверенность и поспешили положить конец затянувшейся игре.

Подойдя сзади к Басманову, Татищев ударил его кинжалом. Другие заговорщики бросили дергающееся тело с крыльца на площадь. Расправа послужила сигналом к штурму дворца. Толпа ворвалась в сени и обезоружила копейщиков. Отрепьев заперся во внутренних покоях с 15 немцами. Шум нарастал. Двери трещали под ударами нападавших. Самозванец рвал на себе волосы. Наконец он бросил оружие и пустился наутек. Подле покоев Марины Отрепьев успел крикнуть: «Сердце мое, измена!» Струсивший царь даже не пытался спасти жену. Из парадных покоев он бежал в баньку (ванную комнату, как называли ее иностранцы). Воспользовавшись затем потайными ходами, самозванец покинул дворец и перебрался, по словам К. Буссова, в «каменный зал». Русские источники уточняют, что царь попал в Каменные палаты на «Взруб». Палаты располагались высоко над землей. Но Отрепьеву не приходилось выбирать. Он прыгнул из окна с высоты около 20 локтей (К. Бусов считал, что окно располагалось на высоте в 15 сажен). Обычно ловкий Отрепьев на этот раз мешком рухнул на землю, вывихнул ногу и потерял сознание. Неподалеку от каменных палат стражу в воротах несли верные Лжедмитрию караулы. По словам поляков, царь, на его удачу, попал в руки «украинских стрельцов», т. е. приведенных с Северной Украины повстанцев, принятых на службу в дворцовую охрану. Фортуна в последний раз повернулась лицом к самозванцу. Придя в себя, Лжедмитрий стал умолять «христороубцев» «оборонить» его от Шуйских. Его слова обнаруживают, что он знал точно, с какой стороны придет удар. Подняв царя с земли, стрельцы внесли его в ближайшие хоромы. Между тем мятежники, не обнаружив Лжедмитрия во дворце, принялись шарить по всему Кремлю. Вскоре им удалось обнаружить его убежище. Украинские стрельцы были единственными из всей кремлевской стражи, кто пытался выручить самозванца. Они открыли пальбу и застрелили одного-двух дворян-заговорщиков. Но силы были неравные. Толпа запрудила весь двор, а затем ворвалась в покои. Стрельцы сложили оружие.

Попав в руки врагов, Отрепьев понял, что он проиграл игру. И все же он продолжал отчаянно цепляться за жизнь. Глядя с земли на окружавшие его знакомые лица, самозванец униженно молил дать ему свидание с матерью или отвести на Лобное место, чтобы он мог покаяться перед всем народом. Враги были неумолимы. Один из братьев Голицыных отнял у Гришки последнюю надежду на спасение. Он объявил толпе, что Марфа Нагая давно отреклась от лжецаря и не считает его своим сыном. Слова Голицына положили конец колебаниям. Дворяне содрали с поверженного самодержца царское платье. Оттеснив прочь стрельцов,

заговорщики окружили плотным кольцом скорчившуюся на полу фигурку. Те, что стояли ближе к Гришке, награждали его тумаками. Те, кому не удавалось протиснуться поближе, осыпали его бранью. «Таких царей у меня хватает дома на конюшне!», «Кто ты такой, сукин сын?» — кричали они наперебой.

Василий Голицын не мог отказать себе в удовольствии наблюдать за расправой с самозванцем. Василий Шуйский вел себя осторожнее. Он понимал, сколь изменчиво настроение народа, и оставался за пределами дворца. Разъезжая по площади перед Красным крыльцом, боярин кричал «черни», чтобы она потешилась над «вором». Предосторожность Шуйского не была лишней. Даже противники Лжедмитрия, такие, как И. Масса, признавали, что самозванец, если бы ему удалось укрыться в толпе, был бы спасен, ибо «народ истребил бы всех вельмож и заговорщиков». Не ведая о заговоре, многие москвичи полагали, что поляки вознамерились умертвить царя, и бросились в Кремль спасать его.

Толпа москвичей продолжала расти, и заговорщики, опасаясь вмешательства народа, поспешили разделаться с самозванцем. После переворота многие говорили о том, что первый удар лжецарю нанес то ли дворянин Иван Воейков, то ли сын боярский Григорий Валуев. Однако точнее всех смерть Отрепьева описал Конрад Буссов, служивший в дворцовой охране. По его словам, решительнее всех в толпе, окружавшей самозванца, действовал московский купец Мыльник. На повторные просьбы Отрепьева дозволить ему говорить с народом с Лобного места купец закричал: «Нечего давать еретикам оправдываться, вот я дам тебе благословение!» С этими словами он разрядил в него свое ружье. После переворота Василий Шуйский щедро награждал своих сообщников — торговых людей Мыльниковых, пожаловав им столичный двор одного из ближайших фаворитов Лжедмитрия.

Теснившиеся со всех сторон люди сбились над телом Отрепьева в живую кучу. Некоторые из заговорщиков оказались на полу и получили удары от тех, кто пытался пробиться вперед для собственноручной расправы с «самодержцем». Рассчитывая на награду, Ефим Коковцев подал вскоре челобитную властям, что его «над вором над Гришкою Отрепьевым как ево воровство обличали, убили досмерти». Одержимые жаждой крови, убийцы продолжали рубить и стрелять даже после того, как распростертое на полу тело перестало обнаруживать признаки жизни. Страшась народа, бояре тотчас явились на Красное крыльцо и заявили, что убитый перед смертью сам повинился в том, что он не истинный Дмитрий, а расстрига Григорий Отрепьев. Обнаженный труп царя выбросили из палаты на площадь, а потом пово-

локли от дворца к терему вдовы Грозного Марфы Нагой. Толпа потребовала Марфу к ответу. Старица Марфа в страхе отреклась от мнимого сына и назвала убитого «вором».

Наемники не оправдали возлагавшихся на них надежд. Невозможно было покинуть Лжедмитрия близ границы в самый трудный час. В Москве они проявили не больше желания умереть за того, кто платил им деньги. Лишь немногие пытались пробиться во дворец. Они подверглись избиению. Заодно толпа чинила расправу над чужеземцами, случайно оказавшимися на улице. Толпе помогали иноки и попы. Осажденные в своих домах поляки наблюдали из окон за суетой монахинь. Старицы проворно сновали в толпе, то и дело кричали: «Бей поганых!»

За рубежом толковали, будто в дни восстания в Москве погибло от тысячи до 2 тысяч человек. Несколько поляков, очевидцев мятежа, внесли в свои дневники именные списки убитых. Составление этих списков позволяет установить, что жертвами выступления стали 20 шляхтичей, близких ко двору самозванца, и около 400 их слуг и челядинцев. Те же цифры назвали в письмах из Москвы иезуиты из окружения самозванца.

Стрелецкий гарнизон лишился руководства с убийством П. Басманова. Стрелецкие сотни не выполнили приказ об охране польских казарм, но они не участвовали в уличных избиениях, как и дворянские отряды. Данные о потерях служат тому доказательством. На польские дворы напала неорганизованная, вооруженная чем попало уличная толпа. В столкновении с нападавшими наемные солдаты перебили около 300 москвичей. Раненых было значительно больше. Подняв посадских людей на «латинян», бояре-заговорщики спровоцировали неслыханное кровопролитие.

В резне повинны были не одни бояре, но и король Сигизмунд III, который давно поддерживал тайные сношения с заговорщиками в России и, по-видимому, использовал миссию посла А. Гонсевского в Москву, чтобы ускорить решительную развязку. В свите Мнишков было немало фрондеров, противников короля: Судьба их мало тревожила королевских послов. Поведение их в день переворота было более чем двусмысленным. Авторы иностранных записок указали на этот момент с полной определенностью. Когда несколько поляков, прибывших с Мнишками, постучали в ворота посольского двора и слезно просили спасти их от неминуемой смерти, Гонсевский ответил им отказом. Послы и их свита не понесли ущерба от мятежа. Василий Шуйский и другие заговорщики позаботились о том, чтобы уберечь членов посольства от нападений. Сразу после переворота они прислали войска для их охраны. Затеявая самозванческую интри-

гу, Мнишки мечтали завладеть сказочными богатствами московской короны. Посеявши ветер, они пожали бурю. Не одни Мнишки, но и вся их родня была ограблена до нитки. Поляки из окружения Марины с удивлением видели, что Мнишек печалится о смерти Дмитрия куда больше, чем его дочь. «Московская царица» в те дни громко сетовала на то, что у нее отняли ее любимого арапчонка.

Как только самозванец был убит, бояре поспешили прекратить кровопролитие и навести порядок на улицах столицы. Бояре предали Лжедмитрия неслыханному поруганию. Его нагое тело выволокли из Кремля и бросили в грязь посреди рынка на том самом месте, где годом раньше палач должен был обезглавить Шуйского. Подле самозванца положили труп боярина Басманова. Народ теснился подле убитых с утра до ночи. Тогда власти распорядились принести из торговых рядов прилавков длиной около аршина и положить на него царя, чтобы народ мог лучше его рассмотреть. Тело боярина Басманова осталось на земле под прилавком. Исаак Масса побывал в толпе на площади и имел возможность разглядеть «Дмитрия». Он вблизи видел его раздробленный череп и насчитал на теле двадцать ран. Не одни поляки утверждали, что в народе сожалели о смерти царя. Враг самозванца И. Масса видел своими глазами, как некоторые москвичи, теснившиеся в толпе, искренне плакали. Чтобы искоренить в народе сочувствие к Лжедмитрию, бояре посмертно подвергли его торговой казни. Выехавшие из Кремля дворяне и гости хлестали труп кнутом, приговаривая, что убитый «вор» и изменник — Гришка Отрепьев. Во дворце были найдены маски и костюмы, заготовленные для маскарада. Самую безобразную «харю» (маску) привезли на торг и бросили на вспоротый живот Лжедмитрия, в рот ему сунули дудку. Народу было объявлено, что еретик и чародей Гришка поклонялся тому самому идолу — нагло смеющейся «харе», которую нашли под царской постелью во дворце, а теперь положили на его тело. По слухам, на площадь был приведен брат Отрепьева, весьма похожий на убитого царя. На другой день после переворота дьяки зачитали народу историю жизни Григория Отрепьева, дословно совпадавшую с посольским наказом, составленным при Борисе Годунове. «Жизнь свою от юности, — объявляли они, — (Гришка) проводил в бездельничестве, играл в карты и кости», потом постригся в чернецы и проч.

Первый русский император лишился власти и жизни в результате дворцового переворота, организованного боярскими заговорщиками. Выходец из мелкопоместной дворянской семьи, бывший боярский холоп, монах-расстрига, Отрепьев, приняв

титул императора всея Руси, сохранил в неприкосновенности все социально-политические порядки и институты. Его политика носила такой же продворянский характер, как и политика Бориса Годунова. Его меры в отношении крестьян были пронизаны крепостническим духом. Однако кратковременное правление Лжедмитрия не только не разрушило веру в «доброе царя», но и способствовало еще более широкому распространению в народе утопических взглядов и надежд.

После смерти Лжедмитрия I в стране, охваченной огнем гражданской войны, появились новые самозванцы. Но ни одному из них не довелось сыграть такую же роль в истории Смуты, какую сыграл Отрепьев.

После переворота бояре, затворившись в Кремле от народа, совещались всю ночь. Одним из первых решений думы было решение низложить патриарха Игнатия, ближайшего соратника и помощника Лжедмитрия I. Как значится в Разрядах, «за свое бесчинство» Игнатий был лишен сана 18 мая 1606 г. Вина патриарха раскрылась незадолго до переворота, когда двое православных владык (епископов) из Польши прислали с неким львовским мещанином Корундой (или Коронкой) письмо к главе русской церкви с уведомлением, что царь является тайным католиком. Грамоты попали в руки бояр и были использованы для осуждения Игнатия. «Грека» с позором свели с патриаршего двора и заточили в Чудов монастырь.

Вопрос, кому наследовать опустевший трон, вызвал яростные распри. При жизни Лжедмитрия бояре-заговорщики тайно обещали царскую корону Владиславу, сыну Сигизмунда III. Бесчинства наемного войска Ю. Мнишка и последовавшие затем народные волнения, сопровождавшиеся избиениями поляков, привели к тому, что вопрос о передаче трона иноверному королевичу отпал сам собой. Ситуация в Польше претерпела перемену, и боярам нетрудно было отказаться от своих обещаний королю. Борьба с оппозицией в Польше поглощала все силы Сигизмунда III, и Москве не приходилось опасаться вооруженного вмешательства извне.

Решение избрать государя из московской знати породило споры, которым не видно было конца. «Почал (начал) на Москве мятеж быти во многих боярех, — записал современник, — а захотели многие на царство». Корону оспаривали глава думы Ф. И. Мстиславский, заговорщики князя Шуйские и Голицыны, Романовы и другие бояре. Все они наперебой вербовали себе сторонников в думе и среди столичного населения. Дворяне же поддерживали тех, кого они знали лично и кто их жаловал.

Боярская дума обсуждала возможность созыва в Москве Земского собора, на котором присутствовали бы представители от всех городов. Но этот проект не был осуществлен. Даже в официальных грамотах о воцарении Шуйского власти ни слова не упомянули о вызове в Москву представителей с мест.

В летописи можно найти рассказ о том, что дума в конце концов выбрала двух кандидатов — бояр Ф. И. Мстиславского и В. И. Шуйского, после чего их вывели на Красную площадь и спросили народ, кто из них достоин занять царский трон. Этот рассказ лишен достоверности. В действительности Боярская дума так и не смогла принять единого решения, потому что она раскололась на множество соперничавших группировок. Избрание главы государства было исключительной прерогативой думы и бояр, поэтому невероятно, чтобы члены думы согласились предоставить последнее слово народу — «черни».

Осведомленный современник Авраамий Палицын утверждал, что инициатива избрания Василия Шуйского принадлежала «малым неким от царских палат», т. е. младшим членам думы, которые действовали вопреки воле главных вельмож. Другой очевидец, дьяк Иван Тимофеев, прямо назвал имя человека, более всего способствовавшего успеху Шуйских. То был окольный Михаил Татищев, один из руководителей заговора против Лжедмитрия I. Татищевы сделали карьеру в опрочинине. Они помогли взойти на трон Борису Годуну. Теперь им пригодился полученный опыт. По инициативе Михаила Татищева сторонники князя Василия Шуйского собрались на княжеском дворе и после недолгого совещания объявили о его избрании на трон. Иван Тимофеев желчно бранил Шуйского за неприличную поспешность. Боярин князь Василий, писал Тимофеев, воцарился так поспешно, как только позволили «скорость» и проворство Михалки Татищева. Избирательной кампании Шуйского недоставало размаха и блеска, характерных для кампании Бориса. В пользу Годунова выступил патриарх Иов. К моменту избрания князя Василия русская церковь лишилась главы. В пользу Шуйского деятельно агитировал крутицкий митрополит Пафнутий. Но в официальной иерархии он занимал далеко не первое место. Из бояр на подворье Шуйских собрались лишь братья претендента Дмитрий и Иван, его племянник князь М. В. Скопин, окольный И. Ф. Крюк-Кольчев, несколько Головиных (они первыми получили от Василия думные чины), купцы Мыльниковы и другие. В совещании участвовали те же лица, которые составили заговор против самозванца. Но круг сообщников теперь резко сузился. У Голицыных, Куракиных и другой знати были свои планы в отношении трона.

На подворье Шуйского были составлены два кратких документа: крестоцеловальная запись князя Василия и другая, «по которой записи целовали бояре и вся земля». Составители записей считали излишним доказывать родство претендента с угасшей династией Грозного. Они отметили лишь, что все его прародители — от Рюрика до Александра Невского — испокон веку сидели на «Российском государстве», потом же его род «на Суздальской удел разделишась, не отнятием и не от неволи». Стронники князя Василия допустили небольшую неточность. Суздальские князья происходили от младшего брата Александра Невского Андрея. Но Шуйским нужно было имя самого популярного из древнерусских князей.

Составив запись об избрании царя, участники совещания отвели князя Василия на Лобное место, чтобы представить его народу. С давних пор Шуйские имели много приверженцев среди торговых людей Москвы. Это обстоятельство помогло им и в дни мятежа, и в момент царского избрания. Многие друзья и «советницы» Шуйских, как передают очевидцы, рассеялись в толпе, чтобы «наустить» (подучить) народ подать голос за князя Василия.

На вопрос, достоин ли Шуйский — известный страдалец за православие — царствовать, москвичи выразили свое одобрение шумными возгласами. По словам Конрада Буссова, князь Василий воцарился «без ведома и согласия Земского собора, одною только волею жителей Москвы... всех этих купцов, пирожников и сапожников и немногих находившихся там (на площади. — Р. С.) князей и бояр».

Заручившись народным одобрением, Василий немедленно отправился в Успенский собор в Кремле, где Пафнутий нарек его на царство и отслужил молебен. Многие современники считали процедуру избрания Шуйского незаконной. Дьяк Тимофеев выражал крайнее негодование по поводу того, что Шуйские бесцеремонно отстранили от участия в выборах патриарха. Василий, по его словам, даже и первопрестольнейшему (патриарху) не возвестил о своем наречении, опасаясь возбудить «противословие в людех», и тем самым отнесся к патриарху, как к «простолюдину»: известил его об избрании «токмо последи», когда все было кончено. Какого патриарха имел в виду Тимофеев? После переворота на Руси было два патриарха, оба были низложенными. «Первопрестольным» патриархом считался Иов, незаконно свергнутый самозванцем. Шуйский мог обратиться к заточенному в Старице Иову за благословением. Но он не доверял давнему приверженцу и ставленнику Бориса Годунова, а кроме того, очень спешил.

Дьяк Иван Тимофеев называл глас народа безумным шумом «безглавной чади», считая, что дела государства призваны решать бояре, столпы великие, которыми земля утверждается. Тем самым дьяк осуждал самый принцип «народного избрания». Ни руководители Боярской думы, ни патриарх Иов не поддержали избрания Василия, из чего Тимофеев сделал вывод, что тот сам себя избрал на трон.

В избирательной кампании Годунова народные манифестации были средством давления на Боярскую думу и послужили ступенькой к правильно созванному Земскому собору. При избрании Шуйского выкрики толпы заменили народные манифестации, а Земский собор так и не был созван.

Бояре и князья церкви многократно судили Василия Шуйского как изменника. При царе Федоре князь Василий был сослан в ссылку по их приговору, при Лжедмитрии I осужден на смерть. В царствование Бориса члены думы не раз оскорбляли Шуйского в угоду государю, а Михаил Татищев (будущий угодник князя Василия) дошел до «рукобития» — публично дал боярину пощечину.

Князь Василий не мог созвать Земский собор по той причине, что в высших палатах собора преобладали его противники. Будучи аристократом до мозга костей, Шуйский должен был апеллировать к народу, чтобы преодолеть сопротивление бояр и князей церкви. Помимо того, Василий Шуйский считал себя государем по праву рождения, а не по праву земского собрания.

В момент наречения на царство в Успенском соборе Шуйский произнес речь, обещая подданным править милостиво, «а которая де была грубость (ему. — *Р. С.*) при царе Борисе, никак никому не мстить (за эту грубость. — *Р. С.*)». Близкие к Шуйскому бояре пытались удержать его от дальнейших нарушений ритуала, говоря, что «в Московском государстве того не повелось». Но Василий не послушал их и принес присягу «всей земле».

Бояре опасались покушений казны на их вотчины и желали обезопасить себя от царских опал. Все это нашло отражение в знаменитой крестоцеловальной записке Шуйского от 19 мая 1606 г. Некоторые историки усматривали в записи Шуйского содержание, уподобляющее ее статьям Великой Хартии, обеспечивавшим правосудие каждому свободному человеку. В. О. Ключевский считал запись актом, ограничивавшим власть самодержца в пользу бояр. Однако на неосновательность такой оценки указывал уже С. Ф. Платонов.

По традиции дума являлась высшей судебной инстанцией в государстве. Грозному пришлось ввести опричнину, чтобы

узаконить свои опалы и конфискации. Запись Шуйского символизировала возврат к традиции, нарушенной опричниной. Царь Василий обязался уважать традицию и клятвенно обещал, что никого не казнит смертью, «не осудя истинным судом с бояры своими». Опалы вели к переходу родовых земель в казну, что беспокоило бояр более всего. Дума добилась четкого указания на то, что без боярского суда царь не мог отобрать вотчины, дворы и пожитки у братьев опальных, их жен и детей. «Черных торговых людей» царь мог казнить без бояр «по суду и сыску». Но и в этом случае казна лишалась права отбирать дворы, лавки и «животы» (имущество) у жен и детей опального человека. Шуйский обещал не слушать наветы, строго наказывать лже-свидетелей и доносчиков, дать стране справедливый суд.

После царского наречения власти должны были позаботиться об избрании главы церкви. Приверженцем Шуйского был крутицкий митрополит Пафнутий, давний покровитель Отрепьева в Чудовом монастыре. Он сыграл не последнюю роль в избрании князя Василия на трон. Теперь он рассчитывал разделить с ним плоды его успеха. Но когда дума и Священный собор начали совещаться насчет избрания патриарха, сторонники Шуйского оказались в трудном положении. Им не удалось провести на патриарший престол Пафнутия. Не прошла также и кандидатура Гермогена, самого рьяного из противников Лжедмитрия. В конце концов дума и высшее духовенство пошли на компромисс и решили возвести на патриарший престол представителя знатной боярской семьи Филарета Романова.

После свержения Годуновых Романов был освобожден из заточения. Но Лжедмитрий I не спешил приблизить ко двору семью, которой некогда сам служил как кабальный холоп. Вплоть до апреля 1606 г. старец Филарет жил не у дел в Троице-Сергиевом монастыре. Лишь в последние недели своего недолгого правления Отрепьев в страхе перед могущественной боярской аристократией пытался найти поддержку у Романовых. Останки опальных Романовых были извлечены из земли и перевезены в Москву для захоронения. Самозванец не оставил своими милостями даже малолетнего сына Филарета. В царской казне хранились «посохи: ...рога оправлены золотом с чернью». Согласно казенной описи, один посох был снабжен ярлыком, «а по ерлыку тот посох Гришка Отрепьев Рострига поднес... Михаилу Федоровичу». Лжедмитрий не церемонился с духовенством: он отправил на покой ростовского митрополита Кирилла, а митрополичью кафедру тут же передал Филарету Романову.

Почему при выборе патриарха дума и духовенство отдали предпочтение Филарету Романову, получившему сан мит-

рополита из рук Лжедмитрия? Очевидно, в думе оставалось слишком много людей, всецело обязанных Отрепьеву карьерой. Они боялись за свое будущее и избегали крутых перемен. Матерью Ф. Н. Романова была княжна Е. А. Горбатая-Шуйская. Как некогда Борис Годунов после своего избрания, так и Василий Шуйский одинаково пытались привлечь на свою сторону род Романовых. Но ни тому, ни другому это не удалось.

В день наречения на царство Василий Шуйский велел убрать тело Лжедмитрия с Красной площади. Труп Отрепьева привязали к лошади и выволокли в поле за Серпуховские, или Болвановские, ворота. Там его бросили в «Убогий дом», куда собирали умерших бездомных бродяг, которых некому было хоронить. «Убогий дом» был переполнен до краев. Туда доставили всех погибших в день кровавого переворота, три дня валявшихся на улицах столицы для устрашения сторонников Лжедмитрия. Исключение было сделано для одного Петра Басманова. Царь Василий разрешил Ивану Голицыну похоронить Петра Басманова в ограде семейной церкви.

Тревога в столице не улеглась. По городу ползли чудовищные слухи. Когда труп «Дмитрия» везли через крепостные ворота, налетевшая буря сорвала с них верх. Потом грянули холода, и вся зелень в городе пожухла. Из уст в уста люди передавали вести о чудесах, творившихся подле трупа «Дмитрия». Ночные сторожа видели, как по обеим сторонам стола, на котором лежал царь, из земли появлялись огни. Едва сторожа приближались, огни исчезали, а когда удалялись — загорались вновь. Доставив Лжедмитрия в «Убогий дом», приставы позаботились о том, чтобы запереть ворота дома на замок. На утро мертвый «чародей» лежал перед закрытыми воротами, а у тела сидели два голубя. Отрепьева бросили в яму и засыпали землей, но вскоре его труп якобы исчез. Произошло это, по словам К. Буссова, на третий день после избрания Шуйского. По всей столице стали толковать, что «Дмитрий» был чернокнижником и, подобно диким самоедам, умел, убивши себя, затем снова оживить.

Власти были встревожены всем этим и долго совещались, как бы покончить с мертвым колдуном. По совету монахов тело расстриги выкопали из земли и отвезли подальше от Серпуховских ворот в село Котлы под Коломенским и там сожгли. При жизни Отрепьев велел выстроить подвижную крепостицу, на стенах которой были намалеваны черти. Москвичи прозвали крепостицу «адам». Новый царь желал убедить народ, будто Лжедмитрий намеревался истребить бояр во время военных

потех у стен «ада». По этой причине тело самозванца было сожжено вместе с крепостицей.

Что бы ни предпринимали власти, им не удалось успокоить народ. Сторонники Лжедмитрия, преодолев растерянность и замешательство, стали готовить почву для свержения Шуйского. На улицах столицы появились подметные письма от имени «Дмитрия». Пан Хвалибога, служивший при дворе Лжедмитрия, сообщил об этом следующее: «...около недели (после переворота, т. е. 24 мая.— Р. С.) листы прибиты были на воротах боярских дворов от Дмитрия, где давал знать, что (он) ушел и бог его от изменников спас, Шуйский был бы убит самими бы московскими людьми, если бы его поляки некоторые не предостерегли, которые другой революции боялись». Поляки не симпатизировали Шуйскому, но они боялись, что новый переворот («революция») приведет к новым избиениям иноземцев. Появление подметных листов взбудоражило население. В воскресенье 25 мая, по словам Г. Паэрле, в Москве произошли волнения: народ потребовал от бояр ответа, почему умерщвлен «истинный государь Дмитрий».

Г. Паэрле находился под стражей на польском дворе и знал о событиях по слухам. В отличие от него Ж. Маржерет был в Кремле подле царской особы и описал происходящее как очевидец. Противники Шуйского созвали огромную толпу на Красной площади якобы по указу царя Василия. Если бы Шуйский, ничего не ведая, вышел тогда на площадь, свидетельствует Ж. Маржерет, «он подвергся бы такой же опасности, как и Дмитрий». Однако верные люди успели предупредить Шуйского, и он успел затвориться в Кремле.

Собрав оказавшихся под рукой бояр и приказав привести к себе тех, кто затеял «сказанное собрание», т. е. вожаков толпы, царь Василий стал упрекать их со слезами на глазах. Под конец он пригрозил думе, что отречется от трона, и в подтверждение своих слов тут же снял царскую шапку и бросил посох. Угроза произвела впечатление. Собравшиеся выразили покорность. Тогда царь Василий не мешкая подхватил посох, служивший символом власти, и потребовал наказать виновных. Розыск о мятеже дал Шуйскому повод применить санкции против влиятельных бояр и князей черквы.

Со времени смерти царя Федора Ивановича главными претендентами на трон неизменно выступали Мстиславский и Романовы. Шуйский пытался упрочить свое положение, скомпрометировав эти фамилии. Было объявлено, что зачинщики мятежа замыслили передать корону Мстиславскому.

В конце концов Шуйский не стал наказывать главу Боярской

думы, известного своей бесхарактерностью и отсутствием чрезмерного честолюбия. Кары обрушились на родню Мстиславского, что должно было послужить грозным предостережением для главного боярина.

К числу родственников Мстиславского принадлежали М. Ф. Нагой и П. Н. Шереметев. Первый был лишен высшего думного титула конюшего, а второй предан суду. В конце мая Шереметев ездил в Углич за мощами «Дмитрия». Судьи не стали ждать его возвращения и провели дознание заочно. В результате боярин «был обвинен и изобличен свидетелями», задержан в Угличе, а позже отправлен на воеводство в Псков.

Тем временем в Москве власти расправились с пятью зачинщиками неудавшегося мятежа. Всех их подвергли торговой казни (били кнутом) посреди рыночной площади. При оглашении приговора бирючи объявили, что Мстиславский, обвиненный ранее как глава заговора, невиновен, вся же вина падает на Шереметева и пятерых его приспешников.

По случаю тревоги в столице власти вспомнили о царе и великом князе Симеоне Бекбулатовиче, некогда занимавшем московский трон и претендовавшем на корону после смерти Федора Ивановича. Постриженный в монахи и заточенный в Кирилло-Белозерский монастырь, ослепший от старости Симеон — «старец Стефан» тем не менее вызывал тревогу у нового властителя Кремля. Симеон был женат на сестре Мстиславского, и это вызывало особые подозрения в момент расследования измены последнего. 29 мая 1606 г. пристав Ф. Супонев получил приказ спешно забрать из Кириллова «старца Стефана» и отвезти его в Соловки.

Следствие о волнениях в Москве позволило Шуйскому отменить решение об избрании на патриаршество Филарета Романова. Филарета обвинили в том, что он якобы был причастен к составлению подметных писем о спасении «Дмитрия», «за что его (патриарха) и сложили». После смерти Лжедмитрия в народе немало толковали, что во главе правления должен стать один из Романовичей. Об этом упоминает немецкое донесение из Нарвы от 27 мая 1606 г.

Внезапная отставка Филарета не осталась незамеченной в народе. Романов был одним из самых популярных деятелей своего времени. В лице Филарета Шуйский приобрел опасного врага.

После переворота во дворце был найден тайник, в котором Лжедмитрий хранил секретные договоры с Сигизмундом III и с Мнишком, переписку с папой римским и иезуитами. Бояре тотчас объявили об этой находке народу, хотя они и не сразу разоб-

рались в содержании документов, требовавших перевода. Тайник был указан Яном Бучинским, попавшим в руки мятежников при штурме дворца. В страхе за свою жизнь главный секретарь готов был подтвердить клевету, которую бояре давно распускали по городу. «Дмитрий», заявил он, велел выволочь весь московский наряд (пушки) за посад, чтобы во время стрельб поляки могли перебить всех бояр и лучших дворян. (В грамоте к уездным городам список жертв был расширен: к боярам прибавлены приказные люди, гости и лучшие посадские люди. Провинция могла поверить чему угодно, но в столице такая откровенная ложь не могла пройти.) Истребив бояр, расстрига намеревался разорить веру и ввести «лютерство и латинство» (католичество) разом. Показания Бучинского оправдывали мятеж бояр, преступивших присягу на кресте. По этой причине оно заняло непомерно большое место в обвинительных грамотах Шуйского.

30 мая власти созвали народ на Красной площади. На Лобное место явились бояре, и в их присутствии дьяки зачитали грамоту с объяснением причин убийства Лжедмитрия и изложением официальной версии избрания на трон царя Василия.

Правительство использовало всевозможные средства, чтобы отвратить народ от самозванца. Вскоре после переворота 17 мая царь направил в Углич Филарета Романова с боярами и духовными лицами. Комиссия должна была перевезти в Москву тело истинного царевича Дмитрия для захоронения его в царской усыпальнице.

Филарет как нельзя лучше выполнил возложенное на него поручение и 28 мая известил столицу об открытии мощей нового мученика из Углича.

Первоначально Шуйский предполагал провести свою коронацию после того, как Филарет будет посвящен в сан патриарха, а мощи царевича будут торжественно похоронены в Архангельском соборе. Напуганный попыткой мятежа, царь велел короновать себя за три дня до возвращения Романова и перенесения мощей в столицу. Из-за спешки власти не успели вызвать в столицу знать и дворянство из городов, вследствие чего коронационные торжества (по словам очевидцев) произошли «в присутствии более черни, чем благородных» и без особой пышности. В соборе священнодействовал не патриарх, а новгородский митрополит Исидор, которому помогал Пафнутий. Исидор надел на царя крест святого Петра, возложил на него бармы и царский венец, вручил скипетр и державу. При выходе из собора царя Василия по традиции осыпали золотыми монетами.

На третий день после коронации Романов доставил из Углича останки младенца Дмитрия. Государь и бояре отправились

пешком в поле, чтобы встретить за городом мощи истинного сына Грозного. Царя сопровождали духовенство и внушительная толпа москвичей. Марфе Нагой довелось в последний раз увидеть сына, вернее то, что осталось от него. Потрясенная страшным видением, вдова Грозного не могла произнести слов, которые от нее ждали. Чтобы спасти положение, царь Василий сам возгласил, что привезенный труп и есть мощи цареви́ча. Ни молчание царицы, ни речь Шуйского не тронули народ. Москвичи не забыли о трогательной встрече Марии Нагой с «живым сыном». И Шуйский и Нагая слишком много лгали и лицедействовали, чтобы можно было поверить им снова.

Едва Шуйский произнес нужные слова носилки с телом поспешно закрыли. Процессия после некоторой заминки развернулась и проследовала по улицам на Красную площадь. Гроб с телом некоторое время стоял на Лобном месте, а затем его перенесли в Архангельский собор, куда были допущены одни бояре и епископы.

Церковь пыталась заглушить слухи о знамениях над трупом Отрепьева чудесами нового великомученика. Гроб Дмитрия был выставлен на всеобщее обозрение в соборной церкви. Судя по описаниям очевидцев, на мощах сменили одежду, на грудь цареви́ча положили свежие орешки, полities кровью. Народ не забыл о том, что Василий Шуйский на площади клялся, что Дмитрий зарезал себя нечаянно, играя ножичком в тычку. Самоубийца не мог быть святым. Но дело шло к канонизации нового святого, и властям важно было доказать, что в момент смерти мученик играл в орешки.

Организаторы новой мистерии предусмотрели все. Благочестивые русские писатели с восторгом распространялись о чудесах у гроба Дмитрия. Некоторые из них посчитали, что в первый день исцеленных было 13, в другой — 12 человек и т. д. Находившиеся в Москве иноземцы считали, что исцеленные калеки были обманщиками, подкупленными Шуйским, что среди них преобладали пришлые бродяги. При каждом новом «чуде» по городу звонили во все колокола. Трезвон продолжался несколько дней. Паломничество в Кремль напоминало реку в половодье. Огромные толпы народа теснились у дверей Архангельского собора. Царская канцелярия поспешила составить грамоту с описанием чудес Дмитрия Угличского. Грамоту многократно читали в московских церквях.

Агитация против расстриги произвела впечатление на столичное население, но брожение в народе не прекращалось. В самый день перенесения в Москву мощей Дмитрия, едва царь Василий оказался посреди бесчисленной толпы, он, по словам

Ж. Маржерета, вторично подвергся опасности и едва не был побит камнями. Царя спасло присутствие множества дворян. Обретение нового святого внесло успокоение в умы, но ненадолго. Недруги Василия позаботились о том, чтобы испортить его игру. Они притащили в собор тяжелобольного, находившегося при последнем издыхании, и тот умер прямо у гроба Дмитрия. Толпа в ужасе отхлынула от дверей собора, едва умершего вынесли на площадь. Многие стали догадываться об обмене, и тогда власти закрыли доступ к гробу царевича. Столичные колокола смолкли.

Никогда дума не была столь многочисленной и разношерстной, как в первые дни правления Шуйского. Рядом с боярами, не уступавшими знатностью Шуйским, в думе заседали бывшие опричники и вовсе худородные люди, всецело обязанные самозванцу своей карьерой. Аристократия надеялась добиться от Шуйского льгот и пожалований. Любимцы Лжедмитрия опасались потерять и чины и земли.

В свое время Отрепьев щедро жаловал земли знатым боярам, стремясь добиться их верности. Мстиславскому он вернул городок Венев, Воротынскому — его огромные нижегородские вотчины, В. Шуйскому — Чаронду, И. Романову — Романово городище. Земельная политика самозванца породила большие надежды у аристократии. Князья вспоминали о давно утраченных удельных столицах. После избрания царя, записал в дневнике поляк С. Немоевский, члены думы никак не могли прийти к соглашению: «...из знатнейших каждый желал государствовать; самым последним, в свою очередь, хотелось быть участниками царских доходов, почему склонялись к той мысли, чтобы царство было разделено на разные княжества». Трудно сказать, какими источниками информации располагал С. Немоевский, находившийся под неусыпным наблюдением царских приставов. Очевидно одно: пленные поляки охотно подхватывали любые слухи о раздорах в Кремле.

С первых шагов не ладилась отношения Василия Шуйского с князьями церкви. Филарет пользовался популярностью в столице, и его отставка была встречена с неодобрением. Смута ширилась, и церкви нужен был авторитетный руководитель, который мог бы твердой рукой повести за собой разбредшую паству. В конце концов царь остановил выбор на казанском митрополите Гермогене. Ровесник Грозного, Гермоген пережил четырех царей, из которых, по крайней мере, двое побаивались его. В дни междуцарствия, наступившего после смерти Федора, Борис Годунов надолго задержал Гермогена в Казани, чтобы не допустить его участия в царском избрании. Гермо-

ген был единственным из епископов, не побоявшихся открыто осудить брак Лжедмитрия с католичкой, за что был тотчас сослан в опале в Казань. Ко времени избрания на патриаршество Гермоген достиг семидесятипятилетнего возраста — глубокой старости, по понятиям того времени. Он прожил бурную жизнь и многое повидал на своем веку. Поляк Гонсевский, хорошо его знавший, а под конец инспирировавший суд над ним, получил, вероятно, для этого суда письменное свидетельство одного московского священника о «житии» Гермогена. Священник показал, что в начале жизни Гермоген пребывал «в казаках донских, а после — попом в Казани». Итак Ермолай (Ермоген — так писал свое имя сам патриарх) делил с вольными казаками их жизнь, походы и войны. Немало известных деятелей Смуты вышло из вольных казаков. К ним следует присоединить Гермогена. Можно назвать имена донских атаманов, под конец жизни сменивших казацкую шапку на монашеский клобук. Видимо, и Гермоген перешел в духовное сословие довольно поздно. Первое упоминание о нем как священнослужителе относится ко времени, когда ему было пятьдесят лет. Став митрополитом казанским спустя десять лет, этот ревнитель православия начал с редкой энергией насаждать истинную веру в инородческом Казанском крае. Голос патриарха Иова звучал «аки дивная труба». Гермоген не обладал столь необходимым для пастыря звучным голосом. По словам современников, он был речист — «словесен и хитроречив, но не сладкогласен, а нравом груб», «прекрут в словесах и воззрениях». Явные и тайные сторонники Лжедмитрия боялись немилосердного пастыря.

Новая династия не могла укорениться без поддержки всего феодального сословия в целом. По словам современников, избрание Василия на трон поддержали дворяне из Москвы, Новгорода и Смоленска. Новгородские дворяне были вызваны в Москву по случаю готовившегося азовского похода. Часть из них в самом деле участвовала в свержении Лжедмитрия I. Смоленские дворяне также встали на сторону Шуйского. Но в целом в армии царил такой же разброд, как и повсюду. Наибольшей популярностью Лжедмитрий I пользовался среди мелких помещиков из южных уездов, поддержавших его дело с первых дней гражданской войны. Неудивительно, что в их среде переворот вызвал наибольшее негодование. В одном из списков «Сказания о Гришке Отрепьеве» рассказ о присяге Шуйскому завершается словами: «...а черниговцы, и путимцы, и кромичи, и комарицы, и вси рязанские города за царя Василья креста не целовали и с Москвы всем войском пошли на Рязань: у нас де

царевич Дмитрий Иванович жив». Воинские люди и жители Путивля, Чернигова, Кром так же, как и крестьяне Комарицкой волости, составляли ядро повстанческой армии, с которой самозванец вступил в Москву. Как и почему они вновь оказались в Москве в самые последние дни правления Лжедмитрия I? Напомним, что в те же самые дни Отрепьев направил гонцов к самозваному «царевичу» Петру и вольным казакам, поднявшим мятеж в Поволжье, с приказом спешить в столицу. По-видимому, те же самые причины побудили Лжедмитрия вызвать в Москву преданные ему отряды из северских городов. Факты подтверждают это. 17 мая стрельцы из северских городов несли караулы подле дворца. Их вмешательство едва не спасло самозванцу жизнь.

Многие считали, будто Отрепьев стал жертвой собственной беспечности и ослепления. Приведенные данные опровергают это мнение. Оказавшись лицом к лицу с могущественной боярской аристократией, Лжедмитрий, по-видимому, осознал, что ему не избежать прямого столкновения с оппозицией, и лихоградожно искал силы, которые бы помогли ему разгромить боярство. В критических обстоятельствах он и вспомнил о своем старом повстанческом войске.

Сведения о военном мятеже против Шуйского находят подтверждение в записках Ж. Маржерета, одного из лучших мемуаристов Смутного времени. После избрания Шуйского, записал Маржерет, взбунтовались пять или шесть главных городов на татарских границах, перебили и уничтожили часть своих войск и гарнизонов. Вероятно, в число главных городов на татарской границе входили Тула и Рязань. В выступлении против Шуйского рязанцы сыграли самую активную роль. Раскол в дворянском ополчении ослабил военную опору монархии, что и подготовило почву для нового взрыва гражданской войны в России.

Большинство служилых людей принесли присягу Шуйскому без возражений. Но у дворян, как и у знати, не было причин для энтузиазма. По традиции любая коронация сопровождалась пожалованием думных чинов. Однако Шуйский получил в наследство от самозванца столь многочисленную Боярскую думу, что ему пришлось нарушить традицию. Дворяне помнили о щедрых денежных раздачах по случаю воцарения Бориса и «Дмитрия» и тайно негодовали на нового царя. За Василием прочно утвердилась репутация скупца. «Царь Василий, — писал один современник, — возрастом (ростом. — *Р. С.*) мал, образом же нелепым (некрасивым. — *Р. С.*), очи подслепы имея; книжному почитанию доволен и в разсуждении ума зело смыслен, но скуп велми и неподатлив». Царь Василий не отличался щедростью.

Но он избегал денежных трат не только от скупости. Казна с трудом поправила свои дела после трехлетнего голода. Однако начавшаяся гражданская война и правление самозванца поглотили остатки денег, еще оставшихся в казне. Шуйскому поневоле пришлось сократить денежные раздачи.

Избиения иноземцев в Москве давали удобный повод для вмешательства Речи Посполитой в русские дела, поэтому Боярская дума решила задержать в Москве как Юрия Мнишка, так и прибывших с ним польских послов с их свитой. Подавляющую часть солдат, нанятых Мнишком для Лжедмитрия, московские власти поспешили выпроводить на родину.

Русские приверженцы свергнутого царя внушали Шуйскому не меньше подозрений, нежели бывший главнокомандующий Мнишек. Сразу после коронации гонениям подверглись многие из любимцев Лжедмитрия. Князя В. М. Масальского лишили чина дворецкого (главы Дворцового приказа) и отослали на воеводство в глухую пограничную крепость Корелу. Боярина Б. Я. Бельского перевели из Новгорода в Казань, бывшего канцлера — главного думного дьяка А. И. Власьева сослали в Уфу. Все эти санкции помогли Шуйскому добиться послушания от Боярской думы. Однако очень скоро стало очевидным, что правительству труднее будет справиться с народом, чем с боярами.

ПРИЗРАК ВОСКРЕС

После переворота семья Мнишков разом лишилась всех преимуществ и богатств. Крупные суммы денег и драгоценности, пожалованные родне Лжедмитрием, были отобраны обратно в казну. С конюшен Мнишка были уведены кони, из погребов изъяты винные запасы. Однако на своем дворе Юрий Мнишек продолжал строго следовать всем правилам придворного церемониала, оказывал Марине почести, положенные царствующей особе. Не желая считаться с новым положением дел, Мнишек лелеял несбыточные надежды, что дума, соблюдая присягу, признает вдовствующую царицу правительницей государства. После избрания на трон Василия Шуйского возник другой фантастический план: женить неженатого государя на царице Марине.

Боярская дума решительно отвергла претензии Мнишков и подвергла отца царицы унижительному допросу. 15 июня семью Марины выдворили из Кремля и поселили в доме опального дьяка Афанасия Власьева. В августе вдова Лжедмитрия со всеми ближними отправилась в изгнание в Ярославль. Между тем слухи о чудесном спасении «Дмитрия» распространились по всей России. Было бы неверно возлагать ответственность за эти слухи на семью Мнишков и польских сторонников Лжедмитрия I. Почвой для мифа были народные настроения, вера в «доброе царя». Юрий Мнишек пытался использовать эти настроения, чтобы возродить самозванческую интригу. Центром интриги вновь стал Самбор, где вскоре после переворота 17 мая появился человек, выдававший себя за спасшегося «Дмитрия». Новый самозванец пользовался покровительством хозяйки Самбора — жены Юрия Мнишка. Представляется невероятным, чтобы пани Мнишек действовала на свой страх и риск, предоставляя убежище и помощь человеку, несколько не похожему на ее зятя. По-видимому, интрига была санкционирована Юрием Мнишком и царицей Мариной. Мнишек и окружавшие его

люди были пленниками в России. Но, даже будучи в ссылке в Ярославле, поляки имели при себе оружие, челядь, могли свободно передвигаться по городу. Все это позволило Мнишку наладить тайную переписку с Самбором. Следуя его инструкциям, владелица Самбора стала спешно вербовать сторонников для «Дмитрия». Во Львове и других местах польские офицеры получили от нее письма с категорическими заверениями, что «Дмитрий» жив. Инициаторы новой интриги пустили слух, что спасшийся русский царь прибыл в Самбор собственной персоной. Первоначально никто не верил толкам такого рода. Но постепенно положение стало меняться. В начале августа 1606 г. литовские должностные лица объявили задержанным в Гродно русским послам, что прежде (в июле? — *Р. С.*) они знали по слухам, а теперь узнали доподлинно, что «государь ваш Дмитрий, которого вы сказываете убитого, жив и теперь в Сандомире у воеводины (Мнишка. — *Р. С.*) жены: она ему и платье и людей подавала». Информация исходила от «добрых панов», родни и приятелей владелицы Самбора. Один из них, ветеран московского похода самозванца пан Валевский, смог сообщить множество «достоверных» подробностей о бегстве русского государя за рубеж. В Москве, утверждал он, у «Дмитрия» было два двойника — некто Барковский и племянник князя Масальского. Они были похожи на царя как две капли воды, исключая разве что знаменитую бородавку. В день переворота убит был не «Дмитрий», а Барковский. Царю удалось ускакать из Москвы.

Интереснейшие сведения о новом самозванце собрал итальянский купец Ф. Таламио, ездивший в Западную Украину в августе 1606 г. (Владения Мнишков располагались под Львовом в Западной Украине.) По словам купца, московский царь бежал из России с двумя спутниками и ныне живет здоров и невредим в монастыре бернардинцев в Самборе; даже прежние недруги признают, что «Дмитрий» ускользнул от смерти.

В первых числах августа русские послы узнали от приставов, что в Самбор к государю начали съезжаться польские ветераны — участники московского похода «и те многие люди, которые у него были на Москве, его узнали, что он прямой (настоящий) царь Дмитрей, и многие русские люди к нему пристали, и польские и литовские люди к нему прибираютца (собираются); да к нему же приехал князь Василей Масальской, которой при нем был на Москве ближней боярин и дворецкой».

Боярин В. М. Масальский-Рубец был ближайшим другом и соратником Лжедмитрия I. Вопреки польской информации он находился в ссылке в Карелии. Дворянин, пробравшийся в Самбор ко двору нового самозванца, принадлежал к сильно

разросшемуся роду князей Масальских, но не имел ни думного чина, ни высокого служебного положения.

Другим придворным самборского самозванца стал беглый московский дворянин Заболоцкий.

Жена Мнишка не жалела средств. По словам литовских должностных лиц, она приняла на службу к «Дмитрию» примерно 200 человек.

Русские послы в Польше первыми узнали о появлении нового Лжедмитрия и вскоре же получили информацию, которая позволила им идентифицировать его личность. Очевидцы так описывали внешность «вора» из Самбора: «Дмитрий возрастом не мал, рожем смугол, нос немного покляп, брови черны, не малы, нависли, глаза невелики, волосы на голове курчавы, ото лба вверх возглаживает, ус черн, а бороду стрижет, на щеке бородавка с волосы, по польски... и по латыни говорити умеет». Ознакомившись с приметам «вора», послы заявили, что новый самозванец — это Михалко Молчанов, который «избежал в то время, как того вора (Лжедмитрия. — Р. С.) убили». Опознать самозванца, продолжали послы, не составит труда: пусть его нам покажут, «а у нас есть пятно... приметы у него на спине, как он за воровство и за чернокнижество был на пытке и кнутом бит, и те кнутные бои на нем знать».

Вяземский помещик средней руки Михаил Андреевич Молчанов происходил из рода Молчановых-Ошаниных, выслужившихся в опричнине. В начале гражданской войны Молчанов оказался в «воровском» лагере и добился благосклонности Лжедмитрия I с помощью всякого рода грязных услуг. Он участвовал в убийстве Федора Годунова и его матери царицы Марии Годуновой. Позже Молчанов стал пособником Отрепьева в распутстве.

После переворота 16 мая власти арестовали Молчанова и обвинили его в том, что он жил у царя «в хоромах для чернокнижия». Фаворита Лжедмитрия подвергли пытке и наказали кнутом. Но ему удалось бежать из-под стражи, и он нашел прибежище в Путивле на Северной Украине. О его дальнейших приключениях повествует автор английского донесения о России 1607 г. Согласно донесению, царь назначил в Путивль нового воеводу и послал туда дворянина, чтобы привести путивлян к присяге; но царский гонец встретился с ближайшим «фаворитом прежнего государя по имени Молчанов (который, бежав туда, отклонил многих дворян и солдат тех мест от признания нынешнего государя), был соблазнен им и так перешел на их сторону».

Путивль сыграл особую роль в гражданской войне, и против-

ники царя Василия возлагали на этот город особые надежды. На протяжении полугода Путивль был столицей Лжедмитрия I. Утвердившись на троне, самозванец, как свидетельствует автор английского донесения, освободил Путивль от всех «налогов и податей в течение 10 лет». Северская Украина подверглась страшному разорению, и путивляне рассматривали многолетнюю льготу как законную награду за все понесенные ими жертвы и тяготы. С воцарением Шуйского Путивль должен был потерять все льготы и привилегии. Еще более важное значение имела уверенность путивлян в том, что они борются за восстановление поправленной справедливости, за «доброту царя» и против свергших его лихих бояр.

События в Путивле развивались следующим образом. В мае 1606 г. власти направили туда гонца Г. Шипова. Гонец должен был убедить путивлян, что новый царь будет жаловать их своим царским жалованьем «свыше прежнего», и от имени царя предложить горожанам прислать в столицу путивлян «лучших людей человек трех или четырех» для изложения своих нужд и требований. В обращении к жителям Путивля власти просили, чтобы те «сумненья себе не держали никоторого» (по поводу гибели их «доброту царя» Дмитрия) и жили «в покое и тишине». Шуйский прибег к прямой лжи, утверждая, будто самозванец перед смертью сам объявил «предо всем московским государством... всем людем вслух, что он прямой (подлинный) вор Гришка Отрепьев».

По словам английского современника, М. Молчанову удалось вовлечь царского гонца в заговор. Деятельным помощником Молчанова стал вновь присланный в Путивль воевода князь Г. П. Шаховской. Князья Шаховские принадлежали к младшей ветви ярославского княжеского рода. Они «захудали» задолго до опричнины, и двери Боярской думы оказались для них закрыты. Отец Г. П. Шаховского Петр числился младшим воеводой в Чернигове, где он и попал в плен к самозванцу. Петр заслужил милость Отрепьева и, по некоторым сведениям, входил в «воровскую думу» в Путивле. В московскую Боярскую думу Петр не был допущен. В Москве ни Петр, ни его сын Григорий Шаховской не получали никаких ответственных поручений.

Автор «Московской хроники» К. Буссов, находившийся в лагере Болотникова, записал сведения о начале восстания со слов повстанцев. По свидетельству К. Буссова, князь Г. П. Шаховской собрал в Путивле всех горожан и уверил их, что «Дмитрий» жив и скрывается в Польше, где собирает войско для нового похода. Именем «Дмитрия» Шаховской обещал путивлянам царскую милость, если они будут хранить ему верность и помогут отомстить «неверным псам».

Г. П. Шаховской провел несколько месяцев в путивльском «воровском» лагере и потому был хорошо известен служилым людям Путивля. Автор «Нового летописца» возлагал на него всю ответственность за восстание в Северной Украине. «Первое же зачало крови христианские, — отметил летописец, — князь Григорий Шеховской измени царю Василию... сказа путильцам, что царь Дмитрий жив есть, а живет в прикрыте: боитца изменников убивства».

В действительности Г. П. Шаховской был третьестепенным деятелем, малозначительной личностью. Вся его роль свелась к участию в мистификации, затеянной М. Молчановым.

Судьба столкнула Молчанова с Шаховским в самый момент его бегства из Москвы. По словам Ж. Маржерета, из царских конюшен в Кремле пропало несколько лучших лошадей, которых затребовали неизвестные лица, действовавшие от имени спасшегося «царя Дмитрия». Тотчас по Москве распространился слух, что вместо государя убит некий немец, а «Дмитрий» должен был уйти вместе с Молчановым, своим ближним служителем. Слух был записан С. Немоевским, а также Хвалибогой. Камердинер самозванца И. Хвалибога в записке 1607 г. отметил, будто в царских конюшнях пропали лошади и исчез Михайло Молчанов, «откуда всегласная весть была в столице, что Дмитрий с Молчановым и с несколькими иными потаенно ушел...».

Одним из самых осведомленных писателей Смутного времени был Конрад Буссов. По его словам, князь Г. Шаховской выехал в Путивль, «взяв с собой из Москвы еще двух поляков в русском платье». Некоторые подробности рассказа К. Буссова наводят на мысль, что одним из спутников Шаховского был Молчанов. Ускользнув из московской тюрьмы, Молчанов должен был скрывать свое имя, чтобы беспрепятственно покинуть пределы России. Он знал польский язык и мог вполне сойти за поляка. Попутчики Шаховского состояли в заговоре с ним. При переправе через Оку у Серпухова князь Шаховской сказал паромщику: «Молчи, мужичок, и никому не рассказывай, ты перевез сейчас царя всея Руси Дмитрия». На всех постоянных дворах Шаховской повторял ту же выдумку. В Путивле двое спутников Шаховского отделились от него и отправились прямо к жене Мнишка в Самбор.

Рассказ К. Буссова помогает объяснить, каким путем М. Молчанов попал в Путивль, а оттуда в Самбор и как Г. П. Шаховской стал соучастником его заговора. Буссов полагал, что именно Шаховской похитил из царского дворца государственную печать. Более вероятно, что сделал это М. Молчанов, неотлучно находившийся в кремлевском дворце при особе Лжедмитрия I.

Водворившись в Самборе, Молчанов принялся рассылать грамоты с призывом к восстанию против царя-узурпатора, запечатанные украденной печатью. Составлялись эти грамоты от имени спасшегося «законного государя». По традиции царские указы не имели личной подписи государя, но их непременно скрепляли печатью. Сохранившаяся переписка между руководителями повстанческих отрядов содержит прямую ссылку на государю царя и великого князя Дмитрия Ивановича всеа Руси грамоту, а «грамота за красною печатью».

Когда Шаховской вступил в должность главного воеводы Путивля и объявил жителям, что «Дмитрий жив» и находится в Польше, когда в город стали поступать из Польши личные письма спасшегося царя, население Путивля окончательно уверовало, что их «добрый государь» спасся.

Если бы Молчанов обладал таким же темпераментом, дерзостью и честолюбием, как Отрепьев, он вернулся бы в Россию в первый же отвоеванный у Шуйского город и объявил бы там о возвращении на трон. Но Молчанов остался мелким интриганом и стать самозванцем он так и не смог. Двадцатичетырехлетнему Отрепьеву не приходилось беспокоиться, похож ли он на восьмилетнего царевича Дмитрия, которого через пятнадцать лет после смерти забыли даже те немногие, кто видел его лично. Для нового самозванца главная трудность заключалась в том, что он нисколько не походил на своего предшественника, характерную внешность которого не успели забыть за несколько месяцев, прошедших после переворота.

Молчанов не решился вернуться в Путивль, поскольку путивляне знали его как приближенного Лжедмитрия I в 1604 — 1605 гг. Москвичам Молчанов также был лично известен, и, более того, в столице он пользовался самой дурной репутацией.

Фактор внешнего вмешательства имел весьма ограниченное значение даже на первом этапе гражданской войны в 1604 г. Спустя два года, в 1606 г., роль этого фактора была и вовсе ничтожной. Ситуация в Польше не благоприятствовала развитию самозванческой интриги. Король Сигизмунд III был целиком поглощен борьбой с оппозицией, поднявшей против него мятеж («рокош»). Оппозиция рассчитывала на помощь Лжедмитрия I и даже вела с ним тайные переговоры. Поэтому ее вожди охотно подхватили весть о спасении царя. По словам купца Ф. Таламио, сторонники рокоша открыто говорили о том, что «Дмитрий» жив и находится в Самборе.

Собравшаяся для рокоша шляхта ждала появления «царя», но самозванец так и не «сказался» (показался) людям и «на рокоше не был», боясь (как объясняли польские приставы послам)

мести со стороны шляхтичей, потерявших родственников на царской свадьбе в Москве.

По-видимому, ряд причин помешал инициаторам интриги представить самозванца польскому обществу. Во-первых, новый Лжедмитрий хотя и имел большую бородавку на лице, но бородавка росла не на том месте, а в остальном он несколько не походил на убитого в Москве Отрепьева. В Польше многие знали характерную внешность Лжедмитрия I, и обман был бы мгновенно разоблачен. Во-вторых, появление «царя» среди рокошан явилось бы прямым вызовом королю, на что Мнишки никак не могли пойти. Юрий Мнишек находился в плену в России, и освободить его могло лишь вмешательство официальных властей Речи Посполитой.

Обстоятельства не благоприятствовали интриге, и комедия с самборским Лжедмитрием II так и не состоялась. Военные приготовления в Самборе внушили беспокойство литовскому канцлеру Льву Сапеге, поскольку собранный там отряд мог быть использован противниками короля. Когда самозванец назначил своим главным воеводой Заболоцкого и «того Заболоцкого» послал был до Сиверы (в Чернигово-Северскую землю. — *Р.С.*), чтобы (жители. — *Р.С.*) нынешнему государю (царю Василию. — *Р.С.*) не поддавались, и он (Дмитрий. — *Р.С.*) к ним (повстанцам. — *Р.С.*) (при)будет», канцлер приказал задержать Заболоцкого и его отряд. В октябре 1606 г. канцлер Лев Сапега, давний покровитель Отрепьева, направил в Самбор слугу Гридича, чтобы тот «досмотрел» Дмитрия: «подлинно тот или не тот»? Гридич ездил в Самбор, но «того вора (по словам послов) не видел: живет де в монастыре, не кажетца (показывается) никому».

В октябре в Самбор наведлся бывший духовник Отрепьева, но и он вынужден был уехать ни с чем. Вслед за тем бернардинский орден направил к Мнишкам из Кракова одного из наиболее видных своих представителей. Поскольку по всей Польше прошел слух, что Дмитрий «в Самборе в монастыре в чернеческом платье за грехи каетца», эmissар ордена произвел досмотр самборского монастыря и получил от самборских бернардинцев письменное подтверждение, что «Дмитрия» нет в их монастыре и они не видели царя с момента отъезда его в Россию.

Как видно, Мнишки не осмелились показать самозванца ни шляхтичам — участникам оппозиции, ни духовенству, ни представителям официальных властей. Во время переговоров с русскими послами чиновники короля прибегли к нехитрой дипломатической игре. Они осторожно отмежевались от самборской интриги, заявив: «А что де вы нам говорили про того, который

называетца Дмитрием, будто он живет в Самборе и в Сендомире у воеводины жены (Мнишка. — *Р.С.*), и про то не слышали». В то же время королевские дипломаты, добываясь немедленного освобождения задержанных в Москве поляков, угрожали послам вмешательством в московские дела посредством новых самозванцев: «...только государь ваш (царь Василий. — *Р.С.*) вскоре не отпустит всех людей, — говорили они, — ино и Дмитрий (новый самозванец. — *Р.С.*) будет, и Петр прямой будет, и наши за своих с ними заодно станут».

Первый самозванец, по меткому замечанию В. О. Ключевского, был испечен в польской печке, но заквашен в Москве. Новый Лжедмитрий также не миновал польской кухни, но его судьба была иной: его не допекли и не вынули из печи. «Вор» таился в темных углах самборского дворца в течение всего восстания 1606 — 1607 гг., не осмеливаясь показать лицо не только полякам, но и восставшему русскому народу.

Не решаясь вернуться в Россию, Молчанов предпринимал неоднократные попытки поставить во главе движения своих людей. Известно, что он отправил в северские города своего воеводу Заболоцкого с небольшим отрядом. Заболоцкому не удалось перейти русскую границу: его задержали польские власти. Другим эмиссаром самборского «вора» стал Иван Исаевич Болотников.

Биография Болотникова давно привлекает внимание историков. Тем не менее в ней остается много неясного. По предположению одних, Болотников происходил из детей боярских и мелких помещиков. Но эта гипотеза не подтверждена точными фактами. Можно считать установленным, что Болотников служил боевым холопом в свите у боярина князя А. А. Телятевского, от которого бежал на окраины к вольным казакам. Считается, что Болотников был атаманом то ли донских, то ли волжских казаков. По-видимому, предпочтение следует отдать второй версии. Автор английской «Записки о России» 1607 г. прямо называет Болотникова «старым разбойником с Волги». Англичане вели большую торговлю на Нижней Волге, где их суда не раз подвергались нападениям волжских казаков. Возможно, этим и объясняется их осведомленность.

Наиболее подробные сведения о жизни Болотникова сообщают два иностранных автора — И. Масса и К. Буссов. Но их свидетельства противоречат друг другу и примирить их (как то делают некоторые исследователи) невозможно. При оценке версий Массы и Буссова надо иметь в виду следующее. К. Буссов лично знал Болотникова, поскольку служил при нем в Калуге в 1606 — 1607 гг. Он располагал более надежным источником ин-

формации, чем И. Масса, находившийся в осажденной Болотниковым Москве.

И. Масса повествует, что холоп Иван Болотников бежал от своего господина в степь к казакам, также служил в Венгрии и Турции, после чего пришел с казаками числом до 10 тысяч на помощь к восставшим в Россию. Приведенное известие представляется неясным и противоречивым. Масса не уточняет, как вольный казак попал в Турцию. Венгры сражались с турками, поэтому непонятно, как мог Болотников служить одновременно в Турции и Венгрии.

К. Буссов лично беседовал с Болотниковым и людьми из его окружения. Поэтому его рассказ отличается точностью и определенностью. По свидетельству Буссова, Болотников попал в плен к татарам, которые продали его в рабство в Турцию. Таким образом, атаман не служил в Турции, а провел некоторое время в качестве невольника-гребца на турецких галерах, участвовал в морских сражениях. Одно из сражений кончилось поражением турок. Болотников был освобожден из плена итальянцами, попал в Венецию, откуда через Германию и Польшу вернулся в Россию. Слухи о спасении «Дмитрия» привлекли Болотникова в Самбор. Там он виделся с человеком, выдававшим себя за спасшегося русского царя.

Молчанов удостоил Болотникова торжественной аудиенции в парадных покоях самборского замка. Он долго беседовал с атаманом, а затем отправил к Г. Шаховскому в Путивль в качестве своего личного эmissара.

Болотников был пленником, пробиравшимся на родину. Никаких военных сил при нем не могло быть. Самборский самозванец не имел возможности снабдить его ни войсками, ни денежными средствами. Но он выдал атаману грамоту, запечатанную государственной печатью. Из грамоты следовало, что «царь Дмитрий Иванович» назначает Болотникова своим «большим воеводой», иначе говоря, главнокомандующим всеми повстанческими силами. На прощание Молчанов вручил Болотникову мизерную сумму в 60 дукатов, саблю и шубу. В Путивле атаман должен был предъявить «царскую» грамоту Шаховскому и заверить всех, что получил эту грамоту из собственных рук «государя». Молчанов уверял казака, что Шаховской немедленно выдаст ему достаточно денег из путивльской казны и подчинит несколько тысяч воинов.

Молчанов остановил свой выбор на Болотникове не потому, что тот привел многочисленное казацкое войско. У самозванца были свои политические расчеты. Молчанов пытался найти людей, которые своей карьерой были бы всецело обязаны его ми-

лостям и, кроме того, искренне верили, что имеют дело с «прирожденным государем». Болотников прибыл в Польшу с запада после многолетних скитаний. Он не был свидетелем событий, разыгравшихся в России в 1604—1605 гг. и никогда не видел в лицо Отрепьева. Его нетрудно было обмануть.

Молчанов и Шаховской были типичными политическими авантюристами. Вся их роль свелась к мистификации населения Путивля и других северских городов, что и послужило внешним толчком к восстанию. Совсем иная судьба была уготована бывшему боевому холопу, предводителю вольных казаков Ивану Исеевичу Болотникову. Примкнув к восстанию против царя Василия Шуйского, он стал вскоре подлинным народным вождем.

ВОССТАНИЕ БОЛОТНИКОВА

о времени прибытия Болотникова из Самбора в Путивль восстание против Шуйского захватило обширную территорию. Русские и иностранные источники одинаково свидетельствуют, что в движении участвовали кроме Путивля города Чернигов, Рьльск, Кромы, Курск.

Источники позволяют установить, почему восстание добилося длительного успеха прежде всего в названных городах. Дело в том, что на первом этапе гражданской войны в 1604—1605 гг. именно в этих городах были сформированы повстанческие отряды, которые в составе армии Лжедмитрия I в июне 1605 г. вступили в Москву. Правительству не удалось разгромить эти отряды, состоявшие из населения северских городов, вольных казаков, комаричей и прочего люда. Эти отряды несли караулы в Кремле в первые недели правления самозванца. После того как Отрепьев заключил соглашение с Боярской думой, повстанцы были щедро награждены и распущены по домам. Таким образом, повстанческие войска 1604—1605 гг. сохранили свой основной костяк и структуру. Когда в северских и южных городах узнали о перевороте, а затем прошел слух о спасении «доброего царя Дмитрия», население вновь взялось за оружие. Повстанческая армия возродилась в считанные дни и недели. Если бы Шаховскому или любому другому руководителю восстания пришлось заново формировать войско, на это ушло бы много времени. Впрочем, таким деятелям, как Шаховской, подобная задача была явно не по плечу.

Участник повстанческого движения К. Буссов подробно описывает сбор войск в Путивле. По его словам, путивляне послали гонцов на Дон и вызвали оттуда вольных казаков, а кроме того, созвали «всех князей и бояр, живших в Путивльской области». В Путивльском уезде не было ни князей, ни бояр. Службу там

несли мелкопоместные дети боярские, а также казаки, стрельцы и прочий служилый люд. Вместе с донцами они и составили костяк повстанческой армии.

Жак Маржерет дополняет рассказ К. Буссова необходимыми цифровыми данными. Когда взбунтовалась Северская земля, повествует он, «в поход отправилось семь или восемь тысяч человек совсем без предводителей». После воцарения Лжедмитрия I повстанческие отряды сохранили свой костяк, но растеряли главных вождей. Их самый известный предводитель казачий атаман Корела стал придворным у самозванца и очень скоро спился. Вождь донских казаков П. Лунев постригся в монастырь. Год спустя восставшие жители Путивля избрали своими командирами двух лиц, ничем не проявивших себя на первом этапе гражданской войны и не имевших опыта руководства крупными военными силами. Одним из них был атаман Иван Болотников, прибывший в Путивль с грамотами из Самбора, а другой — сын боярский Истома Пашков.

После годичного перерыва гражданская война вспыхнула в России с новой силой. На новом этапе действия повстанцев имели свои особенности. Во-первых, в их лагере полностью отсутствовали отряды хорошо обученных польских наемников. Во-вторых, повстанцы не могли использовать фактор внезапности нападения.

Лжедмитрий I готовился к походу на Азов, и с весны 1605 г. отряды ратных людей были собраны частично на Оке, частично в Подмоскowie. Борису Годунову понадобилось два месяца, чтобы собрать дворянское ополчение и использовать его для войны с Отрепьевым. В распоряжении Шуйского были целиком отмобилизованные полки. По данным Ж. Маржерета, правительство использовало против повстанцев летом 1606 г. «от пятидесяти до шестидесяти тысяч человек и всех иноземцев». На стороне правительства, таким образом, был огромный перевес сил.

Борьба развернулась на двух основных направлениях: под Кромами и Ельцом. Крепость Кромы была сожжена дотла в 1605 г. Неизвестно, в какой мере ее укрепления были отстроены заново в недолгие месяцы правления Лжедмитрия. Однако никто не забыл, что судьба династии Годуновых решилась под стенами Кром. Поэтому вожди восстания выделили часть сил на помощь Кромам, чтобы помешать войскам Шуйского овладеть этим пунктом. Но все же главным центром борьбы стали не Кромы, а Елец. Готовясь к наступлению на Азов, Лжедмитрий приказал укрепить Елец и сосредоточил там крупные запасы продовольствия и оружия.

Находясь в Москве, Ж. Маржерет в июле получил достовер-

ную информацию о поражении повстанческих войск на всех направлениях. Его сведения находят подтверждение в Разрядах. Из Разрядных записей следует, что главный воевода князь И. М. Воротынский с крупными силами прибыл к Ельцу и наголову разгромил «воровское» войско, присланное на помощь ельчанам. «А как воровских людей под Ельцом побили, — значитесь в Разрядах, — и к боярам и к воеводам князю Ивану Михайловичу Воротынскому приезжал стольник князь Борис Ондревич Хилков».

На Кромы выступили второстепенные воеводы князь Ю. Н. Трубецкой и М. А. Нагой. Трубецкой задержался в Карачеве, формируя полки, а «наперед себя» послал под Кромы Нагого. В это самое время, как свидетельствуют Разряды, «Болотников приходил под Кромы, и он (Нагой. — Р.С.) Болотникова побил, и с тово бою прислал к Москве к государю с сенчом дорогобуженина Ондreja Семенова сына Колычева».

Итак, на первых порах Болотников не оправдал надежды, которые возлагал на него самборский самозванец. Он понес поражение до того, как воеводы подтянули к Кромам свои главные полки.

Однако царь Василий не смог воспользоваться плодами своих июньских побед. Тяжеловооруженная дворянская конница, обладавшая подавляющим численным перевесом, легко одерживала верх над плохо вооруженными и в основном пешими повстанцами. Но в руках восставших оставались крепости, снабженные артиллерией. Попытки занять их не увенчались успехом.

Правительство тщетно пыталось использовать имя Грозного, чтобы повлиять на восставшие города. Вдова Грозного Мария Нагая обратилась с личным письмом к жителям Ельца, призывая их отвернуться от мертвого расстриги. Грамоту ельчанам передал дядя царевича Дмитрия боярин Г. Ф. Нагой. Аналогичные грамоты были посланы в другие места. Но обращения царя Василия не имели успеха.

На первом этапе гражданской войны в 1605 г. армия Годуновых распалась после двухмесячной осады Кром. Воеводе Воротынскому пришлось осаждать Елец также не менее двух месяцев. Столько же времени отряды Трубецкого провели у стен Кром.

В августе 1606 г. правительственные войска отступили к Москве. Верно ли мнение историков о том, что причиной отступления было поражение царской армии? В какой мере источники подтверждают это мнение? В дневнике поляка А. Рожнятовского можно найти записи, которые на первый взгляд не оставляют места для сомнений: «День 17 сентября. Пришло известие к пану

воеводе, что под Ельцом войско Шуйского в 5 тыс. наголову разбито. День 21 сентября. Снова пришла весть, что под Кромами побито 8 тыс. людей Шуйского, гнали и били их на протяжении 6 миль». Упомянутый в дневнике «пан воевода» был не кем иным, как Юрием Мнишком. Рожнятовский жил на дворе у Мнишка в качестве его слуги. Его дневниковые записи всецело отражали точку зрения господина. Мнишек активно участвовал в новой самозванческой интриге и старался о том, чтобы внушить своему окружению и зарубежным корреспондентам преувеличенные представления об успехах сторонников своего «спасшегося» зятя. Приемы обращения Мнишка с информацией хорошо известны. В 1604 г. в руки Мнишка попал московский дворянин Хрущев, сообщивший ему о смерти вдовствующей царицы Ирины Годуновой. Люди Мнишка (а окружение его не изменилось в 1606 г.) обработали показания Хрущева, сочинив версию, что Годунова признала права на трон «истинного Дмитрия», за что была убита братом Борисом. Вся эта немислимая лож понадобилась Мнишку, чтобы оправдать войну с «тираном» Борисом Годуновым. Аналогичные средства Мнишек употреблял в борьбе с другим «узурпатором» — Василием Шуйским.

В окружении Мнишка охотно подхватили слухи о катастрофическом поражении войск Шуйского и постарались подкрепить их «точными» фактами. Однако приведенные в дневнике Рожнятовского цифры не заслуживают доверия. Армию под Ельцом возглавлял один из главных руководителей думы удельный князь И. М. Воротынский, и его полки (вопреки утверждению Рожнятовского) были значительно более многочисленными, чем полки второстепенных воевод Ю. Н. Трубецкого и М. А. Нагого. Было несколько причин, вынудивших воевод к отступлению. Казенные житницы были опустошены в период трехлетнего голода при Годунове. Весной 1606 г. в разгар цветения хлеба были погублены заморозками. Из-за неурожая цены на продукты питания стали расти. Командование не сумело обеспечить снабжение армии, и в полках начался голод. По словам очевидцев, в лагере невозможно было купить сухарей из-за страшной дороговизны. Повстанцы не раз терпели поражение в открытом бою, но восстание ширилось, захватывая новые местности. В конце концов войска, осаждавшие Елец и Кромы, сами оказались в кольце восставших городов.

Дворянское ополчение обнаружило вновь свою ненадежность. С приближением осени дворяне стали разъезжаться по своим поместьям. Силы Шуйского таяли, тогда как силы повстанцев росли. Болотников, разбитый под Кромами, к концу лета сформировал новое войско и предпринял второе наступление

на Кромы. На этот раз его поддержал отряд путивльских повстанцев во главе с Юрием Беззубцевым. У Болотникова и Беззубцева было слишком мало сил, чтобы разгромить полки Трубецкого, но Беззубцев повторил маневр, который принес ему успех в 1605 г. Повстанцы «оттолкнули» воевод со своего пути и пробились в осажденную крепость Кромы. Болотников добился ограниченного успеха. Тем не менее события под Кромами послужили толчком к отступлению царских войск из-под Кром и Ельца.

В средние века воевавшие армии несли наибольшие потери не в момент боя, а в ходе отступления, когда сопротивление прекращалось и легко возникала паника. Не будучи разгромлены, царские полки при отступлении утратили порядок и превратились в нестройную толпу. Заметив признаки надвигавшегося мятежа в крепости Новосили, служившей тыловым опорным пунктом армии Воротынского, командование направило туда воеводу князя М. Кашина. Но гарнизон и жители Новосил восстали против Шуйского и не пустили в город Кашина. Точно так же воевода Ю. Трубецкой после отступления от Кром не был пущен в Орел, где произошел мятеж.

Главный воевода Воротынский соединился с Кашиным в Туле. Если бы в его распоряжении были надежные части, он бы мог обороняться в неприступном Тульском кремле. Но Воротынскому подчинены были рязанцы, каширцы, туляки. Именно рязанцы возглавили мятеж против Годуновых в лагере под Кромами и тем самым помогли Лжедмитрию добиться победы. Год спустя рязанцы и туляки вновь обнаружили свою ненадежность. Полки Воротынского фактически развалились. Заокские города переходили на сторону повстанцев один за другим, и в таких условиях воеводам не оставалось иного выхода, кроме как покинуть Тулу. В Разрядных записях об этом сказано следующее: когда Воротынский «пришел на Тулу ж, а дворяня и дети боярские все поехали без отпуску по домом, а воевод покинули, и на Туле (жители подняли мятеж.— *Р.С.*) заворовали, стали крест целовать вору. И Воротынский с товарищи пошли с Тулы к Москве, а города зарецкие все заворовалися, целовали крест вору».

Падение Тулы открыло перед повстанцами путь на столицу.

ОСАДА МОСКВЫ

лительные споры в литературе вызвал вопрос о времени осады Москвы восставшими. Источники различного происхождения указывают на то, что повстанцы пробывли под столицей пять недель. Определенно известно, что они отступили от стен Москвы 2 декабря 1606 г. Отсюда следует, что осада началась 28 октября. Однако автор специальной монографии о Болотникове И. И. Смирнов сделал поправку к указанным датам, опираясь на текст «Иного сказания», одной из известных повестей Смутного времени. По «Иному сказанию», восставшие впервые подошли к столице и заняли подмосковное село Коломенское примерно 7 октября 1606 г.

Источники часто противоречат друг другу, и задача исследователя заключается в том, чтобы выделить слой ранних документов, непосредственно отразивших событие, и отбросить поздние и легендарные свидетельства. К числу самых ранних известий относится «Повесть московского протопопа Терентия», а также записки служилого немца Конрада Буссова. Считали, будто Терентий сочинил свою повесть в октябре 1606 г. Однако недавно был найден самый ранний список «Повести» с заголовком: «Повесть сия лета 7115 году сентября». Итак, протопоп кремлевского Благовещенского собора Терентий составил «Повесть» в сентябре 1606 г. В «Повести» Терентий утверждал, что видел Христа и богородицу, и предсказывал многие беды москвичам в виду «нынешнего» нашествия «кровоядцев (кровопийц) и немилостивых разбойников» на Москву. Из «Повести» следует, что повстанцы («разбойники») подошли к Москве в сентябре. Конрад Буссов писал, что войско Истома Пашкова двинулось к Москве в августе, а к михайлову дню (то есть к 17 сентября) оно подошло к русской столице.

Поляк А. Рожнятовский сделал в своем Дневнике специаль-

ную запись о появлении восставших под Москвой. В записи имеется дата — 18-е (28-е) число. Все историки относили эту запись к октябрю. Так ли это?

Наиболее исправный польский текст дневника А. Рожнятовского опубликован А. Гиршбергом. Знакомство с текстом дает общее представление о манере заполнения дневника. Автор дневника давал общий заголовок: «Июль», «Август», «Сентябрь», а затем помечал числа без повторного указания на месяц: «Сентябрь. День 1. ... День 2. ... (и далее. — *Р. С.*) ... День 28. ... День 30». Итак, все записи А. Рожнятовского помещены под общим заголовком «Сентябрь». В этих записях октябрь не обозначен. Более того, в тексте дневника имеется очевидный пропуск, поскольку следом за сентябрьскими записями следует новый заголовок: «Ноябрь. День 1. ...»

Издатели русского перевода дневника отнесли записи за 1—24-е числа к сентябрю, а запись от 28-го — к октябрю месяцу, не заметив того, что записи за 24-е и 28-е продолжают одна другую. 14-го (24-го по новому стилю) А. Рожнятовский записал: «Мы видели своими глазами, как множество знатных бояр с женами бежали из Москвы, услышав о большом войске под Серпуховым... Якобы это войско Дмитриево под Москву пришло». Хотя слуга Мнишка и видел беженцев своими глазами, но у него все же возникли сомнения, в самом деле ли Дмитриево войско подошло к Серпухову. Однако четыре дня спустя, 18 (28) сентября, Рожнятовский узнал о появлении передовых отрядов восставших под самой Москвой. Подтверждение пришло на этот раз из официальных источников. 18 (28) сентября в Ярославле была оглашена грамота царя Василия с обращением к местным жителям: «...людей загонных (из передовых отрядов. — *Р. С.*) из этого воровского войска (вы, ярославцы. — *Р. С.*) остерегайтесь и бога за меня молитесь, чтобы помог мне против этих изменников».

Итак, наиболее ранние свидетельства, авторами которых были непосредственные очевидцы, совпадают в решающем пункте — первое наступление повстанцев на Москву имело место в сентябре 1606 г.

Истома Пашков вел повстанческие силы через Тулу и Серпухов, Иван Болотников подбирался к Москве со стороны Калуги. Наибольшие опасения властям внушал Болотников. Поэтому, наспех собрав в Кремле дворян московских, стольников, стряпчих, дворовых людей, царь велел им не мешкая идти в Калугу. Во главе армии стали боярин Иван Шуйский и любимец царя Михаил Татищев. 23 сентября 1606 г. Болотников пытался переправиться через реку Угру, чтобы выйти к Калуге, но был разгромлен

на переправе. Однако торжество Ивана Шуйского оказалось недолгим. В тылу у него восстала Калуга.

Тем временем отряды повстанцев продолжали продвигаться к Москве со стороны Серпухова. Малочисленные отряды правительственных войск пытались задержать их на реке Лопасне, но были отброшены на 30—40 верст к реке Пахре. Передовые разезды мятежников проникли в окрестности столицы. Царю Василию пришлось отозвать отряды дворянской конницы из-под Калуги, чтобы организовать оборону Москвы. Действиями против Пашкова на серпуховском направлении руководил молодой родственник царя Михаил Скопин-Шуйский. В битве на Пахре воевода обратил в бегство повстанческое войско, но не посмел преследовать его до Серпухова из-за недостатка сил.

Сентябрьское наступление на Москву потерпело неудачу прежде всего по той причине, что повстанцы не смогли своевременно объединить свои силы. У них было два главных предводителя — И. Пашков и И. Болотников, и каждый вел свою войну с Шуйским. И. Пашкову достаточно было выждать несколько дней, и тогда восставшие получили бы возможность атаковать Москву одновременно с двух направлений — серпуховского и калужского. Но этого не произошло. В результате правительственные войска разгромили повстанческие армии поочередно, одну за другой.

К октябрю 1606 г. одним из главных пунктов военных действий стала Коломна, крупная крепость, прикрывавшая подступы к Москве со стороны Рязани. Удержав в своих руках Серпухов, И. Пашков выступил с главными силами (служилыми людьми из Тулы, Венева и проч.) под Коломну, где соединился с рязанскими повстанцами, которых возглавлял Прокопий Ляпунов.

Вскоре же повстанцы заняли Коломну. По одним источникам, восставшие взяли крепость силой, по другим — жители сами пустили их в город, чтобы избежать разорения.

Падение Коломны вызвало тревогу в Москве. Царь Василий поспешил собрать все наличные силы и отправил их под Коломну. В походе участвовали московские «большие» дворяне, придворные чины — стольники, стряпчие и жильцы, городовые дети боярские, еще оставшиеся в Москве, наконец, служители московских приказов от дьяков до подьячих. Войско возглавляли главные московские бояре и воеводы князь Ф. И. Мстиславский, брат царя князь Д. И. Шуйский, князь И. М. Воротынский, трое братьев Голицыных, двое бояр Нагих, окольничие В. П. Морозов, М. Б. Шеин, князь Д. В. Туренин-Оболенский, князь Г. В. Долгорукий, двое Головиных. Войско включало цвет московской знати. Но уездные дети боярские, составлявшие главную массу

дворянского ополчения, разъехались из столицы по городам. Оставшихся в Москве было так мало, что их не могли разрядить на пять полков, как то делали при любом выступлении главных воевод.

Расходная книга Разрядного приказа точно зафиксировала время выступления армии из Москвы. 23 октября 1606 г. Ф. И. Мстиславский и Д. И. Шуйский получили «в поход из московского Разряду на приказные расходы 100 рублей денег». Покинув столицу, главные воеводы соединились с отрядом М. В. Скопина: «...а сошлись со князем Михайлом Васильевичем Скопиным-Шуйским с товарищи по Коломенской дороге в Домодедовской волости».

Несколько дней спустя весть о выступлении армии достигла Ярославля. Рожнятовский записал в своем дневнике под 26 октября (5 ноября): «Пришла весть, что от Москвы отступило войско (повстанцев. — *Р.С.*) под Серпухов и к другим городам, за ним якобы пошел князь Мстиславский с князем Дмитрием Шуйским с войском». Как и в других случаях, информация Рожнятовского дает хронологические ориентиры, но не отличается точностью в подробностях. Ю. Мнишек получал вести от поляков, находившихся в Москве фактически под стражей. Поляки не знали, пойдут ли Мстиславский и Д. Шуйский на Серпухов или «другие города». Разрядные записи свидетельствуют, что Мстиславский пришел из Москвы в Домодедово, где его поджидал Скопин. Домодедово располагалось за рекой Пахрой в 30—35 верстах от столицы. Находясь в Домодедове, Скопин мог отразить нападение повстанцев как из Серпухова, так и со стороны Коломны.

Рожнятовский получил информацию о последовавшей битве из первых рук — от ярославских дворян, бежавших с поля боя. По его словам, столкновение произошло в 40 верстах (8 миль) от стен столицы. Примерно такие же данные сообщает «Новый летописец». «Воры», повествует автор летописца, стояли в селе Троицком «от Москвы за пятьдесят верст», там и произошло побоище.

Разрядные записи характеризуют битву в селе Троицком кратко и точно, выделяя при этом роль рязанских дворян: был «бой с воровскими людьми в селе Троицком с Ыстомою Пашковым да с рязанцы, и на том бою бояр и воевод побили». В войске Мстиславского служилые люди не проявляли желания умереть за царя Василия. Московскую знать, как всегда, сопровождали боевые холопы, число которых было весьма значительным. Но и среди холопов, и среди посадских людей, и среди посошных

мужиков, находившихся при полках в любом походе, было много приверженцев свергнутого самозванца.

Битва под Троицким 25 октября 1606 г. была крупнейшим из всех полевых сражений, выигранных повстанцами. Одной из причин их победы явилось то, что гражданская война расколола военную опору монархии. Поместное ополчение, переживавшее кризис, распалось. Дворяне помнили о поражении многотысячной рати Бориса Годунова у стен Кром. Ляпунов и прочие рязанские дворяне вновь, как и под Кромами, возглавляли мятежников. Но теперь им было легче добиться успеха. Недолгое правление Ажедмитрия упрочило популярность его имени в дворянской среде. Ко времени наступления на Москву среди населения росла уверенность, что «Дмитрий» в самом деле жив. В конце осени восставшие широко оповещали население, что «государь деи наш царь и великий князь Дмитрий Иванович всея Руси ныне в Коломне». Известия такого рода оказывали немалое влияние на служилых людей.

События гражданской войны повторялись буквально во всем. Казаки Корелы и мятежники буквально разогнали ополчение царя Бориса. Разрядные записи аналогичным образом описывают события под Троицким: царских ратников побили и разогнали. По словам «Нового летописца», в бою воры «разогнаша многих дворян и стольников поимаша». Со слов ярославских помещиков, только что вернувшихся с поля битвы, Рожнятовский записал в дневнике: «День 16 ноября... На этих днях возвратились бояре и люди Шуйского с проигранной битвы и сами признали, что на поле боя осталось до 7 тыс. убитых и до 9 тыс. ограбленных полностью и избитых кнутом распущено по домам... после чего войска (мятежников. — *Р.С.*) поспешно подошли к Москве». Ярославцы, сломя голову бежавшие из-под Троицкого, конечно же не располагали никакими данными о количестве убитых. Приведенная в дневнике цифра потерь была невероятно преувеличена. Требуют критического отношения и данные о пленных.

Можно ли объяснить роспуск пленных Пашковым чувством «общности» восставших с той частью армии Шуйского, которую «силой гнали на войну»? По-видимому, источник допускает более простую интерпретацию. В какой-то момент правительственные войска прекратили организованное сопротивление, и тогда повстанцы стали разгонять их плетью совершенно так же, как казаки Корелы разгоняли годуновскую рать в лагере под Кромами. Как и из лагеря под Кромами, царские дворяне бежали, побросав оружие и прочее имущество, что и было представлено ими как грабеж со стороны мятежников. Известие о наказании

плетьюми 9 тысяч пленных недостоверно. Подобная массовая экзекуция отняла бы много дней, а между тем повстанцам надо было спешить с занятием Москвы. Пашков старался не обременять свою армию пленными. Исключение было сделано лишь для стольников и знатных дворян. Их отослали в Путивль.

Различные источники по-разному определяли численность войска, подступившего к Москве. Один поздний летописец считал, что у Болотникова было 187 тысяч воинов. Буссов называл цифру в 100 тысяч бойцов. Но все эти данные невероятно преувеличены.

К числу самых ранних свидетельств принадлежит письмо поляка А. Стадницкого от 2 декабря 1606 г. Опытный военный А. Стадницкий находился в дни осады в Москве. По его словам, 1 декабря (накануне решающей битвы. — *Р.С.*) восставшие подняли к городу около 20 тысяч войска. Войско Болотникова постоянно пополнялось небольшими партиями повстанцев, прибывавших со всех сторон, так что точными данными об общей численности армии не располагали даже ее вожди. Если же говорить о примерных данных, то всего ближе к истине были, видимо, польские данные. Возможность войны между Речью Посполитой и Россией носила реальный характер, а потому польские власти использовали все каналы, чтобы получить достоверную информацию о военном положении России. К началу января 1607 г. в Орше были получены сведения о том, что царские воеводы под Москвой «северян многих побили болши 20 000...».

В авангарде войска Пашкова и Ляпунова шел отряд казаков. Передовые силы повстанческой армии укрепились в деревне Заборье неподалеку от Серпуховских ворот, тогда как главные силы стали лагерем в районе Котлов и далее к югу в Коломенском. К началу ноября в Котлы прибыло войско Болотникова. Военное положение Москвы стало критическим. Падения столицы можно было ждать со дня на день. Фактически царь Василий остался без армии. Дворянское ополчение распалось, помещики разъехались по своим уездам. В Москву вернулась лишь одна знать, постоянно жившая там.

Некоторые современники утверждали, что повстанцы имели реальную возможность овладеть городом. А. Стадницкий писал из осажденной Москвы: «Было мочно ворам Москва взяти, коли у них мудрой человек был (бы) один». Не знаю, отметил автор английского донесения 1607 г., в силу какого ослепления мятежники не замкнули кольцо блокады вокруг столицы. Упреки подобного рода едва ли основательны. Имея примерно 20 тысяч человек, Пашков и Болотников едва ли могли осуществить тесную блокаду такого огромного по территории города, как

Москва. Кроме того, надо иметь в виду, что ко времени осады Москва оказалась в кольце восставших городов.

Снабжение Москвы всегда зависело от своевременного подвоза хлеба из Рязани и других уездов. Год выдался неурожайный, и трудности с продовольствием стали ощущаться в столице уже на исходе лета. Восстание на Рязанщине, на тульской и северской окраинах усугубили дело. Как писал осведомленный современник, после похода под Елец и Кромь многие ратные люди пришли к царю на Москву, но «с Москвы разъехались по домам для великой скудости». После падения Коломны, Калуги, Можайска, Волоколамска подвоз хлеба в столицу резко сократился. Цены на хлеб на столичных рынках подскочили в 3—4 раза, дворянская кавалерия осталась без фуража.

Царь Василий не имел ни достаточного войска, ни казны, ни запасов хлеба, чтобы предотвратить голод в столице. Многим его положение казалось безнадежным. В беседах с друзьями А. Стадницкий говорил, что в дни осады «как воры под Москвою были... и как государь сидел на Москве с одними посадскими людьми, а служилых людей не было, и... было мочно ворот Москва взяти... потому что на Москве был хлеб и дорог и... государь не люб бояром и всей земли и меж бояр и земли рознь великая и... (у царя. — *Р. С.*) казны нет и людей служилых».

Исход борьбы за Москву зависел от позиции посадских людей, составлявших главную массу столичного населения. На первом этапе гражданской войны атаман Корела привел в Москву Гаврилу Пушкина с грамотами «Дмитрия», что послужило толчком к массовому восстанию посадских людей против Годуновых. Пашкову и Болотникову недоставало решительности, которой обладал Корела. Но и они засылали в столицу многих лазутчиков с листами от «царя Дмитрия». Однако на этот раз восстания не последовало. Причиной были не столько ошибки повстанцев, сколько обстоятельства объективного характера. Бояре-заговорщики свергли Ажедмитрия I, спровоцировав нападение народа на иноземные наемные войска. И после переворота в народе оставалось много сторонников «добротоу царя», веривших в его спасение. В мае — июле в Москве происходили крупные волнения. Провинция отстала от столицы. Когда Пашков и Болотников подошли к Москве, волнения в городе улеглись. Шуйский утвердился на троне.

Власти использовали всевозможные средства, чтобы отвратить москвичей от «смуты». В октябре вспомнили о видении Терентия, записанном в дни сентябрьской паники в столице. Благовещенский протопоп Терентий был одним из самых рьяных

приспешников Отрепьева. Поэтому власть имущие на первых порах весьма скептически отнеслись к его пророчествам. Однако позже царь Василий вспомнил о «Повести» Терентия и велел огласить ее перед всем народом: «В лето 7115 году октября в 16 день такова Повесть чтена в святой апостольской церкви Успения... пред всеми государевыми князи, и бояре, и дворяны, и гостями, и торговыми людьми...» «Повесть» Терентия явилась ярким образцом агитационной литературы периода гражданской войны. Протопоп пространно повествовал, как во сне явились ему богородица и Христос. Богородица просила помиловать людей (москвичей), Христос обличал их «окаянные и студные дела». Чтение «Повести» явилось лишь частью задуманного властями мероприятия. Пять дней по всей Москве звонили в колокола и не прекращались богослужения в церквях. Царь с патриархом и все люди «малии и велиции» ходили по церквям «с плачем и рыданием» и постились. Объявленный в городе пост должен был успокоить бедноту, более всего страдавшую от дороговизны хлеба.

Поддержка церкви имела для Шуйского исключительное значение. Патриарх Гермоген вел настойчивую агитацию, обличая мертвого расстригу, рассылал по городам грамоты, предавал анафеме мятежников. Духовенство старалось прославить «чудеса» у гроба нового святого, царевича Дмитрия, останки которого были перевезены в Москву. Большое впечатление на простонародье оказали торжественные похороны Бориса Годунова и членов его семьи, убитых по повелению самозванца. Тела были вырыты из ямы в ограде Варсонофьева монастыря и уложены в гробы. Бояре и монахи на руках пронесли по улицам столицы останки Годуновых. Царевна Ксения следовала за ними, причитая: «Ах, горе мне, одинокой сироте. Злодей, назвавшийся Дмитрием, обманщик, погубил моих родных, любимых отца, мать и брата, сам он в могиле, но и мертвый он терзает русское царство, суди его, боже!»

Князья Шуйские имели давние связи с московским посадом, что и помогло им вовлечь в заговор против Лжедмитрия I некоторых влиятельных посадских людей. Торговые люди Мыльниковы занимали среди них едва ли не первое место. Один из них первый выстрелил в Отрепьева. В дни осады Москвы царь Василий поручил голове Истоме Мыльникову и шести его сотоварищам «из Овощного ряду» нести ночной караул подле царской усыпальницы в Архангельском соборе. Столичные посадские люди участвовали как в убийстве Лжедмитрия I, так и в избрании на трон Василия Шуйского. Именно купцы, всякого рода московские сапожники и пирожники, как о них

презрительно отзывался К. Буссов, выкрикнули на Красной площади имя нового царя.

Умело используя все эти обстоятельства, царь Василий старался убедить посадских, что никому не удастся избежать наказания в случае успеха сторонников «Дмитрия». Находившийся в столице И. Масса писал, что некоторые из жителей Москвы верили, что «Дмитрий» жив, тем не менее по настоянию властей «москвиты во второй раз присягнули царю в том, что будут стоять за него и сражаться за своих жен и детей, ибо хорошо знали, что мятежники поклялись истребить в Москве все живое, так как (москвичи. — *Р. С.*) все повинны в убиении Дмитрия».

Пропагандистские меры Шуйского достигли цели. Поддержка Москвы, а также других крупнейших городов страны — Смоленска, Великого Новгорода, Твери, Нижнего Новгорода, Ярославля — помогла царю выстоять в борьбе с Болотниковым. Имеются данные о том, что функции посадской общины в период осады Москвы значительно расширились. Московский «мир» направил в лагерь Болотникова делегацию для переговоров, просил царя дать сражение повстанцам, когда «народу стала невоготу дороговизна припасов и проч.». Москвичи три дня лицезрели труп «Дмитрия», а потому версия о его повторном чудесном спасении вызвала у большинства сомнения. Посад направил в Коломенское представителей с просьбой устроить им очную ставку с «Дмитрием», чтобы они могли принести ему повинную. Болотников заверил их, что виделся с «законным государем» в Польше. Но его заверения, естественно, не могли удовлетворить москвичей. Справедливо ли, что делегация была составлена из отобранных царем лиц? Сомнения насчет подтасованности делегации к Болотникову понятны, но надо иметь в виду, что в критических условиях осады и голода массы не стали бы слушать тех, кто не пользовался авторитетом в народе. Очевидец событий И. Масса утверждал, что царь Василий учинил перепись всем (москвичам. — *Р. С.*) старше шестнадцати лет и не побоялся вооружить их. Таким путем власти получили в свое распоряжение не менее десятка тысяч бойцов. Вооруженные пищалями, саблями, рогатинами, топорами, горожане были расписаны по осадным местам. (Именно так города «садились в осаду».) «Когда повстанцы подступили к городу, — писал А. Стадницкий, — из лавок... выгоняли народ на стены». «По причине великого смущения и непостоянства народа в Москве» никто не мог предсказать исхода борьбы за столицу. Брожение в низах не прекращалось. В город постоянно проникали лазутчики с «прелестными» письмами от имени «Дмитрия». И все же торговые верхи — «лучшие

люди», руководившие посадской общиной, помогли Шуйскому выдержать осаду.

Посадские люди, ездившие для переговоров в Коломенское, оказали неоценимую услугу Шуйскому. Они использовали переговоры, чтобы посеять сомнения в лагере восставших. Когда Болотников пытался убедить их, что сам видел «Дмитрия» в Польше, посланцы посада заявляли: «Нет, это, должно быть, другой: Дмитрия мы убили». (Как видно, делегацию возглавляли те самые купцы Мыльниковы, которые участвовали в заговоре и убийстве Отрепьева.) Москвичи, ездившие в Коломенское, помогли властям установить контакты сначала с вождем рязанских дворян П. Ляпуновым, а позже с главным предводителем повстанческого войска И. Пашковым.

Мирные переговоры сторонников «Дмитрия» с представителями Москвы продолжались две недели. Наконец вожди восстания поняли, что им не открыть столичные ворота с помощью переговоров. 15 ноября 1606 г. повстанцы попытались штурмовать Замоскворечье. Бой начался успешно для повстанцев. Они ворвались внутрь укреплений, выстроенных Скопиным против Серпуховских ворот. Но в этот момент П. Ляпунов с рязанцами переметнулся на сторону врага, и восставшие отступили.

А. А. Зимин имел случай подчеркнуть, что П. Ляпунов привел в лагерь Шуйского 500 рязанских дворян. Источники не уточняют социальной принадлежности перебежчиков. Лишь один источник является исключением. Это обращение к властям одного из перебежчиков рязанского дворянина А. Борзецова. Упомянув о походе на Москву Пашкова и Ляпунова с рязанскими дворянами и детьми боярскими, Борзецов отметил, что в тот момент к царю Василию в Москву отъехало 40 дворян. Таким образом, на долю дворян приходилась едва одна десятая отряда Ляпунова. Документы позволяют установить, кем были остальные перебежчики. Прошло два месяца, и царь Василий объявил о награждении отряда Ляпунова за верную службу. Сам Ляпунов, его дворяне и сотники стрелецкие получили золотые монеты, заменявшие в русской армии боевые ордена, а 200 стрельцов из его отряда получили позолоченные серебряные монетки.

Измена рязанских дворян имела определенные социальные причины. На них весьма точно указал в свое время С. Ф. Платонов. «Месяц пребывания у стен столицы, — писал он, — показал дворянам-землевладельцам и рабовладельцам, что они находятся в политическом союзе со своими социальными врагами». Ко времени осады Москвы программа восставших все больше ста-

ла приобретать характерную социальную окраску. Повстанцы наводнили столицу прокламациями. По словам английского современника, они «писали письма к рабам в город, чтобы те взяли за оружие против своих господ и завладели их именем и добром». Аналогично излагал содержание «воровских» грамот патриарх. Но и патриарх, и английский современник принадлежали к состоятельным верхам общества, страшившимся разбушевавшейся народной стихии. Понятно, что они старались выставить требования повстанцев в самом неприглядном и злонамеренном виде. Можно ли верить, чтобы повстанцы адресовали именные грамоты «царя Дмитрия» одним холопам и шпыням? Скорее всего, грамоты были обращены ко всем московским чинам.

В свое время Отрепьев, домогавшийся трона, в своих грамотах взывал в первую очередь к московским верхам. Опыт осады Москвы убедил повстанцев, что верхи сговорились с боярским царем и помочь справедливому делу возвращения на трон «добротого царя» может лишь одна сила — низы, «чернь», холопы. Бояре, поддерживавшие узурпатора Шуйского и потворствовавшие «измене», подлежали смерти, их имущество — разделу.

Чтобы окончательно запугать благонамеренных жителей Москвы, патриарх утверждал, будто повстанцы намеревались раздать безымянным шпыням (так называли городскую голь) боярских жен, ввести босяков в думу, сделать воеводами в полках, поставить над приказами («Хотят им давати боярство, и воеводство, и окольниковство, и дьячество»).

Пока «сатанинскую» рать в Коломенском возглавляли «большие» воеводы наподобие вчерашнего боярского холопа Болотникова, патриарх имел все основания опасаться социального переворота.

Обращение к низам — «черни» — усилило внутренние раздоры в повстанческом лагере.

И. Пашков перешел на сторону царя Василия через две недели после П. Ляпунова. Объясняя его измену, новейший исследователь В. И. Корецкий высказал мысль о глубоких программных расхождениях между Пашковым и Болотниковым. В войске Пашкова (по мнению В. И. Корецкого) уже во время наступления на Москву взяли верх дворянские элементы; Пашков не казнил дворян, попавших к нему в плен, и намеревался создать правительство, которое бы действовало в «продворянском направлении». В войске Болотникова выходцы из низов не только составляли большинство, но и руководили движением, что выразилось, в частности, в беспощадном избиении дворян. В ходе

восстания Болотников выдвинул антикрепостническую программу. Под стенами Москвы Пашков требовал выдачи восставшим трех братьев бояр Шуйских, тогда как Болотников — выдачи «всей правящей верхушки», включая бояр и «лучших горожан» (богатых купцов), но такой расширенный проскрипционный список оказался неприемлемым для Пашкова, потому что таил опасность социального переворота.

Источники ставят под сомнение нарисованную выше картину. Отряды Пашкова и Болотникова были сходны по своему социальному составу. Их ядро сформировалось в Путивле и состояло из местных служилых людей и вольных казаков. По мере продвижения к Москве их войска пополнялись дворянами, посадскими людьми, стрельцами, крестьянами. В начале восстания в подчинении Пашкова находился отряд мелких служилых людей, преимущественно выходцев из казацкого сословия, получивших от правительства небольшие поместья. Сам Пашков также был мелким помещиком. Расправы в полосе наступления войска Пашкова мало чем отличались от расправ в полосе наступления Болотникова. В начале осады Москвы повстанцы требовали выдачи одних Шуйских, но затем они убедились, что верхи стоят за царя Василия, и стали призывать народ к расправе с ними. Пашков находился в лагере восставших до последнего дня осады и, очевидно, нес одинаковую с Болотниковым ответственность за все «воровские» грамоты, которые повстанцы адресовали москвичам.

Дворцовый переворот, покончивший с властью Лжедмитрия I и передавший трон Василию Шуйскому, сыграл исключительную роль в истории русской Смуты в связи с тем, что политический конфликт, порожденный переворотом, перерос в конфликт социальный и в него оказались втянуты народные низы. Социальная рознь отчетливо проявлялась уже в дни осады Москвы. Апелляция к низам вызвала глубокую тревогу у богатых дворян-помещиков, оказавшихся в стане восставших.

Измена Ляпунова явилась одним из показателей усиления социальной розни в повстанческом лагере. Однако надо иметь в виду, что после бегства из Коломенского сорока рязанских дворян там осталось много детей боярских и дворян из других уездов России. Измена Пашкова была вызвана как социальной рознью в лагере повстанцев, так и причинами сугубо личного характера — соперничеством двух самых выдающихся вождей движения. Столкновение началось по следующему поводу.

В селе Коломенском располагался дворец — загородная резиденция царя. Дворец должен был занять старший воевода. Но и Пашков и Болотников одинаково претендовали на пост главно-

командующего. Пашков первым пришел в Коломенское, и никто не мог помешать ему остановиться в царском дворце. После подхода Болотникова Пашков должен был подчиниться его требованию, признать его старшим воеводой и уступить занятое ранее «лучшее место». Пашков имел основания встать во главе всех повстанческих сил. Он первым поднял знамя восстания, он разгромил главных царских воевод и приступил к осаде Москвы. Болотников пытался самостоятельно пробиться к столице, но понес поражение под Калугой и явился в Коломенское с запозданием. Домогаясь первенства, Болотников ссылался не на свои победы, а на царскую грамоту: сам «царь Дмитрий» назначил его главнокомандующим, тогда как Пашков получил воеводство от путивльского воеводы Шаховского. Пашков ссылался на свои заслуги и, по-видимому, выражал сомнения насчет происхождения грамот, предъявленных Болотниковым. Царь Василий знал о распрях в Коломенском и постарался использовать их в своих целях. В конце концов его люди вручили народному вождю большую сумму денег. Золото развязало язык Пашкову. Он заверил агентов Шуйского, что до сих пор никто не видел живого «Дмитрия» в Путивле и даже там о нем знают не больше того, что было сообщено в первые дни восстания Шаховским. Пашков подтвердил, что не знает, жив ли «Дмитрий» или поляки по проискам Шаховского выдвинули нового самозванца.

Поначалу ситуация благоприятствовала повстанцам. Против Шуйского восстали почти все города Подмосковья — Серпухов и Коломна, Калуга, Можайск, Вязьма Волоколамск, а также тверские волости. Но восставшие упустили время, и правительство смогло воспользоваться их бездеятельностью. Из Твери местный архиепископ сообщил, что верные царю служилые люди рассеяли скопление мятежников и очистили дорогу на Москву. В Иосифо-Волоколамском монастыре старец Дионисий (в миру боярин Голицын) заманил предводителей казацких отрядов в гости, напоил их и велел перебить. Вслед за тем воевода Иван Крюк Кольчев занял Волоколамск. В Смоленске рядовой сын боярский Г. Полтев собрал рать и очистил от повстанцев Вязьму. Соединившись со смоленской ратью под Можайском, Кольчев принудил к сдаче казаков, оборонявших этот город. Царь тотчас прислал своему воеводе приказ вернуться в столицу к 29 ноября. В Москве назревали решительные события.

Не ожидая подхода пополнений из Смоленска, царские воеводы начали энергичные военные действия против казачьих отрядов, стоявших укрепленным лагерем в Заборье у Серпухов-

ских ворот. Бояре Дмитрий и Иван Шуйские окружили лагерь и два дня бомбардировали его. Попытки взять табор штурмом не увенчались успехом. Царские полки несли потери. На третий день, 2 декабря, произошло генеральное сражение. Оставив часть сил под Заборьем, воевода Скопин выступил к Коломенскому, где соединился со смоленской ратью. Болотников выступил навстречу Скопину, вызвав на помощь Пашкова.

Не дожидаясь начала сражения, Пашков перешел на сторону неприятеля. По-видимому, подавляющая часть его войска не была посвящена в планы своего командира и не приняла участия в мятеже. Русские очевидцы и иностранные авторы твердо знали, что с Пашковым перешло в царский лагерь не более 400—500 человек. И. Пашков много лет служил в Епифани, где получили поместья и чин детей боярских 300 казаков. Они и составили ядро войска Пашкова. Мелкие епифанские помещики сделали своего сотника (командира сотни бойцов) главнокомандующим в начале восстания, а затем последовали за ним в лагерь Шуйского.

С военной точки зрения их измена не имела большого значения. Но она внесла замешательство в ряды восставших. По словам современников, воеводы взяли в плен более 20 тысяч повстанцев, убитых же было 1000 человек с небольшим. Сами по себе эти цифры кажутся слишком преувеличенными в их абсолютном значении. Но из их соотношения следует, что до серьезного сражения дело не дошло. Участник восстания К. Буссов подчеркивал, что Болотников поспешно отступил, не задерживаясь в Коломенском, «оставив на разграбление врагу весь свой лагерь со всем, что в нем было».

Скопин мог преследовать Болотникова и разгромить его отступавшее, расстроенное войско, если бы у него в тылу не было казацкого табора. Заняв Коломенское, воеводы поспешили вернуться к Заборью и возобновили штурм. Казаки отразили несколько приступов, но силы были неравные. В конце концов казачье войско разделилось. Одни вступили в переговоры с воеводами и, узнав об измене Пашкова, решили последовать его примеру. Они «государю добили челом и крест целовали (принесли присягу.— *Р. С.*), что (будут) ему государю (Василию Шуйскому.— *Р. С.*) служить». Половина казаков отказалась сложить оружие. Они пытались вырваться из окружения, но воеводы были наготове, и множество повстанцев попало в плен.

Благодаря сопротивлению заборских казаков Болотников сумел вывести из-под удара ядро своей армии. Как отметили очевидцы, отступив из-под Москвы, он заперся в Калуге, куда

вместе с ним пришло «всяких людей огненного бою (с ружьями.— Р. С.) больши десяти тысяч».

Осада Москвы воочию показала, что привилегированные верхи и низы общества по-разному воспринимали идею «добротого царя». В низах жила легенда о том, что «Дмитрий» находится среди восставшего народа. Следуя народной молве, повстанцы письменно уведомяли единомышленников, что «Дмитрий» уже в России. Двое монахов-лазутчиков, посланные из Москвы в окрестности Коломны, повстречали мятежников, и те поклялись, что сами видели «Дмитрия». Царь Василий велел посадить на кол пленного «вора», и тот, умирая, твердил, что «Дмитрий» жив и находится в Путивле. Не имея возможности опровергнуть факт гибели Лжедмитрия, восставшие толковали, что в Москве убит прямой расстрига Гришка, а «истинный царевич» находится с ними.

Для дворян царская власть была источником всяких благ. По традиции только государь мог жаловать поместья и чины. Ни один дворянин не мог вступить во владение помещьем без ввозной грамоты, адресованной непосредственно от царя к крестьянам, названным поименно. Болотников мог обещать дворянам милости «Дмитрия», но дворян не удовлетворяли обещания. Царь Василий давал надбавки к поместному окладу и жаловал деньги как дворянам, так и рядовым детям боярским за каждую рану, за доставку «языков», «за убитого мужика» и проч. Покидая «воровской» лагерь, дворяне имели возможность немедленно получить от Шуйского пожалования.

Глава 40

«ЦАРЕВИЧ» ПЕТР

После неудачных переговоров с московским посадом вожди повстанцев осознали, что отсутствие «Дмитрия» мешает как вступлению восставших в Москву, так и полному успеху движения. Болотников тщетно писал Шаховскому в Путивль и просил, чтобы «Дмитрий» отложил заботу о сборе войск и прибыл бы под Москву как можно быстрее. Самозванческая интрига в Самборе окончательно заглохла.

Столкнувшись с серьезным кризисом, руководители движения в Путивле приняли решение, отвечавшее повсеместным ожиданиям народа. Г. Шаховской пригласил в Путивль самозваного «царевича» Петра Федоровича, появившегося в России еще при жизни Отрепьева.

Выдвинутый казаками самозванец Илюшка Коровин писал грамоты мнимому дяде Лжедмитрию в Москву и требовал уступить ему трон. В критической для себя ситуации Отрепьев намеревался использовать движение казаков против политических противников. Но факт остается фактом. Возглавив восставших казаков, Петр громил поволжские крепости, в которых сидели воеводы Лжедмитрия, и вел форменную войну против него. Все это помогает объяснить, почему Петр, укрывшись на Дону после переворота 17 мая, решительно отказывался присоединиться к отрядам донских казаков, которые один за другим отправлялись с Дона в Путивль на помощь сторонникам «Дмитрия». Некоторое время Петр с казаками держался в Монастырском городке под Азовом, а затем он на стругах прошел на Северский Донец. Тут, по словам Петра, к казакам прибыл гонец с грамотой «от князя Григорья Шаховского да ото путивльцов (жителей Путивля. — Р. С.) ото всех». Как видно, посад в Путивле играл еще большую роль в повстанческом движении, чем московский посад в царском лагере. Жители Путивля настойчиво просили Петра идти «наспех в Путивль,

а царь Дмитрий жив, идет со многими людьми в Путивль». На пути в Северскую Украину казаки заняли Царев-Борисов и казнили там воеводу боярина М. Г. Сабурова. Волжские и терские казаки, входившие в отряд Петра, не забыли о том, сколько крови они пролили у стен Астрахани, которую мужественно оборонял от сторонников Отрепьева Сабуров. Молодой казак Илейка (будущий Петр) пробрался в крепость и пробыл там четыре недели (скорее всего, как лазутчик), после чего вернулся к повстанцам. Показания Петра, данные им царскому суду в 1607 г., позволяют составить точное представление о силах, стоявших за его спиной. Перед принятием царского имени Илейка служил «чуром» (молодым товарищем) у Б. Семенова, беглого холопа боярина князя В. Черкасского. (В Путивле казаки одним из первых казнили этого боярина.) В интриге участвовали атаман терских казаков Ф. Бодырин, казак Василий (холоп Н. Трубецкого), Тимоха да Осипко и другие. Как и Илейка, эти казаки участвовали в повстанческом движении 1605 г., итоги которого их не могли удовлетворить. «Добрый царь Дмитрий» добился с помощью повстанцев трона, но он не оправдал их надежд. Вину за происшедшее казаки всецело возлагали на бояр. «И стало де на Терке меж козаков, — показал Петр, — такие слова: «Государь де нас хотел пожаловати, да лихи де бояре, переводят де жалованье бояре, да не дадут жалованья». Казаки, посадившие Лжедмитрия на трон и некоторое время несшие караулы в Кремле, очень точно обрисовали положение. Именно бояре настояли на роспуске повстанческих отрядов и удалении их из Москвы. Оказавшись в Путивле, казаки получили возможность претворить в жизнь свою программу беспощадной войны против лихих бояр.

Разгромив Болотникова под Москвой, царь Василий отправил грамоты к восставшим с призывом сложить оружие. На основании царских грамот можно точно очертить территорию, служившую центром восстания. С двумя первыми письмами на юг выехали крестьяне из Комарицкой волости Ромашка Шемяков и казак из Новгорода-Северского Богдашка Топин. Шемяков покинул Москву 30 декабря 1606 г. Ему предстояло посетить две крупнейшие дворцовые волости — Комарицкую и Самовскую, с тем чтобы убедить мятежных крестьян принести царю повинную. Ромашка был снабжен письмами также к жителям Кром и Трубчевска. Казак Топин повез грамоты в города Брянск, Почеп, Стародуб и Новгород-Северский. Вероятно, казаку не удалось выполнить поручение, тогда как комарицкий мужик Ромашка Дмитриев Шемяков оказался удачливее. Три недели спустя Ромашка вернулся в Москву, и ему поручили везти

грамоты в города Брянск, Почеп, Стародуб, Новгород-Северский, а также в Рыльск и Путивль, «чтоб тех городов изменники государю добили челом и вины свои принесли». Северские города были по большей части небольшими городами с ограниченными людскими ресурсами. Сельское население было несравненно более многочисленным по сравнению с городским: в целом по стране в городах проживало не более 2—3 процентов всего населения. В самые первые месяцы гражданской войны в России в 1604 г. правительственные войска подвергли дикому погрому Комарицкую волость, потушив очаги крестьянских восстаний на юге страны. В 1606 г. повстанческое движение в Северной земле и на Брянщине приобрело более мощный размах. Городские восстания были поддержаны тут восстанием крупных крестьянских волостей. Образование крупнейших очагов крестьянской войны на юго-западе, а также в пределах Рязанской земли оказало значительное влияние на ход событий. Северские города истратили свои ресурсы, и если «царевичу» Петру удалось сформировать еще одну повстанческую армию, то это значит, что он располагал помощью не только вольных казаков с Дона, но и всего населения Северной земли.

С прибытием в Путивль казачьего отряда «царевича» Петра этот город во второй раз за свою историю превратился в «царскую» резиденцию. На этот раз лицо «воровского» лагеря претерпело разительные перемены. Отрепьев не жалел усилий, чтобы привлечь на свою сторону дворянские верхи. Он успел получить некоторый лоск в латинских школах в Польше, к тому же обладал даром редкого лицедея и умел произвести впечатление на пленных дворян, являясь перед ними в окружении польских советников. Петру было значительно труднее добиться признания от знати. Последняя воспринимала неловкую игру мужицкого «царевича» как грубый маскарад. Некоторые из пленников узнали в «придворных» «царевича» своих беглых холопов.

Водворение Петра в Путивле сопровождалось своего рода переворотом. «Царевич» явился в сопровождении казаков, с полным основанием считавших его своим ставленником и не желавших отказываться от власти. Старому путивльскому руководству пришлось основательно потесниться. Князю Г. Шаховскому не удалось предотвратить массовые расправы над своей же братией — пленными дворянами.

В период наступления повстанцев на Москву народные расправы с воеводами и дворянами носили, по-видимому, единичный характер. Гражданская война постепенно привела в движение механизмы террора, причем имеются прямые указания на

то, что первыми массовые насилия применили не повстанцы, а царская власть. И. Пашков, разгромив Мстиславского у села Троицкого, распустил большую часть пленных по домам, ограничившись малым наказанием. Когда же Скопин нанес поражение повстанцам под Коломенским, пленные подверглись подлинному избиению. Тысячи «воров» были заключены в тюрьмы в Москве, Новгороде, Пскове и других городах. Власти недаром старались убедить страну, будто Москву осаждали одни казаки и боярские холопы. (Казаки, согласно официальным заявлениям, были те же беглые холопы.) По феодальным меркам, раб, поднявший руку на господина, заслуживал лишь одного наказания — смерти. Таким образом, крепостническое государство устроило повстанцам кровавую баню, оставаясь на почве феодальной «законности». Побоище в Москве отозвалось взрывом насилия в Путивле. Путивльское кровопролитие современники прямо связывали с именем Петра.

Петр явился в Путивль не позднее начала декабря 1606 г., и вскоре же там стало известно о побоище под Москвой. Начало массовых расправ с дворянами точно зафиксировано Разрядами: «В Путивль привели казаки инова вора Петрушку... и тот вор Петрушка боярина князь Василья Кардануковича, и воевод, и дворян, и воевод которых приводили (из городов. — Р. С.)... всех побили до смерти разными казнями, иных металы з башен, и сажал по колюю, и по суставам резал». По свидетельству осведомленного автора «Казанского сказания», «царек» казнил бояр и воевод «богатых и доброродных» на путивльской площади «числом на день по 70 человек». В сходных выражениях казни дворян в Путивле описывали «Новый» и «Пискаревский» летописцы, карамзинский «Хронограф» и проч. Когда Болотников начинал поход из Путивля, он и не подумал казнить находившихся там в тюрьме старых путивльских воевод князя А. И. Ростовского с товарищами. К декабрю тюрьмы Путивля были переполнены. Множество арестованных народом воевод и дворян из разных городов ждали решения своей участи. Два года ранее Отрепьев в аналогичной ситуации составил себе из пленных дворян путивльскую Боярскую думу. Казацкий «царек» Петр велел казнить сидевших в тюрьме старых путивльских воевод. Разряды объясняют причину их казни кратко и точно: «...побили за то, что вору (Петрушке) креста не целовали».

То же самое было причиной раздора «царевича» с местным путивльским духовенством. В начале гражданской войны Лжедмитрия I энергично поддержали не только посадские люди, но и монахи путивльского Богородицкого Молчинского монастыря.

Заняв трон, Отрепьев отблагодарил монахов, пожаловав монастырю два сельца вместе с рыбными угодьями. После переворота 17 мая игумен Дионисий ездил в Москву и добился от царя Василия подтверждения вотчинных пожалований расстриги. Милость Шуйского была связана с расчетами политического характера. Царь надеялся с помощью монастырских властей добиться повиновения путивлян. Дионисий явился в Путивль с чудотворной иконой и пытался отворотить жителей от мятежа. Подобно пленным путивльским дворянам, игумен решительно отказался признать «царевича» Петра и принялся обличать его как самозванца. Столкновение имело трагический исход. Как писали в своей челобитной грамоте старцы Молчинского монастыря, «приехал с Москвы в Путивль с чудотворным образом от царя Василья игумен Деонисей и, видя в мире смуту и прелесть, вора Петрушку, не боясь смерти, обличал. И вор Петрушка велел тово игумена за то убить з башни до смерти. И на тое монастырскую вотчину царя Василья жалованные грамоты, взяв у него, изодрал. ...И как вор Петрушка был в Путивле и игумена Деонисья скинул з башни и убил до смерти...»

В числе казненных в Путивле лиц были боярин князь В. К. Черкасский (его беглый холоп числился среди казаков, провозгласивших Илейку Коровина «царевичем» Петром), князь Г. С. Коркодинов, Н. В. Измайлов, И. Г. Ловчиков, П. Д. Юшков, возможно, А. Плещеев, двое Бутурлиных, Воейковы, И. Пушкин, Ф. Бартенев и другие. Родственники казненных еще много лет вспоминали о страшных путивльских казнях.

Вольные казаки выдвинули лозунг беспощадной борьбы с лихими боярами. Практическое осуществление этого лозунга вылилось в истребительную войну против дворян.

Сколько бы бояр ни казнил казацкий «царевич», уверить окружающих в своей истинности оказалось делом трудным, почти невозможным. В архивах сохранилось донесение польского посла Н. Олесницкого из Москвы о русских повстанцах и их руководстве 1607 г. По данным Олесницкого, при царе В. Шуйском находится много дворян из Северской земли, из чего следует, что не они руководят движением; «царевич» Петр находится среди повстанцев, но он «столь большого войска собрать бы не мог, поскольку все его считают самозванцем». Донесение посла косвенно указывает на то, что среди «всех путивлян», пригласивших Петра, было совсем немного северских дворян и детей боярских. Слова Н. Олесницкого ярко иллюстрируют затруднения, с которыми столкнулся Петр. Слишком многие считали его явным самозванцем. Приглашение Петра, таким образом, не устранило необходимости в «Дмитрии».

ЗАКОНЫ ШУЙСКОГО

охранив ядро своей армии, Болотников продолжил войну с боярским царем. Он укрепил обветшавшие укрепления Калуги и приготовился отразить натиск царских ратей. Вскоре же под стены Калуги явился сначала боярин Иван Шуйский, а затем глава Боярской думы, первый воевода Федор Мстиславский и Михаил Скопин-Шуйский. Стены Калуги были деревянными, и воеводы решили их сжечь. С этой целью к городу свезли гору дров, заготовленных в окрестных лесах. Бояре не успели осуществить свой замысел. Повстанцы сделали подкоп и взорвали гору из дров, после чего произвели успешную вылазку из крепости.

Тем временем «царевич» Петр с войском перенес ставку из Путивля в Тулу. В феврале 1607 г. воевода «царевича» князь В. Ф. Масальский пытался пробиться в Калугу с отрядом казаков и обозом, но был наголову разгромлен. В мае на помощь к Болотникову выступил другой боярин «царевича» князь А. А. Телятевский. (Некогда Болотников служил у него холопом.) Телятевский разбил отряд Б. П. Татеева, пытавшегося задержать его продвижение. В осадном лагере под Калугой вспыхнула паника. Болотников довершил дело, предприняв вылазку из крепости. Армия Шуйского бежала из-под Калуги, бросив почти всю артиллерию.

Между тем царь Василий предпринимал отчаянные усилия, чтобы упрочить свою власть и покончить с брожением низов в столице. Лазутчики, пытавшиеся распространять в столице «прелестные» письма от имени «Дмитрия», подвергались жестоким наказаниям. В январе 1607 г. последовала публичная казнь священника, схваченного с подметными грамотами.

Гражданская война не кончилась. Подати поступали в казну нерегулярно даже из тех уездов, которые оставались в подчинении царской администрации. Поэтому правительству пришлось прибегнуть к распродаже казенных имуществ и принуди-

тельным займам. В марте 1607 г., отметил И. Масса, царь «повелел распродать из казны старое имущество, как то платья и другие вещи, чтобы получить деньги, а также занял деньги у монастырей и московских купцов, чтобы уплатить жалованье несшим службу».

У дворян, оставшихся в повстанческом лагере, власти отписывали земли. Суровые меры применялись в отношении нетчиков, уклонявшихся от царской службы. Местные власти получили распоряжение отправлять в тюрьму их холопов и крестьян.

По мере того как восстание Болотникова приобретало все более глубокий социальный характер, усиливался процесс консолидации дворянства. И все же кризис феодального сословия, служивший одной из главных причин гражданской войны, не был преодолен. Путем экстренных мер Шуйский восстановил распавшееся дворянское ополчение, что помогло ему довести до конца борьбу с Болотниковым.

Особого внимания заслуживает политика Шуйского в отношении низов. Один из первых законов Шуйского был посвящен холопам. Закон был принят 7 марта 1607 г. как именной царский указ. Указ содержал важные уступки боевым холопам. Военные послужильцы-холопы были единственной прослойкой феодально зависимого населения, обладавшей оружием и боевым опытом. В обстановке гражданской войны противоречия между дворянами и воинами невольного состояния стали одним из главных факторов развала поместного ополчения. «Великое разорение» конца XVI в. и трехлетний голод начала XVII в. привели к деклассированию многих мелких землевладельцев. Используя их бедствия, писал А. Палицын, вельможи превращали обнищавших дворян в своих холопов. В годы голода царь Борис распустил слуг опальных бояр. К ним присоединились боевые послужильцы тех землевладельцев, которые не желали или не могли прокормить их и сгоняли со двора. Дворянский публицист увидел в этом едва ли не главную причину последующей Смуты: беглые боевые холопы уклонились «ко греху», «более двадцати тысяч сицевых воров обретется... во осаде в сидении в Колуге и в Туле». Поместное ополчение включало до 20—30 тысяч боевых холопов. Если верить Палицыну, все они (хотя и не все разом) оказались в лагере Болотникова. Как видно, дворянский писатель не избежал преувеличения. Но основную тенденцию он подметил точно: беглые боярские люди — боевые холопы явились одним из важных элементов в «воровских» казачьих и прочих повстанческих отрядах. Из этой группы населения вышли такие деятели Смуты, как Хлопко, Отрепьев, Иван Болотников, «царевич» Петр — Илейка. Некоторые из них по происхожде-

нию были детьми боярскими. По-видимому, этой группе Василий Шуйский и адресовал свой именной указ. Сколько бы ни служили вольные люди — «добровольные холопы» у бояр, детей боярских и прочих служилых людей, «полгода, или год, или больше, а кабал дати не хотят, — гласил новый закон, — ино тех добровольных холопей в неволю давати не велеть». Указ сохранял привычную терминологию: любого послужильца по старинке именовали холопом. Но теперь послужильцам (и прежде всего боевым холопам) из вольных людей не грозило насильственное закабаление. Правительство возродило институт вольных послужильцев, убедившись в ненадежности насильно закабаленных боевых слуг.

Ввиду важности крестьянского вопроса власти поручили выработку нового уложения о крестьянах руководству Поместного приказа. В присутствии царя и высшего духовенства Боярская дума заслушала доклад приказных и 9 марта 1607 г. утвердила приговор. Учитывая популярность царя Ивана IV в народе, судьи Поместного приказа подчеркивали, что при нем крестьянские переходы не вели к «великим крамолам», ябедам и насилиям «немочным от сильных», потому что «крестьяне выход имели вольный». При царе Федоре Шуйские заседали в думе как старшие бояре. В угоду им дьяки отметили, что «царь Федор Иванович, по наговору Бориса Годунова, не слушая советов старейших бояр, выход крестьяном заказал... и после того началась многие вражды, крамолы и тяжи». Шуйские не старались представлять себя противниками законов, уничтоживших Юрьев день. Смысл преамбулы уложения заключался совсем в другом: Шуйские желали снять с себя ответственность за те распри, разброд и шатания, которые возникли в феодальном сословии накануне Смуты. Борис Годунов, столкнувшийся с кризисом в годы голода, частично возродил крестьянский выход, что вызвало крайнее негодование мелкого дворянства. Василий Шуйский не желал повторять ошибки Годунова, и его законы исключали самую возможность восстановления Юрьева дня. Поместный приказ не мог справиться с решением бесчисленных споров помещиков из-за крестьян, множившихся из года в год. Его руководители предложили фактически аннулировать распоряжения о крестьянах Б. Годунова и Ажедмитрия, а вместе с ними аннулировать весь клубок нерешенных тяжб. По новому закону срок сыска беглых крестьян был продлен с пяти до пятнадцати лет. Эта мера отвечала требованиям крепостнического дворянства.

В стране царил хаос, вызванный гражданской войной. Повстанцы контролировали добрую треть уездов. Закон о крестья-

нах был скорее программным заявлением, чем практическим руководством. Осуществить сыск беглых в южных уездах, охваченных восстанием, было попросту невозможно. Уложение 1607 г. тем не менее способствовало сплочению дворянства, преодолению разброда в его среде. Жестокое подавление очагов крестьянской войны и возрождение крепостнических порядков по всей территории государства — этим целям подчинена была как практическая деятельность Шуйского, так и его законодательство.

ЛЖЕДМИТРИЙ II

есной 1607 г. в пределах Речи Посполитой появился неизвестный, принявший на себя имя «царя Дмитрия». Если Лжедмитрий I царствовал на Москве одиннадцать месяцев, то его преемник Лжедмитрий II осаждал Москву двадцать один месяц. Лагерь Лжедмитрия II располагался в селе Тушине в окрестностях Москвы, поэтому в историю новый самозванец вошел под именем «Тушинского вора».

Русский историк Н. М. Карамзин считал, что Лжедмитрий II был ставленником польско-литовской шляхты и в борьбе с Шуйским опирался главным образом на польские отряды. Его оценку разделял другой знаменитый историк — В. О. Ключевский. Новейший исследователь И. И. Смирнов называл Лжедмитрия II авантюристом, выдвинутым враждебными России панскими (шляхетскими) кругами Польши. А. А. Зимин писал, что Лжедмитрий II «был просто марионеткой в руках польских авантюристов».

Новые данные ставят под сомнение эту традиционную оценку. Весной 1607 г. Речь Посполитая стояла на пороге гражданской войны, и в таких условиях как сторонники короля, так и его противники, готовившие мятеж против королевской власти, считали нежелательным вмешиваться в русские дела, поскольку это могло привести к войне с восточным соседом. Самозванческая интрига в Самборе заглохла, не получив поддержки со стороны короля, магнатов и шляхты. Инициатива новой интриги исходила, по-видимому, не от польских шляхетских кругов, а из русского повстанческого лагеря. Восставший против Шуйского народ с нетерпением ждал исхода из Польши «добраго царя». Болотников и другие вожди считали, что возвращение «Дмитрия» принесет им немедленную победу, потому что он приведет сильные подкрепления в виде наемного войска, а кроме того, его появление воодушевит его сторонников и покончит

с сомнениями москвичей, не веривших в его спасение. Москвичи уверяли повстанцев, что сами откроют ворота крепости, едва предстанут пред очами «законного государя». Болотников многократно посылал гонцов в Путивль, прося вызвать «царя» из Самбора. Под конец он направил «Дмитрию» письмо, прося его не тратить более времени на сборы войска в Польше, а лично поспешить к Москве, «так как дело только в том, чтобы (москвичи) увидели его особу воочию». Отступление от Москвы посеяло сомнения и разброд в повстанческом лагере. Победа была упущена из-за странной медлительности «Дмитрия».

Поражение под Москвой оказало влияние на внешнеполитическую ориентацию повстанцев. Вожди движения стали осознавать, что не смогут противостоять многочисленным царским ратям, если не получат иностранной военной помощи в крупных масштабах. Не позднее декабря 1606 г. «царевич» Петр покинул Путивль и отправился за границу. Будучи в Восточной Белоруссии, он получил от местных властей предложение немедленно отправиться ко двору короля Сигизмунда III в Краков. Поскольку никакой надежды на получение военной помощи от Польши не было, «царевич» отклонил предложение королевских чиновников. Дальнейшие внешнеполитические шаги руководителей восстания были подчинены двум основным целям. Первая заключалась в том, чтобы осуществить набор за рубежом наемных отрядов. Вторая цель носила сугубо секретный характер и сводилась к тому, чтобы заполучить из Польши «Дмитрия».

Почему «царевич» Петр, искавший (по его собственным словам) «царя Дмитрия», отправился не на Украину в Самбор, а в район Орши и Могилева в Восточной Белоруссии? История Лжедмитрия I вполне объясняет этот парадокс. В самые трудные дни, когда при особе Отрепьева в Путивле оставалась горстка поляков, на помощь к нему из Восточной Белоруссии прибыло до 500 белорусских шляхтичей. Марш на Москву был для них легкой прогулкой. Водворившись в Кремле, Отрепьев щедро наградил их и отпустил домой. Петр ездил в Белоруссию, по-видимому, для того, чтобы повторно вызвать в Путивль местных шляхтичей, ветеранов московского похода. Домогательства русских повстанцев вызвали тревогу в Кракове. Уже в марте 1607 г. король обсуждал с литовским канцлером вопрос о запрещении набора и переброски в Россию наемных воинских отрядов. 18 июня 1607 г. Сигизмунд III предписал белорусским властям решительно пресекать действия местных «обывателей» — своевольных людей, которые собирают немалые отряды и вторгаются в пределы Московской земли.

Конрад Буссов, будучи в лагере Болотникова, узнал многое такое, о чем другие современники не слыхивали. Ему стало известно, что Болотников, попав в трудное положение, послал письмо в Самбор, предлагая, чтобы кто-нибудь из близких Юрия Мнишка выдал себя за «Дмитрия» и поспешил в Россию, чтобы вызволить своих сторонников из беды. Попытки Болотникова гальванизировать самозванческую интригу с помощью владельцев Самбора не принесли успеха. Находясь в Путивле, «царевич» Петр имел лучшую, чем Болотников, информацию о положении дел в Польше. Поэтому он не ездил в Самбор, а предпочел искать «Дмитрия» в совсем неподходящем месте — пограничных белорусских замках. Можно указать на одно многозначительное совпадение. В конце 1606 г. А. Сапега уведомил короля, что в район Орши и Могилева прибыл «царевич» Петр, занятый поисками «царя Дмитрия», а сопровождают Петра пан Зенович и пан Сенкевич. Прошло некоторое время, и с ведома и по приказу того же самого пана — «его милости Зеновича, старосты чечерского» — слуги проводили за московский рубеж искомого «царя Дмитрия». Отмеченное совпадение едва ли носило случайный характер. Если Болотников обращался в Самбор с просьбой выставить нового самозванца, то что мешало «царевичу» Петру адресовать аналогичную просьбу ветеранам Лжедмитрия I из Восточной Белоруссии?

К. Буссов знал польских сподвижников Лжедмитрия II, наблюдавших за первыми шагами самозванца. Из надежных источников Буссов узнал, что «Дмитрий» до принятия царского имени был слугой попа и школьным учителем из Шклова в Белоруссии. Самое подробное расследование о самозванце провел белорусский священник из села Баркулабова, располагавшегося неподалеку от Могилева, Чечерска и Пропойска. Священник хорошо знал тот круг местного духовенства, с которым были тесно связаны первые шаги самозванца. В пространной летописи, составленной белорусским священником, сказано, что «Дмитрий» был учителем в Шклове, потом переехал в Могилев, где учительствовал и одновременно был в прислугах в доме местного попа. Белорусский очевидец как бы повторил версию Буссова. Подобное совпадение двух источников различного происхождения очень важно для выяснения истины. Будучи священником, белорусский летописец, по-видимому, знал местных попов, приютивших бродячего учителя из Шклова. У Федора Сасиновича Никольского в доме этот человек учил детей, а у попа Терешка из Никольской церкви в Могилеве он делал всякого рода домашние работы, подрабатывая на жизнь. Судя по убогой одежде, учитель был крайне беден. Он носил «плохой кожан»

(тулупчик) и баранью шапку. Ничего другого у него не было, и летом он ходил в той же одежде, что и зимой.

В убогом учителе узнали «царя», когда тот был в Могилеве. Честь столь необычного открытия принадлежала, по-видимому, ветеранам московского похода Отрепьева. Один из них, мелкий шляхтич Меховецкий, заметил человека, «телосложением похожего на покойника» (Отрепьева). Произошло это в то самое время, когда учитель дошел до крайней нужды, лишившись куска хлеба. Бродяга питал слабость к прекрасному полу, и за неблаговидное поведение могилевский священник высек его розгами и выгнал из своего дома. Об этом грустном обстоятельстве упоминают польские иезуиты, проводившие собственное расследование о самозванце из Белоруссии. Невзирая на нужду, учитель не сразу поддался на уговоры Меховецкого и его друзей. Угодливость и трусость боролись в его душе. Кровавая расправа с Отрепьевым пугала его, и он бежал из Могилева «в тот час», когда в нем узнали «царя». Сделав остановку «на селе Онисковича Сидоровича», беглец перебрался оттуда в Пропойск, где его поймали и бросили в тюрьму. В тюрьме учитель был поставлен перед выбором: либо заживо сгнить в заточении, либо податься в «московские цари». В конце концов бродяга сделал выбор в пользу короны.

В новой самозванческой интриге не участвовали ни магнаты, ни высокопоставленные королевские чиновники. Однако инициаторам дела Меховецкому, Зерстиновскому и другим удалось заручиться поддержкой местных властей в совсем небольших городках Пропойске и Чечерске. Этими властями были урядник пан Рагоза и староста пан Зенович. У самозванца поневоле не было влиятельных покровителей, которые бы позаботились о том, чтобы обрядить его в «царские» одежды, снабдить деньгами и собрать для него войско. Опасаясь навлечь на себя гнев короля, пан Зенович поспешил выпроводить наспех собранного «царя» в пределы России. До ближайшего от границы русского пункта, Поповой горы, учителя провожали слуги урядника Рагозы и двое попутчиков — торговец из Пропойска Григорий Кашинец (Грицко или Гришка) и москвит Алешка Рукин.

Инициаторы интриги не были уверены в успехе дела. Поначалу они подучили шкловского бродягу назваться Андреем Нагим, родственником царевича Дмитрия. В своих манифестах Лжедмитрий II сам упомянул об этом факте. Описав свой исход в Россию, он указал, что пришел из Литовской земли в славный город Стародуб «во 12 недель и не хотел я себя вскоре объявить и назвал себя Андреем Нагим». Итак, литовские скитания учителя (в качестве претендента на царский трон) продолжались

три месяца. По словам очевидцев, самозванец перешел границу «месяца мая, после седьмой субботы». Седьмая суббота после пасхи приходилась в 1607 г. на 23 мая. Таким образом, трехмесячные скитания претендента начались, по его собственным словам, в конце февраля. «Царевич» Петр ездил в Восточную Белоруссию и вел переговоры с паном Зеновичем в конце декабря 1606 г., а через два месяца Зенович приступил к подготовке «царя Дмитрия», столь упорно разыскиваемого повстанцами. В Белоруссии Зенович, Меховецкий и другие шляхтичи не сразу добились повиновения от шкловского учителя. Почему же они отпустили его в Россию одного, без стражи, рискуя упустить дело из-под контроля? Естественно предположить, что «исход» «царя» явился следствием предварительного сговора белорусских сподвижников Отрепьева с русскими повстанцами. Едва ли случаен тот факт, что в момент появления в Стародубе Лжедмитрия II его уже ждал там атаман И. Заруцкий, специальный эмиссар «царевича» Петра и Болотникова. Со слов повстанцев К. Буссов записал следующую историю. Болотников послал Заруцкого за рубеж со специальной целью, разузнать, что с «государем», которому он присягал в Польше. Но атаман будто бы не отважился ехать в Польшу и надолго задержался в Стародубе. Заруцкий был одним из выдающихся деятелей Смуты и обладал редкой смелостью и удачей. Поэтому его трудно заподозрить в малодушии. Признанным центром восстания был Путивль, но Заруцкий долго ждал «царя» не в Путивле, а крошечном городке Стародубе. Один из ближайших помощников Болотникова, Заруцкий должен был знать, что следы чудесно спасшегося «Дмитрия» следует искать в Самборе на Западной Украине. Кстати, сам Заруцкий был уроженцем Западной Украины. Тем не менее посланец Болотникова, длительное время оставаясь в Стародубе, заявил о признании Лжедмитрия II в тот самый момент, когда тот объявил свое «царское» имя.

Жители Путивля хорошо помнили характерную внешность Отрепьева, и поэтому шкловский учитель не решился ехать туда, боясь разоблачения. Стародуб был одним из тех небольших северских городов, куда Лжедмитрий I не приезжал. Перейдя границу, учитель оставался в Стародубе примерно месяц под вымышленным именем Андрея Нагого. С одной стороны, русские повстанцы готовили почву для объявления его царем, а с другой — выжидали, когда польские покровители самозванца сформируют наемное войско за рубежом и приведут его в Стародуб.

В Стародубе мнимый Нагой сразу объявил, что родственник его «царь Дмитрий» со дня на день должен прибыть в Рос-

сию. Сообщники «Нагого» вроде Алешки Рукина выехали в другие северские города с той же вестью. Шкловский учитель не обладал ни мужеством, ни сильной волей, ни практическим опытом, чтобы самостоятельно довести трудное дело до успешного конца. Рукин и другие его помощники также были людьми малоавторитетными и бесцветными. (Про Рукина говорили, что он хотя и сказывался (называл себя) московским подьячим, но был, скорее всего, «детинной», т. е. прислугой, у «вора».)

Заруцкий был послан в Стародуб для розыска «царя». Невежливо, чтобы появление в небольшом городке, где все знали друг друга, «Нагого», родственника «царя Дмитрия» и его предтечи, осталось для Заруцкого незамеченным. Заруцкому была присуща редкая энергия, и он в полной мере обладал качествами народного вождя. Его вмешательство, по-видимому, имело неограниченное значение для дальнейшего развития самозванческой интриги. В России Заруцкий играл при никчемном претенденте ту же роль, что Меховецкий и Зенович — в Белоруссии. Помимо Заруцкого исключительную помощь Лжедмитрию II оказал предводитель местных повстанцев стародубский сын боярский Гаврила Веревкин. Русские летописи называют его начальником мятежа («воровства»), затеянного в Стародубе.

Агитация Рукина и других соратников «Нагого» не дала больших результатов. Горя нетерпением, повстанцы схватили Рукина то ли в Путивле, то ли в Чернигове и под стражей отправили в Стародуб, требуя под страхом пытки указать, где находится «царь». По одной версии, палач исполосовал спину Алешки кнутом, и тогда тот указал народу на «государя». По другой версии, палач приготовился поднять на дыбу самого «Нагого», но тот схватился за палку и обрушился на стародубцев с бранью, которая окончательно убедила всех, что перед ними «истинный царь». Приведенные версии легендарны. Важно другое. В инсценировке провозглашения Лжедмитрия II царем участвовали как предводители русских повстанцев, так и белорусские покровители самозванца. В день воцарения нового «Дмитрия» Заруцкий торжественно вручил ему грамоты от «царевича» Петра и «бояр», привезенные им из Тулы. И в тот же самый день в Стародуб явился из-за рубежа пан Меховецкий с отрядом наемников. Появление военной силы заставило замолчать всех сомневавшихся. Народ повалился в ноги «государю», и по всему городу ударили в колокола.

На русской земле объявился новый самозванец. Его власть немедленно признали восставшие северские города Путивль, Чернигов, Новгород-Северский и др. Чернигово-Северская земля была опустошена, население поредело из-за многократных

наборов ратников в повстанческие войска. Поэтому, несмотря на небывалый энтузиазм населения, формирование нового повстанческого войска продвигалось очень медленно. За два-три месяца в Стародубе собралось всего 3 тысячи человек «москвы» (русских повстанцев). Войско было неважно вооружено, многие повстанцы были выходцами из низов и не имели навыков в военном деле. В распоряжении Лжедмитрия II были также наемные солдаты из Речи Посполитой. Пан Харлецкий писал на родину в начале октября, что Меховецкий привел в Стародуб 5 тысяч солдат. Но этот соратник самозванца заболел не столько об истине, сколько о привлечении новых солдат на «царскую» службу. По словам белорусских очевидцев, к «Дмитрию» «прибежало» конных людей 700 человек. Под знамена Лжедмитрия II собирался «люд гулящий, люд своевольный». Лишь немногие из наемников были, по словам поляков, «порядочно вооружены». Таким образом, войско не было чисто шляхетским по составу, поскольку дворяне, по общему правилу, были отлично вооружены.

Кто же скрывался под маской воскресшего «царя Дмитрия»? Шуйские первыми пытались разрешить этот вопрос. Захватив в плен князя Дмитрия Масальского, власти подвергли его пытке и получили от него следующий ответ на интересующий их вопрос: «Который де вор называется царем Дмитрием и тот вор — с Москвы с Арбату от (церкви) Знамения Пречистыи (Богородицы) из-за конюшен попов сын Митка, а умышлял, де, и отпускал (отпускал) с Москвы (его) князь Василей Мосальской за пять дней до Расстригина убийства». Один из князей Масальских исполнял роль боярина и дворецкого при особе Молчанова в Самборе. Масальские если и знали что-нибудь, то, скорее всего, о самборском «Дмитрии». Бегство некоего попова сына Митьки из-за конюшен несколько напоминает историю побега Молчанова на лошадях, украденных с царской конюшни. О стародубском самозванце Масальские ничего толком не знали.

Известный писатель Смутного времени Авраамий Палицын разделял версию о том, что Лжедмитрий II происходил из русского духовного сословия. По его словам, мятежники нарекли лжецарем «от северских городов попова сына Матюшку Веревкина». Один из московских летописцев называл Лжедмитрия не поповским, а дворянским сыном: «Сказывают, сынчишко (захудалый сынишка) боярской (из семьи) Веревкиных». Стародубские дети боярские Веревкины возглавили переворот в пользу Лжедмитрия, на этом основании и возникло подозрение, что новый самозванец был им родней. Русские писатели ничего не

знали о литовских скитаниях Лжедмитрия II, поэтому им пришлось довольствоваться слухами и домыслами. В одном из русских сказаний можно прочесть рассказ о том, что Лжедмитрия II подготовили «царевич» Петр и князя Г. Шаховской и Засекины. Выбрав из казаков молодого детину, Петр якобы послал его с Засекиными в Стародуб, где детина и был провозглашен царем. Нетрудно заметить, что в цитируемом сказании сведения о причастности «царевича» Петра к подготовке нового самозванца приобрели легендарный характер. Весь эпизод отнесен автором сказания ко времени осады Тулы. Однако определенно известно, что Лжедмитрий II объявился в Белоруссии задолго до осады Тулы. Сведения русских современников имеют одну общую отличительную черту. Все они догадывались, что подготовка нового самозванца была делом рук русских повстанцев.

Иностранные авторы были, естественно, лучше осведомлены насчет литовского периода жизни Лжедмитрия II, чем русские писатели. Среди иностранцев наибольшую осведомленность насчет происхождения самозванца проявили польские иезуиты, расследовавшие дело по свежим следам. Результаты их дознания были неожиданными. Имя «царя Дмитрия», сына Грозного, утверждали они, принял некто Богданко, крещеный еврей. Романовы после их избрания на трон в 1613 г. официально подтвердили версию о еврейском происхождении Лжедмитрия II. Филарет Романов длительное время служил патриархом при особе Лжедмитрия II и знал его очень хорошо. Романовы говорили не с чужого голоса. После гибели Лжедмитрия II по России прошел слух, что в его бумагах нашли еврейские письма и талмуд. Сохранилась польская гравюра XVII в. с изображением портрета самозванца. Большие печальные глаза, вислый нос, толстые губы, усы и редкая бородка, окаймляющая подбородок, согбенная шея и сутулая спина — таким запечатлел шкловского учителя — Лжедмитрия II польский художник. Портрет подтверждает достоверность версии, выдвинутой иезуитами и Романовыми.

На отношении дворянских писателей начала XVII в. к Орпьеву сказывалось то, что тот был из дворян и его политика имела продворянский характер. Лжедмитрий II происходил из низов, и потому его посягательства на власть вызывали крайнее их негодование. Оценки современников оказали определенное влияние на историографическую традицию. Лжедмитрий I, писал С. Ф. Платонов, «имел вид серьезного и искреннего претендента на престол. Он умел воодушевить своим делом воинские массы, умел подчинить их своим воинским приказаниям и обуздать дисциплиной, но он был действительным руководи-

телем поднятого им движения». Совсем иным был Лжедмитрий II, которому присвоили меткое прозвище вора: вор «вышел на свое дело из пропойской тюрьмы и объявил себя царем на стародубской площади под страхом побоев и пытки». «Не он руководил толпами своих сторонников и подданных, а, напротив, они влекли его за собой в своем стихийном брожении, мотивом которого был не интерес претендента, а собственные интересы его отрядов»; «свое название вора он и снискал именно потому, что все его войска одинаково отличались, по московской оценке, «воровскими» свойствами». Если отказаться от оценки народных выступлений как «воровских» (преступных), тогда придется пересмотреть оценку личности Лжедмитрия II и его деятельности.

Время «царствования» шкловского учителя в Стародубе характеризовалось рядом отличительных черт. Почти все дворяне и редкие представители знати, вовлеченные в борьбу с Шуйским, покинули Северскую землю и оказались в осаде в Туле. В окружении Лжедмитрия II не было ни русских бояр, ни польских магнатов. Бродячий учитель из Белоруссии оказался вовлечен в водоворот исторических событий помимо собственной воли, не имея ни опыта политической деятельности, ни программы. По воле случая оказавшись во главе повстанческого движения, Лжедмитрий II, чтобы удержаться на гребне волны, должен был стать народным вождем. Измена рязанских дворян и массовые избиения казаков под Москвой отозвались казнями дворян в Путивле и Туле. Поражения войск Болотникова и Петра довершили дело. Дворяне стали массами покидать лагерь восставших. Лжедмитрий II прибыл в Стародуб в то время, когда народное движение в пользу «добраго царя» приобрело ярко выраженный социальный характер, все больше превращаясь в выступление низов.

Новая фаза движения отмечена была сменой вождей. Выходец из неимущих слоев, Лжедмитрий II был фигурой, типичной для этого времени. Не случайно за неполный год после появления «вора» в Стародубе в Астрахани появились два «царевича» — Иван Август и Лавр (Лаврентий), на казачьих окраинах действовали «царевичи» Осиновик, Петр, Федор, Клементий, Савелий, Симеон, Ерощка, Гаврилка, Мартинка. Уничжительные имена (Ерощка, Гаврилка и проч.) указывали на то, что казацкие предводители, действовавшие на юге, не скрывали своего холопского и мужицкого происхождения.

Социальный облик многочисленных «детей» и «внуков» благочестивого царя Ивана IV, появившихся на казачьих окраинах, всего точнее охарактеризовал автор «Нового летописца». При-

дворный летописец первых Романовых в сердцах писал: «Как же у тех окаянных злодеев уста отверщашеся и язык проглагола: неведомо откуда взявся, а называхуся таким праведным коренем (царским родом.— *Р. С.*) — иной боярской человек, а иной — мужик пашенной».

В обстановке ширившегося восстания низов царю Василию удалось сплотить вокруг трона имущее феодальное дворянство центра и Новгорода и равным образом привлечь на свою сторону значительную часть мелкопоместного дворянства юга, которое с первых месяцев гражданской войны активно участвовало в восстаниях населения против московского царя.

В июне — июле 1607 г. польский посол в Москве Олесницкий собрал исключительно важные сведения о состоянии повстанческого движения. Задавшись вопросом, кто возглавляет столь значительное и длительное восстание в Русском государстве, посол в донесении королю предложил несколько вариантов решения. Первый вариант сводился к тому, что во главе восстания «должны быть сами жители Северщины, которые, будучи недовольны Шуйским, сражаются с ним из-за того, что он изменчески и без вины дал убить Дмитрия», но это недостоверно, так как «при Шуйском много думных бояр и дворян из Северской земли».

Русские источники подтверждают свидетельство польского посла. Один из летописцев, описав военные действия на Северной Украине и Брянщине, отмечает: «Воини же благороднии от тех стран (северских.— *Р. С.*) и градов мало больши тысячи, но не согласяшеся (не сговариваясь.— *Р. С.*), един по единому, соблюдошася (спасаясь) от смерти, прибегнуши к Москве, токмо телеса и души свои принесоша, оскорбляющеся голодом и наготою, оставиша матери свои и жены в домех и в селех своих. Раби же их... озлонравишася зверообразием, насилующе, господеи своих побиваша и пояша в жены себе господей своих — жены и тщери».

По-видимому, летописец довольно точно описал ситуацию, сложившуюся в уездах, занятых повстанческими отрядами Лжедмитрия II. Восставшие низы самочинно расправлялись с изменными помещиками. Последние же в страхе перед холопами покидали свои владения в Северщине и на Брянщине и поодиночке тайно пробирались к царю Василию в Москву.

В такой обстановке бывший шкловский учитель стал знаменем народного движения.

Казак, приведшие «царевича» Петра в Путивль, учинили дворянам кровавую бойню.

Казня детей боярских, «царевич» пытался обезопасить себя от множившейся дворянской измены.

Лжедмитрий II щедро жаловал земли детям боярским и иноземцам, поступившим в его отряды, а с другой стороны, пытался опереться на помещичьих холопов, чтобы сломить сопротивление дворян, переметнувшихся в лагерь Шуйского, и принудить прочих к службе в повстанческом войске. К. Буссов описал меры стародубского самозванца весьма точно: «Дмитрий приказал объявить повсюду, где были владения князей и бояр, перешедших к Шуйскому, чтобы (их) холопы перешли к нему, присягнули и получили от него поместья своих господ, а если там остались господские дочки, то пусть холопы возьмут их себе в жены и служат ему. Вот так-то многие нищие холопы стали дворянами, и к тому же богатыми и могущественными, тогда как их господам пришлось голодать».

Новейшему исследователю В. И. Корецкому удалось разыскать в архивах документы, доказывающие, что воззвания Лжедмитрия II претворялись в жизнь. Как оказалось, «стародубский вор» раздавал поместья, конфискованные у изменников-дворян, не одним холопам, но и помещичьим крепостным крестьянам, при этом неперенным условием пожалования земли была служба в повстанческой армии. Воззвания и действия «вора» вызывали негодование и страх в дворянской среде. Лжедмитрий II посягал не только на земли, но и на дворянских дочерей.

По мнению В. И. Корецкого, Лжедмитрий II проводил в занятых им районах «радикальный социальный эксперимент». Надо подчеркнуть, что стародубский «эксперимент» носил ограниченный характер. Самозванец не мог ничего предпринять, не имея войска. Свои прокламации он адресовал, по-видимому, помещичьим боевым холопам в первую очередь, ибо эти холопы имели необходимые военные навыки и вооружение. Передача им поместий изменников-дворян гарантировала их верную службу «доброму царю». Руководители повстанцев, таким образом, пытались использовать социальную неоднородность дворянского ополчения, противопоставить дворянам их вооруженную свиту и тем самым усилить развал в дворянском ополчении.

Итак, стародубский период гражданской войны в России был особым периодом: в повстанческом лагере еще не сформировалась своя Боярская дума, а иноземное наемное войско играло второстепенную роль.

ТУЛЬСКИЙ ПОХОД ЦАРЯ

После перехода Болотникова из Калуги в Тулу повстанческое движение пошло на спад. Последний период восстания Болотникова характеризуется крупными неудачами, окружением и блокадой главной повстанческой армии в Туле.

21 мая 1607 г. царь Василий Шуйский выступил из Москвы в Серпухов, с тем чтобы идти далее «на свое государево и земское дело, на воров» под Тулу. Сбор дворянского ополчения, ратных и посошных людей был проведен по всему государству. В Серпухове царя ждали князь Ф. И. Мстиславский, И. И. Шуйский и другие воеводы с полками, отступившими от Калуги. Сильные отряды располагались к юго-западу от столицы в Брянске и на юго-востоке в Кашире.

По крайней мере, две недели царь и его главные воеводы стояли в Серпухове, не предпринимая решительных действий. Воспользовавшись их пассивностью, повстанцы предприняли попытку перехватить у противника инициативу и разбить рать Шуйского в Кашире. Выполнить эту задачу должны были боярин князь А. А. Телятевский, его бывший холоп И. И. Болотников, дворянин М. Аксаков.

Узнав о приближении повстанцев, боярин князь А. В. Голицын выступил навстречу им. В помощь Голицыну царь Василий прислал из Серпухова «голов с сотнями» — отборную дворянскую конницу. Из Рязани к Голицыну прибыл П. Ляпунов с отрядом.

Современники полагали, что будто повстанческая армия насчитывала до 30—40 тысяч воинов. Они очевидным образом преувеличивали численность «воров». Однако ясно одно: для решающей битвы Болотников в последний раз собрал большую армию.

Сражение произошло на реке Восме недалеко от Каширы 5 июня 1607 г. На рассвете казацкие отряды из армии Болотни-

кова переправились через реку и укрылись в глубоком овраге. Рязанские дворяне попытались выбить их оттуда, но отступили под градом пуль.

Наступление казаков едва не решило исход дела. В битве, как подчеркивали летописцы, «начаша воры московских людей осиливати». Страшась надвигавшегося поражения, главные воеводы отправились в полки и со слезами на глазах убеждали ратников: «Где (куда) суть нам бежати? Лучше нам здесь померети...»

Собрав силы, воевода Голицын перешел реку и потеснил главные силы Болотникова. В решающий момент П. Ляпунов снялся с позиций и, оставив казаков в тылу, ринулся на помощь дворянским сотням, бившимся на другом берегу речки. Восставшие не выдержали обрушившегося на них удара тяжеловооруженной конницы и обратились в бегство. Тогда боярские полки перешли реку повсеместно и начали преследовать бегущего неприятеля.

На Восме, как и под Коломенским, воеводы воспользовались неопытностью восставших и разгромили их силы по частям. Обратив в бегство Болотникова, они вернулись затем на Восму, где казаки тем временем укрепили позиции и даже «городок (острожек. — *Р. С.*) себе сделали».

Социальная рознь оказывала всевозрастающее влияние на исход военных действий. В то время как среди детей боярских из повстанческого лагеря участились случаи измены, казаки и «чернь» вели борьбу с нарастающим упорством.

Два дня воеводы держали казаков в осаде, ожидая, когда у них кончится продовольствие. Именем царя бояре предлагали окруженным сложить оружие, обещая сохранить им жизнь. Но казаки решили биться до последнего человека: «Злодеи воры упрямылись, что им (лучше. — *Р. С.*) помереть, а не здатца (сдаться)».

На третий день бояре «велели всем полком и всеми ратными людьми к тем вором приступать, конным и пешим; и те воры билися насмерть, стреляли из ружья до тех мест (до тех пор), что у них зелья (пороха) не стало». Большинство казаков были перебиты в бою, а взятых в плен повесили на другой день. Из всех пленных воеводы помиловали всего семь человек. За них заступились нижегородские дети боярские. Годом ранее помилованные терские казаки, следовавшие с «царевичем» Петром по Волге, спасли жизнь нижегородцам.

Через неделю после битвы царь Василий оповестил страну, что его воеводы наголову побили «воров», а «живых языков (пленных) больше пяти тысяч взяли». Высшее военное ведом-

ство назвало совсем другую цифру. На реке Восме, значится в Разрядах, «языков взяли на том бою 1700 чел., а князь Ондрей Телятевский да Ивашка Болотников ушли с невеликими людьми к вору Петрушке». Чем вызвано столь значительное расхождение в цифрах? Ответ на этот вопрос дает «Хроника» К. Буссова. В разгар сражения, повествует К. Буссов, на сторону воевод переметнулся воевода из Тулы по фамилии Телятин с 4 тысячами воинов. В грамоте о битве под Москвой власти назвали Пашкова в числе военнопленных, хотя он был перебежчиком. Видимо, с отчетом о победе на Восме произошло то же самое. Несколько тысяч перешедших на сторону царя повстанцев были включены в число военнопленных. Такой прием имел чисто пропагандистское значение: известно, что отряды, принявшие сторону царя Василия, не разоружались, а сразу же использовались для действий против повстанцев.

Какова была судьба людей, попавших в плен на Восме? По словам летописца, А. Голицын захватил в плен и послал к царю в Серпухов 700 «языков». Куда же делась тысяча пленных, показанная в Разрядах? Очевидно, из 1700 пленных тысяча была повешена.

Вместе с Болотниковым армией повстанцев командовал боярин князь А. А. Телятевский. Поэтому С. М. Соловьев и Н. А. Костомаров допускали возможность отождествления Телятина, упомянутого К. Буссовым, с Телятевским. Но уже И. И. Смирнов отметил, что для такого отождествления нет серьезных оснований. Среди командиров в повстанческой армии было много неродословных детей боярских, казачьих атаманов и прочих лиц, неизвестных по другим источникам, что затрудняет расшифровку имени воеводы Телятина. В битве на Восме погиб цвет повстанческой армии — отряды донских, волжских и терских казаков, казачьи сотни из Путивля и Рыльска.

Царь Василий приказал А. Голицыну двигаться к Туле и послал туда же боярина М. В. Скопина-Шуйского с тремя полками. Болотников пытался задержать царские полки на реке Вороньей под Тулой, но понес поражение и вынужден был укрыться в крепости.

12 июня 1607 г. Скопин подступил к Туле. Царь Василий занял Алексин и 30 июня прибыл в осадный лагерь Скопина.

С давних пор Тула была ключевым пунктом обороны южных границ России от кочевников. Ее мощный каменный кремль был сооружен на реке Упе в первой четверти XVI в. Помимо кремля город имел внешний пояс укреплений в виде дубового острога, стены которого упирались в реку Упу. Как крепость Тула

имела много преимуществ по сравнению с Калугой, но в одном отношении ее положение было уязвимым. Город располагался в низменных местах и при определенных условиях мог быть затоплен. Царские воеводы решили использовать это обстоятельство, чтобы уберечь полки от больших потерь, неизбежных при штурме.

Автором проекта затопления Тулы был муромский помещик Иван Кровков. Работами по сооружению плотины руководили дьяки Разрядного приказа. Для своего времени это была очень крупная стройка. Работы велись одновременно на обоих берегах Упы. На правом, болотистом, пологом берегу реки надо было соорудить дамбу («заплот») длиной в полверсты, чтобы вода не ушла мимо города по заболоченной стороне. Лишь после строительства дамбы Разрядный приказ распорядился перекрыть реку и ждать осеннего паводка.

В лагере под Тулой было собрано огромное количество работников, главным образом крестьян, которых называли «посошные люди». Это обстоятельство и явилось причиной того, что современники имели невероятно преувеличенные представления о численности рати В. Шуйского. По данным К. Буссова, царь Василий двинулся к Туле, «призвав всю землю — до 100 000 человек». Г. Паэрле считал, будто у царя было «по крайней мере, 150 000 человек».

Приведенные цифры лишены достоверности. В начальный момент восстания Шуйский смог использовать против повстанцев всю армию, поскольку ее силы были собраны еще Лжедмитрием I для войны с турками. По данным Ж. Маржерета, численность армии в то время составляла 50—60 тысяч человек. Год спустя добрая треть государства перешла в руки восставших и не подчинялась правительству. Войска понесли большие потери. Кроме того, дворянское конное ополчение растеряло едва ли не большую часть боевых холопов, принявших самое широкое участие в восстании. Царская рать под Тулой едва ли превышала 30—40 тысяч человек, вследствие чего главная армия Скопина имела в своем составе вместо пяти всего три полка.

В составе тульского гарнизона было, по очень примерным данным, до 20 тысяч человек «с огненным боем» (ружьями). Ими командовали Иван Болотников, боярин князь А. А. Телятевский, князь Г. Шаховской и Масальский, вождь путивлян Ю. Беззубцев, командир служилых иноземцев литвин С. Кохановский. Предводителем казачьего отряда, приведенного «царевичем» Петром, был атаман Федор Нагиба. (Илейка Коровин был у Нагибы в служителях до того, как принял титул «царевича».)

Реальная власть в гарнизоне принадлежала казакам и их

предводителям. По этой причине в Туле меры против знати и дворян проводились с такой же решительностью и беспощадностью, как и в Путивле. Сын боярский Б. Кошкин, попавший в плен к казакам, в челобитной грамоте царю припоминал, как его «вор Петрушка мучил разными муками на Туле и медведьми травил». Служилый мурза И. Барашев также побывал в тульской тюрьме в дни осады города, но ему удалось бежать, и он принес царю важные вести. Согласно челобитной мурзы, его на Туле «били кнутом, и медведем травили, и на башню взводили, и в тюрьму сажали, и голод и нужду терпел...».

Расправы с помещиками превращены были в устрашающие зрелища. Медвежьи потехи издавна славилась как развлечение. В загородку вместе с осужденным пускали дикого медведя, и он отбивался от зверя, как мог. Уцелевших после боя дворян возводили на башню, откуда одних по требованию народа сбрасывали вниз, а других, также по решению народа, оправдывали и избавляли от смертной казни. Такие суды действовали во многих городах, занятых повстанцами.

Что касается местных помещиков, воевавших на стороне Шуйского, их имущество в Туле подвергалось конфискации, а найденные на их дворах «крепости» (документы о владении) на земли и холопов подвергались уничтожению.

Пресекая измену в Туле, повстанцы обороняли город с редкой энергией и решительностью. Со слов очевидцев автор карамзинского «Хронографа» писал, что «с Тулы вылазки были на все стороны на всякой день по трижды и по четырежды, а все выходили пешие люди с вогненным боем и многих московских людей ранили и побивали». Вооруженные пищалями воины Болотникова обороняли Тулу совершенно так же, как Корела с казаками оборонял Кромь. Но в отличие от Кромь Тула была одной из лучших каменных крепостей России.

ПАДЕНИЕ ТУЛЫ

сада Тулы привела к тому, что повстанческое движение лишилось руководящего центра. В то же время город приковал к себе основные силы армии Шуйского, что облегчило положение повстанцев на окраинах. В этот период резко обозначились такие черты движения, как его локальность и разобщенность.

Восставшие удерживали в своих руках огромную территорию. На юге их главным опорным пунктом была Астрахань, самый крупный торговый и военный центр на юго-востоке. В городе жило 10 тысяч человек. Основную массу населения составляли посадские люди. Дворян в городе было совсем немного, основу гарнизона составляла тысяча стрельцов. Восстание посадских людей и стрельцов получило поддержку местного татарского населения. Астрахань стала также центром притяжения для вольных казаков с Волги, Яика, Терека и Дона.

Подступившая к Астрахани рать боярина Ф. И. Шереметева не только не смогла овладеть городом, но и сама подверглась многократным нападениям вольных казаков. Именно поддержка казаков придавала силы защитникам города. Боярин Ф. И. Шереметев писал в отписке царю Василию: «Астраханские люди и юртовские татаровя тебе, государю, бити челом и вины свои принести не хотят, а будет поидет к Астрохани твоя государева многая рать з большим нарядом (артиллерией), и оне хотят бжать: астраханские люди на Яик и на Дон, а татаровя в Кумыки».

Власти не могли подавить восстание в Астрахани в течение семи лет. Местный воевода князь И. Д. Хворостинин, известный своей преданностью Лжедмитрию I, примкнул к восстанию с первых его дней. И. Д. Хворостинин не мог оставаться во главе восставшего края, если бы не признал авторитет самозванного «царевича» Ивана-Августа, выдвинутого волжскими казаками.

Астраханский «царевич» происходил, видимо, из беглых боярских людей. В отличие от Петра он некогда жил в Москве и знал кое-что о жизни царского двора. «Царевич Август, князь Иван» (так именовал себя самозванец) «сказывался» сыном царя Ивана и царицы из семьи Колтовских.

Боярин Ф. И. Шереметев пытался блокировать Астрахань и с этой целью построил острог на озере Балчик в 15 верстах от города. Однако он не добился поставленной цели. 24 мая 1607 г. в Царицыне вспыхнуло восстание. Жители арестовали воеводу Ф. И. Чудинова-Акинфова и отослали его на расправу в Астрахань. «Царевич» Иван-Август действовал в Астрахани совершенно так же, как Петр в Путивле. Он велел убить Акинфова. Другого пленного дворянина князя И. П. Ромодановского он велел рассечь на мелкие части. Вслед за тем «царевич» выступил с войском на север.

Астраханское войско пыталось пробиться в центральные уезды на помощь осажденному в Туле Болотникову. Но оно было остановлено под Саратовом. Обороной города руководил опытный воевода З. И. Сабуров. Потеряв много людей на приступах, «царевич» Иван-Август ушел в Астрахань.

Боярин Ф. И. Шереметев не решился второй раз зимовать в окрестностях Астрахани, имея в тылу повстанцев. В октябре он отступил на север и 24 октября 1607 г. приступом взял город и острог Царицын. Астраханский район восстания был окончательно отрезан от других районов повстанческого движения.

В Казанском и Нижегородском крае события развивались иначе, чем в Астрахани. Вольное казачество находилось не так близко к Нижнему Новгороду и Казани, как к Астрахани. Дворянство тут было более многочисленным и влиятельным. Существенно было и то, что Шуйский сохранял контроль за важнейшими крепостями Среднего Поволжья. Повстанцы подошли к Нижнему Новгороду, но взять город не смогли. Посреди зимы они сняли осаду и отступили прочь.

Среди руководителей повстанческого движения в Нижегородском крае было немало дворян (И. Б. и М. Б. Доможировы, князь И. Д. Болховский, Г. Елизаров, С. Чаадаев, Власьев, Новосильцев, Чертков, князь Шейсупов-Козаков и другие). После разгрома восставших под Москвой многие из них перешли в лагерь Шуйского и приняли участие в борьбе с Болотниковым, за что весной 1607 г. они получили из царской казны жалованье.

В Рязанском крае борьба приобрела социальный характер, что оказало непосредственное влияние на ее исход. Переход П. Ляпунова и других рязанских дворян на сторону Шуйского

позволил правительству без кровопролития вернуть под свой контроль Рязань. П. Ляпунов послал в Москву «с сеунчом» (вестью о победе) сына, «как взяли Зарайский город и Резань добила челом». Власти пытались склонить на свою сторону население южных рязанских крепостей. В июне 1607 г. дворянин Ю. Кобяков известил царя, что ряжский «воровской» воевода «князь Иван княж Львов сын Масалской, и дворяня, и дети боярские, и атаманы, и казаки, и стрельцы, и пушкари, и всякие посадские люди нам добили челом и челобитные повинныя к нему прислали».

Успех царских воевод ускорил размежевание сил. Князь Федор Засекин и Лев Фустов, присланные в Михайлов на воеводство «царевичем» Петром, поспешили перейти на сторону Шуйского. Однако жители Михайлова продолжали сопротивление.

Почти все собранные в Рязани ратные силы были посланы под Тулу, что развязало руки повстанцам. В октябре 1607 г. рязанский воевода Ю. Г. Пильемов с тревогой извещал царя Василия, что «в Рязанском уезде во многих местах наши (царские. — *Р. С.*) изменники воры — пронские и михайловские мужики, воют от Переслава (Рязани. — *Р. С.*) в двадцати верстах, а тебе (Пильемову. — *Р. С.*) за теми воры посылати неково — дворян и детей боярских с тобою мало». В ответ царь велел прислать в Рязань одну из дворянских сотен из-под Ряжска. Но этих сил было явно недостаточно, чтобы справиться с восстанием «мужиков» в Рязанском крае. Источники дают редкую возможность взглянуть как бы изнутри на положение дел в местности, охваченной гражданской войной. В 1611 г. посадские люди из Рязани жаловались, что в 1606—1611 гг. по их (рязанцев) «дворишкам стояли рязанцы, дворяне и дети боярские, з женами и з детми и с людьми пять лет... да нынча... стоят по нашим же дворишкам мимо своих поместий», тогда как крестьяне из этих поместий «во все те во смутные годы... в государеву казну никаких податей не давали», полностью отказались от несения казенных натуральных повинностей и проч. Восстание в Рязанском крае привело к тому, что крестьяне перестали платить оброки и подати, нести натуральные повинности в пользу государства и помещиков. Феодалы-землевладельцы бежали из поместий под защиту государевых крепостей.

Осадившая Тулу царская рать оказалась в трудном положении, поскольку на стороне повстанцев оставались главнейшие тульские «пригороды» (крепости), прикрывавшие подходы к городу. Для действий против Крапивны царь послал князя Ушатого, а затем князя Петра Урусова с татарами для разорения

города. Но их наступление имело неожиданный исход. В Разрядах значится: «А под Крапивной стоял князь Петр Урусов, да князь Ю. П. Ушатый, да князь С. Н. Кропоткин; и Урусов князь Петр изменил, побежал в Крым с сынами мурзами».

П. Урусов, как сын хана Большой Ногайской орды Уруса, занимал очень высокое положение в иерархии чинов. Он был женат на вдове старшего брата царя Василия боярина А. И. Шуйского.

Записки А. Палицына позволяют уточнить разрядную версию. Князь Петр бежал не в Крым, а к своему отцу в Ногайскую орду, после чего «со отцем своим и с нагайскими татарами много зла содея по всем украиным градом». Позже П. Урусов поступил на службу к Лжедмитрию II.

Неудача под Крапивной встревожила бояр. Гарнизоны Крапивны и Одоева сохраняли верность «Дмитрию». Через Одоев повстанцы могли беспрепятственно подойти вплотную к тульскому осадному лагерю со стороны Болхова. Чтобы устранить эту угрозу, царь направил на юг князя Д. И. Мезецкого с войском. Ему удалось занять сначала Крапивну, а потом Одоев.

Важное значение сохранял район Калуги и Козельска, оставшийся в руках повстанцев. Козельск прикрывал подходы к Калуге с юга, и этот город стал местом ожесточенных столкновений.

После появления Лжедмитрия II в Стародубе борьба на линии Калуга — Козельск — Брянск развернулась с новой силой.

Лжедмитрий II оставался в Стародубе более трех месяцев, прежде чем решился начать поход на Москву. Главной причиной такой длительной задержки были невозможность быстро сформировать новую повстанческую армию.

Собрав кое-какие силы и дождавшись подхода наемного отряда хорунжего Будилы из Белоруссии, Лжедмитрий II 10 сентября покинул Стародуб и через пять дней прибыл в Почеп. Местное население приняло «царя» с радостью. 20 сентября войско выступило к Брянску, но на первом же привале в лагерь Лжедмитрия II явился из Брянска гонец, сообщивший, что царский воевода М. Кашин напал неожиданно на брянскую крепость, сжег ее и сейчас же ушел прочь.

При «стародубском воре», видимо, не было никого из знатных дворян. Во всяком случае, в дни похода под Брянск «вор» послал в погоню за Кашиным «с московским людом боярина своего Хрындина», которого можно отождествить с Другим Тимофеевичем Рындиным, дьяком Лжедмитрия I, заслужившим чин думного дьяка от Лжедмитрия II.

«Боярская дума», образовавшаяся в Стародубе при особе Лжедмитрия II, была куда более демократична, чем путивльская «дума» Отрепьева. Кроме Рындина в боярах у шкловского учителя служил украинский казак И. М. Заруцкий и сын боярский Гаврила Веревкин. Имеются сведения, будто Г. Шаховской из Тулы направил в лагерь Лжедмитрия II князей Засекиных. Но степень достоверности этих сведений неясна.

Поход Лжедмитрия II напомнил ветеранам о временах их наступления на Москву под знаменами Отрепьева весной 1605 г. На всем пути население встречало «Дмитрия» с воодушевлением. «Из Брянска, — отметили современники, — все люди вышли вору навстречу», приветствуя его как истинного государя. Лжедмитрий II разбил лагерь у Свенского монастыря. Тут самозванец провел более недели. Задержка носила вынужденный характер. Лжедмитрий II столкнулся с затруднениями такого же рода, как и Отрепьев в начале московского похода. У него не было денег в казне, чтобы расплатиться с наемниками. 26 сентября (6 октября), записал в своем дневнике Будило, «наше войско рассердилось на царя за одно слово, взбунтовалось и, забрав все вооружение (пушки. — *Р. С.*), ушло прочь». Мятеж произошел, видимо, к ночи. Под утро Лжедмитрий II явился к войску, успевшему уйти на 3 мили от лагеря. После долгих угоров ему удалось «умилостивить» наемников.

2 октября Лжедмитрий II перешел в Карачев, где к его войску присоединился отряд запорожских казаков с Украины.

Стремясь отрезать Калугу от основных баз восстания на Брянщине и Северной Украине, царь Василий решил возобновить борьбу за Козельск. Согласно Разрядам, летом 1607 г. изпод Тулы «под Козельск послан князь В. Ф. Масальской». Главным помощником Масальского в походе стал литовский ротмистр пан Матиаш Мизинов, командовавший отрядом служилых иноземцев.

Лжедмитрий II направил к Козельску своего главного гетмана Меховецкого и хорунжего Будилу со всем войском. По словам Будилы, они напали на отряд Масальского утром на рассвете 8 октября. Русские Разряды подтверждают, что «воры» напали на осадный лагерь под Козельском ночью. Воевода ждал атаки и окружил лагерь стражей, но повстанцы разогнали стражу и не мешкая ворвались в лагерь, где поднялась паника. 11 октября 1607 г. Лжедмитрий II торжественно вступил в Козельск, 16 октября прибыл в Белев, намереваясь пробиться к осажденной Туле. Но он начал наступление на Тулу слишком поздно.

Первый русский историк В. Н. Татищев весьма точно харак-

теризовал положение осадной армии под Тулой: «Царь Василей, стоя при Туле и видя великую нужду, что уже время осеннее было, не знал, что делать: оставить его (осажденный город. — Р. С.) был великий страх, стоять долго боялся, чтобы войско не привести в досаду и смятение; силою брать — большей был страх: людей терять». Каким бы трудным ни было для войска осеннее время, главная угроза заключалась в другом. На строительство плотины в район Тулы были собраны в огромном числе мужики — пососшные люди. Дворянское ядро армии тонуло в массе пососшных крестьян, служилых людей «по прибору» (недворянского происхождения) — стрельцов, казаков, пушкарей, а также боевых холопов, обозной прислуги и проч. Идея «добротого царя» по-прежнему находила отклик среди «черни». Поэтому лагерь Шуйского напоминал пороховой погреб. Чем ближе подходил к Туле Ажедмитрий II, тем реальнее становилась угроза взрыва.

Повстанцы использовали всевозможные средства, чтобы воздействовать на царское войско. Они отправили под Тулу не только лазутчиков, но и «прямых» посланцев. Один из них, некий стародубский помещик, лично вручил Шуйскому грамоту от восставших северских городов, за что был подвергнут пытке и заживо сожжен. Будучи на костре, гонец кричал, что прислан истинным государем. Все это должно было произвести сильное впечатление на народ.

Появление «Дмитрия» вновь грозило опрокинуть все расчеты власть имущих. В дворянской среде не прекращалось брожение. Измена князя Петра Урусова, близкого родственника Шуйских, показала, что даже при дворе царили неуверенность и разброд. Неудачная осада Тулы отняла веру в прочность династии. Когда защитники Тулы предложили Шуйскому начать переговоры о прекращении военных действий, он ухватился за эту возможность.

Год выдался урожайный, и осадный лагерь не испытывал таких затруднений с хлебом, с какими царские полки столкнулись под Ельцом годом ранее. Елецкий гарнизон не помышлял о сдаче, располагая набитыми до отказа житницами. Теперь положение переменялось. Осаждавшие не знали нужды, тогда как осажденные в Туле войска к концу осады исчерпали припасы.

«Царевич» Петр не позаботился о снабжении крепости крупными запасами продовольствия, а Болотников, поглощенный военными делами, не успел этого сделать. К. Буссов ярко описал трагедию гарнизона и населения города: «В городе была невероятная дороговизна и голод. Жители поедали собак, кошек, падаль на улицах, лошадиные, бычьи и коровьи шкуры.

Кады ржи стоила 100 польских флоринов, а ложка соли — полтора-раста, и многие умирали от голода и изнеможения». Трудно сказать, насколько достоверны данные о хлебной цене в Туле. Тот же К. Буссов сообщает, что даже в годы великого голода цена на рожь превышала примерно в 25 раз обычные для России хлебные цены. В Туле цены подскочили якобы более чем в 200 раз.

Наводнение усугубило бедствие. По словам современников, после постройки плотины «помалу накопился вода... и яже во граде их бысть пища, все потопа и размы. А людие ж града того ужасни быша о семь... и бысть на них глад велик зело, даже и до того дойде, якоже уже всяко скверно и нечисто ядыху: кошки и мыши и иная, подобная сим». По словам другого автора, измученные голодом туляки «стали есть вонючую падаль и лошадей, источенных червями».

Автор карамзинского «Хронографа» описал наводнение в Туле со слов очевидцев: «Реку Упу загатили, и вода стала большая, и в острог и в город вошла, и многие места во дворех потопила, и людям от воды учала быть нужда большая, и хлеб и соль у них в осаде был дорог, да и не стало». Запасы соли были уничтожены наводнением сразу, подмоченное зерно в больших амбарах трудно было спасти.

Наводнение сделало Тулу почти неприступной для штурма. Город оказался посреди обширного озера. В то же время затопление острога и города разобщило защитников крепости. Гарнизон оказался на грани полного распада. Как отмечали современники, из Тулы «в полки (к Шуйскому) учели выходить всякие люди человек по сту, и по двести, и по триста на день...». Можно ли считать, что из осажденной крепости бежали главным образом жители Тулы, а не болотниковцы? Источники опровергают такое предположение. По словам К. Буссова, руководители обороны столкнулись с прямым неповиновением и казаков, и всех жителей Тулы. Доведенный до крайности народ замышлял схватить Болотникова и Шаховского. Одни надеялись покрыть свои вины, выдав зачинщиков Смуты царю, у других были иные цели.

Г. Шаховской не мог оправдаться перед народом, ибо ему пришлось бы сознаться в грубом обмане и мистификации, затеянной им в компании с Молчановым. Болотников обладал качествами народного вождя и в критических обстоятельствах не побоялся сказать народу правду. «Какой-то молодой человек, примерно лет 24 или 25, — сказал Болотников, — позвал меня к себе, когда я из Венеции прибыл в Польшу, и рассказал мне, что он Дмитрий и что он ушел от мятежа и убийства, убит был

вместо него один немец, который надел его платье. Он взял с меня присягу, что я буду ему верно служить; это я до сих пор и делал... Истинный он или нет, я не могу сказать, ибо на престоле в Москве я его не видел. По рассказам он с виду точно такой, как тот, который сидел на престоле».

Текст речи Болотникова весьма примерно передан К. Бусовым со слов повстанцев, оборонявших Тулу. Но основной смысл его слов очевидцы передали, по-видимому, достаточно точно. Даже самые стойкие приверженцы «Дмитрия» не могли скрыть своего разочарования. Ни вожди, ни народ никак не могли понять, почему «Дмитрий» не внял их призывам, когда осажденная Москва была готова открыть перед ними ворота. Они знали, что «добрый царь» уже с июня месяца находится в пределах России, но и на этот раз не спешит подать помощь своему гибнущему войску в Туле. Князь Г. Шаховской был тем лицом, через которого повстанцы поддерживали сношения с мнимым Дмитрием с первых дней восстания. Поэтому недовольные потребовали ареста «боярина», чтобы тем самым оказать давление на «Дмитрия». Г. Шаховской попал в тульскую тюрьму, при этом было объявлено, что его не выпустят оттуда до тех пор, пока не придет «Дмитрий» и не вызовет их от осады.

Руководитель тульского войска Болотников имел своего эмиссара в лагере Лжедмитрия II и получал от его людей либо от других лазутчиков необходимую информацию. Как писал Э. Геркман, Болотников «убеждал жителей не сдавать города, так как он имел известие, что Дмитрий со всем войском уже выступил в поход и что он достигнет (Тулы) через 8 или 9 дней...».

Обстоятельства сдачи Тулы получили различное освещение в литературе. Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев и Н. М. Костомаров приняли версию К. Бусова о том, что Болотников вел переговоры с Шуйским и, получив от него обещание сохранить жизнь защитникам крепости, сдал город. Исследователь Смуты С. Ф. Платонов считал, что переговоры с Шуйским вели туляки, которые выдали царю Болотникова и других своих вождей. И. И. Смирнов попытался примирить противоречивые показания источников. Переговоры с царем, как считал И. И. Смирнов, начал Болотников, но связи с Шуйским поддерживали также и «определенные круги» горожан и, когда Тула открыла ворота, агенты царя в городе схватили Болотникова и Петра и выдали их царю. Наконец, А. А. Зимин посвятил специальную статью завершающему эпизоду восстания Болотникова. Вывод А. А. Зимина сводился к тому, что Болотников «до самой своей гибели

оставался бескомпромиссным борцом с крепостническим правительством Василия Шуйского», но он был выдан капитулянтами из числа повстанцев, которыми могли быть князя А. Телятевский и Г. Шаховской.

Обратимся к источникам. Сразу после падения Тулы бояре допросили Петра и записали его расспросные речи, из которых следовало, что все тульские «воры», включая Илейку (Петра), сами «государю доби́ли челом». Однако не позднее 13 октября 1607 г. возникла окончательная версия официозного характера, согласно которой тульские сидельцы А. А. Телятевский, Г. Шаховской, И. Болотников, «узнав свои вины, нам, великому государю, доби́ли челом», выдав ему «григорьевского человека (холопа) Елагина (эти сведения попали в грамоту из расспросных речей.— *Р. С.*) Илейку, что назвался воровством Петрушкою».

Для проверки официальной версии надо привлечь прежде всего источники, исходившие из повстанческого лагеря. Таким источником являются прежде всего записки К. Буссова. А. А. Зимин отверг эти записки на том основании, что они своими истоками восходили к слухам, бытовавшим в таких городах, как Калуга, где находился в то время Буссов. Возникает вопрос: если Буссов питался слухами, то как объяснить его редкую осведомленность насчет тульских событий? Следует иметь в виду, что ко времени составления «Хроники» в 1612 г. Буссов давно покинул Калугу и провел три года среди сторонников Лжедмитрия II в Тушине. Среди тушинцев было очень много тех, кто пережил тульскую осаду. Буссов имел тем больше оснований интересоваться тульскими событиями, что участником обороны Тулы был его сын, сосланный после этого в Сибирь. К моменту составления «Хроники» Буссов-младший еще оставался в Сибири, но у автора «Хроники» было много информаторов-очевидцев и без него. Буссов записал то, что видели и знали близкие сподвижники Болотникова. В этом ценность его свидетельства.

Когда положение в Туле стало невыносимым, а защитники города едва держались на ногах, когда «наводнение и голод ужасающе усилились», рассказывает К. Буссов, тогда «царевич» Петр и Болотников вступили в переговоры с Шуйским о сдаче крепости на условии сохранения им (всем повстанцам.— *Р. С.*) жизни, угрожая, что в противном случае осажденные будут драться, пока будет жив хоть один человек. Царь Василий находился в столь затруднительном положении, что он принял условия Болотникова и поклялся на кресте соблюдать договор о том, что все защитники Тулы будут помилованы.

Для Болотникова смысл переговоров состоял в том, чтобы сохранить силы для продолжения борьбы. В труднейших условиях Болотников тщательно готовил вылазку, надеясь на то, что вода спадет и они попытают счастье, чтобы пробиться через вражеское войско навстречу «Дмитрию».

Слуга Мнишка Рожнятовский в одной из ноябрьских записей упомянул о письме поляка, также находившегося в заточении в Ярославле, но получившего более верные известия. Из письма следовало, что при сдаче Тулы «Болотников хотел выкинуть какую-то штуку, но она у него не вышла. Люди ушли из Тулы по заключенному им договору, а сам он остался в окопах».

Русские источники подтверждают версию Рожнятовского и объясняют причины того, что Болотников и Петр после сдачи Тулы сразу же были взяты под стражу. В самые последние дни, когда Тулу стали покидать сотни людей, сдававшихся в плен на свой страх и риск, части гарнизона окончательно вышли из повиновения. По данным карамзинского «Хронографа», за два-три дня до капитуляции тульские «осадные люди» присылали к царю «бити челом и вину свою принести (признать), чтоб их пожаловал, вину им отдал, и оне вора Петрушку, Ивашка Болотникова и их воров изменников отдадут».

Верно ли, что тульских капитулянтов возглавляли Телятевский и Шаховской? Такая гипотеза вызывает сомнения. Наиболее осведомленный из русских авторов прямо сообщает, что осадные люди, договорившись с царем, схватили Петра, Болотникова, боярина Телятевского, впустили в крепость воеводу И. Ф. Крюка Колычева с ратными людьми и выдали ему арестованных вождей. Осведомленные современники засвидетельствовали, что туляки выдали царю вместе с другими предводителями князя Г. Шаховского. Как значится в «Бельском летописце», тульские «воры» «все доби́ли челом... и вора Петрушку отдали, и воровских заотчиков князя Андрея Телятевского, и князя Григорья Шеховского, и Ивашка Болотникова отдали же». К. Буссов слышал, что туляки не скрывали озлобления против Болотникова и Шаховского и грозили выдать их царю Василию. В конце концов они осуществили эту угрозу. Среди тульских военных руководителей все подверглись в дальнейшем наказанию в той или иной форме, кроме сына боярского из Путивля Ю. Беззубцева. Проникшись доверием к нему, Шуйский не только не арестовал его, но послал в Калугу, чтобы уговорить тамошних повстанцев последовать примеру туляков. Миссия Беззубцева косвенно доказывает, что именно он выступил инициатором заговора против Болотникова.

Противоречия между иностранными и русскими источниками получают в конце концов удовлетворительное объяснение. Шуйский заключил два договора: один — с Болотниковым, другой — с его противниками. К. Буссов, Э. Геркман, А. Елассонский, К. Савицкий, А. Рожнятовский упоминали о первом договоре, тогда как русские авторы знали о втором договоре, реально осуществленном. Голландский купец И. Масса записал слухи о Болотникове, циркулировавшие в Москве: «...одни говорили, что он сам себя выдал (сдался царю.— Р. С.), другие говорят, что его предали».

Разобщенный наводнением и доведенный до крайности гарнизон Тулы сложил оружие, не оказав сопротивления воеводе Крюку Колычеву и не выступив на защиту своих вождей. В силу этой причины Шуйский сохранил жизнь всем сдавшимся повстанцам. Без сомнения, амнистия была продиктована трезвым политическим расчетом. Гражданская война вступила в решающую фазу, и царь показной милостью старался перетянуть на свою сторону всех колеблющихся.

По карамзинскому «Хронографу», тульских сидельцев «привели ко крестному целованию (присяге) за царя Василия». Повстанцы после капитуляции Тулы были разосланы в разные концы страны. Служилые немцы, а их было более полусотни, были отправлены с приставами в Москву, где им позволили жить в Иноземной слободе.

Весть о падении Тулы вызвала панику в войске Лжедмитрия II. Пробыв в Болхове в течение суток, «царек» 17 октября спешно отступил ближе к границе в Карачев, где его покинуло запорожское войско. Одновременно произошел бунт наемных солдат — «литовских людей», желавших уйти (из России.— Р. С.) с добычей. Не имея возможности задержать наемное войско, самозванец тайно покинул лагерь с 30 верными людьми, среди которых был только один поляк. Даже «гетман» Меховецкий не знал, куда исчез «царек». Когда Лжедмитрию II пришлось искать прибежище на зиму, он поступил совершенно так же, как Отрепьев. Первый самозванец отправился в Комарицкую волость, где был принят с распростертыми объятиями. Лжедмитрий II прибыл в Сомовскую волость на Орловщине, откуда перешел в Комарицкую волость. Крупнейшие на юго-западе крестьянские волости дважды оказали поддержку и помощь «доброму царю».

В начале января 1608 г. Лжедмитрий II объявился в Орле, сохранившем верность восстанию. Угроза Москве возросла, что немедленно сказалось на судьбе бывших тульских сидельцев. В феврале 1608 г. царь Василий приказал препроводить Болот-

никова в Каргополь в ссылку. Везли его через Ярославль, где находились пленные поляки. Слуга Мнишка Рожнятовский дал любопытные сведения о поведении Болотникова. (Другой пленник, С. Немоевский, повторил его рассказ слово в слово.) Ярославские дети боярские были поражены тем, что главного «воровского» воеводу везли несвязанным и без оков. По этой причине они стали допытываться у приставов, почему мятежник содержится так свободно, почему не закован в колодки. Отвечая им, Болотников разразился угрозами: «Я скоро вас самих буду ковать (в кандалы. — *Р. С.*) и в медвежьи шкуры зашивать».

С казацким «царевичем» власти расправились до высылки Болотникова из Москвы. Царь, по замечанию летописца, «Петрушку вора велел казнити по совету всей земли».

Ссылный поляк С. Немоевский записал в дневнике 30 января (9 февраля) 1608 г.: «Прибыл посадский человек из Москвы. Наши проведали от него через стрельца, что на этих днях казнен Петрашко». Дневниковая запись доказывает с полной достоверностью, что казацкий «царевич» подвергся казни не сразу после сдачи Тулы, а четыре месяца спустя.

«Боярин» Г. Шаховской был сослан «на Каменое» в монастырь, С. Кохановский — в Казань, атаман Ф. Нагиба и некоторые другие — в «поморские города». Несколько позже, когда Лжедмитрий II подошел к Москве, а его отряды заняли половину государства, Болотников был сначала ослеплен, а затем «посажен в воду». Побиты были также его сподвижники — казацкие атаманы, находившиеся в ссылке.

Ни падение Тулы, ни казнь казацких предводителей не означала конца восстания. Гражданская война в России вскоре вспыхнула с новой силой.

Глава 45

ПРЕВРАТНОСТИ ВОЙНЫ

тех пор как Лжедмитрия II признали многие русские города и его дело стало на твердую почву, интерес к самозванческой интриге стали проявлять влиятельные лица из Речи Посполитой, некогда покровительствовавшие Отрепьеву. В числе их были князь Ружинский, Тышкевич, Валевский, Адам Вишневецкий и другие. Король Сигизмунд III не желал участвовать в авантюре. Но мятеж против королевской власти усилил элементы анархии в Речи Посполитой. Наемные солдаты, оставшиеся без работы после подавления мятежа, хлынули в русские пределы в надежде на то, что «царек» щедро вознаградит их за труды.

Обедневший украинский магнат князь Роман Ружинский взял в долг деньги и нанял большой отряд гусар. Лжедмитрий II и его покровитель Меховецкий испытали неприятные минуты, когда узнали о появлении Ружинского в окрестностях Орла. Самозванец не желал принимать его к себе на службу. Но Ружинского это нисколько не интересовало. В апреле 1608 г. он прибыл в лагерь Лжедмитрия II и совершил там своего рода переворот. Войсковое собрание сместило Меховецкого и объявило его вне закона. Новым гетманом солдаты выкрикнули Ружинского. Собрание вызвало к себе самозванца и категорически потребовало выдачи противников нового гетмана. Когда Лжедмитрий II попытался перечить, поднялся страшный шум. Одни кричали ему в лицо: «Схватить его, негодяя!» Другие требовали немедленно предать его смерти.

Взбунтовавшееся наемное войско окружило двор Лжедмитрия II вооруженной стражей. Шкловский бродяга пытался заглушить страх водкой. Он пьянствовал всю ночь напролет. Тем временем его «конюший» Адам Вишневецкий хлопотал о примирении с Ружинским. Самозванцу пришлось испить чашу унижения до дна. Едва «царек» протрезвел, его немедленно повели в польское «коло» и там заставили принести извинения наемни-

кам. Смена хозяев в орловском лагере имела важные последствия. Болотниковцы, пользовавшиеся прежде большим влиянием в лагере самозванца, стали утрачивать одну позицию за другой. Следом за польскими магнатами и шляхтой в окружении Лжедмитрия II появились русские бояре. Движение быстро теряло социальный характер.

Весна близилась к концу, и армия самозванца возобновила наступление на Москву. Царь Василий послал навстречу «вору» брата Дмитрия с 30-тысячной ратью. Встреча произошла под Болховом. Двухдневное сражение закончилось поражением Шуйского. Князя Дмитрия погубила его собственная трусость. В разгар боя он приказал отвезти пушки в тыл. Его приказ повел к общему отступлению, а затем к паническому бегству. Отряды Лжедмитрия захватили множество пушек и большой обоз с провиантом.

Чтобы удержать при себе польские отряды, самозванец после битвы заключил с ними новое соглашение. Он обязался поделить с ними все сокровища, которые достанутся ему при вступлении на царский трон. Народ, приветствовавший нового, «истинного Дмитрия», понятия не имел о договоре, заключенном за его спиной.

Царь Василий отозвал из полков брата Дмитрия и назначил вместо него племянника князя Михаила Скопина-Шуйского. Князь Михаил рассчитывал разгромить «вора» на ближних подступах к Москве. Но он не смог осуществить свой замысел. В его войске открылась измена. Несколько знатных дворян составили заговор в пользу Лжедмитрия II. Скопин отступил в Москву и арестовал там заговорщиков.

В июне 1608 г. армия самозванца разбила лагерь в Тушине. Скопин расположился на Ходынке против Тушина. Царь Василий с двором занял позиции на Пресне. Появление польских отрядов в армии самозванца вызвало тревогу в Кремле. Русские власти развили лихорадочную деятельность, стремясь предотвратить военный конфликт с Речью Посполитой. Царь Василий поспешил закончить мирные переговоры с польскими послами и обещал им немедленно отпустить на родину Мнишков и других поляков, задержанных в Москве после убийства Отрепьева. Послы в принципе согласились на то, чтобы немедленно отозвать из России все военные силы, сражавшиеся на стороне самозванца. На радостях Шуйский известил Ружинского о близком мире и пообещал заплатить его наемникам «заслуженные» у «вора» деньги, как только те покинут тушинский лагерь.

Царь Василий оказался близоруким дипломатом. В течение двух недель его воеводы стояли на месте, не предпринимая

никаких действий. В полках распространилась уверенность в том, что война вот-вот кончится. Гетман Ружинский использовал беспечность воевод и на рассвете 25 июня нанес внезапный удар войску Скопина. Царские полки в беспорядке отступили. Тушинцы пытались ворваться на их плечах в Москву, но были отброшены стрельцами. Ружинский намеревался отдать приказ об общем отходе. Но воеводы не решились преследовать его отступавшие отряды. Три дня спустя царские воеводы наголову разгромили войско пана Лисовского, пытавшееся ворваться в столицу с юга.

Тщето Лжедмитрий II домогался заключения «союзного» договора с королем и высказывал готовность идти на любые уступки. Наиболее дальновидные политики Польши решительно возражали против вмешательства во внутренние дела Русского государства. Сигизмунд III следовал их советам, ибо он не успел еще забыть о своей неудаче с Отрепьевым и не покончил с выступлением оппозиции внутри страны. Легкие победы Лжедмитрия II, однако, лишили его благоразумия. Король отдал приказ готовить войска для немедленного занятия русских крепостей Чернигова и Новгорода-Северского. Завоевательные планы Сигизмунда III не встретили поддержки в польских правящих кругах. Коронный гетман Станислав Жолкевский указывал на неподготовленность королевской армии к большой войне. Сигизмунду пришлось отложить осуществление своих намерений. Но он выискивал повод, чтобы вмешаться в русские дела. С его ведома крупный литовский магнат Ян Петр Сапега набрал войско в несколько тысяч воинов и вторгся в пределы России.

В Москве царь Василий продиктовал польским послам условия мира. Послы, томившиеся в России в течение двух лет, подписали документ, чтобы получить разрешение вернуться на родину. Мирный договор оказался не более чем клочком бумаги. Вторжение Сапеги разом перечеркнуло его. Но Василий Шуйский упивался своей мнимой дипломатической победой и во исполнение договора освободил семью Мнишков. По приезде из ярославской ссылки в Москву старый Мнишек дал клятву Шуйскому, что никогда не признает своим зятем нового самозванца, и обещал всячески содействовать прекращению войны. Но он лгал, лгал беззастенчиво. В секретных письмах старый интриган убеждал короля, что «истинный царь Дмитрий» спасся, и заклинал оказать ему вооруженную помощь. Мнишки делали все, чтобы раздуть пожар новой войны.

Многие люди, хорошо знавшие Лжедмитрия I, спешили предостеречь Марину Мнишек, говоря, что тушинский «царек»

вовсе не похож на ее мужа. Подобные предупреждения несколько не смущали «московскую царицу». Через верных людей она уведомила «Тушинского вора», что собирается приехать к нему в качестве законной жены.

Мнишки дали слово, что покинут пределы Московии. Власти снарядили отряд, чтобы проводить их до рубежа. Почти месяц путешествовала Марина по глухим проселкам, прежде чем ее карета достигла границы. Все это время Мнишки тайно сносились с самозванцем. Подле самой границы пан Юрий с дочерью по условному сигналу покинули расположение конвоя. В тот же миг тушинский отряд напал на конвойных и обратил их в бегство.

В начале сентября «царица» в сопровождении польских отрядов прибыла в окрестности Тушина. В пути один молодой польский дворянин из рыцарских побуждений пытался в последний раз предупредить Марину о ждавшем ее обмане. Он был немедленно выдан Лжедмитрию II и по его приказу посажен живым на кол посреди лагеря.

Самозванца тревожила близкая встреча с «женой», и он сказался больным. Вместо него к Мнишкам выехал Ружинский. Он увез Юрия Мнишка в Тушино, чтобы возможно скорее договориться с ним об условиях признания нового самозванца. Прожженный интриган и глазом не моргнул при виде обманщика, вовсе не похожего на Отрепьева. Он готов был стать гетманом нового «царька» и распорядителем всех его дел и доходов. Ружинский грубо покончил с его честолюбивыми мечтами. Он сразу указал «царскому тестю» его истинное место. Три дня гетманы и самозванец препирались между собой. Наконец они сумели столковаться. Старый Мнишек согласился отдать дочь безмянному проходимцу за круглую сумму. Сделка облечена была в форму жалованной грамоты. Лжедмитрий II обязался выплатить Мнишку миллион золотых. Юрий пытался оградить честь дочери, а заодно и собственный кошелек. Лжедмитрий мог стать фактическим супругом Марины лишь после занятия трона, а соответственно и после выплаты денег. На другой день после завершения трудных переговоров самозванец тайком навестил Марину в лагере Яна Сапеги. Вульгарная внешность претендента произвела на Марину отталкивающее впечатление. Но ради короны она готова была на все. Не прошло и недели, как Марина торжественно въехала в Тушино и блестяще разыграла роль любящей жены, обретшей чудесно спасшегося супруга. Ее взор изображал нежность и восхищение, она лила слезы и клонилась к ногам проходимца.

Мнишек настаивал на точном исполнении пунктов заклю-

ченного им соглашения. Но Марина ослушалась отца. Палатка Лжедмитрия II стояла на виду у всего лагеря, и «супруга» понимала, что ее раздельная жизнь с мужем сразу вызовет нежелательные толки в лагере и разоблачит самозванство «царька». К великому негодованию отца и братьев, Марина стала невенчанной сожительницей Лжедмитрия II. Обманутый в своих ожиданиях, Юрий Мнишек покинул лагерь. Прошло полгода, и Марине пришлось выдержать объяснение с братом, случайно встреченным ею. Юный Мнишек упрекал сестру в распутстве. Чтобы смягчить его гнев, «царица» не моргнув глазом заявила, будто один из ксендзов тайно обвенчал ее с новым супругом. Марина могла скрыть венчание от посторонних, но совершенно невероятно, чтобы церемония осталась тайной для отца и братьев, находившихся при ней в лагере. Собственный ее дворецкий Мартин Стадницкий свидетельствовал, что Марина жила с самозванцем невенчанная, потому что жажда власти была у нее сильнее стыда и чести.

Комедия, разыгранная Лжедмитрием II и Мариной, не могла ввести в заблуждение дворян и наемников, хорошо знавших первого самозванца. Но она произвела впечатление на простой народ. Весть о встрече коронованной государыни с «истинным Дмитрием» разнеслась по всей стране.

Поражение армий Шуйского и осада Москвы привели к тому, что восстание в стране вспыхнуло с новой силой. В Пскове городская беднота свергла царскую администрацию и признала власть Лжедмитрия II. Его успехи с воодушевлением приветствовала Астрахань, ставшая очагом сопротивления Шуйскому с момента гибели Отрепьева. За оружие вновь взялись нерусские народности Поволжья. Отряды тушинцев не встретили сопротивления в замосковных городах. Власть Лжедмитрия II признали Переславль-Залесский и Ярославль, Кострома, Балахна и Вологда. При поддержке городских низов тушинские отряды заняли Ростов, Владимир, Суздаль, Муром и Арзамас. С разных концов страны в Тушино спешили отряды посадских людей, мужиков и казаков. Их волна неизбежно захлестнула бы собой подмосковный лагерь, если бы наемное воинство не диктовало тут своих законов.

Слухи о поразительных успехах самозванца облетели Литву и Польшу. Толпы искателей приключений и авантюристов спешили в стан воскресшего московского «царя» и пополняли его наемное войско. Опираясь на наемников, гетман Ружинский окончательно захватил власть в лагере самозванца. Торжество чуждых, инородных сил стало полным, когда на службу к самозванцу явился Ян Сапега с отборным войском. Гетман Ружин-

ский поспешил заключить с ним любовную сделку. Кондотьеры, смертельно ненавидевшие друг друга, встретились на пиру и за чашей вина поклялись не мешать друг другу. В знак дружбы они обменялись саблями и тут же разделили московские владения на сферы влияния. Ружинский сохранял власть в Тушине и южных городах. Сапега взялся добыть мечом Троице-Сергиев монастырь и завоевать земли к северу от Москвы.

ДВЕ СТОЛИЦЫ

Гражданская война подорвала престиж и экономическое благополучие «царствующего города» Москвы. В течение полутора лет у страны было два царя и две столицы. Под боком у старой столицы, где сидел царь Василий, образовалась «воровская» столица в Тушине.

Царская власть издавна считалась на Руси оплотом православной веры. Все смешалось в хаосе гражданской войны. Первый самозванец Гришка Отрепьев был тайным католиком, второй самозванец — тайным иудеем. По временам его власть распространялась на добрую половину городов и уездов страны, включая Ярославль, Владимир и Суздаль — в центре, Вологду — на севере, Астрахань — на юге, Псков — на северо-западе.

Засевший в Тушине Лжедмитрий II был силен не польскою подмогой. Его столица не имела башен и стен, которые бы отдаленно походили на мощные укрепления Москвы. Но царь Василий ничего не мог поделаться со своим грозным двойником в Тушине, потому что в стране бушевал пожар народных восстаний.

Низы тщетно ждали начала «счастливого царства». Второй самозванец обещал народу то же, что и первый. Тишину и благоденствие. Но народ не получил ни того, ни другого. Призрак социального переворота, пугавший власть имущих в дни восстания Болотникова, потерял прежние очертания. В тушинском лагере появились знатные дворяне, порвавшие с царем Василием и искавшие милостей при дворе «царька». Сначала их было немного, но затем число «тушинских перелетов» (перебежчиков, которые перебежали из Москвы в Тушино, а потом обратно) увеличилось. В «воровской» столице первенствовали Романовы, Салтыковы и их родня. «Боярскую думу» «вора» возглавляли Михаил Салтыков и князь Дмитрий Трубецкой. Филарет Романов был захвачен тушинцами в Ростове осенью 1608 г. Там он возглавлял митрополичью кафедру. В Тушине

Лжедмитрий II предложил Романову сан патриарха. Филарет не простил оскорбления, нанесенного ему Шуйским в первые недели после убийства Отрепьева. В то время Романова нарекли в патриархи, а затем согнали с патриаршего двора. Считая себя несправедливо обиженным, Романов принял сан патриарха из рук «вора». Теперь Россия имела двух царей и двух патриархов.

Филарет пользовался популярностью в столице и провинции, и его появление при дворе Лжедмитрия II имело далеко идущие последствия. Самозванец выдал себя за сына Грозного, а Романов был племянником Грозного. «Родственники» должны были помочь друг другу. Филарет знал, что имеет дело с бродягой, но бродяга нужен был ему, чтобы разделаться с Шуйским и освободить трон в Москве.

Тушино являло взору необычное зрелище. Основанная на холме близ впадения речки Сходни в Москву-реку, «воровская» столица имела диковинный вид. Вершина холма была усеяна шатрами польских гусар. Среди них стояла просторная рубленая изба, служившая дворцом для самозванца. За «дворцом» располагались жилища русской знати. На холме жили господа и те, кто желал казаться господами. Простонародье занимало обширные предместья, раскинувшиеся у подножия холма. Наспех сколоченные, крытые соломою будки стояли тут в великой тесноте, одна к одной. Жилища были битком набиты казаками, стрельцами, холопами и прочим «подлым» народом. В пору дождей столица тонула в грязи. Кругом стояла невыносимая вонь.

На окраинах восставшие низы снаряжали повстанческие отряды и посылали их на помощь к Лжедмитрию II. Многие отряды являлись в Тушино со своими мужицкими «царевичами». Поначалу «царек» принимал свою мнимую родню с почетом. Приведенные ими ратники были нужны ему позарез. Но затем все переменялось. Тушинская «Боярская дума», опиравшаяся на немногие дворянские сотни и наемных солдат, упрочила свою власть. Филарет Романов поневоле признал «брата Дмитрия», но признавать родней прочих «царевичей» из мужиков и холопов он не желал.

По настоянию Романова и тушинской «думы» Лжедмитрий II велел повесить двух «царевичей» на дороге из Тушина в Москву. Казнь «царевичей» Ивана-Августа и Лаврентия знаменовала окончательное перерождение повстанческого правительства в Тушине.

Расправой с «царевичами» непосредственно руководил, по-видимому, атаман Иван Заруцкий. Казацкий вождь был не

менее колоритной фигурой, чем Филарет Романов. По силе характера один нисколько не уступал другому.

Заруцкий не противился перевороту, произведенному наемными солдатами в лагере под Орлом, а затем помог Лжедмитрию II и вождям наемного войска подавить элементы социального недовольства в тушинском лагере. Остатки повстанческих армий Болотникова должны были подчиниться. Самозванец оценил заслуги Заруцкого и произвел его в бояре. Бывший сподвижник Болотникова стал крупным землевладельцем. Немалую роль в перерождении тушинского лагеря и его вождей сыграл внешний фактор.

Лжедмитрий II многократно просил Сигизмунда III о покровительстве и помощи. Тот упорно не желал связывать себя договором. Но по мере того как гражданская война ослабляла Россию, военная партия в Речи Посполитой подымала голову.

В Тушине собралось множество польских и русских дворян, пользовавшихся милостями первого самозванца. Все они откровенно презирали «царька» как явного мошенника, но не могли обойтись без него. Творя насилия и грабежи, наемное «рыцарство» повсюду трубило, что его единственная цель восстановление на троне законного государя, свергнутого московскими боярами.

Личность Лжедмитрия II мало что значила сама по себе. Каким бы ничтожным и безликим ни казался «Тушинский вор», важен был не он сам, а его имя. В глазах простых людей он оставался тем самым «добрым государем Дмитрием», с именем которого Болотников сражался против боярского царя.

Однако успехи нового самозванца оказались призрачными. Тушино недолго соперничало с белокаменной Москвой. «Воровская» столица клонилась к закату, когда-настал новый акт великой московской трагедии.

ИНТЕРВЕНЦИЯ

Лжедмитрий старался любыми средствами привлечь на свою сторону столичную знать. Тушинские бояре тайно переписывались со своей родней в Москве. До Тушина было рукой подать, и многие русские дворяне бежали туда в поисках богатства и чести. Лжедмитрий жаловал перебежчиков и выдавал им грамоты на владение землей. Щедрый на бумаге, «царек» не имел денег, чтобы хорошо платить столичным дворянам. Обманутые в своих надеждах, беглецы возвращались в Москву. Случалось, что «тушинские перелеты» по нескольку раз переходили от царя к «царьку» и обратно.

Царь Василий Шуйский охотно слушал доносчиков, но старался не раздражать сильных людей и не казнил «перелетов», а использовал их покаяния для обличения самозванца. С изменниками помельче царь не церемонился. Их топили в прорубях по ночам, чтобы не вызывать лишних толков.

25 февраля 1609 г. противники Шуйского предприняли попытку дворцового переворота. Заговор возглавили московские дворяне князь Роман Гагарин и Тимофей Грязной, рязанец Григорий Сумбулов, тайно вернувшийся в Москву Михаил Молчанов и другие лица. С толпой вооруженных сообщников они проникли в Кремль и ворвались в зал заседания Боярской думы. Заговорщики кричали на бояр и требовали низложения глупого, непотребного и нечестивого царя. Опасаясь насилия, члены думы не слишком спорили с мятежниками. Когда толпа двинулась из дворца на площадь, они воспользовались суматохой и разбежались по своим дворам. Лишь один Василий Голицын не последовал их примеру и отправился на площадь. По пути толпа захватила патриарха Гермогена и поволокла его на Лобное место. Патриарх пытался сопротивляться насилию, но его толкали в спину, швыряли в него грязью и громко поносили. Оказавшись на Лобном месте, заговорщики призвали народ восстать

против Шуйского. «Его избрали без согласия земли!» — кричали одни. «Царь уже побил две тысячи дворян, их жен и детей!» — выкрикивали другие. Заговорщики звали толпу встать на защиту тех «наших братьев» дворян, которых с утра царская стража повела топить в реке.

Возбуждение толпы нарастало, и тогда полным голосом заговорили тушинские эмиссары Михаил Молчанов и князь Федор Мещерский. Они зачитали обращение «царя Дмитрия» и тушинских бояр к москвичам.

Несмотря на старания, заговорщикам не удалось спровоцировать восстание столичного посада. Пока мятежники шумели на площади, царь успел вызвать отряды верных ему войск из лагеря на Ходынке. Когда заговорщики бросились к царской резиденции, чтобы арестовать Шуйского, момент был упущен. Василий затворился во дворце и велел передать, что по своей воле ни за что не покинет царство. Толпа стала расходиться, и участникам неудавшегося переворота пришлось спешно покинуть Москву.

Василий Голицын и Михаил Татищев помогли Шуйскому свергнуть первого самозванца. Теперь недавние соратники отворачивались от него один за другим. Голицын вел себя самым двусмысленным образом. Он не пытался вступить за Шуйских и готов был поддержать мятежников при благоприятном исходе дела. Татищева заблаговременно удалили в Новгород. Ходили слухи, будто он замышлял идти в Москву с отрядом воинских людей, чтобы низложить царя Василия. Когда в Новгород прибыл Скопин-Шуйский, он тотчас арестовал Татищева и выдал его на расправу уличной толпе.

Наступила весна 1609 г. Она принесла новые испытания столичному люду. Тушинцы осадили Коломну и полностью блокировали Москву. Голодная смерть косила неимущее городское население. Каждый день с улиц убирали сотни трупов. Голодающие не раз собирались под окнами дворца и требовали царя к себе для объяснений.

Недовольные пытались использовать кризис, чтобы организовать новый заговор против Шуйского. Заговорщики задумали убить царя на пасху во время торжественного шествия с «ослятем». Они рассчитывали на поддержку многих столичных дворян и торговых людей. Но один из участников заговора — Василий Бутурлин — выдал Шуйскому их замыслы.

Царя более всего поразило участие в заговоре его давнего сторонника и личного друга Ивана Федоровича Крюка Колычева. При Борисе Годунове Крюк поплатился ссылкой за преданность Шуйским. Царь Василий произвел Крюка в бояре и

поручил ему в чине дворецкого управлять владениями царской фамилии.

Крюк имел много единомышленников в Боярской думе. Но Василий Шуйский предпочел не распутывать клубок измены до конца. Он велел взять к допросу лишь одного дворецкого. После жестоких пыток Крюка вывели на площадь и обезглавили. Испуганные кровавой казнью противники царя в думе на время приутихли.

Успехи самозванца достигли высшей точки, а затем наступил неизбежный спад. «Тушинский вор» контролировал огромную территорию. Но его режим приобретал все более жестокий характер и утрачивал привлекательность в глазах народа.

Гетман Ружинский и его ротмистры отбросили всякие церемонии и распорядились во владениях «царька», как в завоеванной стране. Они не домогались ни думных чинов, ни вотчин. Им довольно было реальной власти. Как и повсюду, наемников всерьез интересовала только звонкая монета. Самозванец не мог оплатить им «заслуженных» денег и выдавал грамоты на кормление и сбор налогов. Рос долг самозванца, росли его траты. Обеспокоенные этим шляхтичи избрали комиссию из десяти человек. Децемвиры установили жестокий контроль за финансами тушинского «царька». Без их ведома ни Лжедмитрий, ни Марина не могли более тратить денежных средств. Распоряжения гетмана и децемвиrow были обязательными для всех, включая тушинских бояр.

Без поддержки низов самозванец никогда бы не добился успеха. Но настроения масс стали меняться, когда выяснилось, что за спиной «царька» стояли захватчики. Вера в «доброе Дмитрия» заколебалась. На собственном опыте народ убеждался в том, что литовские люди и тушинские воеводы несут им еще худшие притеснения, чем старая власть. Ружинский и Сапега расквартировали свои войска по всему Замосковью. Воинские люди забирали у крестьян лошадей, подчистую вывозили из деревень хлеб и фураж. Любое сопротивление грабежу жестоко подавлялось.

Насилия вызывали отпор в народной среде. Массы поднимались на борьбу против захватчиков. В Вологде тушинское владычество продержалось несколько недель. Вологжан поддерживали жители Галича и Костромы, Двины и Поморья. Ян Сапега нанес поражение полкам князя Ивана Шуйского, но надолго застрял под стенами Троице-Сергиева монастыря. Обеспокоенный событиями на севере, Сапега поручил Лисовскому усмирить восставшие местности. «Лисовчики» заняли Кострому и Галич, но успех их был недолговечен. Получив поддержку от царских

воевод, городские ополчения очистили Поволжье и в апреле — мае 1609 г. отбросили отряд Лисовского прочь от Ярославля.

Царь Шуйский, запертый в Москве, как в клетке, не мог использовать волну народного подъема. Его правительство глубоко скомпрометировало себя кровавой борьбой против восставшего народа. Пассивная и бездеятельная власть не внушала никому ни страха, ни уважения. Не доверяя собственному народу и утратив опору в ближайшем окружении, царь Василий все больше уповал на поддержку иноземных сил.

Три года шведский король Карл IX слал в Москву гонцов с предложениями о военной помощи. На самом деле он лишь искал повод для вмешательства во внутренние дела Русского государства. Старания шведского правительства, наконец, увенчались успехом. Василий Шуйский направил в Новгород племянника Михаила Скопина и поручил ему заключить союзный договор со Швецией. 28 февраля 1609 г. Скопин подписал текст соглашения. Король обязался поставить России наемное войско. Взамен он потребовал от русских территориальных уступок. Скопин пошел на уступки и обязался передать шведам крепость Корелу с уездом. Соглашение нанесло ущерб территориальной целостности и национальному достоинству России. Оно вызвало возмущение жителей Карельского уезда. Договор носил неправомерный характер. Царь Василий рассчитывал на помощь обученной и закаленной в боях шведской армии. Однако Карл IX не желал бросать в огонь войны свои полки. Он рассчитывал разгромить поляков в России, не затрачивая больших средств. Его вербовщики обшарили задворки всей Европы. Они нанимали немцев, французов, англичан, шотландцев и как можно скорее переправляли их на русскую границу, где они переходили на полное содержание царской казны. Шуйский платил наемникам баснословные суммы.

10 мая 1609 г. Скопин покинул Новгород. С ним было до 3 тысяч русских воинов и 15-тысячный шведский корпус. Под Тверью Скопин разгромил выступивших навстречу ему тушинцев. Наемники тотчас потребовали у него вознаграждения. Последствия нетрудно было предвидеть. Воевода давно истратил предоставленную ему казну и не смог удовлетворить солдат. Наемный сброд немедленно взбунтовался и повернул к границе. По пути ландскнехты творили насилия и грабежи. В армии Скопина осталось 300 шведов. Позже число их возросло до тысячи.

Не шведская помощь, а народное движение привело к успеху наступление Скопина. Отряды воинских людей стекались к нему со всех сторон. В Торжке воеводу ждала трех-

тысячная смоленская рать. Вслед за тем в его армию влились отряды из Ярославля, Костромы и поморских городов. Численность полков Скопина возросла до 15 тысяч человек.

К северу от Москвы главным центром сопротивления интервентам оставался Троице-Сергиев монастырь. Гетман Ян Сапега тщетно осаждал лавру в течение шестнадцати месяцев. Монастырь имел высокие башни и мощные стены. Стрельцы, монахи и крестьяне мужественно отразили все приступы врага. Окрестное население постоянно помогало защитникам крепости людьми и продовольствием. Приближение армии Скопина вызвало тревогу в стане под Троицей. Сапега попытался разгромить воеводу в районе Калязина, но потерпел поражение в ходе двухдневного сражения 18—19 августа 1609 г.

Успех Скопина не привел к решительному перелому в ходе военных действий из-за того, что международное положение России катастрофически ухудшилось. Страна подверглась нападению со стороны крымских татар, а потом интервенции со стороны Речи Посполитой.

После смерти Лжедмитрия I Шуйский направил в Крым посла, с тем чтобы возобновить мирные отношения с ханом. Но посол был захвачен повстанцами и казнен в Путивле. Восстание в южных городах надолго прервало русско-крымские дипломатические отношения. С весны 1609 г. Крымская орда пришла в движение. В июле наследник хана Джанибек с многотысячным войском вторгся в русские пределы. Прежде татары, проведя грабительский набег, быстро уходили в степи. На этот раз они продвигались к Москве не спеша, сжигая по пути села и забирая в полон русское население. Разгромив Тарусу, крымцы перешли Оку. Их отряды появились в окрестностях Серпухова, Коломны и Боровска.

Положение в Москве было неустойчивым, и старый хитрец Шуйский попытался скрыть от народа правду о крымском вторжении. В грамотах к городам он объявил, будто татары прибыли на Русь как союзники, чтобы помочь против короля. Ложь не принесла ожидаемых выгод. Население Коломны и прочих разоренных мест громко проклидало царя, призвавшего «поганных» и тем погубившего собственную землю.

Ружинский окопался в Тушине у западных стен столицы. Ян Сапега удерживал позиции на севере под Троице-Сергиевым монастырем. Крымские татары подбирались к Москве с юга. Положение России было незавидным. В такой ситуации Сигизмунд III и его окружение решили перейти к открытой интервенции против Русского государства. Найти внешний повод к войне не составляло труда. Король использовал в качестве предлога

русско-шведское сближение. Царь Василий рассчитывал с помощью шведов разгромить тушинский лагерь и изгнать с русских земель иностранных солдат. Однако русско-шведский союз задел личные интересы короля.

Сигизмунд III занял польский трон, будучи наследником шведской короны. После смерти отца, шведского короля Юхана III, он наследовал его титул. Но личная уния между Речью Посполитой и Швецией продержалась недолго. Карл IX совершил переворот. Началась польско-шведская война из-за Ливонии. Сигизмунд считал дядю узурпатором и надеялся вернуть себе шведский трон. Союз между Карлом IX и московским царем нанес удар династическим претензиям Сигизмунда, и он не колеблясь принес государственные интересы Польши в угоду навязчивой идее. Увязнув в войне с Россией, Речь Посполитая в конце концов не смогла противостоять шведам в Ливонии. Господство Швеции на Балтике нанесло огромный ущерб интересам России и Речи Посполитой. Такими были отдаленные последствия политики Сигизмунда III.

Швед по рождению и воспитанию, Сигизмунд плохо понимал дух польского народа и государства. Фанатик по натуре, он ревностно преследовал православие на Украине и в Белоруссии. Завоевательные планы Сигизмунда и его стремление к неограниченной власти вызвали, однако, сопротивление в польских кругах. Чтобы убедить общественное мнение в необходимости московской войны, королю пришлось прибегнуть к услугам публицистов. Некто Павел Пальчевский напечатал сочинение с призывом к немедленному завоеванию Русского государства. Шляхта, утверждал он, освоит плодородные русские земли с такой же легкостью, с какой испанские конкистадоры колонизовали Новый Свет. В завоеванной стране будут созданы военные колонии «наподобие римских». Шляхта, жаждущая земля, приобретет в России обширные владения. Русским дворянам останутся небольшие поместья. Русские — христиане лишь по названию, а потому на них надо идти «крестовым походом».

Король и его окружение лелеяли планы грандиозных завоеваний, но у них не доставало средств к их осуществлению. Польская шляхта отнеслась к планам «крестового похода» без всякого восторга. Сигизмунд не решился вынести вопрос о войне с Россией на обсуждение государственного сейма. Подготовку к войне вели втайне. Никто не выражал так много сомнений и опасений по поводу затеянной авантюры, как коронный гетман Жолкевский. По всей Речи Посполитой, в народе и даже среди сенаторов, предупреждал гетман Сигизмунда, многие не одобряют этой войны и считают, что он (король) стремится извлечь

выгоду лично для себя, а не для Речи Посполитой. Жолкевский не разделял сумасбродных идей насчет колонизации России и высказывался за соглашение с русской знатью и за унию двух государств. Польские послы, вернувшиеся из Москвы, уверяли короля, будто знатные бояре готовы передать ему царский трон и заключить династическую унию. Сведения аналогичного характера поступали из самых разных источников.

Литовский канцлер Лев Сапега советовал королю начать с завоевания Смоленска. Он утверждал, что крепость сама откроет ворота, стоит постучать в них. В сентябре 1609 г. отряды Льва Сапегы подошли к Смоленску. Несколько дней спустя к нему присоединился Сигизмунд III. Королевская рать насчитывала немногим более 12 тысяч человек. В ней было больше кавалерии, чем пехоты. Артиллерийский парк насчитывал не более полутора десятка орудий. Сигизмунд III готовился к легкой военной прогулке, но никак не к осаде первоклассной крепости.

Один из самых древних русских городов, Смоленск в течение столетия находился под властью литовских великих князей. Смоленск и Рязань явились последними великорусскими территориями, вошедшими в состав единого Русского государства в начале XVI в. Крупный торговый и ремесленный центр, Смоленск служил средоточием торговли России с Западом. Сюда приезжали многочисленные купцы из Литвы, Польши, Чехии, Германии и других европейских стран. Из всех русских городов лишь Москва да Псков платили в казну бóльшую сумму торговых пошлин, чем Смоленск. На его посадах располагалось, по словам современников, до 6 тысяч дворов. Население города, возможно, превышало 20 тысяч человек.

Смоленск служил ключевым пунктом всей русской обороны на западе. В правление Бориса Годунова город был обнесен новыми мощными каменными стенами. Строительством их руководил замечательный русский архитектор Федор Конь. Годунов сравнивал новую крепость с драгоценным ожерельем, которое будет охранять Русскую землю. Смоленские стены имели протяженность почти 6 верст, а их толщина превышала 5 метров. В состав смоленского гарнизона входило не менее 1500 стрельцов. С начала военных действий воевода призвал к оружию посадских людей. Днем и ночью караулы на стенах крепости несли 1862 человека горожан, вооруженных ружьями или саблями. В Смоленске было без малого 1200 дворян. Таким образом, гарнизон русской крепости был весьма значительным. Со времен войны с первым самозванцем московское командование сосредоточило в Смоленске огромные запасы продовольствия и пороха.

Затевя поход на Смоленск, Сигизмунд III особым универсалом объявил, что он сжалился над гибнущим Русским государством и только потому идет оборонять русских людей. Король повелевал смолянам отворить крепость и встретить его хлебом-солью. Жители Смоленска отвечали, что скорее сложат свои головы, чем поклонятся ему. Началась беспрецедентная двадцатимесячная оборона города.

12 октября королевская армия устремилась на штурм Смоленска. Солдаты бросились на приступ с двух сторон. Им удалось разрушить Авраамиевские ворота, но все попытки ворваться внутрь крепости были отбиты. Неприятелю пришлось перейти к длительной осаде. Наемники подвели мины под крепостную стену. Смоляне сделали контрподкопы и отвели угрозу. Осажденные тревожили неприятельский лагерь частыми вылазками. Среди бела дня кучка храбрецов переправилась из Смоленска за Днепр, захватила вражеский штандарт и благополучно вернулась назад.

Тем временем армия Скопина продолжала медленно продвигаться к Москве, очищая от тушинцев и польских людей замосковные волости и города. Соперничавшие гетманы Ружинский и Ян Сапега осознали опасность и решили объединить силы, чтобы положить конец успехам Скопина. Они предприняли наступление на Александровскую слободу, занятую воеводой, но потерпели неудачу.

Король Сигизмунд надеялся одним ударом пробить брешь в русской обороне и закончить войну в короткий срок. Но его планы потерпели неудачу. Ослабленная гражданской войной Россия нашла в себе силы, чтобы отразить первый натиск иностранных захватчиков.

РАЗГРОМ ПОД КЛУШИНОМ

ладения Лжедмитрия II стремительно сокращались. Его люди сдавали город за городом. Неудачи посеяли раздор в тушинском лагере. «Боярская дума» «вора» раскололась. Одни ее члены затеяли тайные переговоры с Шуйским, другие искали спасения в лагере интервентов под Смоленском.

Ландскнехты не прочь были вернуться на королевскую службу. Помехой им была лишь их алчность. По их расчетам, Лжедмитрий II задолжал им от 4 до 7 миллионов рублей, невозбранно большую сумму. Наемное войнство и слышать не желало об отказе от «заслуженных» миллионов. В конце 1609 г. самозванец вместе с Мариной уныло наблюдал из окошка своей избы за своим «рыцарством», торжественно встречавшим послов Сигизмунда III. Послы не удостоили «царька» даже визита вежливости. Тушинские ротмистры и шляхта утверждали, будто они, служа «Дмитрию», служили Сигизмунду, отстаивали его интересы в войне с Россией. Поэтому они требовали, чтобы королевская казна оплатила их «труды», и тогда они немедленно отправятся в лагерь под Смоленском. Сигизмунд не имел лишних миллионов в казне, и переговоры зашли в тупик. Если что-нибудь и спасло на время «царька», так это его долги.

Лжедмитрий не знал, на что решиться. Среди общей измены он вспомнил о своем давнем покровителе пане Меховецком. Пана тайно вызвали во «дворец», и он долго беседовал с глазу на глаз с самозванцем. Узнав об этом, Ружинский пришел в бешенство. Он ворвался в царские покои и зарубил Меховецкого на глазах у перепуганного «государя». На другой день Лжедмитрий пытался обжаловать действия гетмана перед войском. Но Ружинский пригрозил, что велит обезглавить и самого «царька». Тогда Лжедмитрий призвал к себе другого благодетеля — Адама Вишневецкого. Друзья заперлись в избе и запили горькую. Но Ружинский положил конец затянув-

шейся попойке. Он выставил дверь и стал бить палкой пьяного пана Адама, пока палка не сломалась в его руке. Мигом протрезвевший самозванец спрятался в клетки подле «дворца».

Дела в тушинском лагере шли вкривь и вкось. Ружинский не в силах был держать свое воинство в повиновении. Чувствуя приближение конца, он что ни день напивался допьяна. Гетман и прежде не церемонился с «царьком». Теперь он обращался с ним, как с ненужным хламом. Лжедмитрию перестали давать лошадей и воспретили прогулки. Однако ему удалось обмануть бдительность стражи.

Население предместий тушинской «столицы» продолжало верить в справедливое дело «Дмитрия». Оно укрыло «царька», когда тому удалось покинуть «дворец». Наемники несли усиленные караулы на заставах, окружавших лагерь со всех сторон. Вечером к южной заставе подъехали казаки с телегой, грузенной тесом. Не усмотрев ничего подозрительного, солдаты пропустили их. Они не знали, что на дне повозки лежал, съезжившись в комок, московский «самодержец». Он был завален дранкой, поверх которой сидел дюжий казак.

Едва по лагерю распространилась весть об исчезновении «Дмитрия», как наемники бросились грабить «дворец», растащили имущество и регалии самозванца. Королевские послы держали своих солдат под ружьем. Их обоз подвергся обыску. Подозревали, что труп Лжедмитрия спрятан в посольских повозках. Пан Тышкевич обвинил Ружинского в том, что тот либо пленил, либо умертвил «царька». Его отряд открыл огонь по палаткам Ружинского и попытался захватить войсковой обоз. Люди гетмана, отстреливаясь, отступили.

Вскоре в Тушине узнали, что «царек» жив и находится в Калуге. Гонцы привезли его воззвание к войску. Лжедмитрий II извещал наемников о том, что Ружинский вместе с боярином Салтыковым явно покушался на его жизнь, и требовал отстранения гетмана.

В минуту опасности Лжедмитрий II поступил с Мариной совершенно так же, как и Отрепьев. Брошенная мужем на произвол судьбы, Мнишек тщетно хлопотала о спасении своего призрачного трона. Гордая «царица» обходила шатры и старалась тронуть одних солдат слезами, других — своими женскими прелестями. Она «распутно проводила ночи с солдатами в их палатках, забыв стыд и добродетель». Так писал в своем дневнике ее собственный дворецкий. Старания Мнишек не привели к успеху, и она бежала в Калугу.

Разнородные силы, с трудом уживавшиеся в одном стане,

пришли в открытое столкновение после исчезновения Лжедмитрия. Низы инстинктивно чувствовали, какую угрозу для страны таит в себе соглашение с завоевателями, осадившими Смоленск. Иноземные наемники готовились перейти на службу к Сигизмунду. Казаки не желали следовать их примеру и намеревались последовать за «добрым государем» в Калугу. Тщетно Заруцкий звал их в королевский лагерь. Рядовые казаки отказывались повиноваться ему. Атаман давно спелся с гетманом Ружинским и тушинскими боярами. И теперь он продолжал преданно служить им. Столкнувшись с неповиновением, он попытался силой удержать казаков в лагере. Стычки закончились не в пользу Заруцкого. Более 2 тысяч донцов миновали тушинские заставы и с развернутыми знаменами двинулись по направлению к Калуге. Заруцкий привык добиваться своего, какой бы крови это ни стоило. Он бросился в палатку к Ружинскому. Гетман вывел в поле конницу и вероломно напал на отходивших пеших казаков. Дорого заплатили повстанцы за свои ошибки. Они устлали своими трупами дорогу от Тушина до Калуги. Однако наемникам вскоре же пришлось пожать плоды учиненной ими бойни. Кровопротитие ускорило размежевание сил внутри тушинского лагеря. Патриотические силы решительно рвали с теми, кто открыто перешел в лагерь интервентов. Сопrotивление врагу возглавил ближайший соратник Болотникова атаман Юрий Беззубцев. Пану Млоцкому, стоявшему в Серпухове, пришлось первому оплатить счет. Жители Серпухова подняли восстание. Казаки Беззубцева, не желавшие переходить на королевскую службу, поддержали их. Отряд Млоцкого подвергся поголовному истреблению. Народные восстания произошли и в нескольких других городах, оставшихся верными Лжедмитрию II.

В хаосе гражданской войны давно спутались привычные пути-дороги. Зброшенные судьбой в тушинский лагерь, повстанцы оказались поистине в трагическом положении. Им не было места в стане тех, кто свирепо усмирил восстание Болотникова. У них не было иного пути, кроме как идти за «добрым царьком» в Калугу. Но «вор» не подходил к роли народного вождя. Опыт с Ружинским ничему не научил его. Самозванец более всего боялся остаться без своих иноземных ландскнехтов. В Калуге он окружил свой двор немецкими наемниками. Порвав с Ружинским, «царек» обратился за помощью к Яну Сапеге и добился его поддержки.

К великому своему неудовольствию, многие казаки увидели, что их «добрый государь» усердно возрождает старый тушинский лагерь. Пресытившись войной, многие из донцов теряли

веру в благополучный исход восстания. Они толпами покидали Калугу и возвращались в свои станицы.

В Тушине события развивались своим чередом. Королевские послы попытались заручиться поддержкой тушинской знати. Они убеждали патриарха Филарета и бояр, что король пришел в Россию с единственной целью взять русских под свою защиту и освободить их от власти тиранов.

Неслыханное лицемерие послов нимало не смутило русских тушинцев. Ставка на самозванца была бита. Авантюра близилась к бесславному концу. «Воровские» бояре готовы были пуститься во все тяжкие, лишь бы продлить проигранную игру. Патриарх Филарет и Салтыков плакали, целуя королевские грамоты. Они заявили, что готовы передать русский трон королевичу Владиславу.

Некогда Василий Шуйский, стремясь избавиться от первого самозванца, предложил московский трон сыну Сигизмунда. Тушинцы возродили его проект, чтобы избавиться от самого Шуйского. Идея унии России и Речи Посполитой, имевшая ряд преимуществ в мирных условиях, приобрела зловещий оттенок в обстановке интервенции. Тысячи вражеских солдат осаждали Смоленск, вооруженной рукой захватывали русские города и села. Надеяться на то, что избрание польского королевича на московский трон положит конец иноземному вторжению, было чистым безумием.

Тушинский лагерь распадался на глазах. Но патриарх и бояре по-прежнему пытались изображать правительство. В течение двух недель тушинские послы — боярин Салтыков, Михаил Молчанов и другие — вели переговоры с королем в его лагере под Смоленском. Итогом переговоров явилось соглашение, определившее порядок передачи трона польскому претенденту. Русские статьи соглашения 4 февраля 1610 г. предусматривали, что Владислав Жигимонтович «произволит» принять греческую веру и будет коронован московским патриархом по православному обряду. Ответ короля на этот пункт боярских «статей и просьб» носил двусмысленный характер. Сигизмунд не принял никаких обязательств по поводу отказа сына от католичества.

Тушинские бояре отстаивали незыблемость крепостнических порядков. Договор настойчиво рекомендовал Владиславу «крестьянам на Руси выхода не давать», «холопам боярским воли не давать, а служить им по крепостям». Вопрос о будущем вольных казаков оставался открытым.

По тушинскому проекту Владислав должен был править Россией вместе с Боярской думой и Священным собором. Потрясения Смутного времени раздвинули рамки земской

соборной практики. Русским людям казалось теперь невозможным решать дела без соборов. Королевичу вменялось в обязанность совещаться по самым важным вопросам с патриархом, высшим духовенством, с боярами и со «всей землей». Под всей землей тушинцы понимали прежде всего дворянство и торговые верхи.

Тушинцы проявляли заботу о разоренных дворянах и осторожно отстаивали принцип жалования «меньших станом» (мелких феодалов) по заслугам, а не по «породе». Договор разрешал дворянам ездить для науки в другие государства и гарантировал им сохранность их поместий и «животов». Какими бы ни были позитивные моменты смоленского договора, сам договор оставался не более чем клочком бумаги. Король Сигизмунд не представил тушинцам никаких реальных гарантий его выполнения. Впрочем, надобности в таких гарантиях не было: правительство Филарета Романова и Салтыкова распалось на другой день после подписания соглашения. Салтыков и прочие «послы» остались в королевском обозе под Смоленском и превратились в прислужников иноземных завоевателей. Король использовал договор, чтобы завуалировать истинные цели затеянной им войны и облегчить себе завоевание пограничных земель.

Смоленский договор окончательно осложнил и без того запутанную обстановку в России. Рядом с двумя царями — законным в Москве и «воровским» в Калуге — появилась, подобно миражу в пустыне, фигура третьего царя — Владислава Жигимонтовича. Действуя от его имени, Сигизмунд щедро жаловал тушинцев русскими землями, не принадлежавшими ему. В смоленском договоре король усматривал верное средство к «полному овладению московским царством». Однако даже он отдавал себе отчет в том, что военная обстановка не слишком благоприятствует осуществлению его блистательных замыслов. Осада Смоленска длилась уже более полугода. Королевская армия несла потери, но не могла принудить русский гарнизон к сдаче. Отряды Ружинского и Яна Сапеги не сумели удержаться в сердце России. После кровопролитных боев Ян Сапега отступил из-под стен Троице-Сергиева монастыря к литовскому рубежу. Ружинский сжег тушинский лагерь и ушел к Волоку-Ламскому.

В марте 1610 г. столичное население устроило торжественную встречу Михаилу Скопину-Шуйскому и его армии. Осадное время осталось позади. Освободитель Москвы князь Скопин приобрел исключительную популярность. Дворяне не верили в неудачливого царя Василия и все больше уповали на энергию и

авторитет его племянника. Прокопий Ляпунов первым вслух выразил мысль, которая у многих была на уме. В письме к Скопину-Шуйскому он писал о царе Василии со многими укоридами, зато молодого воеводу здравствовал на царство.

Скопин-Шуйский не одобрял планов дворцового переворота и велел арестовать посланцев Ляпунова, но затем отпустил их. Соглядатаи царя, однако, пронюхали обо всем. Донос пал на подготовленную почву. Столица оказала поистине царский прием Скопину, что усилило подозрения Шуйского. Оставшись наедине, царь Василий попытался объясниться с племянником начистоту. В пылу семейной ссоры Скопин-Шуйский будто бы посоветовал дяде оставить трон, чтобы земля избрала другого царя, способного объединить истерзанную междоусобицей страну. Братья царя подлили масла в огонь. Они не скрывали ненависти к освободителю Москвы. Спесивый и высокомерный Дмитрий Шуйский надеялся занять трон после смерти бездетного царя Василия. Успехи Скопина грозили расстроить его планы. Стоя на городском валу и наблюдая торжественный въезд Скопина, Дмитрий не удержался и воскликнул: «Вот идет мой соперник!»

Боярская Москва усердно чествовала героя. Что ни день его звали на новый пир. Скопин никому не отказывал, и его покладистость обернулась для него большой бедой. В доме Воротынского вино лилось рекой. Гости пили полные кубки во здравие воеводы. Неожиданно виновник торжества почувствовал себя дурно. Из носа у него хлынула кровь. Слуги спешно унесли боярина домой. Две недели больной метался в жару и бредил. Затем он скончался. В то время ему было немногим более двадцати четырех лет.

Необъяснимая смерть молодого воеводы посеяла в народе сомнения. По всей столице шептались, будто Скопина отравила его тетка Екатерина Скуратова-Шуйская, бросившая яд в его чашу. Однако никто не знал в точности, умер ли воевода от яда или «на перепитии». Царь Василий публично лил слезы над гробом племянника, но мало кто верил в его искренность.

Смерть Скопина-Шуйского роковым образом сказалась на положении дел в армии и стране. Его место тотчас занял Дмитрий Шуйский, рожденный, как говорили современники, не для доблести, а к позору русской армии. Назначение Дмитрия вызвало негодование как высших офицеров, так и рядовых ратников. Царь Василий не забыл о фатальных неудачах Дмитрия, но у него не было выбора. Одни только братья не вызывали у него подозрений в измене. Прочие бояре давно лишились его доверия.

Вместе со Скопиным в Москву прибыл шведский полководец Яков Делагарди. Дело близилось к решающему столкновению. Швеция слала в Россию новые подкрепления. В Москву к Делагарди прибыл отряд в 1500 человек. С севера на помощь спешил генерал Горн с 2 тысячами солдат. Карл IX отправил в Россию двух своих лучших полководцев. При них находилось до 10 тысяч солдат — значительная часть военных сил Швеции.

С наступлением летних дней московское командование после многих хлопот собрало дворянское ополчение и довело численность армии до 30 тысяч человек. Сподвижник Скопина Валуев с шеститысячным войском освободил Можайск и прошла по Большой Смоленской дороге до Царева-Займища. Тут он выстроил острог и стал ждать подхода главных сил.

Польский гетман Жолкевский воспользовался разделением сил противника и решил упредить наступление союзных войск к Смоленску. После упорного боя он потеснил Валуева и окружил его в острожке. Дмитрий Шуйский и Делагарди выступили на помощь Валуеву. К вечеру 23 июня их войска расположились на ночлег у села Клушина. На другой день союзники решили атаковать поляков и освободить из осады острожек Валуева, находившийся в 12 верстах.

Русская и шведская армии далеко превосходили по численности войско польское. Но Жолкевскому удалось пополнить свои силы за счет тушинцев. К нему присоединились Заруцкий с донцами и Иван Салтыков с ратниками. Гетман решил нанести союзникам неожиданный удар. Оставив пехоту у валуевского острожка, он сделал с конницей переход и 24 июня перед рассветом вышел к Клушину. Валуев мог в любой момент обрушиться на поляков с тыла. Но гетман не боялся риска.

Союзники знали о малочисленности противника и проявляли редкую беспечность. Они не позаботились выслать даже сторожевое охранение на Смоленскую дорогу. Шведский главнокомандующий Яков Делагарди весь вечер допоздна пирует в шатре у Дмитрия Шуйского и хвастливо обещал ему пленить гетмана.

Русские и шведы расположились на ночлег несколько поодаль друг от друга. В предрассветные часы, когда их лагерь еще были объаты сном, вдруг показались польские разъезды. Гетман застал союзников врасплох. Но атаковать их с ходу ему все же не удалось. В ночной тьме армия Жолкевского растянулась на узких лесных дорогах, пушки увязли в болоте. Прошло более часа, прежде чем польская конница подтянулась к месту боя.

Разбуженный лагерь союзников огласился криками и кон-

ским ржаньем. Русские и шведы успели вооружиться. Оба войска выдвинулись вперед и заняли оборону, каждый впереди своего лагеря. Единственным прикрытием для пехоты служили длинные плетни, перегораживавшие крестьянское поле. Они мешали неприятельской кавалерии развернуться для атаки до тех пор, пока полякам не удалось проделать в них большие проходы.

На полях под Клушином, казалось, сошлись «дванадесять языцей». Слова команды, брань и проклятия звучали едва не на всех европейских языках — на русском, польском, шведском, немецком, литовском, татарском, английском, французском, финском, шотландском. Бой длился более четырех часов. Солнце поднялось над кромкой леса, и его лучи ярко осветили пригорок перед Клушином.

Эскадроны тяжеловооруженных польских гусар несколько раз атаковали русских. Уже был ранен передовой воевода Василий Бутурлин, дрогнул полк Андрея Голицына. Настало время ввести в дело главные силы, но Дмитрий Шуйский предпочел укрыться в своем лагере. Не получив помощи, ратники Голицына бросились бежать и рассыпались в ближнем лесу.

На правом фланге шведская пехота вела беглый огонь, отстреливаясь из-за плетня от наседавшей конницы противника. В разгар боя поляки подвезли две пушки и обстреляли пехоту. Наемники поспешно покинули ненадежное укрытие и отступили к своему лагерю. Часть солдат бежала к лесу. Боевые порядки союзников оказались расчлененными. Шведские командиры Деллагарди и Горн покинули свою пехоту и с конным отрядом отступили в лагерь Шуйского.

Натиск польской кавалерии стал ослабевать, и союзники попытались перехватить инициативу. Отряд конных мушкетеров — англичан и французов — поскакал через клушинские поля навстречу врагу. Мушкетеры дали залп и повернули коней, чтобы пропустить вперед вторую шеренгу. Но поляки не дали им закончить перестроение и ударили на них с палашами. Мушкетеры смешались и бросились назад. На их плечах гусары ворвались в лагерь Шуйского. Пушкари и стрельцы не решились открыть огонь, опасаясь задеть своих. Промчавшись во весь опор через лагерь, гусары продолжали преследование, пока не устали их кони. На обратном пути лагерь встретил их выстрелами, и им пришлось пробираться окольной дорогой.

Князь Шуйский «устоял» в обозе. К нему присоединился Андрей Голицын с ратными людьми, которых удалось собрать в лесу. Более 5 тысяч стрельцов и ратных людей готовилось к последнему бою. При них находилось 18 полевых орудий.

Дмитрий Шуйский сохранил достаточные силы для атаки, но он медлил и выжидал.

В сражении настала долгая пауза. Исход боя не определился окончательно. Польская конница понесла большие потери, и ей нужен был отдых. Гусары переломали свои копыта и, спешившись, расположились за пригорком. Без пехоты гетман не мог атаковать русский лагерь, оцетинившийся жерлами орудий. Он подумал о том, что его коннице трудно будет добраться и до шведской пехоты, как вдруг ему доложили о появлении перебежчиков.

Наемные войска всегда отличались ненадежностью. Делаярди с трудом удерживал в повиновении свое разноязычное воинство. Накануне битвы солдаты едва не взбунтовались, требуя денег. Швед получил от царя огромную казну, но откладывал расчет, ожидая, что в бою его армия сильно поредеет. Жадность шведского главнокомандующего обернулась против него самого. В отсутствие Делаярди и Горна наемная армия подняла бунт. Оценив ситуацию, Жолкевский послал в шведский лагерь племянника для заключения договора. Первыми на сторону врага перешли французские наемники. Затем заколебался отряд немецких ландскнехтов, стоявший в резерве. Узнав о переговорах, Дмитрий Шуйский прислал к немцам Гаврилу Пушкина с обещанием неслыханного вознаграждения.

Спыхватились наконец и шведские военачальники. Вернувшись в свой лагерь, они попытались прекратить мятеж. Но дело зашло слишком далеко. Пытаясь спасти шведскую армию от полного распада, Делаярди предал русских союзников. Посреди клушинского поля он съехался с Жолкевским, чтобы заключить с ним перемирие отдельно от русских. Тем временем половина его рот прошла мимо своего главнокомандующего и присоединилась к полякам. Делаярди бросился в свой обоз и стал раздавать шведам деньги, присланные ему накануне царем. Английские и французские наемники требовали своей доли и едва не перебили шведских командиров. Не получив денег, они разграбили повозки Делаярди, а затем бросились к русскому обозу и учинили там грабеж.

Шведская армия перестала существовать. Король Карл IX рвал на себе волосы, узнав о катастрофе. Распад союзной шведской армии роковым образом сказался на судьбе русских войск. Дмитрий Шуйский отдал приказ об отходе. Отступление превратилось в беспорядочное бегство. Ратники спешили укрыться в окрестных лесах. В полной панике князь Дмитрий гнал коня, пока не увяз в болоте. Бросив коня, трусливый воевода едва выбрался из трясины. В Можайск он явился без армии.

С недоумением разглядывали встречные богато одетого всадника, который голыми пятками ударял в бока тощую крестьянскую клячу, пытаясь заставить ее прибавить ходу. Некоторые узнавали в нем царского брата и торопливо кланялись.

Не получив вестей от Дмитрия Шуйского, Валуев на третий день после сражения произвел сильную вылазку из острога. Весть о гибели русской армии поколебала стойкость осажденных. Гетман прислал к Валуеву Ивана Салтыкова. Этот тушинец клятвенно обещал, что король снимет осаду со Смоленска и вернет русским все порубежные города, едва страна признает Владислава своим царем. Валуев поддался на уговоры и заявил о признании смоленского соглашения.

Гетман Жолкевский имел теперь под своими знаменами казаков Заруцкого и воинов Валуева — многотысячную русскую рать. Он рассчитывал склонить на свою сторону Яна Сапеги. Но наемники Сапеги, не получив от короля денег, ушли в Калугу к самозванцу.

Военное положение России ухудшалось со дня на день. Получив поддержку от Сапеги, Лжедмитрий возобновил наступление на Москву и занял Серпухов. Армия Жолкевского вступила в Вязьму и приблизилась к русской столице с запада.

Царь Василий пытался найти помощь в Крыму. По его призыву на Русь прибыл Кантемир-мурза с 10 тысячами всадников. Крымцы прошли мимо Тулы и устремились к Оке. Шуйский выслал навстречу Кантемир-мурзе гонца с богатыми дарами. Князю Пожарскому он поручил сопровождать казну до самых татарских станов. Следом за Пожарским на Оку прибыл князь Лыков с четырьмя сотнями стрельцов. Кантемир-мурза, по прозвищу Кровавый Меч, благосклонно выслушал царские «речи» и принял великие дары. Но он успел оценить ситуацию, сложившуюся в Подмосковье. Не желая ввязываться в борьбу с тушинцами и поляками, вероломные союзники повернули оружие против войск Шуйского и разогнали отряд Лыкова. Сапега довершил дело, а Кантемир-мурза с Оки ушел в степи.

Поражения сыпались на Шуйского одно за другим. После Клушина он остался без армии. Царь приказал готовить столицу к осаде. Но дни династии были уже сочтены.

Напрасно самодержец посылал гонцов в провинцию, требуя от воевод подкрепления. Рязанские дворяне, помогавшие царю высидеть в осаде против Лжедмитрия II, ответили дерзким отказом на все его обращения. Мятеж возглавил думный дворянин Прокопий Ляпунов. Стремясь как можно скорее покончить с властью Шуйского, он тайно снесся с боярином Василием Голицыным и другими противниками Шуйского в Москве.

На всякий случай он завел сношения также и с «калужским вором».

Известие о наступлении Лжедмитрия вызвало восстание в Коломне и Кашире. «Меньшие» люди и казаки заявили о поддержке «законного» царя. Коломничи увлекли за собой жителей Зарайска. Но воеводой в Зарайске был тогда князь Дмитрий Пожарский, а с ним шутки были плохи. Пожарский укрылся в каменной крепости и отказался подчиниться «миру». В крепости хранились все запасы продовольствия, и там же зажиточные горожане держали свои ценности. Непреклонность воеводы внесла в их ряды разброд. Пожарский выждал, когда волнения улеглись, и заключил соглашение с представителями посада. Суть договора весьма точно выражала политическое кредо Пожарского: «...будет на Московском царстве по старому царь Василий, ему и служить, а будет кто иной, и тому также служить» — служение не лицу, а государству Российскому.

Зарайский воевода действовал смело и энергично, чтобы спасти столицу от надвигавшейся опасности. Он послал воинских людей в Коломну и добился того, что коломничи, одумавшись, отложились от «вора». Военное положение столицы несколько улучшилось. Но Шуйского могло спасти разве чудо. Крушение надвигалось неотвратимо.

БОЯРСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ

овременники недаром называли Москву «царствующим градом». Судьба царя Василия была решена с того момента, как московское население отвернулось от него. Царь боялся выйти из своего дворца. Собираясь большой толпой под окнами дворца, москвичи кричали Шуйскому: «Ты нам больше не царь!»

Филарет Романов выехал из Тушина с последними польскими отрядами, чтобы найти пристанище в королевских обозах под Смоленском. Но он не успел добраться до места назначения. Царские воеводы пленили его и отправили в Москву. Василий Шуйский не осмелился судить «воровского» патриарха и опрометчиво разрешил ему остаться в столице. В лице Филарета Шуйские приобрели опаснейшего врага.

Тушинские бояре не могли договориться с московскими, пока они поддерживали самозванца. Все переменилось с тех пор, как тушинцы заключили договор о передаче трона Владиславу. Кандидатура королевича оказалась одинаково приемлемой как для Филарета Романова, так и для вождей московской думы, недовольных Василием Шуйским. К пропольской партии в Москве примкнул глава думы удельный князь Федор Мстиславский, дед которого был выходцем из Литвы. Однако сторонники Владислава до поры до времени остерегались открыто провозглашать свои цели. Во-первых, они боялись прослыть пособниками вторгшихся в страну врагов. Во-вторых, бояре отдавали себе отчет в том, что народ не желает видеть на троне иноземного принца-католика.

Инициативу свержения династии взяли на себя сторонники Василия Голицына. Князь Василий давно протягивал руки к короне. Он казнил царя Федора Годунова, затем руководил расправой с Лжедмитрием I. Теперь настала очередь Шуйского. Голицын отбросил прежнюю осторожность, когда убедился в поддержке провинции. Прокопий Ляпунов, подняв против

Шуйского весь Рязанский край, вступил в сговор с ним. В осадные годы в Москве жило много рязанских дворян. Они охотно поддерживали заговорщиков.

Положение столицы ухудшалось со дня на день. По Смоленской дороге к городу двигались польские войска. Из Калуги в окрестности Москвы прибыл Лжедмитрий II вместе с боярином Дмитрием Трубецким и другими тушинцами, сохранившими верность «царьку». Располагая 3 тысячами казаков, Трубецкой не решился штурмовать неприступные московские укрепления и прибегнул к хитрости, чтобы проложить себе путь в столицу. Пусть москвичи ссадят несчастливого царя Василия, предлагали тушинцы, а они, князь Трубецкой с товарищами, покончат с «царьком», после чего Московское государство выберет себе нового государя, который положит конец братоубийственной войне.

Агитацию Трубецкого поддержал не только вчерашний тушинский патриарх Филарет, но и Василий Голицын, тайно готовивший переворот. Противники Шуйского решили действовать без промедления.

17 июля 1610 г. Иван Никитич Салтыков, Захарий Ляпунов и другие заговорщики собрали на Красной площади внушительную толпу и обратились к посаду с призывом свергнуть царя, принесшего стране бесконечные беды. Опасаясь противодействия Гермогена, мятежники ворвались в патриаршие палаты и захватили его. Заложниками в руках толпы стали бояре, которых искали повсюду и тащили на Лобное место. Помня о прежних неудачах, заговорщики не стали штурмовать царский дворец, а все внимание обратили на армию. Последнее слово принадлежало вооруженной силе. Для отражения самозванца командование сосредоточило полки в Замоскворечье. Туда-то и повели толпу Салтыков и Ляпунов. Престарелого патриарха волокли, не давая ему отдышаться. С бояр не спускали глаз.

В военном лагере за Серпуховскими воротами открылся своего рода Земский собор с участием думы, высшего духовенства и восставшего народа. За низложение Василия Шуйского высказались Голицыны, Мстиславский, Филарет Романов. Патриарх Гермоген пытался защищать Шуйских, но его не стали слушать.

Для переговоров с Шуйским собор направил в Кремль бояр Воротынского и Федора Шереметева, а также патриарха со всем Священным собором. Посланцы постарались добром уговорить царя покинуть трон. Свояк князь Воротынский обещал «промыслить» (выхлопотать) ему особое удельное княжество со столицей в Нижнем Новгороде. Василий не слушал уве-

щеваний и не желал расставаться с царским посохом. Тогда его силой свели из дворца на Старый двор.

Низложив царя, собор направил своих представителей в лагерь Ажедмитрия II подле Данилова монастыря. Многие члены собора полагали, что «воровские» бояре тут же свергнут своего «царька» и вместе со «всей землей» приступят к выборам общего государя. Их ждало жестокое разочарование. Князь Дмитрий Трубецкой и прочие тушинцы предложили москвичам открыть столичные ворота перед «истинным государем».

Иллюзии рассеялись. Наступила минута общего замешательства. Партия Шуйских преодолела растерянность и попыталась восстановить утраченные позиции. Патриарх обратился к народу с воззванием, моля вернуть на престол прежнего царя. Начальник Стрелецкого приказа Иван Шуйский через верных людей пытался склонить кремлевских стрельцов к тому, чтобы совершить новый переворот.

Тогда заговорщики решили довести дело до конца. Вместе с Захарием Ляпуновым в их «совете» участвовали думный дворянин Гаврила Пушкин и множество уездных дворян. На этот раз заговорщики обошлись без обращения к Земскому собору. Они не постеснялись нарушить только что принятые соборные решения. Собрав немногих стрельцов и толпу москвичей, они явились во двор Шуйского, прихватив с собой некоего чудовского чернеца. Дворяне держали бившегося в их руках самодержца, пока монах совершал обряд пострижения. «Инока Варлаама» тут же вытащили из хором и в крытой повозке отвезли в Чудов монастырь.

В самый день переворота Захарий Ляпунов с рязанцами стали «в голос говорить, чтобы князя Василия Голицына на государстве поставити». Но заговорщики просчитались. Боярская дума во главе с Федором Мстиславским категорически воспротивилась избранию Голицына. Пропольская партия в думе имела возможность выдвинуть кандидатуру Владислава, но она не осмелилась сделать этого. Переворот внес в ее ряды шатания и разброд. Филарет уловил настроения столичного населения и, «забыв» о соглашении с Сигизмундом III, предпринял попытку посадить на трон своего четырнадцатилетнего сына Михаила.

Однако ни Голицын, ни Романовы не добились поддержки большинства в Боярской думе и на Земском соборе. Члены собора постановили отменить выборы царя до времени, когда в столицу съедутся представители «всей земли». В провинцию помчались гонцы с наказом выбирать изо всех чинов по человеку для участия в избирательном соборе.

По давней традиции Боярская дума выделяла в период междуцарствия особую комиссию из своего состава для управления страной. Следуя обычаю, Земский собор поручил дела — впредь до съезда представителей провинции — семи избранным боярам. Так образовалась знаменитая московская семибоярщина. В нее входили Федор Мстиславский, Иван Воротынский, Василий Голицын, Иван Романов, Федор Шереметев, Андрей Трубецкой и Борис Лыков.

Дворяне, приказные люди, стрельцы, казаки, гости и «черные люди» принесли присягу на верность временному боярскому правительству. Со своей стороны, бояре обязались «стоять» за Московское государство и подготовить избрание нового царя «всея землей».

Обстоятельства не благоприятствовали семибоярщине. Вслед за войсками Лжедмитрия II к Москве подошел гетман Станислав Жолкевский с армией. При нем находились Заруцкий с казаками и воевода Валуев с войском, присоединившийся к договору об избрании Владислава на московский престол.

Жолкевский предложил Лжедмитрию II совместно штурмовать Москву. Одновременно он предложил мир боярскому правительству при условии, что царем на Москве станет Владислав.

Семибоярщина пыталась использовать переговоры, чтобы протянуть время и помешать объединению двух неприятельских армий. Но бояре тщетно пытались перехитрить гетмана. Нетерпеливый Лжедмитрий II занял столичные предместья и попытался овладеть Замоскворечьем. Находившийся при нем Ян Сапега с «литовскими людьми» штурмовал Серпуховские ворота. Поляки из войска Жолкевского не спешили на помощь к Сапеге. Зато русские союзники гетмана — Валуев с отрядом — снялись с места и бросились на помощь москвичам. Не спросив Жолкевского, Валуев атаковал Сапегу и погнал его прочь от Серпуховских ворот.

По случайному совпадению бой у Серпуховских ворот произошел в то самое время, когда Мстиславский собственной персоной прибыл в ставку Жолкевского для переговоров. Глава думы тут же приписал успех дня своим дипломатическим стараниям. Ощувив почву под ногами, пропольская партия навязала думе решение не избирать на царство никого из московских бояр. Путь к избранию Владислава и миру с поляками оказался теперь расчищен.

Предложения насчет унии между Россией и Речью Посполитой обсуждались Боярской думой еще при царе Борисе Годунове. Дума поначалу отвергла их. Но под влиянием гражданской

войны отношение к унии стало меняться. Шуйский обнаружил неспособность справиться с народными движениями, и знать искала выход в союзе с феодальными верхами Речи Посполитой. С избранием Владислава на трон бояре рассчитывали использовать королевскую армию для наведения порядка в стране. Мстиславский и многие другие влиятельные бояре мечтали получить такие же привилегии, которыми пользовались польские магнаты.

Сторонники унии добились поддержки Земского собора главным образом потому, что выступали в роли миротворцев. Дворянам бесконечно надоела война, и они верили, что с помощью росчерка пера можно положить конец и иноземному вторжению, и междоусобиям.

В своих манифестах Сигизмунд обещал прибавить русским дворянам вольностей и избавить их от тиранических порядков. Подобные посулы несколько не прельщали московитов. Куда больше феодалов волновал вопрос о землях и крестьянах. Дворянские представители имели численное преобладание на Земском соборе. Им предстояло принять окончательное решение. Не желая передоверять дело семибоярщине, дворяне постановили взять переговоры с Жолкевским в свои руки. В польский лагерь явилось, как прикинул гетман, около 500 человек дворян, стольников и детей боярских. Соборные представители отправились на переговоры едва ли не в полном составе. От имени дворян речь держал князь Черкасский. Жолкевский ответил на все его вопросы.

Гетман вел рискованную игру. Он обещал московитам все что угодно. Во время переговоров в его ставку прибыл королевский гонец. Жолкевский получил новые инструкции. Московиты должны были присягнуть разом Сигизмунду и его сыну Владиславу. Победы вскружили голову королю. Он домогался царской короны по праву завоевателя.

Жолкевский возражал против нарушения соглашения с русскими. Одержав блистательную победу, он рассчитывал на то, что ему удастся осуществить планы унии. Гетман скрыл от бояр содержание королевских инструкций и постарался довести переговоры до конца. Обстоятельства властно заставляли его спешить.

Московские бояре и не догадывались о затруднениях в польском лагере. Война опустошила казну Сигизмунда III, и гетману нечем было платить солдатам. Наемное воинство во все времена не отличалось надежностью. Наемники сражались, пока им исправно платили. Под Москвой солдаты заявили, что не могут довольствоваться одними обещаниями. В войске Жолкевского

назревал мятеж. Сама того не ведая, семибоярщина спасла гетмана, приняв обязательство оплатить его военные издержки. Бояре выдвинули единственное условие: поляки должны были получить деньги после подписания договора.

Предотвратив мятеж, Жолкевский все же не смог удержать в повиновении свое разношерстное воинство.

В свое время «боярин» Иван Заруцкий увел несколько тысяч казаков из Тушина под Смоленск. Казаки помогли Жолкевскому разгромить армию Дмитрия Шуйского и прибыли с ним в окрестности Москвы. Заруцкий ждал наград, но его постигло жестокое разочарование. Патриарх Гермоген и Мстиславский легко отпустили грехи своей заблудшей братии, Романову и прочим тушинцам. Но они категорически отказались допустить в свою среду «казачьего боярина», помощника Ивана Болотникова. В их глазах он оставался подлинным исчадием ада, живым напоминанием о временах болотниковского восстания. Бывшие тушинские царедворцы, еще недавно заискивавшие перед атаманом, поспешно отвернулись от него. Иван Михайлович Салтыков жестоко осмел казака, когда тот в качестве «боярина» заикнулся о своих местнических правах. Атаман пытался найти поддержку у Жолкевского, но гетман не желал раздражать боярское правительство.

Казаки выказывали недовольство сговором с поляками уже в лагере под Смоленском. Но Заруцкий умело сдерживал недовольных. Теперь он сам возглавил мятеж. Казачье войско вышло из повиновения гетману, покинуло его лагерь и перешло в стан Ажедмитрия II. Сторонники самозванца встретили казаков с ликованием, как братьев.

Московские бояре вздохнули с облегчением, едва лишь узнали о том, что страшный Заруцкий и его казаки покинули польский лагерь. Последние преграды к соглашению с Жолкевским пали.

16 августа 1610 г. Мстиславский, Романов, Голицын и члены Земского собора привезли гетману текст соглашения об избрании Владислава на царский трон. На другой день посланцы Жолкевского Валуев и Салтыков явились в Кремль и зачитали народу текст московского договора. Бояре прошли в Успенский собор и принесли присягу. Из Кремля «начальные люди» и население направились на Новодевичье поле, где их ждал Жолкевский с поляками. По замечанию гетмана, на поле собралось более 10 тысяч русских. В присутствии народа русские и польские вожди торжественно утвердили договор.

Среди членов московского собора и столичного населения единодушия не было и в помине. Вследствие того боярское

правительство не решилось передать договор на подпись выборным земским членам. Мстиславский, Голицын да Шереметев запечатали документ своими печатями, двое думных дьяков поставили на них подписи. Тем дело и ограничилось.

Московский договор был плодом компромисса, который не мог удовлетворить ни одну из сторон. Боярская дума и патриарх не допускали и мысли о том, что на православном царстве утвердится католический государь. Жолкевский считал абсурдной перспективу крещения королевича, но согласился на коронацию Владислава по православному обряду.

Предпринимая поход в Россию, король обещал папе римскому распространить истинную веру на эту варварскую страну. Гермоген не уступал Сигизмунду в фанатизме. Чтобы предотвратить распространение католичества в России после воцарения Владислава, патриарх потребовал смертной казни для тех русских, которые «похотят малоумием своим» принять «папешскую веру» (католичество). Для короля и его католического окружения требования Гермогена были так же неприемлемы, как и пожелания насчет перехода Владислава в православие.

Московское соглашение подтвердило незыблемость традиционных русско-польских границ. Именем Сигизмунда Жолкевский обязался очистить после воцарения Владислава все порубежные русские города, занятые королевскими войсками. Однако в вопросе о прекращении военных действий стороны не достигли ясности. С начала интервенции главным пунктом борьбы стал Смоленск. Соглашение о передаче трона Владиславу и нерушимости границ, казалось бы, автоматически влекло за собой прекращение осады крепости. Однако Жолкевский категорически отверг представления бояр на этот счет. Гетман знал, что Сигизмунд задался целью присоединить Смоленск к коронным владениям и никогда не отступит от поставленной цели. Поэтому он лишь обещал, что будет просить короля прекратить бомбардировку и осадные работы под Смоленском. Бояре удовлетворились неопределенными словесными обещаниями и согласились на компромисс, отдававший предательством. Гарнизон и население Смоленска изнемогали в неравной борьбе. Боярское правительство, подписав договор, фактически бросило их на произвол судьбы.

Семибоярщина не заручилась окончательным согласием претендента и его отца. Тем не менее она отдала приказ о немедленной присяге царю Владиславу. Текст присяги заключал в себе два пункта. Первый из них предусматривал посылку послов к Сигизмунду с просьбой отпустить сына на царство.

К этому пункту был прибавлен второй с клятвой верности царю Владиславу «всея Руси». В спешке боярские правители утратили не только осторожность, но и здравый смысл. В их действиях была логика, но то была логика отчаянно трусивших людей.

Каким бы непопулярным ни был царь, олицетворением зла в глазах народа всегда были лихие бояре. Когда бояре свергли Шуйского и потребовали присяги себе, возникло подозрение, что страна и вовсе может остаться без «надежи государя». Столичный гарнизон насчитывал до 15 тысяч человек, у самозванца было не более 3—5 тысяч воинов. Но бояре слишком хорошо помнили триумфальное вступление Отрепьева в столицу. С законным царем они обороняли Москву от второго самозванца в течение полутора лет. Без царя на троне бороться с «добрым Дмитрием» было куда труднее. Потому семибоярщина и решила не медлить ни дня с провозглашением Владислава царем всея Руси. Не сумев управиться с доставшейся им властью, бояре надеялись утихомирить народ именем законного государя Владислава Жигимонтовича. Семибоярщина не учла того, что ее кандидат не обладал необходимой популярностью ни в русской столице, ни в провинции.

Московский договор поставил людей перед трудным выбором: покориться ли лихим боярам с их чужестранным принцем, либо предпочесть «истинного православного Дмитрия». Миф о добром сыне Грозного вновь стал овладевать воображением народа. Боярские правители напоминали человека, увязшего в трясине. Чем судорожнее они цеплялись за власть, тем глубже погружались в пучину. Объявив об избрании Владислава, верхи окончательно оттолкнули от себя народ. Свидетели московских событий единодушно утверждали, что москвичи — «черный люд» — всячески противились намерению возвести на трон королевича. В обычных условиях дума, опираясь на волю Земского собора, без больших затруднений решила бы вопрос о престолонаследии. Низы не имели представителей в думе и на соборах. Но в обстановке Смуты влияние народа неизмеримо возросло.

Большая часть столичного населения не приняла участия в шествии на Новодевичье поле, устроенном боярами. На другой день после присяги монахи Симонова монастыря послали гонцов-монахов к «царьку» с поклоном. Прошло еще два дня, и множество московского народа, не желая присягать католическому государю, покинуло столицу и перебралось в лагерь самозванца.

Провинция имела еще больше оснований негодовать на семибоярщину, чем столица. Правители попрали приговор Земского

собора и не стали ждать съезда выборных от «всей земли». Они избрали государя без участия страны. Последствия не заставили себя ждать. В августе произошли волнения в Твери и Владимире, Ростове, Суздале и Галиче. «Черный люд» в этих городах объявил о поддержке Лжедмитрия II.

Избрание Владислава благоприятствовало сплочению феодальных верхов. Целой толпой явились в Москву бывшие тушинцы, давно перешедшие на королевскую службу. Настороженно встречало их столичное население, не забывшее голодных «осадных» лет. Все ждали, что скажет глава церкви, ярый противник тушинского лагеря. Настал день, когда Михаилу Салтыкову пришлось отправиться в Успенский собор за патриаршим благословением. Гермоген для вида учинил ему строгий допрос и тут же простил, снисходя к его слезному и умильному покаянию.

Примеру Салтыкова последовали многие дворяне, до последнего момента державшиеся за Лжедмитрия II. Они также вернулись в Москву и принесли присягу Владиславу. Но чем больше дворян покидало калужский лагерь, тем вернее приобретал Лжедмитрий себе сторонников среди московской городской бедноты, крестьян и холопов.

Пожар гражданской войны разгорался с новой силой. Дух Болотникова вновь витал над страной. Народ готов был начать все сначала. Именно страх перед назревшим восстанием низов погнал бояр в стан интервентов. С помощью иноземного войска они надеялись навсегда покончить с «воровскими» казацкими таборами. Московский договор заключал пункт, который в глазах бояр был едва ли не самым важным. По их настоянию Жолкевский принял на себя обязательство «промышлять» над «воровскими» таборами до тех пор, пока «вор» не будет убит или взят в плен, а его лагерь перестанет существовать, после чего земля «в тишине станет». После воцарения Владислава предстояло решить вопрос о самом существовании вольных казаков.

На рассвете 27 августа Жолкевский окружил лагерь самозванца в селе Коломенском. Мстиславский с полками поддержал его наступление. Гетман предьявил ультиматум Яну Сапеге, но тот отказался покинуть «царька». Не желая проливать кровь соотечественников, Жолкевский вместо атаки вступил в переговоры с «вором». Именем Сигизмунда он обещал ему передать во владение Самбор, если он не будет мешать королевским делам в России. Самозванец отклонил предложение и, выскользнув из Коломенского, укрылся в близлежащем Никольском монастыре.

Бояре сосредоточили в поле у Коломенской заставы 15 тысяч воинов. Не надеясь на свои силы, они вновь призвали на помощь

Жолкевского. Гетман потребовал, чтобы ему разрешили провести войска кратчайшим путем через Москву. Едва наступила ночь, стража распахнула крепостные ворота. Пройдя по пустынным улицам Москвы, войска Жолкевского соединились с ратью Мстиславского и направились к Никольскому монастырю. Кто-то заблаговременно предупредил «вора», и он до рассвета бежал в Калугу. Польские войска вернулись в свой лагерь, пройдя через крепость вторично.

Жолкевский информировал бояр о том, что войско Яна Сапеги окончательно покинет «царька», если ему будут заплачены деньги. Мстиславский с готовностью откликнулся на обращение. Получив 3 тысячи рублей, сапежинцы покинули окрестности Москвы. Гетман вел ловкую дипломатическую игру. Польские части отличались значительно большей надежностью, нежели немецкие, французские и английские наемники, переброшенные в Москву из Швеции на помощь Василию Шуйскому и поднявшие мятеж в разгар решающей битвы под Клушином.

Боярские правители с тревогой взирали на тех, кто еще недавно предал их. Гетман дал понять боярам, что охотно распустит «немецкий» сброд, едва лишь сможет расплатиться с ним. Мстиславский с товарищами вновь клюнули на удочку и предоставили ему крупные субсидии. Жолкевский преодолел кризис, угрожавший развалом его армии, и расплатился с наемниками. Отобрав 800 самых боеспособных солдат, он отправил прочь 2500 наемников немцев, англичан, французозв. Численность его армии сократилась до 6—7 тысяч человек.

После принесения присяги Владиславу Москва снарядила великих послов к королю, чтобы в его лагере под Смоленском завершить мирные переговоры. Посредством долгих уговоров и лести Жолкевский убедил Голицына и Романова взять на себя исполнение почетной мирной миссии. Впоследствии гетман откровенно признался, что сознательно удалил из Москвы этих лиц. Филарет Романов продолжал выступать рьяным защитником своего детища — смоленского соглашения. Но после низложения Шуйского его не покидала надежда видеть на троне сына Михаила, и он вел хитрую игру. Жолкевский подумывал о том, чтобы отослать к королю Михаила Романова, но тот был слишком мал, чтобы можно было включить его в посольство. Потому гетман и решил послать к королю Филарета, чтобы иметь в своих руках заложника. Голицын был для Владислава еще более опасным соперником, чем малолетний Михаил. Понятно, почему Жолкевский не желал оставлять его в Москве.

С послами под Смоленск выехало около пятидесяти человек. Они представляли все чины, или палаты, Земского собора. От

православного духовенства к королю отправились кроме Филарета несколько столичных игуменов и старцев. Москву представляли вместе с Голицыным окольный Мезецкий, московские дворяне и стольники. В Смоленск отправились также выборные дворяне из Смоленска, Новгорода, Рязани, Ярославля, Костромы и двух десятков более мелких городов. Стрелецкий гарнизон Москвы представлял голова Иван Козлов и семеро стрельцов, столичный посад — богатый гость Иван Кошурин, портной мастер, ювелир и трое других торговых людей. Москву покинул весь цвет Земского собора, все те, кто сыграл активную роль в недавнем перевороте.

Москвичи целовали крест иноверному королевичу в надежде на немедленное прекращение войны. Но мир все не приходил на истстрадавшуюся землю. Московские послы слали с дороги неутешительные вести. Королевские войска продолжали грабить и жечь русские села и деревни, как будто московского договора вовсе и не было. Козельск подвергся дикому погрому. В пепел обратился Калязин монастырь. В народе все настойчивее толковали, что Сигизмунд готовится сам занять русский трон. Король не пользовался популярностью даже у своих подданных в Речи Посполитой. Москвичам было ненавистно само его имя.

Боярское правительство не могло дать стране ни мира, ни популярной династии. И народ отвернулся от него окончательно. Всяк, кто побывал в Москве в те тревожные дни, мог наблюдать это своими глазами.

Знать пиროвала в кремлевском дворце с королевскими ротмистрами, а за окнами дворца «чернь» волновалась и грозила боярам расправой. Королевские приспешники слали под Смоленск донос за доносом. Москвичи, утверждали они, замышляют одни поддаться «вору» со столицей, другие сами желают стать господами, и мало их, кто бы не был бунтовщиком. Жолкевский целиком разделял опасения донощиков. Склонная к возмущению московская «чернь», писал он, в любой момент может призвать обманщика Лжедмитрия. Находившийся в Москве монах Авраамий Палицын вспоминал, что в столице многие стали «прямить» «калужскому вору» и тайно ссылаться с его людьми.

По иронии судьбы, вчерашние тушинцы — Михаил Салтыков с товарищами — громче всех кричали об опасности переворота в пользу Лжедмитрия II. Они сознательно пугали столичную знать тем, что «чернь», того и гляди, перебьет власть имущих и отдаст Москву «вору». Ссылаясь на опасность народного возмущения, Салтыков требовал немедленного введения в Москву иноземцев наемников.

Вожди семибоярщины обладали достаточным политическим опытом и не закрывали глаза на опасность внешнего вмешательства. Заклучая договор с Жолкевским, они старались не допустить вступления королевских войск в столицу. Солдаты Жолкевского, согласно договору, могли посещать Москву по особому разрешению, и притом группами не более двадцати человек. Бояре сами же нарушили подписанный ими договор, когда приказ переворота вселил ужас в их души.

Инициативу приглашения наемных сил в Кремль взяли на себя Мстиславский, Иван Романов и двое других бояр. Все вместе они располагали непрочным большинством в семибоярщине. Жолкевский прекрасно разбирался в мотивах, которыми руководствовались его новые союзники. Боярские правители, говорил он, страшались своего народа и желали под защитой иноземных войск обезопасить себя от ярости низов.

Мстиславскому и его сообщникам не сразу удалось осуществить свои замыслы. Когда по их приглашению в Кремль явился полковник Гонсевский и русские приставы повели его осматривать места расквартирования рот, москвичи заподозрили неладное и ударили в набат. Вооружившись чем попало, народ бросился в Кремль. Попытка ввести в крепость иностранные войска была сорвана.

Королевская партия в Москве рано праздновала победу. Она не могла считать свой успех полным, пока в столице продолжал функционировать собор, низложивший Шуйского. Жолкевский понимал значение Земского собора и постарался ослабить его, отослав самых влиятельных его членов с посольством под Смоленск.

Народное выступление на мгновение оживило силы угасавшего земского представительного учреждения. Члены собора попытались стряхнуть оцепенение и оказать противодействие планам Мстиславского.

Патриарх Гермоген пригласил к себе двух членов семибоярщины, Андрея Голицына и Ивана Воротынского, и при их содействии созвал на своем подворье чиновных людей — дворян и приказных. Патриарх дважды посылал за Мстиславским и прочими начальными боярами, но те отговаривались занятостью. Выведенный из терпения, он пригрозил, что вместе с толпой сам явится в думу. Лишь тогда Мстиславский с товарищами прибыл на собор.

По словам Жолкевского, у Гермогена собралось великое множество людей, не столько из простого народа, сколько из дворян и служилых людей. Атмосфера в зале заседаний накалялась. Дворяне, забыв о дипломатическом этикете, бранили гет-

мана за многочисленные нарушения заключенного договора. Вопреки соглашению, говорили они с возмущением, Жолкевский раздаст поместья по своему произволу, не считаясь с правами собственности. Он желает царствовать на Москве! Он намерен ввести в город свои войска! — заявляли ораторы.

Мстиславский лишний раз обнаружил перед всеми свою никчемность. Подвергшись нападкам со всех сторон, он забитился лишь о том, чтобы спасти свое лицо. С миной оскорбленной добродетели он вновь и вновь твердил, что никогда еще в жизни не нарушал присяги и теперь готов умереть за царя Владислава.

Гермоген более всего негодовал на то, что польское командование не выполнило обязательств относительно истребления таборов и пленения Ажедмитрия II. Дворянское большинство всецело разделяло его чувства. Жолкевский не оправдал их ожиданий. Однако на соборе у него нашлись защитники. Более всех других усердствовал Иван Никитич Романов. Если гетман отойдет от столицы, говорил он, то боярам придется идти за ним, чтобы спастись от черни.

Доброжелатели успели уведомить о соборе пана Гонсевского. Главный помощник гетмана через своего агента князя Василия Черкаского клятвенно заверил членов собора, что польское командование завтра же пошлет свои роты против «калужского вора», если только московские воеводы поддержат польское наступление. Заверения Гонсевского были лживыми от первого до последнего слова. Вместо похода на Калугу он завершал последние приготовления к занятию Москвы. Мстиславский громко повторил ложь Гонсевского и заставил замолчать Гермогена.

Воспользовавшись паузой, бояре объявили об окончании прений и сделали суровое внушение инициаторам собора. Патриарху, говорили они, следует смотреть за церковью и не вмешиваться в мирские дела, ибо никогда не было, чтобы попы вершили дела государства.

Попытка возобновить деятельность Земского собора имела неудачный исход. Сказалось то обстоятельство, что влиятельная верхушка собора была только что удалена из столицы. Немногие из оставшихся осознавали всю меру опасности, угрожавшей государству. Гермоген и его окружение были всецело поглощены планами разгрома калужского лагеря. Они пытались предотвратить занятие Кремля королевскими войсками, но не желали прибегнуть к помощи той единственной силы, которая могла спасти положение. Глава церкви слишком боялся московского «черного народа», чтобы апеллировать к нему. Страх перед над-

вигавшимся народным восстанием парализовал все усилия Земского собора.

После собора Мстиславский и Салтыков провели совещание с Гонсевским и тотчас же отдали приказ об аресте четырех патриотов, наиболее решительно отвергавших предательские планы. Спустя день бояре вызвали инициаторов Земского собора в ставку Жолкевского. Гетман был верен себе и старался успокоить обеспокоенных земских представителей. Он оправдывался перед ними и уверял, что у него и в мыслях не было забрать из их рук дела управления. Жолкевский расточал медовые речи, предоставив «черную работу» Салтыкову. Вчерашний тушинец осыпал членов собора угрозами и бранью. Он обвинял их в мятеже против законного царя Владислава.

Многие участники собора отказались явиться к гетману. Боярские правители не оставили их в покое. Вкупе с Федором Шереметевым Михаил Салтыков по возвращении в Кремль принялся объезжать дворы «мятежников» и вразумлять их. В знатных домах он бранился, соблюдая некоторую меру. С смелкой сошкой он не церемонился. Земским представителям грозили всевозможными карами. Боярин Андрей Голицын и Гермоген пошли на попятную. Они не противились более Мстиславскому. Голицын развезжал по улицам вместе с Салтыковым и старался успокоить народ, чтобы предотвратить волнения и кровопролитие. Покончив с сопротивлением Земского собора, бояре убрали последние препоны к вступлению иноземных войск в Москву.

Наемные роты вошли в столицу без барабанного боя, со свернутыми знаменами. Жолкевский разместился в Кремле, но при нем находилась лишь небольшая свита. Один из полков занял казармы в Китай-городе, другой — в Белом городе. Прочие силы остались в Новодевичьем монастыре.

Московское великое посольство тем временем добралось до королевского лагеря под Смоленском. Оно привезло с собой богатые дары для Владислава и его отца. Сторонники унии между Россией и Речью Посполитой указывали на политические выгоды союза и настаивали на выполнении обязательств, взятых на себя Жолкевским. Но их голоса вскоре смолкли. Из Москвы шли вести, от которых голова шла кругом. Бояре склонились к ногам Владислава. Продолжавшиеся междоусобия окончательно подорвали мощь Русского государства. С боярским правительством можно было не считаться. В королевском окружении взяла верх партия войны, хотя ее вожди не одержали никаких побед. Встревоженный Жолкевский поспешил в лагерь под Смоленск. Прощаясь с солдатами, он произнес: «Король не отпустит Владислава в Москву, если я немедленно не вернусь»

под Смоленск!» Возвращение Жолкевского, однако, не поправило дела.

Сигизмунд III не собирался отпускать в Москву Владислава. Пока же он был всецело поглощен достижением ближайшей цели. Король и слышать не желал об очищении захваченных Северских земель, а овладение Смоленском стало для него вопросом личного престижа. Королевские сановники ультимативно потребовали от русских послов немедленной сдачи Смоленска и присяги смолян на имя Сигизмунда III. Сенаторы рисовали перед москвитями мрачную перспективу конечной гибели Русского государства. Жолкевский давал боярам новые обещания. «Не упрямитесь, — говорил он, — как Смоленск сдастся, тогда о выводе королем войск из России договор напишем».

Послы пытались толковать о принятии Владиславом их веры. Канцлер Лев Сапега смеялся им в глаза. «Королевиц крещен, — заявил он, — а другого крещения нигде не писано».

18 ноября Голицын вызвал к себе земских представителей — дворян, духовных лиц, приказных, стрельцов, посадских людей — и сообщил им о полной неудаче переговоров. В вооруженном королевском лагере послы фактически стали заложниками. Но они не пали духом. После совещания члены собора постановили отстаивать почетные условия мира, чего бы им это ни стоило.

Московский договор, утвержденный Жолкевским, провозгласил личную унию между Русским государством и Речью Посполитой. Сигизмунд отбросил соглашения прочь, как ненужную бумагу. Пока Смоленск сопротивлялся интервентам, королевская армия была прикована к границе. Чтобы окончательно поставить Россию на колени, Сигизмунду III надо было сокрушить Смоленск. 21 ноября 1610 г. поляки возобновили штурм русской крепости. Едва забрезжил рассвет, взрыв огромной силы потряс окрестности. Осела одна из башен, рухнула часть стены. Трижды неприятель врывался в город и трижды принужден был отступить. Гром пушек под Смоленском подтвердил решимость короля продолжать завоевательную войну.

Впустив врага в Москву, семибоярщина совершила акт национального предательства. Потоками крови заплатил за это русский народ.

СМЕРТЬ ЛЖЕДМИТРИЯ II

ожь и обман обнаружались не сразу. Мирные иллюзии, порожденные московским договором, широко распространились по всей России. Провинциальные воеводы один за другим приводили население к присяге на имя царя Владислава.

Бояре ждали, что королевич Владислав прибудет в Россию без промедления, и хлопотали о том, чтобы просветить его насчет московских порядков. Дьяки составили для юного государя записку, с тем чтобы познакомить его с московскими порядками. Не жалея красок, они расписывали сказочные богатства царской казны, которую Владислав получал вместе с престолом. С казной ему переходили венцы и одежда царские, золотая и серебряная посуда, бархат, атлас и золототканая камка, бессчетные соболя и чернобурки и, наконец, деньги. Записка определяла значение Боярской думы при особе самодержца. «Повинность боярам, и окольниковым, и дьякам думным, — писали дьяки, — быти всегда на Москве при государе безотступно, и заседать в палате, думать о всяких делах, о чем государь расскажет и что царству Московскому надлежать будет». Авторы записки старались дать юному Владиславу представление о дворянской службе и устройстве полков, финансовой системе государства, главных русских городах.

Несколькими штрихами дьяки обрисовали церемониал двора и порядок угощения государя. Прежде чем кушанье или напиток попадали на царский стол, их должны были отведать последовательно ключники, дворецкий, кравчий и чашник.

Иностранцы любили поворчать на московскую кухню. Вседневная пища русских в самом деле была непривлекательной. Люди насыщались хлебом и всевозможными кашами. Из овощей в ходу были репа и капуста, любимым напитком служил квас. Пища была достаточно однообразной и пресной, и московские кули-

нары обильно приправляли любое блюдо луком и чесноком. Перец был большой редкостью.

Сторонники королевича опасались, как бы неблагоприятные толки о русской кухне не задержали его приезд, и не поленились составить подробнейшее описание царского меню. Владиславу Жигимонтовичу предстояло всласть поесть русских пирогов. На дворцовых поварнях пекли ежедневно пироги подовые и столовые — одни с сахаром, другие с пшеном и вязигой, с бараниной, рыбой, яйцами или сыром. Московские кулинары выпекали на редкость вкусные калачи, крупитчатые и ржаные, караваи с грибами, блины красные и блины тонкие с икрой. Прямо с огня на царский стол подавали утей «верченных», зайца в репе, жареных лебедей, куру в лапше и потроха гусиные. Государев стол украшали такие диковинки, как «порося живое рассольное под чесноком». Подле порося ставили кострец лосиный подо взваром, желудки с луком, поставец сморчков. Предметом особой гордости царской кухни были разнообразные рыбные блюда: осетринка свежепросоленная, белорыбица свежая, теша белужья, спинка лосося карельской, голова щука «живая» под чесноком, сельдь паровая переяславская, уха карасевая, «а в ней карась жив», уха раковая. Поскольку королевич был мал, хвалители московской кухни деликатно умалчивали о крепких напитках и ограничились упоминанием о киселе белом, горшочке молока вареного, ведре меду обварного, которое подавали вместе с полуведром огурчиков. Описание царского меню могло воспламенить воображение любого знатока и ценителя кулинарии.

По всей Европе подлинной страстью коронованных особ была охота. Составители записки для Владислава расхваливали на все лады достоинства царской охоты. К услугам королевича были лучшие охотничьи угодья России, находившиеся в ведении особого чиновника — ловчего. «Где зверинцы лосиные и олени, — писали дьяки, — (где) серны и где медведи и волки, везде то ловчего путь». Некогда охота была подлинной школой мужества и ловкости. Единоборство с вепрем готовило князя к грядущим военным походам. Шло время, и охота все больше напоминала легкую забаву. Отловленных зверей держали в клетке про государеву потеху, а потом выпускали на пути коронованного охотника. В Ловчем приказе держали медведей и волков, лисиц и зайцев. Триста псарей служили на царской псарне — «у дву собак пеший псарь». Каких только собак не было в царском дворце! Их приобретали для дворца в разных концах Европы. Когда государь выезжал на охоту, двор заполняли борзые, гончие и волкодавы, потешные и меделянские собаки (большеголовые псы наподобие бульдога).

Благожелатели Сигизмунда III напрасно пытались прельстить его сына сокровищами московской казны, дворцовой кухней и псарней. Король не собирался отпускать наследника в Московию.

Сигизмунд даже издали не видел Москвы. Но он уже чувствовал себя ее хозяином и не считая раздавал своим русским приспешникам земли, насаждал в приказах своих людей, брал деньги из московской казны. Еще до заключения московского договора Сигизмунд III обещал пожаловать Мстиславского за его «прежнее к нам (королю) раденье»: учинить «выше всей братии твоей бояр». После того как Мстиславский помог Жолкевскому занять Москву, король вспомнил о своих обещаниях и 16 октября особым универсалом пожаловал ему высший чин слуги и конюшего. Такой титул до него носил лишь правитель Борис Годунов при царе Федоре. Вместе с новыми чинами удельный князь получил новые доходы и земли.

Король раздавал думные чины направо и налево, благо это ему ничего не стоило. Он пожаловал в окольничие Михаила Молчанова, бывшего любимца Отрепьева, и нескольких других худородных дворян. Тушинского дьяка Ивана Грамотина он сделал печатником — хранителем государственной печати.

Сигизмунд III щедро оплатил предательство Михаила Салтыкова. Королевская канцелярия выдала ему жалованную грамоту на богатую и обширную Важскую землю, некогда принадлежавшую правителю Борису Годунову. Михаил Салтыков получил богатства, которые прежде и не снились ему. И все же он был не вполне доволен. Боярину казалось, что он близок к заветной цели. Стоило сделать последнее усилие, и кормило управления царством оказалось бы в его руках.

Смута внесла немалые перемены в московскую иерархию чинов. Начальник Стрелецкого приказа, стоявший прежде на ее низших ступенях, теперь стал ключевой фигурой в правительстве. Отборные стрелецкие войска, насчитывавшие много тысяч человек, несли охрану Кремля и внешних стен города. Кто командовал стрелецким гарнизоном, тот чувствовал себя подлинным хозяином положения. Король заготовил приказ о назначении сына Салтыкова начальником Стрелецкого приказа. Но в Москве Жолкевский распорядился по-своему. С согласия Мстиславского и нескольких других членов семибоярщины он передал этот пост полковнику Александру Гонсевскому. Полковник получил при этом чин боярина и занял место в думе подле прирожденной русской знати.

Еще во времена Отрепьева Гонсевский вел тайные переговоры с боярами, предложившими тогда русский трон Влади-

славу. Прибыв в Москву в качестве королевского посла, он способствовал свержению Лжедмитрия I. Вмешательство в московские дела дорого обошлось тогда полковнику. Сообщник по заговору Шуйский два года не выпускал его из России. Посол имел возможность близко познакомиться с правящим боярским кругом и сойтись с некоторыми из его членов. Вернувшись в Польшу, Гонсевский торопил короля с нападением. Вторично оказавшись в Москве, он не скупился на внешние знаки дружелюбия, но в душе продолжал считать русских заклятыми врагами. Встав во главе Стрелецкого приказа, он повел дело к тому, чтобы ослабить и расформировать вверенный ему гарнизон. Он рассылал по городам стрелецкие отряды один за другим. «Этим способом, — откровенно писал в своем дневнике один из польских офицеров, — мы ослабили силы неприятеля».

Без поддержки семибоярщины малочисленный польский гарнизон не удержался бы в Москве и нескольких недель. Но время шло, и соотношение сил все больше менялось не в пользу русских. Приближение зимы благоприятствовало осуществлению планов Гонсевского. Дворяне привыкли зимовать в своих поместных усадьбах. Невзирая на тревожное положение в столице, они толпами разъезжались по домам.

Сторонник унии Жолкевский старался любыми средствами предотвратить столкновения между королевскими отрядами и мирным населением. Хорошо зная нравы наемных солдат, он составил детально расписанный устав, грозивший суровым наказанием за мародерство и насилия. На первых порах командование строго следило за его выполнением. Однажды пьяный гайдук, стоявший на карауле у ворот, на глазах у толпы выпалил в икону богоматери, висевшую над воротами. В считанные часы об этом случае знала вся Москва. Город гудел, как потревоженный улей. Поляки поспешили созвать войско и приговорили виновного к смерти. Гайдуку отрубили руки. Затем его бросили живым в костер. Руки прибили к стене под расстрелянной иконой. Военный суд приговорил к смерти еще несколько мародеров. Лишь по ходатайству Гермогена их помиловали.

Благие намерения Жолкевского не дали желаемых результатов. Да и сам он недолго пробыл в Москве. Сторонники завоевания России аннулировали мирные соглашения. Нежданные союзники, пущенные боярами в Москву, все больше превращались в оккупантов.

Столкновения между наемными солдатами и населением оказались неизбежными. Источником постоянных трений служили прежде всего военные реквизиции и поборы.

Присягнув Владиславу, семибоярщина принуждена была взять на себя содержание королевских войск в Москве. Имея в казне немного звонкой монеты, бояре решили возложить расходы по оплате наемников на провинцию. Они выделили на каждую роту по несколько крупных городов. Например, одна из рот получила «в кормление» Суздаль и Кострому. Солдаты посылали в города собственных сборщиков и фуражиров. Один из польских офицеров весьма красочно описал поведение наемников в отведенных им городах. Солдаты, писал он, ни в чем не знали меры и, не довольствуясь миролюбием москвитян, самовольно брали у них все, что кому нравилось, силой отнимали жен и дочерей у русских, не исключая знатные семьи.

Население громко роптало, и семибоярщине пришлось отозвать ротных фуражиров из провинции. Основательно обогатившись, наемники заявили, что согласны отказаться от корма и получать плату звонкой монетой. За несколько месяцев московская казна, как свидетельствовал Жолкевский, выдала его солдатам сто тысяч только на харчи. Траты на содержание иноземных войск легли тяжким грузом на плечи «черных людей» — податного населения.

Штурм Смоленска ошеломил москвичей, только что присягнувших Владиславу. Бояре по-разному отнеслись к тому, что король грубо попрап московское соглашение. Прощаясь с Жолкевским, глава думы Мстиславский объявил о готовности пойти на новые уступки. «Пусть король приезжает в Москву вместе с сыном, — сказал он, — пусть он управляет Московским царством, пока Владислав не возмужает». Однако даже среди бояр далеко не все разделяли подобную точку зрения. Первым нарушил молчание боярин Андрей Голицын. Однажды в думу явился заурядный дворянин Иван Ржевский с объявлением о пожаловании его в окольничие. Голицын не мог сдержать гнев и обратился к Гонсевскому с упреками: «Большая кривда нам от вас, паны поляки, делается! Мы приняли Владислава государем, а он не приезжает. Листы к нам пишет король за своим именем, и под его титулом пожалования раздаются: люди худые с нами, великими людьми, равняются». Голицын требовал, чтобы Сигизмунд перестал вмешиваться в московские дела и скорее прислал в Москву сына. «В противном случае, — заявил он, — Москва будет считать себя свободной от присяги Владиславу, и тогда мы будем промышлять о себе сами». Выступление Голицына поддержал князь Иван Воротынский.

Однако Боярская дума пошла за Мстиславским, а не за Голицыным. Под нажимом главы думы семибоярщина решила во всем положиться на волю Сигизмунда. Смоленский гарнизон

получил из Москвы приказ немедленно сложить оружие. Капитуляция вызвала возмущение патриотов. Патриарх Гермоген не захотел поставить подпись на боярском приговоре. Михаил Салтыков грозил упрямому старику расправой. Но тот не испугался угроз.

В королевском лагере под Смоленском послы наотрез отказались следовать чудовищному приказу насчет сдачи Смоленска. «Отправлены мы от патриарха, всего священного собора, от бояр, от всех чинов и от всей земли, а эти грамоты писаны без согласия патриарха и без ведома всей земли: как же нам и слушать?» — заявляли они королевским сановникам.

Посол Василий Голицын тайно уведомил Гермогена, что Сигизмунд сам намерен занять русский трон и ни в коем случае нельзя верить его обещаниям прислать в Россию сына. Разоблачения посла накалили обстановку в Москве. Приспешники короля забеспокоились и стали искать повод к расправе с патриотами. При поддержке Салтыкова Гонсевский инспирировал громкий судебный процесс.

В руки властей попал некий казак из войска самозванца. Под пытками пленник оговорил московского попа Иллариона. Поп будто бы отвез к Лжедмитрию письмо от всех сословий православной столицы. Столица якобы звала «Дмитрия» в Москву, где все готовы немедленно присягнуть ему. Власти нарядили следствие. Им немало помог донос, поступивший от холопа боярина Мстиславского. Холоп сообщил господину, что сам видел заподозренного попа в день отъезда его из Москвы в Серпухов. Показания свидетелей плохо увязывались между собой. Казак толковал о попе Илларионе, а холоп — о попе Харитоне. Но подобная мелочь несколько не смутила следователей. При аресте у Харитона в самом деле нашли «воровские» листы. Правда, они не заключали в себе никакого обращения москвичей к Лжедмитрию. При Харитоне были грамоты, каких в то время было очень много в Москве. Самозванец писал «прелестные» листы без счета, обещая всем подряд свои милости. Хотя обнаруженные грамоты были адресованы Гермогену, они не доказывали вину патриарха. Но судьи нашли выход из положения. Они приобщили к делу показания лица, некогда служившего Юрию Мнишку. Слуга показал, что он «делал измену» Владиславу в компании с Лжедмитрием и Гермогенном.

Попа Харитона несколько раз брали к пытке, пока он не сознался в преступлениях, ранее приписываемых Иллариону. Священник покорно повторял слова, которые подсказывали ему палачи. Боярин Иван Воротынский и князь Засекин, утверждал Харитон, не раз поручали ему носить изменные письма в

Калугу. Василий Голицын, продолжал поп, писал Лжедмитрию, едучи в Смоленск. В заговор с «вором» вступил не только Василий, но и Андрей Голицын.

Власти обнародовали официальную версию, «раскрывавшую» планы заговора во всех деталях. Москвичи будто бы намеревались совершить переворот 19 октября за три часа до рассвета. Они вступили в сговор с серпуховским воеводой Федором Плещеевым, державшим сторону самозванца. Плещеев с казаками должен был ждать на Пахре условного сигнала. С первыми ударами колоколов мятежники должны были проникнуть через тайный подземный ход в Кремль и овладеть Водяными воротами и затем впустить в крепость «воровские» войска. Поляков предполагалось перебить, кроме самых знатных, а князя Мстиславского «огрбить и в одной рубашке привести к вору».

Инициаторы процесса постарались убедить Мстиславского, что заговор был направлен против него лично, а заодно и против всех «лучших» столичных людей. Они объявили, что бунтовщики замыслили побить бояр, родовитых дворян и всех благонамеренных москвичей, не участвовавших в «воровском» совете, а жен и сестер убитых вместе со всем имуществом отдать холопам и казакам.

Обвинения по адресу заговорщиков носили обычный характер. Верхи неизменно предъявляли подобные обвинения всем повстанцам, начиная с Болотникова. Правдой в них было лишь то, что восстание в Москве могло вспыхнуть со дня на день. Эмиссары Лжедмитрия II открыто агитировали народ против Владислава. На рыночных площадях стражники и дворяне не раз хватали таких агитаторов, но толпа отбивала их силой. Гонсевскому нетрудно было заполучить сколько угодно доказательств подготовки восстания в столице. Однако ни патриарх, ни Голицыны с Воротынским не имели никакого отношения к назревавшему наступлению низов. Своих казаков эти люди боялись больше, чем иноземных солдат.

Дело о заговоре патриарха и бояр едва не рухнуло, когда разбирательство этого дела перенесли с Пыточного двора в помещение суда. Бояре, полковники и ротмистры собрались во дворце, чтобы выслушать важные признания. Как только началось заседание суда, главный свидетель обвинения поп Харитон отказался от своих показаний и заявил, что со страху ложно оговорил бояр Голицыных. Покаяние Харитона испортило спектакль, но не заставило инициаторов процесса отказаться от своих намерений.

Раскрытие мнимого заговора дало Гонсевскому удобный предлог к тому, чтобы ввести наемных солдат в Кремль. Отныне

на карауле у кремлевских ворот вместе со стрельцами стояли немцы-наемники. Ключи от ворот были переданы смешанной комиссии из представителей семибоярщины и польского командования.

Иван Воротынский не очистился от обвинений. Но он проявил покладистость, и после недолгого ареста его вернули в думу. Андрей Голицын доказал на суде свою невиновность. Однако он был решительным противником передачи трона Сигизмунду, и потому его изгнали из думы и заключили под стражу. Патриарха обвинили в тайной переписке с «вором», хотя они всегда были заклятыми врагами. Суд постановил распустить весь штат патриарших слуг — дьяков, подьячих и дворовых людей. В итоге у Гермогена и «писать стало некому». Отныне главу церкви окружали одни соглядатаи Гонсевского.

Гонения на патриарха породили слухи о его открытом сопротивлении супостату — литовскому королю. В провинции толковали, будто Михаил Салтыков требовал от Гермогена благословения на присягу Сигизмунду и грозил зарезать его, но «добрый пастырь» не испугался. Он будто бы созвал в Успенский собор представителей столичных сотен, гостей и торговых людей и с ними вместе приговорил отказать королю в присяге. Литовские роты собрались против собора во всеоружии на лошадях, но Гермоген объявил им о своем решении прямо в лицо.

На самом деле патриарх не имел повода к публичному выступлению. Даже Салтыков не осмелился открыто требовать присяги королю, так как опасался восстания народа. Предатель призвал Сигизмунда распустить слухи о своем походе на Калугу против «вора», а затем внезапно изгоном занять Москву крупными силами.

Подвергнув гонению подлинных и мнимых сторонников Лжедмитрия в Москве, войска боярского правительства при поддержке королевских рот предприняли наступление на калужский лагерь. Они изгнали казаков из Серпухова и Тулы и создали угрозу для Калуги. Самозванец потерял надежду удержаться в Калуге и стал готовиться к отступлению в Воронеж, поближе к казачьим окраинам. Он велел укрепить тамошний острог и снабдить его большими запасами продовольствия. Одновременно он послал гонцов в Астрахань на тот случай, если Воронеж окажется для него ненадежным убежищем.

Прошло четыре года с тех пор, как астраханские посадские люди вместе с казачьей вольницей признали власть «добротого Дмитрия» и отложились от Москвы. Социальная суть движения проявилась тут более отчетливо, чем во многих других городах. Астрахань стойко держалась против войск московского царя.

В дальнейшем казацкие отряды из Астрахани постоянно пополняли войска Лжедмитрия II. По указке своих бояр и гетмана «Тушинский вор» казнил нескольких самозванных «царевичей» из Астрахани. Но с тех пор утекло много воды, и лагерь самозванца вновь выглядел как подлинный казацкий табор. Лжедмитрий рассчитывал найти общий язык с руководителями астраханских повстанцев. Он сообщил им, что намерен вскоре выехать в Астрахань со всей своей семьей.

Боярское окружение, уцелевшее подле «царька», становилось все более ненадежным. Некоторые из его придворных подверглись казни по подозрению в измене.

В былое время Лжедмитрий охотно жаловал земли немецким наемникам. Теперь он утратил к ним доверие. Будучи в Калуге, «царек» велел отобрать у немцев их поместья, а их самих перебить. Царица Марина пыталась спасти немцев, но самозванец приказал передать ей: «Поганые немцы сегодня же умрут, не будь я Дмитрий, а если она будет слишком досаждать мне из-за них, я прикажу и ее тоже бросить в воду вместе с немцами». Марине пришлось проглотить обиду. Царице и ее польским придворным давно не доверяли в казацких таборах.

Недалекий и бесхарактерный Лжедмитрий был лишь номинальным главой калужского лагеря. Подлинным вершителем дел в таборах был атаман Заруцкий. В отличие от своего государя он не предавался унынию, а развернул энергичную войну с интервентами.

Вступив в борьбу с недавними союзниками, Заруцкий вел ее решительно и беспощадно. Он ежедневно рассылал разъезды по всем направлениям от Калуги. Интервенты давно чувствовали себя хозяевами Подмосковья. Им пришлось поплатиться за свою самоуверенность и беспечность. Казаки захватывали королевских дворян и солдат на их зимних квартирах, везли их в Калугу и там топили.

Король Сигизмунд III всегда избегал связывать себя с самозванцем какими бы то ни было соглашениями. Но он охотно использовал его появление для вмешательства в русские дела. После бегства «вора» из Тушина в Калугу один из его любимцев пан Яниковский дал знать королю, что он и его друзья готовы отрубить «вору» голову и удержать Калугу до подхода коронных войск. В то время Сигизмунд отклонил его предложение. Самозванец еще нужен был ему как противовес Шуйскому.

После избрания Владислава на русский трон самозванец стал помехой для осуществления королевских планов. В конце 1610 г. Сигизмунд особым универсалом повелел жителям Калуги схватить обманщика и прислать его под Смоленск.

Королевский универсал не достиг цели. Калужский лагерь все больше втягивался в войну с интервентами. Чтобы покончить с Лжедмитрием II, были пущены в ход тайные средства. С согласия Сигизмунда в Калугу выехал служивый касимовский царь Ураз-Мухамед. Хан служил в Тушине, откуда перебрался под Смоленск. Однако его сын и жена находились в Калуге при особе самозванца. Ураз-Мухамед штурмовал Смоленск и показал себя усердным слугой короля. Поговаривали, что он поехал в Калугу, скучая по жене и сыну. Ураз-Мухамед мог открыто явиться в Калугу и встретил бы там отменный прием. Но он прокрался в калужский лагерь исподтишка, сохранив в тайне свое имя. Касимовские татары служили при «воре» телохранителями, и касимовский хан с их помощью мог легко захватить Лжедмитрия и тем самым исполнить приказ короля. Ураз-Мухамеду не повезло. Его опознали и после недолгого розыска казнили как вражеского лазутчика. Пятьдесят татар из охраны «царька» были взяты под стражу, но затем освобождены. Просчет стоил самозванцу головы.

Погожим зимним утром 11 декабря 1610 г. Лжедмитрий по обыкновению поехал на санях на прогулку за город. С ним был шут Петр Кошелев, двое слуг и человек двадцать татар охраны. Когда вся компания отъехала на приличное расстояние от Калуги, начальник охраны Петр Урусов подъехал вплотную к саням и разрядил в «царька» свое ружье, а затем для пущей верности отсек убитому голову.

Шут ускакал в Калугу и поднял тревогу. По всему городу зазвонили сполошные колокола. Посадские люди всем «миром» бросились в поле и за речкой Яченкой на пригорке у дорожного креста обнаружили нагое тело с отсеченной головой. Труп перевезли в Калужский кремль. Казаки бросились избивать «лучших» татарских мурз, мстя за смерть «государя».

Убийство Лжедмитрия явилось следствием заговора. Князь Петр Урусов и его сообщники подверглись аресту как сообщники Ураз-Мухамеда незадолго до покушения. Тогда им пришлось отведать кнута и вынести пытки. Не будучи родней касимовского царя, Урусов не имел причин мстить за его убийство. Зато у него были свои отношения с поляками. Любопытное замечание на этот счет обронил в своих записках Жолкевский. «Некоторые думали, — писал он, — что на сие (убийство. — Р. С.) навел Урусова гетман, подозревали же его в сем, вероятно, потому, что гетман после бегства самозванца из-под Москвы обращался с Урусовым обходительно и ласково».

В Калуге Лжедмитрий занимал с женой лучший дом, именовавшийся царским дворцом. Марина Мнишек была на сносях.

Когда роковая весть достигла дворца, простоволосая и брюхатая «царица» выскочила на улицу и в неистовстве стала рвать на себе волосы. Обнажив грудь, Мнишек требовала, чтобы ее убили вместе с любимым супругом. Поляки, находившиеся при «государыне», дрожали за свою жизнь.

Немногие оставшиеся в Калуге бояре намеревались, не медля ни минуты, ехать в Москву с повинной. Атаман Заруцкий пытался бежать из острога, чтобы укрыться в степях. Но калужане не выпустили его из города.

Ян Сапега, стянувший силы для борьбы с казаками, решил использовать момент, чтобы склонить калужан к сдаче. Он подступил к городу и попытался вступить в переговоры с «царицей» и боярами. Калужане воспротивились переговорам. Опасаясь измены, они заключили под стражу Марину Мнишек и усилили надзор за боярами.

Оказавшись под домашним арестом, Мнишек не оставляла надежды на помощь единоверцев. В литовский лагерь пробрался странник. В его корзине припрятана была восковая свеча. Свечу осторожно разломали, и оттуда выпала свернутая в трубку записка от Марины Мнишек. «Освободите, освободите, ради бога! — писала Мнишек. — Мне осталось жить всего две недели. Спасите меня, спасите! Бог будет вам вечной наградой!»

Сапега не посмел штурмовать Калугу и отступил прочь. Опасность миновала, и низы поуспокоились. Никто не знал, что делать дальше. Самозванец никому не нужен был мертвым. Труп лежал в холодной церкви более месяца, и толпы окрестных жителей и приезжих ходили поглядеть на его голову, положенную отдельно от тела. После смерти Ажедмитрия II в его вещах нашли талмуд, письма и бумаги, писанные по-еврейски. Тотчас стали толковать насчет еврейского происхождения убитого «царька».

Задержанные в Калуге «воровские» бояре настойчиво искали соглашения с московскими. Семибоярщина направила в Калугу князя Юрия Трубецкого, чтобы привести тамошних жителей к присяге. Но восставший «мир» не послушал Трубецкого. Калужане выбрали из своей среды земских представителей «из дворян, и из атаманов, и из казаков, и изо всяких людей». Выборные люди выехали в Москву, чтобы ознакомиться с общим положением дел в государстве. Депутация вернулась с неутешительными новостями. Казаки и горожане видели иноземные наемные войска, распорядившиеся в Кремле, и негодующий народ, готовый восстать против притеснителей.

Возвращение выборных из Москвы покончило с колебаниями калужан. Невзирая на убеждения бояр, «мир» приговорил не

признавать власть Владислава до тех пор, пока тот не прибудет в Москву и все польские войска не будут выведены из России. Посланец семибоярщины Юрий Трубецкой едва спасся бегством. Восставшая Калуга вновь бросила вызов боярской Москве.

Тем временем Марина, со страхом ждавшая родов, благополучно разрешилась от бремени. В недобрый час явился на свет «воренок». Вдова Отрепьева жила с самозванцем невенчанной, так что сына ее многие считали «ззорным» младенцем. Марину честили на всех перекрестках. Как писали летописцы, она «воровала со многими». Поэтому современники лишь разводили руками, когда их спрашивали о подлинном отце ребенка. Даже после смерти мужа Мнишек не рассталась с помыслами об основании новой московской династии. «Царица» давно позабыла о преданности папскому престолу и превратилась в ревнительницу православия. После рождения ребенка она объявила казакам и всему населению Калуги, что отдает им своего сына, чтобы те крестили его в православную веру и воспитали по-своему. Обращение достигло цели.

Разрыв с Москвой и рождение «царевича» напомнили «миру» о непогребенном самозванце. Калужане торжественно похоронили тело в церкви. Затем они «честно» крестили наследника и нарекли его царевичем Иваном. Движение, казалось бы, обрело свое знамя. Так думали многие из тех, кто присутствовал на похоронах и крестинах. Но мечты вскоре рассеялись в прах. Сыну самозванца не суждено было сыграть в последующих событиях никакой роли. Народ остался равнодушным к новорожденному «царевичу».

Смерть Ажедмитрия II вызвала ликование в московских верхах. Но знать радовалась преждевременно. Возбуждение, царившее в столице, не только не улеглось, но усилилось. Для пресечения недовольства боярское правительство использовало королевские войска. Вмешательство чужеродной силы придало конфликту новый характер и направление. Социальное движение приобрело национальную окраску. Ненависть против лихих бояр не улеглась, но она все больше заслонялась чувством оскорбленного национального достоинства.

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

гибелью Лжедмитрия II в Русском государстве остался один царь Владислав. Но страна не видела его в глаза. Сигизмунд III отказался отпустить пятнадцатилетнего сына в охваченную гражданской войной страну. Он предпочел возобновить штурм Смоленска. Королевские войска вели себя в России как в завоеванной стране. Лилась кровь, пылали города и деревни.

Избрание католического принца на русский трон вызвало негодование в народе. Патриоты высказывали мысль, что надо очистить православную столицу от иноземных войск, а затем выбрать русского царя. Они рассылали по городам грамоты с призывом идти к Москве на «литовских людей». О том же говорили «подметные письма», пересылаемые из города в город. Патриарх Гермоген поддерживал патриотов своим авторитетом.

Страстные призывы «всею землею обще стать», быть «обще всем в соединении душами своими и головами» не остались безответными. На борьбу поднялись Нижний Новгород, Ярославль, заволжские и поморские города. В Рязани во главе движения встал Прокопий Ляпунов. Собранные им дворянские отряды двинулись к Москве. Иван Заруцкий и князь Дмитрий Трубецкой привели к столице казаков из окончательно распавшегося после гибели Лжедмитрия II калужского лагеря. Так под стенами Москвы появилось Первое ополчение.

Москвичи готовы были подняться против интервентов, как только к городу подойдут войска Ляпунова и Заруцкого. Но восстание вспыхнуло преждевременно.

Столица давно превратилась в настоящий пороховой погреб. Народное недовольство достигло крайних пределов. 19 марта 1611 г. наемники стали готовить Кремль к боевым дей-

ствиям и устанавливать пушки на стенах. Их командиры пытались насильно привлечь к работам население. Москвичи отказались подчиниться. Наемники пустили в ход оружие. Драка в Китай-городе стала искрой, брошенной в порох. В Белом и Земляном городах, по всему Замоскворечью многие тысячи москвичей взялись за оружие. Стрельцы поддержали восстание народа.

Борьба шла с переменным успехом. Тогда Гонсевский по совету русских изменников поджег город. Москвичи бросились тушить огонь, наемники — грабить и убивать посадских людей. Обширный город за два-три дня превратился в груду развалин и пепла. Тысячи москвичей, лишившись крова и имущества, разошлись во все стороны.

Захватчики удержали Москву, но бесславной была их победа. Не в честном открытом бою взяли они верх. Грабежи окончательно деморализовали наемное воинство.

Сожжение Москвы потрясло ум и душу народа. Тысячи беженцев разошлись по всей стране. Из их уст люди узнавали подробности неслыханной трагедии.

Главные силы ополчения подошли к городу вскоре после пожара. При поддержке восставших москвичей они заняли подавляющую часть территории столицы. Но семибоярщина и интервенты удержали в своих руках Кремль и Китай-город, где находилась лучшая часть русской артиллерии. Ополчение не располагало ни достаточными силами, ни необходимыми для осады тяжелыми пушками. Земские полки предприняли генеральный штурм, но понесли огромные потери и не смогли овладеть неприступными укреплениями.

В дни боев за Москву в таборах Первого ополчения возник постоянно действующий Земский собор — совет всей земли. Впервые в истории собор не включал ни официальную Боярскую думу, ни высшее духовенство. Решающий голос на нем принадлежал провинциальному дворянству и казакам. Приговор собора от 30 июля 1611 г. определил направление всей деятельности земского правительства. Изменники — бояре и столичная знать, помогавшие врагу, — должны были лишиться всех своих огромных земельных богатств. Конфискованные земли следовало по справедливости распределять между бедными и разоренными дворянами. В своих обращениях к населению вольных окраин власти звали в ополчение всех казаков, вчерашних крепостных и холопов, суля им волю. «Молодым казакам» полагалось денежное и хлебное жалованье. Об их возвращении в крепостную неволю не было и речи.

Новое правительство фактически возглавил Ляпунов и двое

его сотоварищей — казачий предводитель Иван Заруцкий и князь Дмитрий Трубецкой.

Продовольствие поступало в таборы с перебоями. Больше всего страдали от этого казаки. Чтобы спастись от голода, они самочинно изымали хлеб у населения. Ляпунов пытался пресечь реквизиции и грабежи с помощью суровых мер. Рознь между казаками и дворянами, мечтавшими о восстановлении крепостничества, усилилась. Гонимый Ляпунов использовал эту рознь для провокации против Ляпунова. Московские дьяки сочинили грамоту с приказом «бить и топить» казаков по всей стране. Грамота была снабжена фальшивой подписью Ляпунова и переправлена в таборы. Возмущенные казаки вызвали Ляпунова для объяснения на «круг» и зарубили его. Опасаясь за свою жизнь, дворяне стали тайком покидать полки.

Земское правительство лишилось вождя в то самое время, когда внешнеполитическое положение России резко ухудшилось. Двадцать месяцев гарнизон и население Смоленска героически обороняли свой город. Борьбой умело руководил боярин Михаил Шеин. Осажденные решительно отказались подчиниться приказу семибоярщины и прекратить борьбу. К концу осады немногие из них остались в живых. 3 июня 1611 г. королевские войска ворвались в Смоленск и захватили его.

Тем временем шведский король Карл IX, лицемерно предлагавший земскому правительству помощь, предпринял широкое вторжение в русские пределы. 16 июля 1611 г. его войска прорвали внешний пояс обороны Новгорода и захватили посад на Софийской стороне. Воевода и дворяне имели возможность обороняться в Кремле. Но они предпочли последовать примеру семибоярщины. Воеводы, митрополит и «лучшие люди» объявили о создании «Новгородского государства» и подписали со шведским генералом договор об избрании царем сына Карла IX. Их предательство дорого обошлось России. Одна за другой перешли в руки шведов неприступные крепости, прикрывавшие северные рубежи страны.

ЛЖЕДМИТРИЙ III

амозванцы появлялись на исторической арене подобно героям кукольной комедии. С начала Смуты число их превысило дюжину. Никто из них не сносил головы. Калужский «царек» нашел себе преемника в лице «псковского вора», впоследствии названного Лжедмитрием III.

История псковского авантюриста незамысловата. Едва калужане предали земле останки шкловского бродяги, как в Москве нашелся другой авантюрист, взявшийся докончить прерванную комедию.

Кем был вновь объявившийся самозванец, неизвестно. Русские авторы допускали вопиющие противоречия, едва речь заходила о Лжедмитрии III. Придворный летописец Романовых утверждал, будто тот был москвичом, который пришел в Ивангород «с Москвы из-за Язуы дьякон Матюшка и назвался царем Дмитрием». Современники подозревали, что новый «вор» происходил из духовного сословия, но его подлинного имени так никогда и не установили. Свой рассказ о «царе» Матюшке автор «Нового летописца» снабдил неожиданным заголовком: «О Сидорке, Псковском воре». Итак, последнего самозванца звали то ли Матюшкой, то ли Сидоркой.

Где был этот человек в момент гибели Лжедмитрия II, никто не знает. Прошло немного времени, и дьякон сбежал из Москвы в Новгород. Опустошив свой тощий кошелек, Сидорка попытался заняться мелкой торговлей. Он раздобыл несколько ножей и еще кое-какую мелочь и задумал сбить свой товар с выгодой для себя. Предприятие быстро лопнуло, и Сидорке пришлось просить милостыню, чтобы не умереть с голода. В один прекрасный день он наконец собрался с духом и объявил новгородцам свое «царское» имя. Толпа осыпала новоявленного царя бранью и насмешками. Многие узнали в нем бродячего торговца. Незадачливому самозванцу пришлось спешно убираться

из Новгорода. Все же ему удалось увлечь за собой несколько десятков человек. С ними он бежал в Ивангород. Крепость эта находилась в руках бывших тушинцев, и самозванец рассчитывал на их любезный прием. Ивангородцы изнемогали в неравной борьбе. Несколько месяцев крепость осаждали шведы. Затем к городу подошел пан Лисовский с отрядом. Горожане не поверили его дружеским заявлениям и заперли перед ним ворота. Наконец, их призывы о помощи были услышаны. В город прибыл собственной персоной воскресший «Дмитрий». Три дня ивангородцы палили из пушек в честь долгожданного спасителя. Простым людям «царек» казался своим человеком. Иноземцы находили его смелым по характеру и находчивым краснобаем. В самом деле, «вор» без устали повторял историю своего спасения всем желающим. Он был зарезан в Угличе, но избежал смерти. Его изрубили и сожгли в Москве, но и тогда он восстал из мертвых. Его обезглавили в Калуге, но вот он — жив и невредим стоит перед всеми.

Добившись признания в Ивангороде, самозванец тотчас завязал тайные переговоры с псковичами. Нигде социальная борьба не приводила к столь решительным результатам, как во Пскове. Подняв восстание против царя Василия Шуйского, «меньшие люди» изгнали из города воевод, дворян и лучших людей. После свержения Шуйского семибоярщина так и не могла добиться покорности от псковичей. Город отказался от присяги в пользу королевича Владислава. Весть о гибели Лжедмитрия II посеяла тревогу в псковских низах. Но сторонники калужского «царька» воспрянули духом, едва прослышали о появлении «государя» в Ивангороде. Псков не сразу освоился с невероятной новостью, и казаки, очертя голову бросившиеся в новую авантюру, принуждены были хитрить. Атаманы объявили о сборе в поход, и их сотни в боевом порядке покинули Псков. Едва за спиной у казаков захлопнулись крепостные ворота, отряд развернулся и помчался к Ивангороду. Прибыв в Ивангород, казаки уверили Сидорку в том, что Псков примет его с распростертыми объятиями. «Царек» поверил им и в начале июля разбил свои бивуаки в псковских предместьях. Его посланцы затребовали ключи от города. Псковичи долго советовались, как быть. В конце концов они решили, что проживут и без «царька». Сидорка окончательно испортил дело после того, как велел захватить городское стадо и на славу угостил свое войнство. Шесть недель самозванец маячил у стен крепости, а затем внезапно исчез. Его спугнули шведы. По новгородской дороге к Пскову приближались шведские отряды и ополчение новгородских дворян. К ним присоединилось немало псковских помещиков.

«Меньшие люди» Пскова знали, что их не пощадят в случае поражения, и решительно отвергли все предложения о сдаче. «Новгородское государство» тщетно убеждало псковичей последовать его собственному примеру и отдаться под покровительство Швеции. Псковский народ решительно отверг путь предательства. Не для того псковичи восстали против Владислава, чтобы признать над собой власть безымянного шведского королевица.

При поддержке новгородских и псковских дворян шведы попытались силой овладеть непокорным городом. 8 сентября 1611 г. они взорвали крепостные ворота и устремились на приступ со стороны реки Великой. Наемники помнили о «новгородском взятии» и предвкушали легкую победу. Они готовились разграбить древний город. Но псковичи давно изгнали из своего города тех, кто мог оказать помощь врагам, и потому шведские солдаты не добились тут успеха. Приступ был отбит. Пять недель неприятель осаждал крепость, а затем отступил к Новгороду.

Псков стоял подобно скале среди бушующего моря. С востока и севера в его пределы постоянно вторгались шведы, а с юга и запада — литовские отряды. Лисовский не давал покоя псковскому населению. Король Сигизмунд III направил против Пскова армию гетмана Ходкевича, стоявшую в Ливонии. Ходкевич осадил Псково-Печерский монастырь. В течение полутора месяцев тяжелые осадные пушки вели огонь по монастырским укреплениям. В нескольких местах стена крепости покрылась трещинами и осела. Но стрельцы, монахи и окрестные крестьяне, затворившиеся в монастыре, не теряли мужества. Отразив семь вражеских приступов, они вынудили Ходкевича снять осаду и отступить в Ливонию.

В Пскове установилось народовластие. Город давно заявил о поддержке земского освободительного движения. Горожане готовы были послать силы, чтобы ускорить освобождение Москвы. Но им пришлось самим запросить помощи у земского ополчения, чтобы выстоять. «Многие напасти на нас сходятся отовсюду, — писал псковский «мир» вождям ополчения, — а помощи ниоткуда нет!» Совет земли откликнулся на это обращение. В Псков выступили воеводы Никита Вельяминов, а за ним Никита Хвостов с отрядом казаков.

Смерть Ляпунова развязала руки сторонникам самозванца в подмосковном ополчении. Однако среди них не было единодушия. Шведы получили достоверную информацию о том, что Заруцкий старался убедить казаков избрать в цари Ивана Дмитриевича. Однако «царевич» был грудным младенцем, и все по-

нимали, что править за него будет его мать Мнишек. Вдова двух самозванцев, однако, не пользовалась никакой популярностью в народе.

Весть о появлении «Дмитрия» вызвала минутное возбуждение среди ополченцев. Толки смолкли сами собой. Весть была слишком невероятной. В таборах было много ветеранов, своими глазами видевших мертвую голову «государя», отделенную от туловища.

Шло время, а поток известий о деяниях «Дмитрия» не только не иссяк, но стал разрастаться. Время брало свое, и легковверные люди все больше свыкались с мыслью о новом спасении поистине бессмертного сына Грозного. На удочку попали те из казаков и московских повстанцев, которым не довелось видеть мертвого «вора». Новообращенные большой толпой присоединились к отряду, направленному в Псков вождями ополчения.

Прибытие в Псков сторонников Лжедмитрия мгновенно изменило ситуацию в городе. Под влиянием их агитации псковские низы потребовали признания «истинного государя». Их посланцы выехали в Ивангород и передали ему приглашение псковского «мира». Сидорка не стал ждать, чтобы его попросили дважды. Он тотчас собрался в путь. «Царек» и его свита выбирали глухие проселочные дороги. Им удалось миновать шведские заставы. 4 декабря 1611 г. кавалькада прибыла в Псков. Жители успели простить «государю» забытых коров из городского стада. Они устроили ему радушную встречу. Воеводы не имели сил противиться взрыву людских страстей. Сидорка тотчас вознаградил их за покорность. Воеводы князь Иван Хованский и Никита Вельяминов сподобились боярского чина и заняли почетное место подле самозванца. Обосновавшись в псковском детинце, «вор» сразу же отправил в подмосковные таборы атамана Герасима Попова с воззванием к тушинским ветеранам.

Обращение «государя» взбудоражило московское население и казаков. Надежда на чудо уже владела умами людей. Люди желали видеть на троне православного, русского человека. Решение собора о приглашении шведского принца царствовать в России глубоко задело национальное чувство народа. Симпатия к «Дмитрию» вспыхнула как реакция на попытку навязать стране второго иноземного и иноверного царя.

Казачьи созвали «круг» и внимательно выслушали речи «государева» посланца атамана Попова. Некоторые из участников «круга» открыто выражали сомнения в чудесном спасении «Дмитрия». Рьяные сторонники самозванца настаивали на немедленной присяге «законному царю». Но большинство заняло выжидательную позицию. Под их влиянием «круг» решил

послать в Псков особую делегацию для опознания «царя». Старые бояре Ажедмитрия II постарались отклонить сомнительную честь и поручили дело Казарину Бегичеву. Бывший стрелецкий голова Бегичев числился у тушинского «царя» думным человеком и исполнял его поручения в Пскове. Псковичи его хорошо знали. Вместе с Бегичевым в путь отправились тушинский думный дьяк и отряд казаков.

Ажедмитрий III устроил посланцам ополчения торжественную встречу. Допущенные к руке, старые казаки убедились, что перед ними самозванец, несколько не похожий на их прежнего «царька». Но вооруженная стража Сидорки окружала трон толпой, и казакам поневоле пришлось прикусить язык. Никто из них не решился обличить «вора». Под нажимом псковичей послы направили ополчению грамоту с подтверждением истинности «Дмитрия».

Грамота полномочных послов «всей земли» вызвала в ополчении бурю. Простой народ и казаки охотно верили тому, чему хотелось верить. Их «добрый царь» в который раз вновь спасся от злых бояр. Последующие события развивались под действием неуправляемых стихийных сил. 2 марта 1612 г. казачий «круг», на котором присутствовало также много москвичей, провозгласил государем псковского самозванца. Вожди ополчения Заруцкий, Трубецкой и другие, помня о судьбе Ляпунова, подчинились «кругу». Они вместе с казаками принесли присягу на имя Ажедмитрия III и вернулись в свою ставку в сопровождении торжественной процессии и под грохот артиллерийского салюта. Народ приневолил целовать крест дворян из полка Трубецкого, попавшихся под руку.

В земских отрядах, стоявших поодаль от таборов, присяга не удалась. Воеводы Мирон Вельяминов, Исак Погожий и Измаилов, занимавшие позиции подле Тверских ворот и Трубы, бежали из ополчения прочь, опасаясь за свою жизнь.

Некогда Ляпунову удалось сплотить разнородные силы и повести на освобождение Москвы. Присяга Ажедмитрию разрушила хрупкое единство. Раскол, которого так боялся Ляпунов, стал совершившимся фактом. Переворот в Москве был осуществлен «черными людьми» Москвы и казаками. С помощью наемников боярское правительство с трудом предотвратило выступление этих сил в пользу калужского самозванца в конце 1610 г. С тех пор прошло полтора года. Столичные жители пережили неслыханную трагедию. Их город превратился в груды развалин. Ненависть народа к захватчикам и их пособникам удесятирилась. С помощью вновь воскресшего «Дмитрия» низы надеялись окончательно рассчитаться с лихими боярами.

Вождь ополчения Заруцкий оказался бессильным перед лицом стихии. Он подчинился восставшему народу, но попытался дать свое толкование акту присяги. Тотчас после переворота воеводы «холопы Митка (Трубецкой) и Ивашко Заруцкий» били челом «государыне» Марине Юрьевне и «государю царевичу» Ивану Дмитриевичу всея Руси. Заруцкий ориентировался не на Псков, а на Коломну, где находилась Марина Мнишек с сыном. Он исподволь готовил почву к тому, чтобы усадить на трон «воренка».

Переворот в пользу Лжедмитрия III получил поддержку в южных и северских городах, прежде примыкавших к калужскому лагерю. Там находилось немало атаманов и казаков, сражавшихся в армии Болотникова. На востоке власть псковского самозванца поспешили признать небольшие города Арзамас и Алатырь. Зато население таких крупных городов, как Казань, Нижний Новгород, Ярославль, Кострома, Владимир, восприняло избрание Лжедмитрия III как незаконный акт, противоречащий воле «земли». Борьба между сторонниками и противниками нового самозванца грозила взорвать национально-освободительное движение изнутри.

МИНИН И ПОЖАРСКИЙ

Первое земское ополчение лишилось самого выдающегося вождя в лице Ляпунова. Силы ополчения таяли, а авторитет стал катастрофически падать после провозглашения царем Лжедмитрия III.

Между тем Речь Посполитая и Швеция фактически заключили перемирие в Ливонии и все свои военные силы бросили против Русского государства. Руководители земского ополчения предпринимали отчаянные попытки к тому, чтобы одним ударом освободить Москву. Казаки неоднократно возобновляли штурм Китай-города. Но, однако, каждый раз отступали, истекая кровью.

По всей стране патриоты все больше начинали осознавать, что Россию не спасти без новых жертв и усилий. С почином выступили посадские люди Нижнего Новгорода.

Организатором и одним из руководителей Второго ополчения стал замечательный русский человек Козьма Минин. Его роль в освободительном движении была исключительной. Происходил Козьма из посадских людей. Его отец держал соляной промысел в Балахне. Со временем он переехал в Нижний Новгород. Не получив доли в соляном предприятии, сын завел мясную лавку и занялся торгом. Минин был немолод, когда нижегородцы избрали его земским старостой. Выборные городские посты обычно занимали те, кто располагал большими деньгами. В Нижнем таких было много. Но в лихую годину посадские избрали себе старосту не по деньгам. Козьма давно заслужил репутацию честного патриота.

Избрание в земские старосты Козьма воспринял как зов судьбы. С его приходом земская изба — административный центр города — стала подлинным оплотом патриотических сил. Вокруг Козьмы объединились все, кто не поддавался унынию. Обсуждая изо дня в день положение дел под Москвой, патриоты при-

шли к убеждению, что только организация новых крупных сил может оказать решающее влияние на исход битвы за Москву. Земские руководители решили обратиться к горожанам.

Наконец настал великий день. Минин «возопил» ко всему народу: «Если мы хотим помочь Московскому государству, — говорил нижегородский трибун, — то не будем жалеть своего имущества, животов наших: не то что животы, но дворы свои продадим, жен и детей заложим!»

Минин и его сподвижники умели хорошо считать и знали, что война требует больших денег. Земский староста подал пример согражданам, пожертвовав на дело ополчения все свои сбережения и добрую толику имущества. Собрав добровольные пожертвования, земская изба приступила к сбору чрезвычайного военного налога с населения.

Взявшись за организацию войска, посадские люди долго ломали голову над тем, кому доверить командование. Выборные земские власти прекрасно понимали, что успех затеянного ими дела будет зависеть от вождя, его популярности в армии и в народе. Посадские люди искали «честного мужа, кому заобычно ратное дело», «кто б в таком деле искусен» и, более того, в «которой бы то измене не явился».

В Смутное время немногие из дворян с воеводским чином сохранили свою репутацию незапятнанной. Кривыми путями шли многие, прямыми — считанные единицы. Нижегородцам было трудно сделать выбор и не промахнуться. Они решили полагаться лишь на свой опыт и искать подходящего кандидата среди окрестных служилых людей, лично им известных. Козьма Минин первым назвал имя Дмитрия Пожарского, и «мир» поддержал его выбор.

Вместе с Ляпуновым Пожарский в конце 1610 г. организовал Первое земское ополчение. Весною 1611 г. он возглавил борьбу против интервентов в Москве, без колебаний встав на сторону народа против семибоярщины. Тяжелая рана надолго оторвала князя от борьбы. Он находился в своей усадьбе в селе Мугреево Суздальского уезда на излечении, когда послы из Нижнего передали ему предложение возглавить земскую армию.

Сбор ратных сил отнял гораздо больше времени, нежели думал Козьма и его сторонники. Надо было как следует вооружить разоренных ратных людей и посадить их на добрых коней. Минин не жалел для этого земской казны. В Нижний потянулись служилые люди, стрельцы и казаки из разных мест.

Нижегородский совет с тревогой наблюдал за действиями казаков в подмосковных таборах. Переворот в пользу Лжедмитрия III грозил разрушить с трудом достигнутое единство

национальных сил. Земское правительство под Москвой и нижегородский совет готовились вступить в борьбу, подобно враждующим братьям. Нижегородцы предполагали созвать в Суздале новый совет всей земли, чтобы сообща избрать царя. Но вождь подмосковных таборов Заруцкий опередил их. Его отряды заняли Суздаль. Тогда Пожарский обратил взоры в сторону Ярославля. Отказавшись от похода к Москве кратчайшим путем через Владимир и Суздаль, рать Пожарского проделала круговой путь на Ярославль.

Признание «псковского вора» подмосковными полками Заруцкого и Трубецкого встретило решительное противодействие со стороны Второго земского ополчения. Минин и Пожарский обратились к городам с грамотой, доказывая незаконность избрания Лжедмитрия III.

Нижегородские полки вступили в Ярославль под звон колоколов. Посадские люди встретили воинов хлебом-солью. В тот праздничный день никто из людей не предвидел того, что «ярославское стояние» Пожарского продлится долгих четыре месяца.

Замосковные, волжские и поморские города посылали в Ярославль свои военные силы и собранную казну. Образовавшийся в городе совет фактически стал выполнять функции нового земского правительства. Смена власти сопровождалась, как обычно, хаосом и неразберихой. Но среди хаоса все выше вздымалась волна патриотического наступления. Именно она вынесла наверх Козьму Минина. Скромный горожанин стал душой нового правительства. Его титул выглядел необычно и внушительно: «Выборный всею землею человек».

Множество дел свалилось на плечи Козьмы и его ближайшего окружения. В течение короткого времени они заново организовали систему управления обширной территорией, отказавшейся признавать власть Лжедмитрия III.

Переворот в пользу Лжедмитрия III привел к размежеванию сил. Казаки остались под Москвой, дети боярские устремились в Ярославль. Сказалась общая перемена в настроениях русского дворянства. К весне 1612 г. семибоярщина не пользовалась и тенью прежнего влияния. Знать, прежде чуравшаяся земского движения, теперь заколебалась. Пожарский делал все возможное, чтобы сплотить вокруг Ярославля все национальные силы. Он охотно принимал в свой совет вчерашних сторонников семибоярщины и делал все, чтобы перетянуть к себе на службу казачьих атаманов с их станицами. Благодаря колоссальной энергии Минина и Пожарского все трудности были преодолены, новая армия сформирована и вооружена.

Новому земскому правительству неизбежно пришлось взять на себя дипломатические функции. Захватив Новгород, шведы начали готовиться к тому, чтобы занять Поморье. Чтобы отвести угрозу, Пожарский затеял с новгородцами переговоры о приглашении на трон шведского принца. Как только удалось заключить перемирие с «Новгородским государством» и обезопасить себя от удара с тыла, земское правительство немедленно отдало приказ о выступлении к Москве.

В то время как земские полки осаждали вражеский гарнизон в Кремле, пламя народной войны охватило многие уезды страны. Наиболее успешно отряды партизан действовали в зимнее время. Смоленская дорога оставалась в руках королевских войск, но передвижение по ней затрудняли как снежные заносы, так и действия русских партизан — шишей. Вооруженные чем попало крестьяне из ближних деревень храбро вступали в бой с хорошо обученными вражескими войсками. С опаской оглядывались на притихший заснеженный лес наемные командиры. Лесные чащи оживали, и мужики на лыжах с топорами и вилами в руках высыпали на большак. Они побивали солдат, забирали лошадей и повозки и исчезали так же быстро, как появлялись.

В подмосковных таборах казаки и «черные люди» имели возможность убедиться, что провинция решительно отказалась поддерживать Лжедмитрия III. Буйный пир сменился тяжелым похмельем. Заруцкий был достаточно искушенным политиком и понимал, что попытка навязать стране «псковского вора» может окончательно погубить власть первого земского правительства. По его предложению ополчение постановило послать в Псков новую делегацию с тремя сотнями казаков. Главой посольства стал Иван Плещеев, ближайший помощник Заруцкого. Бывший любимец «Тушинского вора», Плещеев признал Лжедмитрия III государем и целый месяц разыгрывал роль преданного слуги, исподволь подготавливая переворот. Улучив момент, казаки арестовали самозванца. В начале июля 1612 г. совет всей земли сложил присягу самозванцу. Недолгому царствованию лжецаря Сидорки пришел конец.

Вожди таборов Заруцкий и Трубецкой немедленно сообщили о происшествии Ярославль и предложили объединить свои силы. Но в ярославском совете взяли верх люди, отвергавшие какое бы то ни было соглашение с бывшим болотниковцем и тушинцем Заруцким. Оказавшись в безвыходном положении, Заруцкий подослал в Ярославль своих людей, поручив им убить Пожарского. Покушение не удалось. Авантюра Заруцкого обернулась против него самого. Давно прошло время, когда казаки многое прощали своему предводителю за его отчаянную храб-

рость и везение. По законам вольного казачества выбранный атаман считался первым среди равных. Некогда все так и было. Но со временем от равенства не осталось и следа. Казаки провели суровую снежную зиму в наспех вырытых землянках. Они жили впроголодь и вовсе обносились. Их же вождь не только не знал нужды, но и использовал трудную годину для беззастенчивого обогащения.

24 июля 1612 г. передовые силы Второго ополчения вошли в Москву с запада. Два дня спустя Заруцкий приказал казакам сняться с лагеря и отступить в Коломну. Но его приказ остался невыполненным. Атаману удалось увлечь за собой около 2 тысяч человек. Следуя патриотическому долгу, большая часть казаков отказалась покинуть позиции под Москвой.

Осажденный в Кремле гарнизон испытывал большие трудности с продовольствием. Король Сигизмунд III прислал на выручку гарнизону гетмана Яна Ходкевича. В свое время гетман наголову разгромил шведского короля и тем стяжал славу лучшего полководца Речи Посполитой.

Силы земских ратей под Москвой не поддаются точному исчислению. С Трубецким в таборах оставалось до 3—4 тысяч ратников. Войско Пожарского насчитывало около 10 тысяч воинов. К ополченцам присоединилось множество кое-как вооруженных людей. Осажденная в Кремле шляхта с насмешкой советовала Пожарскому распустить к сохам своих ратников. В ополчении под Москвой в самом деле было много крестьян и горожан, никогда прежде не державших в руках оружия. По феодальным понятиям, им не было места в армии. Но война в России приобрела народный характер. Ополченцев воодушевляло сознание высокой патриотической миссии. Они сражались за родную землю.

Подойдя к Москве по Смоленской дороге, армия Ходкевича заняла позиции на Поклонной горе.

Полк Трубецкого расположился в районе Крымского двора, выдвинув дозоры к Донскому монастырю. Пожарский направил свои разъезды к Новодевичьему монастырю. Опасаясь, что казаки не выдержат удара «литвы», он переправил на правый берег Москвы-реки им в помощь пять отборных дворянских сотен.

Поутру 22 августа конница Ходкевича переправилась через реку под Новодевичьим монастырем. Пожарский атаковал первым. Началось решающее для судеб государства сражение. Оно шло с переменным успехом. Пожарский пытался атаковать первым, но был отброшен польскими гусарами к Арбату. Ходкевич ввел в бой все свои силы. Одновременно раскрылись ворота

Кремля, и польский гарнизон сделал вылазку, ударив в тыл ополченцам. Вылазка была отбита с большими потерями для поляков. В решающий момент на помощь отрядам Пожарского прибыли конные сотни, ранее посланные им на правый берег Москвы-реки в распоряжение Трубецкого. Появление свежих сил решило исход сражения. Ходкевич отдал приказ об отступлении.

На рассвете 24 августа бой возобновился, на этот раз в Замоскворечье. Пожарский вывел конные сотни из крепости и завязал бой с польской конницей. Бой был жестоким, русские вынуждены были отступить за переправы через Москву-реку. Отряды Трубецкого отступили в другую сторону, к Лужникам. Польская пехота прорвалась через Серпуховские ворота в Земляной город и овладела казачьим острожком посреди Земляного города. Не теряя времени, Ходкевич ввел в острожек обоз с продовольствием, предназначенным для гарнизона Кремля. Собравшись с силами, казаки из войска Трубецкого, действуя на свой страх и риск, напали на обоз. В обозе вспыхнула паника, и казаки вернули себе острожек, захватив при этом значительную часть польского обоза. Наступил вечер. Исход битвы был все еще неясен. В этот момент Минин явился к Пожарскому и предложил предпринять последнюю атаку. Пожарский ответил согласием и поручил Минину возглавить атаку. Его решение вызвало поначалу общее удивление. Выборный староста не имел никакого боевого опыта, был в годах, летописец даже назвал его немощным. И все же он подходил для исполнения задуманного плана больше, нежели воеводы. После утренней неудачи ими владело чувство усталости и неуверенности. Зато Минин твердил, что победа близка. Его горячая вера заражала других. На просьбу дать людей князь Дмитрий кратко отвечал: «Бери кого хочешь». После недолгого смотра Минин отобрал три дворянские сотни, менее других потрепанные в утреннем бою. С такими небольшими силами он перешел вброд за Москву-реку и атаковал роты противника, стоявшие у Крымского двора. Атака явилась полной неожиданностью для наемников, и они обратились в бегство.

Заметив смятение среди врагов, перешли в наступление казаки из таборов и стрелецкая пехота. Разгром полевой армии Речи Посполитой в Москве стал поворотным моментом в освободительной борьбе русского народа. Отступление Ходкевича обрекло на гибель гарнизон Кремля.

Из 3 тысяч вражеских солдат гарнизона от голода умерло более половины. Прочие утратили боеспособность. Наемники дошли до последней степени деморализации и разложения.

Обезумевшие от голода гайдуки убивали и поедали друг друга. Мародеры проникли в дом главы семибоярщины Мстиславского и едва не убили его. Грабители, сами того не подозревая, оказали боярину неоценимую услугу. Пособник интервентов использовал этот инцидент, чтобы предстать перед соотечественниками в качестве жертвы.

22 октября 1612 г. осажденные вступили в переговоры с Пожарским, выдвинув при этом ряд условий. Казаки и народ не ждали толку от переговоров. Они ударили в колокола и бросились на штурм. Китай-город был взят. Остатки вражеского гарнизона в Кремле, поняв бессмысленность сопротивления, 26 октября объявили о сдаче.

Русские люди не сразу осознали значение случившегося. Когда же они убедились, что в сердце Москвы не было более ни одного вражеского солдата, их ликование не было предела. Из ближних слобод и отдаленных поместий тянулись к воротам Кремля одиночные жители и целые толпы. Вновь, как и прежде, били колокола на всех кремлевских звонницах. Со слезами на глазах люди обнимали друг друга, кричали, смеялись и пели. Полтора года Москва оставалась полем сражения. За это время жители привыкли поминутно ждать удара ядра и прятаться от обстрелов. Теперь сражение было выиграно.

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ

етом 1612 г. король Сигизмунд III завершил приготовления к новому походу в Россию. Он намеревался разгромить силы земского ополчения под Москвой и усадить на трон избранного Земским собором царя Владислава. В дни подготовки к походу окончательно решилась судьба царя Василия Шуйского и двух его братьев, ранее доставленных из России в Варшаву. В глубокой тайне Шуйских доставили в Гостынский замок. Содержали под крепкими караулами. Люди, видевшие в то время Василия, так описали его внешность: пленник был приземист и смугловат. Он носил бороду лопаткой, наполовину седую. Небольшие воспаленные глаза царя уныло глядели из-под густо заросших бровей. Нос с горбинкой казался излишне длинным, а рот чересчур широким на круглом лице.

Василия держали в тесной каменной камере над воротами замка. К нему не допускали ни его родственников, ни русскую прислугу. Князь Дмитрий Шуйский жил в каменном нижнем помещении. Братья имели неодинаковый возраст и обладали неодинаковым здоровьем. Но умерли они почти одновременно. Царь встретил свой смертный час 12 сентября 1612 г. Никто из близких не присутствовал при этом. Дмитрий скончался пять дней спустя. Тюремщики разрешили его жене и слугам наблюдать за агонией князя.

Страже запрещено было произносить имя узников. В акте о смерти Василия чиновник записал: «Покойник, как об этом носитися слух, был великим царем московским». Стремясь рассеять подозрения насчет насильственной смерти, составители акта записали: «Покойный жил около семидесяти лет». На самом деле Василию едва исполнилось шестьдесят. Его брат Дмитрий был на несколько лет моложе. Трупы умерших тайно предали земле, чтобы никто не догадался о местонахождении

могил. Младшего из трех братьев, Ивана Шуйского, палачи пощадили. «Мне, — говорил князь Иван позже, — вместо смерти наияснейший король жизнь дал». Помилowanному Шуйскому уготована была судьба таинственного узника. Он должен был забыть свое подлинное имя и происхождение. Отныне он фигурировал под именем Ивана Левина. Расходы на его содержание урезали до 3 рублей в месяц. Оставшиеся у него дорогие вещи были отобраны в королевскую казну.

Как ни старался Сигизмунд III спрятать концы в воду, слух о тайном преступлении достиг России. Московские летописцы нимаго не сомневались в том, что братья Шуйские погибли в Литве «нужной» (насильственной) смертью.

Как ни спешил король Сигизмунд III, его армия была готова к наступлению лишь глубокой осенью. В конце октября 1612 г. Сигизмунд еще ничего не знал о катастрофе, постигшей его гарнизон в Кремле. Однако и земское правительство не подозревало о появлении неприятельских сил на ближних подступах к столице. Весть об этом повергла его в замешательство.

Положение Москвы было достаточно трудным. По обыкновению, дворяне «в осенину» стали покидать полки и разъезжаться по поместьям. Тотчас после освобождения Кремля Пожарский и Трубецкий обратились к городам с отчаянным призывом о присылке провианта. Служилые люди, писали они, заступили Москву, не щадя голов своих, а ныне они на земской службе и помирают голодом. Чтобы разрешить продовольственные трудности, воеводы не препятствовали разъезду дворян. За считанные недели из 4 тысяч детей боярских в Москве осталось не более половины. Роспуск части войск не разрешил трудности. Столица не имела почти никаких запасов продовольствия на случай осады.

Едва переступив границу, Сигизмунд обратился с воззванием к московскому населению. Он вновь утверждал, что его войска несут России умиротворение и благоденствие. После трех лет кровавой войны его слова звучали как издевательство. На подходе к Москве король послал Мстиславскому извещение о том, что он отпустит Владислава на царство, как только бояре пришлют к нему послов для договора. Королевские воззвания вызвали гнев и возмущение в Москве. Сигизмунд давно растоптал московский договор. Он не выполнил обязательств Жолкевского насчет вывода войск и прекращения завоевательной войны. Его войска захватили Смоленск и северские города. Московские великие послы томились в королевских тюрьмах. Теперь Сигизмунд предлагал прислать новых послов.

19 ноября передовые отряды неприятеля прибыли в Рузу.

В их рядах находился окольный Мезецкий, бывший член боярского правительства. Ему отводилась роль посредника в переговорах с москвичами. Сигизмунд предусмотрительно захватил с собой низложенного патриарха грека Игнатия. Ему предстояло короновать Владислава в Успенском соборе в Кремле.

В Москве патриоты не допустили возобновления изменческих переговоров с захватчиками. Гонцы «царя» Владислава, явившиеся в столицу, были взяты под арест. На защиту Москвы поднялся народ от мала до велика. Низы инстинктивно чувствовали, что столицу могут спасти лишь самые суровые меры. В народе упорно толковали о том, что члены семибоярщины втайне готовы вновь сдать столицу королю. В руки поляков попал дворянин Философов из рати Пожарского. На допросе он сказал: «На Москве у бояр, которые королю служили, и у лучших людей хотение есть, чтобы просити на королевство великого господаря королевича Владислава Жигимонтовича, а именно де о том говорити не смеют, боясь казаков».

В момент опасности казаки и посадские люди ворвались в Кремль и попытались свести счеты с изменниками, которых они полтора года осаждали в крепости. Сидевший в Кремле князь Трубецкой и его дворяне вступились за бояр. Тогда казаки стали угрожать расправой самому Трубецкому. Дело едва не дошло до кровопролития.

Из Рузы отряд в 1200 всадников подступил к Москве и занял Тушино. Королевские наемники внезапно нагрянули в Ваганьково и попытались с ходу прорваться внутрь городских укреплений. Разгорелся кровопролитный бой. Наши, писал пленный полковник Будила, немало «поработали» с москвичами и пошли назад, как раз в это время казаки в таборах перебили больше всего наших несчастных осажденных. Самочинная расправа с пленными явилась следствием паники среди казаков. В таборах находилось примерно 700 пленных. Они ждали, что подоспевшие королевские войска освободят их с минуты на минуту. Казаки не могли выделить для их охраны сколько-нибудь значительных сил. Сотни одна за другой снялись из лагеря и ушли в западные предместья, где разгоралось сражение. Возникла опасность того, что пленные наемники разоружат малочисленную стражу и, захватив таборы, попытаются помочь своим. Поддавшись панике, казаки принялись избивать пленных.

Пожарский, как всегда, проявил выдержку и хладнокровие и не допустил расправы над вражескими солдатами, находившимися в его лагере.

В новой завоевательной войне короля на каждом шагу

преследовали постыдные неудачи. Его солдаты были отбиты от стен крохотной крепости Погорелое городище. Местный воевода то ли всерьез, то ли в насмешку посоветовал королю идти прямо к Москве. «Пойди под Москву, — сказал он, — будет Москва за тобою и мы готовы быть твои». Пока же воевода велел угостить незваных гостей огнем из всех орудий.

Бой в Ваганькове завершился отступлением королевских авангардов. Ходкевич имел уже однажды случай испытать силу ударов Пожарского. Поэтому он не искал генерального сражения. Вместо того чтобы как можно быстрее идти к русской столице, гетман пригласил Сигизмунда в свой старый лагерь в селе Федоровском, где он провел предыдущую зиму. Будучи в Федоровском, поляки получили доступ в Заволжье и другие районы страны, снабжавшие ополчение всем необходимым.

Позиция в Федоровском имела одно уязвимое место. На путях из Федоровского в Москву стояла крепость Волоколамск. Король отдал приказ взять ее любой ценой. Однако, невзирая на все усилия, наемники и тут не достигли ни малейшего успеха. Оборону Волоколамска возглавили казачьи атаманы Нелюб Марков и Иван Епанчин. Трижды королевские солдаты бросались на приступ и трижды откатывались, теряя убитых. Под конец казаки сделали смелую вылазку и отбили у неприятеля несколько пушек.

Со всех сторон захватчиков окружала стена ненависти. Окрестное русское население прятало хлеб и скрывалось в лесах. Все попытки наладить снабжение армии за счет реквизированного продовольствия потерпели провал.

Наступили сильные морозы со снегопадами, и фуражиры боялись высунуть нос из лагеря. Их страшил холод, еще больше партизаны. Народная война грозила захватчикам со всех сторон.

Непрерывные неудачи подорвали боевой дух армии, и 27 ноября Сигизмунд отдал приказ об общем отступлении. Переход до Смоленска оказался на редкость тяжелым. Морозы несколько раз сменялись оттепелями, снегопады — проливными дождями. Многочисленные речки и болота стали труднопроходимыми для обозов. Наемная армия бесславно бежала из России, теряя по пути людей, оставляя на дороге повозки и снаряжение.

Весть об отступлении вражеских полчищ вызвала ликование в Москве. Двухлетняя война на улицах столицы, неслыханные беды и мытарства — все это уходило в прошлое, как кошмарный сон.

Множество неотложных дел свалилось на плечи земского правительства. Надо было думать о снабжении продовольствием армии и столичного населения. В Москве оставалось около 2 ты-

сяч земских дворян, тысяча стрельцов, 4,5 тысячи казаков и несколько тысяч вооруженных москвичей из состава повстанческих отрядов. Зима грозила голодом неимущим повстанцам и казакам. Минин принимал энергичные усилия, чтобы удержать их в столице. Если казаки от голода с земской службы разойдутся, писал Пожарский в города, земскому великому делу учинится великая поруха: некому будет оборонять Москву.

Совет земли начал с упорядочения казачьей службы. Он постановил составить списки старых казаков, с тем чтобы отделить казацкое войско от «беспорядочных отрядов».

Казаки, попавшие в реестр, получили право на сбор кормов в назначенных им городах и уездах. Совет земли сохранил порядок, сложившийся в первом ополчении при Заруцком. Он поручил атаманам самолично руководить сбором кормов.

Старым казакам Козьма Минин выдал жалованье — на человека по 8 рублей деньгами и вещами. В земской казне наличности было мало, и потому молодые казаки, не попавшие в реестр, остались без жалованья. Но они не считали себя обделенными. Минин и Пожарский выполнили обещание, данное восставшему народу еще Ляпуновым. Вчерашние крепостные и кабальные люди, служившие в рядах земского ополчения, получили волю. Совет земли признал их заслуги перед освободительным движением и разрешил строить себе дома и жить либо в Москве, либо в других городах. Помимо того, их на два года освободили от уплаты долгов и царских податей.

В стране не стихала острая социальная борьба. Случалось, что по совету крепостных казаки громили дворянские гнезда. В Москве такие случаи вызывали панику. Помещики трубили повсюду о казачьем своеволии. В ноябре 1612 г. дворянин Философов говорил, не скрывая раздражения: «Во всем казаки боярам и дворянам сильны и делают, что хотят». Бояр не устраивало ни освобождение холопов за их ратную службу, ни «казачьи кормления». Но им пришлось помалкивать до поры до времени.

Взаимоотношения между новой земской властью и бывшей семибоярщиной оставались достаточно сложными и неопределенными. Минин и Пожарский выполнили обещание. Никто из великородных бояр не был подвергнут преследованиям. Однако по требованию народа власти арестовали предателя Федьку Андронова, думного дворянина Ивана Безобразова и несколько дьяков.

Козьма Минин взял на учет все имущество, найденное в Кремле, и принялся за розыск исчезнувшей царской казны. Лишь теперь он стал догадываться, почему полковники оставались в

Кремле в течение суток после сдачи бояр и почему они задержали при себе Андропова и нескольких других доверенных лиц. В отсутствие лишних глаз Струсь и его приспешники, как видно, отыскивали укромное место и оборудовали тайник, куда и спрятали остатки царской сокровищницы и прочее награбленное добро. Пожарский и Минин велели пытать дьяков, чтобы выяснить местонахождение сокровищ. Трое изменников умерли во время дознания. Федор Андронов имел влиятельных покровителей, и ему удалось бежать из-под стражи. Патриоты подняли на ноги всю Москву, чтобы отыскать королевского приспешника. Андронову не удалось скрыться от возмездия. Вторично попав на пытку, он указал тайник в Кремле, оборудованный им по приказу его хозяев. Из тайника извлекли старые царские короны, которыми во время раздела казны завладели отряды Струся и Будилы, и прочее имущество. Львиную долю найденных денег Минин истратил на жалованье земским дворянам и казакам.

Вожди земского ополчения не мыслили себе государства Русского без прирожденных бояр. Они не стали распускать думу, а лишь очистили ее от лиц, пущенных туда «литвой». Первостатейная знать с одобрением встретила эти меры земского правительства. Из Боярской думы были изгнаны, к общему удовольствию, окольные князья Звенигородские, князь Федор Мещерский, Тимофей Грязной, братья Ржевские, постельничий Безобразов. Боярина Ромодановского понизили из бояр в окольные. Чинов лишились бояре Иван Салтыков и Никита Вельяминов.

С освобождением Москвы от интервентов земские люди получили возможность приступить к избранию главы государства. В ноябре 1612 г. дворянин Философов сообщил полякам, что казаки в Москве стоят за избрание на трон кого-нибудь из русских людей, «а примеривают Филаретова сына и воровского калужского», тогда как старшие бояре стоят за избрание чужеземца. Казаки вспомнили о «царевиче» Иване Дмитриевиче в минуту крайней опасности. Сигизмунд III стоял у ворот Москвы, и сдавшиеся члены семибоярщины могли в любой момент вновь перевернуться на его сторону. За спиной «воровского царевича» стояло войско Заруцкого. Атаманы надеялись, что в критическую минуту давние соратники придут им на помощь. Но расчеты на возвращение Заруцкого не оправдались. В час испытаний атаман не побоялся развязать братоубийственную войну. Вместе с Мариной Мнишек и ее малолетним сыном он явился к стенам Рязани и попытался захватить город. Рязанский воевода Михаил Бутурлин выступил навстречу и обратил его в бегство.

Попытка Заруцкого добыть для «воренка» Рязань не удалась. Города давно выразили свое отрицательное отношение к кандидатуре «Ивана Дмитриевича». Агитация в его пользу стала стихать в Москве сама собой.

Без Боярской думы выборы царя не могли иметь законной силы. С думой избрание грозило затянуться на многие годы. На корону претендовали многие знатные фамилии. Со времени смерти царя Федора с претензиями на трон неизменно выступали князь Мстиславский и Романовы. Позже в избирательную борьбу включились Голицыны. Но Мстиславский слишком скромно оценивал себя прислужничеством интервентам. На возвращение Василия Голицына из польского плена не было никакой надежды. Место Василия в семибоярщине занял его брат князь Иван, действовавший заодно с Мстиславским. Ивана Голицына называли в числе возможных претендентов. Но сторонников у него оказалось немного.

Участники освободительного движения из числа дворян не прочь были бы видеть на троне кого-нибудь из хорошо известных им земских воевод. Среди кандидатов фигурировали князь Дмитрий Трубецкой и князь Дмитрий Черкасский. Крещеный кабардинец Каншов Мурза (Дмитрий Мамстрюкович) Черкасский мог похвалиться родством с семьей Грозного. У него были некоторые заслуги перед освободительным движением. Его популярность была, однако, не слишком велика. Дмитрий Трубецкой и Михаил Романов имели несколько большие шансы на успех. Но старшие бояре морщили носы, когда называли имена этих кандидатов.

Вожди земского ополчения настаивали на осуществлении приговора, принятого советом земли в Ярославле. Избрание главы государства, считали они, должно быть делом «всей земли». С начала ноября Минин, Пожарский и Трубецкой разослали десятки грамот по городам с извещением о созыве избирательного Земского собора в Москве. Местной администрации и населению предлагалось выбирать по десять человек «лучших, и разумных, и постоянных людей» и снабдить их «полным и крепким достаточным приказом», чтобы говорить им о царском избрании «вольной и бесстрашно». Раздор с семибоярщиной побуждал совет земли искать поддержку в самых разных слоях населения. Не только дворяне и духовенство, но и посадские люди, крестьяне дворцовых и черносошных волостей должны были прислать своих представителей в столицу.

Земские власти понимали, что в условиях продолжавшейся интервенции важно провести выборы возможно скорее. Первое заседание собора они назначили на 6 декабря 1612 г. Но к тому

времени в Москву прибыли лишь немногие выборные. Им мешали не только плохие дороги и дальность расстояния. Распоряжения Минина и Пожарского наталкивались на глухое сопротивление местной администрации. В городах воеводы не могли взять в толк, зачем понадобилось приглашать для царского избрания «чернь» — тяглых людей.

На «великом соборном совете» в декабре 1612 г. чины решили вызвать в столицу всех бояр и дворян московских, которые «живут в городах». Одновременно они постановили значительно расширить представительство от сословий. Прежде в столицу требовали по десять человек, теперь по тридцать. Двинянам велели прислать двадцать человек от горожан и чернососных крестьян, пять человек от стрельцов и пять от духовенства. Провинция, как всегда, раскачивалась с трудом. Она явно испытывала терпение столичных властей. Минин и Пожарский в конце концов прибегли к плохо скрытым угрозам, чтобы заставить провинциалов принять участие в царских выборах. «А если вы для земского обирания выборных людей к Москве к крещению не вышлете, — писали они, — и тогда нам всем будет мнить ся, что вам государь на Московском государстве не надобен; а где что грехом сделается худо, и то бог взыщет с вас».

Чтобы люди с дальних городов могли поспеть в столицу, открытие собора отложили на месяц. Когда наступили крещенские морозы, последняя отсрочка истекла, и Земский собор приступил к обсуждению кандидатов.

Прошло несколько дней, и избирательные страсти накалились до предела. Выборщики разбились на множество групп, и всяк ратовал за своего избранника. «Много было волнений всяким людям, — писали очевидцы, — каждый хотел по своей мысли делать, каждый про своего говорил». Не полагаясь на красноречие, кандидаты побогаче стали трясти мощной. Многие из вельмож, желавших царствовать, отметил летописец, подкупили людей, «дающе и обещающе многие дары». Даже про Пожарского говорили, будто он истратил 20 тысяч рублей, «докупаясь государства». То была пустая клевета, сочиненная его недругами много лет спустя. В дни собора никто не видел в князе Дмитриии искателя короны. Да и кошель его был пуст. Но многие вельможи вынули из тайников припрятанные деньги, полагая, что выигрыш перекроет любые расходы.

Вожди ополчения опасались, как бы внешние силы вновь не попытались вмешаться в избирательную борьбу. Мир на шведской границе был непрочным, и земским людям приходилось вновь прибегнуть к дипломатическим уловкам. В январе 1613 г. земское правительство отпустило из Москвы в Новгород некое-

го шведского агента. В свое время он был заслан в столицу Делагарди, но там попал в руки к казакам и содержался в таборах как пленник. По прибытии в Новгород агент сообщил шведским властям, что московские бояре склонны призвать на трон принца Карла-Филиппа. Можно подозревать, что земские воеводы, отпуская шведа, позаботились о том, чтобы снабдить его неверной информацией об избирательной борьбе в России. Опасность шведского вмешательства сохранялась, и князь Дмитрий Пожарский лишь продолжил игру, затеянную в Ярославле.

Одновременно со шведским агентом из Москвы в Новгород приехали два русских купца, сообщившие более точные сведения о русских делах. По их словам, казаки пожелали на царство Михаила Романова, но бояре отвергли его кандидатуру на соборе, только что созванном в Москве; да и сам Романов не согласился принять сделанное ему предложение; после всего этого бояре решили, что будут искать себе государя за рубежом.

Как видно, Мстиславский с товарищами не прочь был повторить трюк, к которому они прибегли после низложения Василия Шуйского. Тогда они навязали Земскому собору решение не выбирать на трон никого из российских подданных и тем нейтрализовали усилия Романовых и Голицыных, домогавшихся короны. Природные бояре не желали смириться со своим поражением и пытались использовать избирательную борьбу, чтобы вернуть себе власть. Но едва они обнаружили свои намерения, как в Москве поднялась буря возмущения. Еще в ноябре 1612 г. Минин, Пожарский и Трубецкой обратились ко всяким чинов людям в городах с запросом, пускать ли в думу и на собор князя Федора Мстиславского с товарищами. Прошло немногим более месяца, и ситуация прояснилась. Опираясь на волю соборных представителей, Минин, Пожарский и Трубецкой приняли беспрецедентное решение. В разгар избирательной кампании они обязали Мстиславского с товарищами немедленно покинуть столицу. Все земство поддержало акцию против бывших членов семибоярщины. «О том вся земля волновалась на них, — записал московский летописец, — чтобы им в думе не быть с Трубецким да с Пожарским».

Не желая окончательно рвать с думой, руководители собора повсюду объявили, что бояре разъехались на богомолье. Но очевидцы утверждали, что бояре принуждены были на некоторое время скрыться с глаз по той причине, что простой народ относился к ним враждебно из-за их сотрудничества с интервентами.

В отсутствие бояр Земский совет вынес постановление не принимать на трон ни польского, ни шведского королевичей, ни

служилых татарских царевичей, ни других иноземцев. То был первый шаг к принятию согласованного решения.

После освобождения Москвы князь Дмитрий Пожарский остался на Арбате. Он лишь перебрался из тесной избы в Воздвиженский монастырь. Зато Трубецкой торжественно переехал на подворье Бориса Годунова в Кремле. Он явно претендовал на пост правителя государства. Едва Мстиславский с товарищами покинул столицу, Трубецкой тотчас продемонстрировал земщине, кто является подлинной властью в столице. Совет земли и духовенство объявили о передаче ему в наследственное владение Важской земли.

Смута невероятно запутала поземельные отношения. Члены семибоярщины беззастенчиво использовали власть для личного обогащения. Если бы боярам удалось посадить на трон своего ставленника или вернуть страну к боярскому правлению, они получили бы возможность сохранить свои приобретения, частично или полностью.

На заре освободительного движения Земский собор постановил конфисковать земли у предателей бояр и одновременно не допустить чрезмерного обогащения бояр и воевод, возглавивших освободительное движение. Земские бояре не имели права владеть землями сверх оклада, установленного для всех бояр законными царями Иваном IV и Федором. Тушинские приобретения, превышавшие оклад, подлежали отчуждению в пользу неимущих патриотов-дворян. Этот закон, записанный в «конституции» 30 июня 1611 г., не был выполнен. Бывшая тушинская знать с Трубецким во главе не пожелала расстаться со своими богатствами. Подмосковное земское правительство, чтобы удержать знатных дворян в ополчении, раздавало им села и волости сверх оклада.

Князь Дмитрий Пожарский не пользовался милостями ни короля, ни «Тушинского вора». Более того, он поплатился землями за участие в московском восстании. Семибоярщина отняла у него одно из поместий. Пожарский явил подлинный пример бескорыстия, отклонив предложение Трубецкого о пожаловании ему волостей в дни ярославского стояния. Лишь по случаю победы он принял в награду новую «дачу», «что ему дали бояре и всюю землею как Москву взяли, в Суздале вотчины из дворцовых сел 1600 чети да поместья 900 чети».

Более всех преуспел в стяжаниях князь Дмитрий Трубецкой. Как глава тушинской «Боярской думы», он получил от «вора» вместе с боярским чином обширнейшие земли. К моменту освобождения Москвы он числился владельцем 12 596 четвертей земли новых пожалований («дач») в Рязани, на Мещере и в дру-

гих местах. Но ему и этого было недостаточно. Долгое время подлинным яблоком раздора в думе было Важское «наследное» княжество. Богатая Вага избежала разорения и притягивала алчные взоры бояр как магнит. Изменник Михаил Салтыков выхлопотал лакомый кусок у короля Сигизмунда. Земское правительство объявило о передаче земли «боярину» Заруцкому. Салтыков укрылся за рубежом, Заруцкий порвал с освободительным движением. Вага осталась без владельца, и Трубецкой потребовал ее себе. Мстиславский с товарищами всполошился. Важская земля далеко превосходила их родовые земли. Дума попыталась ограничить аппетиты Трубецкого. Тогда глава земского правительства энергично поддержал предложение удалить думских руководителей из Москвы.

Дарственная грамота на Вагу была составлена как соборный приговор. Трубецкой получил землю от духовенства, служивых «царей», бояр, стольников, дворян и детей боярских, гостей торговых и «всяких чинов людей Московского государства». Парадный экземпляр грамоты был украшен золотыми прописями. Но подписали документ лишь немногие дворяне и духовные чины. Сказался раскол, царивший в верхах освободительного движения. Земские бояре, получившие чины не в Тушине, а в Москве, демонстративно умыли руки.

Трубецкой располагал достаточной властью в столице, и церковники не думали ему перечесть. Дарственную грамоту скрепили престарелый митрополит Кирилл, троицкий архимандрит Дионисий, рязанский архиепископ Феодорит, хитрый Арсений и десяток чиновных монахов.

Церковники и земские воеводы вручили грамоту Трубецкому подле московских святынь в Успенском соборе. Торжественная церемония в Кремле готовила почву к избранию главы ополчения на трон. Грамота недаром начиналась со слов о том, что прежде Вагой владел царь Борис. Карьера Бориса не давала покоя Трубецкому. Он также метил из правителей в цари. Трубецкой имел видимые преимущества перед худородным Годуновым. Он происходил из рода великих князей литовских. В его жилах текла королевская кровь.

Трубецкой стал крупнейшим в государстве землевладельцем. Он не жалел сил и средств, чтобы обеспечить себе поддержку избирательного собора. Но он не обладал ни государственной мудростью, ни характером Бориса и проиграл игру.

Некогда Ляпунов обещал конфисковать все земли у изменных бояр и наделить землей в первую очередь разоренных мелких дворян. Трубецкой отказался от выработанного им курса. Совет земли аннулировал все приобретения и пожалова-

ния, сделанные от имени царя Владислава, но не тронул основных владений членов семибоярщины и их пособников. «А боярам, — сокрушенно говорили очевидцы, — всем отдали их вотчины и поместья старые». Оскудевшие земские дворяне и казаки не простили своему командиру ни попустительства в отношении предателей, ни страсти к обогащению. Они не желали видеть его на троне.

Земский собор заседал в Москве третью неделю. Близился конец января. Но земские чины, по словам очевидца — шведского агента, не пришли ни к какому соглашению. Круг кандидатов сузился, но ни одна партия не могла склонить на свою сторону большинство. Кандидатура Дмитрия Трубецкого вызвала на соборе резкие возражения. Многие люди открыто заявляли, что он попросту не способен править государством. В ходе обсуждения собор отклонил также и кандидатуру Михаила Романова. Шестнадцатилетний юнец не внушал никому особых симпатий. Очевидец государева избрания Федор Боборыкин писал, что земские чины и бояре не чувствуют уважения к Михаилу. Боярин Иван Никитич Романов всегда действовал заодно с Мстиславским и энергичнее других настаивал на приглашении наемников в Кремль. Шестнадцатилетний Михаил Романов находился при дяде в Кремле в течение всей осады. Он смертельно боялся народа и не помышлял о борьбе с захватчиками. Трубецкой, Пожарский и другие руководители собора решительно отвергали кандидатуру Романова. Но среди земских воевод были не только противники, но и приверженцы Михаила. В его пользу настойчиво агитировала романовская родня — воевода князь Иван Борисович Черкасский, Борис Салтыков, князь Иван Федорович Троекуров, дворяне Михалковы.

Голоса разделились. Ни один кандидат не мог получить большинства. Тогда кто-то из членов Земского собора предложил избрать царя тем же способом, что и патриарха: наметить трех кандидатов, бросить между ними жребий и посмотреть, кого бог пожелает дать им в государи. Большинство отвергло такое предложение. Тут же раздалось голоса, требовавшие не прерывать заседаний собора вплоть до вынесения общего решения — «завещание полагают, да не отступят от места сего прежд даже не избретца царь Московскому государству». Избирательная борьба вступила в критическую фазу.

2 февраля 1613 г. романовская партия добилась первого скромного успеха. Земское правительство направило в Польшу гонца, поручив ему добиться освобождения из плена Филарета, Василия Голицына и их товарищей. Филарет Романов принадлежал к числу крупнейших деятелей Смуты. Огромное честолюбие

в нем сочеталось с волей и характером. Ради заветной цели — овладения русским престолом — Филарет готов был употребить любые средства. Попытки свергнуть Годуновых привели его в монастырь. Из рук Лжедмитрия I монах поневоле получил чин митрополита, из рук Лжедмитрия II — сан тушинского патриарха. Фактически возглавляя тушинское правительство, Романов пытался руками самозванца свергнуть царя Василия. Когда это не удалось, он вступил в сговор с Сигизмундом III. Интриги Филарета ускорили падение царя Василия. Когда трон опустел, он поспешно сменил знамена и стал добиваться избрания на трон сына Михаила, из-за чего и оказался вскоре в польском плену.

Филарет Романов не был причастен к организации земского освободительного движения. Но он имел мужество выступить против решения семибоярщины о сдаче Смоленска и тем снискал себе популярность среди патриотов. Казаки хорошо знали Филарета по тушинскому лагерю, где тот подвизался на роли патриарха. Популярность Филарета благоприятствовала успеху агитации романовской партии на соборе.

Три избирательные кампании Романовых закончились поражением. Но каждая новая неудача понемногу приближала их к заветной цели. Москва привыкла к их имени. Многолетние усилия принесли плоды с запозданием, когда многим казалось, что звезда Романовых с пленением Филарета навсегда закатилась.

Прошло несколько дней после отъезда гонца в Польшу, и партия Романовых добилась новых успехов. Памятуя об избирательной кампании Годунова, приверженцы Михаила решили повторить его опыт. Они начали с наведения порядка в собственных рядах. Трубецкой и прочие земские власти бдительно следили за всем, что творилось в Кремле. Романовская партия не желала привлекать их внимания и созвала совещание на подворье Троице-Сергиева монастыря у Богоявления на Торгу в Китай-городе. Троицкий келарь Авраамий Палицын описал сборище как очевидец. На Троицкое подворье, отметил он, явились «многие дворяне, и дети боярские, и гости многих разных городов, и атаманы, и казаки». Имена главных инициаторов февральского совещания в точности не известны. Но их, видимо, следует искать среди тех, кто сподобился наибольших милостей сразу после воцарения Михаила. Таковыми были князь Иван Черкасский, князь Афанасий Лобанов, Константин Михалков, Владимир Вешняков.

Романовское совещание носило куда менее авторитетный характер, нежели давний годуновский сбор. В нем не участво-

вали ни бояре, ни видные земские воеводы, ни церковники. Высшие духовные иерархи не желали портить отношения с земским правительством, располагавшим реальной властью. Троицкий архимандрит Дионисий поддерживал тесную дружбу с Трубецким в течение всей московской осады. Но монастырь не желал рисковать своим будущим ради этой дружбы. Троицкие власти старались поддержать добрые отношения со всеми кандидатами, чтобы при любом исходе выборов остаться в выигрыше. В итоге архимандрит Дионисий остался в стороне от щекотливого дела. Зато его помощник келарь Авраамий принял на монастырском дворе всех сторонников Михаила.

Представители дворян, казаков и городов, собравшись у Богоявления, постановили добиваться избрания Михаила и разработали наказ, обосновывавший его права на трон. В отличие от писаной «хартии» в пользу Годунова наказ в пользу Михаила не блистал ни мыслями, ни литературными красотами. Его составителям недоставало писательских навыков, фантазии и времени. Они ограничились ссылками на то, что Михаил происходил от царского благородного племени, «понеже он хвалам достойного великого государя Ивана Васильевича законныя супруги царицы Анастасии Романовны родного племянника Федора Никитича — сын».

Участники совещания решили немедленно уведомить бояр и духовенство о своем решении и наметили лиц из своей среды, которым предстояло выступить на заседании избирательного собора.

Поутру 7 февраля 1613 г. собор возобновил свою работу в Кремле. Все очевидцы единодушно свидетельствовали, что почин выдвижения Романова взяли на себя выборные от казаков. Феодалы опасались санкций правительства и из осторожности избегали высказываться первыми. Казакам же терять было нечего. Они занимали низшую ступень в иерархии соборных чинов. Но за их спиной стояла большая часть столичного гарнизона, и их мнение власть имущие должны были выслушать волей-неволей. Москвичи четко понимали, что на соборе говорили «паче всех казаки, что быти Михаилу царем». Реальный факт превратился со временем в легенду о безвестном атамане со славного Дона, подавшем собору «выпись» о Михаиле. Сохранилось предание о выступлении на соборе от дворян некоего служилого человека из Галича. Он будто бы зачитал выпись «о сродстве царевице, како благочестивый царь Федор Иоаннович, отходя сего света, вручил скипетр и венец братану своему боярину Федору Никитичу». Давняя выдумка Романовых насчет последней воли царя Федора играла

на руку Романовым. Но в наказе соборных чинов эта выдумка, кажется, не фигурировала. Палицын и прочие участники совещания опасались повредить делу явной ложью, которую земские власти могли тотчас же разоблачить. Участник соборного заседания Авраамий Палицын сообщил вполне достоверные сведения о выступлении на соборе выборного земского гостя Смирнова Судовщикова, представителя Калуги и северских городов. Келарь не удержался от соблазна и приукрасил свое повествование ссылкой на чудо. По его словам, в «писании» Судовщикова об избрании Михаила «не обретется ни в едином слове разньствия» по сравнению с писаниями, поданными от имени дворян и казаков, «сие же бысть по смотрению единого всеильнаго бога». В дословном совпадении наказов конечно же не было ничего сверхъестественного. На совещании у Богоявления сторонники Михаила не только выработали общий наказ, но и постарались размножить его во многих экземплярах. Представители разных чиновных групп получили возможность говорить на соборе по одной и той же шпаргалке.

Шумный демарш сторонников Романова поначалу не произвел впечатления на земских руководителей. Многие из них высказали сомнение, вновь указав на молодость Михаила и его отсутствие в столице. Правитель Трубецкой и бояре предлагали отложить решение вопроса до того времени, когда претендент вернется в Москву. Но соборным чинам и народу надоели бесконечные проволочки, и приверженцы Романова пытались сыграть на их нетерпении. Келарь Палицын и прочие участники совещания предложили Земскому собору вынести обсуждение за стены дворца и узнать, что думает народ о кандидатуре Михаила. Трубецкой растерялся и не смог помешать романовской партии. Рознь в земском руководстве довершила его поражение. Боярин Василий Петрович Морозов открыто присоединился к приверженцам Михаила. Кажется, он руководствовался не столько симпатиями к Романовым, сколько враждой к давнему сопернику Трубецкому. Примеру Морозова немедленно последовали рязанский архиепископ Феодорит и архимандрит Новоспасского монастыря Иосиф. Романовы издавна были крупнейшими вкладчиками этого столичного монастыря.

В сопровождении келаря Авраамия и двух других духовных персон Морозов проследовал из дворца на Лобное место и обратился с речью к собравшемуся там воинству и всему народу. Свое выступление он закончил вопросом, достоин ли Михаил царства. Толпа отвечала громкими и нестройными криками. Шум толпы воспринят был очевидцами как общее одобрение.

На земское правительство народный опрос не произвел

большого впечатления. Под давлением Трубецкого и прочих воевод собор постановил отложить решение о царском избрании на две недели, а тем временем вернуть в Москву главу думы Мстиславского с товарищами. Как сторонники, так и противники Романова одинаково льстили себя надеждой на то, что старшие бояре помогут им расстроить замыслы другой стороны. Руководители избирательного собора считали, что решение в пользу Михаила не является окончательным, и категорически отклонили предложение о немедленном вызове претендента в столицу. Неясность в отношении Романова была еще столь велика, что собор, отпуская выборных в их города, поручил им тайно проведать, поддержит ли провинция его возможное избрание.

В назначенный день, 21 февраля, избирательный собор возобновил работу. В столице собралось множество выборных представителей земли: дворян, духовных лиц, посадских людей и даже государственных крестьян. Большой кремлевский дворец был переполнен. В дворцовых палатах с трудом разместились земские чины. Выборным поплоше — провинциальным священникам, горожанам, крестьянам — места во дворце не нашлось. По официальной версии, собравшиеся в общем порыве как бы едиными устами провозгласили царем Михаила Романова. Совершенно иначе трактовали дело осведомленные иностранцы. Шведские лазутчики доносили из Москвы, что казакам, ратовавшим за Романова, пришлось осадить Трубецкого и Пожарского на их дворах, чтобы добиться избрания удобного им кандидата. Новгородские власти также утверждали, будто казаки повлияли на выборы своим «воровством», без согласия бояр, дворян, лучших посадских людей. Польская информация как две капли воды походила на шведскую и новгородскую. Литовский канцлер Лев Сапега бросил в лицо пленному Филарету такую фразу: «Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки донцы».

В смысле недостоверности зарубежные версии и московские официальные декларации стоили друг друга. Воссоздать подлинные обстоятельства выборов 1613 г. помогают показания непосредственных участников собора — стольника Ивана Чепчугова и двух других дворян, попавших в 1614 г. в плен к шведам. Пленников допрашивали каждого в отдельности, и их рассказы совпадали между собой во всех деталях. Недавние выборщики начали рассказ с того момента, когда собор решил вызвать в Москву всех знатнейших бояр и думцев, прежде уехавших отсюда. Когда бояре вернулись, чины тотчас принялись обсуждать, как им лучше бы приступить к делу: «...выбрать ли

государя из своего народа или из иностранных государей». Расчеты Трубецкого оправдались. Мстиславский с товарищами, как и прежде, слышать не хотели о передаче короны незнатному в их глазах Мишке Романову. Речи насчет родства претендента с одной из многих жен Грозного вызвали у них одно раздражение. Возвращение руководства думы вернуло собор к давно пройденному этапу. Бояре вновь заговорили о приглашении иноземного принца. Терпению народа пришел конец. Едва весть о боярских речах разнеслась по Москве, казаки и «чернь» с большим шумом ворвались в Кремль и напустились на бояр с бранью. «Вы не выбираете в государи из русских господ, — кричали в народе, — потому, что хотите сами править и одни пользоваться доходами страны и, как случалось раньше, снова отдадите государство под власть чужеземца!» Особенно настойчивыми были казаки. «Мы выдержали осаду Москвы и освободили ее, — заявляли они, — а теперь должны терпеть нужду и совершенно погибать, мы хотим немедленно присягнуть царю, чтобы знать, кому мы служим и кто должен вознаграждать нас за службу».

Верхи собора объединились, чтобы как-то противостоять напору снизу. Трубецкой и Мстиславский говорили против Михаила в один голос. Боярина Ивана Романова задело предпочтение, оказанное его племяннику, и он усердно поддакивал Мстиславскому. Бояре поручили ему переговоры с народом. Иван Романов высказал толпе «некоторые затруднения», указал на молодость претендента и просил, ввиду его отсутствия, «отложить решение вопроса до его прибытия, чтобы можно было еще лучше подумать над этим».

Речи Ивана Романова не произвели никакого впечатления на народ. Толпа не желала расходиться, шумела и требовала, чтобы бояре и соборные чины в тот же час присягнули Михаилу Романову.

Пережив трагедию Смутного времени, народ все чаще вспоминал о старых законных царях. Все темное и жестокое, что было при Грозном, оказалось забытым. Вспоминались блеск и могущество царской власти, выдающиеся военные победы, казанское взятие. Многие наивно верили, что величие государства не возродит никто, кроме родни — пускай самой дальней — угасшей династии. Сторонники Михаила Романова построили на этом заблуждении всю свою избирательную кампанию. Призрачная популярность угасшей династии вынесла наверх ничем не примечательного человека, спутав все расчеты и прогнозы земского руководства. Монархические иллюзии в который раз сыграли дурную шутку с русским человеком.

Выступление казаков и вооруженного народа подтолкнуло выборы, положив конец расколу собора и распрям, которым не видно было конца. Благодаря вмешательству низов сторонники Романова окончательно забрали инициативу в свои руки и добились того, что члены Земского собора проголосовали за избрание на трон Михаила. Приказные наспех составили крестоцеловальную запись. Члены думы и собора тут же утвердили ее и приняли обязательство верно служить Михаилу, его царице, которой не было и в помине, и возможным детям. Они поклялись, что никогда не передадут трон ни литовским, ни шведским королям либо королевичам, ни боярам «из русских родов», ни Маринке и ее сыну.

Государство Русское переживало неслыханно трудные времена. Чтобы сладить с наседавшими отовсюду врагами и умиротворить страну, нужен был опытный вождь. Шестнадцатилетний Михаил менее всего походил на такого вождя. Но его избрание стало свершившимся фактом. Пришло время вызвать в столицу и самого кандидата. Миссия была важной, и собор выделил из своей среды приличную случаю депутацию. Мстиславский добился, чтобы ее возглавил Федор Шереметев, один из членов семибоярщины, более других скомпрометировавший себя сотрудничеством с Гонсевским.

Сохранились известия о том, что поляки заблаговременно узнали об избрании Михаила Романова и решили захватить его в плен, но крестьянин Иван Сусанин спас царя ценой собственной жизни. О Сусанине повествуют исключительно поздние и легендарные источники. Единственное достоверное свидетельство — летописная грамота царя Михаила 1619 г., выданная крестьянину Богдашке Сабину, зятю Сусанина. В грамоте сказано, что польско-литовские люди схватили Сусанина под Костромой (там располагались вотчины Романова) и стали допрашивать его, где Михаил. «Про то (где Михаил. — *Р. С.*) ведая» и терпя не(по)мерные пытки, Сусанин «про нас (Михаила. — *Р. С.*) не сказал» и «за то польско-литовскими людьми был замучен до смерти».

Предположение, будто король Сигизмунд III, узнав об избрании Михаила Романова на трон, сумел опередить представителей Земского собора и королевские отряды прибыли под Кострому для пленения Романова ранее Федора Шереметева, кажется фантастичным. Сигизмунд III с армией бежал из России, где продолжалась гражданская война. При русском бездорожье новости распространялись по стране и за ее пределами чрезвычайно медленно. Вплоть до 2 марта 1613 г. даже в Москве никто точно не знал, где находится претендент

на трон. Федор Шереметев получил наказ ехать за Михаилом не в Кострому, а в Ярославль или же «туда, где он, государь, будет».

По всей вероятности, Иван Сусанин, староста принадлежавшего Романовым села Домнина, спас не царя, а боярина Михаила Романова от одной из польско-литовских шаек, бродивших тогда по всей России. В этих шайках объединялись бывшие тушинские наемные солдаты и прочий сброд. Они грабили население, захватывали богатых людей, чтобы получить за них выкуп.

В глазах соотечественников Сусанин стал героем не потому, что спас своего боярина. В русской музыке и литературе его фигура приобрела значение собирательного образа патриота-крестьянина, пожертвовавшего жизнью для спасения родины.

В марте 1613 г. Федор Шереметев выехал в Ярославль, но в пути узнал, что Марфа Романова с сыном и двумя племянниками Борисом и Михаилом Салтыковыми находится на богомолье в Ипатьевском монастыре под Костромой.

14 марта 1613 г. представители Земского собора виделись с Михаилом в монастыре и нарекли его на государство. Сопровождавшие бояр архиепископ Феодорит, Авраамий Палицын и другие духовные лица передали Романову царский посох.

Прошло полтора месяца, прежде чем нареченный царь прибыл в столицу. Не только распутица задержала его в пути. Крайнюю тревогу в Костроме вызывали казанские вести. Утрата Новгорода и Смоленска подняла значение Казани как крупнейшего города после Москвы. Весной 1613 г. казанцы собрали рать и послали ее по приказу земских властей в столицу. Весть о царском избрании застигла казанских воевод в Арзамасе. Посланцы Земского собора хотели, чтобы ратники немедленно принесли присягу Михаилу, но предводитель казанцев дьяк Шульгин воспротивился присяге. Дьяк управлял Казанью с того времени, как народ по его указке убил Богдана Бельского, а Морозов ушел под Москву. Шульгин заявил: «Без казанского совета креста целовати не хочу». С ближайшими «советчиками» дьяк решил спешно вернуться в Казань. Выступление Казанского государства грозило поколебать позиции Романова. Поэтому власти постарались перехватить Шульгина в пути. Они снарядили погоню и арестовали дьяка в Свияжске. Позже его уморили в сибирской ссылке.

Пока царский поезд медленно продвигался к Москве, в окружении Марфы Романовой сформировался новый правительственный круг. Ранее других в него вошли Борис и Михаил Михайловичи Салтыковы, родня матери Михаила Романова. По

семейной близости они жили все вместе в Ипатьевском монастыре. Будучи озабочены вопросом о средствах к содержанию царской семьи и двора в разоренной Москве, родня Михаила образовала в царской ставке Приказ Большого дворца и поручила Борису Салтыкову управлять им. Михаил Салтыков стал кравчим. Близкий к Романовым Константин Михалков получил чин постельничего. Новые сановники проявили редкое нетерпение. По их наущению Михаил через три дня после наречения в Костроме потребовал, чтобы Трубецкой и бояре немедленно выслали ему «государеву печать». Бывшие члены семибоярщины воспрянули духом. Боярин Федор Шереметев не отходил от «самодержца» ни на шаг. Сразу вслед за Шереметевым в царскую ставку поспешил его шурин князь Иван Черкасский, двоюродный брат Михаила. Шереметев, Черкасский и Салтыковы постарались возможно скорее подорвать влияние земского правителя Трубецкого. Не к нему, а к Мстиславскому адресовали они царские грамоты в Москву. Составляя очередную грамоту, писец Земского собора по привычке писал было: «...мы, холопы твои, Дмитрий Трубецкой да Дмитрий Пожарский», но тут же спохватился и вычеркнул имена земских вождей. После 10 апреля 1613 г. все отписки из Москвы шли уже от имени «холопей Федора Мстиславского с товарищами». Боярская дума окончательно вступила в свои права.

Старица Марфа натерпелась голода в осаде и, прежде чем вернуться в Кремль, много раз запрашивала бояр, есть ли к цареву приезду во дворце запасы и откуда надеются их получить. Из Москвы отвечали, что ныне в государевых житницах запасов много. Такой ответ не мог обнадежить семью Михаила. Приказные составили роспись запасам. Оказалось, что хлеба и продовольствия в кормовых приказах так мало, что их не хватит даже на государев приезд, а денег «ни в котором приказе в сборе нет».

Как женщину практичную, Марфу беспокоил вопрос, найдет ли она приличное ее сану жилище в разоренном Кремле. На первых порах Марфа думала поселиться в деревянных хоромах вдовы Шуйского, а сыну прочила Золотую палату царицы Ирины Годуновой с сенями. Но бояре известили ее, что они приказали готовить для Михаила комнаты царя Ивана и Грановитую палату, а для Марфы — хоромы в женском Вознесенском монастыре, где жила прежде вдова Грозного Марфа Нагая. Те постройки, которые приглянулись матери Михаила, оказались разорены дотла. Палаты и хоромы в них все были без кровли. Лавок, дверей и окошек в них давно не было. Делать все пришлось бы заново, а деньги в казне отсутствовали, и плот-

ников в столице было мало, и лесу пригодного скоро было не добыть.

С того времени, как Михаил начал осознать мир, в его голову глубоко запал страх перед бунтующим народом. Два года осады внушили ему ненависть к «воровским» воеводам и казакам из земского ополчения. Знать, собравшаяся в царской ставке, старательно поддерживала его предубеждение.

Атаманы и казаки, прибывшие из Москвы в Кострому, чувствовали там себя неуютно. Когда Михаил на пути в Москву сделал остановку в Троице-Сергиевом монастыре, многие казаки уже разъехались из его ставки. В Троице государя встречала чуть не вся столичная знать, множество дворян и другие чины. Выступая перед ними, Михаил с гневом и слезами обличал казачьи грабежи. Романов говорил с чужого голоса. Его выступление инспирировали бывшие члены боярского правительства.

Мстиславский с товарищами ждал первый подходящий случай, чтобы удалить из столицы возможно большее число казаков и заменить их послушными стрельцами. В марте 1613 г. 2300 казаков перешли из Москвы в Калугу. Несколько казачьих сотен тогда же выступили в Псков.

Накануне прибытия царского поезда в столицу «холопы Митька Трубецкой и Митька Пожарский» запросили государя, в какой день и в каком месте прикажет он им и всем ратным людям ополчения встречать его и видеть его царские очи. Михаил прислал ответ не им, а всей Боярской думе. Соперничество между старшими боярами и земским правительством играло на руку новому «самодержцу». Оно мешало собору предпринять какие бы то ни было шаги к ограничению его власти.

14 апреля 1613 г. собор постановил составить утвержденную грамоту об избрании Михаила. За образец дьяки взяли годуновскую грамоту. Нимало не заботясь об истине, они списывали ее целыми страницами, вкладывая в уста Михаила слова Бориса к собору, заставляя иноку Марфу Романову повторять речи иноки Александры Годуновой. Сцену народного избрания Бориса на Новодевичьем поле они воспроизвели целиком, перенеся ее под стены Ипатьевского монастыря. Обосновывая права Романовых на трон, дьяки утверждали, будто царь Федор перед кончиной завещал корону братаничу Федору Романову. Старая ложь возведена была теперь в ранг официальной доктрины.

На изготовление грамоты ушло несколько недель. Подписание ее заняло значительно больше времени. В отличие от

Годунова Михаил не позаботился о том, чтобы собрать подписи у всех членов собора поголовно. Выборные из городов выделяли из своей среды грамотея — дворянина либо посадского человека, реже стрельца, и тот подписывал разом за всех представителей своего города и уезда. Советники царя не пригласили подписывать грамоту ни выборного человека ото всего Московского государства Козьму Минина, ни столичных гостей и посадских старост, ни атаманов и казаков из состава ополчения.

На коронации Михаила земские бояре тщетно пытались добиться признания их старшинства. Правитель Трубецкой пробовал местничать с самим Иваном Романовым, но его быстро одернули. Царь оказал честь дяде Ивану Романову, велел ему держать перед собой шапку Мономаха. Трубецкому пришлось довольствоваться более скромной ролью. Он нес скипетр. Пожарский также участвовал в церемонии коронации. Ему поручили держать золотое яблоко. Князь Мстиславский вновь оказался героем дня. Как самый знатный из бояр, он осыпал молодого царя золотыми монетами.

При всей вялости ума Михаил Романов понимал, что ему не видать было бы короны, если бы войско Пожарского не очистило Москву от вражеских отрядов. Члены собора и народ требовали признания заслуг выборного земского воеводы. Идя навстречу общему настроению, царь в самый день коронации объявил о пожаловании стольнику Пожарскому боярства. Но прежде стольника тот же чин получил князь Иван Борисович Черкасский. Порядок пожалования был глубоко символичен. Князь Пожарский возглавлял мартовское восстание в Москве, князь Черкасский помогал интервентам подавлять его. Позже Черкасский сражался с передовыми отрядами ополчения, но был взят в плен.

Козьме Минину более чем кому бы то ни было другому обязана была Москва своим освобождением. Совет ополчения по решению «всей земли» наградил его за московское взятие большой вотчиной на 1613 четвертей. Но новое окружение царя Михаила поглядывало на Козьму искоса. На коронации Минин не попал в число тех, кто исполнял почетные обязанности. Пожалование ему чина думного дворянина предусмотрительно отсрочили на один день. Власти положили выборному от «всей земли» 200 рублей в год. То был довольно большой оклад. Бояре расщедрились после того, как отказали Козьме в поместье. Между тем все дворяне получали главный доход как раз с поместий. Заслуги Минина перед казной не получили признания. Не он, а Траханистов получил чин казначея, возглавил Казенный приказ.

Многим казалось, что недалекому Михаилу не удержать венца на своей голове и что его постигнет участь Федора Годунова либо Шуйского. Однако острый социальный кризис миновал, и лишь в дальних углах земли еще слышались последние отзвуки гражданской войны. Смертельная опасность, нависшая над Россией, объединила патриотов. Народный отпор спас страну.

ЭПИЛОГ

Царь Михаил не слушал более советов Пожарского и других земских воевод. Последствия этого были печальными. Борьба за полное изгнание захватчиков с русских земель и освобождение Смоленска могла бы иметь успех, если бы русское командование направило на западные рубежи все свои силы. Но этого не произошло.

Минин и Пожарский старались не допустить одновременной войны с Речью Посполитой и Швецией, и их дипломатические усилия увенчались блистательным успехом. Отстранив их от руководства, правительство отказалось также и от выработанного ими внешнеполитического курса.

Сигизмунд III не отказался от планов завоевания России. Его войска вновь и вновь пересекали русские рубежи. Они сожгли Козельск, Болхов, Перемышль и показали у стен Калуги. Чтобы не допустить врага к столице, русское командование направило на запад земских воевод Дмитрия Черкасского и Михаила Бутурлина со значительными силами. Они отогнали неприятеля от Калуги, освободили Вязьму, Дорогобуж, Белую, а затем осадили Смоленск. Под Смоленском командование сосредоточило 12-тысячное войско. Ровно половину из него составляли казаки.

В разгар боевых действий под Смоленском правительство направило против шведов под Новгород князя Дмитрия Трубецкого с более чем пятитысячной ратью.

Старшие бояре давно добивались высылки недавнего правительства из столицы. Вместе с ним ушла из Москвы последняя тысяча казаков, некогда осаждавших Кремль. Мелочные интриги взяли верх над военными расчетами. Боевые силы ополчения были разделены и посланы по разным направлениям. Его испытанные вожди Минин и Пожарский не участвовали в военных действиях.

Распылив силы, русское командование не сумело освободить Смоленск. Армия Трубецкого отступила от стен Новгорода.

Прошло еще несколько лет, прежде чем смолкли выстрелы на шведской, а затем и на польской границе. Мир был неслыханно тяжелым. Швеция вернула России Новгород, но удержала в своих руках все течение Невы с прилегающими землями, лишив страну естественных выходов на Балтийское море. Речь Посполитая захватила Смоленск. Русское государство лишилось многих других пограничных городов и земель. Но столичные жители, как и все население страны, приветствовали мир.

Пятнадцать лет терзали Россию гражданская война и иноземные вторжения. На огромном пространстве от Ледовитого океана до южных степей лежали бесчисленные руины. Обезлюдели города и деревни. На долю древней столицы — Москвы — выпали едва ли не наибольшие испытания и жертвы. Но худшее было позади.

Утвердившись на престоле, Романовы жестоко расправились с попавшими к ним в руки самозванными царями и царевичами. Еще до освобождения Москвы земские люди захватили в Пскове Лжедмитрия III. Руководители ополчения поступили мудро. Вместо того чтобы казнить «вора», они посадили его на цепь в клетку для всеобщего обозрения. Всяк мог увидеть лжецаря и плюнуть на него. После воцарения Михаила Романова Лжедмитрий III исчез бесследно.

В дни Земского собора 1613 г. казацкое войско атамана Заруцкого стояло лагерем к югу от Рязани. При Заруцком находилась «царица» Мария Мнишек и ее сын «царевич» Иван Дмитриевич. Казаки надеялись, что их «царевич» займет московский трон под именем Ивана V Дмитриевича всея Руси. Избрание Романова покончило с их надеждами. Заруцкий бежал на Дон, но донские казаки отказали в поддержке младенцу «царевичу». Тогда Марина Мнишек и Заруцкий обосновались в Астрахани и затеяли переговоры с Персией, рассчитывая найти там прибежище. Местный воевода князь Хворостинин и «лучшие люди» города много лет поддерживали Лжедмитрия II, но теперь и они заколебались. В Астрахани возник заговор. Воевода готовился напасть на Заруцкого и захватить его вместе с его наложницей Мариной. Атаман упредил заговорщиков и казнил Хворостинина, а с ним многих астраханцев. Но вскоре ему пришлось покинуть крепость и бежать за Волгу. Там сопровождавшие Заруцкого казаки взбунтовались и выдали властям атамана с «царицей».

Романовы не пощадили своих врагов. Казацкого боярина Заруцкого посадили на кол. Младенца «воренка» Ивана Дмитриевича повесили. Коронованная «русская царица» Марина провела остаток дней в каменной башне Тульского кремля. Там она умерла от тоски и горя.

История самозванцев на этом не кончилась. В дни мирных переговоров поляки открыто грозили русским боярам новыми смутами и появлением еще одного «Дмитрия». «Хотя мы, помирьсь, из вашей земли и выйдем, — заявляли они, — но ваши казаки иного вора добудут, к нему наши воры пристанут, так у них и без королевича будет другой Дмитрий». Лжедмитрию IV, однако, не суждено было появиться на Русской земле. Зато по стране прошел слух о чудесном спасении «царевича» Ивана. Первые сведения о нем были получены русскими властями от шляхтичей из войска королевича Владислава. «Есть у них калужского вора сын, — записали русские чиновники речи шляхтича, — учится грамоте в Печерском монастыре, а на Москве повесили не его, его унесли казаки!» Прошло много лет, прежде чем в России были получены достоверные сведения о происхождении нового претендента на трон. «Царственного младенца», как оказалось, спасли не казаки, а поляки из числа соратников самозванца. Некий шляхтич в Москве, по его собственному признанию, замыслил подменить осужденного на смерть сына Марины Мнишек. План не удался, но интрига получила развитие. Взяв в дом младенца-сироту, сына погибшего в Смуту поляка, шляхтич по возвращении на родину выдал его за московского «царевича». Когда младенец подрос, покровитель объявил о нем на сейме. Сигизмунд III велел исследовать дело Льву Сапеге, после чего самозванец получил на содержание больше денег, чем некогда Отрепьев. Давний благодетель Лжедмитрия I Лев Сапега забрал Ивана Дмитриевича к себе в имение, а затем поместил в один из монастырей в Брест-Литовске для обучения грамоте и языкам. После подписания перемирия с Россией королевский двор утратил интерес к самозванцу. Содержание ему было сокращено с 6 тысяч до ста злотых. Московские послы многократно требовали выдачи «вора», но каждый раз получали отказ. В последний раз о нем вспомнили, когда самозванцу было больше тридцати лет. Он продолжал писать грамоты «о своем царевичевом жилище» и по примеру Отрепьева подписывал имя латинскими буквами. Королевские дворяне сами напоминали о нем москвитам, чтобы сделать их более сговорчивыми. «Если у вас (послов) сделки с панями не будет, — говорили они, — то у нас на Московское государство Дмитриевич с черкасами (запорожцами) готов». Король обещал заточить Ивана Дмитриевича в башню, поставить его в ксендзы, прислать в Москву на освидетельствование. На том все и кончилось.

Сколько бы беспокойства ни причиняли царю польские вести о самозванце, куда больше тревожили его настроения

собственного народа. Проходили годы и десятилетия, а московские люди все вспоминали о своем «добром Дмитрие», не хотели верить, что его нет в живых. Собираясь в государственном кабаке за чаркой, они пили за его здоровье, «чтоб де здоров был царь Дмитрий!». За такие речи недолго было попасть в застенки. Стоило произнести «Слово и дело государево», начинался розыск, никогда не обходившийся без крови. А крамольные толки все не прекращались. Вспоминая о родной Украине, служилые «черкасы» в 1622 г. тихо переговаривались подле рва на кургане у стен Коломны: «Царь де Дмитрий жив, объявился де он в Запорогах, платье де ему добыл русский казак, Васьюкою зовут, тому де будет семь лет». Непокойно было в рязанских деревнях. Мужики не забыли дней, когда они побивали воеводу царя Василия Шуйского. Ждали новых смут: «Быть де войне великой, — говорил один крестьянин другому, — что тушинский вор, который назывался царевичем, жив». Не было единомыслия среди русских людей. Одни поминали «царевича» добрым словом, другие, вынеся из Смуты жажду порядка, честили самозванцев последними словами. «От тех де было царей, которых выбирали в межусобную брань меж себя наша братья, мужики, земля пуста стала», — говорили те, кто не мог без ужаса вспомнить кровавую гражданскую войну.

Прошло четверть века после смерти в польском плену Василия Шуйского, когда там объявился еще один самозванец. Было ему лет тридцать с небольшим и прибыл он в окрестности Самбора «из черкас», с казацких окраин. Неделью спустя священник, к которому пришелец определился в работники, увидел на спине у него пятно, знак царского происхождения. Священник отвел «детинку» к архимандриту, а тот поспешил к воеводе. Неизвестный назвал «царевичем» Семеном, сыном Василия Шуйского, и рассказал незамысловатую историю. Украинские казаки якобы взяли его в плен, как поляки везли царя Василия в Краков, и с тех пор он скрывался в их сечах. Самозванцу дали содержание и укрыли в монастыре. Русские потребовали его выдачи, но ничего не добились. Прошел слух, что «царевича» выслали из Польши в Валахию, где господарь казнил его, а голову отослал в Москву. Русские послы энергично опровергли этот слух. Шуйский никогда не пользовался популярностью в народе, и московское правительство не проявило большой тревоги по поводу вестей о его сыне.

Появлялись и другие самозванцы, но им не суждено было сыграть исторической роли. Это доказывает, как мало они значили сами по себе. Буря, поднятая в России гражданской войной,

улеглась, и почва для самозванщины исчезла. Много «детей» и «внуков» Ивана Грозного появилось на свет в годы Смуты. И лишь один из них, самый последний, «царевич» Иван из Бреста, умер естественной смертью.

Земский собор положил конец состоянию гражданской войны. Но недруги продолжали опустошать обессиленную страну, крымские татары разграбили дотла южные уезды. Отряды пана Лисовского совершили рейд от Калуги ко Ржеву мимо Ярославля, Суздаля, Мурома, на Рязань и Тулу, а оттуда за рубеж. В те же самые дни шведский король Густав II Адольф собрал войска и вместе с русскими дворянами из «Новгородского государства», образованного под эгидой шведской короны, осадил Псков. Три месяца псковичи отбивали приступы шведской армии, после чего король вынужден был отступить.

Население Новгорода не желало мириться со шведским владычеством и уходило в московские пределы. Доходы шведской казны упали: с обнищавших новгородцев нечего было взять. Король Густав II Адольф готовился к войне с Габсбургами в сердце Европы. Он первым принял мирные предложения Москвы. В начале 1617 г. представители России и Швеции подписали вечный мир в деревне Столбово неподалеку от границы. Россия утратила земли в устье Невы и Наровы, служившие для нее естественным выходом в Балтийское море. Утрачены были Ижорская земля и Карелия. Но прочие захваченные земли — Новгород Великий, Старая Русса и Ладога — вернулись в состав Русского государства.

Мир со шведами был заключен вовремя. Из Смоленска в Россию вторглась армия королевича Владислава, отправившегося на восток, чтобы добыть себе шапку Мономаха. В ходе первой кампании поляки заняли Вязьму и осадили Калугу. В ходе второй кампании в 1618 г. они окружили русские полки в Можайске, а затем обрушились на Москву. Попытка штурма русской столицы не удалась, и королевич отступил к Троице-Сергиеву монастырю. Война разоряла народы России и Речи Посполитой. В Польше все громче звучали голоса в пользу немедленного заключения мира. Польский сейм отказался предоставить Владиславу деньги на продолжение боевых действий.

1 декабря 1618 г. договор о четырнадцатилетнем перемирии положил конец длительной и кровопролитной войне между Россией и Речью Посполитой. Сигизмунд III получил земли, некогда обещанные ему самозванцем. Территория Русского государства подверглась расчленению. К Речи Посполитой отошли Смоленская земля и Северская Украина. Королю доста-

лись не только захваченные его солдатами земли, но и крепости, отразившие все их атаки. Россия лишилась Смоленска, служившего ключом ко всей ее системе обороны с запада, и примерно тридцати других городов. Понадобилось несколько веков, чтобы великорусская народность обрела единство. Смута поставила под вопрос итоги объединительной политики.

Каким бы тяжелым ни был мир, с окончанием войны для России кончились дни лихолетья с его кровавыми междоусобиями, самозванцами и разрухой.

Прошли многие десятилетия, прежде чем Россия оправилась от катастрофы, пережитой в начале XVII в.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	5
<i>Глава 1. Истоки . . . . .</i>	10
<i>Глава 2. Начало карьеры . . . . .</i>	20
<i>Глава 3. Опричная трагедия . . . . .</i>	24
<i>Глава 4. Земский собор . . . . .</i>	31
<i>Глава 5. Террор . . . . .</i>	44
<i>Глава 6. Разгром Новгорода . . . . .</i>	51
<i>Глава 7. Путь вверх . . . . .</i>	68
<i>Глава 8. Отмена опричнины . . . . .</i>	74
<i>Глава 9. Хан на царском троне . . . . .</i>	86
<i>Глава 10. Последняя гроза . . . . .</i>	97
<i>Глава 11. Пора испытаний . . . . .</i>	103
<i>Глава 12. Гонения на бояр . . . . .</i>	121
<i>Глава 13. Учреждение патриаршества . . . . .</i>	132
<i>Глава 14. На границах государства . . . . .</i>	141
<i>Глава 15. Конец династии Калиты . . . . .</i>	147
<i>Глава 16. Правитель государства . . . . .</i>	164
<i>Глава 17. Закрепощение крестьян . . . . .</i>	168
<i>Глава 18. Земский собор 1598 г. . . . .</i>	175
<i>Глава 19. Кризис власти . . . . .</i>	196
<i>Глава 20. Голод . . . . .</i>	210
<i>Глава 21. Розыск о самозванце . . . . .</i>	218
<i>Глава 22. Похождения Отрепьева в Литве . . . . .</i>	228
<i>Глава 23. Признание «царевича» . . . . .</i>	232
<i>Глава 24. Вероотступник . . . . .</i>	239
<i>Глава 25. Вторжение . . . . .</i>	253
<i>Глава 26. Восстание в южных городах . . . . .</i>	269
<i>Глава 27. В путивльском лагере . . . . .</i>	276
<i>Глава 28. Смерть Бориса . . . . .</i>	285
<i>Глава 29. Мятеж под Кромами . . . . .</i>	290
<i>Глава 30. Московский поход . . . . .</i>	301
<i>Глава 31. Переворот в столице . . . . .</i>	304
<i>Глава 32. Бояре и самозванец . . . . .</i>	312
<i>Глава 33. Правление Ажедмитрия I . . . . .</i>	330
<i>Глава 34. Боярский заговор . . . . .</i>	340
<i>Глава 35. Гибель самозванца . . . . .</i>	346
<i>Глава 36. Царь Василий Шуйский . . . . .</i>	362
<i>Глава 37. Призрак воскрес . . . . .</i>	376
<i>Глава 38. Восстание Болотникова . . . . .</i>	386
<i>Глава 39. Осада Москвы . . . . .</i>	391

<i>Глава 40.</i> «Царевич» Петр	406
<i>Глава 41.</i> Законы Шуйского	411
<i>Глава 42.</i> Лжедмитрий II	415
<i>Глава 43.</i> Тульский поход царя	426
<i>Глава 44.</i> Падение Тулы	431
<i>Глава 45.</i> Превратности войны	443
<i>Глава 46.</i> Две столицы	449
<i>Глава 47.</i> Интервенция	452
<i>Глава 48.</i> Разгром под Клушином	460
<i>Глава 49.</i> Боярское правление	471
<i>Глава 50.</i> Смерть Лжедмитрия II	486
<i>Главы 51.</i> Освободительное движение	498
<i>Глава 52.</i> Лжедмитрий III	501
<i>Глава 53.</i> Минин и Пожарский	507
<i>Глава 54.</i> Династия Романовых	514
<i>Эпилог</i>	536

Руслан Григорьевич Скрынников

ЛИХОЛЕТЬЕ

Москва в XVI—XVII веках

Заведующая редакцией *Т. Митрофанова*

Редакторы *Ю. Александров, Л. Бузина*

Художник *А. Данилин*

Художественный редактор *М. Кудрявцева*

Технический редактор *Н. Калининичева*

Корректоры *Н. Кузнецова, Т. Семочкина*

ИБ № 4265

Сдано в набор 25.03.88. Подписано к печати 11.08.88. Л 77477.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Банни-
ковская». Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,62. Усл. кр.-отт.
32,78. Уч.-изд. л. 33,40. Тираж 100 000 экз. Заказ 3674. Цена
2 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Мос-
ковский рабочий», 121854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный
бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473,
Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

OCR - Давид Титиевский, март 2017 г., Хайфа

Р.Г. СКРЫННИКОВ

ЛИХОЛЕТЬЕ

МОСКВА В XVI-XVII ВЕКАХ

Время и герой – такова извечная проблема жанра исторической биографии. Там, где у историка мало фактов о личности героя, он обращается к изучению эпохи. Эпоха сформировала личность Бориса Годунова и трех самозванцев. В свою очередь и эти люди оказали воздействие на свое время. Сирота из заурядной дворянской семьи, правитель государства при царе Федоре Ивановиче, наконец властитель Российской державы – таким был необычный жизненный путь Бориса Годунова.

В средневековой истории России не было другого исторического деятеля, судьба которого была столь блистательной и столь трагической, как судьба Годунова.

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ